

ДЭВИД ЭНТОНИ ДАРЕМ

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

ГОРДОСТЬ КАРФАГЕНА

David Anthony Durham

PRIDE
OF CARTHAGE

МИДГАРД
Санкт-Петербург

Москва
2007

Дэвид Энтони Дарем

ГОРДОСТЬ
КАРФАГЕНА

МИДГАРД
Санкт-Петербург

Москва
2007

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
Д 20

© David Anthony Durham, 2005.
This translation is published by arrangement with
The Doubleday Broadway Publishing Group,
a division of Random House, Inc

Составитель серии *Александр Жикаренцев*

Д 20 **Дарем Д.**
Гордость Карфагена / Дэвид Энтони Дарем; [пер. с
англ.]. — М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2007. — 736 с. — (Исторический роман).

ISBN 978-5-699-20391-8

Это была эпоха, когда в кровопролитной схватке вновь сошлись Запад и Восток — на сей раз республиканский Рим, уже мечтавший об империи, и могучий Карфаген, притязавший на господство в ойкумене. Это была эпоха, когда вершили историю, сражались, терпели поражения и побеждали такие выдающиеся полководцы, как Гамилькар Барка, Ганнибал, Фабий Кунктатор и Сципион, за свои достижения прозванный Африканским. Это была эпоха, когда Рим оказался на грани краха, будучи поверженным при Тразименском озере и при Каннах, — и все же сумел устоять и нанести торжествовавшему противнику сокрушительный удар. Это эпоха Пунических войн, оживающая на страницах монументального романа Дэвида Энтони Дарема.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

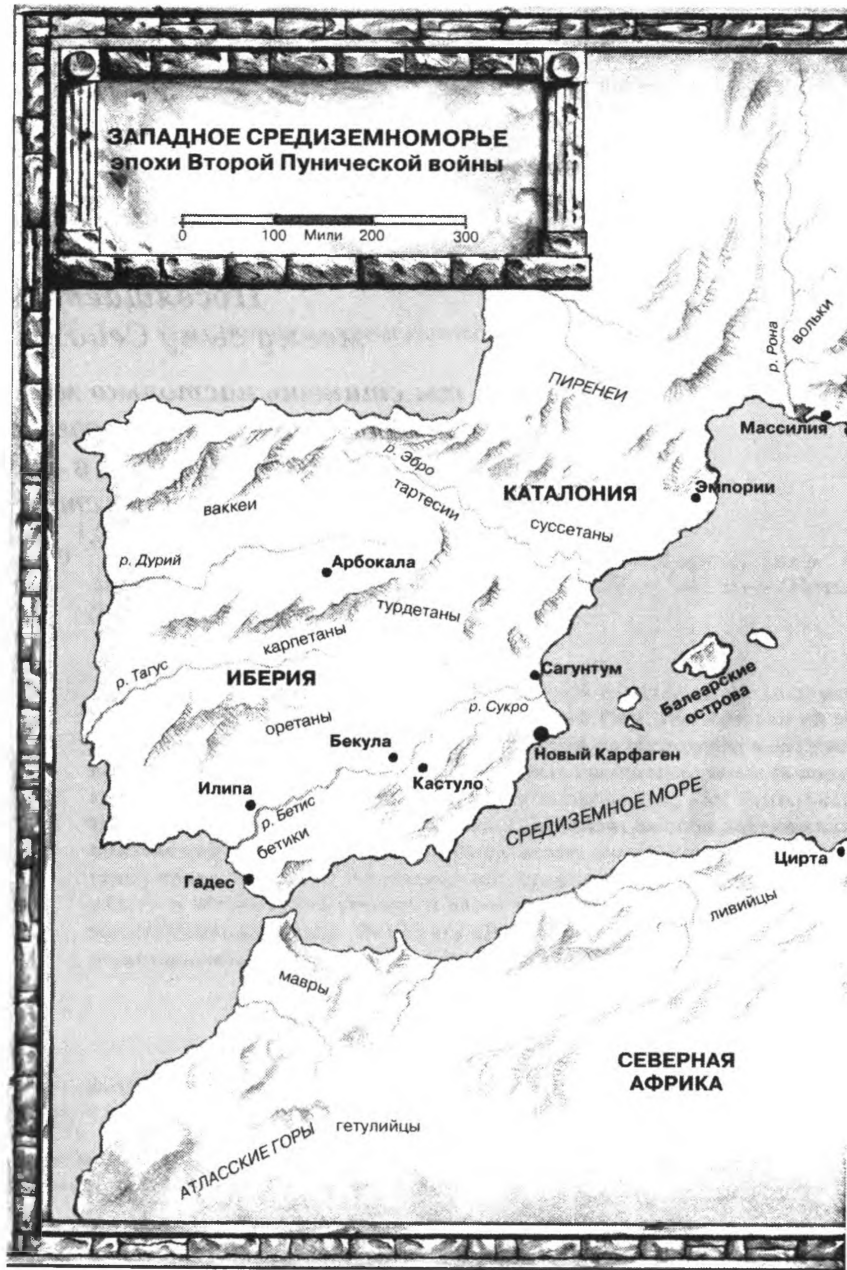
Все права защищены. Ни одна из частей настоящего издания и все издание в целом не могут быть воспроизведены, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации: электронным, механическим, фотокопировальным и другими, без предварительного согласования с издателями.

© С. Трофимов, перевод, 2007
© Текст. ООО «Издательство «Мидгард», 2007
© Оформление. Издание на русском языке.
ООО «Издательство «Эксмо», 2007

ISBN 978-5-699-20391-8

*Посвящается
моему сыну Сейджу*

Надеюсь, ты станешь настолько мудрым, что будешь соответствовать своему имени, и пусть твоя жизнь пройдет в мире, свободном от описанного на этих страницах безумия.

ПРОЛОГ

В свои шестнадцать лет Имко Вака был стройным парнем, с реденькой бородкой и губами, которые некоторые шутники часто сравнивали с устами кокетки. Лицо юноши подошло бы скорее поэту, чем воину. Тем не менее, он знал, что его сноровки в словах могло хватить лишь на короткую насмешку, добродушную шутку и тому подобные тривиальные вещи. Он считал, что поэтам следует обладать куда более серьезными талантами. Несмотря на то что он являлся гражданином Карфагена, его домочадцы, давно впав в бедность, переживали плохие времена, и Фортуна не желала выказывать к ним добрые чувства. Будучи единственным сыном среди пяти детей, он боялся, что судьбы его сестер могут оказаться печальными и постыдными. Посему его служба в карфагенской армии, воевавшей в Иберии, была не ответом на зов души, а попыткой обеспечить семью какими-то средствами к существованию. Как говорил его отец, вооруженный конфликт предоставляет человеку возможность выделиться из массы и улучшить семейное благополучие. К огромному удивлению юноши, именно это и произошло с ним в последний день осады Арбокалы.

Его отряд занял позицию вблизи готовившейся брешы. Пока боевой таран методично разрушал стену, Имко стоял и прикрывал щитом голову, защищаясь от стрел, сыпавшихся

вниз. Взгляд юноши метался по сторонам настолько быстро, что почти не регистрировал происходящего вокруг него — только последовательность отдельных впечатлений и картин: тонкие косички на затылке стоявшего перед ним мужчины, татуировку на плече другого воина, локтевой сустав и пульсирующую вену чуть ниже сгиба собственной руки. Солдаты толкались, занимая позиции; каждый искал место поближе к стене. Имко не разделял их интересов. Он мог бы даже отступить, но скопление тел позади него не позволяло такого маневра.

Когда стена рухнула, одна ее часть обвалилась внутрь. Но воинов сдерживал огромный фрагмент, который висел, цепляясь за края пролома. Имко был уверен, что погибнет под ним. Когда блок начал падать, он сместился, раздавив группу солдат, стоявших левее. Видя гибель товарищей, воины взревели от ярости. Этот лютый шквал звуков подтолкнул Имко вперед. Сначала шаг, за ним другой, вокруг большого куска стены и через следующий. Он вскарабкался наверх по нагромождению обломков, взобрался на широкую плиту и вдруг понял, что двигаться дальше некуда. Прямо перед ним лежал осажденный город. В мгновение ока он увидел защитников, толпившихся внизу, — доспехи, покрытые пылью; глаза подняты вверх; оружие выставлено вперед; острые наконечники копий, словно спина морского ежа. Чуть сзади лучники готовились выпустить стрелы. Имко не горел желанием идти вперед, но если так было нужно, он, по крайней мере, хотел бы иметь компанию. Юноша поднял руку, демонстрируя легкость подъема тем, кто остался позади. Беспечный злополучный жест!

Стрела пробила ладонь. Сила толчка отбросила руку назад, лишив его равновесия. Он упал вниз на груды обломков, прямо под ноги воинов, которые карабкались за ним по насыпи в проломе. Какое-то время жизнь Имко висела на волоске. Его топтали, пинали и сталкивали с пути. Кто-то на-

ступил на стрелу, вывернув ее из плоти — боль прошла по всему телу до самых пяток. Другой солдат сломал ему два ребра, ударив древком копья по груди, пока перебирался через его распростертое тело. К счастью, юноше удалось подняться на ноги и даже взглянуть из-за камней на завоеванный город.

Позже выяснилось, что он первым оказался на разрушенной стене Арбокалы. Офицер, объявивший ему о награде, очевидно, понимал печальный комизм ситуации. Однако честь героя все равно досталась ему. Тем вечером он пил вино, доставленное из захваченного города, ел хлеб из иберийских печей и пировал кусками оленины. Капитан отряда послал девушку в его палатку. Та оседлала избитое тело юноши, распласталась на нем и через несколько мгновений довела солдата до оргазма. Ее большие глаза смотрели на него спокойно, без эмоций. Дрожащим голосом Имко спросил ее имя, но проститутка уже закончила свою работу и не пожелала общаться с ним. Едва она выскользнула из палатки, к нему вошел другой посетитель.

На госте была нагрудная пластина пехотинца и темная туника под ней. В глаза бросались обнаженные мускулистые руки, широкие плечи и смуглое лицо, отмеченное особой мужской красотой. Имко прежде не встречал этого воина в лагере, но он сразу понял, что перед ним офицер. Юный солдат смутился и начал поправлять постельное белье, боясь показать нежданному гостю нечто большее, чем тот ожидал увидеть. Его сердце билось, словно птица в руках. Он чувствовал себя подлым обманщиком и был уверен, что мужчина тоже не считает его героем нынешней битвы.

— Так это ты удостоился чести? — спросил офицер. — Откуда такая жажда крови? Желание взять Арбокалу? Глядя на тебя, я не подумал бы, что ты способен на подобную отвагу, но в человеке важна его суть, а не внешность. Почему я не слышал твоего имени раньше?

Имко честно ответил на этот и другие вопросы. Юноша рассказал об истории своей семьи, о том недолгом времени, которое он провел вне Африки, об учителях и наставниках, о тоске по отцу и сестрам, о надежде, что его солдатское жалование облегчит их тяготы. За пять минут беседы ему удалось забыть о ранге гостя. Он принял его за полевого командира, которому по долгу службы приходится общаться с простыми пехотинцами. Мужчина слушал его внимательно. Такой благожелательности солдат не знал с тех пор, как покинул свой дом. И поэтому он не обиделся, когда офицер прервал его.

— Извини, но неужели ты из бедняков?

— Иберийские крысы питаются лучше, чем моя семья, — ответил юноша.

— Отныне нет. Мой помощник придет, и ты расскажешь ему о своей родне. В благодарность за твою храбрость я pošлю им дар, с наделом земли за стенами Карфагена, с домашними слугами и сотней рабов для полевых работ. Это облегчит их тяготы?

Юноша потерял дар речи, но ему удалось кивнуть. Мужчина улыбнулся и добавил:

— Нынешний день, который с твоей помощью привел к победе, указал мне путь к великим грядущим свершениям. Скажи, ты будешь сражаться так же храбро в следующей моей компании?

Имко еще раз кивнул, хотя его голова кружилась и гудела. Он понимал лишь, что ему задали вопрос, на который следовало ответить положительно.

— Вот и хорошо. У наших судеб много дорог, но ни одна из них не является такой прямой, как война. Запомни это, Имко Вака. Все пути ведут к смерти. Боги не оставили людям другого выбора. Но мы, по крайней мере, можем влиять на то, как будут выглядеть мгновения нашего бытия, и иногда жизнь сулит нам достижения, которые трудно оценить в самом начале пути. Подумай об этом.

Офицер повернулся, откинул клапан палатки и задержался на миг перед тем, как исчезнуть в ночи.

— Судьба не сдвинет перед нами стены без весомой причины, — сказал он напоследок.

С этими словами мужчина удалился. Позднее, после нескольких мгновений тишины, до Имко начал доходить смысл произнесенных слов. Полное осознание того, с кем он разговаривал, появилось не сразу, а медленно, будто наполняя его собой. Прежде он никогда не находился к командиру так близко, чтобы разглядеть его, но теперь ему было о чем рассказать. Его военачальнику, человеку, обладавшему властью над жизнями многих, немислимыми богатствами и почти бесконечной фортуной, еще не исполнилось и тридцати, а он уже стал гением войны — войны, которую, как говорили в армии, он хранил в своем теле рядом с сердцем. Ганнибал Барка.

Прошептав имя командира, юноша позвал слугу. Он попросил человека принести ведро, большую чашу, хоть что-нибудь — но только побыстрее. День преподнес Имко столько впечатлений, что последнее событие он уже не смог переварить. Его тошнило.

ЧАСТЬ 1: ПРЕЛЮДИЯ

В последние дни средиземноморской осени в столицу Римской республики прибыла делегация. Группа послов из города Сагунтума, находившегося в восточной Иберии, попросила аудиенции в Сенате. Когда их просьбу удовлетворили, перед сенаторами выступил муж по имени Грэмини. Он обвел зал выразительным взглядом и заговорил громким голосом — настолько картаво, что римлянам, сидящим на скамьях, пришлось наклониться вперед. Они следили за губами посла, стараясь уловить смысл его речи. Некоторые прикладывали к ушам согнутые ладони, другие морщились и жаловались на слишком уж неразборчивую латынь просителя. Но в конце концов сенаторы поняли суть его слов, и она была следующей: жители Сагунтума боялись. Они боялись за свое существование. Их город походил на драгоценный камень в оправе дикой страны, изобиловавшей распрямами и племенными конфликтами. Они были овцами, живущими по соседству с могучим волком. Имя хищника не являлось новостью, поскольку речь шла об алчущем Ганнибале из Карфагена, сыне Гамилькара Барки, заклятом недруге Рима.

Посланник заявил, что Римская республика напрасно отступилась от Иберии. Африканцы воспользовались этим обстоятельством и расширили свою империю. Они стали более грозными врагами, чем были в дни прежних сражений. Грэмини даже изумился вслух: неужели римляне забыли уроки

истории? Неужели они не помнят, сколько вреда причинил им Гамилькар Барка во время последней войны между Римом и Карфагеном? Не будут же они отрицать, что он ушел непобежденным и что конфликт завершился в пользу Рима лишь благодаря ошибкам других людей, стоявших вне контроля африканского полководца? А помнят ли они, что после этой неудачи Гамилькар не только подавил бунт наемников в своей стране, но и начал завоевывать Иберию? Благодаря его усилиям в Карфаген потекли потоки серебра, рабов и строительного леса — богатство, которое ежедневно пополняло сундуки заморского отечества.

Несколько лет назад, по щедрой воле богов, Гамилькар нашел свою погибель, но его зять Гасдрубал Красивый еще больше расширил владения и построил город-крепость Новый Карфаген. Ныне он тоже был мертв: хвала Фортуне, нож убийцы рассек его горло во сне. Однако Гамилькар воскрес в своем сыне Ганнибале, и тот вознамерился завершить миссию отца. Эти трое карфагенян покорили олькадов и разрушили их город Альтею. Они наказали ваккеев, захватили Салмантику и одержали верх в безжалостной войне с племенами, жившими вдоль рек Бетис, Тагус и даже Дурий. Не стоит забывать, что те несчастные обитали дальше, чем жители Сагунтума. Теперь Ганнибал отправился в новый поход на Арбокалу. Если город будет взят — а послы боялись, что это могло уже случиться, — то большая часть Иберии окажется под карфагенским каблуком. На полуострове останется только один крупный город — Сагунтум. А разве они не являются союзниками Рима? Другьями, которых призывали в тяжелые времена и которые помогали Риму в его бедах и горестях? Вот почему он стоит здесь перед ними и просит о решительной поддержке, так как в следующий раз Ганнибал позарится на Сагунтум.

Ответ дал сенатор Гай Фламиний. Этот уверенный в себе муж выделялся среди других римлян высоким ростом и «ежиком» черных волос, которые торчали иглами на голове,

словно он смазал их яичным белком. Сенатор пошутил, что жителей Сагунтума не назовешь с робкими овцами. Они представляют собой сплоченный народ, хорошо известный своей силой, жизнеспособностью и удалью в бою. Он также добавил — уже более резко, — что в пределах Средиземноморья имеется только один могучий волк, и он обитает не в Иберии, а на Тибре. Фламиний не ответил на вопросы иберийцев, но поблагодарил послов за веру и упорство. Сенат обещает рассмотреть их вопрос.

Услышав эти заверения, Грэмини поклонился, но поднял руку, показывая, что он еще не закончил свою речь. Он хотел бы подчеркнуть, что опасность, грозящая Сагунтуму, напрямую связана с верностью Риму. Коль эта верность окажется неоцененной, его безвинные соотечественники станут жертвами трагической несправедливости. Они всеми силами желают оставаться преданными Риму, и он искренне надеется, что республика честно выполнит свои обязательства, поскольку уже находятся люди, называющие граждан Сагунтума глупцами за столь великую веру, возлагаемую на латинского союзника. Грэмини закончил вопросом:

— Вы можете дать слово, что предоставите нам военную помощь?

— Вас еще никто не атакует, — ответил Фламиний. — Было бы неправильно планировать действия до возникновения конфликта.

Он заверил иберийских послов, что те могут возвращаться в Сагунтум в хорошем настроении. Ни один народ еще не пожалел — и не пожалеет — о том, что сделал Рим своим другом.

Получив заверения, Грэмини и сопровождавшие его лица удалились, чтобы приготовиться к обратному путешествию. Сенат, в свою очередь, озаботился вопросами, поставленными иберийцем, и провел в подробных и жарких дебатах весь вечер и следующий день. Сенаторы решили послать вестника к этому выскочке Ганнибалу Барке. Пусть его клетку как

следует встряхнут. Пусть он вспомнит о силе Рима и начнет вести себя соответственно. Тем не менее они не пришли к твердому согласию. Им приходилось учитывать ситуацию в других мятежных странах — в Галлии и Иллирии. Решение карфагенского вопроса могло подождать.

* * *

Приплыв в Иберию две недели назад, Магон, самый юный из братьев Баркидов, взял в привычку совершать по вечерам довольно интенсивные и длительные конные прогулки по окрестностям. Возвращаясь домой, он каждый раз останавливался на одном и том же холме и осматривал результат трудов его семьи. От вида на город захватывало дух. Новый Карфаген располагался на дальнем конце песчаной косы, больше похожей на остров, к которому тянулась рука суши, не позволявшая ему уйти от континента. Издалека казалось, что стены столицы с трех сторон возносились прямо из воды, и только узкая полоска земли соединяла их с большим полуостровом. Гавань создавала почти идеальную окружность вокруг города. Пальцы скал закрывали ей рот, направленный к морю. Две трети ее пространства имели темно-синий цвет, не отличаясь от глубоких вод вдали от берега; оставшаяся треть на южных окраинах города сияла чудесной бирюзовой синью, подсвеченной снизу каменистым и коралловым мелководьем, которое отражало свет солнца, словно вогнутая внутренность устричной раковины.

Созерцая этот вид в пятнадцатый раз, он уловил какое-то отличие. То было незначительное изменение, и ему потребовалось время, чтобы осознать его. Флаг, обычно реявший над крепостью, оказался спущенным. Отсутствовал и красный походный штандарт, который прежде развевался на ветру. Внезапно он увидел, как на флагшток подняли новый флаг. Тот изогнулся и затрепетал, не раскрываясь полностью. Од-

нако Магон знал, каким должен быть символ, изображенный на материи. Лев Карфагена! Герб Баркидов! Флаг означал, что его братья вернулись из похода, во время которого они подавляли бунт на северных территориях. Гонцы сообщили, что армию следует ждать в течение недели, но братья справились быстрее.

Всадник, посланный за ним, встретил Магона около южных ворот крепости. Он сообщил, что Ганнибал просит его прийти без промедления. Когда Магон спешил и направился во дворец, мужчина сказал:

— Не туда, мой господин. Иди за мной.

Путь занял несколько минут. Посыльный быстрым шагом провел его через главный двор, затем вниз по пролетам мраморной лестницы, через три-четыре небольших тоннеля и вверх по пологой рампе на городскую стену. За ней Магон увидел армию, входившую в город через северный проход. Его шаги замедлились, пока он любовался этим зрелищем.

Длинная широкая колонна тянулась вдаль через холмистый ландшафт, уменьшаясь на расстоянии, но по-прежнему оставаясь заметной на горизонте. Пехотинцы шли вольным строем — по своим отрядам и племенным сообществам. Кавалерия скакала по обеим сторонам колонны. Всадники кружили и галопировали на короткие дистанции, словно пастухи, сопровождавшие огромное стадо. Слоны шагали в боевом порядке, хотя и разделенные большими интервалами. Магон мог видеть ближних из них. Это были африканские слоны, поэтому погонщики сидели прямо за их ушами. Головы и торсы людей покачивались в такт медленной походке исполинских животных. Они что-то говорили слонам и изредка колотили своих подопечных палками, но то были, скорее, бессознательные жесты, потому что животные уже видели городские стены и чувствовали запах ожидавшей их пищи.

Магон повернулся и поспешил за посыльным, проталкиваясь через собирающуюся толпу. Ему приходилось двигать-

ся с большим проворством, чтобы не застрять. К тому времени, когда провожатый замедлил шаг и, оглянувшись, посмотрел на Магона, они уже спустились с городской стены. Вскоре оба оказались в темном коридоре. Здесь было сыро и прохладнее, чем на открытом воздухе. Вдоль одной стены тянулись кучи старой соломы, сметенной из стойл. Едкий запах мочи заставил Магона отвести лицо в сторону. Он хотел спросить посыльного, зачем тот привел его сюда — по ошибке или в шутку. Но тут из-за угла в конце коридора выглянула голова, а затем появилось и тело: к нему навстречу вышел Ганнон, старший брат, второй после Ганнибала. Магон обогнал посланника и побежал вперед, протягивая руки для долгожданного приветствия. Но Ганнон отстранился. Он лишь сжал пальцами бицепсы брата и быстро кивнул. На этом все закончилось. Он посмотрел в глаза Магона и сурово сжал губы в тонкую линию.

— Делегация римлян, — сказал Ганнон. — Они прибыли прямо перед нами. Это не то возвращение домой, которого мы ожидали. Ганнибал согласился их принять. Идем.

Он повел брата в смежное помещение. Несмотря на чисто выметенный пол, почти без остатков соломы и навоза, оно представляло собой обычную конюшню, со стойлами вдоль одной из стен. Помещение освещалось факелами и косыми лучами солнца, бившими в проем ворот, за которыми начиналась площадка для объездки лошадей. По обеим сторонам прохода стояли воины Священного отряда — особая охрана, поклявшаяся защищать генералов нации. Их щеки и верхние губы были чисто выбриты; аккуратные холмики бакенбард доходили до самых подбородков. Они замерли друг напротив друга, сложив руки на груди и устремив холодные взгляды прямо перед собой.

В центре конюшни было установлено кресло с прямой высокой спинкой и с боковыми изогнутыми крыльями, которые скрывали профиль сидящего человека. Руки мужчины

покоились на подлокотниках. Костяшки пальцев выглядели большими и мозолистыми. Коричневые ладони казались еще более темными от некоей мази, нанесенной на кожу. К сидевшему пригнулись несколько человек, которые о чем-то тихо переговаривались. Одного из стоявших за креслом Магон узнал по видимой части лица и плеча. Когда тот поднял голову, стали видны мясистые щеки, квадратная нижняя челюсть и шишковатый лоб, увенчанный черной пеной вьющихся волос. Несмотря на хмурый вид, мужчина, как только заметил вошедших, быстро улыбнулся. Это был Гасдрубал, третий из сынов Гамилькара Барки. И Магон сразу понял, что в кресле сидел Ганнибал — его старший брат.

Когда юноша устремился к ним, Ганнон придержал его за руку. Он кивнул на проем ворот, в котором появились пять фигур. Они стояли, поглядывая друг на друга, осматривая конюшню и делясь мыслями по поводу увиденного. Один из них покачал головой и плюнул на землю. Другой, судя по всему, решил уйти. Однако третий человек остановил их умиротворяющим жестом руки. Он снял с головы украшенный гребнем шлем, зажал его под сгибом локтя и зашагал по проходу. Другие неохотно следовали за ним — пять силуэтов в лучах дневного света.

— Мы с тобой займем позицию справа от Ганнибала, — прошептал Ганнон. — Гасдрубал и переводчик будут слева. Согласен, для официального прием выглядит странным, но как бы там ни было, мы хотим, чтобы ты предстал перед римлянами как один из нас.

Они оба приблизились к креслу. Магон по-прежнему не видел лица старшего брата. Гасдрубал кивнул ему и прошептал какие-то слова, но юноша не расслышал их. Затем все молча повернулись к визитерам. Их застывшие лица не выражали никаких эмоций.

Лидер делегации остановился в нескольких шагах от кресла и встал, широко расставив ноги. Хотя он не носил меча,

его одеяние выдавало в нем воина. Цвет кожи был едва светлее, чем у карфагенян, однако разница в происхождении не вызывала сомнений. Широкоплечий и коренастый, он уступал карфагенянам в росте — не меньше чем на половину головы. Один край его рта был изогнут старым шрамом. Вероятно, рана плохо зажила и оставила после себя рваный след. Взгляд посланника переходил с одного Баркида на другого, изучая каждого из них. Наконец он сосредоточился на сидящем в кресле.

— Ганнибал Барка, — произнес римлянин, — командир карфагенской армии в Иберии. Меня зовут Теренций Варрон. По приказу Сената я привез тебе сообщение из Рима.

Посланник замолчал и взглянул через плечо на мужчину, который стоял позади него. Тот откашлялся и начал переводить латынь Варрона на карфагенский язык. Но тут же был прерван малоприметным жестом, который тем не менее заметили все. Ганнибал поднял палец над подлокотником. Его запястье изогнулось в не совсем понятном движении, затем перст указал на человека, стоявшего за креслом. Этот юноша, голова и руки которого были полностью закрыты простым плащом, являлся личным переводчиком командира. Он продолжил официальное представление.

— Приветствую тебя, Теренций Варрон, — ответил Ганнибал через своего переводчика. — Ознакомь нас с посланием.

— Ты собираешься говорить со мной здесь? — спросил Варрон. — В конюшне?

Один из сопровождавших его мужей издал раздраженный вздох и осмотрел подошвы сандалий, испачканные навозом.

— Позволь мне напомнить тебе еще раз, Ганнибал Барка...

— Мне сообщили, что ваша делегация хотела встретиться со мной безотлагательно, — перебил его командир на карфагенском языке. — Я только что вернулся из покоренной Арбокалы. Буквально час назад, как вы знаете. Я устал и не мыт. Под моими ногтями все еще чернеет кровь врагов. Но, несмотр-

ря на это, я бросил все дела, чтобы выслушать ваше настоящее сообщение. Вероятно, передав его мне, вы тут же оседлаете коней и помчитесь с моим ответом обратно в Рим. Не волнуйтесь о сандалиях. Если нужно, мы снабдим вас новыми.

Он жестом велел солдату, стоящему у ворот, исполнить порученное. Смущенный юноша торопливо вышел из конюшни.

— Вам понравятся наши сандалии, — пообещал Ганнибал. — По удобству и выделке им нет равных.

Посланник Рима оглянулся и строго посмотрел на своего переводчика, требуя объяснить происходящее. Выслушав его, он снова повернулся к полководцу.

— Сенат озабочен тем, что некоторые из наших иберийских союзников напуганы действиями карфагенской армии.

Ганнибал тихо хмыкнул, выражая недовольство поднятой темой. Посланник сделал вид, что не заметил. Город Сагунтум, напомнил он, всегда был другом Рима и как таковой находился под защитой республики. Ранее, во времена Гамилькара и Гасдрубала Красивого, Рим относился к Карфагену с большим великодушием, не ограничивая его экспансию в Иберии. И ныне в своих делах с Ганнибалом римляне ведут себя с такой же сдержанностью. Но это не означает того, что они забыли условия предыдущих соглашений. Они по-прежнему верны договору, заключенному с Гасдрубалом, по которому сфера карфагенского влияния ограничивалась южным берегом Эбро. Римлянам известно, что семейные и племенные связи некоторых иберийских союзников Карфагена тянутся дальше указанной границы, и по этой причине они пока смотрят сквозь пальцы на незначительные нарушения соглашений. Но Рим не будет стоять в стороне, если Сагунтум окажется под угрозой. И республика настаивает на прекращении любой активности за пределами Эбро. Любой! Сенат хочет, чтобы молодой командующий твердо уяснил это на тот случай, если безвременная смерть предшественника посеяла сомнения по этому поводу.

Когда переводчик умолк, Варрон обернулся и ироническим взглядом дал понять своим спутникам, что переходит к сути сообщения.

— В связи с вышеизложенной позицией Рим требует, чтобы Ганнибал свел свои дела к мирным отношениям с союзными племенами, не создавал близ Сагунтума новых поселений и не вмешивался в споры данного региона. Рим требует, чтобы ни один карфагенянин или союзник Карфагена не пересекал границы Эбро по той или иной причине. Кроме прочего, Рим требует...

— Достаточно! — проговорил Ганнибал.

Он произнес это слово на латыни — негромко, но так, что оно заставило римлянина замолчать. Полководец наклонился вперед, впервые показав Магону свой профиль. Глубоко посаженные глаза прятались в тени под нависшими бровями рядом с острым изогнутым носом. С его подбородка, как и у всех солдат Священного отряда, свисал шишак волос, обвитый лентой. Он прикоснулся пальцами к бороде и, казалось, выжал из нее ответ.

— Мне больше не нужно твоих «кроме прочего». Ты изложил свою мысль. Хочешь знать, что я отвечу?

Варрон собрался с храбростью. Он был сбит вмешательством в его речь и, видимо, испытывал трудности при непосредственном обращении к Ганнибалу на латыни. Ему даже пришлось прочистить горло перед тем, как ответить.

— Поскольку меня прервали, я не закончил то, что должен был сказать.

— Да и так уже все понятно...

Ганнибал встал с кресла и сделал шаг вперед. Он был на голову выше римлянина. Согнув несколько раз оголенные руки, он покрутил плечевыми суставами и энергично, до хруста, пошевелил нижней челюстью. Его внешний вид удивил Магона. Физически он никак не изменился: Ганнибал всегда поддерживал хорошую форму и сверх меры закалял себя дис-

циплиной. Но теперь в его движениях появились свобода и утонченность, хотя разговор ему явно не был приятен. В глазах отражалась задумчивость. Он прошелся перед послем, рассматривая деревянные стойла, грязный пол конюшни и эмблему на щите одного из солдат Священного отряда. Затем командующий взглянул на Магона и кивнул, отмечая его прибытие.

— Откуда взялась эта басня о дружбе между Римом и Сагунтумом? — спросил он, снова переходя на карфагенский.

Молодой переводчик едва успевал за его напористой речью.

— В каком договоре отражены ваши братские отношения? Мне кажется, что этот город стал другом Рима совсем недавно — возможно, только на словах и с единственной целью. Давай поговорим начистоту об истоках вашей симпатии друг к другу. Рим недоволен процветанием Карфагена. Вы считали нас побежденным народом и вдруг обнаружили, что мы преуспеваем. Мы пришли в эти края, укротили дикие народы и обрели богатства, ожидавшие нас здесь. Вот почему вам не удается. Рим всегда источает ненависть, когда в руках карфагенян, словно по волшебству, появляются серебряные монеты. Будь искренним и признайся, что тебя привели ко мне зависть и алчность, а не забота о защите какого-то города. Спор о Сагунтуме — лишь повод для открытой вражды между нами.

Ганнибал замолчал. Когда его слова были переведены, римлянин быстро ответил:

— Союзный договор между Сагунтумом и Римом хранится в архивах Сената. Наша дружба хорошо известна и не может подвергаться сомнению.

— Прекрасно, — не дожидаясь перевода, произнес Ганнибал. — Тогда продолжим разговор.

Вместо этого он подошел к ближайшему стойлу. В ответ на его шаги из тени появилась голова коня. Расширив ноздри, лошадь потянулась к руке человека. Ганнибал привет-

становал животное щелчком языка, затем погладил гриву, проверил уши коня и провел рукой по длинным ресницам. Когда он снова заговорил, его голос звучал несколько рассеянно.

— Мое второе замечание касается римского вмешательства в нашу сферу влияния, — сказал Ганнибал. — Сагунтум со всех сторон окружен племенами, лояльными Карфагену. Жители этого города непрестанно нападают на наших союзников — турдетан. Только в нынешнем году они убили вождей трех кланов. И, спрашивается, за что? Неужели небольшие племена могли угрожать Сагунтуму — и Риму, соответственно? За какие проступки они были распяты? Я задаю вопрос, но не ожидаю твоих объяснений, потому что у тебя не может быть ответа — во всяком случае, честного.

Он отвернулся от коня и посмотрел на римлянина.

— Как, ты сказал, твое имя?

— Теренций Варрон.

— Позволь мне поведать тебе, Теренций Варрон, о том, что ты наверняка не знаешь о сынах Карфагена. Мы помогаем оскорбленным и униженным людям. Данной нам силой мы защищаем друзей от тиранов. Я не доволен бесчестностью Сагунтума. Я попросил их возместить ущерб, который они нанесли своими злодеяниями. Но вместо этого ты приехал сюда с обвинениями, как будто я уже захватил Сагунтум, пленил его лидеров и пригвоздил их к крестам. Ты должен понимать, что это глупо. Возвращайся в Рим и передай мои слова своим хозяевам. Возвращайся в Рим и скажи им, что, выслушав твою речь, я дал такой ответ...

Ганнибал набрал воздух в легкие и несколько мгновений сохранял молчание. Затем он сделал продолжительный выдох через расслабленные губы, так что те затрепетали от потока воздуха. В ответ из соседнего стойла раздался схожий звук. Один из солдат Священного отряда засмеялся, но, спохватившись, замер с окаменевшим лицом.

— Какой ответ? — спросил посланник.

— Ты можешь воспроизвести этот звук? Такой, как у жеребца, которому надоело жевать траву? Повторяй его на всем пути к Риму и, представ перед Сенатом, воспроизведи как только сможешь — отчетливо и громко. Вот так...

Он снова сымитировал конское фырканье — на этот раз более протяжно и реалистично. Варрон посмотрел на него с неприкрытым изумлением. На лице посланника не осталось и следа от бывшего высокомерия.

— Ты хочешь поссориться с нами?

— То, чего хочу я, сейчас несущественно, — ответил Ганнибал. — В расчет войдут только те события, которые могут произойти. По отношению к ним Ганнибал является лишь одним из миллионов умов, простым человеком пред множеством богов. Мы ничем не нарушили наше слово. Вот ответ, который я мог бы дать тебе. Я говорю с тобой честно. Наверное, дерзко, да, но мысль моя понятна. У нас с Сагунтумом имеются разногласия. По воле Ваала, они могут решиться мирно. Но следует понять, что причины будут устранены так или иначе. Молись своим богам, чтобы все обошлось. Прощай. Желаю вам счастливого пути.

Встреча завершилась. Ганнибал повернулся и заговорил с Гасдрубалом и с другими братьями, напоминая им о том, что следовало сделать вечером. Во-первых, нужно было позаботиться о животных, вернувшихся из похода; во-вторых, выделить провизию для солдат и горожан, чтобы те могли отпраздновать триумфальное возвращение армии. Недовольные римляне переглядывались друг с другом. Они быстро собрались в группу и начали шептаться, обмениваясь мнениями. Судя по всему, Варрон хотел снова обратиться к командующему, но один из советников удержал его за локоть. Послы неохотно направились к выходу. Пять фигур вновь прошли по длинному проходу конюшни и растворились в пепельно-сером свете зимнего дня.

Как только римляне ушли, Гасдрубал похлопал брата по спине. Ганнибал покачал головой и рассмеялся.

— А я не перегнул палку с этим фырканьем? Как думаешь, он передаст Сенату мой ответ?

— Хотел бы я взглянуть на их лица, если он это сделает, — произнес Гасдрубал. — Но, Ганнибал, смотри! К нам приехал еще один юный лев.

Он кивнул на Магона. Повернувшись в указанном направлении, Ганнибал шагнул к младшему брату.

— Слава богам, что он здесь! И теперь он получит должные почести!

Пройдя через свиту советников, командующий приблизился к Магону, обнял его и похлопал по спине. Магон узнал характерный запах: тяжелый и острый, но в то же время сладкий. Юноша почувствовал, как вьющиеся локоны брата коснулись его лица. Щетина на подбородке Ганнибала царапнула его плечо, и он на миг едва не задохнулся от силы объятий. Немного затянувшаяся пауза подсказала ему, что брат воздал безмолвную хвалу Ваалу.

— Магон, ты просто не знаешь, как ликует мое сердце при виде тебя, — все еще обнимая его, произнес Ганнибал.

Голос брата, звучавший чуть громче шепота, был наполнен эмоциями.

— Прошло столько времени. Надеюсь, что твое обучение стоило этих лет разлуки. Я знаю, наш отец хотел, чтобы ты воспитал свой ум. Но мне часто не хватало твоего присутствия.

Когда Ганнибал отступил на шаг, к Магону подошел Гасдрубал. Он шутливо коснулся кулаком подбородка юноши, затем ткнул его в ребра быстрым боковым ударом и через миг завершил свое приветствие крепкими объятиями. Магон приподнял голову над его плечом и сказал:

— Я приехал служить тебе, брат. Хотя не ожидал найти в твоей конюшне римлян.

— И я не ожидал, — ответил Ганнибал. — Но не будем забывать, что все происходит по воле Ваала. В воздухе витают великие предвестия, возможности и призывы богов к героическим действиям. Поэтому подобные негаданные встречи вполне естественны. Эй, слушайте...

Он простер руки в стороны и замахал ими, призывая братьев к себе.

— Разве это не чудесный момент? После стольких лет разлуки все сыновья Гамилькара наконец-то собрались вместе! Завтрашний день сулит нам многие славные дела во имя Карфагена и в честь нашего отца...

В этот момент в конюшню вошел солдат, отправленный за сандалиями. Он робко прижимал к груди свою ношу. Ганнибал захохотал.

— Мы позволили нашим гостям уйти без обещанной обуви! Какая жалость! Тогда давай одну пару мне. Чего только не натерпелась мои ноги на севере. А вторую пару дай моему брату. Пусть это будет первым подарком из многих последующих.

Он взял сандалии и похлопал ими по груди Магона.

— Я должен позаботиться о вернувшихся, — сказал командир. — Они потрудились сверх меры и посему заслужили награду. Сегодня вечером... Сегодня мы будем восхвалять богов. Мы позволим армии праздновать победу. И скоро я открою вам то, что запланировал для нас.

* * *

К наступлению сумерек вся работа была завершена. Часом позже офицеры, вожди и сановники, куртизанки, виночерпии и люд для забав стали собираться в большом банкетном зале — в огромном помещении, с высоким потолком и стенами, выкрашенными в ярко-красный цвет африканского заката, через который мчались черные силуэты львов. Го-

сти попадали в обстановку, дрожащую от боя ручных барабанов, звона цимбал и ритмов трещоток. Столы располагались у самой земли. Подушки подпирали спины гостей. Для комфорта толстые ковры были сложены в несколько слоев. Вина разных сортов предлагались с невиданной щедростью. Мальчики, моложе двенадцати лет, сновали в толпе, с кувшинами, в которых плескалась рубиновая жидкость. Им велели наполнять все кубки, независимо от желания гостей, и они выполняли эту обязанность с детским энтузиазмом.

Вожди и их советники прибывали на пиршество волна за волной. Слуги двигались в унисон — возможно, подчиняясь мелодическим ритмам, незаметным для постороннего слуха. На каждый стол перед гостями выставлялось блюдо с крупной рыбой, разинувшей рот. Слуги разрезали ей гладкий бок по всей длине брюха. Просунув пальцы внутрь, они помогали рыбе породить еще одну — на этот раз, с красной кожей — а та, в свою очередь, оказывалась вместилищем для жареного угря, из которого вынимали длинную и скользкую связку миниатюрных осьминогов, новорожденных, размером с виноградины, так и просившихся в рот. Так за несколько мгновений одна рыба превращалась в букет океанической роскоши, и каждая следующая из них имела свою специфическую приправу и была приготовлена на особый манер, прежде чем ее помещали в живот другого морского существа.

Обнаженные мужчины, уравновесив вертела на могучих плечах, вносили в зал жареных кабанов. Туши, в их обуглившемся великолепии, возлагали на догорающие угли. Эти массивные щетинистые твари даже в нынешнем смиренном состоянии выглядели как существа, помещенные на землю странным и безумным богом. Гости отхватывали ножами куски и покачивали жирными подбородками, наслаждаясь сочным мясом, которое было пропитано дымным сладковатым запахом, оставлявшим на нёбе томительный вкус. Среди всех этих лакомств, словно разноцветные соцветия, стоя-

ли небольшие блюда с фруктовой пастилой и жареными овощами, а рядом возвышались чаши с оливками и с девственно чистым растительным маслом.

Таким был пир для офицеров, вождей союзных племен и храбрых солдат, отличившихся во время кампании. Сам командир, как было хорошо известно, почти не прикасался к деликатесам подобного рода. Гурманство Ганнибала, в основном, проявлялось в тех его чертах, которые в кругу военных считались достоинствами: чистая совесть перед лицом боли, мук и смерти; непреклонная дисциплина и холодный рассудок в мгновения, когда его приказы означали жизнь и смерть для тысяч людей. Он упражнял свое тело даже в свободное время: прогуливался, когда мог отдыхать; стоял, составляя или читая письма; ходил в сандалиях со свинцовой подошвой; во время тренировок надолго задерживал дыхание — эта малоприметная привычка делала его выносливым выше возможностей многих людей. Его брат Гасдрубал обладал таким же мощным телосложением. Но он упражнялся лишь для похвальбы на публике, и о его любви к увеселениям ходили целые рассказы. О пределах закалки Ганнибала можно было только догадываться, а вот о его умеренности знали все. Он никогда не пил вина больше половины кубка, не наедался до пресыщения, не спал дольше первых мгновений зари и всегда вставал перед рассветом, чтобы обдумать грядущий день. Он отдавал предпочтение постному, а не жирному; простой одежде, а не роскошным нарядам; твердости земли, а не мягкости своей дворцовой постели. Кроме того, Ганнибал ценил свою жену превыше других женщин, что являлось настоящим отклонением от нормы для мужчины в расцвете сил, который правил юными рабынями, служанками и проститутками, женами и дочерьми людей, обожавших его или питавших какие-то амбиции. Он мог бы выбирать наложниц среди тысяч красавиц, захваченных у покоренных племен, однако командир не делал этого. Он сохранял себя лишь для того, что считал действительно важным.

Тем не менее, даже зная все это, многие гости обиженно за-протестовали, когда командир поднялся, чтобы покинуть за-столье. Он быстро ушел, оставив братьям свою часть удоволь-ствий на пиру, который постепенно окрашивался в тона раз-врата. Чуть позже, уже в своей спальне, Ганнибал вышел на балкон с видом на город, полюбовался игрой света от множе-ства костров и прислушался к приглушенным крикам пья-ных солдат, веселившихся на улицах. Он принимал проис-ходящее со спокойствием, которое не задевали ни радость, ни довольство, ни гордость и которое нарушалось только тем, чему он не мог дать названия. Несмотря на прохладу ночи, командующий был одет лишь в тонкую мантию. Шелковая ткань окутывала плечи и спадала к ногам на полированные каменные плиты.

Покои за его спиной освещались светом факелов. комна-та походила на роскошный музей восточных тканей и резь-бы по красному дереву. Низкие тонконогие столики никогда не оставались пустыми, никогда угощения не застаивались. Казалось, что столики порождали фрукты и напитки прямо из собственных недр. Творцы иллюзии скрывались в тенях и углах помещения. Эти стройные слуги присутствовали здесь всегда, но они были настолько бесстрастными и непримет-ными в своей работе, что объект их услуг не утрачивал чув-ства абсолютного уединения. Очаг, обогревавший комнату, впечатлял размерами. В его открытый зев могла бы помес-титься лошадь. Но, как и на пиршестве, ничто в оформлении и богатстве покоев не трогало сердце Ганнибала. Излишества неотъемлемы для той роли, которую он исполнял. И они были даром для женщины, которая обещала ему бессмертие.

Хотя он считал накидку излишне роскошной, ему нрави-лось прикосновение тонкой ткани. Закрыв глаза, Ганнибал сконцентрировался на тепле очага за спиной и на прохладе ночи, овевавшей лицо. Он ощущал движение воздуха, выхо-дившего из комнаты и поднимавшегося в небо над его голо-вой. В этом потоке было что-то пьянящее, словно он тоже мог

вознестись вместе с ним на крыльях ночи, взглянуть вниз на город, а затем осмотреть весь мир с высоты богов. Ганнибал даже видел внутренним взором эту странную кружащуюся сферу, недоступную для взоров людей. Он смотрел на картину творения с такого расстояния, что существа под ним двигались без звука, без страстей и мелочных желаний, настолько мелкими и неразличимыми они казались сверху.

Он открыл глаза, но все вокруг него было прежним — город, ночь и мраморный балкон под открытым небом. Лунный свет струился вниз, окрашивая тунику, скалы и мерцавшее море одним и тем же бледно-голубым оттенком. Как странно, что в моменты торжества он погружался в бездну меланхолии. Часть его ума наслаждалась новой победой и предвкушала тихий и спокойный быт в кругу семьи и братьев. Но другая часть уже оценивала взятие Арбокалы как далекое и тусклое событие — второстепенный эпизод из его прошлого. Нашлось бы много людей, которые бы уцепились за этот успех и весь остаток жизни напоминали о нем другим, превратив восхваление своих заслуг в единственное упражнение для языков. Но он, наверное, находился на поле брани, где два бога вели спор, о котором он ничего не знал. Иначе, почему он сражался, побеждал, а затем чувствовал себя таким опустошенным?..

Тихий голос прервал его мысли.

— Ганнибал? Иди, встречай свою возлюбленную.

Повернувшись, он увидел жену, которая покачивала на руках спящего сына.

— Ты заставил нас ждать, — добавила она. — Мы так долго не виделись.

Ее карфагенский язык был мягким и ритмичным, хотя она произносила слова с грубоватым акцентом. Привычка к родному говору наделяла ее голос мужскими интонациями, которые не вязались с аристократическими чертами лица. По своему происхождению она была уроженкой Иберии, до-

черью Илапана, вождя баатов. Замужество погрузило ее в абсолютно чужую культуру, но она быстро и изящно приспособилась к ней. Через некоторое время Ганнибал поверил, что их влечение друг к другу было истинным. Иногда ее любовь приносила ему великую радость. В остальные моменты она вызывала в нем нечто больше, чем привычное безразличие.

Имилце остановилась в нескольких шагах от балкона.

— Не стой на холоде. Твой сын здесь, внутри, и ты иди сюда.

Ганнибал выполнил ее просьбу. Он медленно двинулся к женщине, не спуская с нее настороженного взгляда, словно искал в ней какие-нибудь признаки фальши. Ее филигранная красота, светло-коричневые брови, будто нарисованные росчерком пера, губы без пухлых дуг, а, наоборот, волнообразные, с утонченным змеиным изяществом — все эти черты объединялись вместе спокойной энергией, словно она была сосудом, содержащим дух нетерпеливого и избалованного ребенка, с явной печатью изысканной интеллигентности, которая буквально ослепляла. Ганнибал скользнул ладонью по талии жены, притянул ее к себе и прикоснулся губами к гладкой коже лба оливкового цвета. Он вдохнул запах ее волос. Слабый цветочный аромат, с оттенками перца, был тем же, что и раньше. Она не изменилась.

Да, Имилце не изменилась, но его сын определенно подрос. За прошедшие пять месяцев он вырос вдвое и уже не был младенцем, которого Ганнибал мог уместить на ладонях. Он больше не выглядел бледным, сморщенным и лысым. Мальчик окреп. Наследник имел крупные запястья, и его сжатые кулаки напоминали деревянные молоточки. Взглянув на полные губы сына, отец увидел в них свое повторение. Это понравилось ему. Он осторожно взял мальчика из рук матери. Голова ребенка откинулась назад. Ганнибал поддержал ее и осторожно опустился на стул.

— Ты так похож на свою старшую сестру, — сказала Имилце. — Несмотря на доброе отношение ко мне, Сапанибал всегда старается разбудить малыша каким-нибудь неловким движением. Она говорит, что ей нравится смотреть в его серые глаза. Но сейчас он вряд ли проснется. Сын вдоволь напился моего молока, а это все, что ему пока нужно в нашем мире.

Ганнибал поднял голову и посмотрел на нее.

— Радуйся таким моментам, мать, ибо вскоре он откроет глаза и увидит мир за твоей грудью. И тогда он станет сыном своего отца.

— Никогда, — ответила Имилце.

Она сделала шаг, словно хотела забрать ребенка, но остановилась.

— Какими чувствами, супруг, наделила тебя эта победа?

— Обычными. Я чувствую себя сварливым человеком, непонятым остальными.

— И уже жаждешь новых деяний?

— Во мне всегда есть какая-то часть, которая остается незаполненной.

— Может быть, расскажешь о походе?

Ганнибал пожал плечами, вздохнул и откашлялся. Он шутил, что тут не о чем говорить. Однако Имилце выжидающе смотрела на него, поэтому он начал с одного эпизода, а затем перешел на другой. Трое братьев вернулись в добром здравии и даже без царапин. Они овладели Арбокалой, но она не стала значительным приобретением, поскольку город представлял собой такое же скопище лачуг, какой была Мастия, пока Гасдрубал Красивый не построил на ее месте Новый Карфаген. Жители Арбокалы славились не только тупым упрямством, но и грубым невежеством, предательством и непочтительностью. Они убили послов, направленных для переговоров о сдаче города. Они выстрелили из катапульта обезглавленными телами, насадили головы на колья и уста-

новили их на городской стене. Ганнибал посчитал это оскорбление весьма серьезным, так как он едва не послал Гасдрубала вместе с делегацией. Победенный народ оказался настолько несговорчивым, что единственной пользой от всего мероприятия была лишь возможность рекрутировать арбокальцев в армию Карфагена. Если бы им понравилась такая перспектива, то они получили бы богатства, о которых не смели мечтать. Впрочем, Ганнибал сомневался, что ему удастся убедить их в этом. По его словам, они теперь кипели от ненависти и выискивали способ, чтобы разорвать договор и снова стать свободными.

— Даже не знаю, что труднее — завоевывать владения или удерживать их, — сказал он. — Вы, иберийцы, похожи на диких псов, не признающих ни силы, ни дружбы. Вам нравится создавать трудности.

Ребенок скривил личико, приподнял головку и напрягся в его руках. Имилце потянулась за ним.

— В его венах, как ты знаешь, течет кровь этих псов, — произнесла она. — Не сердь малыша. Сейчас мы отправим его спать. Ты пообщаешься с ним завтра.

Она прошла в другой конец комнаты и передала ребенка служанке, которая ожидала ее там. Имилце шепнула ей что-то. Девушка попятилась, раболепно кланяясь и покачивая мальчика на руках. Супруга Ганнибала повернулась и произнесла два резких слова на родном языке. В ответ в тенях у стен послышались шаги, тихий шелест и несколько вздохов. Обычно невидимые слуги выдали свое присутствие несколькими промельками. Когда они исчезли, Имилце повернулась к мужу. Ее лицо уже выглядело по-другому. Щеки пылали. Глаза наполнились страстью. Приблизившись к нему, она вытащила заколку из высокой прически. Темные пряди упали волной и накрыли ее плечи. Казалось, что мать в ней покинула комнату вместе с ребенком, оставив взамен другую женщину.

— Теперь мы одни, — сказала она. — Покажи мне себя.

Полководец с улыбкой уступил ее просьбе. Он развязал пояс, сбросил накидку с плеч и позволил материи упасть на пол. Ганнибал встал перед супругой, опустил руки к бедрам, ладонями вверх, чтобы она могла рассмотреть все части его обнаженного тела. Продолговатые мышцы ног затвердели. Из-за плавности линий они казались гладкими речными камнями, вставленными в плоть. Из-под покрова кожи, словно тетива, проступали туго натянутые связки бедер. Над стыдливо покоившимся фаллосом начинался мускулистый торс, который величаво поднимался к могучей груди и широким плечам.

— Как видишь, на мне нет новых ран, — сказал он жене. — Ни синяков, ни порезов.

Взгляд женщины опустился к его члену.

— Тебе ничего не обрубил?

Ганнибал улыбнулся.

— Нет, я вернулся целым. Враги и пальцем не коснулись меня.

— А ты их коснулся? — спросила она.

— Конечно. Многие из них теперь жалеют о своих поступках, а другие вообще ушли в иной мир.

— Скажи, а ты сам ни о чем не сожалеешь?

Он следил за ней уголками глаз, пока она обходила его.

— В этом походе меня вел Ваал. Я просто был покорным слугой его воли.

— Разве такое возможно? — спросила она из-за спины. — Ганнибал способен склониться перед волей другого существа?

— Да, если это мой бог.

Имилце приложила палец к его шее и провела по спинному хребту, остановившись чуть выше ягодич.

— Понятно, — прошептала она и вдруг воскликнула: — А это что такое?

— Где?

Ганнибал изогнул шею, чтобы оглянуться. Однако прежде чем он сделал это, Имилце оскалила зубы и шутливо укусила его за плечо. Он уклонился в сторону, затем повернулся, прижал ее к груди и понес на постель, пока она дрыгала ногами в воздухе.

Чуть позже Ганнибал лежал на одеялах, сброшенных на пол. Он распростерся на животе, глядя на складки ткани в непосредственной близости от его лица — на выпуклости и вогнутости, напоминавшие хребты и ущелья. Он подправил пальцами несколько вершин и представил себе, что они были сделаны из камня. Имилце тихо передвигалась по комнате. Она остановилась, взглянула на мужа из неосвещенного угла, затем вновь сняла с себя одежду. Смочив пальцы в чаше с ароматной водой, она провела ими по набухшим соскам и вышла в круг света от лампы. Улегшись на спину мужа, Имилце устроилась там, как в колыбели — плечи женщины покоились на пояснице супруга, его ягодицы упирались в ее поясницу. Какое-то время они молчали. Наконец, она заговорила о том, что интересовало ее больше всего.

— Значит, ты все-таки решился? Ты хочешь напасть на Рим?

— Срок приближается, и я готов.

— Конечно, ты готов. Когда ты не был готов к войне? Но, Ганнибал, я думаю, ты поспешил с оценкой событий. Я не пытаюсь отговорить тебя. Мне известно, что ты думаешь своим, а не чужим умом. Но скажи, любимый, куда ты идешь?

— К славе.

Имилце задумчиво посмотрела на потолок. Одна из ламп чадила, и полоска черного дыма вилась по белой штукатурке, словно угорь, стремившийся найти путь к морю.

— Это все? — спросила она. — Только к славе?

— И еще к справедливости. К свободе. Ты можешь даже сказать, что к возмездью.

Ганнибал раздраженно вздохнул и заговорил короткими фразами.

— Я не должен обсуждать это с тобой. Пойми, Имилце! Твой муж не из числа обычных людей. Я рожден для войны. Она все для меня! Я слишком сильно люблю тебя, чтобы сердиться на твои слова. Но прошу, перестань.

Скатившись со спины супруга, Имилце устроилась под его рукой. Он обнял ее и придвинул к себе.

— Знаешь, что я подумала, когда впервые увидела тебя? — спросила она. — Это случилось не в день свадьбы, как ты мог бы предполагать. Я шпионила за тобой во время переговоров. Однажды я спряталась за настенными шкавами в доме отца, пока он ублажал тебя. Я провертела дырочку и наблюдала за вами.

— Твой отец содрал бы с тебя кожу за излишнее любопытство, — проворчал Ганнибал.

— Наверное. Но он отчаянно хотел породниться с Баркидами. Он не был так могущественен, как ты думал.

— Я знаю. Сейчас баеты мало что значат. Может быть, мне бросить тебя и найти себе другую жену?

Имилце хотела укусить его за плечо, но затем проигнорировала шутку мужа.

— Я боялась тебя, — сказала она. — Ты возлежал на ложе, как лев, настолько уверенный в своей силе, что даже в такой расслабленной позе заставлял всех дрожать. Я боялась, что ты съешь меня. Мне даже хотелось выйти из укрытия и, приняв позор на себя, расстроить наш обговоренный брак.

— Однако ты не вышла.

— Да, потому что, думая о тебе, я содрогалась от страха и желания. Ты притягивал меня. Я чувствовала себя, как бабочка, летящая к манящему свету факела и обреченная сгореть в его пламени. Ты понимаешь, о чем я говорю?

Ганнибал кивнул.

— При осаде Арбокалы, — сказал он, — я встретился с молодым солдатом, который проявил недюжинную храбрость. За отвагу я подарил его обедневшей семье плантацию вблизи от Карфагена. Через несколько месяцев его родственники получают рабов и достаточное количество серебряных монет. Их жизнь совершенно изменится. Подобную власть я обрел благодаря моим действиям. И если я способен наградить таким образом молодого солдата, то что мне подарить жене? Осыпать ее серебром? Дать новых слуг? Нет, этого мало. Через два года ты сможешь выйти на балкон любого из моих дворцов, в котором пожелаешь жить, и весь средиземноморский мир будет лежать пред твоими ногами. Ты сможешь делать с ним все, что захочешь. Кто еще из мужей способен дать своей жене такое обещание и выполнить его? Тебе по нраву мой подарок?

Имилце проскользнула под супруга, и когда он оказался сверху, обвила его ногами. Несколько мгновений женщина смотрела на мужа, как будто хотела раскрыть в нем какую-то тайну. Но затем она улыбнулась, расслабилась и начала целовать его тело, нежно прикасаясь языком к горячей коже.

* * *

Ганнон Барка начал день более трезвым, чем многие. Хотя молодой генерал пировал не меньше остальных, он встал до рассвета и занялся насущными делами. Вскочив на неоседланного скакуна из конюшен Ганнибала, он проехал по улицам города. Тихие переулки были завалены мусором; обломками и обрывками, потерявшими форму в утреннем свете; кусками металла, которые могли быть частями доспехов, свалившихся на каком-то этапе вечернего веселья. Ганнон мог бы провести дознание по поводу беспечной траты боевого снаряжения, но пользы от этого не было бы. Разношерстная армия Карфагена состояла из солдат, собранных из всех угол-

ков империи. Кто ведал их обычаи? И кто мог разобраться в их помыслах? Тем не менее, Ганнибалу как-то удалось сплотить эту массу, и целостность возникшего единства стала залогом его успеха.

Воду в фонтане на главной площади выпили досуха. Мраморную чашу заполняли обмякшие тела: одетые и раздетые люди, перепачканные красно-коричневым вином и масляными пятнами от жирной снеди. Их руки все еще сжимали обглоданные кости. Губы, открытые утренней прохладе, блестели от слоя жира. Высокие неистовые костры угасли до тлеющих углей. Их мерцание придавало сцене нереальный вид. Ганнону казалось, что он смотрит не на праздную, а на побежденный город. Странно, подумал он, что эти две противоположности имели так много общего для непредвзятого глаза. Среди храпевших солдат сновали оборванцы из обоза — нищий люд, собиравший те малые ценности и безделушки, которые остались лежать на земле рядом с пьяными владельцами. Даже такое отребье имело добычу от прошедшей ночи.

Зайдя в несколько конюшен, он тычками вывел конюхов из пьяной дремоты и заставил их работать. Каким бы ни было похмелье людей, животные нуждались в заботе. Позже, призвав жрецов Ваала, Ганнон попросил их провести ритуалы благодарения и восхваления за благополучное возвращение армии. Он решил сделать подношение богам — почти такое же, как в прошлый вечер, но на этот раз более степенное и неторопливое. Он спешился, снял сандалии и, держа их в руке, вошел в храм. Его босые ноги звонко шлепали по ступеням мраморной лестницы, которая вела к главному входу в святилище. Ганнон двигался медленно: во-первых, из почтения, во-вторых, потому что не имел другого выбора. Ступени располагались под небольшим углом. Перемещаться быстро по ним было трудно. Людям приходилось аккуратно ставить ноги на каждую из них. Такой порядок ощутимо увеличивал чувство благоговения и воплощал в себе приближение к богу.

В притворе храма Ганнону сообщили, что главный жрец Мандарбал не сможет повидаться с ним. Он был занят важными делами и не имел возможности прерваться даже на минуту, а за его церемониальными действиями не мог наблюдать ни один посторонний человек. Ганнон удалился ни с чем, с трудом спускаясь по ступеням бога и чувствуя обиду на пренебрежение, которое он ничем не заслужил. Фактически, он был самым набожным из братьев и уважителен к жрецам. Он первым призывал их на помощь и щедро благодарил за каждый успех. Однажды Ганнон признался Мандарбалу, что если бы он не был сыном Гамилькара, то принял бы жреческий сан. В ответ священник просто хмыкнул.

Через несколько часов Ганнон поднялся на террасу, откуда открывался вид на площадку для тренировки слонов. Он наблюдал, как объездчики обихаживали животных и, колотя их палками, обучали коротким приказам. Несколько раз ему хотелось спуститься и пройти среди больших зверей, касаясь руками их грубых волос и морщинистой плоти. Ганнону нравилось беседовать с погонщиками, знавшими толк в своей работе. Однако в этот день его остановили тревожные мысли и мрачные воспоминания, которые, казалось, приходили к нему только для того, чтобы испортить настроение. Они проникли туда, где он не видел, не слышал и не двигался, и полностью овладели им, хотя он по-прежнему пребывал в физическом мире.

Ганнон вспомнил детство, прошедшее в тени старшего брата. Он боготворил и проклинал его за это. Никогда не прекращающиеся авантюры Ганнибала всегда заканчивались успехом. Даже сейчас Ганнон испытывал ревность оттого, что отец считал одаренным только перворожденного сына. Гамилькар подчеркивал его таланты тысячи раз по тысяче разных причин. Всю юность Ганнон возмущался тем, что Ганнибал превосходил его сначала в детских играх, затем в физическом сложении, которое расцветало и крепло, будто

сорная трава. Их разница в возрасте составляла всего два года, но он видел, как старший брат перешел из семейного круга в свой собственный мир, став вскоре его центром. В каких-то отношениях он казался юным выскочкой, и, тем не менее, люди признавали, что к нему перешли все задатки великого военачальника. Нельзя сказать, что природа обделила Ганнона своим вниманием. Высокий и сильный, он ловко обращался с любым оружием. Он учился по тем же учебникам, тренировался у тех же ветеранов, постигал историю войн у тех же наставников. Однако в глазах отца было место только для одной звезды, и Ганнону никогда не удавалось поразить его своим блеском. Гамилькар редко позволял ему командовать отрядом больше чем в сотню солдат. А при первом серьезном столкновении Ганнон потерпел трагическую неудачу.

Ганнон проводил патрулирование местности вблизи побежденной столицы бетиков. Перед самым Кастуло река Бетис разветвлялась на два русла, поэтому отряд перемещался вверх по протоке, идущей к югу от Нового Карфагена. Они должны были проехать по главной дороге на виду у враждебно настроенных иберийцев, тем самым показав им, что эта территория находилась под надзором хорошо обученного противника. Это была обычная процедура, проводимая в мирное время и предназначенная, в основном, для того, чтобы продемонстрировать силу местным жителям, не проявлявшим пока должной верности. Гамилькар дал ему отряд из двух тысяч оретанских солдат, которые, не будучи достаточно лояльными, все же считались уже вполне укрощенными.

Миссия началась без происшествий, но на третий день пути разведчик принес донесение, изменившее их маршрут. Бетики планировали провести контратаку и отбить недавно захваченный город. Их отряды не были разбиты полностью. Уцелевшие мятежники накапливали силы и, разместившись в Серебряных горах, выжидали момент, когда численность карфагенян в регионе уменьшится. Узнав, что Ганнон отпра-

вился в патрулирование по северному маршруту, а Гасдрубал — по южному, они решили напасть на поредевшее войско Гамилькара.

Хотя Ганнон выслушал эту информацию со спокойным лицом, его сердце забилося в груди. Он хотел повернуть назад, но разведчик предложил ему нечто иное. Почему бы не отправить Гамилькару вестового с предупреждением? Ганнон обладает достаточными силами, чтобы одолеть врагов. Тем более, ему известны их планы. Отослав гонца, он может напасть на бетиков и разгромить их незащищенную крепость. Лагерь мятежников, не отмеченный на карфагенской карте, располагался в узком ущелье, к которому вели лишь две тропы. Разведчик заверил его в важности этого поселения. Захватив его, они нанесли бы урон всем воинственным племенам. И бетикам после потери опорного пункта пришлось бы покориться условиям карфагенян.

Ганнон попытался представить, что предпринял бы отец или брат, окажись они в подобных обстоятельствах. Он верил в надежность сведений, поскольку разведчик был кастуллонской крови, а этот народ почти два года являлся их верным союзником. Как он мог отказаться от такого шанса? У него появилась возможность превратить заурядную миссию в небольшую победу, а затем, вернувшись домой, небрежно обрисовать отцу местность, которая считалась «белым» пятном на их картах. Да, это было рискованное мероприятие, выходявшее за рамки полученного задания. Но разве Барка не учил своих детей стоять на собственных ногах? Если Ганнон приедет домой и расскажет об упущенной возможности, отец снова наградит его презрительным взглядом. Он не хотел такого позора.

Он повернул отряд по направлению к ущелью и через два дня достиг его. Разведчик вел авангард кавалерии. Маршрут, в основном, пролегал вдоль горной речки, зажатой с обеих сторон высокими деревьями. Тропа была настолько узкой, что

колонна растянулась в длинную цепь и шеренги сократились до трех-четырех пехотинцев. На пути то и дело появлялись преграды. Людям приходилось прыгать с камня на камень или брести через небольшие заводы. День выдался ясным и теплым. Солдаты пили пригоршнями воду и беспечно болтали на своем крикливом языке. Ганнон и группа из двадцати воинов Священного отряда скакали на конях впереди колонны. Тревожность жрецов нарастала. Они переглядывались друг с другом и все чаще предлагали вернуться к началу ущелья. Им повсюду мерещились засады. Однако отряд передвигался по безлюдной местности, и ничто не говорило о том, что здесь недавно проходило вражеское войско. У Ганнона тоже появилось плохое предчувствие, но он по какой-то необъяснимой причине не остановил движение. Через некоторое время отряд выдвинулся на более открытую местность. Деревья поредели, а крутые склоны придвинулись ближе.

Когда грянула беда, отряд поднимался по тропе к дальнему концу ущелья. Вся колонна была на виду. Увидев первую стрелу, воткнувшуюся в землю в нескольких шагах от него, Ганнон понял, что колонна попала в засаду. Выстрел был почти неслышим. Лишь раздался свист, и дрожащее древко указало скорость полета. Ганнон оцепенел на пару долгих мгновений. Он видел и чувствовал мир в нереальных подробностях: серое неаккуратное оперение стрелы; ветер, холодивший кожу, словно воск на свежей ране; птица, вдруг прекратившая пение и взлетевшая ввысь откуда-то с земли. Затем просвистела еще одна стрела, на этот раз вонзившаяся не в грунт, а под ключицу пехотинца в нескольких шагах за Ганноном.

Он повернулся, чтобы отдать приказ. На самом деле никаких идей у него не возникло. Но это было неважно. Смятение и паника уже были ему неподвластны. Стрелы падали градом, чиркали по доспехам и время от времени находили незащищенные места в человеческой плоти. Солдаты прятались

под щитами и настороженно выглядывали из-под них. Бетики мчались к ним через заросли и насакивали на противников под разными углами на огромной скорости. Они скорее падали, чем набегали. Некоторые катились по склонам кубарем, другие скользили вниз на ягодицах. Многие мятежники голосили что-то в полную мощь своих легких. Это была одна и та же песня, исполняемая вразлад и без всякого такта. Два потока иберийцев вмялись в тонкую колонну с обеих сторон, разрушив всякий порядок. Прежде чем стычка перешла в хаотичное побоище, сверху слышались новые крики. Стрелки, отбросив луки, бежали вниз с мечами в руках.

Лейтенант потянул Ганнона за рукав.

— Мы должны уходить, — крикнул он. — С отрядом покончено.

— Тогда и мне конец!

Генерал попытался развернуть скакуна, но воины из Священного отряда сгруппировались вокруг него, один из них выхватил у Ганнона поводья, другой ткнул копьем в круп коня, и они помчались вперед плотной кучкой. Он кричал на них, хлестал плетью и даже угрожал мечом. Однако все было бесполезно. Через некоторое время они одолели подъем и начали спускаться в долину. Вскоре им встретился патруль нумидийской кавалерии, и вместе с ним продолжили бегство, которое длилось весь остаток вечера, а затем, с редкими привалами, еще два дня. Бетики преследовали их в полсилы. Они достигли главной цели. Ганнон даже не знал, охотились ли они за ним или просто гнали его вперед.

По прошествии нескольких дней после их возвращения в Новый Карфаген прояснились обстоятельства неудачного похода. Никакого нападения на силы Гамилькара не планировалось. Бетики атаквали только отряд Ганнона. Когда их коварная операция оказалась успешной, вся территория забурлила еще большим мятежом. Ганнон не видел отца почти месяц. Затем они встретились в поле, и стало ясно, что ста-

рый вояка не оставил свой гнев. Он без объявления вошел в палатку сына — в полном боевом облачении, со шлемом, зажатый под локтем правой руки. Левым кулаком, крепким, словно скала, он сломал ему переносицу. У Ганнона пошла носом кровь. Она густела во рту и стекала с подбородка на тунику.

— Почему ты всегда разочаровываешь меня? — бросил Гамилькар.

Его низкий голос звучал спокойно, но тон был презрительным.

— В следующий раз, когда поведешь на смерть две тысячи людей, останься вместе с ними. Имей, по крайней мере, совесть и достоинство. Во времена моего отца тебя распяли бы за это бегство. Радуйся, что мы живем в более мягкое время.

Высморкавшись на пол, старый воин повернулся и вышел из палатки. Тем вечером Ганнон не стал обращаться за медицинской помощью. Он уснул с переломанным носом, а наутро врач лишь огорченно всплеснул руками. Отныне ему не быть объектом зависти для женщин, сказал эскулап. Хотя теперь он больше походил на воина. Ганнон вышел на войсковое построение с распухшим носом и с синяками под глазами. Но он занял привычное место рядом с отцом, и тот позволил ему. Через две недели Ганнибал повел армию против бетиков и сразился с ними в открытом поле. Вечером после боя ему принесли голову вождя на кончике копья. К концу следующей недели он захватил их главное поселение и склонил мятежников к покорности. Такой была разница между двумя братьями. Ганнон не мог не помнить о ней.

Он потряс головой и понял, что уже долгое время стоит на террасе перед загоном слонов, якобы наблюдая за работой сотен объездчиков, но на самом деле не обращая на них никакого внимания. Ганнон повернулся и ушел. Слоны не нуждались в его инспекции. К ним хорошо относились. Не то, что к некоторым людям.

* * *

В отличие от братьев, Гасдрубал Барка жил своей собственной жизнью, которая, как маятник, раскачивалась между крайними противоположностями. Днями он закалял себя физически для ратных дел, а ночами погружался во все доступные ему излишества и улады, истощая себя. Ганнибал, проверив однажды его распорядок и сопоставив стиль жизни брата с семейным укладом Баркидов, предположил, что подобная жажда удовольствий может с течением лет ослабить сластолюбца. Услышав это, Гасдрубал засмеялся. Он ответил, что его пристрастие к плотским утехам компенсируется строгой дисциплиной. Он мог подняться с постели после ночного пира и изнурять себя тренировкой с улыбкой на лице. Возможно, похвастался Гасдрубал, это признак закалки, которой Ганнибал не обладает. А что касается слабости здоровья, то в двадцать один год его тело выглядело мраморной статуей и по сложению превосходило даже фигуру старшего брата. Поэтому в мирное время он проводил дни и ночи так, как ему нравилось.

Зимой он обычно ужесточал свои тренировки. Через три дня после возвращения из Арбокалы Гасдрубал вновь начал следовать режиму, хотя и без прежней легкости, поскольку непрерывное безделье и празднование победы, чрезмерное даже для его физических ресурсов, успели оказать воздействие на тело. Он спал обнаженным — как правило, в своей постели, всегда завершая ночь в одиночестве, независимо от того, чьими ласками наслаждался поздним вечером. Оруженосец Ноба будил его, как только солнце проясняло горизонт и принимало полную сферическую форму. Они вместе обливались холодной водой в личной ванной на балконе. Ноба неохотно проламывал корку льда — неприятная задача для эфиопа, — и они входили в воду. Гасдрубал находил такую

процедуру прекрасным лекарством от усталости, вызванной оргией предыдущего дня.

На этот раз, подкрепившись коротким плотным завтраком — говяжьей печенью и вареными яйцами, олениной с луком и проперченными кусками козлятины, — он отправился в гимнастический зал. Гасдрубал и Ноба имели равные навыки в рукопашном бое, но эфиоп обучался боевым искусствам у лучших мастеров южного народа. Мужчины обменивались тактикой и часто разучивали нечто новое. Они боролись друг с другом в неудобных позициях, затем обсуждали наиболее эффективные способы выхода из обороны для нанесения быстрого и смертельного удара. В шуточной игре они обучались убийству. Их физические и умственные упражнения проходили в дружеской и простодушной атмосфере. Тем не менее подобные уроки шли на пользу и не раз сохраняли им жизнь благодаря приемам, которые они отработывали. После рукопашной схватки друзья переходили к оружию. Они дрались на острых мечах, на серпах, на спартанских копьях и дротиках. Когда Гасдрубалу надоело обычное оружие, они некоторое время оттачивали навыки применения различных щитов и сломанных мечей, после чего сражались древками и наконечниками копий.

Перед обедом Гасдрубал ходил по лестницам крепости с тяжелым бревном на плечах. Полностью раздевшись, он цеплялся за ремни, укрепляя хватку рук, и до полного изнеможения поднимал и опускал тяжелый груз. Затем, найдя точку равновесия, он подводил тело под бревно и начинал движение. Каждый шаг выполнялся с осторожностью. Гасдрубал ставил стопы на каменные ступени и поднимался вместе с ношей, словно с распростертыми крыльями. Это изнуряющее упражнение — сто шагов вверх по лестнице, медленный разворот, затем сто шагов вниз, еще один разворот — повторялось снова и снова.

Иногда группки знатной молодежи приходили в зал и наблюдали за ним. Они шептались между собой, тыкали паль-

цами, шутили и смеялись. Некоторые окликали его и спрашивали, тренирует ли он третью ногу. На их взгляд, она выглядела вялой и безжизненной в сравнении с двумя остальными. Гасдрубал продолжал тренировку, отвечая им улыбкой или кивком головы. Вместо того чтобы обижаться на насмешки, он наслаждался их восхищением и лестью, после чего увеличивал нагрузки и напоминал себе, что удовольствия никуда от него не денутся. Он опускал бревно только тогда, когда ноги уже не слушались и, как резиновые, дрожали под ним, не подчиняясь приказам головы.

Остаток дня он проводил в других упражнениях, укрепляя не столько тело, сколько ум. Гасдрубал оттачивал навыки верховой езды, изучал языки соседних племен, перелистывал исторические обзоры предыдущих кампаний, разбирал ошибки и триумфы других людей и выполнял обязанности, возложенные на него Ганнибалом. Через неделю после возвращения из похода и встречи с неожиданными посланниками Рима, Ганнибал созвал братьев и всех генералов на военный совет. Магон нашел Гасдрубала в бане, примыкавшей к гимнастическому залу. Они договорились пойти на встречу вместе, чтобы Гасдрубал мог ознакомить брата с обстоятельствами, ускользнувшими от его внимания. Он стоял перед Магоном голым, пока Ноба массировал его спину. Темное лицо оруженосца сохраняло спокойствие и бесстрастность. Стройное тело и высокий рост идеально соответствовали тому типу сложения, который был присущ лишь его народу. Мышцы рук напрягались и расслаблялись в процессе работы.

— Ты мог бы тренироваться вместе со мной, — сказал Гасдрубал. — Карфаген плодит мягкотелых мужчин. Слишком много пальмового вина и нубийских служанок, натирающих тело маслом. Тебе нужна хорошая выволочка, и поверь, Ноба выбил бы из твоей башки всю дурь.

Эфиоп похлопал хозяина по спине и отступил на шаг, указывая, что он закончил массаж. Гасдрубал pokrutil головой, опуская ее почти до самых плеч, затем сделал несколько

наклонов под разными углами, будто убеждался в том, что все части его тела работают правильно. Удовлетворившись проверкой, он начал одеваться.

— Значит, это верно? — сидя на каменной скамье, спросил Магон. — Весной мы пойдем на Сагунтум?

Он мечтательно смотрел на желтоватую воду бассейна. Гасдрубал надел нижнее белье и расправил складки.

— То, что мы будем с кем-то воевать, это абсолютно точно. В течение зимы Ганнибал проверит лояльность наших новых союзников. Он добился частичного успеха, но полной поддержки не завоевал. Покоренные и униженные люди медленно становятся друзьями. Будь я на его месте, мы не высадили бы Сагунтум на следующий год. Ты знаешь, как мне нравится сражаться, однако в Иберии и без того хватает войн, в которых я мог бы поучаствовать. Мне кажется, наш брат давно хотел подвергнуть граждан Сагунтума наказанию. Тот римский посланник лишь сделал войну неизбежной.

— Наверное, именно поэтому он и хочет атаковать Сагунтум, — сказал Магон. — Ганнибал решил показать нашим новым союзникам, что мы можем сплотиться против общего врага. Это снимет с них позор и взвалит его бремя на другой народ.

Гасдрубал поднял голову и с одобрением посмотрел на брата. Затем он продолжил завязывать сандалии.

— Похоже, ты прав. В любом случае, Ганнибал ступает впереди рассудка. Нам остается лишь догадываться о смысле его действий. Но только будь начеку! Иначе обнаружишь, что тебя обручили с дочерью какого-нибудь вождя. Самый лучший способ добиться их расположения — это породниться с ними.

— В твоих устах это звучит как настоящая беда. Между прочим, Ганнибал и сам так поступил.

— Верно подмечено. Но не все дочери местных вождей похожи на Имилце. Говоря по правде, брат, мне нравится эта

страна. В отличие от Карфагена, я чувствую себя здесь как дома. Кельтиберийцы могут быть хорошими союзниками и потрясающими врагами. Я даже готов признать, что их бледные женщины не лишены достоинств. Магон, ты не поверишь, с какой проказницей я спутался недавно. Она прекрасна! Серебристые глаза, нежный голос и рот прирожденной кокетки. Она выделяет такие вещи, которые заставили бы египтян покраснеть. Видел бы ты ее фокус со связкой бусин...

Глаза Гасдрубала закатились от восторга. Он откинулся на каменную стену и на миг потерял нить разговора.

— У меня даже нет слов. Только не подумай обо мне плохого.

— Это любовь или просто очередное увлечение? — спросил Магон.

— Это любовное увлечение. Увлечение любовью.

Два брата направились к спиральной каменной лестнице, ведущей на верхний уровень крепости, где была назначена встреча генералов. Круглую платформу башни окольцовывал бортик высотой по пояс. Отсюда открывался вид на крепость и лазурное море, простиравшееся до горизонта. Холодный и злобный ветер подгонял братьев в спину. Было неудобно, но Ганнибал планировал обсудить вопросы, о которых не хотел распространяться публично. И здесь они находились вдали от подслушивающих ушей.

Многие офицеры все еще отдыхали после похода на Арбокалу. Естественно, их встревожил столь скорый созыв военного совета. Но они ничем не выдавали своего удивления. Генералы поднимались на башню в сопровождении своих оруженосцев. На лицах воинов разного цвета кожи отражалось настроение, соответствующее их темпераментам.

Махарбал, капитан нумидийской кавалерии, взошедший на платформу башни, сохранял суровый вид. Длинные волосы, перевязанные лентами, ниспадали на спину волнистыми прядями. Темная кожа имела красноватый оттенок, словно

пропеклась на солнце и раскалилась под грубым толстым плащом. Его тонкий заостренный нос и выступавший вперед подбородок как будто специально были предназначены для того, чтобы лучше рассекать на скаку встречный ветер. Капитан действительно славился быстротой и маневренностью.

— Этот новый военачальник послан царем Гайей Массилиотским, — пояснил Гасдрубал. — Он знаток лошадей и мастерски командует своими людьми. Они восхищаются им почти так же, как Ганнибалом. На мой взгляд, у него слишком много власти, но он доказал нам свою верность. Мы были бы безногими без нумидийской конницы.

Адгербал, главный инженер, пришел раньше всех. Его карфагенская туника трепетала на ветру свободными складками. Упершись ладонями в каменный бортик, мужчина осматривал город, который он помог построить. Его пристальный взгляд перемещался так, словно в его мозгу производились вычисления, чтобы что-то поправить или изменить, даже в те мгновения, когда он улыбался, говорил или слушал своих собеседников. С некоторых пор его знание архитектуры и законов физики использовалось для разрушения городов, а не для их созидания.

— Если мы начнем осаду Сагунтума, то победу нам смогут обеспечить лишь его машины, — прокомментировал Гасдрубал.

Незадолго перед назначенным временем на встречу прибыли другие офицеры. Сначала появился молодой Карфало, который командовал легкой кавалерией под началом Махарбала. Затем пришли Бостар и Бомилькар. Первый был секретарем Ганнибала, второй — его любимым генералом. Синхал, самый старейший в свите, служил хирургом Баркидов еще во времена Гамилькара. Он отличался от других тощим телом, тонкими интеллигентными чертами лица и египетским происхождением. Спокойные глаза и полные губы придавали лицу врача сходство с маской, которая скрывала эмоции и

мысли. Его сопровождал муж по имени Вандикар. Он родился в далекой Индии и служил в армии Ганнибала главным погонщиком слонов. Его кожа была гораздо темнее, чем у карфагенян; прямые густые волосы лоснились от масла. За каждым из участников совета следовали оруженосцы и помощники — такие же безмолвные тени, как бесстрастный Ноба, доверенные друзья и закаленные в битвах солдаты. Некоторые из них были свободными людьми, другие оставались рабами.

Гасдрубал знал этих офицеров по критическим мгновениям битв и по пирам в часы досуга. Он приветствовал их кивками и легкой усмешкой. В его движениях и позе сквозила важность молодого льва, уверенного в своем месте среди равных по рангу. Однако, увидев черную гриву еще одного генерала, он стал вести себя скромнее. Еще бы! Это был Мономах. Легендарный воин осмотрел собравшихся пренебрежительным взглядом, который коснулся каждого, но ни на ком не задержался, словно никто из них не вызывал у него достаточного интереса. Холодные, навывкате, глаза Мономаха казались слишком большими для его лица. Или, возможно, они выглядели такими из-за сморщенных щек и вялых поджатых в линию губ.

Бойкость Гасдрубала испарилась. Он пригнулся к брату и чуть слышно прошептал:

— К нам явилось существо более древнее, чем остальные люди.

Произнося это, он старался не смотреть на человека, о котором шла речь.

— Я помню его, — ответил Магон. — Его имя Мономах, он создал особый кодекс воина. Путь льва, не так ли?

Гасдрубал кивнул.

— К сожалению, он не стал умнее после этого. Мономах посвятил свою жизнь Молоху, пожирателю детей. Говорят, что у него было много противников, но он оставил в живых

лишь нескольких из них. Хорошо, что он сражается за нас. Спасибо и на этом.

Ганнибал взлетел на платформу как вихрь. На нем были кожаные латы, в которых он иногда упражнялся в боевых искусствах. Блестящий черный цвет придавал им сходство с кованным железом. Его красный плащ ниспадал на землю. Руки и ноги ниже бедер оставались обнаженными. Казалось, что он пришел с тренировки — все еще румяный и разгоряченный. Обменявшись с ним взглядом, Гасдрубал почувствовал тепло на лице, улыбка его брата была подобна лучу солнца, пронзившему тучи. Следом за ним появился Ганнон. Он кивнул младшим братьям, затем скрестил руки и выжидающе остановился чуть поодаль. Когда Ганнибал заговорил, его голос зазвучал ясно и громко, несмотря на ветер, пытавшийся заглушить его слова.

— Давайте вспомним на миг о величии нашего народа и о долге, который мы исполняем в Иберии, — сказал он. — Преодолев опасности и пережив предательства, мы создали одну из величайших империй мира. Подняв народ из бедности, мы сделали его богатым. Наш народ оправился от поражений и идет теперь от победы к победе. Мы можем гордиться собой. Все это произошло благодаря моему отцу Гамилькару и зятю Гасдрубалу Красивому. Они проложили путь. Их труд стал хорошим началом, но он еще не завершен. Когда они ушли к Ваалу, их дело унаследовали мы, и нам предстоит воплотить в реальность мечту наших предшественников. Мы по-прежнему имеем врага — единственного и грозного недруга, не похожего на остальных. Вы знаете, о ком я говорю... Это не греки, с которыми мы часто сражались в прошлом. Это не кельты, все еще непокорные на севере Иберии. Это даже не жители Сагунтума, о которых мы еще поговорим. Сейчас я имею в виду логово воров и пиратов, называемое Римом. Нужно ли мне перечислять их преступления, совершенные против нас?

Генералы невпопад заворчали, что эти преступления хорошо известны каждому из них, но Ганнибал все равно перечислил наименования потерянных частей империи. Он произносил слова медленно, по слогам:

— Сицилия. Сардиния. Корсика. У нас отняли эти земли вместе с нашими богатствами и владениями. Вместе с пролитой кровью. Отняли, заставив заплатить огромную цену за войну, которую мы не начинали... На многие годы вперед на нас возложили груз дани. Наш флот был разрушен. Люди, которые считались лучшими мореходами, остались при нескольких кораблях. Им приказано ходить пешком, а не плавать по волнам. Эти потери слишком велики для гордого народа, чтобы их терпеть. А мы ведь гордые, верно?

Все закричали, что они гордые. Лишь один Мономах тихо хмыкнул в бороду.

— Теперь волк начинает совать свой нос в дела Иберии. Римляне опять готовы забыть о чести и о мирном соглашении. Им важны не наши права, а их возможности. Некоторые сенаторы в Карфагене называют себя партией мира. Они требуют, чтобы мы избегали конфликтов с Римом и кланялись врагам снова и снова. Они уверяют, что нам нужно отдать римлянам лучшие владения и долю коммерческой прибыли, которую мы можем получить в этой стране. Как будто мы уличные торговцы, ведущие свои дела на узких улицах и в темных переулках. Что карфагенские миролюбцы знают о наших деяниях? Лишь то, что богатство приходит к ним от нас. Они считают это естественным фактом. Однако старейшинам нужно понять кое-что другое! Им требуется уяснить, что именно мы в этой иберийской крепости вершим судьбу нашего народа. Пусть они не делают ошибки. Мы сердце и рука Карфагена! Нас здесь мало, но каждый из нас является ключевой фигурой в армии. Каждый из нас кует своей доблестью величие империи. Каждому из нас принадлежит ее

часть. И если мы раздвинем ее нынешние границы, это заложит фундамент для еще больших достижений.

Я говорю с вами начистоту и надеюсь, что вы поймете меня правильно. Весной мы начнем компанию против жителей Сагунтума. Если Рим не придет к ним на помощь, мы заберем город. И тогда римляне будут знать, что мы думаем о них. Им придется искать какой-нибудь ответ. Поэтому, в любом случае, Сагунтум окажется поводом для объявления войны. Римляне пока не осознали этого. Если верить моим источникам, они сейчас обеспокоены не нашими победами, а событиями в Иллирии. Эти так называемые «волки» напоминают мне черепах. К тому времени, когда они сочтут нас главными врагами Рима, мы уже будем стоять на итальянской земле, с мечами, приставленными к их шеям. Итак... Мы пойдем на Сагунтум этим летом. А следующим — на Рим. У кого есть вопросы?

Ему ответил лишь ветер — тремя холодными порывами. Гасдрубал давно уже понял, что войны не миновать, однако простота заявления ошеломила его. Слова сорвались с уст брата с невероятной легкостью. Они казались вполне разумными, хотя являлись первым официальным заявлением о походе на Рим. Он думал, что дальше последуют возражения, но генералы молчали. И только Мономах сказал:

— Вопросов нет.

Ганнибал кивнул и продолжил:

— Это решение предназначено лишь для нашего военного совета. Горожанам и солдатам, а также шпионам Рима не следует знать о моих намерениях. Мне бы не хотелось, чтобы враг получил предупреждение. Но я не держу секретов от вас. Грядущий год карфагенская армия по-прежнему будет воевать в Иберии. А еще через год нас назовут итальянской армией. Все только начинается, друзья. Нам предстоят великие дела.

* * *

Потратив у Геркулесовых столбов последнюю серебряную монету, нумидиец оплатил проход в Иберию. Он странствовал в одиночестве, не нанимаясь ни в гарнизоны городов, ни в армии царей и генералов. Рожденный всадником, он прочно стоял на своих ногах. Его голова была выбрита наголо. Кожа имела цвет натертого маслом красного дерева. Он носил серую тунику и шкуру леопарда, переброшенную через плечо и закрепленную спереди. Она служила ему одеждой, одеялом и постельными принадлежностями. На его руках виднелись татуировки — тонкие линии без букв и слов, понятные только тем, кто знал, как их читать. Под крючковатым носом темнели тонкие усы, спиральные концы которых свисали ниже подбородка. Глаза мужчины были такими же безмятежными и ясными, как в юности, хотя в свои двадцать девять лет он повидал столь многое, что мог определенно говорить о скорой смерти — лучшая часть его жизни осталась уже позади и теперь вспоминалась лишь смутными образами. Мужчину звали Туссело.

Сойдя на берег в Иберии, он начал поиски. Следов и знаков хватало вдоволь, поэтому Туссело знал, куда идти. Ноги многих тысяч людей протоптали дорогу. Земля была испещрена подковами коней, утрамбована круглыми стопами слонов, порезана колесами повозок и мириадами других средств передвижения, которые оставили на грунте глубокие выбоины. Казалось, что здесь волокли, толкали и перемещали нечто тяжелое и массивное. Местность по сторонам зеленела и желтела летним урожаем. Многие из сельских жителей, мимо которых Туссело проходил, были так перепуганы появлением предыдущих орд, что относились к одинокому путнику с открытой враждебностью. Он часто обходил их поселения,

будь это города или деревни. Старуха на улице Акра-Лейка плюнула ему в лицо и прокляла его богов, назвав их слабаками. Мужчина в безымянном городе порезал его иберийским кинжалом. Глубокая рана на лбу обильно кровоточила, хотя не представляла серьезной угрозы. Та встреча удивила нумидийца, поскольку, ударив его кинжалом, мужчина просто отступил на шаг и позволил ему уйти без повторного нападения. Однажды за ним погналась банда молодых парней, которые хотели отомстить ему за преступления других людей. Они шли за ним до поздней ночи, но Туссело был начеку, и оказался более опытным воином, заставив их через боль осознать эту истину. Для подобных случаев у него имелось копьё, которым он изъяснялся очень мастерски и быстро.

Природа не желала помогать ему. Солнце жгло весь день с безоблачных небес. Ландшафт искажался от жаркого марева, и любая тень исчезала почти до самой ночи. Однажды он шел по бесплодному краю, иссеченному пересохшими реками. Их русла походили на опасные расщелины. После ливня они могли наполняться до самых берегов, но теперь лежали, трескаясь под летним солнцем. Позже он путешествовал вдоль берега широкой мелководной лагуны, такой прозрачной и соленой, что вода засыхала на его ногах и покрывала их кристаллической коркой. Вокруг него гоготало множество тонконогих светло-розовых птиц. Они стояли в заводях то на одной, то на другой ноге и кивали ему изогнутыми клювами, как будто выполняли танец на дворцовом пиру. Когда его появление тревожило их, птицы взлетали огромными стаями. Тысячи и тысячи их поднимались в воздух, словно гигантские простыни, подгоняемые бризом. Он навсегда запомнил это зрелище. Как и вид молочного моря по утрам. Как и полосы белого пляжа, гладкого, словно полированный мрамор. Как и белокрылую бабочку, которая пробудила его утром поцелуем в лоб.

Он начал отчаиваться, что не выдержит таких испытаний — что потерпит неудачу и не достигнет своей цели. Од-

нако затем, перейдя вброд реку Сукро, Туссело понял, что он близок к месту назначения. Переночевав в деревушке у моря, нумидиец заметил, что люди отнеслись к нему по-доброму. Они не боялись чужеземцев. Он навсегда запомнил, как на пляже седовласый старик угощал его жареной рыбой. Они не могли общаться с помощью слов, и, тем не менее, старый человек вел себя по-дружески. Сидя на песке друг перед другом, они выковыривали пальцами белое рыбье мясо. Туссело хотел заплатить старику, но тот отказался, подняв ладони вертикально вверх, чтобы ни один предмет не мог быть вложен в них. Расставаясь, нумидиец отошел на несколько шагов и помахал рукой на прощание. Старик повернулся к нему спиной и забросал песком то место, на котором они сидели. Туссело усмотрел в этом плохое предзнаменование.

Через неделю он увидел продовольственный отряд, который обеспечивал армию провизией. В тот день нумидиец уклонился от встречи, но на следующий вечер один из всадников заметил его. Воин поднялся на ближайший холм, немного подождал и затем помчался к нему по пологому склону. Взглянув на худощавое темное тело, будто бы слитое с лошадьё, на которой он скакал без седла и поводьев, Туссело признал в нем массалиота. Он поднял руку в приветствии, понимая, что его путешествие подошло к концу. Всадник остановился на небольшом расстоянии и спросил незнакомца о его деле. Зная родной язык массалиота, Туссело ответил. Он шел в Новый Карфаген, чтобы передать командующему знание, которое могло оказаться ценным, объяснил нумидиец. Он хотел служить в его армии. Он шел, чтобы сражаться за Ганнибала.

* * *

Осада Сагунтума началась весной — на следующий год после взятия Арбокалы. Она велась без перерыва, неделя за неделей, пока весна не уступила место лету. Город высился

на краю скалистого плато, достаточно высокого, чтобы иметь вид на окрестные холмы и подходы к морю. Хорошо укрепленное поселение окружали стены различной высоты и толщины, возведенные в соответствии с изменчивым ландшафтом. Вдоль стен на равных интервалах возвышались башни столь внушительных пропорций, что защиту города можно было считать идеальной. Ганнибал хотел доказать ошибочность этого предположения.

По его приказу тысячи людей подкапывали стены города, переносили землю в одеялах и пытались создать проходы в крепость. После первых недель осады одна часть стены рухнула в хаосе пыли, падающих тел и обломков, нанеся городской обороне заметный ущерб — огромную рану, которая протянулась на весь пролет между двумя массивными башнями. Жители Сагунтума не позволили захватчикам прорваться в созданную брешь. Они разрушили несколько каменных домов, заложили пролом валунами и возвели баррикады, используя все материалы, которые попадались им под руку. Одна половина горожан сражалась, отгоняя врагов, другая сновала среди защитников и работала с землей, камнями и бревнами. Серовато-синий пролом, покрытый струпьями заслонов, остался на месте, но на следующий день Сагунтум вновь восстановил оборону.

Жители города без возражений принимали письма Ганнибала, в которых он раз за разом предлагал им свои условия. Но они отказывались подчиняться его указаниям. Командир понимал, что их упрямство коренилось в трех причинах. Во-первых, они не желали сдаваться и терять достоинство. Во-вторых, ими управляла глупая бравада, свойственная всем иберийцам, с которыми он когда-либо встречался. В-третьих, горожане ежедневно осматривали морской горизонт в надежде на спасение. От своих шпионов Ганнибал узнал о трех гонцах, направленных из города в Рим с новыми просьбами о помощи. Он мог бы перехватить их. Но это не входило в

его планы. Наоборот, для достижения поставленной цели он стремился донести свою позицию до Сената. Ганнибал хотел, чтобы римляне сердились и давились от ярости. Если бы они предприняли какие-то действия против него, то он получил бы повод для нападения на Рим.

Несмотря на все его планы, осада угрожала затянуться на неопределенный срок. Вот почему обычным знойным утром в середине июня Ганнибал решил форсировать события. Он не хуже других понимал, что его решение было близко к безрассудству, но ему надоело смотреть, как солдаты погружались в летаргию. Жара летних дней могла иссушить дисциплину и повернуть их друг против друга. Он не желал допустить такой поворот событий. Ганнибал не мог прорваться через стены в одиночку, но он был способен вдохновить свое войско на подвиг, превосходящий возможности человека. Так поступал его отец. И после смерти Гамилькара старший сын перенял этот метод.

Вскочив на коня, который в последнее время стал его любимцем, он выехал на поле, усыпанное обломками городской стены. За его спиной был осажденный город; перед ним темнели толпы уставших от жары солдат. Он призвал их к атаке. Они лениво посмотрели на него сквозь облако пыли. Его фигура, дрожащая в мареве пекла, вызвала у них лишь раздражение. Какой-то офицер, сошедший с ума. Затем они поняли, кто скакал на коне перед ними, и начали прислушиваться к его словам. Те, кто не знал карфагенского наречия, улавливали смысл его речи, когда он переходил на греческий, кельтиберийский или нумидийский языки. Некоторые воины говорили на других диалектах, поэтому они постигали его слова с чужой помощью, через двойной перевод. Он начал с простых фраз.

— Вставайте и будьте мужчинами! Оторвите ленивые зады от земли и следуйте за мной через стены этого города, за которыми вас ждет оргия, не виданная доселе в мире!

Он обещал им, что они получают любую поддержку, если атакуют город в тот же час. Все людские ресурсы! Все механизмы и оружие! Им нужна только храбрость, чтобы добиться победы. Сколько можно терпеть подлость и наглость самодовольных обжор из Сагунтума? Даже теперь они смеются над ними и оскорбляют их. Женщины и дети города находят их смешными, не достойными ни дружбы, ни подчинения, ни даже любовных утех.

Он вклинился в ряды кельтиберийцев. Большой конь шел грудью на людей, и те отпрыгивали в стороны или отбегали назад, чтобы дать ему проход. Они отличались от других солдат бледной кожей и пыльным золотом волос. Многие из них впервые видели командира так близко, и они, открыв рты, смотрели на него с восхищением.

— Перед вами Сагунтум, — сказал он не слишком громко, но так, что его услышали многие. — Разве это сложная задача для таких воинов, как вы? Неужели она так трудна, что лишает вас воли? Давайте говорить начистоту. Перед вами огромный город, с крепкими стенами и глубоким фундаментом. В этом городе живут тупоголовые и ленивые богачи. Прошедшие месяцы утомили нас — и меня, и вас, — но мы здесь для того, чтобы выполнить важную миссию. Мы пришли сюда по зову наших друзей турдетан — славного народа, страдающего от посягательств города, который вы видите за моей спиной.

В ответ раздались крики турдетан. Судя по всему, им понравилось упоминание их племени. Ганнибал кивнул головой и направил коня к их скоплению.

— Когда обсуждаются вопросы справедливости и несправедливости, — продолжил он, — спор должен решаться независимым свидетелем. Вот почему мне предложили стать третьей стороной. Но, будучи нечистыми на руку, жители Сагунтума обратились к Риму, чтобы оказать давление на нас. Еще до того, как мы выбрали правильную сторону и указали

на обидчика, римляне пришли в мой город, встали передо мной и начали указывать мне, Ганнибалу, что я могу делать и что не могу. Они подумали, что я ребенок, а все вы — просто мои колченогие товарищи по детским играм. Вы такими видите себя?

Ганнибал пустил коня в галоп, заставив пехотинцев отбегать с его пути. Перевод потребовал некоторого времени. Когда все отряды поняли его вопрос, ответ прокатился, словно гром в ненастье. Некоторые, в отдалении, кричали тише; другие, почти рядом, — звонко и грозно. Их голоса были наполнены гневом, как будто им нанесли невыносимое оскорбление. Казалось, что раньше они не обращали на него внимания, но теперь оно затронуло их до глубины души. Люди отвечали на многих языках: нет, они не были худосочными детишками. И Ганнибал не был ребенком.

Когда командир продолжил свою речь, он уже находился в толпе ливийских наемников. Солдаты тянули к нему руки и касались его ног, когда он проезжал мимо них. Кожа ливийцев имела цвет меди. Носы и подбородки казались вырезанными из гранита. По многим причинам они были ядром армии. Это были закаленные в битвах ветераны, чьи семьи сражались за Карфаген в течение нескольких поколений. Два эти народа не входили в формальный союз. Карфаген не гарантировал военную помощь ливийцам. Но царь Сифакс поддерживал давно сложившуюся традицию и позволял своим подданным наниматься в карфагенскую армию — тем более, что часть их платы, в той или иной форме, шла в его казну. Ливийцы, среди которых скакал Ганнибал, молча топали ногами, выбивая пульсирующий ритм.

— По какому праву Сагунтум считает римлян нашими хозяевами? Разве такие люди не достойны презрения? Они и вправду мерзкий народ. Весь этот спор был порожден их подлостью! Из-за них мы месяцами роем землю. Из-за них ваши братья ушли в иной мир. Всего несколько дней назад я по-

слал им предложение о мирной сдаче города. Даже после многих потерь и лишений Ганнибал допускал возможность милосердия. Но они отвергли мою руку!

Он остановился на краю толпы ливийских пехотинцев и осмотрел отряд массилиотских нумидийцев — ловких всадников, темнокожих и татуированных по их особому обычаю, с цветастыми лентами в свисавших до плеч волосах. Их глубоко посаженные глаза смотрели на него исподлобья. Этим людям тоже платили за службу, но карфагенской армии их предложил царь Гайя, который добивался прочного официального союза с Карфагеном.

Когда перевод его слов завершился, и толпа, наконец, замолчала, Ганнибал заговорил под ритм пульсирующего топота, который по-прежнему поддерживали ливийцы.

— Пусть отныне будет известно! Когда этот город падет, он достанется воинам, которые захватят его! То, что вы найдете там — золото, монеты, драгоценности и оружие, — все станет вашим! Мужчины, дети, женщины! Ганнибал ничего не возьмет для себя. Мы отправим положенную дань Карфагену, чтобы его жители могли оценить наш труд, и какая-то часть пойдет на содержание армии. А все остальное Ганнибал отдаст тем смельчакам, которые возьмут этот город. Вы можете поступать с его жителями как пожелаете. Осада длилась слишком долго. Давайте разрушим Сагунтум и покончим с ним раз и навсегда!

Рев одобрения раздался еще до того, как был закончен перевод. Те, кто понимал карфагенский язык, закричали первыми. Остальные присоединились к ним, даже не разобравшись полностью в том, что им было предложено. Они уловили общий смысл слов и выплеснули свою радость, отложив подробности на более поздний срок. В тот день армия Ганнибала атаковала Сагунтум с таким энтузиазмом, который буквально ошеломил защитников. Солдаты Карфагена взбирались на стены, как будто научились цепляться за гладкий

камень. Жители Сагунтума бросали в них копья и пылающие факелы. Тела горели, их пронзали стрелы; черепа раскалывались с треском; руки и ноги отсекались мечами. Но стоило воину упасть, как через него перешагивал другой, карабкаясь вверх и вперед, к богатствам города. И, наверное, каждый солдат понимал, что тело, через которое он переступал, означало увеличение его собственной доли наживы.

Дух храбрости овладел всей армией. Тем более что Ганнибал был в первых рядах. Позже многие люди заявляли, что сражались бок о бок с ним в течение дня. Когда стенобитный таран оттащили назад, он прокричал яростный клич и повел отряды к основанию стены. Солдаты видели, как он взобрался на нижнюю часть лестницы и едва успел спрыгнуть вниз, отскочив от бревна, которое упало сверху. Оно разбросало людей перед ним и за его спиной, оставив после себя раздавленные трупы и раненых с поломанными ребрами. После прыжка с высоты на обломки стены он захромал. Магон убедил его сесть на коня. Последовав совету брата, Ганнибал в сопровождении свиты подъехал обратно к стене. И там, в месиве плоти, бесстрастная рука судьбы коснулась его так, как никогда не задевала прежде.

В безумной суматохе штурма он выкрикивал приказы, конь кружился под ним, вокруг бежали люди. Вот, наверное, почему Ганнибал не заметил копья, брошенного в него с высокой башни. Он не видел пальцев, которые направили снаряд, не слышал слов, слетевших с губ того мужчины. Наконечник имел в длину четыре фута, за ним следовала прослойка из материи, смазанная смолой и уже пылавшая огнем, а далее начиналось десятифутовое древко, придававшее оружию смертоносный вес при падении. Огромное копье описало огненную дугу, сначала поднявшись в воздух, затем потеряв горизонтальную скорость и повернувшись к земле, чтобы отдаться силе притяжения. Пока оно было в воздухе, конь Ганнибала петлял, вставал на дыбы и галопировал на неболь-

шие расстояния. Командир мог легко оказаться в десятке ярдов от копья, и оно вонзилось бы в землю. Это обеспокоило его позже, как некое предвестие, связанное с волей богов или с планами судьбы, хотя он никогда не обсуждал эту тему с другими людьми.

Охранник из свиты запоздал с предупреждением, и его окрик остался неслышанным. Наконечник копья пробил бедро Ганнибала, прошел через мышцы и плоть, через кожу седла, сломал два ребра жеребцу и застрял глубоко внутри, нанеся животному смертельную рану. Конь умер стоя. Ганнибал яростно заколотил ладонями по горящей смоле на древке, как будто он мог справиться с огнем незащищенной кожей. Затем командир почувствовал, что конь начал падать. Чтобы не оказаться раздавленным, он принял единственно правильное решение.

Когда скакун повалился на бок, Ганнибал склонился в другую сторону. Острые грани наконечника рассекли мышцы, задержались на миг под тонкой лентой сопротивляющейся плоти, затем порвали ее и высвободились из ноги. Оказавшись сверху упавшего коня, командир попытался прыгнуть с него, но из-за раны и онемения ему удалось лишь сместиться к крупу. В этот момент животное, прощаясь с миром, конвульсивно взбрыкнуло ногами и выбило воздух из Ганнибала, на миг превратив его легкие в бесполезный орган. Сила удара подняла его в воздух и перебросила через головы людей, бежавших к нему на помощь. Когда после недолгих кувырков и скольжения по земле командир замер в жалкой позе, свернувшись в комок, он понял, что уже никогда не сможет стоять перед Имилце с таким гордым достоинством, как в прошлом. Его тело уже не было идеальным. Эта мысль ошеломила Ганнибала больше, чем боль; больше, чем близость смерти, которая прошла от него в нескольких дюймах, задев наконечником копья одну его часть тела и не попав в другую.

* * *

Когда посыльный нашел его, Магон находился на дальней окраине лагеря, проверяя качество и количество бревен, недавно срубленных для осадных механизмов. Он тут же отправился в путь, проезжая через части лагеря, которые прежде никогда не осматривал: палаточные бивуаки и стоянки различных племен, где каждый народ придерживался своих обычаев и жил по собственным законам. Он проскакал мимо лагун обозников — приземистых жилищ, сплетенных из ветвей, сложенных из глины и навоза и занавешенных шкурами. Он пронесся мимо нескольких открытых рынков, где на кольях свисали подвешенные туши животных, облепленные мухами. Земля под ними была завалена отбросами. В воздухе распространялась вонь гнилого мяса и рыбьих внутренностей. Хаотичный многонациональный быт лагеря изобиловал женщинами — поварами, проститутками, служанками, женами и сестрами, и даже дочерьми — особенно из кельтиберийских племен, которые находились недалеко от дома. Среди них мелькали дети: те же уличные беспризорники, которые жили на улицах городов — быстрые, проворные и взрослевшие под ногами у воинов. Проходы между палатками и навесами патрулировались вездесущими бродячими собаками, с тонкими ногами и короткой шерстью, без признаков какой-либо породы. Как и детям, им как-то удавалось существовать между неумолимых жерновов войны. Порядок здесь почти отсутствовал, но каждая душа на многие мили вокруг знала имя Ганнибала Барки.

Лишь некоторые из них узнавали Баркида, скакавшего позади посланника, который сопровождал его. В последнее время Магону пришлось взвалить на себя огромный груз ответственности. Он вел повседневные записи всех примечательных событий, включая систематизацию инженерных

отчетов от Адгербала и ведение дисциплинарных дел в различных частях армии. Он решал споры от имени Ганнибала и разбирался в драках солдат, которые в пылу раздражения поворачивали свой гнев друг против друга. Кроме всего прочего, Магон отвечал за пополнение припасов Вандикара — главного объездчика слонов, чьи питомцы использовались в осадных работах еще более напряженно, чем люди.

Выполняя возложенные на него задачи, Магон постоянно находился среди солдат. Он проверял тараны и катапульты, оценивал выучку офицеров, отвечавших на его вопросы. Поначалу юноша немного робел в общении с людьми, которые были старше по возрасту и опытнее его. Они хмурили брови и часто не желали выражать свое истинное мнение по интересовавшим его вопросам. Каждый вечер, завершив работу, Магон подводил итог дня и отмечал, где и когда допускал ошибки или слабость. Однажды утром он сдернул Карфало с коня, прижал молодого генерала к земле и придавил его грудь коленом. Днем раньше тот не выполнил приказ Магона, посчитав его нижестоящим по званию. Не прошло и вечера, как младший из Баркидов придумал ответ. Это стало сюрпризом для многих, включая Карфало. Лишь некоторые еще не поняли, что Магон уже вырос и превратился в генерала, достойного своей семьи.

Кивнув охранникам, стоявшим у палатки Ганнибала, он тихо прошел мимо них, откинул занавес и погрузился в сырой полумрак, насыщенный запахом благовоний и пота, миазмами истощения, крови и уксуса. Когда его глаза привыкли к царившему здесь сумраку, он увидел немногочисленные предметы мебели. В центре находился деревянный стол, окруженный отодвинутыми стульями и заваленный картами и свитками. За ним у задней стены располагалась небольшая кровать, на которой лежал Ганнибал. Приподнявшись на локте, командир наблюдал за действиями лекаря Синхала, рядом с которым, держа в руках мерцавшую лампу, стоял его помощник.

— Приветствую тебя, брат, — на удивление беспечным тоном произнес Ганнибал. — Прости, что оторвал тебя от дел, но мне необходим твой навык в составлении писем. Тот жалкий человек, который последним выполнял этот труд, погиб довольно неприятным образом. Мой хирург говорит, что причиной тому послужили дурные болезни, проевшие его чресла до самого живота. Будь я на его месте, я постарался бы погибнуть в битве.

Врач-египтянин обернулся через плечо и недовольно посмотрел на помешавшего ему посетителя. Он со вздохом поднялся на ноги и произнес несколько слов командующему. Тем временем Магон оценил его работу. Обнаженная нога брата была отмечена на середине бедра неровным кругом рваной плоти, глубоко вклинившейся в ткань мышц. Хирург набросил на рану мокрую ткань. Белая материя тут же заалела и постепенно потемнела до красного, а затем до коричневого цвета.

— Не считай меня немощным, Магон, — сказал Ганнибал. — Они проткнули мне кожу и мышцу, но кости и главные артерии остались не задетыми. И враг никак не затронул пыла моего сердца. Не сомневаюсь, что стал жертвой какого-то крепкого парня, который метнул копье, как только увидел шанс себя прославить. Я раздражен — моя невнимательность нарушила ход атаки, и теперь осада будет продолжаться еще несколько месяцев. Подойди и сядь. Синхал согласился оставить нас наедине, но он сказал, что скоро вернется. Этим вечером он устроит мне худшую из пыток, хотя, возможно, его действия не дадут ноге стать причиной моей смерти.

Ганнибал благодарно сжал запястье хирурга. Тот кивнул и покинул палатку, даже не взглянув на Магона. Помощник лекаря забрал лампу с собой, и после его ухода сумрак сгустился еще сильнее. Магон придвинул стул к столу и сел, как было велено. Он старался смотреть в лицо брата, но его взгляд все время перемещался на рану.

— Если бы я мог, то занял бы твое место под ножом хирурга, — сказал он. — Пусть бы это копьё вошло в мою плоть, лишь бы ты снова был целым и здоровым.

Улыбка на лице командующего угасла. Хотя воздух в палатке был прохладным, струи пота прочертили его виски и нос. Лишь они и указывали на жуткую боль, которую причиняла ему рана. Переменив позу, он угрюмо произнес:

— На моем месте ты бы никогда не допустил такой глупости. Есть много причин, ради которых я мог бы рискнуть своей жизнью. Но в этот раз виной всему оказались суета и мое собственное нетерпение. Люди сильно разочарованы?

— Прежде никто не видел тебя раненым, — ответил Магон. — Это был шок. Слухи распространились быстрее лихорадки.

Ганнибал переместился, собираясь встать, но Магон, угадав мысли брата, остановил его рукой.

— Мы справимся с этим. Я подговорил жреца, совершавшего утреннее жертвоприношение, и он увидел в твоём ранении добрые предвестия. Кроме того, я попросил генералов не говорить о физическом состоянии Ганнибала. В беседах с солдатами они будут упоминать только о твоей отваге — о том, что ты, как многие другие, получил ранение в битве, но несколько этим не опечалился. Они обещали выполнить мою просьбу, однако в будущем будь осторожнее. Это неправда, брат, что твоя рана сопоставима с ущербом других солдат. Ты потерял намного больше их.

— Мудрый совет, — сказал Ганнибал. — Иногда мне кажется, что из всех детей отца только ты похож на меня своим характером.

— Ты слишком высокого мнения обо мне.

Ганнибал воздержался от улыбки, но на его лице появилось ироническое выражение.

— Я так не думаю. Ты похож на того меня, каким я мог бы стать, если бы жил при других обстоятельствах. Гасдру-

бал радуется жизни столь легкомысленно, что я вообще не способен уподобиться ему. Ганнон ведет степенное существование, однако некое бремя вины пригибает его вниз. В юном возрасте он усомнился в себе, и сейчас никак не перерастет неуверенность в себе. Но у тебя, Магон, равновесие, которому я завидую. Настанет день, и я покажу тебе степень моего восхищения. Теперь же давай позаботимся о насущных делах. Я позвал тебя, потому что римляне снова направили ко мне послов, дабы выразить нам свое неудовольствие. Я велел им ждать на берегу. Надеюсь, что они потеют и покрываются волдырями на солнце. Я мог бы принять их раньше, но не в таком состоянии. Уверен, через пару дней они направятся отсюда прямо в Карфаген. Поэтому нам нужно предупредить совет. Пусть лучше старейшины услышат новости от нас. Ты найдешь письменные принадлежности прямо за своей спиной.

Ганнибал подождал, пока Магон приготовится к письму. Он хотел переменить позу, однако боль в ноге остановила его. Вместо этого командир лишь раздраженно отогнал мух, которые устроились на бинтах. Они разлетелись в стороны, покружили в воздухе и снова сели на ткань, пропитанную кровью. Когда Магон выжидающе посмотрел на брата, тот начал диктовать.

— Записывай мои слова точно. Если возникнет вопрос, остановись и задай его. Мы не должны допускать ошибок в такой корреспонденции. Пиши... Уважаемый, любимый Валом и почитаемый совет Карфагена! Ганнибал приветствует вас, о потомки Элиссы. Я пишу вам по вопросу величайшей важности, который прошу рассмотреть в тот же день, когда вы получите письмо. Как вы знаете, я покорно служу вам в Иберии и продолжаю труд моего отца Гамилькара, выведшего эту дикую страну из огня племенных раздоров. Мой отец как никто другой наполнял вашу казну и помогал в восстановлении подорванного влияния Карфагена. Выполняя взя-

тые на себя обязательства, он погиб, пожертвовав жизнью ради страны, которую любил.

Ганнибал сделал паузу, чтобы Магон успел записать его слова. Заметив, что мгновением позже брат поднял голову, он удивился.

— Так быстро? Тебя хорошо обучили. Возможно, мне не стоило нанимать того грека, который будет моим летописцем.

Он увеличил темп диктовки.

— После смерти Гамилькара Иберией какое-то время управлял мой зять Гасдрубал Красивый. Когда его убили, я принял груз ответственности на себя — причем, не по собственному желанию, а по требованию тех, кто заботился о славе Карфагена. С тех пор моя армия завершает покорение Иберии. Я ни разу не обращался в Карфаген за ресурсами и с помощью личных вложений завоевал племена вдоль реки Тагус, захватил Салмантику и Арбокалу. Карфаген благоволит генералам, которые выигрывают битвы и обогащают родной город. Следовательно, вы не можете жаловаться на Ганнибала или на семью Баркидов.

Я напоминаю вам это, чтобы освежить ваши воспоминания перед приемом посланников из Рима. Они приплывут к вам, чтобы очернить меня, по своей привычке превращая правду в ложь, а ложь — в фальшивую правду. Вы знаете о моей миссии, поэтому во время переговоров не забывайте о том, что Сагунтум расположен к югу от реки Эбро и что мы не обязаны подчиняться приказам Рима относительно города, находящегося в сфере нашего влияния. Я надеюсь, что мои действия по захвату Сагунтума не противоречат существующим соглашениям. И даже если они нарушают их, вы сможете отвергнуть аргументы, навязанные вам со стороны. Я прошу вас о простом деле. Отправьте этих римлян домой, словно непокорных собак, какими они и являются. Я хочу завоевать Сагунтум и уверяю вас, что Карфаген получит огромную прибыль. Знайте также, что если Рим начнет угро-

жать нам силой, Карфаген может послать Ганнибала и его армию навстречу врагу еще до того, как он достигнет африканской земли.

Ганнибал велел брату показать ему написанный текст. Тот развернул перед ним свиток.

— У тебя красивый почерк, — с одобрением сказал командир. — Эти римляне такие лицедеи! Они называют меня варваром, хотя сами являются предателями, нарушающими все договоренности. Они предстали здесь невинными детьми, шокированными грубой действительностью. Но даже жители Сагунтума однажды подтвердят, что Ганнибал был благородным и честным.

— Думаешь, подтвердят? — спросил Магон. — Это бы меня удивило. Я имею в виду, что тогда им придется подтверждать очень многое.

— Они не смогут сказать, что я лишил их выбора. Рассматривай ситуацию следующим образом. Неужели, когда на твоём пути вдруг появится большое дерево, ты бросишься на него с кулаками и вызовешь на бой? Неужели, когда ночью за твоей спиной раздастся рычание льва, ты повернешься и сразишься с ним, чтобы он больше не пугал тебя? Нет! Ты обойдешь большое дерево. Ты ускоришь шаг, убежишь ото льва и найдешь себе защищенный кров. Я привел к Сагунтуму силу, которую этот город не сможет одолеть. Его жителям следовало подстроиться к обстоятельствам. Если бы они были мудры и признали наше превосходство, мы бы сейчас не воевали. Отвергнув мои условия, они пробудили во мне гнев, а не дружбу. Они сами определили свою судьбу. Это не мое своеволие. Мир груб. Чтобы жить в нем, людям нужно принимать его законы. Лично я так и делаю.

Ганнибал умолк и, склонив голову набок, прислушался к крикам снаружи палатки. Затем он продолжил свою мысль:

— Некоторые могут спросить: ветер движет Ганнибалом или он идет по ветру? На это я отвечу так: поведение жите-

лей Сагунтума меня вполне устраивает. Я знал, как они будут реагировать и как поведет себя Рим. Конечно, мне хотелось бы быстрой победы, но я рад, что осада стала вызовом для моих людей.

Магон кивнул, хотя внутренне сопротивлялся логике брата. В его голове закружились неоформленные мысли. Факты подсказывали ему истины, которые не соответствовали утверждениям генералов. Он не мог отрицать, что жители Сагунтума храбро сражались за свои жизни, защищая женщин и детей от продажи в рабство. Вечерами, когда они выкрикивали проклятия со стен, он слышал в их голосах отчаяние и храбрость. Это вызывало в нем поэтическое настроение. Ему приходили на ум строки «Илиады», напоминавшие о судьбе Приама и Трои. Его всегда разочаровывали финалы великих историй. Героические подвиги заканчивались насилием, грабежами и полным уничтожением народов. Но Магон никогда не делился такими мыслями с другими людьми. Он хранил их в себе.

— В любом случае совет ознакомится с моим мнением и будет опираться на него, — продолжил Ганнибал. — Я не был дома много лет, но знаю свой народ. С божьей милостью мое письмо опередит посланцев Рима и найдет понимание в сердцах соотечественников. Такова моя воля. Теперь посмотрим, как она осуществится.

Когда он поставил на пергамент печать, Магон скрутил свиток в трубку, перевязал его шнуром и передал гонцу, который ожидал у входа в палатку. Ганнибал намеревался отпустить младшего брата, но после некоторых колебаний попросил его немного задержаться. Он провел ладонью по кончику носа и сжал пальцами нижнюю часть лица, словно хотел сдержать жар своего дыхания.

— Магон, напиши еще одно письмо. О нем никто не должен знать, как и о любой другой моей корреспонденции. По-

нимаешь, брат, эта женщина — моя слабость. В подобном деле я могу довериться только тебе.

Он подождал, пока Магон приготовит пергамент, и с некоторым смущением в голосе произнес:

— Моя дорогая Имилце...

* * *

Сапанибал была во многом похожа на братьев Баркидов. Ее внешность объединяла в себе глубоко посаженные глаза Ганнибала, статность и широкий лоб Ганнона, красивый рот Гасдрубала и развитый ум Магона. Как и вся ее родня, включая юную сестру Софонисбу, она воспитывалась для служения интересам своей семьи. Именно поэтому Сапанибал и согласилась на брак с Гасдрубалом Красивым. Их союз создал связь, превосходившую любые обеты и обещания, и она пожертвовала своей свободой столь страстно, словно посвящала жизнь войне. Она приняла замужество как долг — с такой же ответственностью, какая ожидалась от ее братьев. Теперь Сапанибал осталась не у дел. То, что требовалось от нее прежде, теперь потеряло смысл. Ее муж погиб несколько лет назад и, следовательно, перестал быть предметом ее забот. Никто из зачатых ими детей не прожил в ее чреве больше нескольких месяцев, поэтому она не могла посвятить себя материнству. Братья всегда были заняты военными делами, в которых она не принимала участия. А затем у Ганнибала появилась Имилце, поглотившая все его внимание. Она понемногу и неизбежно ослабляла то влияние, которое Сапанибал некогда оказывала на старшего брата.

Солнечным утром поздним летом она прогуливалась по извилистой тропе небольшого леса в Новом Карфагене — в густой прохладной роще, где росли вековые гиганты, угодившие в ловушку гранитных стен города. За каменной клад-

кой, которая защищала этих избранных исполинов, некогда шумел огромный лес, простиравшийся на многие мили вдоль побережья. Однако при правлении ее мужа цена на древесину подскочила, и бревна в Новом Карфагене стали предметом роскоши. Это вызвало слухи о том, что снисходительность Гасдрубала Красивого к городской роще объяснялась не его любовью к природе, а прихотью наложницы, которой он был очарован. Рощу назвали Лесом Шлюхи, и данное название стало предметом гордости Сапанибал. Она давно перестала опровергать неверность мужа. Да, говорила она, ее супруг был настоящим мужчиной, а не слабаком, позволявшим фаллосу чахнуть от голода. В любом случае, шлюха, о которой шла речь, делила постель Гасдрубала в ту ночь, когда его убили. Она погибла вместо Сапанибал. Ее грудь и живот были покрыты колотыми ранами, как и тело любовника. Похоже, Ваал имел чувство юмора.

Она вдыхала сырую прохладу и находила умиротворяющий покой под куполом переплетенных ветвей. Да и кто бы не испытывал благоговения, стоя у подножья огромных дубов и елей, утопая ногами в густом папоротнике и прислушиваясь к шелесту листвы над головой, вызванному легким ветерком? В тайне от других Сапанибал иногда спала в лесу. Растянувшись на мшистой земле, она закрывала глаза и слушала, как мир природы вращался вокруг нее. Это было редкое удовольствие, во время которого она чувствовала, что возвращает себе давно забытую частичку души.

Она первой увидела Имилце, ее слуг и охрану. Несколько часов назад Сапанибал отправила к ней посыльного и назначила встречу. Замедлив шаг, она какое-то время наблюдала за свитой. Сидя на скамеечках, принесенных слугами, они казались карликами в сравнении с окружавшими их деревьями, одно из которых упало два года назад, словно раненый зверь. Ширина ствола превышала рост любой из жен-

щин. Упавшее дерево покоилось за их спинами, как стена, возведенная лесом. Странно, подумала Сапанибал, что раса существ, построивших такой огромный город, выглядела маленькими насекомыми перед лицом безмолвной природы.

— Милая Имилце, — сказала она, выходя на поляну, — прости меня за просьбу встретиться в лесу. Я всегда начинаю день с прогулок среди деревьев, и мне подумалось, что тебе будет приятно разделить одну из них со мной. Давай пройдемся. Я буду твоим проводником по Лесу Шлюхи.

Имилце встала и кивнула служанке. Они молча пошли по тропе. Гибкая и легкая поступь жены Ганнибала резко контрастировала с походкой Сапанибал. Хотя последняя имела хорошую одежду, опрятно сплетенные косы и красивые серебряные серьги в ушах, она чувствовала себя гусыней, ведущей лебедя. Это ощущение было настолько острым, что она пыталась скрыть свое смущение под добродушными шутками. Лес жил своей жизнью, и Сапанибал рассказывала Имилце обо всем вокруг.

Воздух вибрировал от какофонического пронзительного свиста тропических птиц — радужных созданий, с ярко-зелеными, красными и белыми перьями, с большими клювами и с абсурдной раскраской хвостов. Они были чужими в этой роще. Их популяция пополнялась каждый год и удерживалась на месте подрезанными крыльями и широким кольцом пустоши вокруг города. В число иноземных существ входили не только попугаи, но и группа обезьян, обитавших в лесу. Эти африканские животные, с тонкими мордами и длинными хвостами, демонстрировали такое проворство, что даже не верилось глазам. Они окликали друг друга и визгливо кричали на людей. Сапанибал вытащила горсть фиников из мешочка, привязанного к опоясывающей ее цепочке, и начала подбрасывать их вверх. Раздались новые крики. Обезьяны прыгали с ветки на ветку, подхватывая фрукты на лету. Они

следовали за женщинами до тех пор, пока те не вышли к краю леса и не зашагали по желтому пшеничному полю, тянувшемуся до самой городской стены.

Приблизившись к ограде, Сапанибал опустилась на землю, скрестила ноги и выпрямила спину.

— Мы странные люди, — сказала она, указав на небольшое стадо животных у изгиба стены. Издалека они выглядели, как кони, но отличались от них окраской и особой грацией движений. То были зебры.

— Некоторые жители Нового Карфагена превратили город в экзотическую коллекцию — в сборище странных людей, животных и драгоценностей. По правде говоря, мне иногда кажется, что мой брат добивается успехов не из-за помощи самодовольного Карфагена, а вопреки ему. При определенных обстоятельствах наша экстравагантность может стать причиной краха. Имилце, тебе рассказывали, что ко дню моей свадьбы некий торговец по имени Састану привез из Африки двух взрослых жирафов? Это был его свадебный подарок для меня и Гасдрубала. Через несколько дней самец умер от лихорадки, а самке рассекли мечом артерию на шее, когда она лягнула ногой какого-то охранника.

Имилце по-прежнему не решалась сесть на траву. В конце концов она неохотно последовала примеру своей родственницы.

— Я не слышала эту историю. Мне хотелось бы посмотреть на жирафов. Неужели они действительно такие высокие, как о них говорят?

Сапанибал почувствовала нетерпение, хотя она сама затронула эту тему.

— Да, ты могла бы пройти под животом жирафа и над твоей головой осталось бы свободное пространство. Однако я собиралась обсудить с тобой другой вопрос. Сестра, я принесла тебе письмо от брата.

— От моего мужа?

Сапанибал достала из складок одежды небольшой, туго свернутый свиток.

— Осада продолжается. Она медленная, как лето, но не такая приятная.

— Ты читала письмо?

Сапанибал с укором посмотрела на нее.

— Я не читала его, сестра. Многие письма проходят через меня, однако это послание я сочла нужным передать тебе из рук в руки.

Имилце взяла свиток и прижала его к груди. Ее пальцы погладили бечеву и развязали ее. Помолчав какое-то время, она поблагодарила Сапанибал и, казалось, хотела уйти. Заметив это, Сапанибал предложила:

— Если хочешь, я прочитаю его для тебя.

Ее слова остановили Имилце. Она сначала покачала головой, но затем робко пожала плечами.

— Мне бы не хотелось обременять тебя, — сказала она.

Сапанибал протянула к ней открытую ладонь.

— О каком бремени ты говоришь? Это то малое, чем я могу порадовать тебя.

Молодая женщина передала ей свиток и скромно потупила взгляд. Сапанибал сняла бечевку, раскрутила пергамент и выпрямила его пальцами.

— Моя дорогая Имилце, — прочитала она. — Надеюсь, письмо найдет тебя такой, какой ты была в момент нашего прощания — образцом красоты и здоровья. Я молюсь, чтобы жаркое лето не нанесло большого вреда Новому Карфагену. До меня дошли слухи о массовых случаях лихорадки в регионе, но позже гонцы доложили, что все не так уж и плохо. Пожалуйста, уточни этот вопрос, когда будешь писать мне очередное письмо. Дела у нас идут медленно. Как ты предупреждала, наш противник оказался более упорным, чем я ожидал. Тебе этот народ знаком лучше чем мне. В следующий раз обязательно напомни об этом случае, чтобы я при-

слушался к твоим советам. Тем не менее осада будет завершена до окончания военного сезона. Можешь мне поверить. И я вернусь к тебе, как только мы одержим победу.

Сапанибал замолчала, прочистила горло и отогнала муху, которая села ей на руку.

— Как юный Гамилькар? Мне очень жаль, что я не могу наблюдать ежедневно за его развитием. Это воистину одно из самых огорчительных обстоятельств. Надеюсь, ты напоминаешь ему о наших встречах весной, о нашей близости, чтобы его крохотное ушко, услышав голос отца, могло узнать меня по возвращении. Мне недавно рассказали, что после нашего отъезда ты каждый день воздаешь жертву богам за мое здоровье. Я благодарен тебе за это. Возможно, боги улыбнутся тебе и передадут твою мудрость нашему сыну. Имилце, ты, наверное, уже слышала, что я получил ранение. Не верь слухам: мое здоровье такое же, как прежде. Оно прекрасное. Твой любящий муж Ганнибал.

После долгого молчания Имилце спросила:

— Он обманывает, верно? Рана тяжелая. Я должна поехать к нему.

— Ни в коем случае, — ответила Сапанибал. — Если мой брат говорит, что у него прекрасное здоровье, ты должна верить ему. И если он ранен, то это забота хирурга, а не жены.

— Значит, ты думаешь, что рана серьезная?

Сапанибал пропустила ее вопрос мимо ушей.

— Он должен знать, что ты находишься в безопасном месте под надежной защитой. Написав это письмо, он и так уже проявил излишнее потворство чувствам. Ганнибал командует армией, Имилце. Его ум должен быть направлен только на военные дела. От его решений зависят жизни многих людей и судьба нашей нации. Я помогу тебе написать ответ — веселое письмо, которое расскажет ему о здоровье сына и о любви его жены. Вот что ему сейчас нужно. Ты понимаешь?

Имилце приподняла голову и посмотрела на стадо зебр.

— Твое объяснение было достаточно ясным, сестра.

— Вот и хорошо, — сказала Сапанибал. — Пусть Ганнибал займется лучше восстановлением здоровья. Не нужно отвлекать его.

Сжав голову ладонями, Имилце перевела тоскливый взгляд на Сапанибал.

— То есть ты подозреваешь, что рана очень тяжелая? Или ты знаешь об этом из других источников? Скажи мне, пожалуйста. У тебя же везде есть осведомители, не так ли? Ничто не проходит мимо Сапанибал. Только я остаюсь в неведении.

— Зачем ты клеветешь на нас обоих? Каждое из твоих предположений неверно. Никто не скажет, что Имилце остается в полном неведении или что я имею особую власть. Я лишь даю тебе совет как бывшая жена солдата. Ты знаешь не хуже меня, что Ганнибал провоцирует римлян. Если он займется ими всерьез, это будет война, какой мир еще не видел. Не какая-то летняя кампания, а борьба на многие годы. Лучше подумай, как ты можешь помочь нашему общему делу.

— Наверное, мне нужно сопровождать его, — сказала Имилце.

Сапанибал поджала губы — в основном, демонстрируя свое недовольство окружающему миру, поскольку Имилце вновь опустила взгляд на колени.

— Да, некоторые жены так и поступают, — сказала она. — Они плетутся в обозе за армией. Но ты не хуже меня знаешь, что это будет недостойным положением для тебя — особенно с ребенком. Лично я считаю, что тебе следует отправиться со мной в Карфаген и переждать войну там.

— Ты хочешь, чтобы я покинула Иберию?

— Да, это наилучший вариант. Ты породнилась с Карфагеном. Теперь тебе нужно увидеть его, выучить в совершенстве язык, познакомиться с моей матерью Дидобал и сестрой Софонисбой.

— Я поступлю так, как решит мой муж.

— Ты можешь спросить его мнение, но знай, что я уже обсудила с ним эту тему и он согласился со мной.

Размышляя над услышанной новостью, Имилце настороженно посмотрела на Сапанибал.

— Я спрошу его сама.

Она встала и стряхнула соринки с одежды.

— Этим вечером я помолюсь Ваалу и составлю письмо — веселое, как ты сказала. Спасибо, сестра, за совет.

Некоторое время Сапанибал смотрела ей вслед. Несмотря на почтительность молодой красавицы, Сапанибал не доверяла ей и боялась, что Имилце как-то повлияет на ход задуманных событий — намеренно или случайно. Прежде всего, она была дочерью вождя. В отличие от многих людей, Сапанибал понимала, что Имилце руководствуется собственным мнением. По крайней мере она чувствовала волю за элегантностью и изяществом манер.

* * *

Надежды Ганнибала оправдались. Совет Карфагена обсудил его депешу до того, как к нему обратился посланник Рима. Они вежливо отослали его восвояси, повторив аргументы, разъясненные им в письме. К сожалению, гонец, доставивший эти новости Ганнибалу, привез также весть о мятеже среди карпетан в центральной Иберии. Командующий покинул Сагунтум, чтобы разобраться с ними. Он мог бы возложить карательную операцию на доверенного генерала, но, посчитав мятеж достаточно серьезным, решил лично подавить его. Почувствовав безнаказанность, эти непокорные племена могли породить недовольство карфагенской властью у других народов. Этого нельзя было допустить.

На время своего отсутствия он назначил Ганнона старшим офицером и приказал ему по возможности довести осаду до

полного завершения. Но как только фигура Ганнибала исчезла за холмами Сагунтума, энтузиазм солдат иссяк окончательно. Ганнон не только увидел это, но и почувствовал сам. Он не собирался произносить вдохновляющие речи, чтобы подбодрить просоленных от пота, прокопченных и искусанных насекомыми людей. Однако он надеялся, что город не выстоит долго в условиях непрерывной блокады. Его подчиненные строили большие осадные механизмы и деревянные башни выше стен, которые затем перемещались к городу по ровной местности. Солдаты бросали с них копья и дротики. Они осыпали горожан смертоносным градом стрел, прикрывая тех, кто рыл под стенами подкопы. На других участках воины построили пологие навесы, под защитой которых рабочие вгрызались в прочный фундамент. Адгербал, главный инженер, доносил о том, что блоки в основании стены были плотно подогнаны друг к другу и скреплены раствором глины. Он и его люди вытаскивали их в больших количествах, ослабляя тем самым прочность крепости. Постепенно массивные стены смещались и проседали вниз, издавая громкий скрип и треск, как будто молили о жалости.

Полагаясь на тактику осадных работ, Ганнон ожидал момента, когда стенобитные машины пробьют широкие проходы в укреплениях города. Но однажды, проснувшись в поту жарким утром позднего лета, он содрогнулся от зловещей тишины. Тараны не стучали. Когда гонец принес ему весть о странном происшествии, он понял, что предчувствовал подобное. Как оказалось, угловая часть стены внезапно сместилась и придавила рабочих, подкапывавших ее основание. Она похоронила их в общей могиле, с грохотом, который сменился полным безмолвием. Из-под завала не доносилось ни стонов, ни криков о помощи. После того как пыль медленно осела, люди увидели чудо. Просевшая стена опустилась на десять футов, но не разрушилась. Она не имела ни брешей, ни трещин.

Осмотрев ее, Ганнон почувствовал гнетущее сомнение. Какая сила подняла свой массивный каблук и раздавила пятьдесят человек, втоптав их бесследно в землю? Такую странность нельзя было игнорировать. Она могла быть предвестием. Неужели жители Сагунтума призвали бога, чья сила одолела мощь Ваала, покровительствовавшего карфагенянам? Если это верно, то даже гений Ганнибала не мог одержать здесь победу. Ганнон велел остановить осадные работы и призвал верховного жреца.

Уроdlивое лицо угрюмого Мандарбала внушало страх. Его верхняя губа, срoсшаяся с нижней частью носа, оставляла рот постоянно открытым. Большие желтые зубы торчали вперед. Ходили слухи, что он был рожден с руками, напоминавшими плавники морских существ — его пальцы соединялись друг с другом кожаными перепонками. Храмовый хирург рассек их в тот день, когда сироту приняли в орден. С тех пор жрец всегда носил кожаные перчатки — как и этим вечером, когда он взывал к богам и просил их мудрости и руководства в действиях. Для жертвоприношения выбрали козу, специально выращенную и откормленную для этой цели. Помощники Мандарбала, облаченные в черные плащи, провели ее на пыльный пустырь перед палаткой генерала и пропели священные слова, смысл которых был понятен только им. Коза испуганно бляела, смотрела на них и упрямо натягивала веревку, привязанную к колу. Жрецы, удерживая ее на месте, с трудом сохраняли торжественность церемонии.

Магон, стоявший рядом с Ганноном, ткнул брата локтем в бок.

— Похоже, она знает, что произойдет, — сказал он. — Наше будущее записано на ее кишках. Странно, что боги общаются с нами подобным образом.

Сoпротивление животного продолжалось недолго. Мандарбал выполнил свою работу без заминок, как специалист. Когда помощники подвели к нему козу, он зажал ногами ее пле-

чи и вонзил ей в горло длинное тонкое лезвие. Из артерии вырвалась струя крови. Ее поток вскоре замедлился, стекая черной полосой с перепачканной шеи на пересохшую землю. Жрец протянул руку за следующим инструментом. Помощник передал ему нож с выпуклым изогнутым лезвием и рукояткой, сделанной из спинного хребта какого-то морского чудовища. Мандарбал рассек шею животного немного косо, но так быстро, что коза почти ничего не заметила. Она упала на колени, прежде чем почувствовала новую рану. Церемония жертвоприношения проходила публично, но когда жрецы начали распарывать брюхо, они склонились над козой и закрыли ее спинами.

Магон хотел прошептать что-то брату, но отвлекся, заметив незнакомца, подошедшего к их группе. Это был невысокий человек болезненного вида, с тонкими руками, которые скорее соответствовали подростку, чем мужчине. Его непропорционально большую голову с прямоугольным затылком покрывало черное руно курчавых волос. Несмотря на хрупкое телосложение, он тащил массивный тюк на загорелых плечах. Его жилистые ноги были сильны и проворны. Он сбросил ношу в пыль и представился, заговорив сначала погречески, затем на латыни и, наконец, на витиеватом карфагенском языке. Его звали Силеном. Этот грек прибыл по вызову в качестве официального историка и летописца Ганнибала. Он сказал, что приплыл издалека, дабы обессмертить в прозе и стихах жизнь выдающегося полководца. Такой заманчивой перспективе позавидовали бы даже древние поэты, и он был рад смочить перо воображения не только вином, но и подвигами великих людей.

Магону он понравился. Однако Ганнон ворчливо сказал:

— Ты прибыл с опозданием. Мы ждали тебя несколько недель назад.

— Я знаю, господин. Меня задержало столь много событий, что трудно перечислить их вкратце. Если бы ты попросил меня

рассказать о них, я утомил бы твое ухо, поэтому нам лучше отложить сию историю для времени приятного досуга.

Обдумав его предложение, Ганнон кивнул головой.

— Это действительно может подождать, — сказал он. — Найди каптенармуса лагеря. Он подыщет тебе жилье и познакомит с лагерем. Ты объяснишь мне свою задержку вечером.

— За ужином, — добавил Магон. — И обязательно в моем присутствии. Расскажешь нам свою историю, как обещал.

Ганнон, нахмурившись, посмотрел на брата, но не стал выражать ему. Он вновь сосредоточился на ритуале, хотя какое-то время искоса следил за греком, пока тот не поднял тюк на плечи и не удалился.

Наконец Мандарбал поднялся с колен, сжимая в руках окровавленную печень. Коза с рассеченным животом лежала на боку. Ее вывалившиеся из раны внутренности уже были покрыты пылью и облеплены мухами. Жрец аккуратно положил священный орган на церемониальный столик и склонился над ним. Помощники обступили его с каждой стороны, встав плечом к плечу, голова к голове — так, чтобы никто из посторонних не мог разглядеть написанных на печени знаков. Затем Мандарбал поднял голову, повернулся и подошел к двум братьям. Как только он покинул круг жрецов, его помощники прикрыли своими телами церемониальный стол. Ганнон лишь мельком увидел изуродованную плоть.

— Знаки неопределенные, — высоким шепелявым голосом сказал Мандарбал. — Доли печени необычно большие, что предполагает изменение естественного хода событий. Правая часть здоровая и чистая, но левая имеет черную метку, похожую по форме на головастика.

— Как ты это объяснишь? — спросил Ганнон.

— Двусмысленный знак. Боги благоволят нам, но мы столкнулись с божественной силой, которая выступает против нас.

— И это все что ты увидел?

Мандрабал задумчиво посмотрел через плечо на своих помощников. На его губу опустилась муха, которая тут же улетела.

— Возможно, некий бог обижен на тебя, — ответил он. — Ты можешь даже пострадать от этого.

Ганнон оскалился, прижав язык к зубам.

— Я хочу взглянуть на печень, — сказал он. — Эти знаки...

Жрец остановил его жестом руки. Его пальцы испачкали кровью нагрудную пластину Ганнона.

— Ты не можешь рассматривать священный орган. Он не для твоих глаз. И ты не сведущ в ритуалах. Я сказал тебе вполне достаточно. Твое будущее не определено. Лучше поверь моим словам и принеси жертвоприношения Ваалу и Анасу. Я буду молиться Элу. Возможно, древний бог снизойдет до общения с нами и даст какой-нибудь совет. Не забудь и Молоха! Произнеси восхваление смерти.

Мандрабал шагнул к помощникам, но, заметив недовольную гримасу на лице Ганнона, остановился и сказал:

— События происходят по воле богов. Мы не всегда можем знать их желания. Если же, невзирая ни на что, мы выводим у них частичку нашего будущего, это становится либо благом, либо проклятием. Относись к предсказаниям проще. Пловец, признавший поражение, идет ко дну, а тот, кто еще не принял окончательного решения, продолжает плыть и часто сохраняет жизнь.

С этими словами жрец повернулся к Баркидам спиной. Магон пожал плечами и, скривив губы, похлопал брата по плечу.

— А что ты ожидал? — спросил он. — Это же жрецы! Не в их привычках говорить понятно.

Ганнон относился к священным церемониям серьезнее, чем брат, однако и он не мог отрицать простую истину, на которую ссылался Магон. Жрецы только усиливали тревогу людей, оставляя их после ритуалов в еще большей неопреде-

ленности и озабоченности относительно капризов судьбы. Он все это понимал, но не мог отделаться от странного очарования предсказаний.

Если бы Ганнон поступал во всем по-своему, он не стал бы делить общий ужин с генералами и братом, а ушел бы пораньше в свои апартаменты. Но, как часто бывало после отъезда Ганнибала, его присутствие считалось официально обязательным. В честь прибытия летописца офицерскую трапезу устроили в греческом стиле. Генералы возлежали на низких кушетках в палатке Магона и ели пальцами сыр и рыбу, козлятину и овощи. Вечер был удушливо жарким, поэтому одну из стен большой палатки подняли вверх, впуская внутрь первые и едва заметные дуновения вечернего бриза. Силен говорил на карфагенском языке с сиракузским акцентом. Он развлекал уставших солдат рассказами о своем путешествии из Карфагена в Сицилию, затем в греческий город Эмпории, находившийся в северо-восточной Иберии, откуда торговый корабль доставил его вдоль побережья до самого Сагунтума. Трудно было понять, где в этой истории факт заменялся фантазией, поскольку его одиссея грозила превзойти поэму Гомера. Силен рассказывал о пиратах Эгейта, о морском чудовище длиннее квинквиремы, на которой он плыл, и о зловещей молнии, ударившей с чистого неба в поверхность спокойных вод.

— Похоже, нам просто повезло, что мы увидели тебя живым, — сказал Магон.

Он подал знак слуге — худощавому рабу из Арбокалы — наполнить чашу грека вином.

— Ты прав, — согласился Силен. — Если бы я знал, что не застану Ганнибала, то не стал бы так спешить.

— Лучше бы ты не опаздывал, — проворчал Ганнон.

Хотя он не хотел показывать своей враждебности, она прорвалась в его голосе. Летописец чем-то раздражал его, и он втайне бранил себя за то, что столь явно демонстрировал

свою антипатию на виду у собравшихся генералов, которые вполне по-дружески относились к греку. Смягчив тон, он добавил:

— Ты должен понимать, что мы потребуем от тебя очень многого.

— Да, конечно, — ответил Силен.

Склонив голову, он замолчал. Но генералу Бомилькару не хотелось прерывать интересную беседу. Этот мускулистый гигант не отличался умом, дисциплиной и интеллектом. Дорогу к первенству он проложил божественным телосложением. Его семейство считалось одним из старейших в Карфагене. На протяжении нескольких поколений предки и родственники Бомилькара поддерживали чистоту финикийской крови, доказывая это своими изогнутыми носами, заостренными подбородками и кустистыми сросшимися бровями.

— Слушай, грек, — сказал он. — Могу ли я спросить, как вашему хромому богу Гефесту удалось взять в жены Афродиту? Почему она не досталась Аресу? Или самому Зевсу? Неужели причина в том, что они оба обитали в море?

— У кузнеца были больные ноги, — ответил Силен, — но все другие его члены работали прекрасно. Дни он проводил, выковывая железо...

— А ночами долбил кое-что еще!

Бомилькар захохотал еще до того, как закончил свою шутку. Грек улыбнулся.

— Гефест известен как очень добрый бог. Возможно, Афродите понравилось это качество. Ты можешь удивиться, Бомилькар, но я не знаком с олимпийскими богами лично. Уверяю тебя, я взывал к ним несколько раз, но они не обращали на меня внимания. Артемида, Гера, Афродита — они не приходили на мой зов. Однажды я скосил глаза и заметил Диониса, но в тот момент моя голова была затуманена вином. Нет-нет, когда дело касается Силены, то боги, в основном, молчат.

— Ты скептик? — спросил Магон.

— Нисколько, — ответил летописец. — Я видел Ареса в глазах мужчин, довольно часто попадал в сеть Афродиты и каждый день любовался трудами Аполлона. Мне просто не хотелось подвергать себя опасности, и теперь я сожалею об этом.

— Греки странные существа, — сказал Ганнон. — Они твердят, что чтят свои божества превыше всего остального и в то же время ничему не верят. Ты не боишься обидеть богов и навлечь на себя их кару?

— Обидеть богов? — с изумлением спросил Силен.

Он задумчиво поднес наполненную чашу к губам и замер на какое-то мгновение.

— Я слишком мелкий человек, чтобы исполнить такое. Ты же видишь эти руки и мою уродливую голову. Как боги могут обижаться на мои слова?

— Ты играешь вопросами вместо того, чтобы отвечать на них, — произнес Ганнон. — Мы, карфагеняне, боимся наших богов. Мы ежедневно, ежечасно и ежеминутно просим их о милости, чтобы они направляли свой гнев не нас, а на врагов. Нам никогда не известно, что им нравится и что не нравится, поэтому мы всегда почтительны к ним.

— Сочувствую, — прошептал Силен.

Наверное, он хотел что-то добавить, но благоразумно промолчал.

— Давайте не будем говорить о нашей вере, — предложил Магон. — Мы все чествуем Ваала. Это никогда не оспаривалось в нашей армии — даже греками. Лучше поведай нам что-нибудь полезное, Силен. Ты действительно был в Риме? Расскажи нам о римлянах.

Грек с удовольствием подхватил эту тему.

— Они очень некультурный народ. Не так давно Рим был сточной канавой, наводненной блохами. У них и сейчас нет литературы, о которой можно говорить. Они обращаются к

богам, когда чувствуют выгоду от этого, но молятся кое-как. На самом деле римляне позаимствовали наших греческих богов и переименовали их. Интересно, кого они хотели одурачить? Конечно, не олимпийцев. Я думаю, что когда им понадобится собственная литература, они возьмут ее у греков. Переименуют Гомера в Помпония или во что-то такое же абсурдное, а затем изменят все имена в «Илиаде». Уверяю вас, у них нет ни капли стыда. Это вполне может случиться.

— Если только их не усмирят, — сказал Бомилькар. — А это вполне возможно благодаря милости Ваала и ловкости Ганнибала. Жаль, что его сейчас здесь нет. Мне хотелось бы, чтобы ты встретился с ним. Тогда, грек, ты бы увидел лик будущего. Скоро он раздавит римлян каблуком. Ганнибал вкопал железо в хребты своих солдат. Рим не тот враг, которого нужно бояться.

— Я не воин, — ответил Силен. — Но я знаю более могущественную силу, чем железо.

— Что за сила? — с усмешкой спросил Бомилькар. — Сила перьев и чернил? Ты приверженец школы буйных фантазеров?

— Нет, — сухо ответил Силен, немного опечаленный подобным допущением. — Я не такой идеалист. То, что я хочу сказать, не просто объяснить. Возможно, мне не хватит слов... Вы слышали о Цинциннате? Во время первых лет республики римляне непрерывно сражались со своими соседями. Я хочу рассказать вам о случае, когда эквы поймали римскую армию в западню. Они окружили ее превосходящими силами и обрекли на смерть, поскольку запасы еды и воды убывали. Ситуация казалась настолько безнадежной, что Рим обратился к богам за советом, и в ответ им было велено призвать к власти Цинцинната — солдата-ветерана, ушедшего на покой. Его нашли в поле, где он пахал землю — потного, щурившегося от яркого солнца. А рядом стояла лачуга, в которой, как я думаю, он, жена и дети жили вместе со свиньями. Вы можете представить себе эту сцену. Тем не менее

римляне пригласили Цинцинната в город и наделили его властью диктатора. Он оставил плуг на поле, собрал новую армию из сельских парней, за пару недель добрался до эквов и победил их в стремительной атаке. Достойный подвиг для простого пахаря, не так ли?

— Он не был пахарем, — возразил Ганнон. — Цинциннат ветеран. Даже выйдя в отставку, он оставался воином. Что ты хочешь доказать своим рассказом?

— Я полагаю, что он был и воином и пахарем — и тем и другим, а не чем-то одним. Вот моя точка зрения. Эти люди считают себя легионерами, даже будучи сельскими жителями. Они видят себя не только пахарями и животноводами, но и солдатами своего народа. По призыву родины они перестают возделывать землю и начинают размахивать мечами. Одержав победу, Цинциннат сложил с себя диктаторский сан, отказался от власти над Римом и вернулся в свою лачугу. Он поднял плуг, где тот лежал, и продолжил работу на поле.

Магон не думал, что брошенный плуг остался бы лежать на прежнем месте. Кто-то наверняка унес бы его с собой. Но когда он сказал об этом, Силен всплеснул руками, словно рассердился на нелепую придирку.

— Это метафора, благодаря которой рассказчик улучшает симметрию истории. Она не должна отвлекать от истинного смысла. Моя точка зрения...

— Я понял твою точку зрения, — прервал его Ганнон. — Но только ни одна орава сельских остолопов не сможет устоять против армии обученных солдат — людей, избравших войну главной стезей своей жизни. Наемник, который только что явился с ячменного поля, не имеет ни малейшего шанса на победу, если ему противостоит муж, учившийся в схватках несколько лет. Вот почему люди, посвятившие свои жизни копьё и мечу, презирают тех, кто ломает спины, выращивая растения на сухой земле. Наша армия боеспособна не вопреки отсутствию гражданских лиц, а благодаря такому отсут-

ствию. Ни один советник Карфагена не проводит дни в военных кампаниях рядом со мной и моими братьями. Я готов поспорить, что это верно и для римских сенаторов. Мне кажется, Цинциннат просто вымысел. Или, говоря твоими словами, он персонаж какой-то старой истории.

Силен пожал плечами, затем поднял чашу и заметил, что она пуста. Подождав, пока ее наполнят, он сказал:

— Насколько я разобрался в намеках, прозвучавших в нашей беседе, твой брат Ганнибал решил сражаться с римлянами на их земле. Но ведь люди воюют совсем иначе, когда за их спинами находятся жены и дети. Пример тому — жители Сагунтума.

Ганнон сузил глаза и свирепо посмотрел на грека.

— Я сомневаюсь, что ты годишься для работы летописца.

Не ожидая ответа, он поднялся на ноги, пожелал генералам приятного вечера и повернулся, чтобы уйти.

— Ганнон, — окликнул его Бомилькар. — Ты так и не сказал, возобновим ли мы завтра осаду. Я понимаю, знаки сомнительные... Но мои люди готовы идти на штурм. Адгербал говорит...

— Я в курсе дел, — огрызнулся Ганнон. — Но инженеры не отдают приказы. Они следуют им. А я еще не принял решение. Мне нужно немного подумать.

Он вышел в летний вечер и замер на миг у палатки, закрыв глаза и почувствовав на щеках движение прохладного воздуха. До него донесся запах вареного мяса. За ним последовал аромат благовоний и затхлый запах лошадиной кожи. А над всем этим вился сухой дым от тысяч маленьких костров. Ганнон слышал обрывки бесед, далекие крики на языке, которого он не понимал, веселый, почти детский смех и молитвенный напев, посвященный Шалему — богу, который любил созерцать заходящее солнце.

Он направился к дому, в котором жил последнее время. Особняк находился в отдалении от лагеря, на середине скло-

на между плоским выступом и отвесной скалой. Еще недавно здесь обитал один из богачей Сагунтума. Удаленность от города гарантировала покой, а высота предоставляла не только чистый воздух, лишенный запахов сточных труб, но и вид, которым можно было долго любоваться. Ганнибал не одобрял его в этом — для полководца, как и для людей, служивших ему, было достаточно палаток на голой земле. Но брат не упрекал его за роскошь. Ганнон мог бы жить и в лагере. Тем не менее, когда появлялась возможность, он всегда предпочитал прочные стены, уютную постель и уединение с теми, кто ему нравился.

Пока он взбирался на холм, небо расцвело величественными красками. Горизонт лучился каштановым цветом, словно воздух вобрал в себя тепло вечернего солнца. Даже дым, поднимавшийся над городом, алел, будто раскаленный от жара. В его серых и черных волнах кружились яркие красные пятна. Ганнону вспомнилось упоминание о Гефесте. Наверное, небо вокруг его кузницы выглядело сходным образом... Он встряхнул головой, отбрасывая прочь мысли о греках. В истории Силена его озаботило только то, что римлянам удалось получить необходимое пророчество и отыскать Цинцинната. Вот если бы он имел такую мудрость! Какая несправедливость! Кто больше него был озабочен будущим и происходящим? А если он и есть тот «тонущий человек», на которого ссылался Мандарбал? Да, это верно, подумал Ганнон, но как можно плавать в таком беспокойном море? Как удержаться на поверхности?

Когда он подошел к особняку, с земли поднялась темная фигура — не солдат, не охранник, а юноша, который днем пас лошадей на холмах за лагерем. Этому стройному кельту с обнаженной грудью и светлыми волосами едва исполнилось пятнадцать лет. При приближении генерала он смиренно потупил свой взгляд. Ганнон прошел мимо, но он был рад присутствию подростка и той молчаливой близости, кото-

рую ему предложили. Он вошел в дом, не удостоив юношу ни жестом, ни приветствием. Кельт выждал некоторое время, взглянул на город, лежащий перед ним, затем повернулся к входному проему и переступил через порог.

* * *

Объединившись с Гасдрубалом, который прибыл из Нового Карфагена, Ганнибал возглавил войско из двадцати тысяч воинов. Всю неделю, пока они перемещались по стране, командир обсуждал с младшим братом тактику, проверял его знакомство с местностью, выспрашивал мнение о вождях различных племен, об их недостатках и достоинствах. Он хотел понять, на что способен Гасдрубал и что ему можно доверить. Время, отведенное на тренировки, сокращалось с каждым днем. Армия состояла из смешанного контингента: часть ветеранов, размещенных в Новом Карфагене, иберийцы из южных племен, ливийские рекруты из нового пополнения, наемники-мавры и отряд боевых слонов, недавно привезенных из Северной Африки. Они никогда не сражались вместе, но, по крайней мере, знали команды, подаваемые трубой. Ганнибал препоручил их генералам, которые выполняли его приказы.

Чем дальше армия продвигалась вглубь страны, тем жарче и суше становилась погода. Днем земля казалась пеклом, ночью — раскаленной жаровней. Когда братья оглядывались через плечо и осматривали армию, шеренги и ряды тонули в облаке пыли. Гасдрубал однажды подметил, что люди похожи на языки большого костра. Довольно верный образ, подумал Ганнибал.

Рана тревожила его постоянно, хотя он никому не говорил об этом. Она была наполовину исцеленным рваным шрамом ужасного вида. Нога болела при ходьбе и верховой езде. Синхал возражал против его участия в этом походе, и Ганни-

бал частенько признавал мудрость лекаря — хотя лишь перед самим собой и, особенно, в те дни, когда он не слезал с коня. По ночам боль глодала ногу с такой конвульсивной алчностью, что однажды в бреду он увидел крохотную лису, зашитую живой внутри его раны. Ганнибал проснулся, мокрый от пота, и рассердился на себя. Человек должен держать боль в узде, ибо ее не унять иначе. Его отец в последнее десятилетие жизни служил примером такого отношения, и Ганнибал не мог не следовать ему. Чтобы проверить свою волю, он ударил кулаком по бедру, будто наказывая хищную тварь и добиваясь ее подчинения. Но боль не покорялась. Когда началась битва, он вздохнул с облегчением, потому что на время забыл об изматывающей муке.

В тот день массилиотские разведчики принесли ему важные вести. Приближаясь к реке Тагус, он знал, что карпетаны были близко. Позже стало известно, что их путь блокировала многотысячная армия. Она закрепилась на ближнем берегу реки. Такую огромную силу варвары собрали впервые. Ганнибал сразу понял, что их орда представляла собой конфедерацию нескольких племен. Они в три раза превосходили карфагенян по численности. Продвигаясь вперед беспорядочной толпой, карпетаны кричали на разных диалектах, дули в рожки и грохотали по щитам мечами и копьями.

Сидя на встревоженных конях, братья Баркиды наблюдали за их приближением. Гасдрубал мрачно выругался и предложил вступить в бой, поскольку у них не было другого выбора. В ответ Ганнибал покачал головой. Уже смеркалось. Солнце опускалось за холмы. Командир приказал армии отступать и сражаться, отступать и сражаться. Он бросал в бой обученные отряды, а затем, нанеся максимальный ущерб, заменял их рекрутами, вооруженными пиками, и небольшими отрядами мавров, виртуозно владевших копьями. Слоны раз за разом наводили хаос среди карпетан, но Ганнибал не отпуская их далеко.

Когда вечер превратился в ночь, оказалось, что иберийцы Ганнибала бились лучше всех. Это удивило не только карпетан, но и многих ливийских ветеранов. После захода солнца и приостановки сражения карфагенская армия начала возводить укрепления для временного лагеря. Ганнибал велел солдатам разыграть большой спектакль, со множеством шумов и криков, чтобы показать противнику их готовность к длительному бою на следующий день.

К концу первой четверти ночи Ганнибал и его разведчики повели пехоту и большую часть кавалерии на пять миль выше по течению реки. Они двигались тихо и незаметно, прикрываясь кустами и деревьями. Найдя узкую тропу, их отряд спустился к реке и перешел ее вброд — благо лунный свет был таким ярким, что освещал своим призрачным сиянием речные камни и склоны холмов, вычерчивая серебристые полосы на черной воде. Обратный путь к вражеской армии пришелся на самые темные часы ночи после захода луны — перед рассветом. На следующее утро, когда варвары проснулись, они нашли карфагенян за своими спинами, на другой стороне реки. Это вызвало среди них панику, споры и торопливые обсуждения.

— Смотри, — обращаясь к брату, сказал Ганнибал. — Просто наблюдай за ними.

Какие бы решения ни приняли вожди племен, их усилия не привели к организованным действиям. Карпетаны собрались у воды, выкрикивая проклятия и называя карфагенян жалкими трусами, женщинами и собаками. Ганнибал велел своим людям молчать, наблюдать и ждать приказов. Их спокойствие разъярило варваров еще сильнее. Один солдат вошел по колено в воду, метнул копье, но оно не долетело до цели. Наконечник ударился о валун. Древко заскользило по земле и остановилось у ног ливийского пехотинца. Тот поднял оружие, осмотрел его и проверил балансировку. Затем он отшвырнул копье в сторону, как бесполезный предмет.

Неизвестно, что послужило поводом для атаки — возможно, именно этот поступок. В любом случае, толпа варваров бросилась вперед. Один фланг их воинства направился к броду. Другие, увидев храбрость соплеменников, тоже начали переправу. Вскоре неровная линия солдат, бредущих по пояс в воде, достигла середины потока. Ганнибал продолжал молчать, выжидая, пока первые ряды противников не одолеют глубокое место и не выйдут на отмель. Затем он приказал мавританским копейщикам приготовиться к бою. Прошел еще один миг, и он велел им изготовить оружие. Когда первые карпетаны уже шли по колено в воде, Ганнибал взмахнул рукой. Трубы проревели оглушительный сигнал, и тысячи дротиков взлетели в воздух. Варвары не могли спастись от их града. Они держали щиты под неверными углами, над головами или вовсе опущенными в реку. Дротики пронзали их туники и кожаные нагрудные пластины. Железные наколенники дробили кости черепов, вырывали суставы из плеч, вонзались в воду и находили там бедра и гениталии. Второй залп наполнил воздух шумным свистом снарядов, после чего копейщики уже вели обстрел в произвольной манере, находя цели по своему усмотрению.

Ганнибал взглянул на брата и сказал, не обращая ни к кому в частности:

— Мне нужен более опытный враг, а не это ничтожество.

Карпетаны продолжили атаку и, в конце концов, поредев числом, перенесли сражение на карфагенский берег. Два их фланга отважно бросились в бой. Несмотря на ярость и задор, они промокли и устали. Их противниками были свирепые ливийцы, мускулистые черноглазые демоны, которые сражались в небольших, защищенных щитами фалангах, оцетинившись тяжелыми копьями. Эти образования походили на живых существ, чьи тысячи рук заканчивались железными острыми пальцами. Ганнибал стегнул коня и помчался вперед, рубя мечом врагов и подбадривая криками сво-

их людей. Гасдрубал последовал за ним и через несколько мгновений спас ему жизнь, убив карпетана, который едва не вонзил копьё в шею командира. Но братья не долго оставались в гуще битвы. Ганнибал галопом выехал на командную позицию и прокричал сигнальщикам очередной приказ.

Трубы издали протяжный зов, и внезапно позади карпетанского войска донесся ответный сигнал. За спинами варваров появились слоны. Погонщики, сидевшие на их холках, гнали животных из старого лагеря в тыл малоопытных варваров. Повернувшись и увидев огромных зверей, которые неслись во весь опор, карпетаны с ужасом поняли, что их ожидает неминуемая гибель.

Жеребец Ганнибала покружил на месте и закрутил головой, как будто осматривал что-то, застрявшее в его зубах. Командир похлопал его по темени между ушей и крикнул брату сквозь шум кровавой резни:

— Ты видишь? Видишь истину перед собой? Эти люди всегда будут под нами. Они не смотрят в прошлое и не пытаются создать что-то новое. Они лишь хватают то, что падает им в руки, и цепляются за это веками. Карпетанам никогда не сравняться со мной. Они останутся такими, какими были, или умрут, освободив свое место для других народов. Запомни этот миг, Гасдрубал! Теперь начинается твоя работа. Отправляясь войной на Рим, я оставляю Иберию в твоих руках. Начиная со следующего года ты не только получишь власть над многими народами, но и сможешь приручить их к нашему миру, превращая иберийцев в солдат Карфагена. Сегодня мы убиваем их. Завтра будем нанимать в свои войска. Приручи этих варваров, Гасдрубал, и мы установим мир по нашим меркам.

Утром Ганнибал направился в Сагунтум. Он позволил брату привезти домой весть о победе над несколькими городами и селами, по глупости пославшими своих мужчин на верную смерть. Нога командира ужасно болела после тягот преды-

дущего дня. Он ехал во главе Священного отряда и, казалось, намеренно наказывал себя во время путешествия, подолгу оставаясь в седле, пока боль нарастала и доводила бедро до полного изнеможения. Ганнибал часто думал об Имилце, и это расстраивало его так сильно, что почти лишало радости от недавней победы. Теперь, через день-два, битва при Тагусе казалась ему далеким воспоминанием в рассказе другого человека.

И даже возвращение в Сагунтум не улучшило его настроения. Хотя Ганнибал прибыл в лагерь темной ночью, он тут же понял, что осадные работы нисколько не продвинулись. После всех недель его отсутствия сцена, освещенная луной, ничем не отличалась от той, которую он видел, отправляясь в поход. Командир нашел Ганнона в его особняке и вызвал на площадку перед домом. Гнев наполнил его такой яростью, которую он редко чувствовал вне битвы. Когда он задавал свои вопросы, его губы находились в двух дюймах от лица Ганнона. Чего брат добился своим управлением? Почему прошли три недели, а ему даже нечем похвастаться?

Ганнон не стал отвечать на вопросы. Вяло кутаясь в ночную одежду, он хронологически перечислил то, что было сделано. Если он и был напуган вспышкой брата, то никак этого не показал. И он даже не вздрогнул, когда Ганнибал велел ему замолчать.

— Ганнон, — спросил командир, — что ты отдашь мне, если я завтра отобедаю в городе? Похоже, ты работал в темпе улитки, потому что нежился в этом доме. Не думаю, что наш отец одобрил бы такое поведение.

Он сел на табурет и попытался успокоить боль в ноге.

— Мне сказали, что тебя беспокоили какие-то знамения.

Речь брата была такой быстрой, что Ганнон едва разобрал отдельные слова.

— Разве отец не учил тебя замечать лишь те знаки, которые направляют нас вперед? Если ты и разгневал богов, то не

своими поступками, а бездействием. Мы должны уничтожить Сагунтум, Ганнон. Вот как мы отблагодарим богов! Победой в их честь! Нам нужно завершить кампанию на этой неделе. Мы бросим на город все наши силы. Он должен быть стерт с лица земли. Вспоминая о Сагунтуме, люди будут называть мое имя и говорить, что через меня свершалась воля Ваала. Будь уверен, мы скоро завершим осаду! И сделаем это в тот день, который я назначу!

* * *

Имко вошел в павший город иначе, чем в осажденную Арбокалу. Сначала ему пришлось карабкаться по высокой деревянной лестнице на площадку осадной башни. Над его головой поднималось несколько солдат, и он видел под собой других людей. Вака неистово перебирал руками и ногами. Все его тело горело от жажды битвы. Прежде чем он понял, что достиг края площадки, его толкнули вперед, и он почувствовал себя будто выплунутым из гигантского рта. Юноша опустился на верхний уровень стены, но сила инерции заставила его и солдата перед ним сделать пару шагов, пролететь двадцать футов в воздухе и упасть на нижнюю площадку. Имко подумал, что это конец, но провидение снова помогло ему. Он врезался ногами в спину разбившегося товарища и, таким образом, смягчил падение. Поднявшись с земли, Имко присоединился к штурмующим отрядам, как будто в тот момент он точно следовал избранному плану действий.

Карфагеняне атаковали защитников города с яростной силой, которая потрясла обе стороны. В первые моменты боя оружие было бесполезно. Они столкнулись лицом к лицу, нос к носу, подбородок к подбородку. Однако уже через мгновение Имко махал мечом, нанося удары и уклоняясь от копий. Он повалил одного из противников, раздробив ему клинком коленную чашечку. Он хотел убить его ударом, направлен-

ным вниз, но промазал и только вторым тычком вонзил меч под подбородок мужчины. Из рассеченного горла хлынула кровь. Он услышал, как дыхание воина с хриплым стоном вырвалось из раны. Другой житель Сагунтума замахнулся на него пикой. Имко пригнулся. Наконечник чиркнул по шлему, и сражавшийся рядом ливиец вонзил копьё прямо под мышку иберийца. Шлем скосбочился, но у Ваки не было времени поправить его. Он продолжал биться, немного ослепленный с левой стороны — благо, продвигаться приходилось правым боком. Какое-то время юноша находился в самой гуще боя. Затем его оттеснили к флангу, и он понял, что не умрет в этот день. Волна эйфории наполнила его уверенностью в том, что какой-то бог благоволил ему. Наверное, враги почувствовали это. Когда его боковые удары начали походить на взмахи косы, они расступились в стороны.

Вскоре он бежал по улицам вместе с другими карфагенскими солдатами, выбивая ногами двери и преследуя небольшие группы горожан. Приказ Ганнибала был простым и ясным. Им полагалось убить всех мужчин. Теперь это стало их единственной заботой. Захватчики вламывались в дома и подолгу не выходили оттуда. Они кричали, переворачивали мебель, искали обитателей. Мужчин и стариков убивали, женщин насиловали, детей забирали в рабство. Другие солдаты занимались грабежом, наполняя тюки добычей: украшениями и драгоценностями, железной посудой и серебряными столовыми приборами. Кто-то из них уже тащил за волосы пленников. Имко увидел группу безоружных молодых людей, которых конвоировали на рыночную площадь. Солдаты подталкивали их ударами. Один из горожан умолял о снисхождении. Он говорил о своих дружеских чувствах и невиновности, указывал на других и перечислял их преступления против Карфагена. Его действительно могли бы пощадить, но один из горожан ударил предателя в челюсть, и тот упал на землю, отхаркивая кровь.

К полудню Имко начало тошнить от человеческих страданий. Надеясь передохнуть в одиночестве, он вошел в небольшое здание, замыкавшее извилистую улицу. Какое-то время он стоял на пороге, осматривая комнату. Дом уже ограбили и разорили. Ни один предмет не находился на своем старом месте, ни одна ваза не оставалась целой. Вака устал. Его руки и ноги онемели от напряжения. Одежда и открытые части тела были забрызганы кровью. Тишина комнаты замкнулась вокруг него. Он почувствовал смущение от вторжения в чужие владения. Стыд окутал его, словно шаль, упавшая на плечи. Ему даже показалось, что он услышал чьи-то обвинения. Однако, прислушавшись, Имко понял, что слова звучали внутри него. Царапающий горло крик раскручивался, как спираль. То был вой без слов — в каком-то отношении более примитивный и честный, чем эмоции, которые сражались в нем друг с другом. Он не мог управлять ими. Ему просто требовался момент покоя, чтобы собраться с силами и оттолкнуть от себя угрызения совести.

Его мысли прервал приглушенный кашель. Он пошел на звук и заметил лодыжку, свисавшую из дымохода над очагом. Положив мешок с добычей на пол, Имко дернул за ногу. Из трубы в золу упала девочка лет одиннадцати, перепачканная сажей, с длинными и, наверное, никогда не стриженными волосами. Ее заплаканные глаза, сиявшие в белых кругах на закопченном лице, были наполнены ужасом. Она потянулась пальцами к Имко, словно хотела расцарапать его щеки. Но он шлепнул ее по рукам и прижал локти девочки к бокам. Встряхнув ее, как куклу, он крикнул, что просто хочет спросить. Когда малышка наконец затихла, Имко тоже замолчал, хотя и не ослабил хватки на ее руках.

— Ты последняя? — спросил он. — У тебя была семья?

После краткой паузы он сам ответил на вопрос.

— Конечно была. У каждого из нас есть семьи — у победителей и побежденных.

Девочка смотрела ему в лицо, пытаясь понять смысл его слов, но она не знала карфагенского языка. Снаружи слышались отчаянные крики. Он увидел в окно, как солдаты вытолкали пинками на улицу дряхлого старика, требуя, чтобы тот сказал, где прячутся его дочери и внуки. Они угрожали насадить его на древко копья, если он не покажет им тайное убежище. Имко не разобрал его ответа, но, очевидно, старик обругал и проклял своих мучителей. Имко и девочка не шевелились, прислушиваясь к крикам, пока расправа над старым человеком не закончилась. Солдаты двинулись дальше.

— Я хочу, чтобы ты села, — сказал Имко.

Он придвинул ногой упавший стул и поставил его прямо. Ослабив хватку, он заставил девочку сесть, затем отпустил ее и, отступив на шаг, осмотрел свою пленницу. Она была симпатичная. Имко понял это, несмотря на ее перепачканное лицо, дрожащий подбородок и слегка косые глаза. В ней ощущалось что-то нежное и привлекательное. Ее тело выглядело детским, но уже не было плоским. Возраст позволял использовать ее в постели, продавать другим или одалживать взаймы. Он обошел малышку и постоял какое-то время за ее спиной, решая, как поступить с ней. Внезапно Имко представил, как много страданий жизнь приготовила для этой девочки. Ее плечи были слабыми и тонкими, но их хрупкость привлекла бы многих. Полупрозрачная кожа едва прикрывала скелет. Наверное, она голодала последние месяцы. И это тоже делало ее желанной для некоторых извращенцев. Волосы девочки ниспадали на плечи. Он мог видеть биение артерии на ее шее. Подняв руку, Имко прикоснулся к ней пальцами. Девочка молча отодвинулась, но он шепотом велел ей не шевелиться. Ее сильный пульс наполнял его тело теплом и трепетом. Биение показалось ему немного прерывистым, однако Вака не обратил на это внимание. Он думал о тех, кто получит выгоду от ее страданий. Еще до окончания месяца

она пройдет через руки сотен мужчин. Ее приучат к побоям и заразят болезнями. Она будет гнить изнутри душой и телом. Но сейчас в ней было столько свежести! Она печалилась. Да. Она оплакивала своих родителей. Конечно! И все же ее кошмар еще не начался. Он, управляемый божественной рукой, мог направить ее жизнь по-другому. Многие люди сочли бы подобный поступок благородным и великодушным даром. Но почему же он испытывал такое сожаление?

Едва решение окрепло в его уме, он понял, почему пульс девочки показался ему странным. Отдернув пальцы от артерии, Имко рассек ее шею скользящим ударом меча. Малышка упала со стула, и он выскочил на улицу. Оставив разграбленный дом за спиной, он быстро зашагал к открытым городским воротам. Ему навсегда запомнился тот миг, когда он осознал, что прерывистый ритм был результатом слияния его и ее пульса. Прикосновение пальцев объединило их тела. Жизнь связала их вместе. За последние годы он стал закаленным солдатом. Но в нем по-прежнему жил брат и ребенок, который любил своих сестер — все еще добрый и нежный в каком-то уголке сердца. Он молился и надеялся, что девочка приняла его поступок правильно — как странный, но великодушный дар сострадания.

* * *

Когда весть о разграблении Сагунтума достигла римского Сената, несколько участников собрания вскочили на ноги с призывами к незамедлительному провозглашению войны. Валерий Флак встал со всеми и в пылу энтузиазма немедленно изложил свой план атаки — причем так полно, словно прорабатывал его долгое время. Другой сенатор указал, что им следовало разобраться с Карфагеном значительно раньше. Ганнибал зашел настолько далеко лишь потому, что некоторые граждане поставили свои личные интересы в Галлии превы-

ше нужд народа. Небольшая группа сенаторов ободрительно закричала, поддерживая его недовольство, но остальные попытались перевести спор ближе к теме: «У Рима есть враг. Сейчас не время для наветов на соперников по власти».

От нескольких уважаемых избранников поступила просьба не совершать поспешных действий. Кто-то предложил направить другого посланника: пусть какой-нибудь сенатор отправится в Карфаген и спросит раз и навсегда, действительно ли план Ганнибала одобрен советом старейшин города. Если карфагеняне ответят утвердительно, то вопрос будет решен окончательно. Пусть потом никто не говорит, что Рим начал войну по собственному почину. Сейчас они должны продемонстрировать справедливость римского правосудия. Это первоочередная задача! А затем их армия будет быстрой как сокол. Несмотря на горячие споры, данный план был принят до окончания дня. Послом и представителем Сената избрали Фабия Максима.

Дипломатическая делегация отправилась в путь при хорошей погоде. Ни в небе, ни на море не наблюдалось зловещих знамений. Казалось, даже природа осознавала важность предстоящих переговоров. В сырые дни Фабий страдал от артрита. Его зрение также оставляло желать лучшего. Одно плечо было выше другого — результат старой травмы, — но за пределами собственного дома он неплохо скрывал этот недостаток. Черные волосы, украшавшие его в юности, поблекли до тусклой серости. После многих лет сражений он гордился своей сединой как знаком мужества. Почтенный возраст усиливал его авторитет. Это стало одной из причин, по которой Фабия избрали главой миссии. Его наделили правом задать один решающий вопрос, принять ответ и отреагировать достойным образом.

Карфагеняне встретили их вежливо, и город предложил им все удобства южного гостеприимства. Однако Фабий отверг увеселения, испросив лишь встречи с советом. Он не собирал-

ся тратить время зря. Через некоторое время его провели в центр зала, который выглядел более мрачным, чем римский Сенат. Помещение освещалось не лучами солнца, а большими факелами, закрепленными на стенах. Воздух был сырым и благоуханным от булькавших чанов с особыми травами. Из-за плохого зрения Фабий почти не видел людей, к которым обращался. От благовоний у него першило в горле и в носу. Но он стоял, гордо выпрямив спину, и притворялся, что рассматривает лица своих оппонентов. Сенатор попросил ответить на один вопрос: действовал ли Ганнибал по собственному безрассудству, напав на Сагунтум, или он был послушным орудием воли Карфагена. С разных мест раздались крики, встречные вопросы и различные утверждения. Но Фабий молча ожидал.

Тогда некто Имаго Мессано призвал других к тишине и поднялся, чтобы дать ответ. Он вежливо заметил, что неважно, как действовал Ганнибал — исходя из государственных приказов или по собственному усмотрению. Важно лишь исполнение законов и соответствие существующим прецедентам. В то время когда заключался договор между Римом и Карфагеном, Сагунтум не состоял в союзе с Римом. Более позднее соглашение, подписанное Гасдрубалом Красивым, не могло считаться законным, поскольку оно не было подтверждено советом и, следовательно, не являлось официальным документом. Поэтому Карфаген не собирался уступать желаниям Рима.

— Покорение Сагунтума является нашим внутренним делом и не имеет отношения к Риму, — с улыбкой подытожил Имаго. — Такова позиция Карфагена.

Фабий выбрал простое решение. Он приподнял полу тоги и, зажав материю в кулаке, посмотрел в суровые лица советников. Ему хотелось, чтобы все увидели его жест. Он сжимал ткань так крепко, что костяшки его пальцев побелели от напряжения.

— В этой руке я держу мир или войну, — сказал римский сенатор. — Я могу подарить карфагенскому народу и то и другое, но только от вас зависит, что именно вы получите.

Осмотрев посла снисходительным взглядом и вызвав тем самым одобрительный смех других советников, Имаго пожал плечами.

— Мы примем все, что даст нам твое римское сердце.

И тогда Фабий разжал кулак и выпустил ткань тоги в жесте, который ясно давал понять, что предлагало Карфагену римское сердце. Когда он повернулся и направился к выходу, советники в унисон закричали, что принимают его дар и что они будут сражаться до конца. Таким образом, вторая война между Карфагеном и Римом была одобрена самым сердечным согласием.

* * *

Завершив осаду Сагунтума, Ганнибал распустил иберийские отряды по домам, чтобы те провели зиму с семьями и вернулись к нему весной, готовые отправиться в поход к вечной славе. Однако сам командующий и его генералы почти не отдыхали. Иногда членам семьи казалось, что Ганнибал вообще не возвращался с поля боя. Он неделями жил в тренировочных лагерях, а когда бывал дома, то с утра до ночи проводил советы и встречи, на которых составлял сезонные планы, диктовал письма иноземным лидерам и заслушивал донесения разведчиков. Задуманный им проект представлял собой огромную путаницу военных, географических, культурных и денежных вопросов. В расчет принимались тысячи деталей, включая расстановку политических сил в различных племенах, комплектацию обозов с припасами и амуницией, обсуждение морских маршрутов и физического состояния слонов.

Он тренировал ливийских ветеранов до изнеможения. Их поднимали раньше зимнего рассвета и отправляли в дальние

походы при полном обмундировании, с полевыми кухнями, животными и осадными орудиями. Они карабкались к горным вершинам, увязая в снеге по колено и взбираясь по скалистым склонам. С помощью веревок солдаты поднимали вверх вьючных животных, чьи ноги и бока были смазаны жиром. Ливийцы дивились тому, как их дыхание оставляло в воздухе следы. Они постепенно привыкали к холоду. Из Карфагена по морю доставили новую партию слонов — в основном, из лесистых холмов Северной Африки. Они были меньше слонов из южной саванны и уступали в размерах азиатским породам, но каждое животное представляло собой четырехногий безжалостный таран. При умелом обращении погонщиков они могли выкашивать ряды врагов. Один их вид мог проложить дорогу через орды варваров, населявших земли между Иберией и Римом. Кроме того, Ганнибал нанял несколько отрядов балеарских пращников. Его восхищала прицельная точность их бросков и то, как они превращали небольшие камни в смертельные снаряды, летевшие с огромной скоростью. По его распоряжению часть иберийского войска была отправлена в Африку для защиты Карфагена, а взамен ему прислали нумидийцев и ливийцев, которые должны были оберегать Иберию в отсутствие Ганнибала. Он надеялся усилить верность воинов, удерживая их вдали от родных мест, подальше от соблазнов пустынь и от карфагенских властителей. Командир направил послов в племена, чьи территории он планировал пересечь — к грубым галльским и кельтским народам, с которыми ему хотелось бы дружить, а не вести сражения.

За несколько дней до того, как зима Средиземноморья ослабила хватку на Новом Карфагене, Ганнибалу доставили подробную карту тех территорий, через которые он собирался вести войска на Рим. Уединившись в своих покоях, он растелил пергамент на столе и склонился над ним. Альпы на карте выглядели зубчатой линией пиков, напоминавшей

изогнутый шрам. Несколько обозначенных перевалов не сопровождалось указаниями о высоте, рельефе и наличии фуража. Для выбора маршрута ему не хватало сведений. А как относиться к рассказам о пронзавших небо горных пиках, о вековых льдах и лавинах, при которых снег и скалы стекали вниз стремительным потоком, похожим в одно мгновение на воду, а в следующее — на застывший монолит? И как слоны перенесут подобные условия? Некоторые погонщики утверждали, что животные погибнут от холода. По мнению других, толстая кожа должна была защитить их от низкой температуры. Он слышал, что во льдах на севере находили бивни и скелеты могучих зверей. Они были гигантами. Если эти существа выростали там до таких больших размеров, то, возможно, климат не представлял собой столь страшной угрозы для слонов, как полагали люди.

Названия племен — при условии, что их написали правильно — основывались на природных чертах тех мест: вольки, кавары, аллоброги, трискастины, турины, ценоманы... Интересно, какими они были людьми? О некоторых из них он слышал по давно наведенным каналам общения. Например, инсабры и бойи враждовали с Римом и проявляли интерес к его планам вторжения. Другие племена были знакомы ему только по названиям, слухам и очевидным выдумкам. Поговаривали, будто белокурые существа, обитавшие в холодных регионах, имели бледный цвет кожи и выглядели как мраморные статуи. Они отличались от обычных людей высоким ростом и лютой свирепостью. Эти варвары пили кровь убитых героев и украшали свои лачуги костями и черепами врагов. Они сражались с дикой отвагой, не боялись смерти и без колебаний отдавали жизнь в обмен на славу. По рассказам странников, они шли в бой почти обнаженными, надевая только штаны, чтобы прикрыть свое мужское достоинство. Какая странная причуда — стыдиться мышц, волос и плоти на собственных бедрах и гениталиях! Ганнибал не знал,

насколько точными были эти сведения, но он понимал, что ошибки в них могли являться отклонениями от еще более странных и невероятных истин.

Стоя над картой, он чувствовал румянец на щеках. При всей своей информативности рисунок не позволял принять адекватного решения. Пером, нарисовавшим контуры Альп, водила лишь одна рука. Это был не действительный мир, а только смутные и неполные его очертания. Но вскоре придет день, когда Ганнибал сам оценит реальность этих гор и обитавших там народов. Он почувствует острые камни под своими сандалиями и осмотрит вершины, покоровшиеся ему во время марша. Он увидит глаза варваров, почувствует запах их дыхания, пожмет им руки в дружеском союзе или прольет кровь в сражении с врагами. Какое странное мгновение! Тысячи жизней начинали зависеть от планов, которые он сейчас выстраивал из воздуха в спокойном уединении. Жаль, что в этот миг рядом с ним не было отца, который разделил бы его восторг. Командир решительно изгнал такие мысли из ума. Неопределенность и сожаления были оковами, которые ограничивали действия людей.

Когда он снова склонился над картой, в дверном проеме появилась Сапанибал. Постояв мгновение в молчании, она переступила порог и кивнула слуге, ожидавшему у входа. Раб склонил голову и выскользнул из комнаты, оставив двух родственников наедине. Это была их первая встреча с глазу на глаз в нынешнем году.

— Надеюсь, я не помешала тебе, брат, — промолвила Сапанибал.

Ганнибал поднял голову и обернулся. При виде сестры его лицо несколько раз изменило выражение. Сначала он встретил ее суровой хмуростью военачальника. Затем на его губах заиграла снисходительная усмешка брата, а затем пришла честная усталость, которую он показывал лишь несколькими людям в мире.

— Мне многое мешает, сестра, но ты всегда желанная гостья.

— На самом деле я пришла как посланница твоей возлюбленной супруги. Она тревожится о тебе и боится, что ты можешь простыть на своих зимних тренировках.

Ганнибал улыбнулся и покачал головой.

— Она боится за меня сейчас, когда я просто готовлюсь к войне? Вы, женщины, странные создания. Вы с гордостью провожаете меня на сражение, но тревожитесь о каком-то малом недуге.

— Небольшие неприятности часто приводят великих людей к печальной кончине. Поверь мне, не одна Имилце волнуется о твоих чрезмерных нагрузках.

— Чрезмерных нагрузках? — вскричал Ганнибал. — О чем ты говоришь, сестра? Чтобы спланировать грядущую кампанию, мне нужно думать день и ночь. Просто ты привыкла жить в штиле. Иди и посмотри, как делается буря!

Он поманил ее к столу.

— Несмотря на свою красоту, эта карта очень неточна и изобилует пустыми пространствами, которые мне придется заполнить смертью многих солдат. Ты знакома с моим планом?

— Мне не позволено участвовать в военных советах, — ответила Сапанибал. — До меня доходят только домыслы и слухи.

Ганнибал сомневался, что осведомленность его сестры столь ограничена. Тем не менее, он начал с простых объяснений:

— Я намечаю наземную атаку. Так как римляне разрушили наш флот во время последней войны, они считают, что находятся в полной безопасности. Природные преграды кажутся им неодолимыми. Наша армия не может переплыть через море. А с севера их защищают Альпы и Пиренеи. Так, по крайней мере, думает Рим. Мои осведомители сообщают, что наши враги намерены вести войну по своим правилам. Они ожида-

ют, что я буду укрепляться здесь, в Иберии — сидеть и ждать, когда они одержат надо мной победу. Это их ошибка.

Он замолчал и посмотрел на стол. Сапанибал язвительно спросила:

— Мой брат решил изменить карту мира? Убрать все то, что не устраивает его?

— Карта останется такой, какая есть, — ответил Ганнибал. — Этой весной мы пройдем вдоль побережья Средиземноморья, ранним летом пересечем Пиренеи, в июле приблизимся к Роне, а осенью перейдем через Альпы. Я задумал долгий и трудный поход, но он вполне возможен. Вся его сложность в том, что мы будем первыми. Вспомни о подвигах Александра, когда он вновь и вновь совершал невообразимые поступки. Что скажешь о моем плане?

Сапанибал засмеялась.

— Командир интересуется мнением женщины в вопросах войны?

Ганнибал молча смотрел на сестру, ожидая ответа. Среди детей Гамилькара она была старшей и, несмотря на слабый пол, равнялась брату по уму и мудрости. Они оба знали это. Сапанибал приучила Ганнибала к уважению с самых ранних лет, когда превосходила его в физической силе. Даже в юности во время бойцовских поединков она, обладая стройной длинноногой фигурой, время от времени побеждала его эффектными бросками. Двенадцатилетняя девочка в первом цветении ранней женственности ни в чем не уступала девятилетнему мальчишке. Ганнибал не забывал об этом. Его почтительность оставалась неизменной и в спорах, и в согласии. Поэтому, да, он интересовался ее мнением и знал, что она могла дать ему толковый совет.

— Твой план лучший из лучших, — сказала Сапанибал. — Отец гордился бы тобой. А что будут делать остальные? Какие судьбы ты приготовил своим родственникам?

Ганнибал отошел от стола и покрутил плечами, как будто снова занялся физическими упражнениями. Он сел на стул и начал вращать головой, стараясь ослабить напряжение позвоночника. Кости издали громкий треск, однако, судя по гримасе командира, он не получил желаемого облегчения.

— У каждого будет своя часть игры, — ответил он, — хотя я еще не уточнил конкретные детали. Вскоре все станет на свои места. Но, что касается тебя, то я прошу...

— Я могла бы сопроводить твою супругу в Карфаген и познакомить ее с матерью и Софонисбой. Пусть она лучше узнает традиции нашей страны.

Выждав краткую паузу, Сапанибал добавила:

— Если ты не против, брат.

— Похоже, ты не питаешь любви к моей жене, не так ли?

— Разве это важно? — с обычной грубоватой честностью спросила его сестра.

Она подошла, встала за спиной Ганнибала и оттолкнула его руки, массиравшие шею. Положив ладони на твердые бугры его плечевых мышц, она начала сжимать и отпускать их, сжимать и отпускать.

— Я уважаю Имилце, — сказала она. — Вот что важно. Я понимаю ценность твоего союза с ней — особенно здесь, в Иберии. Она нравится местным племенам, и это хорошо для Карфагена. И потом, брат, я понимаю твою привязанность к ней.

Сапанибал вдавила большие пальцы в спину Ганнибала. Ее сила удивила его. Казалось, что он наткнулся спиной на два сучка корявого дерева. Он хотел обернуться и посмотреть на ее руки, но она удержала его.

— Если бы я готовила твой брак, то нашла бы для тебя такую же полезную, но более домашнюю невесту, — продолжила она. — Мужчина должен ценить и уважать свою супругу, но командующему не следует смешивать долг с любовью. Ка-

кими бы ни были супружеские чувства, пусть лучше его пенис убажает не жена, а обозная куртизанка.

Ганнибал снова попытался обернуться. Ему показалось, что сестра намекала на собственный брак. Она опять остановила его, недовольно щелкнув языком.

— Ты действительно веришь в свои слова? — спросил он. — Отец не вел себя так с матерью...

— Да, но ее сила равнялась его власти. Ты мужчина, Ганнибал. Ты ничего не знаешь о жертвах, на которые идут женщины. Мать была тетивой, с помощью которой Гамилькар вознесся в мир великих героев. Но она никогда не позволяла себе быть источником его слабости. Возможно, ты не знал об этом... Но поверь своей старшей сестре.

— Ты считаешь, что Имилце не может быть фундаментом моей силы?

— Я никогда не говорила плохого о ней. Я просто озвучиваю свои мысли и подчеркиваю достоинства нашей матери. Какой бы ни была твоя жена... Она должна находиться под строгим контролем, чтобы не отвлекать тебя от дел.

Ганнибал выслушал сестру с поджатыми губами. Его брови нахмурились, но раздражение осталось запертым в груди. После нескольких мгновений тишины оно поблекло и рассеялось.

— Сестра, нам следовало бы чаще беседовать друг с другом. Ты дала мне мудрый совет и указала на мою недалекость. Жаль, что прежде мы не обсуждали с тобой вопросы личной жизни.

— Почему ты говоришь «следовало бы»? Почему жалеешь об упущенной возможности? Разве мы не беседуем сейчас? Ты так говоришь, как будто перед нами не осталось будущего.

Внезапно брат и сестра уловили движение в дверном проеме. В комнату вошла Имилце. Встретив их взгляды, она судорожно вздохнула и положила ладонь на тонкие ключицы. Ганнибал мягко похлопал по руке Сапанибал. Она уб-

рала пальцы с его плеч. Командующий встал и подошел к жене. Затем, глядя в глаза Имилце, он ответил на вопрос сестры:

— Перед нами война. Я не вижу за ней ничего определенного.

* * *

Никто не мог понять, как ребенок убежал от воспитательницы. Он был подвижным мальчиком, недавно освоившим мастерство перемещения на двух ногах, а такие дети обычно имеют свои собственные тайные устремления. Малыш, оставшись незамеченным, пробрался через пару длинных коридоров, через зал с обеденным столом, под которым он гордо прошеествовал, затем выбрался на балкон в зимний вечер и вернулся в теплые покои с другого входа. Он шагал босиком, покачиваясь на пухлых ножках. Его толстые стопы скользили по гладким плитам, походка была немного неуверенной, но свисавшая сзади толстая накидка служила опорой, помогавшей ему перемещаться вперед. Он раздвинул занавес и с любопытством заглянул в просторную комнату, наполненную мужскими голосами. Они манили его к себе, потому что среди них выделялся тембр отца. Остановившись у двери, малыш застенчиво разглядывал стол и собравшихся вокруг него больших мужчин, часть из которых были ему знакомы.

Ганнибал размышлял над каким-то вопросом. Он мрачно хмурился и мял в пальцах шишак бороды. Однако при виде ребенка его глаза засияли. Прервав своих собеседников, он радостно вскричал:

— Маленький Молот! Простите, друзья, но за нами шпионят!

Встав из-за стола, командир подошел к сыну, подхватил его сильными руками и поднял над головой. Мальчик задрывал ножками от внезапного веселья.

— Что ты здесь делаешь, Гамилькар?

— Он пришел поучиться политическим и военным делам, — ответил Бомилькар.

Бостар повернулся к гостям и объяснил им по-гречески:

— Это сын Ганнибала. Он назван в честь деда. Обычно за ним приглядывают служанки. Но, видимо, на этот раз он убежал от них.

Три македонца закивали головами. Внезапный перерыв в беседе никого не рассердил. Наоборот, один из гостей отметил здоровый вид мальчика. Другой предположил, что такому крепкому парню вообще не нужны служанки и что его нужно окружить молодыми солдатами.

Лисент, глава греческой делегации, сидел в центре на почетном месте. Он захотел рассмотреть Гамилькара поближе. Его темные кожаные доспехи с рельефом брюшных и грудных мышц сверкали шляпками серебряных гвоздей. На лице змеился шрам, пересекавший щеку и выгибавший правую бровь вверх. Прямые коричневые волосы свисали вниз замасленными прядями. Во внешности этого крупного мужчины — во взгляде, в поступках, в ухмылке — чувствовался характер сластолюбца. Он потянулся к юному Гамилькару, поднял его и поставил на стол перед собой.

Какое-то время Ганнибал оставался рядом с ним. Затем, увидев, что ребенок очаровал македонских гостей, он вернулся на свое место. Лисент произнес несколько невразумительных слов — ни на греческом, ни на карфагенском. То был лепет, который часто произносят дети. Бостар подмигнул Ганнибалу и с усмешкой указал на македонского генерала, личного посланника Филиппа Пятого, который вдруг снизошел до шуточного разговора с маленьким мальчиком. Впервые за несколько часов беседы Ганнибал увидел, что у Лисента отсутствовал палец на левой руке. Рана была вполне обычная, но он удивился тому, что заметил ее только теперь, когда руки грека держали его сына.

— Я сделал несколько таких же малышей, — сказал Лисент. — На самом деле столько, что не могу сосчитать. Он пойдет тропой меча? Как его отец?

Ганнибал склонил голову и заговорил на греческом — возможно, более чистом в произношении, чем у самих македонцев.

— Если, хвала Ваалу, он дожил до этого дня, то... Я верю, что его судьбой будут управлять иные силы, чем мои собственные.

— Детеныш льва станет львом, не так ли?

Другие гости закивали в согласии головами, но Бостар по привычке начал возражать.

— Я слышал историю, которая может поспорить с этим утверждением. В ней говорится, что однажды в стране Чад, не слишком много лет назад, львица родила антилопу и вырастила ее со всей материнской любовью.

— Ты безумец! — вскричал Бомилькар, перейдя на карфагенский язык. — Я правильно понял твои слова? Лев породил антилопу?

— Так я слышал, — по-гречески ответил Бостар. — Эфиопы клялись, что такие вещи случаются чаще, чем мы думаем, и они каждый раз предсказывают большие перемены в будущем мира.

Бомилькар нахмурился и осмотрел своих собеседников в надежде на перевод. Его познания в греческом языке ограничивались дюжиной военных команд, поэтому он не мог поддерживать беседу.

— Я не знаю порядка вещей за границей великой пустыни, — сказал Ганнибал. — Пусть кто-то верит сказкам, но этот ребенок рожден с моей кровью, и он детеныш льва! Возможно, со временем он превзойдет меня в ратном искусстве.

Словно отвечая ему, Гамилькар потянулся за кинжалом, висевшим в ножнах под рукой Лисента. Македонец отодвинул мальчика на длину руки и со смехом спросил:

— Он когда-нибудь держал клинок?

Ганнибал покачал головой и сжал губы в тонкую линию. Его лоб прорезала беспокойная складка.

Лисент, придерживая мальчика одной рукой, вытащил из ножен короткий кинжал. Он поднес его к ребенку, радуясь очарованию в глазах малыша, затем несколько раз повернул лезвие так, чтобы оно отбрасывало отблески света на лицо Гамилькара. Мальчик деликатно потянулся к клинку, словно знал, что он должен проявлять осторожность, если ему разрешат прикоснуться к манящему предмету. Лисент, глядя только на ребенка, взял лезвие в пальцы и протянул рукоятку мальчику. Тот сжал кинжал обеими руками и, вытянув его перед собой, как меч, застыл в воинственной позе. Мужчины молча наблюдали за этим знаком очевидного божественного благоволения, как будто стали свидетелями тайного пророчества. Но малыш вдруг вспомнил, что он ребенок. Юный Гамилькар издал лепечущее бульканье и резко взмахнул ножом вверх и вниз. Лисент отклонил голову назад, однако было уже поздно. Кончик лезвия сделал тонкую зарубку на его носу, из которой тут же закапала кровь. Ганнибал вскочил на ноги, но македонец перехватил руку ребенка и забрал у него кинжал.

— Действительно воин! — вскричал он, со смехом пряча оружие в ножны. — Только год, а он уже рассек плоть солдата. Ганнибал, ты был таким юным, когда впервые пролил кровь другого человека?

Напряжение командующего постепенно угасло. Он улыбнулся, оторвал полоску ткани от края туники и протянул его Лисенту.

— Я не помню, когда впервые пролил кровь, — сказал Ганнибал. — И Гамилькар не будет помнить.

Он опустил сына на пол и кивнул Бостару, чтобы тот развлекал ребенка. Это оказалось трудной задачей для полевого генерала, но он справился с ней, и разговор вернулся в преж-

нее русло. К тому времени они уже прояснили свои позиции и планы на будущее. Ганнибал предложил Македонии дружбу, и послы царя приняли ее с такой благосклонностью, на которую он только мог надеяться. Вопрос, возникший перед появлением Гамилькара, отличался особой деликатностью. Лисент вновь перешел к его обсуждению.

— Филипп не любит Рим, — отметил он. — Наоборот, ему претит та грубость, с которой римляне вмешиваются в дела Адриатики. Между прочим, эти дела совершенно их не касаются. Царь с интересом наблюдает за твоими успехами, Ганнибал, но он еще не готов присоединиться к тебе в войне против Рима.

Бомилькар интерпретировал его ответ в своей манере:

— Наверное, Филипп хочет, чтобы мы сделали всю грязную работу. Ты это имеешь в виду? И тогда он присоединится к нам на пирах победы.

Лисент потрогал порез на носу.

— Филипп примет активное участие в сражениях с римлянами, — заверил он. — Ты вскоре поймешь, что вам понадобится любая помощь в победе над ними. Но до вступления греков в войну вам нужно показать себя в деле. Да, вы прекрасно сражаетесь против иберийских варваров, однако Рим принадлежит к другой категории противников. Вы и глазом моргнуть не успеете, как они начнут осаду ваших городов.

— Не преувеличивай их скорость, — сказал Ганнибал. — Мне известно многое из того, что обсуждается в римском Сенате. Они планируют атаку в двух направлениях. Армия одного консула пойдет на Карфаген. Второй нацелится на нас и попытается завоевать Иберию. Это разумный план, но события предстанут перед ними в другой последовательности, какой они пока вообразить не могут.

Лисент задумчиво кивнул, взглянул на своих помощников и снова повернулся к Ганнибалу. Его лицо озарилось догадкой.

— Ты собираешься атаковать их первым? На территории врага? Но как? У тебя же нет флота! Ты не сможешь добраться до Италии.

Ганнибал посмотрел на Бостара, который недовольно хмыкнул и попытался подняться с пола, чтобы высказать свои соображения. К счастью, Гамилькар цеплялся за колено молодого генерала и продолжал расшнуровывать его сандалии.

— Прости меня, Лисент, — ответил командир, — но я не стану раскрывать детали. Просто постарайся, чтобы Филипп оценил наши первые действия с большим вниманием. Увидев начало, он поймет, на что мы способны. Нам действительно нужна его дружба и помощь. По крайней мере, мы продолжим переписку с ним.

Лисент заверил Ганнибала, что это вполне возможно и что письмо дойдет до царя в кратчайший срок. Встреча подошла к концу. Два офицера повезли македонцев на вечернюю охоту — последнюю перед их опасным морским путешествием обратно в Македонию.

После ухода гостей Ганнибал с улыбкой наблюдал за сыном, пока тот играл с шарами, сделанными для него Бостаром из скомканных листов пергамента. Это было милое зрелище, но вскоре вслед за радостью он почувствовал напряжение, похожее на беспокойство перед битвой. Он солгал, отвечая на вопрос Лисента. На самом деле он помнил тот момент, когда впервые пролил кровь другого человека. Воспоминание обожгло сознание. Оно было одним из самых ранних, относившихся к доиберийской части его жизни.

Он жил тогда в Карфагене, в семейном дворце на склоне Бирсы. Однажды ночью его разбудил отец. Он был небритым, потным и грязным. От него дурно пахло, и он даже не снял боевые доспехи.

— Пошли, — сказал Гамилькар. — Я хочу показать тебе кое-что.

Сердце юного Ганнибала запрыгало в груди: не столько от резкого пробуждения, сколько от радости, что отец вернулся с войны. Он знал, что наемники обратили гнев на город и начали осаду. Он мало помнил о тревожных днях конфликта. Но затем карфагенская знать под лидерством Гамилькара отогнала наемников в пустыню, где предатели устроили свой последний оплот. Что было дальше, мальчик не имел понятия.

Не говоря ни слова, Гамилькар повел его по темным коридорам. Они прошли через несколько дворов и спустились к конюшням. Дальний конец прохода освещался факелом. Они направились туда через длинные тени. Лошади фыркали и нервно вскидывали головы, наблюдая за их перемещением. Наверное, они, как и мальчик, чувствовали, что должно случиться нечто важное.

Когда отец остановился, Ганнибал увидел человека, к которому они подошли. Запястья мужчины были прибиты гвоздями к деревянным опорам стойла. Его тело поникло, голова упала на грудь. Лицо покрывала корка пыли и запекшейся крови. Похоже, он висел здесь достаточно долго. Кровь, сочившаяся из пробитых запястий, застыла черными шариками. Гамилькар схватил мужчину за волосы и приподнял его голову. Глаза человека открылись, зрачки закатились вверх, затем вернулись на место без фокуса и почти без сознания.

— Этот злодей предал Карфаген, — сказал Гамилькар.

Голос отца был сухим как скрип. Он не мог смягчить его, даже пару раз прочистив горло.

— Ты понимаешь меня? Он собирался открыть ворота города и впустить наемников. Ему хотелось денег и власти. Им управляла ненависть, которую он скрывал под маской сельского увальня. План предательства едва не удался. Будь у него шанс, он вырвал бы тебе лодыжки и размозжил твой череп о камни. А меня он прибил бы к кресту и оставил на медленную смерть. Это человек смотрел бы на мой сгнивший

труп, покрытый личинками, и смеялся бы до коллик в животе. Он отрезал бы головы твоим братьям, изнасиловал твою мать и продал бы ее в рабство. Он жил бы в нашем доме, ел нашу пищу и управлял нашими слугами. И этот мерзавец сейчас перед тобой. Ты знаешь, как его зовут?

Ганнибал покачал головой. Его взгляд был прикован к каменным плитам пола.

— Его имя Тэмар. Некоторые называют его блаженным, другие — дурачком. Кое-кто считает его другом. Кто-то — отцом или любовником. Ты понимаешь меня? У него есть и другие имена: Александр, Кир, Ахиллес, Кафа, Яхве, Арес и Осирис. Он может быть шумером, персом или спартанцем. Он уличный вор, член совета, сидящий рядом с тобой на софе, или мужчина, который домогается твоей жены и дочерей. Ты сам выбираешь ему имя, потому что у него их много — как много имен у мужчин, рожденных женщинами. Его имя Рим. Его имя человечество. Это мир, в котором мы живем и который наполнен людьми такого сорта.

Гамилькар поднял голову мужчины и обнял сына за плечи. Он подтянул Ганнибала ближе, пока лоб мальчика не уперся в его щеку. Ганнибалу не хотелось смотреть на человека, о котором они говорили. Но он переборол свой страх.

— Они едва не затянули петлю вокруг наших шей, — продолжил Гамилькар, — и чтобы перерезать ее, мне пришлось уничтожить многих людей с лютой жестокостью. Ты славный мальчик, но мир твоего рождения — злое место. Вот почему я учу тебя сейчас тому, что сотворенная богами земля наполнена волками, алчущими нашей крови. Чтобы жить в таком мире и не сойти с ума, ты должен стать больше, чем мужчиной. Тебя будут любить за доброту и сердечность как отца, как мужа и сына. Ты по-прежнему будешь обнимать свою мать и ласкать других женщин. В конечном счете ты найдешь красоту в этом мире и взлелеешь ее. Но никогда не отмахивайся от силы. Никогда не беги от боя. Когда время потребует дей-

ствий, не медли, орудуй железом в руке, твоими чреслами и сердцем. Беззаветно люби тех, кто близок тебе, и защищай их без трепета и сожалений. Ты будешь делать это?

Мальчик прижался к груди отца и кивнул.

— Тогда я горжусь своим перворожденным сыном, — вскричал Гамилькар.

Отец оттолкнул его, выпрямил спину и вытащил оружие из ножен на локте. Взглянув на сына, он протянул ему рукоятку кинжала.

— Теперь убей злодея!

Ганнибал посмотрел на клинок в своей маленькой руке. Кинжал был такой же большой, как игрушечные мечи, с которыми он тренировался. Медленно сжав пальцы на рукоятке, он почувствовал грубую кожу и твердость железа под ней. Мальчик посмотрел на мужчину, шагнул к нему и выполнил приказ отца. Он не стал поднимать его голову, а просто взмахнул лезвием под подбородком жертвы и прорезал мокрую рваную линию, которая вскрыла плоть от уха до уха. На какое-то мгновение Ганнибал прижался к телу мертвеца. И хотя он отпрыгнул назад, он испачкал свою одежду кровью, которая брызнула из рассеченного горла. В ту пору ему было восемь лет. И, естественно, он не забыл тот момент. Не смог бы. Он знал, что это воспоминание останется с ним до последнего удара сердца, если только его смерть не будет слишком скоротечной.

Крики и беготня служанок отвлекли Ганнибала и юного Гамилькара от воспоминаний и игр. Среди хора возгласов слышался резкий и настойчивый голос Имилце, в котором чувствовались гнев и тревога. Ганнибал встал, подхватил сына на руки и поднял его над головой. Малыш извивался в ладонях отца и пытался похлопать его по лицу, то ли балуясь, то ли требуя позвать к нему мать. Глаза ребенка были поразительно серыми. К цвету темных волос примешалась белизна Имилце. Однако нос, рот и крепкое телосложение принадле-

жали Баркидам. Безупречная гладкая кожа имела аромат, не похожий на другие запахи. В нем ощущалась чистота, столь редкая в этом мире. Нижние передние зубы стояли ровно и прямо, как крохотная фаланга из четырех отважных воинов. С губ ребенка стекала слюна и, собираясь на подбородке, покачивалась, вот-вот готовая упасть. Ганнибал быстро слизнул ее языком.

— Хвала богам, — прошептал он. — Ты сумма меня и всего нашего рода. Ты все, чем мог бы стать твой отец.

Он поставил мальчика на каменный пол и улыбнулся, когда малыш зашагал неровной походкой — сначала наобум, затем на звук материнского голоса, доносившегося из коридора. Наблюдая за ним, Ганнибал с любовью произнес:

— Наши жизни — это бесконечное страдание.

* * *

Проведя зиму в тренировочном лагере за стенами Нового Карфагена, Туссело имел достаточно времени, чтобы подытожить два завершенных периода жизни и обдумать новый зарождавшийся этап. Он, сколько помнил себя, был наездником — с самых ранних лет, почти с рождения. Его детство прошло в большой семье, в деревне среди детворы, где все говорили на одном языке, молились одним и тем же богам и жили по одинаковым обычаям. Он считал себя хозяином этого маленького мира и с нетерпением ожидал наступления зрелости.

Но однажды вечером он заснул свободным человеком — массилиотским нумидийцем и всадником, — а когда проснулся, изогнутое лезвие ливийского кинжала у его горла показало, что все это закончилось. Рассвет нашел юношу бредущим в цепях под плетью работорговцев, которых не волновало, что их и его кровь почти не отличались друг от друга. Через неделю они добрались до берега. Там его купил рим-

ский капитан, и Туссело впервые оказался в открытом море. В ту пору он достиг возраста, когда его мысли начали по-доброму обращаться к девушкам племени. Однако в первый день, проведенный под парусом, его новый хозяин сделал эти мысли вечным наказанием. Быстрое движение ножом, и шанс для обретения бессмертия в своих сынах и потомках исчез. Туссело согнулся вдвое, схватился руками за пах, заплакал и завыл от невыносимой боли, изумленный смехом мужчин, которые кастрировали его. Вопреки желанию, юноша слушал их шутки о том, что теперь при случае он может представиться женщиной, но уже никогда не овладеет по-мужски другим человеком. То была абсолютно невообразимая перемена в его судьбе — настолько важная, что он отказывался верить в нее, хотя и извивался на палубе в луже крови. К несчастью, после этого он прожил много дней и понял, что нельзя недооценивать жестокость людей. В нее следовало верить без малейших сомнений, ибо она была более постоянной, чем милость любого божества.

Он провел в Риме двенадцать лет. Его трижды продавали новым хозяевам, пока он не попал к бродячему торговцу среднего достатка. За это время Туссело освоился с существованием, которое отверг бы годами раньше. Он привык к своему рабству, но не полностью. И именно поэтому он несколько раз дышал свободой, чтобы затем, однажды ночью неподалеку от Брундизия, обрести ее полностью. Туссело выкрал кошель, наполненный монетами, который пьяный мужчина по глупости оставил на мгновение в открытой ладони. Этих денег хватило, чтобы оплатить грабительскую цену за морское путешествие обратно в Африку.

В родном краю ничто не осталось прежним — ни по виду, который предстал ему, ни в нем для его бывших односельчан. Из его семьи никто не уцелел. Вместо богатой деревни, в которой он провел свое детство, Туссело увидел жалкое сборище лачуг, больше похожее на колонию прокаженных. В пе-

чали он сидел на северном холме и смотрел на травянистые равнины и редкие рощи, тянувшиеся к морю. Это была красивая страна. Она была несопоставима с миром его рабства. Она ранила душу, когда бы он ни думал о ней. Но Туссело не мог сопротивляться памяти, и каждая мысль о родине, проникая в ум, несла за собой тень горького понимания того, как рабство разрушило его личный мир. Он надеялся, что свобода, добытая с таким большим трудом, завершит какую-то часть его страданий. Однако этого не произошло. У него отняли все — действительно все, как он понял, глядя на страну, которая терзала его воспоминаниями и не сулила никакого утешения. Он стал изгнанником в собственной стране. Вот почему Туссело покинул ее и отправился служить Ганнибалу. Только это решение казалось ему правильным и вело его назад в Италию.

В тот день, когда Туссело встретил всадника у Сагунтума — после долгого пути по следам огромной армии Ганнибала, — он не был в седле тринадцать лет. Но мастерство езды вернулось в мгновение ока. Несколько месяцев он трудился на осадных работах, выполняя любые задания, которые сыпались на него. Он подчинялся начальникам с еще большим почтением, чем прежним хозяевам, и жил среди нумидийцев, вспоминая их обычаи. Юноша вернулся вместе с победившей армией в Новый Карфаген и сделал все, чтобы его желание сражаться в кавалерии дошло до людей, принимавших решения.

Его последний хозяин приказывал рабам брить головы. Когда Туссело стал свободным человеком, он позволил волосам расти, как им того хотелось. Он даже успел забыть то время, когда перестал скоблить заточенным ножом по скальпу. Вскоре его волосы стали такими длинными, что вьющиеся локоны можно было брать в горсть и вертеть между пальцев. Раньше Туссело редко видел свое отражение. Оно ничем не привлекало его. Однако теперь он все чаще рассматривал себя в лужах воды, в овалах натертых до блеска щитов или в туск-

лом отражении на лезвии ножа. Ему нравилось то, что он видел. Туссело утратил былой облик. Его густые волосы росли с упорством узника. Они выглядели такими же непокорными и впечатляющими, как змеиная корона Медузы. Черные пряди обрамляли лицо и придавали ему завершенность, солидность, ярко выраженный африканизм, которым он очень гордился. Вот, наверное, почему его хозяин брил своих рабов, лишая их индивидуальности, уродуя, чтобы они забыли свое вольное прошлое и приняли рабскую судьбу. Но это ему больше не грозило. Он вернул свои волосы и в середине зимы снова стал всадником.

В тот момент когда ему выдали коня, у него едва не подкошились ноги. Горло сжалось от эмоций, пальцы задрожали. Лошади в армии Ганнибала были в основном иберийскими, взятыми из разных племен и регионов страны. Их обучали иначе, чем африканских скакунов. Им прививали совершенно другое отношение к людям. Превосходя размерами быстроногих коней Северной Африки, эти животные обладали мириадами оттенков темпераментов и удивляли той дикой энергией, которая пылала в них. Когда массилиотские всадники выбирали для себя скакунов из общего табуна, на их искусство объездки можно было смотреть как на чудо. Туссело, проживший многие годы вдали от родины, благоговел перед мастерством, с которым был рожден.

При езде нумидийцы разговаривали с лошадьми и сжимали их бока ногами. Они подавали сигналы прикосновениями, иногда палкой, но чаще похлопыванием ладоней по холке. Они перемещали вес тела, взмахивали руками, и эти движения меняли скорость лошадиных копыт или вызывали внезапные и неожиданные маневры. Казалось, что кони понимали их язык и с радостью выполняли команды, проносясь через табун иберийских лошадей и кружась вокруг них, пока те понуро стояли и щипали траву. Туссело наслаждался этим зрелищем. Он не видел подобного мастерства все те

годы, которые провел в изгнании. Ему даже было стыдно, что он привык к тому, как римляне управляли лошадьми — без искусства, без радости, просто безжалостно властвуя над животными.

Когда подошла его очередь выбрать коня, он сделал это не колеблясь. Туссело двигался спокойно и уверенно. Он знал, что его соплеменники отмечали любую неловкость так же четко, как львы находили слабину у своих жертв. Он приблизился к лошади сбоку. Одна ладонь почти касалась шкуры, другая — слегка приподнята, кончики пальцев расставлены, словно он гладил ими стебли высокой травы. В этом подходе не было ни хитрости, ни обмана. Он шел к животному, словно совершал самый естественный поступок в мире. Туссело приветствовал кобылу и произнес слова восхищения — без лести, но как при встрече с новым другом.

Прежде чем она испугалась, он был рядом с ней. И когда лошадь пригнула голову, чтобы последовать за ним, он вскочил на нее — так плавно и легко, словно был попоной, украшавшей ее спину. Туссело обнял руками шею животного, распределил свой вес и начал сплетать вязь из слов. Прежде он думал, что радость навсегда покинула его — возможно, так оно и было. Но теперь в нем что-то защемило, зашевелилось, вырвалось наружу, и это не напоминало ту злобу, которая двенадцать лет кипела в его сердце. Он уже чувствовал лошадь нутром. Верховом на ней он снова мог стать наездником, быстрым как вихрь. Он снова мог объединиться со своим народом и найти цель жизни в сражении с врагом. Лошадь никогда не спросит о его искалеченном фаллосе, никогда не посмеется над ущербом, нанесенном ему старым хозяином. Это было величайшим блаженством. Взамен он будет добрым к ней. Он будет кормить ее, жалеть, не подвергать мучениям, оберегать и защищать в бою. Они всегда будут вместе и увидят множество чудес. Ни одна часть земли не удержит их в своих границах. Он сказал ей все это, и она,

хотя и была иберийской кобылой, вскоре прислушалась к нему и успокоилась.

Поскольку кобыла не была обучена массивной манере езды, начальник кавалерии разрешил Туссело тренировать ее и заботиться о ней как о своей собственной лошади. Генерал увидел все, что хотел. Действия новичка подтверждали, что он был одним из них. Тем же вечером Туссело поскакал к холмам за Новым Карфагеном. Мощное животное несло как ветер. Копыта ударяли о землю и вырывали дерн. Скорость дурманила всадника, который так долго был обречен на пешую ходьбу.

Он остановился на холме. За его спиной простирался Новый Карфаген, чадивший дымом, как и все другие города. На юге, то вздымаясь вверх, то опадая вниз, взволнованное море подступало к суше. На западе и севере ландшафт бугрился холмами, уходящими к горизонту. И больше не было ограничений. Он впервые после детства почувствовал настоящую свободу. Туссело знал, что если боги улыбнутся ему, он вернется в Рим — не один, а с целой армией — и, наконец, закончит незавершенное дело.

* * *

Некоторые люди, живущие в эпоху войн, считают, что их от рождения прокляли боги. Другие находят в сражениях радость и блаженство. Но бывают и такие, которые сеют лишь хаос, смакуя свою боль и наслаждаясь ею в посторонних людях. Мономах относился к последней категории, и его природный дар заключался в убийствах. Он ежедневно брал жизни, отпускал их в воздух и в поисках корня человеческих эмоций изгибал страх и волю в узлы физических страданий. Ни для кого не было секретом, что он посвящал свои труды и победы Молоху Пожирателю. Многие люди подозревали, что он поклонялся еще более ранним и кровожадным божествам.

Некоторые утверждали, что Мономах имел египетские корни и что он явился в современный мир как воплощение забытых богов того древнего края. Другие говорили, что истоки подобного варварства таились в темных уголках его жизни и что он мог бы найти их, если бы обладал достаточным мужеством. Иные люди вообще отказывались говорить о нем и даже боялись произносить его имя. И было несколько верных солдат, которые служили только ему одному.

Ганнибал назначил его главой делегации и поручил ему представлять интересы Карфагена перед галлами. Выбор был странным, но командир хотел с самого начала внушить варварам некоторые истины. Мономах предстал перед вождями, как кипящий пульс злобы. Его высокие кошачьи скулы выступали вперед, оставляя щеки и глаза в тени. Тело, лишенное жира, казалось скелетом, обернутым в узкие полоски мышц. Когда галлы увидели его, они поняли, что, даже по их собственным меркам, к ним явилось существо, которому лучше не перечить. Многие из них обрадовались, узнав, что им не придется пересекаться с ним, потому что, несмотря на враждебность его взгляда, он предлагал не ссору, а дружбу. Мономах раздавал вождям щедрые подарки из золота и серебра. Он вынимал из ножен искусно украшенные иберийские мечи и предлагал их галлам, сжимая клинки пальцами. Он говорил о мощи Карфагена и выгоде дружеских отношений. Мономах сказал, что послан сюда только для того, чтобы обеспечить безопасный проход через их земли, когда карфагенские силы направятся к Риму. Если галлы хотят присоединиться к великой войне, то их примут как боевых товарищей, и все красоты Италии будут отданы им в равной доле с солдатами Ганнибала. Постепенно большинство племен проявило долгожданную сговорчивость.

Однако, когда Мономах добрался до вольков, ситуация изменилась к худшему. Эти варвары оказались еще более воинственными и примитивными, чем остальные галлы. Они

мало заботились о внешнем мире. Даже переводчик Мономаха с трудом общался с ними. Они охотно принимали дары, но не видели необходимости соглашаться с желаниями чужеземцев. Прежде всего, переговоры велись только с несколькими кланами, а вольки были многочисленным народом. Карфагеняне раздавали подарки и созывали советы, но основная часть племени скрывалась в горах и собиралась в бесчисленные маленькие банды. Их лагерь разрастался вокруг палаток послов, и люди Мономаха слышали со всех сторон зловещий шепот, умножавшийся с каждым мгновением.

Делегация Карфагена провела бессонную ночь в окружении сотен костров. Зима выдалась холодной, и никто из теплолюбивых африканцев не был подготовлен к таким условиям. Всю ночь они слышали вокруг себя какие-то перемещения. А утром им показалось, что количество вольков снова удвоилось. Отряд Мономаха из двадцати пяти воинов собрался в группу у палаток, выдыхая пар в туманное утро. Их шепот оседал кристаллами на лицах. Один из молодых солдат проворчал, что им не покинуть этих мест живыми. Но Мономах ударил его и сказал, что ночью он придумал план, поскольку не привык лентяйничать. Их переводчику с помощью подкупа удалось добыть важную информацию. Этот день действительно мог оказаться завершением их жизни. Вождь племени собирался пригласить послов в свою хижину, чтобы получить очередные подарки. Затем он хотел схватить их и подвергнуть пыткам, в то время как собравшиеся вольки должны были атаковать охрану делегации. Отрезанные головы карфагенян планировалось использовать в спортивных состязаниях. Позже их черепа могли украсить входные проемы жилищ или стать детскими игрушками.

— Вот, значит, как они ведут дела, — проговорил Мономах.

У него на этот счет имелась другая идея, и он прошептал ее в уши своих подчиненных. Они пошли к вождю без ору-

жия, но в качестве подарков выбрали клинки. Каждый из пяти послов вошел в хижину, неся в руках украшенный меч. Люди вождя поначалу встревожились, но затем благоразумие уступило жадности, поскольку галлам понравились красивые мечи. Внутри было дымно, тесно и сумрачно. Посланцы Ганнибала предстали перед вождем и объяснили свои цели. Они чувствовали, как вооруженные вольки собирались за их спинами, но Мономах спокойно говорил о том, что скоро грянет война и что они при желании смогут принять в ней участие или просто мирно пропустить карфагенскую армию через свою территорию. Любой из этих вариантов устраивал Ганнибала. Затем послы подождали, когда переводчик делает свою работу.

Ответ оказался вполне ожидаемым. Вождь ничего не хотел обещать до тех пор, пока не увидит дары, принесенные карфагенскими послами. Он примет только очень дорогие подарки, потому что не желает видеть, как чужеземцы проходят у него под носом. Он не знает никакого Ганнибала. Почему тот сам не пришел к нему? Если он такой сильный, то почему прислал такую маленькую делегацию? Зачем он покупает проход через территорию, если его армия настолько несокрушимая, как о ней говорят? Вождь снова потребовал показать ему дары. Он будет говорить лишь после этого.

Мономах спокойно выслушал ответ, глядя на луковичный нос галла, на его голубые зрачки и красные морщинистые щеки. Он показал вождю изогнутый меч, красивее которого галл прежде никогда не видел. Клинок блестел даже при тусклом свете очага. Мономах объяснил так: их армия пройдет маршем по землям вольков. Они пройдут, с его позволения или без оногo, у него под носом или нет. На всякий случай он отнесет нос вождя Ганнибалу, чтобы тот лично решил этот сложный вопрос. И прежде чем переводчик закончил транслировать его речь, Мономах пригнулся, открыл рот и впился

зубами в нос вождя. Он встряхнул его голову из стороны в сторону с яростью атакующего льва и откусил кусок человеческой плоти. Лицо галла начало походить на кровавое месиво, но вскоре оно стало наименьшей из его проблем.

Отступив на шаг, Мономах взмахнул подарочным мечом. Клинок описал низкую дугу и рассек вождю обе ноги ниже колен. Мужчина упал, его голени отделились от ног, но через миг он снова поднялся, сохраняя равновесие на окровавленных культиях. Это не могло продолжаться долго. Впрочем, карфагеняне не следили за его падением. В хаосе колющих и рубящих ударов они перебили охрану вождя. Все произошло так быстро и в такой тесноте, что галлы не успели даже вытащить мечи из ножен.

Выбежав из хижины, послы увидели перед собой целую армию вольков. Остальная часть их группы, ожидавшая снаружи, вступила в бой при первых звуках схватки, разыгравшейся в лачуге. Когда Мономах присоединился к ним, они атаковали белогрудых варваров с такой неистовой яростью, что пробили брешь в их рядах. Крик лидера привел карфагенян в безумие. Они без усталости наносили удары: рубили, пронзали, парировали выпады. И хотя в начале боя их было двадцать пять, только семнадцать воинов добралось до коней, и лишь одиннадцать ушло от погони и смогло оглянуться без страха. Еще двое скончались от ран через несколько дней. Позже еще один попросил товарищей убить его.

Когда остатки отряда из восьми человек вернулись в Новый Карфаген, Мономах, немывтый и все еще покрытый кровью, которую он не стал смывать с помятых доспехов, направился прямо к Ганнибалу. Он сказал, что путь через Галлию проложен. У них будет много друзей. Поход вдоль Роны не придется совершать сквозь сонмы враждебных народов.

— Есть несколько племен, которые будут создавать проблемы, — подытожил он, — но мы сметем их с дороги превосходящими силами.

Войдя в покои быстрым шагом, Ганнибал увидел служанку, лежавшую ничком на его кровати. Под тонкой тканью сорочки проступали изгибы бедер. Дальше тянулись обнаженные стройные ноги. Она почесывала левой пяткой пальцы правой стопы. Женщина не замечала его и была полностью поглощена чем-то лежащим рядом с ней вне поля зрения Ганнибала. Он кашлянул, и служанка испуганно обернулась. Вскочив на ноги, она пригнула голову и опустила руки по бокам. Только теперь стало ясно, что на кровати она прижимала к себе маленького Гамилькара. Мальчик перекатился со спины на живот, как будто тоже был пойман на каком-то тайном действии. Он поднялся на четвереньки и посмотрел на отца, не понимая, что вызвало тревогу у няни. Оценив ситуацию по своей детской логике, он залепетал приветствие родителю.

— Ты уже начинаешь оболыцать моего сына? — спросил Ганнибал.

Девушка торопливо забормотала оправдания, но он шикнул на нее, сделал несколько шагов и бросил плащ на спинку стула.

— Где моя жена?

— Она сейчас придет, — ответила девушка. — Она... велела мне принести юного господина сюда и ожидать ее в течение ближайшего часа.

Молодая женщина быстро взглянула на него, как бы подтверждая свои слова. Или, возможно, она намекала на то, что Ганнибал пришел раньше, чем обещал жене. У нее было симпатичное лицо — округлое и полное. Уступая Имилце в росте, она имела пышную фигуру. Ее широко разведенная грудь прижималась к сорочке, окрашивая ткань влагой, сочащейся из сосков.

Заметив это, Ганнибал спросил:

— Значит, ты кормишь моего сына и играешь с ним?

— Да, господин. Но я кормлю его лишь иногда. Твоя жена сама справляется с этим.

— У тебя тоже есть ребенок?

— Девочка.

— А как она поживает? Она ведь тоже хочет твоего молока?

Его вопросы смутили девушку, и она едва слышно ответила:

— Конечно, господин. Но в те дни, когда я даю молоко твоему сыну, мою дочь кормит другая женщина.

Ганнибал хотел расспросить кормилицу о ее ребенке, но он уже и без того сказал ей больше слов, чем обычно произносил другим слугам. Командующий нахмурился, подумав, что хорошее питание его ребенка могло ослабить или даже убить другое дитя. Но он не стал задерживаться на этой мысли и кивком головы велел служанке покинуть комнату.

— Я сам позабочусь о мальчике.

Когда Имилце заглянула в спальную, отец и сын сидели на полу. Ганнибал расставлял мраморных солдатиков в организованный отряд, а Гамилькар мешал ему, хватая то одного, то другого воина. Он засовывал их в рот, словно был гигантом, который сражался с пехотинцами и отъедал им головы. Полюбовавшись этой мирной сценой, Имилце вошла в покои. Она ничем не выдала свои эмоции.

— Странная вещь случилась этим утром, — сказала она, помахав рукой и указав мужу, что не сядет на каменный пол.

Ганнибал поднялся на ноги и затем лег на кровати. Имилце устроилась рядом и продолжила свою историю. Их повар, готовивший ужин в честь небольшой делегации инсабрианских галлов, ослеп на один глаз. Это действительно был необычный инцидент. Желая проверить консистенцию масла, он сунул ковш в кипевший чан. При прикосновении с железом масло брызнуло, и одна из капель попала в глаз повара, заставив его взвыть от боли. Узнав об этом случае, Ганнон

нашел в нем знак богов. Не на шутку встревожившись, он послал за Мандрабалом, но тот отказался прийти, заявив, что его толкователь знамений переживает приступ лихорадки.

— Это расстроило его еще больше, — сказала Имилце, — поскольку он счел такой поворот событий двойным предвестием беды.

Ганнибал выслушал ее без всякого интереса и проворчал, что дурные знаки мерещатся его брату в любой банальной мелочи.

— Нужно прислушиваться к советам богов, — сказал он. — Но не следует дрожать от страха по каждому поводу. Вряд ли капля масла была знаком Ваала. Я думаю, что этот повар сможет готовить пищу с одним глазом не хуже, чем с двумя.

Он придвинулся к жене, провел пальцами по гладкой коже ее руки, затем перенес свои ласки на колено и верхнюю внутреннюю часть бедра.

— Я придумал, чем занять Ганнона во время войны, — сказал Ганнибал. — Скоро он узнает об этом. Хотя я уверен, что брат посчитает мой приказ неправильным.

— А как насчет твоей семьи?

Имилце положила ладонь на руку мужа, одновременно лаская ее и замедляя продвижение пальцев вверх по бедру.

— Какую судьбу ты уготовил для меня и сына?

— Самым лучшим и единственным решением будет обеспечение вашей безопасности, — ответил Ганнибал. — Поэтому ты, любовь моя, отправишься в Карфаген. Сапанибал поедет вместе с тобой. Она познакомит тебя с моей матерью и младшей сестрой. Поверь, они очень гостеприимные люди. Ты наконец увидишь мою родину и дождешься там окончания войны. Мои родные окружают тебя роскошью, которую ты никогда не видела прежде.

— Я сделаю все, как ты скажешь, — заверила его Имилце. — Но мне хотелось бы отправиться с тобой.

Юный Гамилькар поднялся на ноги, подошел к столу и сбросил на пол чашу с оливками. Имилце приподнялась, чтобы уделить ему внимание, но Ганнибал прижал ее к себе. Она искоса наблюдала, как ребенок раскидывал плоды по сторонам и катал их под маленькими ладонями.

— Ты хочешь сражаться в битве рядом со мной? — спросил Ганнибал, с шутливым изумлением рассматривая супругу. — Я не знал, что ты из племени амазонок.

— Не смейся надо мной. Я хочу следовать за армией, чтобы изредка видеть тебя и чтобы наш сын не забыл твой облик. Я не так слаба, как ты думаешь. В прошлом году Гасдрубал научил меня скакать на лошади.

— А он научил тебя метать дротики? Он научил тебя, в какие части тела следует вонзать копье?

Имилце хотела что-то ответить, но Ганнибал повысил голос и продолжил:

— Быт армии не подойдет тебе. И что ты будешь делать, если я погибну? Что если римляне захватят тебя в плен и обесчестят твоё тело? Они выстроят позади тебя огромную очередь, и каждый из них — каждый из сотен и сотен мужчин — выпустит семя в твоё лоно, наказывая этим меня. Не думай, что мои слова нелепая угроза. Я говорю о методах войны и о природе человеческой ненависти. Что если они схватят нашего сына? Что они сделают с ним? Я не хочу даже думать о такой возможности.

— Ты неправильно понял меня, — ответила Имилце.

Ее ровный голос потерял игривый тембр.

— Я имела в виду относительную близость. Например, ты захватишь какой-нибудь город, а мы приедем туда и будем жить в безопасной крепости, которую ты считаешь пригодной для нашего дома...

Ганнибал оттолкнул ее руку, взбрыкнул ногами и вскочил с постели.

— Нет! Враг вскоре узнает, что моя любимая жена поселилась в этом городе. Крепость станет целью для вероломных атак. Представь себе! Я буду бить тараном в ворота Рима, и ко мне вдруг придет сообщение, что ты находишься в опасности! Что, по-твоему, я сделаю? Вот видишь! Твоя идея абсурдна. Ты станешь моим уязвимым местом, а я не должен иметь слабостей!

— Если на город нападут враги, то я убью себя прежде, чем они...

— А если враг не позволит тебе умереть? Нет и еще раз нет! Вот мой ответ. Ты поедешь в Карфаген и заберешь с собой все, что ценно для меня. Давай не будем спорить об этом.

Имилце отвела взгляд в сторону, стараясь сдержать поток невысказанных слов. Кивнув, она встала с постели, подняла сына с пола и направилась к выходу.

— Что ты делаешь? — крикнул Ганнибал.

В ответ его жена дважды щелкнула языком. В дверном проеме появилась служанка. Она взяла ребенка на руки и быстро выскользнула вместе с ним в коридор. Имилце вернулась к мужу. Распустив волосы, она с улыбкой спросила:

— Не хочет ли мой командир второго ребенка? Если да, то не будем тратить время понапрасну.

* * *

Совет проходил в нервной и выжидательной атмосфере. Ганнибал намеревался представить детали военного плана, и каждому из генералов предстояло узнать свою позицию в предстоящей компании. Хотя они часто собирались зимой, и многое уже было сказано в беседах с командиром, эта встреча отмечала новый этап — переходный момент или поворот от долгой подготовки к действиям. Офицеры сидели на подушках вокруг низкого стола в достаточно свободных позах.

Однако никто из мужчин не склонялся на задние и боковые пуфы, как то обычно бывало на праздничных пирах. Здесь собрались Магон и Гасдрубал, Бостар и Бомилькар, Махарбал и Карфало, Мономах и Вандикар — важнейшие фигуры предстоявшей войны. Каждый возглавлял и представлял собой различные части армии. Ганнибал не поощрял болтовню на подобных встречах. Он требовал от генералов предельного внимания и строгого выполнения его приказов.

Ганнон, встревоженный и молчаливый как никогда прежде, сидел с краю стола. Его подушка выдавалась немного назад, поэтому двум генералам, располагавшимся рядом с ним, приходилось оборачиваться, когда они обращались к нему с какими-то вопросами. Ганнон давно боялся этой встречи. Он и теперь чувствовал страх, пульсировавший в его венах. Сжимал ли он кулаки или прикладывал открытые ладони к бедрам, его сердце по-прежнему стучало в руках — стучало, стучало, стучало. Это все больше отвлекало его. А он должен был сосредоточиться, подумать о происходящем, вытребовать роль, достойную его, или отвергнуть ту, которая ему не нравилась. Впрочем, Ганнон не знал, что будет хуже — повышение до позиции лидера, где он снова будет ошибаться в принятых решениях, или низведение до незначительной должности, которая еще раз покажет ему пренебрежение Ганнибала.

Появление летописца отвлекло Ганнона от его хаотических мыслей. Силен вошел, неся в руках письменные принадлежности и куски пергамента, на которых он записывал все, что говорил и совершал Ганнибал. Устроившись рядом с Ганноном, он приветствовал его улыбкой. В ответ Баркид едва заметно кивнул головой. Он невзлюбил грека с момента их первой встречи. Какое-то время Силен молчал, раскладывая перья на дощечке. Но затем, приготовив орудия своего труда, он осмотрел генералов и тут же подключился к беседе.

— Отлично сказано! — воскликнул он в ответ на чью-то реплику. — Это напомнило мне историю о Тите Манлии и его сыне. Кто-нибудь слышал ее?

Грек адресовал вопрос не кому-то в частности, а всем присутствующим в комнате. Его слова могли бы остаться незамеченными, если бы Бомилькар не вскинул руки вверх.

— Он снова заговорил! Наш личный историк и эксперт по Риму! Силен, будь ты столь же плодотворен в постели, как в сказках, ты давно бы уже породил свою собственную нацию.

— Возможно, ты прав, — ответил летописец, — но к счастью или на беду великие боги не одарили меня созидательным семенем. В постели я, как и любой другой мужчина, получаю удовольствие, однако вопрос деторождения для меня закрыт навсегда. Поэтому я отец лишь своих историй. А эта, поверь мне, правдивая! Она описывает характер римлян. Ты можешь найти ее познавательной.

Прежде чем Ганнон нашел слова, чтобы закрыть рот летописцу, к беседе присоединился Магон.

— Мы с нетерпением ждем твою историю, — сказал младший брат.

— Однажды консул Тит Манлий, — начал Силен, — издал приказ и повелел, что в указанный день его легиону запрещается воевать с врагом.

— С каким врагом? — спросил Гасдрубал.

— Это не важно для нашего рассказа, — ответил грек. — Как видите, приказ был достаточно ясным и легко выполнимым. Но Тит имел глухого сына...

Силен прервал свой рассказ, потому что в комнату вошел командующий. Все встали, приветствуя его, однако Ганнибал усадил их жестом руки. Очевидно, этим вечером он постриг волосы. Они стали короче, чем были днем раньше — особенно над ушами и на шее. Чисто выбритое лицо посвежело. Борода приняла аккуратную форму. Он грузно сел и взял свитки, переданные ему помощником. Развернув их на низ-

ком столе, командир кинул головой, разрешая греку продолжить историю.

— Тит Манлий имел сына, — повторил Силен. — Этот смелый юноша столкнулся в злополучный день с врагом. Кто-то вызвал парня на поединок, и тот не смог отказаться. Два воина сразились. Юный Тит победил. Он убил своего противника, лишил неприятелей храброго солдата и...

— Не подчинился отцу, — закончил за него Бостар.

— Верно. Манлий вызвал сына к себе и собрал совет. Когда все пришли, он произнес речь, которую я не могу повторить дословно...

— Ну как же так! — притворно возмутился Бомилькар. — Ведь ты там был и мог бы процитировать его слова.

Силен дал смеху утихнуть и с печалью осмотрел собравшихся людей. Его взгляд был наполнен язвительным презрением к карфагенским генералам.

— Насколько мне известно, он говорил о необходимости дисциплины. Поступок сына вошел в противоречие с его приказом. А из приказов сплетается та ткань, которая скрепляет силы Рима вместе. Если каждый юный Тит начнет обрывать по одной ее нити, то плащ римской армии износится и разорвется по швам.

— Я думаю, что это метафора, — сказал Гасдрубал.

Бомилькар согласно кивнул.

— Консул вызвал ликтора, — продолжил Силен. — Его сына схватили, привязали к столбу и без дальнейших обсуждений обезглавили на виду у всей армии. Вот какова дисциплина римлян. И вот каковы меры, на которые они идут, чтобы обеспечить порядок в армии, нравится вам это или нет.

— Не важно, кому и что нравится, — сказал Мономах. — Главное, чтобы такая казнь позднее доказала свою эффективность в поддержании дисциплины. Вот в чем смысл истории, рассказанной Силеном.

— Вы слишком сильно полагаетесь на отцовские чувства, — возразил Бостар. — А вдруг старик не любил своего отпрыска? Возможно, он давно хотел избавиться от него.

— Отец не может не любить своего сына, — внезапно произнес Ганнибал.

Его слова показали, что он тоже прислушивался к рассказу грека.

— А ты поступил бы, как Манлий? — спросил Силен.

— Мой сын не ослушался бы меня. Как и я никогда не перечил отцу.

— Но если б случай...

Ганнибал сдвинул документы в сторону и поднял голову.

— Нет решения, которого я не мог бы принять. Если есть что-то невозможное для меня, я не обсуждаю этого. Силен, ты должен стать летописцем, а не рассказчиком историй. Записывай то, что происходит. План, о котором мы будем сейчас говорить, известен вам отдельными частями. Сегодня я расскажу обо всем по порядку, чтобы вы получили целостное видение кампании.

Он прочистил горло и продолжил:

— Этой весной карфагенская армия Иберии пойдет в поход на Рим. Гасдрубал, ты останешься здесь и будешь защищать наши владения со всеми вытекающими отсюда обязанностями. Ты столкнешься с большими трудностями. Тебе придется отбивать атаки римлян и удерживать кельтиберийские племена в подчинении. От вас с Нобой потребуется все ваше мастерство. Вандикар, ты будешь сопровождать слонов. Вы поплывете на транспортных кораблях вдоль побережья до самых Пиренеев и там сойдете на берег. Остальная часть армии выступит в поход уже в этом месяце. По пути в Италию нас ожидают значительные потери. Никто не может сказать, сколько людей мы потеряем во время марша, потому что ни одна армия прежде не совершала ничего подобного. Но мы можем уменьшить урон, если будем проявлять осто-

рожность. Многое будет зависеть от выбора проводников: одни поведут нас к гибели, другие — в Рим. Мы должны найти лучших из них. И нам следует быть беспощадными с горными галлами. Они могут встретить нас, как друзей, помочь с провизией и даже присоединиться к нам, если найдут в своих сердцах такое желание. Но если они пойдут против нас, мы сожжем их дома, убьем мужчин и заставим женщин рыдать на пепелищах. Вот такая простая стратегия.

Когда Ганнибал хотел перейти к следующему вопросу, Мономах поднял палец и дал знать, что просит слова.

— Эти галлы ежедневно будут покусывать нас за бока, — сказал генерал. — Я не сомневаюсь, что мы усеем наш путь их трупами. Но мертвых тоже можно использовать. С самых первых дней марша наша армия должна ввести в свой рацион мясо убитых врагов.

Гасдрубал и Бостар неодобрительно фыркнули. Бомилькар ударил кулаком по столешнице.

— Он что, сошел с ума? — вскричал Магон.

Не обращая на них внимания, Мономах продолжил свою речь.

— Только так мы сможем приучить солдат к употреблению человеческой плоти. Привыкнув к ней, люди легче перенесут период голода, когда нам все равно придется перейти к каннибализму. Кроме того, некоторые практики утверждают, что воины, поедая мясо побежденных воинов, становятся сильнее. Вероятно, в тканях хранятся какие-то частицы силы.

— Ганнибал, может быть, не будем обсуждать этот вопрос? — спросил Магон.

Подумав немного, командующий дал такой ответ:

— Мономах, я молю богов, чтобы мы никогда не стали врагами. Следует признать, что в твоём предложении есть доля логики, хотя и темной. Армия, которая не только убивает, но и пожирает врагов, будет ужасать противников, лишая их храбрости и угнетая умы. Но, честно говоря, меня тошнит от

такой идеи. Я не буду принуждать людей питаться тем, к чему испытываю брезгливость. Мы будем воевать в своей прежней манере.

— Я слышал рассказы...

— Давай не будем ссылаться на легенды. Мой ответ отрицательный. Мы перейдем через Альпы и сожжем римлян в их курятнике. Я не хочу заставлять людей делать что-то против их воли и веры. И мы не станем трупоедами. Я предлагаю продолжить совет.

Конечно, Мономах мог бы выставить другие аргументы, но голос Ганнибала был тверд. Генерал всосал щеки, прикусил губу и нацелил обиженный взгляд на дальнюю стену комнаты.

— Ганнон, ты останешься с частью армии у горных перевалов. Это наша единственная дорога в Италию, и мы должны защищать ее, чтобы получать подкрепления, поступающие из Карфагена. На тебя возлагается очень важная задача, потому что без пути, соединяющего нашу армию с Иберией, мы окажемся в утробе врага, отсеченные от любой возможной помощи.

Ганнибал продолжил свою речь, но Ганнон перестал воспринимать его слова. Он повторял свой приговор. Решение судьбы. Что означала его миссия? Какие перспективы сулила ему охрана горных перевалов? Неужели брат хотел оскорбить его, оставив с небольшим отрядом среди варваров, фактически изгнанником в снежной пустоши? Или это задание действительно имело какую-то важность — пусть даже малую, но достойную его участия? Он не мог оценить все аспекты такого внезапного поворота событий. Ганнон сидел среди генералов с бесстрастным лицом, как будто знал о своем назначении заранее и даже помогал планировать его. Он снова почувствовал пульсацию в ладонях и незаметно провел руками по бедрам, вверх и вниз, вверх и вниз.

— Магон отправится вместе со мной, — произнес Ганнибал. — Он поведет левый фланг армии, а я буду командовать правым. Бостар и Бомилькар, вам тоже предстоит проверить свои силы на итальянской земле. Махарбал, копыта твоих конников наполнят громом долины и холмы вокруг Рима. Таким будет порядок для наших первых атак. Следующую зиму мы проведем в холодном краю галлов. Там к нам присоединятся бойи и инсабры. Весной мы начнем вторжение. Столь мощная армия еще никогда не угрожала Италии. Когда мы заставим их обороняться, Гасдрубал приведет подкрепление. Если Ваал и судьба окажут нам благоволение, то к осени второго года мы устроим пир в римских залах как гости или победители. Все будет зависеть от условий мира, которые нам продиктует ситуация.

— И если мы наткнемся на римлян, пока будем в Каталонии? — спросил Махарбал.

— Это может стать нашим преимуществом, — получив одобрительный взгляд Ганнибала, ответил Бостар. — Мы знаем, что римляне поделили свои силы на две консульские армии: одна планирует захват Иберии, вторая готовится к высадке в Африке. Если они направят армию в Иберию, то их опорным пунктом будет Массалия — город их греческих союзников на севере побережья. Нам не мешает битва вдали от Нового Карфагена. Одержав победу, мы заставим их отозвать вторую консульскую армию из Африки обратно в Италию.

— Нас устраивает любой курс событий, — согласился Ганнибал, — хотя мы не можем предсказать, как Рим ответит на наши действия. Зато у нас имеется возможность подстраивать первоначальный план под каждый ход противника.

— А почему бы нам сразу не начать осаду Рима? — спросил Бомилькар. — Насколько мне известно, мы не берем в поход осадные машины. Этот вопрос нужно пересмотреть.

— Осада не будет нашим первым пунктом в списке наносимого урона. Тараны и башни слишком громоздки, чтобы тащить их по горам. Мы могли бы доставить их на кораблях, но наш флот слишком мал. Нам придется строить механизмы уже в Италии, хотя, в любом случае, осада была бы ошибкой. Рим слишком хорошо укреплен.

— Ни один город не продержится вечно, — сказал Бомилькар.

— И ни одна армия не сможет вести долгую осаду в стране врага, — ответил Ганнибал. — Нет, мой план иной! Мы встретим их на поле битвы и нанесем им показательное поражение. Мы раним их и будем преследовать до тех пор, пока слабость не заставит римлян сдаться. Когда латинские союзники увидят, что их могущественный друг попал под удар, они признают нас сильнейшими на поле брани. Победитель никогда не теряет друзей и всегда приобретает новых. Проще говоря, мы нападём на Италию, победим римлян в бою, разрушим их старые альянсы с соседями, а затем — и только затем — устроим осаду Рима. Я уже обсуждал эту тему с каждым из вас. Теперь вам известны подробности. За оставшееся время в начале весны постарайтесь решить все вопросы, связанные с выполнением ваших обязанностей.

Он склонился над картами и расправил их рукой.

— Теперь обсудим наш маршрут.

Ганнон придвинулся к столу, разглядывая профиль брата: темные волнистые волосы; широкий лоб, нахмуренный от мыслей, которые он хотел выразить; брови, похожие на две нависшие скалы из черного базальта; полный и красивый рот. Он впервые прислушался к чувствам, питаемым к Ганнибалу — к тем эмоциям, которые бурлили почти на грани осознания, позади его любви, восхищения и признания заслуг. Они, как братья, имели общие черты, одну и ту же кровь и даже запах, настолько схожий, что собаки не чувствовали отличий между ними. Но в темном уголке ума, до-

статочно далеко от родственных отношений, зрело семя, посаженное еще в юности. Там обитала эмоция, в которой он признался себе только сейчас и которую, наконец, оформил в слово. Ганнон услышал, как оно прозвучало в его голове.

Ненависть.

* * *

Гасдрубал проснулся в печали, потому что ему приснился день смерти отца. Он не помнил подробностей сна. Они поблекли в мареве грез, едва его глаза открылись в реальном мире. Гасдрубал ощущал беспокойство, вызванное воспоминаниями о реальных событиях, в которых он принимал активное участие. Его детство казалось тонкой лучиной, с трудом чадающей в пугающем мире, где зрелость требовалась прежде, чем тело подростка начинало обретать мужские черты.

Юный Баркид рос в то время, когда его родина низверглась в бездну поражения. Одним из первых фактов, которые он узнал о своей стране, была война, проигранная превосходящей силе, называемой Римом. Карфагенян лишили островов, владений и гордости. Они сгибались под тяжестью военной контрибуции. Позже их собственные наемники решили провести осаду города. Результат конфликта мог быть удручающим. Лишь по запоздалой воле богов его отцу Гамилькару удалось отогнать вглубь пустыни сорок тысяч наемников и уничтожить их в боине эпических размеров, оставив после битвы гигантское захоронение за гранью человеческой фантазии — хотя юный Гасдрубал не раз воссоздавал в уме такие образы.

Он вырос в Карфагене. Пока некоторые дети бегали по темным лестницам, пугаясь воображаемых чудовищ за их спинами, Гасдрубал в своих кошмарах ускользал от бесчисленных армий мертвецов, желавших смести все, что он знал, в вихре злобного насилия. Он вырос бы робким юношей, если

бы отец не подавал ему пример беззаветной смелости. Гамилькар всегда подстраивал мир под себя. Он превратил Иберию в часть империи и окружил себя сыновьями, которые крутились вокруг него, как щенки. Он закрепился на реке Бетис и завоевал почти весь полуостров, используя грубую силу и превосходя врагов своей невероятной волей.

В год смерти отца им пришлось усмирять город Илики, который оказывал яростное сопротивление. Осада длилась лето, осень и зиму. Упрямые горожане не соглашались на условия Гамилькара и не желали сдаваться. В своей решимости они бросали со стен изможденные тела стариков и младенцев, мужчин и женщин с перерезанными глотками, тем самым демонстрируя врагам, что они предпочитают смерть голоду и не хотят идти в карфагенское рабство. Терпеливый и решительный Гамилькар отпустил часть армии на зиму и продолжил осаду умеренными силами. Он знал, что упорство обеспечит ему победу. Его войска непрерывно пополняли припасы, а жители Илики страдали от нехватки провизии. Он находился в сильной позиции. Победа над мятежным городом была вопросом времени, и два сына, помогавшие ему — Ганнибал и Гасдрубал, — учились терпению.

Когда Орисс, вождь племени из северных предместий, пришел к ним под флагом перемирия, это показалось Гамилькару достаточно разумным поступком. Человек долгое время находился у власти и, вероятно, хотел извлечь выгоду из поражения Илики. Он предложил карфагенским военачальникам погостить в его крепости, чтобы передохнуть от осады и рассмотреть возможный союз между ними. Он говорил без обмана на лице, предлагал простые истины и обещания, приятные для ушей уставшего от битв человека. Предложение вождя рассмотрели на семейном совете. Гамилькар попросил сыновей высказать свое мнение. Ганнибал, как доверенный помощник отца, был против визита в крепость. Он заявил, что их солдаты могут вынести холод и довести осаду до побе-

ды. Отдыхать следует после окончания работы, а не раньше. Вотличие от брата, Гасдрубал не привык выражать свои мысли вслух. В краткой речи он попытался заменить логику чувствами.

— У нас нет причин сомневаться в Ориссе. Пока он вел себя как друг. И нужно учесть твое здоровье, отец. Бывали случаи, когда холод доводил великих людей до тяжелых болезней и смерти.

Гамилькар выслушал сыновей и посмотрел на свои руки, сложенные на груди. От холода его кожа покрылась мурашками. Дыхание было хриплым и затрудненным от простуды. Он никак не прокомментировал упоминание о его здоровье, но, видимо, оно перевесило разумные доводы Ганнибала. Визит в крепость, сказал отец, это не только вопрос отдыха и удовольствий, но и возможность заключения политического альянса.

Назначив офицеров для продолжения осады, они выехали конным отрядом в двести воинов. Гамилькар скакал в свите иберийского вождя, деля с ним мех подогретого и укрепленного специями вина. Он бесхитростно радовался компании этих людей, хотя по лицу столь опытного государственного деятеля о его простодушии нельзя было судить уверенно. Черно-серые облака закрывали небо плотной пеленой, через которую не проглядывало даже солнце. Дождь ровно моросил, как и всю неделю прежде. Он не давал земле замерзнуть, хотя холод пробирал до самых кишок. Следуя за грязным крупом отцовского коня, Гасдрубал мечтал лишь о том, чтобы они двигались быстрее. В его голове кружились мысли о местных девушках, вине, тепле и всех тех удовольствиях, к которым он начал проявлять интерес. Он знал, что думать о таких вещах не подобало воину его положения. Взглянув на суровое и сосредоточенное лицо брата, Гасдрубал убедился, что подобные желания не одолевали Ганнибала. И брат был прав, не доверяя сладостным речам вождя.

С тех пор он многое забыл, но тот момент как будто сплавился с его сознанием.

Все изменилось, когда массилиотский разведчик галопом приблизился к отряду и отозвал Гамилькара для важного разговора. Он произнес что-то на своем языке и этим всецело завладел вниманием командира. Тот натянул поводья и отъехал, чтобы выслушать сообщение разведчика. Массилиот доложил, что сзади их преследовало большое воинское формирование, состоявшее из иберийской пехоты и конницы. Они отрезали им путь отступления к Илики. Какая численность? Нумидиец сослался на плохую видимость. Однако, по его оценке, им противостояло около тысячи воинов — и еще, возможно, полтысячи скрывались за деревьями. Когда его заметили, он постарался быстро скрыться.

— Что за люди? — спросил Гамилькар.

Нумидиец, не поднимая головы, дернул подбородком и указал на того, кого он считал организатором засады. Гамилькар повернулся к Ориссу и, встретив его взгляд, получил желаемое подтверждение. Иберийский вождь и вся его свита помчались прочь. Гамилькар прокричал приказ. Небольшой отряд кавалерии под предводительством Мономаха бросился в погоню. Но прежде чем командир успел произнести другую команду, на склоне холма появилась вражеская конница. Дерн и клочья грязи вылетали из-под копыт лошадей. Казалось, что весь горизонт оцетинился копьями.

Они не стали сражаться. Их бегство было столь поспешным, что они не имели возможности свериться с картами. Гамилькар выбрал маршрут, который он умозрительно помнил по плану местности, хранящемуся в его памяти. Они направились на запад и скоро проехали мимо поверженных тел Орисса и его людей. Никто не произнес ни слова, потому что не было времени говорить о предательстве. Северный проход в долину оказался перекрытым иберийскими пехотинцами. Карфагеняне свернули в сторону и без колебаний пе-

реправились через реку. Добравшись до другого берега, они попали под обстрел лучников. Несколько воинов упали с коней, но большая часть стрел заскользила по гальке и песку. Бегство продолжалось почти весь зимний вечер.

Когда в сумерках они подъехали к бурной реке, с губ коней срывалась пена. Безымянный поток, пронесившийся перед ними, летом был лишь большим ручьем. Но теперь река в разливе покрывала пни и основания деревьев. Ее коричневые воды омывали ветви, в которых прежде обитали не рыбы, а белки и птицы. Гамилькар отдал приказ, и как бы Гасдрубал ни противился этому решению, ему пришлось подчиниться.

— Вы двое, — обратившись к сыновьям, сказал отец. — Берите Священный отряд и скачите на юг. Без промедления! На всей скорости! Через неделю я встречу с вами в Акра-Лейке.

С этими словами Гамилькар развернул коня и помчался на север, повелев остальным солдатам следовать за ним. Взглянув на брата, Гасдрубал увидел тревогу на его лице. Скакать вверх по течению было безумием. Чем ближе к истокам, тем быстрее река теряла свой бушующий напор. Иберийцы могли отрезать им пути отхода. Гасдрубал хотел закричать, попросить отца остановиться, догнать его, обнять, схватить за волосы и удержать. Но, еще раз посмотрев на брата, он вздрогнул, поскольку его лицо изменилось. Взгляд Ганнибала, направленный на него, был каменным, недобрый и безжалостным.

— Ты слышал приказ! — вскричал он. — Поворачивай коня и поезжай! Не время задавать вопросы!

Гасдрубал подчинился. Он не мог перечить брату, как не мог возражать отцу.

Когда Мономах привез им новости, они ждали в теплых залах Акра-Лейка. Генерал доложил, что Гамилькара Барки больше не было в живых. Он утонул, переплывая русло той бурной реки. Поток бросил их с конем на острые камни и от-

нял жизнь у командира, распоров его тело безжалостной мышцей воды об острую кость берега. Их отец умер, спасая жизни сыновей. Он принял это решение с полным осознанием риска. Гамилькар отвлек погоню и пожертвовал собственной жизнью.

Хотя Гасдрубал выслушал эту новость в присутствии брата, он не мог смотреть на Ганнибала. Он чувствовал обжигающий стыд, которого прежде не знал в своей жизни. Казалось, что его гнев на себя длился целую вечность. Но затем руки брата легли на его плечи, и в ответ он тоже обнял Ганнибала. Гасдрубал не смущался своих эмоций и не сдерживал горя. Он переживал ужасную тоску оттого, что стал неполным звеном, сиротой, потерявшим отца. Он даже не был настоящим мужчиной — ни ребенок, ни отец, а только брат. По какой-то причине эта мысль заставила его заплакать.

Печальные воспоминания тревожили Гасдрубала до позднего утра. Затем подготовка к торжественной речи Ганнибала отвлекла его от грустных мыслей. Командир желал обратиться к войскам, вернувшимся с зимнего отдыха. Гасдрубал, помогая брату в последние мгновения перед выходом к армии, мог слышать толпу, собравшуюся за городскими стенами: примерно девяносто тысяч воинов пришли сюда, чтобы выслушать слова Ганнибала о предстоящей кампании. Люди уже знали, с кем им предстоит воевать и что их целью будет Рим. Но этим утром командир обещал раскрыть им все детали своего военного плана.

Ганнибал оделся более изысканно, чем в обычные дни, и уделил особое внимание предметам роскоши. Он даже согласился с предложением младшего брата и надел нагрудную пластину с образом Элиссы — основательницы Карфагена. Лицо женщины соединяло в себе небывалую красоту и свирепость. Белая туника под броней была обшита красной нитью и украшена на плечах золотой тесьмой. Тщательно выбранные сандалии из гладкой кожи были выдублены до чер-

ного цвета и инкрустированы серебряными гвоздиками. Гасдрубал никогда не видел брата таким красивым и впечатляющим, но ум Ганнибала занимали другие проблемы.

— Пройдя по этому коридору, я увижу огромную и хорошо обученную армию, — произнес Ганнибал. — Но могу ли я сказать им, что Фортуна припасла для них? Нет! Я не имею права на это, пока они не предоставят его мне. Фактически я создал их будущее. Позже они оценят, насколько правильно я устроил его. И там, в конце наших свершений, Судьба prepares мне судилище.

— Брат, они последуют за тобой куда угодно, — заверил его Гасдрубал.

— Возможно. Персидские цари верили, что отряды воинов являлись только инструментами их воли. Однако количество их войск не соответствовало гневу свободных людей. Когда я выйду на платформу перед своими солдатами, то задам конкретный вопрос. И пусть они сами ответят на него.

Гасдрубал молча выслушал слова брата и кивнул, показывая свое безоговорочное согласие. Взглянув в конец коридора, он прошептал:

— Я могу спросить тебя напоследок о том, что тревожит меня?

— Конечно.

— Возможно, ты уже давал ответ на этот вопрос и я его не слышал... Скажи, нет ли у нас другого пути, чем война с римлянами? Некоторые утверждают, что нам нужно игнорировать их и радоваться величию империи, которую мы здесь построили. Мы могли бы расширяться дальше на север и жить рядом с Римом как равные страны. Я не бегу от битвы, ты знаешь это. Я твой последователь во всех делах. Мне только хочется понять! Неужели мы ненавидим их так сильно?

Ганнибал посмотрел на опущенную голову брата.

— Помнишь, мальчиками мы догоняли тени облаков? А позже мы мчались на конях за ветром и уничтожали це-

лые легионы воображаемых врагов, которые на самом деле были кусками белого тумана.

Гасдрубал кивнул. Его брат улыбнулся и перешел к прямому ответу. Он не стал пояснять значение приведенной аналогии.

— Ты задал честный вопрос, и я, отвечая на него, укажу тебе на два момента. Да, я ненавижу римлян. Мне повезло, и я провел многие годы с нашим отцом, в отличие от других его сыновей. Он считал римлян наихудшими врагами. Они безжалостно ограбили наш народ. Они коварны, жестоки и хитры. Я думаю, наш отец был одним из мудрейших людей Карфагена. И, поскольку он ненавидел Рим, я поступаю так же.

В коридоре, который вел к площадке на лестнице, появились Магон и Бостар. Они замахали руками, указывая, что все уже готово. Люди ждали выхода командира. Ганнибал кивнул в ответ и жестом велел им вернуться на платформу.

— Но я не дурак, — продолжил он. — Ненависть это упряжь, а мне не хочется ходить с уздой на шее. Я атакую Рим не из ненависти. Истина в том, что у нас нет другого выбора. Алчность римлян отличается от всего, что доселе видел мир. У меня много шпионов в Италии. Они приносят мне куски головоломки, которые я складываю вместе уже долгое время. У меня достаточно частей, чтобы понять реальную картину. Рим не позволит нам существовать свободно и независимо. Возможно, сенаторы дадут нам еще лет пять. Или десять. Или даже пятнадцать. Но затем они пойдут войной на нас. С каждым годом их сила растет, Гасдрубал. Если мы не сразимся с ними теперь, на своих условиях, нам придется вести войну позже и уже по их законам. Отец знал, что так будет. Он учил меня этому с детских лет. Все, что он говорил о римлянах, оказалось правдой. Да, мы все хотим власти. Хотим богатств. И чтобы рабы выполняли за нас грязную работу. Карфаген ничем не отличается от других империй. Но римляне желают большего! Они мечтают стать властителями мира! Хозяе-

вами неосязаемых сфер, стоящих за гранью власти и богатства. Они не согласятся на меньшее. В их мечтах мы с тобой лишь рабы.

Помолчав немного, он вздохнул, собрался с мыслями и продолжил:

— Поэтому мой ответ двоякий. Да, я ненавижу Рим. Но я начинаю эту войну, потому что у меня нет выбора. Брат, мы сражаемся за целый мир. За все, что есть у нас с тобой. Мы больше не гоняемся за облаками. Мы уже не можем позволить себе этого, даже если бы очень захотели.

Командир встал, положил ладонь на плечо Гасдрубала и сжал его сильными пальцами. Затем без лишних слов он вышел из комнаты в коридор. Его сандалии скрипели на выкрашенных каменных плитах. Чуть позже этот звук стал тише. Но Гасдрубал по-прежнему прислушивался. Еще через мгновение он понял, что Ганнибал шагнул на платформу, возвышавшуюся над огромной армией, ожидавшей его. Солдаты встретили командира оглушительным ревом.

ЧАСТЬ 2: ГРОМ ВААЛА

В каком-то смысле Эрадна была рождена для войны. Во всяком случае, она всегда шла следом за нею. Вместе с толпой оборванных нищих она тащилась за колесом военной машины мимо мертвых тел, сожженных деревень и утихших полей, на которых недавно ярился хаос сражений. Эрадна не знала матери, но любила отца, который часто бывал к ней добр. У него имелись мул, телега и куча хлама, которым он торговал. Это была дешевая мелочь, собранная с трупов убитых, — то, чем побрезговали солдаты в бою: серебряные кольца, круглые камни для пращников, сандалии, полоски кожи, целебные мази, талисманы из разных стран и фигурки богов, ценные только для тех, кто верил в них. Отец Эрадны, широкоплечий грек, с грубым и вздорным нравом, пользовался уважением в орде обозных мародеров. Однажды во время спора он так сильно избил бетийского наемника, что тот лишился речи — этот громогласный и крикливый тип больше не мог говорить, откусив кончик языка. Из отца Эрадны получился бы хороший солдат. Но ему больше нравилось использовать безрассудство других людей, и он не желал присоединяться к их войнам.

Пока отец был жив, детство Эрадны проходило в относительной безопасности. Возможно, он не знал, как проявлять свою доброту, но к дочке относился с нежной снисходитель-

ностью. Вечерами, перед сном, он рассказывал ей о матери и о небольшой деревне, из которой они бежали много лет назад. Отец говорил о великом зле, ворвавшемся к ним и изгнавшем их с острова, который он любил и на который хотел вернуться. Все их скитания ни к чему не привели, печально признавался он. Были новые беды и новые испытания — очередные сцены в драме его жизни. Отец мечтал вернуться в Грецию. Он ежедневно молился, чтобы создатель его истории доказал осмысленность текста и довел рассказ до счастливого конца, а не до трагического финала. Он часто любовался Эрадной по утрам. Просыпаясь под его умиленным взглядом, она чувствовала себя счастливой.

Отца забрала болезнь, пришедшая внезапно. Она убила его, когда Эрадне было лишь двенадцать лет. И тем же вечером ее изнасиловал мужчина, помогавший ей хоронить отца. Он многие годы называл себя другом их семьи. Это плата, сказал он позже. И если мучитель действительно так думал, то счет оказался огромным, потому что он объявил ее своей рабыней. С тех пор он путешествовал с обозом, привязывая Эрадну к телеге, которая некогда принадлежала ее отцу. Мужчина насиловал ее почти каждую ночь, называя именем другой женщины. Он кончал очень быстро и всегда сердился после этого. Эрадна не плакала, когда он умер от крохотной раны, возникшей на его стопе и съевшей ногу до самого колена.

Какое-то время она жила в сельской местности к югу от Кастуло. В деревне ее никто не трогал. Она работала на пожилого человека, которому нравилось смотреть на нее — просто смотреть и не более того. Он беседовал с ней чаще и охотнее, чем со своими дочерьми. Вести хозяйство было не просто, но далекий зов предков помогал ей справляться с трудностями. Она чувствовала странную близость к этой повседневной работе — знакомство, запечатленное в ее наследственной памяти. Эрадна хотела бы остаться здесь и после

смерти старика, но его дочери прогнали ее из дома, испугавшись, что их мужья начнут захаживать к молоденькой девушке. Эрадна могла бы попросить их относиться к ней как к сестре. Но она знала, что они не согласились бы. Она была чужой для них, и они не видели в ней ничего, кроме источника возможных бед.

В четырнадцать лет она вернулась к ремеслу отца. Оставив детство позади, Эрадна быстро огрубела и ожесточилась. Ее гибкое мускулистое тело нарастило толстую кожу. Она постоянно была начеку, поскольку рядом рыскали наглые и хищные мужчины. Армию сопровождало множество женщин, но ее милое лицо выглядело свежее, чем у большинства из них, а стройная мальчишеская фигура притягивала взгляды мужчин как магнит. Ее красивые глаза цвета опала выделялись на загорелом лице и превращались для нее в два проклятия, которыми она смотрела на мир.

Эрадна прошла от Гадеса к Тагусу, затем по хребту Серебряных гор и далее вдоль иберийского побережья до Нового Карфагена. Она увидела падение Арбокалы и оценила грубую мощь карфагенян. Однако мужчины, с их простыми и предсказуемыми желаниями, везде были одинаковыми. Как бы она ни отгоняла их, они приходили к ней по ночам и в дневное время, на рассвете и на закате. Однажды она испортила внешность одного из них, вонзив острый ноготь в его глаз. Другого ткнула в живот наконечником копья. Еще одного укусила за щеку, вырвав кусок щетинистой плоти. За этот случай ее избили до беспамятства и изнасиловали с показательной жестокостью.

Несмотря на унижения, она не сдавалась. В ее сердце разгоралась ярость, тело наполнялось новой силой. Будучи жертвой, она находила в поведении мужчин черты, которые делали их слабыми. Например, мужчины, называя себя сильным полом, становились послушными и уязвимыми, когда их разум наполняла похоть. Чтобы насытить ее, они выставляли

перед собой свои голые дубинки из плоти. Эрадна считала, что многие женщины с ненавистью смотрят на мужские члены, налитые кровью, одноглазые, с мясистыми капюшонами, похожие на злобных змей. Этот образ часто возникал перед ее глазами во время повседневных дел и даже во сне. В одном из кошмаров мертвая женщина поведала ей, что любую змею, не важно, насколько она ядовита, можно раздавить ударом каблука.

Когда Эрадна присоединилась к обозу и двинулась вслед за армией Ганнибала, ее не интересовал конечный результат войны. Она шла за мужчинами, но не собиралась прислуживать им. Это была еще одна военная кампания, в которой каждая из сторон могла снабдить ее хламом для продажи. Она хранила свои сокровища в мешочке, который носила, как талисман, на цепочке вокруг шеи. В нем содержались кости орленка, взятые из яйца; часто заменяемые зубчики чеснока, источавшего сильный запах; прядь волос, срезанная с головы давно убитой Клитемнестры*; и крохотная статуя Артемиды, вырезанная из китового уса. Кроме того, внутри звенело несколько монет — начало небольшого состояния, необходимого ей для приобретения участка земли в далекой и родной стране, которой она никогда не видела. Эрадна мечтала о доме, но не заботилась о собственной судьбе. Вот почему она шла в обозе следом за армией Ганнибала.

* * *

До начала войны с Ганнибалом юный Публий Сципион ничем не отличался от других молодых патрициев Рима. Его стройное тело не имело впечатляющей мускулатуры, и светло-коричневые волосы не вились в той небрежной манере,

* Клитемнестра — дочь спартанского царя Тиндарея и Леды. —
Здесь и далее примеч. перев.

которая нравилась женщинам. Тем не менее друзья часто шутили, что профиль Публия был столь красивым, что его следовало бы выбить на монетах. Но в ту пору никто из них не мог представить повода для подобной чеканки. Его отец взял в жены дочь популярного сенатора Эмилия Павла. Это был верный знак, что звезда их семьи сияла ярко. Публий намеревался еще больше возвысить свой род: через служение в Сенате, через приобретение богатств и щедрые пожертвования, на волне выдающихся боевых побед и проявленного благородства. Лелея подобные надежды, он живо интересовался новостями о конфликте с Карфагеном. Публий с детства понимал, что человек может сделать себе имя только упорным трудом и непрерывной борьбой с врагами отчизны. Для себя он выбрал именно борьбу.

Публий верил — насколько это было возможно для энергичного юноши, формирующего свой взгляд на мир, — что его отец превосходил других людей во всех вопросах. Корнелия Сципиона избрали консулом в решающий момент, когда римский Сенат готовился к войне. Таким образом жители Рима продемонстрировали ему свое доверие. Когда он предложил войну на два фронта, взяв на себя Иберию и отдав Карфаген другому консулу, Семпронию Лонгу, Публий не сомневался, что это будет быстрая и успешная кампания. Даже когда грозное восстание среди бойев и инсабров задержало их в долине Пада, юный воин считал, что отсрочка не имела большого значения. Выходка варваров нуждалась в наказании. История гласила, что подобная смута однажды привела к захвату их великого города. Но тогда были иные времена и другой Рим. Их легионы демонстрировали это галлам постоянными репрессиями.

Они жгли деревни, забирали животных и скarb, сражались в стычках с варварами и бесстрастно наблюдали, как бунтовщики находят мучительную смерть на деревянных крестах. Римляне несли небольшие потери, но, даже чувствуя кипя-

щую ненависть в голубых глазах каждого галла, они никогда не встречали организованного сопротивления. Юный Сципион позже вспоминал галльскую девушку, с которой он переспал после вечернего пира. Выползая из его палатки, она что-то прошептала, и он уловил имя Ганнибала. В ту пору этот факт не имел никакого смысла. Его значение открылось лишь позже, став запоздало понятым проклятием.

Корнелий, убежденный в том, что потенциальный мятеж нужно подавлять до того, как он начнется, высадился на побережье к западу от Альп и привел свои легионы в Массилию. Он страдал от сильной простуды, лихорадки и жаловался, что его ноги никогда не перестанут болеть в гнилостной влажности этой весны. Консул отправил сына на встречу с магистратами города, а сам предался неге и комфорту в своих роскошных покоях. Здесь Публий и нашел его вечером в компании брата.

Отец сидел на низкой кушетке, закинув одну ногу на деревянный стол. Тога высоко задралась на обнаженных бедрах. Даже в мгновения досуга он не терял внешнего достоинства. Его сухопарая фигура и вытянутое лицо служили моделью для скульптурных черт сына. Перед ним на коленях стоял слуга и массировал больную ногу консула. Он держал ее перед лицом, словно обнюхивал пятку. Его сильные руки разминали стопы хозяина, мякоть и фаланги согнутых пальцев.

Заметив сына, Корнелий усмехнулся.

— Только не думай, что я превратился в дряхлого старца, — сказал он. — Просто мои ноги скоро доведут меня до изнеможения. Я покалечил их годы назад, но боль пробуждается каждую весну. У этого юноши прекрасные руки. Он снимает судороги и успокаивает приступы. Я даже получаю удовольствие от его массажа, хотя вроде и не грек.

Публий кивнул, приветствуя дядю, который стоял у задней стены и созерцал окрестности через узкое окно. Его рука

сжимала кубок, наполненный вином. При среднем росте Гней Сципион был широкоплеч и коренаст и имел длинные сильные руки, которые больше подошли бы кузнецу. Он сильно отличался от старшего брата. Одинаковыми были только голоса: их речь казалась почти неотличимой для близких людей.

— Я не могу сказать о греках ничего плохого, — ответил Публий.

— Естественно. Я забыл, что в минуты досуга ты ведешь себя так же, как многие из них. Но если тебя не затруднит, мы займемся делами. Итак, какие новости?

— Я принес тебе донесение от правителя города, — ответил Публий. — Скажу сразу, что этот отчет не вызывает у меня доверия. Некоторые вольки утверждают, что Ганнибал пересекает Пиренеи и направляется к Роне.

Гней резко повернул голову к племяннику и пролил на тогу несколько капель вина.

— Этого не может быть!

Корнелий принял новость более спокойно, но скептически поджал губы.

— Откуда у Мариуса такие сведения?

— Он говорит, что получил их от надежного информатора и что они были переданы ему по поручению нескольких важных племенных вождей, у которых нет причин вводить нас в заблуждение. Мариус доверяет им. С тех пор как его назначили правителем Массалии, они ни разу не враждовали с ним. Похоже, вольков не нужно настраивать против Ганнибала. Вероятно, у них имеется свой повод для ненависти к Карфагену. Следует отметить, что эти слухи подтверждаются докладами из Каталонии.

— Каталония слишком далека от долины Роны, — напомнил Гней. — Откуда там такая информация?

— Я просто обобщаю услышанное. Если Ганнибал пересечет Пиренеи...

— Все это возможно, но зачем ему совершать подобные маневры? — возразил Корнелий. — Наши шпионы сообщают, что Ганнибал намерен сражаться в Иберии, где его позиции сильны. Насколько я понимаю его, он с самого начала планировал вести оборонительную войну. Так зачем же ему менять свои планы?

— А что, если наши шпионы не достойны того золота, которое мы платим им? — предположил его брат.

Корнелий отдернул стопу. Слуга, стоявший на коленях, опустил руки по бокам и склонил голову, ожидая дальнейших инструкций. Консул поставил ноги на пол и поднялся с кушетки. Для римлянина он был высок — сын доходил ему только до бровей. Через несколько лет Корнелий Сципион должен был оставить воинскую службу. Он давно уже прошел физический расцвет, хотя и сохранял былую выправку, когда этого требовала ситуация. Вот и сейчас он гордо выпрямил спину, отослал слугу из комнаты и, положив ладонь сыну на плечо, подвел его к Гнею.

— Зачем Ганнибалу этот трудный переход через Пиренеи? — еще раз спросил консул. — Я бы понял его, если бы он решил захватить всю Иберию до самых гор. Но идти в страну вольков? Совершенно бесприбыльное мероприятие! И это слишком близко к зоне наших интересов. Он же знает, что мы не позволим ему задержаться там. Зачем напрягаться по пустякам — особенно в то время, когда мы готовим атаку? Семпроний спрашивал меня в письме, не боюсь ли я того, что Ганнибал перейдет через Альпы. Идея заставила меня задуматься, однако позже я отверг ее как абсурдную. Баркиды известны своей импульсивностью, но Ганнибал не глупец. Так в чем же дело?

Вопрос повис в воздухе. Некоторые сочли бы это приглашением к дискуссии, но Публий знал, что отец разговаривает сам с собой. Юноша взял кубок вина, провел им под но-

сом и сделал глоток в ожидании дальнейших рассуждений консула.

— Возможно, это уловка, — предположил Гней Сципион.

Корнелий смахнул несколько капель с кубка брата, отпил вино из своей чаши и согласно кивнул.

— Что, если этой хитростью они хотят удержать нас здесь и таким образом пытаются отвлечь от осады Нового Карфагена? Он знает, что рискует, но смело идет на такой шаг. Подводя свои силы к Пиренеям, он тянет время, как вы понимаете. Если ему удастся задержать нас до середины лета, он спасет свой город. К концу осени его армия вернется восвояси, и, отступив, он получит больше, чем потеряет. Вот почему я настаиваю на походе в Иберию. Гней высадится в Эмпориях и подготовит нам путь. Я поведу основные силы армии. Посмотрим, что будет делать Ганнибал, когда получит весть об осаде его города и об отправке Семпрония к берегам Карфагена. Пусть он увидит, что его хитрость бессильна против решительной мощи Рима. Вы согласны со мной?

Публий кивнул, но мысль, возникшая в уме, заставила его продолжить разговор.

— Давайте проявим тщательность и рассмотрим следующий вопрос. А вдруг он действительно сошел с ума?

— Что?

— Допустим, Ганнибал нацелился на Рим?

Корнелий склонил голову набок и посмотрел на сына, как будто не мог понять, к чему тот клонит.

— Тщательность? Хорошо. Если целью Ганнибала является Италия, ему придется выйти на побережье и сразиться с нами. Но он не пойдет через континентальные горы. Такой маршрут означал бы ежедневную битву с силами природы и с немощью человеческих тел. Он может добраться до предгорий, но вряд ли захочет потерять армию, сражаясь со снегом, льдами и галлами. Кроме того, если он все же доберется до

Италии, остатки его армии натолкнутся на нас, а я буду рад подобной встрече.

Тон консула предполагал, что дальнейшие споры не приветствуются. Наполнив вином опустевший кубок Публия, он протянул его сыну и добавил:

— Учитывая все вышесказанное, мы без суеты и страха можем продолжить наши приготовления к войне.

* * *

Ни один из участников похода не назвал бы путешествие к Роне скучным или небогатым событиями. Благодаря переговорам, стычкам, осадам и засадам влияние карфагенян распространилось до самых дальних когда-либо известных пределов. Ганнибал нуждался в полном контроле над территорией между ним и Новым Карфагеном. Армия шла тремя боевыми колоннами, разделенными милями равнин и холмов. Баркиды, управлявшие каждой из них, пытались мирно решать возникавшие проблемы. Они посылали перед собой посланников мира, но варварским племенам было трудно видеть войска чужеземцев и не хвататься при этом за мечи и копья. Впереди колонн маршировали крепкие балеарские островитяне. Они держали в руках пращи, готовые в любое мгновение метнуть свои молниеносные снаряды в цель. Следом за ними шагали странные звери, управляемые людьми неведомой национальности. Огромные серые животные имели большие уши и гибкие сильные хоботы. Дальше тянулись бесконечные ряды солдат, объединявшиеся в отдельные племенные группы. За ними следовали конница и вьючный обоз, питавший мощного зверя войны. Карфагенская армия вспенивала весеннюю землю и превращала ее в широкую дорогу. Обочины оголялись до последней травинки, словно после нашествия саранчи, и за военными колоннами шли волки и лисы, летели вороны и тучи мух.

Несмотря на протесты многих племен, они довольно мирно прошли через край Раскино. Ни один вождь не мог контролировать всех своих соплеменников. Мелкие стычки происходили почти ежедневно, и африканцы быстро отучились устраиваться на ночь беспечно. Тем не менее к концу лета они могли сказать, что подчинили себе Каталонию. Поскольку в округе не было ни одного римского легионера, Ганнибал оставил Ганнона управлять местными племенами и приглядывать за предгорьями Пиренеев. Затем, перейдя через горный перевал, он спустился на равнину, ведущую к Роне.

На этой реке вольки создали оборонительный рубеж. Выйдя на западный берег, Ганнибал впервые увидел диких варваров, от которых Мономах едва унес ноги во время дипломатической миссии. Длинноволосые полуголые дикари были белокожи как древесина сосны. Некоторые из них раскрасили лица зелеными и синими красками. Их крики доносились через широкую гладь степенных вод — какие-то насмешки, произносимые на странном утробном языке, который казался для африканского уха полной тарабарщиной. Впрочем, смысл их слов был достаточно ясным, так как крики сопровождались непристойными жестами. Вольки размахивали руками, выставляли обнаженные ягодицы, хватались за пах, высовывали языки и размахивали длинными мечами над головами. Они явно не были расположены к мирным переговорам.

— Эти люди просто сумасшедшие, — сказал Магон, стоявший рядом с братом.

Ганнибал повернул к нему бесстрастное лицо.

— Сумасшедшие или нет, — сказал командир, — но они на нашем пути.

Поэтому он придумал план для их устранения и возложил его выполнение на брата. Едва стемнело, Магон в сопровождении Священного отряда отправился в путь. Вместе с ним пошла часть армии — отборные иберийцы, умевшие плавать.

Нескольких из них снабдили большими трубами, которые, будучи привязанными к спинам, напоминали шеи и головы диковинных птиц, торчавшие из человеческих тел. Отряд Магона вели два галла. Проводников предупредили, что если они собьют солдат с пути, их семьи будут проданы в рабство. Воины шли не походной колонной, а крались между деревьями и под нижними ветвями, пересекая ручьи в затемненных местах. Какое-то время они двигались вдоль Роны. Затем отряд оставил реку и перебрался в холмистую местность, откуда река казалась черной змеей, ползущей между возвышенностями. Иногда свет луны расцветивал ее блестящим серебром. Днем они разбили лагерь в густой сосновой роще. Люди воздерживались от перемещений и разводили маленькие костры. Магону понравилось лежать на хвое. Он сжимал пальцами зеленые иглы и покусывал их одну за другой. Во всем этом было что-то невыразимо приятное.

Когда на следующий вечер они спустились к реке, проводники вывели их к обещанному месту. Неподалеку от берега, рассекая течение, стоял поросший деревьями остров. Русло, ведущее к нему, было достаточно мелким, поэтому люди перешли его вброд. Несколько раз они теряли почву под ногами, и это вызывало страх у тех воинов, которые не умели плавать. Когда подошвы Магона не находили опоры, его сердце начинало гроыхать в груди, подбородок погружался под воду, он шлепал руками по водной глади, сжимая губы и закидывая голову назад, так что глаза смотрели прямо в небо. Он видел, как оно двигалось над ним, и ему казалось, что каждая точка света была оком, смотрящим на него. Затем ноги запинаясь о камни — сначала об один, потом о другой. Некоторые из них были такими большими, что он терял равновесие и погружался в воду. Вскоре юный генерал выбрался на мелководе и добрался до острова — причем, в лучшей форме, чем некоторые другие воины.

Впрочем, это была лишь половина переправы. Второе русло превосходило первое по глубине и скорости течения. Солдаты начали рубить сосны, очищать стволы от ветвей и связывать их в плоты. Они работали в неверном лунном свете, но, несмотря на все трудности, уложились до наступления полной темноты, когда ночное светило скрылось за холмами. Вытолкав шаткие и трудно управляемые плоты на воду, они поплыли к дальнему лесистому берегу.

Переправу закончили только под утро. Плоты затащили в лесную чащу, после чего отряд расположился на отдых в маленькой долине. Люди грелись у костров и готовили пищу. Магон расставил посты охраны. Остальная часть отряда провела день в ленивой дреме. Многие воины заснули, едва опустились на землю. Сон пришел к Магону не сразу. Какое-то время он лежал на спине и смотрел на высокий купол из крон деревьев — мириады ветвей поднимались над ним десятками ярусов и переплетались друг с другом. Его глаза выискивали смысл в тенях и линиях, но он не находил ничего знакомого. Магон не понимал, почему природа так редко выдерживает порядок в хаосе земли. Почему, например, не встречаются две одинаковые ветви или два отдельных листа с повторяющимися узорами? В конце концов, он заснул, однако его сон был беспокойным.

К вечеру солдаты зашевелились. Третью ночь они провели на марше вниз по реке. Это был трудный и утомительный переход, потому что они не хотели раскрывать себя. Воины двигались так осторожно, что передовой отряд, наткнувшись на группу оленей, застиг животных врасплох. Вожак стада стоял на гребне холма и объедал низкий кустарник, выросший на шраме давнего пожара. Вокруг него перемещались пять самок и два детеныша. Опустив головы к земле, они пощипывали мох и траву. Два галла, которые вели отряд, заметили оленей первыми. Один махнул рукой, привлекая

внимание другого. Ночь настолько обострила внимание людей, что это движение послало волну тревоги по шеренге солдат, и каждый из них, человек за человеком, мгновенно застыли на месте. Наверное, кто-то из воинов громко вздохнул или прошептал проклятие. Услышав странный звук, самец поднял голову, раздул широкие ноздри и принюхался к ночному воздуху. Он встревожено фыркнул и понесся прочь, оставив самок позади. Через миг они тоже пришли в движение. Олени сбежали по склону холма и исчезли в темноте. В наступившей тишине два галла переглянулись и зашептались. Это продолжалось бы долго, если бы Магон не шикнул на них, призывая к молчанию.

Дальше марш проходил без особых происшествий. Утром четвертого дня они, как и планировал Ганнибал, вышли в намеченное место. Магон развел сигнальный огонь и в клубах белого дыма послал по воздуху весточку для брата. Наблюдая за поднимавшимся дымом, он прошептал молитву Ваалу и попросил великого бога благословить их начинание. Мы готовы, просигналил он карфагенской армии.

* * *

Хотя Имко Вака знал, что Магон повел небольшой отряд на какое-то особое задание, план операции ему не был известен. Вот почему он нервничал, отплывая от берега и начиная переправу. За последние несколько дней количество вольков многократно возросло. Их было трудно сосчитать. Ряды варваров тянулись от горизонта до горизонта. Многие из них устроили стоянки прямо на каменистом берегу реки, другие развели костры среди деревьев и на холмах за роццей. Заметив, что карфагенская армия отважилась на переправу, вольки завопили от радости. Они заколотили мечами о щиты и задули в огромные изогнутые трубы, вой которых походил

на рев лося, угодившего в болотную трясиину. Похоже, они думали, что глупые враги поплыли на свою погибель.

Первую половину пути Имко не с кем было обсудить разумность переправы. Он плыл на одной из больших барж, спущенных на воду в двух милях вверх по реке. Солдаты молча орудовали шестами, вновь и вновь отталкиваясь ими от вязкого дна. Они пытались набрать скорость на мелководье, но к тому времени, когда им приказали взять в руки небольшие весла, они перемещались больше по течению, чем плыли к берегу. Вокруг них, ниже и выше в пределах обозримого пространства на водной глади покачивались бесчисленные лодки и другие плавучие средства. Тяжелые плоты из огромных деревьев, связанных толстыми веревками, плыли в притопленном состоянии, и их пассажиры стояли по голень в воде. Несколько барж имели паруса, остальные перемещались с помощью канатов, которые тянули пони. Сотни смельчаков переправлялись на толстых бревнах — ноги по обе стороны в воде, оружие привязано к спинам, вместо весел использовались руки. Иберийцы, умевшие плавать, вообще презирали искусственные средства переправы. Они плыли, подложив под грудь щиты и держа на плечах одежду и тюки с припасами. Такой разношерстной флотилии в этих краях еще не видели.

Где-то на середине реки на них посыпались первые галльские стрелы. Вонзаясь в воду, они издавали булькающие звуки, словно камни, брошенные с берега. Но Имко и его сосед вскоре поняли, что это были не камни. Солдат, задорно шутивший рядом с ним, прервал свой рассказ на полуслове. Вака услышал приглушенный удар и влажное хлюпанье. Оглянувшись через плечо, он увидел, что стрела попала солдату в открытый рот. Она приколола его язык к небу и порвала голосовые связки. На лице мужчины застыла гримаса изумления. Он даже не успел испугаться. Возможно, позже его недоуме-

ние уступило место страху и отчаянию, но Имко, отвернувшись, не стал смотреть дальше.

Он схватил щит и пригнулся под ним. В его уме промелькнула мысль, что, отправившись в поход, он совершил фатальную ошибку. Все с самого начала шло не так, как нужно. На первой же неделе он подошел к ручью, чтобы напиться, и наступил босой ногой на рыбью кость. Рана была крохотной на вид, но вызывала невыносимую боль во время марша. В нее попали грязь и тина. Пятка распухла, под кожей появился гной. Чуть позже, где-то перед Пиренеями, Имко подхватил лобковых вшей. Эти свирепые твари истязали его пах, кусая так яростно и безжалостно, что он иногда подпрыгивал на месте и крутился волчком посреди боевой колонны.

Теперь он понял, что его жалкая жизнь подходит к концу. Вскоре их тела поплывут по реке, будто черные бревна. Он представил себе, как разрушительная сила природы займется его трупом. Перед мысленным взором Ваки пронеслись картины, связанные, в основном, с гениталиями. Вот голодная черепаха объедает его поникший пенис. Вот рыбы покусывают сморщенный мешочек его мужской стати. В задний проход — куда он никого не допускал — вонзится клюв плешивого канюка с длинной изогнутой шеей. Какой же он глупец! Почему он не покинул армию и не уплыл в Карфаген, чтобы насладиться недавно обретенным богатством своей семьи? Что он забыл в этих странных краях? Его боевые успехи скорее были дарами богов. Он злоупотребил их щедростью, посчитав себя настоящим воином и вообразив, что ему по силам сопровождать Ганнибала в его безумном походе.

В процессе размышлений он немного зазевался и не сразу заметил перемену в окружающей обстановке. Солдат, сидевший рядом с ним, съязвил насчет его отваги и посоветовал ему выглянуть из-за края щита, чтобы осмотреть дальний берег. Галлы пребывали в хаосе. Они кричали и указывали руками в противоположном от реки направлении. Некоторые

из них повернулись спинами к приближавшимся плотам. Град стрел почти прекратился. Казалось, что в роще на берегу происходила какая-то сумятица, которую варвары лишь усиливали криками. Над деревьями поднимались клубы дыма, но не от костров, а от пожарищ. Затем завыли трубы. Их звуки мало чем отличались от рева, который недавно издавали боевые трубы вольков, но вой доносился с холмов и был каким-то неправильным. Хриплым и обрывистым, то возрастающим, то убывавшим по громкости. Диссонанс этих звуков вверг галлов в необъяснимую панику. Затем Имко увидел причину их ужаса. Из-за деревьев показался отряд Магона.

Воины молодого генерала безнадежно уступали галлам в численности, но их появление совпало по времени с моментом, когда первый плот достиг берега. Иберийцы прыгали с барж в реку и с мечами в руках бежали вперед по мелководью. Кавалерия последовала их примеру. Всадники подгоняли коней и понуждали их плыть к прибрежному тростнику. Солдаты начали швырять с барж дротики. Снаряды впивались в спины и бока полуголых варваров. Мужчина, стоявший рядом с Имко, не желая расставаться с копьем, метнул на берег топор. Его орудие неуклюже пролетело по пологой дуге и попало напрямиком по черепу галла. Хотя удар пришелся обухом, его силы хватило, чтобы сбить человека с ног. Солдат, бросивший топор, издал рев звериного удовольствия, и от этого крика по телу Ваки поползли мурашки. Он тоже закричал, предвкушая легкий и стремительный разгром врага.

К тому времени когда Имко увидел камни на отмели, в которую уткнулся их плот, он забыл о страхе, загнавшем его под щит. Жажда крови, пришедшая на смену трусости, переполняла его. Имко выбрался на берег, помчался по краю воды и в неистовом беге первым же ударом сразил молодого галла. Тот упал и, повернувшись, взглянул на него через грязные космы белокурых волос. Сам не зная, по какой причине, Имко поднял меч и вонзил клинок в один из синих глаз.

* * *

На четвертый день переправа через реку была почти завершена. На западном берегу остались только слоны и погонщики. Понтоны для их перемещения готовились с тех пор, как армия достигла Роны. Сначала на большие плоты загоняли по одному слону и выталкивали плавучие средства на стремнину реки. Однако животные паниковали и ныряли в воду. Двум из них удалось вернуться обратно. Другие два слона доплыли до дальнего берега. Их спины и макушки торчали из воды, как остовы перевернутых лодок. Погонщики, наблюдавшие за ними, предположили, что звери каким-то образом чувствовали мелководные места и использовали их для переправы. Один из объездчиков клялся, что слоны могут плавать на большие расстояния. Он сам это видел на своей восточной родине. Но он кричал как сумасшедший, и поэтому ему никто не верил.

Признав транспортировку на плотам слишком рискованным предприятием, Вандикар решил испробовать другой метод. Он велел построить дамбу на берегу. В образовавшейся заводи солдаты соорудили несколько понтонов. Для этой цели использовались деревья толщиной в человеческий торс. Бревна накрепко связали веревками, сверху их забросали землей и посадили поверх грунта пучки зеленой травы и даже расставили несколько небольших деревьев. Через реку натянули канаты. Их привязали к понтонам и протянули до дальнего берега, где несколько отрядов должны были натягивать веревки, компенсируя напор течения.

Загнать животных на плавучие острова оказалось не просто. Самки, привыкшие доверять погонщикам, шли спокойно. За ними следовали встревоженные самцы. Они нервно обнюхивали землю и, чувствуя подвох, выражали свой страх громким ревом и хлопаньем ушей. Вандикар ругался на них

на каком-то индийском наречии. Он совершенно не боялся огромных зверей. Главный объездчик шлепал их по задам, дергал за хоботы и даже плевал в глаза в порыве гнева.

Некоторое время его действия оставались безнаказанными, но затем один из молодых самцов выказал свое возмущение. Он мотнул головой — не злобно, но достаточно быстро, — и поймал Вандикара врасплох. Бивень слона подтолкнул его в плечо. Одна нога индуса запнулась за другую. В поисках поддержки он ухватился за декоративное деревце и, поскольку то не имело корней, Вандикар рухнул в реку — прямо на спину, с разведенными в стороны руками, с раскрытым от удивления ртом. Его шумное падение подтвердило подозрения самца. Он развернулся и помчался на твердый берег, увлекая за собой остальных слонов — и самцов, и самок. Животных вскоре успокоили, однако погонщики перестали доверять своему начальнику. Он и прежде не внушал доверия, а теперь, когда выбрался из воды, казался большой промокшей крысой.

Постепенно слонов переправили на другую сторону реки: часть на плотках, других — вплавь. Армия снова двинулась вперед — на этот раз вдоль Роны в северном направлении. Ганнибал знал, что река свернет к Альпам. Кроме того, чем дальше его войска уходили от побережья, тем незаметнее они становились для римлян. Он был бы не против сразиться с легионом Сципиона, но ему хотелось быстрее добраться до Италии и уже там, в стране римлян, провести ряд успешных сражений. К тому же, они приближались к главному препятствию на своем пути. Он уже чувствовал нараставшую тревогу среди солдат. В этот год они пережили куда больше испытаний, чем обычно, однако грядущее покорение камней и льда лишало людей сна и заставляло их шептаться у костров. Ганнибал видел все это, поскольку его взгляд был острым и он прикасался пальцами к каждой части армии, как врач, который ощупывает тело больного в поисках ноющей боли.

Таким образом, его решение не прогонять толпы нищих и торговцев было не оплошностью, а осознанным действием. В любом случае, отказ от обоза представлялся ему почти невыполнимой задачей. Вместе с изгнанными могла улизнуть часть его солдат. Некоторые из офицеров прятали в обозе своих рабынь и наложниц. Даже пехотинцы часто нанимали оборванцев, сопровождающих армию, чтобы те выполняли за них обязанности по сбору фуража и хранению припасов. Многие солдаты пользовались услугами обозных проституток. Победы в сражениях обеспечивали воинов добычей, монетами, оружием и драгоценностями. Они охотно тратили мелочь на те развлечения, которые предоставлял им обоз. Ливийские ветераны вели за собой толпы рабов, приобретенных у галлов. Ганнибал знал, что эти солдаты серьезно относятся к своим правам на военные трофеи, поэтому он не возражал против работорговли. Возможно, польза от обозного люда заключалась и в том, что они создавали атмосферу нормальной жизни. Если женщины могли путешествовать по таким диким местам, таща за собой детишек с тонкими ручками, стариков, коз и свиней, то здоровым мужчинам грех было жаловаться на тяготы пути. Ганнибал отметил эту мысль, но позже отказался от нее как от иллюзии. Он понимал, что никто, кроме самых выносливых и сильных, не уцелеет в предстоящей авантюре.

К его удивлению, обозники проявляли почти героическую выдержку. Военные походы никогда не отличались легкостью, но теперь их армия пересекала территорию, где не было дорог, достойных этого названия. Их колонны продирались через лес, перебирались через кряжи и реки, едва сохраняя порядок на пересеченной местности. Но этим трудности не исчерпывались. Зима еще не пришла, однако в предрассветные часы солдаты страдали от холода, столь непривычного для людей из теплых стран. Они все чаще пробуждались по

утрам в сыром знобящем тумане, который с каждым днем задерживался над их головами все дольше и дольше. Выходя из палатки на рассвете, Ганнибал любовался лагерем, припорошенным инеем и искрящимся чистым сиянием. Тонкие полоски льда быстро таяли, но солдаты видели в них предвестников наступавшей зимы.

В краю каваров Ганнибал задержался для решения спора, возникшего между двумя братьями, каждый из которых претендовал на главенство в племени. Поглощенные собственными разногласиями, они не проявляли враждебности к карфагенянам. Наоборот, братья попросили командира как постороннего и незаинтересованного человека рассудить их по справедливости. Они пообещали, что примут его решение честно. Ганнибал не тратил времени зря. Он выслушал их и понял, что дилемма заключалась в следующем: могла ли сила младшего главенствовать над первородством старшего. Он принял сторону старшего брата, так как в подобных делах возраст является решающим аргументом. Объявляя решение, он привел в пример несколько прецедентов из тысячелетней истории.

Карфагеняне продолжили поход, не заботясь о том, будет ли исполнено решение их командира. Однако, выступив судьями, они завоевали хорошую репутацию. Старший брат снабдил их щедрой долей из своих осенних запасов. Он послал с ними эскорт, который, двигаясь по флангам, указывал дорогу и гарантировал спокойное передвижение по этой территории. Тем временем холмистый ландшафт начал сменяться предгорьями, которые тянулись до самых Альп.

Кавары попрощались с ними у реки Друентии — злой, бурлящей, с несколькими руслами, часть из которых была завалена большими камнями. Переправа через ледяную воду при промозглой погоде оказалась трудным испытанием. Люди начали выражать недовольство. Они остались без дружествен-

ной поддержки у подножья гор перед плюющим потоком. Никто не обвинял командира в недомыслии, но он многое слышал от своих генералов. Солдаты не верили, что через горы можно перейти — особенно поздней осенью. Неужели Ганнибал не видит, в каких бедных землях они оказались? Пусть он посмотрит на дряхлые хижины местных жителей, на тощий скот и овец, дрожащих от холода. Пусть он посмотрит на шумные и пенистые реки. Эти места не предназначены для цивилизованных людей. Неужели ради славы их командир отправит армию в белое забвение? Делегации солдат предлагали офицерам другие планы: они могут перезимовать в предгорьях; они могут атаковать Массалию или вернуться в Иберию с богатой добычей, собранной во время долгого похода.

Ганнибал отвечал на жалобы молчанием. На виду у многих он первым переправился через Друентию. Все видели, как он балансировал на скользкой коре поваленной в поток сосны. Протиснувшись через колючие ветви, командир прыгнул со ствола на валун, затем вошел по пояс в стремительный поток и, наконец, замерзший и мокрый, выбрался на другой берег. Он обернулся к ожидавшей армии и с укором покачал головой. После этого его подчиненным ничего не оставалось делать, как последовать примеру Ганнибала.

Когда они вступили на земли аллоброгов, к ним прибыли старейшины племени — пять вождей, каждого из которых сопровождали несколько воинов. Мономах, не доверявший галлам, лично конвоировал их в лагерь. Его отборные солдаты из грозных ливийцев, разделявших страсть своего генерала к кровавой резне, окружили делегацию и провели послов к командиру. Ганнибал публично приветствовал аллоброгов у своей палатки. Он сидел на трехногом табурете, который всегда брал с собой в военные походы. Этот стул некогда принадлежал его отцу, объяснил он послам через переводчиков. После нескольких традиционных шуток состоялся обмен дарами. Самым дорогим подарком галлов был крупный череп оленя,

украшенный самоцветами. Затем командующий спросил, по какому делу пришли послы.

Глава делегации, Висотрекс, выступил вперед и заговорил от лица всех вождей. Пряди неопрятных волос, некогда белокурых, а ныне тускло серебристых, скрывали его глаза. Слова, произносимые сильным голосом, оставались за гранью понимания Ганнибала, поэтому он полностью полагался на своего переводчика. Висотрекс заявил, что аллоброги уже слышаны о Ганнибале и его могучей армии. Они не имеют желания противостоять такой силе. Их делегация пришла, чтобы предложить Ганнибалу свободный проход через земли их племени, а также опытных проводников, поскольку тропы здесь трудные и только местные охотники могут помочь им подняться в горы без значительных потерь.

Ганнибал попросил вождя откинуть волосы с лица. Висотрекс выполнил его просьбу. Внешность галла вызвала отвращение. Глубоко посаженные глаза оставались в тени густых бровей. Впавшие щеки подчеркивали заостренный рельеф выступавших скул. Морщинистый рот изредка щерился гнилыми зубами. На горле бугрился нарост, объяснявший дефект его речи. Казалось, что Висотрекс проглотил лимон и тот застрял с одной стороны его шеи. В остальном лицо галла ничего не выражало. Ганнибал отметил этот факт, и он ему не понравился.

— Предлагая мне помощь, ты говоришь от лица всего народа? — спросил он.

Висотрекс дал положительный ответ и посмотрел на спутников, предлагая им подтвердить его слова. Те закивали головами и залопотали на своем языке. Ганнибал поднял руку, призывая их к молчанию.

— Ты вождь или просто посланник?

Галл сказал, что он вождь, унаследовавший власть от отца. Позже, на смертном ложе, он передаст свои полномочия сыну. При этих словах Висотрекс указал на воина, который

стоял за его левым плечом. Ганнибал посмотрел на юношу. Тот был на голову выше отца и совершенно не походил на него ни широкоплечей фигурой, ни симпатичным лицом.

— Это твой сын? — спросил Ганнибал. — Судя по его виду, он благословлен богами.

Лицо Висотрекса впервые окрасилось эмоциями. Он с гордостью сказал:

— Я вижу в нем будущее моего народа. Прекрасное будущее.

— Да, это так, — ответил Ганнибал. — Ты мудро поступил, придя ко мне как друг, без подозрений и враждебности. И ты правильно сказал, что нам незачем ссориться. Моим врагом является Рим. Путь к нему проходит через ваши земли. Если ты сдержишь свое слово, то наши передвижения не будут тебе в тягость. Ты даже получишь выгоду. Я только прошу, чтобы ты путешествовал рядом со мной, пока мы будем пересекать твои земли. Мне хотелось бы предложить тебе гостеприимство, равное твоей доброте, проявленной к нам.

Висотрекс, который прислушивался к словам переводчика, напрягся при последнем предложении. Казалось, он не знал, что ответить, а спутники вождя лишь пожимали плечами на его вопросительные взгляды. Наконец он развел руки в стороны и сказал, что это невозможно. Ему приходится выполнять много обязанностей и проводить священные церемонии. Очень жаль, но он не может принять предложение командующего...

— Тогда моим гостем будет твой сын, — прервал его Ганнибал. — Я отнесусь к нему с той же вежливостью, которой научился у тебя. Ты говорил, что он — будущее твоего народа, верно? Я с радостью приму его в свою свиту. Спасибо тебе за эту встречу. Мои генералы обсудят с тобой наш дальнейший маршрут.

Не ожидая ответа, Ганнибал поднялся со стула и направился в палатку. Он задернул полог и остановился, прислу-

шиваясь к смущенному ропоту послов. Висотрекс, когда ему перевели слова командира, попытался оспорить их. Это какая-то ошибка, возражал он. Его сын не может находиться в лагере чужеземной армии. Но, выполняя приказ, Бостар и Бомилькар прервали вождей и отправили делегацию восвояси. Когда аллоброги удалились, Магон и Мономах вошли в палатку командира. Прочитав вопросы на их лицах, Ганнибал заговорил с ними так, словно они явились за инструкциями.

— Завтра утром прикажите солдатам облачиться в доспехи. Мы поведем их в полном боевом порядке. Конечно, это будет демонстрацией силы, но передайте им, что, разыграв хороший спектакль, мы избавимся от многих проблем с аллоброгами. Перед походом я подбодрю их небольшой речью. А когда мы отправимся в путь, сын вождя должен все время находиться недалеко от меня.

— Значит, ты не поверил галлам на слово? — спросил Магон.

— И ты не верь, — сказал Мономах. — Боюсь, что они затевают какое-то предательство. Лично я вырвал бы язык и перерезал горло вождю, а затем послушал бы, как правда выходит из его умирающего сердца.

— Я уже знаю ваши мнения, — сказал Ганнибал. — Но нельзя отрицать и того, что аллоброги предложили нам много хорошего. Если, по милости Ваала, они сдержат свое слово, мы извлечем большую выгоду.

Он раздвинул руками полог палатки и посмотрел на спины удалявшихся галлов, которых сопровождал эскорт ливийских пехотинцев.

— Не думайте, что они ввели меня в заблуждение. Мы будем доверять им не больше, чем пойманному волку. Нам просто нужно держать ладони на рукоятках мечей, столь высоко оцененных вождем. Будем надеяться, что он действительно видит в сыне будущее своего народа.

Вечером, лежа на походной койке, Ганнибал рассеянно разглядывал ткань палатки над головой. Он размышлял над страхами, съедавшими дух его армии, и обдумывал завтрашнюю речь. Он умел поощрить каждый шаг своих солдат. Но как уберечь их от поражений в битвах? Он не мать, которая просит детей вести себя осмотрительно. Ганнибал пытался придумать нужные слова, однако его мысли все время группировались в новых комбинациях или, петляя, разбегались в разных направлениях. В середине ночи он отбросил их прочь. Командир знал, что сказал бы воинам его отец. Он просто встал бы перед ними и изрек ту правду, которая рвалась из его сердца.

Сменив тему размышлений, Ганнибал прошелся по списку проблем. Он выискивал знаки обмана в беседе с Висотрексом. Несмотря на обширные познания в галльской истории, он никогда не встречал упоминаний имени этого вождя. Тем не менее он верил, что юноша, которого галл назвал своим сыном, действительно был его отпрыском. Отцовскую гордость трудно скрыть. Она всегда различима. Взяв юношу в заложники, Ганнибал хотел гарантировать безопасный проход своей армии через край аллоброгов. Но откажется ли Висотрекс от предательства ради жизни собственного сына? Этот вопрос оставался открытым. Придя к такому мнению, Ганнибал продолжил анализ ситуации.

Он должен вытребовать у Висотрекса необходимые припасы — причем как можно быстрее. Армия нуждалась в шкурах и мехах, в сушеном мясе, легком при транспортировке, в обуви, пригодной для льда и снега, в жире, которым они собирались смазывать руки и ноги солдат. Он должен потребовать у вождя вдвое больше того количества, чем аллоброги могли запасти, и, таким образом, получить товаров сверх меры, которую им планировали дать. Затем Ганнибал задумался о предложенной кем-то идее — натирать слонов смесью из трав и животного жира. Вандикар возражал, но

он тоже не знал, как уберечь животных от холода. Они были нужны Ганнибалу живыми и грозными на вид — особенно при спуске в долину Пада. К тому времени его солдаты будут слабыми и истощенными, обмороженными и больными. Им понадобится долгий отдых для восстановления сил и здоровья. Армия, к которой завтра он обратится с торжественной речью, вряд ли будет походить на саму себя через несколько недель, когда ее остатки доберутся до Италии. Она и так уже уменьшилась с тех пор, как месяцы назад покинула Иберию. Но если слоны смогут стоять на ногах, они отпугнут врагов в период слабости карфагенян. Возможно, их действительно нужно покрыть животным жиром, решил Ганнибал. Вреда от этого не будет. Он не хотел терять такую силу.

Командир воспроизвел в уме карту с отмеченными селениями галльских племен в долине Пада. Он выискивал лучший маршрут до территорий инсабров и бойев — двух племен, бунтовавших против Рима. Нужно будет предупредить обозников, подумал он. Если эти люди захотят идти дальше, то их будут терпеть лишь до тех пор, пока они не станут бременем. При первых признаках слабости и промедления их бросят на произвол судьбы, и они станут пищей для волков. Никто не оплачет их гибель. Никто не сожжет их тела на погребальных кострах. Сейчас они могут отказаться от дальнейшего пути и самостоятельно вернуться домой. Впрочем, Ганнибал понимал, что говорить подобные слова уже слишком поздно. Если обозный люд лишится защиты армии, то не пройдет и половины дня, как он окажется в когтях у галльских мародеров. Решив вопрос с обозом, командир перешел к другим не менее важным делам, ожидавшим его внимания. Список был длинным. Когда Ганнибал почувствовал, что приближавшийся сон наполнил тяжестью его уставшие веки, он позволил уму упорхнуть в объятия Имилце — и то лишь на мгновение. Он боялся продлевать такие грезы.

На следующее утро Ганнибал предстал перед собравшейся армией. Местность была сравнительно ровной, поэтому ряды солдат на холмах, поросших редкими деревьями, казались черным одеялом на серой земле. За его спиной возвышалась гранитная скала, похожая на палец, нацеленный в небо — впечатляющее зрелище и знак для солдат, намекавший, что их командир не боялся горных вершин. Вождь аллоброгов стоял рядом с ним. Они вместе наблюдали, как армия выстраивалась в походный порядок. Войсковые подразделения занимали свои позиции. Один отряд отличался от другого национальным составом, расой, обычаями, доспехами, оружием, щитами и шлемами. Армия выглядела разношерстным сборищем жестоких людей. Но она и была таким сборищем. Тем не менее в ней царил идеальный порядок. Различные части слагались в неделимое целое.

Когда гул голосов успокоился, Ганнибал дождался порыва вдохновения и поднял руку вверх. Шестьдесят тысяч солдат молча замерли перед ним. Притихли даже лошади и слоны. За ними угадывались фигуры обозников — молчаливые тени, все замечавшие, но редко выдававшие свое присутствие. Командир продлил паузу, прислушиваясь к созданной тишине. Затем, кивнув головой, чтобы переводчики начали свою работу, он повернулся к Висотрексу.

— Что наши гости скажут о моей армии? — спросил он. — Она оскорбляет их глаза или выглядит как чудо?

Висотрекс пошептался с другими вождями и ответил, что они впервые видят такую великую армию.

— О Ганнибал, — сказал он, — ты действительно можешь изменить мир и придать ему новую форму.

Подождав, когда ответ галла переведут на сотни разных языков, Ганнибал спросил:

— Вы слышали это, мои воины? Вожди аллоброгов смотрят на вас со страхом. Они живут в стране, которую вы находите суровой и опасной. Но они видят в вас великую армию,

которая способна на подвиги, доселе не известные миру. Они видят в вас непреклонную мощь. Поэтому старейшины предлагают нам свободный проход через их земли. Они будут сопровождать нас, как это делали кавары, приведшие сюда нашу армию. Но что мне сказать им, когда среди вас раздаются трусливые речи? Когда вы боитесь гор впереди и римлян, поджидающих нас за этими вершинами? Что мне сказать вождям аллоброгов, которые видят перед собой непобедимую армию? Вы хотите, чтобы я рассказал им о ваших страхах и сомнениях?

Он замолчал, позволяя переводчикам распространить его слова по всем частям огромной армии. Висотрекс обратился к галльскому переводчику — иберийскому торговцу, которого Ганнибал нанял у Пиренеев. Но мужчина не пожелал отвечать аллоброгу. Он упорно отводил взгляд в сторону. Висотрекс сердито толкнул его в плечо. Переводчик по-прежнему игнорировал вождя. Он отошел на несколько шагов и нацелил взгляд на командующего.

Ганнибал сделал вид, что не заметил этого инцидента. Его слова предназначались для армии, а не для Висотрекса. Продолжив свою речь, он начал говорить с напором, с заметной медлительностью и естественными паузами, позволявшими переводчикам успевать за его словами. Он приблизился к первым рядам и осмотрел их с легкой иронией, которая сквозила даже в его походке.

— Скажите мне честно, неужели страх действительно поселился в ваших сердцах? Я ведь верил, что нахожусь в компании великих героев, создавших Иберию, прошедших Пиренеи и проторивших свой путь через земли неуступчивых варваров. Разве не было среди вас воина по имени Гарполон, который одним ударом сбил чемпиона вольков наземь, а затем голыми руками оторвал ему голову?

Смущенный шепот пробежал по отрядам, пока один из солдат не поднял копье и не крикнул, что это он Гарполон и

что с вольком все было так, как сказал командир. Ганнибал поднялся на цыпочках, рассматривая героя, затем вновь зашагал вдоль рядов.

— Помните, когда варвары в Пиренеях устроили нам засаду, юный воин по имени Трасис спас передовой отряд, вскочив на коня убитого товарища и подав нам сигнал тревоги. А разве среди нас не было солдата по имени Имко, который бесстрашно забрался на стены Арбокалы? Я думаю, что эти люди достойны восхваления. Они будут носить одежды славы до конца своих дней. Но их честь и подвиги останутся ничем, если люди не увидят дальнейших действий нашей армии. Разве народы воспевали бы Александра Великого, если бы он предал славу своей юности и покинул поле брани ради роскоши и скучного долголетия? Нет! Истина в том, что рядом с нами живут герои, ожидающие поэтов, которые обесмертят их подвиги. Но мы не найдем таких поэтов у подножия Альп. И у Роны, если наша армия вернется туда. И даже в Новом Карфагене! Если вы хотите, чтобы о вас сочиняли легенды, пройдите сначала по римским дворцам. Это привлечет к вам лучших сказителей мира. За вами будут следовать толпы греков, ловких в сплетении слов. И вы будете диктовать им свои рассказы, которые через века дойдут до наших потомков. Все это в ваших силах, если вы будете вести себя как воины. Но могу ли я считать вас мужчинами?

Командир повторил последнюю фразу, как бы требуя ответа у солдат — не только словами, но и взглядом, который скользил по рядам и останавливался на отдельных воинах, словно именно им он задавал свой вопрос. Когда голоса переводчиков затихли, Ганнибал обернулся и посмотрел на Бостара. Тот, в свою очередь, подозвал оруженосца. Юноша быстро подвел к Ганнибалу коня — жеребца с рыжевато-коричневой шкурой, настолько темной, что она казалась черной. Ганнибал прищелкнул языком, приветствуя животное. Он

взял поводья из рук оруженосца, но вместо того чтобы вскочить в седло, пошел пешком, продолжая обращаться к войску. Лошадь послушно зашагала следом.

— Если вас не волнуют легенды, которые будут слагать о нашей армии через века, то подумайте о богатстве. Подумайте об огромных сокровищах и трофеях. Вы видели местных людей? Даже жители этой горной страны однажды разграбили Рим. Они вернулись домой, принеся с собой столько добычи, сколько смогли дотащить их новые рабы. С лиц галлов не сходила радость. Их опавшие фаллосы уже не поднимались от пресыщения. Почему мы не можем получить то же? Судите сами. Разве есть на свете лучшие всадники, чем массивиоты? Разве есть пехотинцы, которые способны противостоять ливийцам? Разве есть народы решительней иберийцев? И кто может сравниться в храбрости с нашими галльскими союзниками? А теперь подумайте об Альпах. Что в них такого, кроме снега и скал? Да, они выше Пиренеев. Ну и что? Каждый знает, что ни одна часть земли не сливается с небесным сводом. Смелые люди могут одолеть любую высоту. Нам не нужно парить на крыльях, чтобы пересечь эти горы. Нам хватит храбрости и наших ног. Вот все, что нам нужно для такого дела.

Не дожидаясь ответа, Ганнибал повернулся и направился к коню. Он вскочил в седло и перевел скакуна в легкий галоп. Дождавшись момента, когда голоса переводчиков затихли, он развел руки в стороны.

— Возможно, друзья, вы забыли, в чьей армии сражаетесь? Вы помните, что я сын молнии? Ганнибал Барка! Семя Гамилькара, благословленное Ваалом! Если вы забыли о собственной отваге, то примите во внимание мою репутацию. Если вы забыли о славе, посмотрите на меня как на пример для подражания. Если вы усомнились в своей судьбе, то знайте, что я всегда верил в мое предназначение. Представьте себе

богатые земли Италии. Окиньте их мысленным взором с высоты птичьего полета. Давайте порадуем наших богов и закончим эту историю на Марсовом поле между Тибром и стенами Рима.

Он сделал паузу, во время которой его слова переводились с одного языка на другой и поглощались умами людей. Он знал, что во время этого речитатива голосов тысячи глаз оставались прикованными к его фигуре. Командир по-прежнему держал руки распростертыми в стороны, с ладонями, открытыми, как и его сердце. Ударив пятками коня, он покакал перед рядами солдат. Его окрыленная поза внушала благоговение. И армия ответила ему.

Крики одобрения сначала слышались от карфагенян. Ганнибал узнал зычный голос Бомилькара и хриплый тенор Магона, срывающийся на фальцет. Мономах выкрикивал имена богов и призывал их стать свидетелями битвы. Все получилось так, как он и ожидал, но лучшим доказательством эффективности его речи стал ответ ливийцев. Из африканского сердца его армии донесся низкий гул гортанных криков. За ними последовал клич балеарских отрядов. Он звучал отдельными взрывами, словно свист их снарядов в грохоте сражения. Его подхватили нумидийцы, отозвавшиеся шакалоподобным улюлюканьем. А затем по всей армии прокатились раскаты эха от повторных криков. Если в умах людей и остались какие-то сомнения, то их заглушила какофония осознавшего себя войска — армии, которая заявляла о своем могуществе на сцене, обрамленной гранитными скалами.

Ганнибал опустил руки. Он проехал мимо изумленных аллоброгов и направился к своей палатке. Получив желанный результат, он уже забыл о торжественной речи. Его ум решал другие вопросы. Но на фоне размышлений о грядущих проблемах промелькнула мысль о том, что этот альпийский переход не будет легким.

Раскинувшись на скалистых холмах, Карфаген лениво нежился на изогнутом крае морского берега. Многие его строения побелели на солнце до цвета яичной скорлупы. Между домами перемещались потоки людей, животных и повозок, которые, смущая глаз, создавали головоломку городской жизни — огромный лабиринт, размеченный обелисками и храмами с крепкими колоннами. Здесь и там к небу тянулись шпили сосен и метелки пальм, указывая на журчавшие под ними прохладные ручьи и сочную зелень, которую Имильце не ожидала тут увидеть. Город почти с миллионом жителей был защищен зубчатыми стенами — в два раза выше и толще, чем в Новом Карфагене. Казалось, что архитекторы специально хотели подчеркнуть их массивную нерушимость. За этими стенами и человеческой суетой, насколько мог видеть глаз, тянулись возделанные поля с пшеницей и ячменем, виноградники и фруктовые сады, в которых зрели финики, сливы и оливки.

Стоя у доков, Имильце едва держалась на ногах. Тошнота раздувала ее, как пузырь, и она сражалась с желанием согнуться вдвое и схватиться за живот. Хотя она снова была на твердой земле, мир песка и камней, которому полагалось быть устойчивым, раскачивался хуже, чем корабельная палуба. И только она, похоже, замечала это. Люди торопливо двигались мимо нее в обоих направлениях. Мужчины взвешивали вазы, тащили телеги и грузили тюки на покорных мулов. Слон, находившийся слишком близко для ее спокойствия, поднимал массивный предмет, о назначении которого она могла лишь догадываться. Имильце остро осознавала соседство богатства и бедности — аромат благовоний одного прохожего и потную вонь другого. Ее взгляд выхватывал сцену за сценой, но ум не мог упорядочить их. Они выглядели

хаосом движения и бессмысленных действий. Она выпрямила спину, подбадривая себя, и с удивлением обнаружила, что цепляется за руку Сапанибал. Та вопросительно смотрела на нее — не строго, но как всегда, немного критически.

— Пойдем, — сказала она. — Нас уже ждут.

Имилце проглотила горькую отрыжку и зашагала следом за Сапанибал. Она понимала, что большая часть суматохи вокруг нее была вызвана прибытием их корабля. Люди переносили личные вещи и подарки, которые они привезли с собой. У левого локтя шла ее служанка, за руку которой держался Маленький Молот. Его широко открытые глаза с жадностью поглощали новый мир. Забравшись в небольшой паланкин, Имилце напряженно сгорбилась. Служанка усадила Гамилькара на колени. Имилце надеялась, что мальчик будет вести себя тихо и даст ей подумать. Но он не мог усидеть на месте. Даже это маленькое закрытое пространство пробуждало в нем интерес. Он осматривал полированные деревянные панели, золотые ленты на пуфах, в которые упирались колени женщин, городские дома и площади, проплывавшие мимо дверей паланкина. Имилце раздраженно задернула занавеску, но не прошло и нескольких мгновений, как Гамилькар сжал ткань в два кулачка и прильнул к ней лицом, найдя в этом действии повод для беспричинного смеха, от которого сотрясалось маленькое тело. Имилце почувствовала внезапное желание ущипнуть его живот. Она оттащила мальчика от двери и прижала к груди. Остальную часть пути она держала глаза опущенными вниз и с трудом выносила тряску, несмотря на пуфы и мягкие подушки. Сапанибал несколько раз поглядывала на нее, но ничего не говорила.

К тому времени когда они вошли в Пальмовый зал во дворе ее свекрови, Имилце едва переставляла ослабевшие ноги. Ее внутренности перемещались по собственной воле, угрожая извергнуть все, что было в желудке. Конвульсии возникали

без всякого ритма, но довольно часто. Хорошо еще, что ее избавили от солнца, жары и гула улиц. Она прислушалась к стуку деревянной двери, захлопнувшейся за ними, и услышала щелчок, когда засов встал на место. Имилце прошла следом за Сапанибал в парадное помещение, прохладное, как древний лес. Гранитные колонны возносились вверх, словно стволы гигантских деревьев. Деревянный потолок, окрашенный в темно-малиновый цвет, спускался полого вниз к одной стороне зала. Помещение не был большим — расстояние между стенами составляло пару десятков шагов — но ряды колонн углубляли пространство, создавая чувство величия. Торжественная атмосфера успокоила даже Гамилькара. Он обвис на руках служанки, откинул голову назад и с открытым ртом уставился на потолок.

Сапанибал остановилась в центре помещения, где отсутствовала одна из колонн. Хотя здесь имелись кресла и низкие лежа, они не смели садиться. Сапанибал сложила руки на груди и, повернувшись к Имилце, тихо прошептала:

— Мы должны ждать здесь.

Через некоторое время дверь в дальнем конце зала приоткрылась. Два мальчика раздвинули створки на всю ширину, какую позволяли деревянные петли. Затем на пороге появилась Дидобал, вдова Гамилькара Барки, мать гордых львов, воевавших с Римом. По бокам и сзади ее сопровождали служанки — молодые и пожилые женщины в цветастых одеждах. Рядом с хозяйкой шагал еще один мальчик. Его голова служила опорой, на которой покоилась левая рука Дидобал.

Имилце, никогда прежде не представлявшая себе облик этой женщины, восприняла ее внешность как откровение. И здесь действительно было чему удивляться. Ей говорили, что мать Дидобал происходила из местного племени тевестов, которое обитало к югу от Карфагена. Тем не менее она не могла не удивляться прекрасному оттенку кожи Дидобал — более темному, чем у ее сыновей. Широко расставленные гла-

за и высокие округлые скулы придавали ей царственный вид. Густые черные волосы были заплетены в тугие косы, имевшие сложный перекрестный узор. Взглянув на нее, Имилце тут же поняла, что мать клана Баркидов трудно было ввести в заблуждение. Эта мысль по какой-то неясной причине встревожила ее.

Сапанибал приветствовала мать с демонстративной покорностью, которую Имилце не замечала в ней раньше. Она опустилась на одно колено, склонила голову и прижала ладони ко лбу, испрашивая материнское благословение. Дидобал шагнула к ней и бесстрастно осмотрела дочь, как будто не могла узнать ее. Сапанибал почтительно прошептала ритуальное приветствие, в котором признавала долг перед этой женщиной за свое рождение и просила милости у Танит, богини-матери Карфагена.

Дидобал высокомерно выслушала ее и произнесла:

— Встань, дорогая. Я знаю, что ты благодарна мне и ценишь мое расположение.

Сапанибал поднялась на ноги и выпрямила спину. Она опустила руки по бокам и задрала подбородок вверх. Эта поза никак не вязалась с ее характером.

— Ты совсем не изменилась, — произнесла Дидобал. — Все такое же сходство с матерью отца. Слишком много восточных черт. Но я давно смирилась с этим. Как бы ты ни отличалась от меня, я рада твоему приезду, дочь. И твоей сестре тоже не терпится увидеться с тобой. Расскажи мне теперь о своей спутнице.

Пройдя испытательный осмотр, Сапанибал вновь стала сама собой. Наполовину повернувшись к Имилце, она торжественно сказала:

— Знакомься, мать. Это Имилце, возлюбленная жена Ганнибала. Она дочь вождя баетов, которого зовут Илапан. Имилце красива, плодовита и уже родила нам сына, первого мужчину в новом поколении Баркидов.

Дидобал уже знала все это, но она не спускала глаз с невестки и кивала, пока ее дочь говорила. В свое время Имилце долго учили, как приветствовать карфагенских женщин, но она по-прежнему чувствовала себя не подготовленной к встрече со свекровью и хотела быстрее пройти это испытание, чтобы больше не беспокоиться о нем. Когда Сапанибал замолчала, Имилце приняла позу формального приветствия. Она вытянула руки вперед, низко склонила голову и опустилась на одно колено на каменные плиты пола. Казалось, что прошла целая вечность, прежде чем свекровь удостоила ее своим прикосновением. Быстро скользнув по волосам невестки, пальцы Дидобал оставили ароматный запах масляного лосьона, который Имилце чувствовала еще несколько дней после их встречи. Она услышала, как женщина велела ей встать.

— У тебя благородное лицо, — сказала Дидобал.

— Спасибо, — прошептала Имилце.

Она старалась смотреть прямо на свекровь, но это было не просто. Глубоко посаженные глаза женщины напоминали ей о муже. У них был тот же цвет, то же сияние разума. Казалось странным, что взгляд мог передавать характер ума. Имилце поняла, что каждый раз, глядя на Дидобал, она будет видеть в ней Ганнибала. Однако не знала, будет ли во взоре Дидобал благословение или проклятие.

— Если мой сын женился на тебе только из-за красоты, то он сделал хороший выбор, — сказала Дидобал. — Хотя старые люди, подобные мне, знают, что красота в семейных делах учитывается мало. Женщине требуется нечто большее, чем приятное лицо и пышность форм. Даже изобилия в деторождении не будет достаточно. Я написала об этом сыну в письме, и он заверил меня, что нашел в тебе множество других достоинств. Он попросил меня о терпении при составлении окончательного мнения. Я обещала, что не буду спешить в своих суждениях. Но, видишь ли, дочка, я не люблю твою страну. Она забрала всех моих мужчин и не отпускает их ко

мне уже долгие годы. Такое трудно забыть... Прежде чем мы займемся досугом, покажи мне внука.

Имилце подозвала служанку, и когда та передала ей Маленького Молота, она неловко посадила его на колени. Ребенок вел себя на удивление тихо. Его пальцы вцепились в складки мантии на бедрах матери. Дидобал нахмурилась. Ей хотелось лучше рассмотреть дитя. Она протянула к нему темные ладони и оторвала мальчика от невестки. Гамилькар открыл рот, чтобы заплакать, но, судя по всему, передумал, не зная, как отнестись к такому действию. Дидобал отошла на несколько шагов и осмотрела его в косых лучах света, которые лились из окна, расположенного высоко на стене.

Имилце опечалилась, что не нашла достойных слов для ответа. Она могла бы сказать, что считает теперь Карфаген родным городом и что мужчин забирала война, а не какая-то страна или народ. Она могла бы сказать, что тоже сожалеет о разлуке с мужем, который все время подвергает себя опасности. Она могла бы сказать о многом, но слова умерли внутри нее. Она молча посмотрела на потолок. Поначалу ее взгляд привлекла крохотная птица, которая кружила между колонн, но затем глаза задержались там еще на несколько мгновений. Имилце вдруг показалось, что потолок не был твердым, а состоял из темной жидкости, угрожавшей хлынуть вниз внезапным потоком. Она не могла оторвать взгляд от его сгущавшейся черноты.

Дидобал повернулась. Ее лицо осталось строгим и спокойным, но глаза окрасились в водянисто-красный цвет. Она передала мальчика служанке, затем обернулась к Имилце и после долгой паузы сказала:

— Добро пожаловать в мой дом. Заходи и живи, сколько хочешь.

Имилце взглянула на профиль женщины, выискивая признаки какого-нибудь чувства. Однако ничто в облике старой женщины не выдавало ее мыслей. Лицо с тяжелыми веками

и спокойными глазами, смотревшими куда-то вдаль, не позволяло судить о ее настроении. Встреча закончилась, и Дидобал удалилась в свои покои. Ее служанки, словно рой насекомых, последовали за ней, жужжа и вращаясь вокруг своей королевы.

В тот же день, не потрудившись предупредить Имилце, Дидобал представила ее аристократии Карфагена. Женщины приветствовали чужеземку, но большую часть времени общались с хозяйкой дворца. Они вели себя напыщенно, давая понять словами и жестами, что Имилце сначала нужно доказать свою принадлежность к их кругу. Мужчины охотно беседовали с ней, однако было ясно, что они не уважение выказывают, а просто нагло заигрывают. Собравшись в круг, они долго обсуждали эпикурейский вкус и везение Ганнибала, завоевавшего такую милую дикарку. Они вспоминали имена женщин, на которых он мог бы жениться и которых, возможно, опробовал перед ней. Несколько гостей пошловато признали, что она может одурманить многих мужчин.

Несмотря на плоские шутки, этот вечер показал Имилце, что ее здесь не считают важной персоной. Ее прибытие заинтересовало местную знать лишь по двум причинам: она была женой давно отсутствующего военачальника, и она могла стать матерью следующего поколения Баркидов. Ее снова и снова спрашивали о сыне, а затем снова и снова рассказывали ей о муже, как будто она ничего не знала о нем и нуждалась во мнении карфагенян — людей, которые вопреки своей удаленности во времени и пространстве претендовали на более тесное знакомство с Ганнибалом. Весь вечер она чувствовала нараставшее недомогание. Ее внутренности по-прежнему бунтовали в животе. Спазмы переместились в тазовую область и оттуда поднимались вверх.

В перерыве между вечерними торжествами Имилце извинилась и прошла в ванную комнату. Присев облегчиться, она обнаружила причину своих физических недомоганий.

Их породили не столько тяготы дня, сколько давно забытые месячные кровотечения, которые отсутствовали у нее с того блаженного момента, когда она забеременела Маленьким Молотом. Как много месяцев прошло после ее последней менструации? Почти два года. Имилце надеялась, что семя Ганнибала задержится в ней. Но даже до того, как ее цикл возобновился, она поняла тщетность этих ожиданий. Сидя на корточках, Имилце прислонилась к каменной стене и обхватила голову руками. На нее напала беспричинная грусть. Она думала о Ганнибале и молча осуждала его за то, что он оставил ее одну среди чужих людей.

Софонисба оказалась ответом богов на ее безмолвные молитвы. Младшая сестра Ганнибала подошла к ней в дворцовом саду, окрашенном лучами заката. Она принесла с собой два маленьких кубка с вином, один из которых предложила Имилце. Они уже встречались вечером. Но им удалось только обменяться кивками и обычными приветствиями.

— Ты пробовала это? — спросила Софонисба. — Вино из пальмовых плодов. Его считают напитком бедняков, но матери оно нравится, и она всегда держит небольшой запас для личных нужд. Его нужно пить осторожно. Оно сильно пьянит. Пойдем поговорим у рыбных прудов.

На вид Софонисбе было двенадцать-тринадцать лет. Ее женственность только начинала распускаться, но она проходила этот краткий период между детством и зрелостью с такой самоуверенностью, что заставляла Имилце стыдиться своей скромности. Ей потребовалось несколько мгновений, чтобы оценить монументальную красоту Софонисбы. По форме лба, скул и носа она напоминала мать, но тон ее кожи имел более светлый оттенок, чем у всех других сородичей, а рот был мягче. Имилце почувствовала, что ее собственная внешность меркнет рядом с красотой юной девушки. К счастью, Софонисба не согласилась с этим.

— Ты теперь самая грациозная женщина в Карфагене, — сказала она. — Другие будут ревновать, но ты не обращай внимания. Можно подумать, что твою фигуру высек скульптор. Даже удивительно, что такая красота могла прийти в наш мир через проход между женских ног. А твой ребенок! Мать едва не лишилась чувств. Конечно, по ее виду этого не скажешь, но сегодня вечером, когда Дидобал ушла в свои покои, она плакала, думая о нем. Она не делала этого с той поры, как узнала о смерти отца.

Имилце держала кубок в руках, не пригубив ни капли вина.

— Неужели мой ребенок так разочаровал ее?

— Разочаровал?

Софонисба наморщила лоб, отчего ее лицо на миг стало непривлекательным. Затем она улыбнулась и снова превратилась в красавицу.

— Она плакала от радости. Увидев сегодня перворожденного внука, она уловила в его лице знакомые черты и поняла, что ее супруг стал бессмертным. Нет, она не разочарована. Ее слезы были вызваны восторгом.

Имилце посмотрела на нее с благодарностью. Заметив этот взгляд, Софонисба подошла поближе.

— Многие относятся ко мне как к девочке, — сказала она, — но я надеюсь, что мы станем подругами. Ты хотела бы этого?

Имилце кивнула головой.

— Очень.

— Хорошо. В знак моего расположения я поведаю тебе все, что знаю о Карфагене. По крайней мере, важнейшие сведения. Но сначала ты должна рассказать мне о братьях. Я годами не видела их. Даже Магона. Честно говоря, сестра, я вообще не помню старших братьев. Расскажи мне о них и о других молодых генералах. Я ведь еще не замужем. Здесь есть юноша, массилиотский принц по имени Масинисса. Он хо-

чет жениться на мне. Говорит, что это неизбежно. Ты слышала о нем?

— Нет, — ответила Имилце.

По лицу девочки пробежала тень разочарования.

— Ничего... Через несколько лет услышишь. Я могу стать его женой, но сначала он должен проявить себя как мужчина и совершить несколько подвигов. Красавчик Масинисса еще мальчик. Ты рассказывай! Рассказывай! Я постараюсь придержать свой язык, пока ты будешь говорить о братьях.

И хотя девочка действительно замолчала, Имилце начала рассказ с трудом. Ей хотелось выразить свою признательность Софонисбе за то, что она омыла ее теплой бескорыстной дружбой и сняла с плеч тяжелый груз одиночества. Из всех жителей Карфагена только она говорила с ней открыто и благожелательно. Но поскольку никто не просил Имилце о благодарности, она прочистила горло, отхлебнула пальмового вина и стала отвечать на вопросы Софонисбы — так полно, как могла. Несмотря на тайное кровотечение, она поняла, что сможет выносить этот африканский мир еще какое-то время.

* * *

Услышав в первый раз о прибытии римских легионов в северную часть Иберии, Ганнон в отчаянии пожалел о том, что он не обладал стратегическим умом старшего брата, интеллектом Магона или отвагой Гасдрубала. Ему вспомнилось, как месяцы назад он попрощался с ними, едва проронив пару слов сквозь стиснутые зубы. Во время его последней беседы с Ганнибалом между ними вспыхнул спор, и дело чуть не дошло до оскорблений. Он с юношеских лет не спорил с братом. В детстве они часто дрались друг с другом, катаясь по земле и заканчивая ссоры в синяках и с окровавленными лицами. Но затем, освоив боевые искусства, они узнали приемы, которые не смели использовать в своих разногласиях. Тем не

менее, когда Ганнибал приказал ему остаться на южной стороне Пиренеев, Ганнон на несколько мгновений лишился рассудка. Ему хотелось раскроить голову брата чем-нибудь острым или тяжелым. Ганнибал отдал приказ в хорошо продуманный момент. Обстоятельства того злополучного вечера предполагали, что он специально готовился к беседе.

Все началось с обычного вечернего пиршества. Ганнон пил местное вино в компании Магона, Бостара, Адгербала и Силенна. Адгербал рассказывал о переписке, которую он вел с сиракузским математиком Архимедом. В его теориях он часто находил положения, пригодные в военной инженерии. Силенн заявил, что однажды ужинал с Архимедом — сырыми устрицами, если он помнил правильно. Им подавали их во дворик, располагавшийся на краю скалистого обрыва, и они наблюдали оттуда за юношами, достававшими устриц прямо из моря. Не прошло и нескольких мгновений, как Силенн опять заговорил, перебив Бостара на середине фразы. Секретарь утверждал, что скоро им придется чеканить новые монеты, с портретом Ганнибала на одной стороне и с надписью на обороте, состоящей из слов: победитель Италии. Грек нашел это преждевременным.

— Никто не может рассчитывать на победу заранее, — сказал он. — вспомните хотя бы этолийцев. Несколько лет назад они были уверены, что их осада Медиона закончится успехом. Они настолько верили в это, что на ежегодных выборах смещенные лидеры потребовали права на распределение военных трофеев и добычи, конфискованной в Медионе. Они хотели, чтобы их имена были выгравированы на щитах победы. А вновь избранные лидеры возражали им и говорили, что если бы осада завершилась в срок их правления, то так бы оно и было. Но воля богов неоспорима! И теперь лишь их имена появятся на щитах. Ни одна партия не соглашалась отдать добычу другой, поэтому они решили, что при окончании осады все трофеи будут разделены поровну. Разумное

решение. Вы так не считаете? Очень демократично и эгалитарно. Прошу прощения за незнакомое вам слово. Они даже обсудили надпись, которую хотели выгравировать на щитах в день победы.

— К чему ты ведешь? — спросил Бостар.

— Я просто реагирую на слова о монетах. Слушай дальше! Медионцы обратились за помощью к Деметрию Македонскому, и тот согласился заступиться за них. В тот же вечер, когда этолийцы, наконец, решили свой спор, его армия в пять тысяч иллирийцев высадилась на берег. На следующее утро они напали на изумленных захватчиков и, отогнав их от города, нанесли им большой урон. Вера в близкую победу не оправдала себя. Еще через день медионцы и иллирийцы встретились, чтобы обсудить вопрос о праздничных щитах и надписях на них. Они решили использовать тот же вариант, о котором договорились этолийцы. На щитах написали имена бывших и вновь избранных этолийских командиров. Но иллирийцы внесли одно изменение. Вместо надписи о завоевании города этолийскими вождями они написали, что победа была отнята у них. Остроумно, правда? Они изменили одно слово, а смысл получился другой.

Силен откинулся на подушки и поднял кубок.

— Так что не предвкушайте победу заранее. Это мой вам совет. И не вставляйте свое высокомерие в письма, ибо некий острый ум найдет в вашем поступке недостаток!

Карфагеняне захохотали и, как обычно, ответили грубыми и язвительными насмешками. Все, кроме Ганнона. Он и прежде не выносил Силена, но в тот день грек раздражал его каждый раз, когда вступал в разговор. Даже его рот вызывал отвращение — слишком узкий по краям и слишком полный в середине, слегка изогнутый, будто готовый послать поцелуй. Другие генералы, похоже, не замечали этой гадкой черты, но наглость грека была невыносимой.

Позже, когда Ганнон направился к своей палатке, а многословный грек зашагал рядом с ним, он пытался угадать, как долго Силен будет говорить, прежде чем поймет, что его никто не слушает. Когда же тот без приглашения вошел в его палатку, Ганнон едва не задушил бесцеремонного мерзавца. Однако дальше ситуация приняла совершенно неожиданный оборот.

Сев на низкую кушетку, которая недавно принадлежала вождю какого-то племени, Силен откупорил кувшин с вином. Он закинул тощие ноги на ложе и поправил свободной рукой короткую тунику. Наполнив две чаши, он мрачно произнес:

— Ты трудный орешек, Ганнон. Тебя так просто не раскушишь. Только пойми меня правильно. Я давно наблюдаю за тобой. И я вижу, как ты относишься к другим людям, включая меня самого. Поверь, я сделал интересные выводы. Твое отношение к старшему брату мне еще не понятно. Иногда ты смотришь на него с такой... э-э... Какое бы слово ты мне предложил?

— Как и все люди, окружающие нас, я доверяю мудрости Ганнибала, — ответил Ганнон.

— Нет, ты не «все». Кроме того, он твой брат.

— Да, мы пальцы одной руки, — сказал Ганнон.

Силен улыбнулся, поджал губы и затем улыбнулся еще шире. Казалось, у него возникла мысль, от которой он сначала отмахнулся. Но теперь, подумав немного, он решил развить ее.

— Кто из вас указательный палец? И кому суждено стать мизинцем в конечном итоге? Скажи мне честно, Ганнон. Ганнибал иногда относится к тебе излишне предвзято, не так ли? Его глаза всегда осуждают тебя. Он видит слабости, которых не замечают даже очень наблюдательные люди.

Ганнон хотел дать небрежный ответ — слова, которые бы ничего не выражали, кроме презрения к теме. Но перед тем,

как сказать их, он уловил искру веселья в глазах грека и понял, что любая его фраза прозвучала бы глупо, даже если бы сорвалась с языка. Вместо этого он проворчал:

— Я не виновен в том, что брат разочарован во мне.

— Конечно, ты тут ни при чем. Кто может соответствовать стандартам Ганнибала, кроме его самого?

Ганнон принял деревянную чашу, предложенную Силеном, и тут же поднес ее ко рту. Почувствовав вкус вина на сжатых губах, он признался себе, что хочет продолжить беседу. Это не удивило его. У него появилось желание заполнить необычное молчание грека признаниями.

— Замечаю ли я его осуждающий взгляд? — спросил он. — Да. Даже когда он стоит ко мне спиной. Если я на досуге предаюсь уладам роскоши, он смотрит на меня с упреком. И это человек, который богаче многих на земле! Человек, который вырос в аристократической семье и в городе, почитающем богатство и изысканные вещи! Похоже, он думает, что я слаб именно по той причине, что остаюсь верным сыном своего народа.

— Почему он не видит ту же слабость в Гасдрубале? Твой младший брат известен как любитель удовольствий.

Ганнон почувствовал комок в груди и вытер влажные руки. Такое бывало с ним, когда он подходил к врагу во время битвы. Беседа длилась несколько мгновений, а он уже не знал, что говорил.

— Это не твое дело, — проворчал он. — Ты, как обычно, забылся.

— Прости, — ответил Силен. — Я просто не могу понять тебя. Ты трудная запись для чтения. Скажи, а ты когда-нибудь думал, какой была бы твоя жизнь, если бы ты оказался перворожденным сыном матери?

— Такой же, как теперь.

— Что ты имеешь в виду? Тебя назначили бы командиром? Ганнон, главнокомандующий карфагенской армии в Иберии! Или титул все равно достался бы Ганнибалу, каким-то обра-

зом отобранный у старшего брата? Ответ, что ты подразумеваешь под словами «такой же, как теперь»?

— Глупый вопрос, — сказал Ганнон. — Трюк философа. Ты можешь слагать круги из слов, но мир останется прежним. Других путей нет. Мне надоели твои расспросы, Силен. Я устал от тебя.

— Ты уверен в этом? — спросил грек.

Он спустил ноги с ложа и выставил на миг внутренние части бедер.

— Иногда мне кажется, что ты чувствуешь по отношению ко мне не скуку и отвращение, а ...голод. Мы, греки, понимаем эту потребность лучше многих. Я обладаю глубокими навыками в утолении такой потребности, мой друг. Глубочайшими навыками! Возможно, ты мог бы поучиться у меня чему-нибудь.

— Возможно, — после паузы ответил Ганнон.

Силен приблизил губы к его щеке и, едва не касаясь кожи, прошептал гортанно и утвердительно:

— Возможно, да...

Грек оставил в словах мягкую неопределенность. Она повисла между ними в воздухе, как тонкая вуаль. Ганнон снова почувствовал неодолимое желание задушить своего собеседника. Но он знал, что им управлял не гнев. Его мучил голод, как сказал Силен. Он хотел прижать рот к губам грека и силой языка заставить его замолчать. Ганнон хотел поднять его и бросить на ложе — преподать ему урок, что если он и уступал ему в уме, то физически, телесно они ничем не отличались друг от друга. Он никогда не разделит бы свою страсть с мужчиной, обладавшим таким неказистым телом, кривыми ногами, вытянутой головой и непомерным высокомерием. Силен не был воином и образцом мужской красоты. Тем не менее Ганнон хотел его с алчностью, от которой болел низ живота. Он впервые признался себе в том, что ему хотелось грубого насилия.

Оклик за стеной палатки прервал его размышления. Ганнон хрипло отозвался, и гонец сообщил, что его вызывает к себе Ганнибал.

— Командир извиняется за столь позднее приглашение, но он ждет тебя в своей палатке для важного разговора.

Силен приподнял бровь и закончил фразу, которую начал недавно.

— А возможно, и нет, — сказал он. — В любом случае, не сейчас.

Он поднялся на ноги и осмотрелся, словно хотел найти какую-то вещь. Ганнон не двигался. Его взгляд напряженно следил за Силеном, пока тот не приблизился к клапану палатки. Перед уходом грек обернулся.

— Передай своему брату мои наилучшие пожелания.

Чуть позже Ганнон шагал через лагерь. Где-то неподалеку одинокий музыкант наигрывал мелодию на костяной свирели. Костры тихим заревом освещали отдельные места, и казалось, что толстое, пропитанное сыростью одеяло высотой в человеческий рост накрыло всю округу, не позволяя свету подниматься выше. Когда он проходил мимо привязанной лошади, кобыла извергла поток мочи. Плеск был таким громким и неожиданным, что Ганнон испугался. Он едва не поскользнулся, отступая в сторону, но вовремя поймал равновесие. Осмотревшись по сторонам и никого не увидев, он шепотом обругал кобылу и двинулся дальше.

Полог командирской палатки был открыт для ночного воздуха. Ганнибал сидел на трехногом стуле, изучая свиток, лежавший перед ним на столе. Он не встал, чтобы приветствовать Ганнона, и лишь покачал головой, увидев его вечерний наряд. Затем он снова склонил голову над документом.

— Я оторвал тебя от отдыха?

Ганнон не пожелал обсуждать тот вид деятельности, от которого его отвлекли.

— Мне хотелось бы найти тебя в таком же расслабленном состоянии, — ответил он. — Людям необходимо испытывать удовольствия. Скажи, ты когда-нибудь перестанешь смаковать свои победы?

Ганнибал ответил, не поднимая головы:

— А ты, значит, в конце дня ублажаешь себя за то, что прожил время от рассвета до заката? Но разве ты не знаешь, что после ночи наступает новый день? Неужели, выдыхая воздух, ты веришь, что выполняешь великое дело? Или ты каждый раз вспоминаешь, что в следующий момент тебе придется сделать вдох и начать процесс дыхания заново? Тысячи разных людей хотели бы увидеть мои промахи. Я не могу терять бдительность — даже на мгновение. Таков удел командира. Возможно, однажды ты поймешь меня. Подойди и присядь, если, конечно, не против.

Ганнон сделал пару шагов, оставив между собой и братом небольшую дистанцию.

— Брат, мне известно, что ты не доволен моим решением. Я снова обдумал ситуацию, и мой план не изменился. Ты останешься здесь, чтобы присматривать за суссетанами. Без сильной руки их не удержишь в подчинении. Надеюсь, что ты понимаешь важность этой миссии. Утром повидайся с Бостаром. Он подготовил для тебя инструкции: имена осведомителей и доверенных людей в этом племени, географические карты и отчеты о ресурсах. Ты должен научиться местному языку. Мы нашли для тебя наставника. Я лишь прошу, чтобы ты был более воздержанным в поисках наслаждений. Не забывай, что нашего зятя зарезали в постели.

Разговор подошел к концу. Командующий разрешил ему уйти, как какому-нибудь простому офицеру. Ганнон почувствовал жар на щеках и свинцовое давление за ушами. Он повернулся, откинул полог, но не вышел из палатки. Его ноги не желали двигаться.

— Неужели ты считаешь меня таким неудачником? — спросил он.

Ганнибал, не поднимая головы и не меняя тона, спокойно ответил:

— Ты мой брат, а мне здесь нужен надежный генерал.

— И тебе плевать на то, что я тоже хотел бы открыть ворота Рима?

Ему удалось привлечь к себе взгляд командира.

— Я не думал об этом. Хотя такое желание естественно, если учесть, чья кровь течет в твоих венах. Но почему ты возражаешь мне? Это назначение, а не наказание. Я дал тебе приказ, и ты должен выполнить его. Когда я прошу тебя об услуге, то надеюсь, что ты будешь подчиняться мне беспрекословно. В прошлом ты часто нарушал мои распоряжения. Я даю тебе новую возможность доказать свою лояльность.

Ганнибал вновь вернулся к документам и жестом показал, что встреча закончена. Однако Ганнон не мог так просто уйти.

— В одной фразе ты сказал, что это важное назначение, которое не является наказанием. В следующем предложении ты указал на мои недостатки. Выходит, первые слова были неискренними? Говори со мной честно! Ты многим мне обязан!

— Впервые слышу, что я тебе должен, — ответил Ганнибал. — Скорее, ты мой должник.

Увидев нахмуренные брови брата, пульсирующие вены на его висках и гневный взгляд, метнувшийся к нему вслед за словами, Ганнон почувствовал, как в нем опять нарастает желание убить Ганнибала. Тайная мысль, в которой он находил утешение. Решение, невообразимое прежде. Не важно, что случится дальше. Главное, что такое действие было возможно. Он мог убить Ганнибала и закончить их извечный спор. Уравновесив крайности чувств, Ганнон с усмешкой повернулся и вышел из палатки командира. В последующие дни он избегал его, словно они были врагами, а не братьями. И он

старался не думать о Силене. Ганнон никогда не стыдился своих желаний. Но грек породил в его сердце непонятное волнение, какое-то движение в глубоком омуте души.

Теперь, через два месяца, лейтенант принес ему новости, которых он боялся больше всего. Легион под командованием Гнея Сципиона высадился в Эмпориях — греческом городе, отвергнувшем союз с карфагенянами. Римское войско там приняли с радостью. Легион имел двукратное превосходство по численности и был направлен в эту часть страны для ликвидации десяти тысячной армии, которой командовал Ганнон. Сципион не делал секрета из того, что его главной целью являлась охота на Баркидов.

— Мы должны предупредить Гасдрубала, — сказал Ганнон на военном совете. — Нас слишком мало, чтобы сражаться с римлянами.

Лейтенант, уступавший Ганнону в ранге и возрасте, покачал головой.

— Пополнения все равно не будет. Гасдрубал сейчас ведет кампанию на юге от Нового Карфагена. Мы, конечно, можем отправить ему сообщение, но нам придется действовать самостоятельно.

— И решительно, — добавил другой офицер.

Ганнон прижал ладони к глазам и впился пальцами в волосы. Увидев столь необычный жест генерала, офицеры нервно зашаркали ногами. Он игнорировал их шепот. Его кишки изогнулись и завязались узлами. В груди появилось стеснение, и каждый новый выдох начал стягивать легкие все туже и туже. Прошло лишь несколько мгновений, а он уже не мог дышать свободно. Решительные действия? Конечно. Ожидание не принесет ему пользы. Римляне могли высадить на берег еще один легион. Они могли заключить союз с иберийцами, а затем, ознакомившись с местностью, окружить его армию. Пока они только чужаки на этой территории. И Гасдрубал действительно вряд ли успеет на помощь.

Но у Ганнона не было плана. Что ему делать? Чем возместить неравенство в численности? Ему оставили мало солдат. Какой грубый просчет Ганнибала, создавшего такую ситуацию! Он велел Ганнону присматривать за иберийцами, однако не учел возможного сражения с римским легионом. Нужно действовать! Действовать! А вдруг его атака застигнет римлян врасплох? Они не ожидают от него подобной наглости. Да, это неплохая идея. Но он может проиграть сражение. Ну и пусть! По крайней мере, Ганнибал не будет осуждать его за осторожность и нерешительность, как при осаде Сагунтума.

В конце концов он отвел руки от лица и, осмотрев офицеров, сообщил им свое решение. Позже он горько пожалеет о нем.

* * *

Первый упавший валун заявил о себе грохотом, который пришел непонятно откуда, и содроганием земли, передавшимся через скальную породу. Магон почувствовал его стопами ног. Затем он увидел глыбу, большую и серую, как слон, которая скользнула вниз, вошла в свободное падение, ударилась о склон, перевернулась и начала сметать деревья на своем пути. Он подумал: сейчас начнется паника среди солдат. Глыба упала в лоно глубокого ущелья, раздавив на тропе мула и двух людей, тянувших животное за узду. На людей посыпался дождь мелких камней. Все пространство заполнилось пылью. Впрочем, это было только начало.

Армия упорно продвигалась вверх и вперед. Четвертый день два проводника из племени аллоброгов вели их узкой колонной по петлявшим тропам и ненадежным серпантинам. Цепь из людей и животных двигалась по нескольким ярусам. С одной стороны пути зияла пропасть, с другой — тянулась скала, вертикально возносившаяся к небу. Магон находился в середине головного отряда, состоявшего, в основном, из

всадников. Ганнибал с отрядами пехоты прикрывал тылы армии. Переход был трудным. Солдатам приходилось преодолевать многочисленные горные потоки, карабкаться по скалам, управлять лошадьми и успокаивать слонов. Колонна растягивалась на целые мили. Передняя часть не видела заднюю. Связь между отрядами прервалась, а местность идеально подходила для засады.

С уступа над тропой слышались крики и вопли, следом за которыми на головы воинов обрушился дружный град копий. Затем над обрывом в облаке сосновых игл накренился ствол срубленного дерева. Едва он рухнул на тропу, сверху начали падать валуны и камни, бревна и деревья. Наносимый ими урон усугублялся паникой. Самыми легкими целями были гужевые пони. Когда раненные животные начали кричать от боли, другие помчались вперед, и без того увеличивая смятение. Они испуганно вертели головами, таращили большие глаза и лягали людей, которые пытались успокоить их. Скала зубы, они не могли определить причину тревоги и считали виновниками тех, кто пытался спасти их жизни. Даже обученные лошади, привыкшие к невзгодам битв, поддались всеобщему страху. Их седоки, сброшенные наземь, падали в пропасть или под копыта обезумевших животных. Что касается слонов... К счастью, в головном отряде их было меньше десятка. Магон увидел, как один из них, разъярившись от трех дротиков в спине, бросился назад по узкой тропе, сбивая повозки, давя людей и сметая с пути коней и мулов.

— Генерал, — крикнул Махарбал. — Мы ждем приказа!

Магон повернулся и прокричал вопрос, ответ на который уже знал.

— Где галльские проводники? Пусть их схватят и приведут ко мне!

Однако его приказ остался невыполненным. Проводники куда-то исчезли. Он осмотрел скалу, выискивая путь, чтобы забраться наверх и вытеснить противника с нависавшего вы-

ступа. Отвесная скала не предлагала легкого маршрута. Кроме того, аллоброгов было слишком много. Небольшому отряду не удалось бы захватить высоту. После первого шока Магону показалось, что их колонна избежала опасности, но чувство облегчения оказалось скоротечным.

Галлы хлынули потоком из ущелья, расположенного неподалеку. Они в одно мгновение рассекли отряд пополам и нанесли серьезный урон паникующим иберийцам. Их атаку прикрывал защитный шквал копий, низвергнутый с выступа на склоне скалы. Такая позиция давала хороший обзор всего ущелья. Очевидно, там находился командный центр неприятеля. Отметив это, Магон помчался к отряду иберийских солдат в надежде навести порядок и направить их в атаку. Однако он вскоре повернул обратно. С выступа летели камни всех размеров. Они падали на солдат, вминали шлемы в головы воинов, сбивали их под разными углами и свирепо колотили по щитам. Магон увидел, как копьё пробило бедро иберийца и вонзилось в землю. Мужчина оглянулся с воем, который утонул в какофонии боя. Его жизнь оборвалась мгновенно. Неподвижная фигура стала легкой целью. Два других копья пронзили тело. Первое вошло в поясницу и вышло из таза. Смертельная рана — а ведь она была не единственной.

Магон приказал отступать, но даже такой простой маневр вызвал множество проблем. Обломок скалы высотой с человека скатился по склону и заскользил по тропе, как наконечник копья. Люди в ужасе отпрыгивали в стороны. Когда валун остановился, солдатам пришлось обходить его по краю обрыва. Они напоминали горный ручей, огибавший массивное препятствие. Казалось, что панике не будет конца, как и камням, которые падали сверху. Взбесившийся жеребец лягнул Магона в приподнятую ладонь. Удар развернул его на девяносто градусов. Он подумал, что ему раздробило все пальцы, но рука лишь посинела и распухла. Ноющая боль донимала его весь день.

Он добрался до стоянки Ганнибала только поздним вечером. Его сопровождал небольшой отряд охраны. Офицеры, собравшиеся у костра под навесом, совещались тихими охрипшими голосами, в которых чувствовалась усталость и подавленное настроение. Когда он шагнул в круг света, Бомилькар вскочил и сжал его в крепком объятии. Этот великан был свирепым в сражении и сентиментальным после битвы.

— Значит, ты все-таки выжил? — спросил он.

— Да, но только по милости богов. Мономах был прав.

Магон кивнул на сухопарого генерала.

— Это предательство было спланировано заранее. Кто-то должен заплатить...

Он не закончил фразу. Его взгляд остановился на одном из мужчин, сидевших у костра. Сын Висотрекса, откинувшись спиной на груды тюков, задумчиво созерцал огонь. Магон с печалью посмотрел на него. Хотя он целый день находился в гуще кровавой бойни, то, что юноша перенес вне поля боя, представляло собой нечто более ужасное. Челюсть аллоброга отвисла. Глаза смотрели прямо перед собой. Никто ему не угрожал, но все знали, что в ближайшие часы он умрет от раны и его кожа поблекнет до зеленоватой синевы.

Ганнибал лично убедился, что на теле брата не было ранений. Осмотрев его с ног до головы, он сел у костра и вновь погрузился в размышления. Бостар согласился с мнением Магона. По его сведениям, потери оказались тяжелыми. Только среди ливийских ветеранов они насчитали четыреста мертвых. Если бы их лучшие части не шли в конце колонны, армия могла бы оказаться на грани истребления. Несмотря на внезапность нападения, они сражались с решимостью, которая впечатлила бы даже спартанцев. Бомилькар расспросил Магона о новостях, и тот подтвердил донесения разведчиков. Враг занял выгодную позицию и воспользовался тем, что походная цепь растянулась по узкой тропе. После его слов все замолчали, ожидая решения командира.

Ганнибал заговорил с несвойственной ему меланхолией. Он не смотрел на Магона, но каждый понимал, что он отвечал на его незаконченную фразу, относящуюся к галлу.

— Прямо перед нападением аллоброгов я беседовал с этим парнем об обычаях его народа. Оказывается, он отец двоих детей. Близняшек, представляете? Я даже поверил, что он будет честным со мной — что его племя сдержит данное Карфагену слово.

— Они едва не уничтожили нашу армию, — напомнил Бомилькар.

Его слова, произнесенные хриплым басом, трудно было опровергнуть.

— Я знаю, знаю! — ответил Ганнибал. — Поэтому я сам вспорол ему живот мечом. Но меня удивляет их глупость. Этому галлу не нужно было уходить в подземный мир сейчас. И мои люди не заслужили таких страданий.

Бомилькар заговорил еще громче, словно усомнился в слухе командира.

— Если бы они победили нас, то стали бы самым богатым племенем в этих проклятых горах. Вот причина их действий.

Какое-то время Ганнибал задумчиво смотрел на огонь.

— Для них этого было достаточно, — наконец произнес он. — Магон, прямо перед твоим появлением я кое-что понял. Когда первые глыбы покатались на людей и раздались крики тревоги, этот галл отпрыгнул назад и попытался выхватить меч из ножен. Я всадил клинок в его живот. Такой была цена за нашу сделку с Висотрексом. Но его взгляд показался мне странным. Взгляд искреннего изумления. Похоже, он понял, что его обманули. Ты понимаешь, о чем я говорю?

Магон кивнул головой.

— Отец скрыл от него, что готовит засаду. Фактически он предал собственного сына...

— Какой человек способен на это? Обычно отцы умирают ради своих сыновей, но никак не иначе. Мне не по душе та-

кая подлость. Как галлы устраивают почетные похороны для своих героев?

Все офицеры посмотрели на Бостара. Тот сначала пожал плечами, но затем предположил:

— Я слышал, они строят высокое кострище из бревен, заворачивают труп в шкуры животных и выставляют плакальщиц, чтобы их причитания отгоняли диких зверей.

— Так и поступим, — согласился Ганнибал. — Не вижу нужды осквернять его тело больше, чем это сделала алчность Висотрекса. Кто выполнит обряд?

Генералы молча потупили взоры. Лишь один из них отозвался на просьбу командира. Проворчав упрек своим товарищам, Мономах поднялся и схватил полуживого галла за лодыжку. Он потащил его в темноту, словно рабочий, покорно взявшийся за позднее задание.

Когда звук тела, волочившегося по земле, затих и сменился тихим треском костра, Ганнибал прошептал:

— Я начинаю чувствовать границы моей человечности.

Он вздохнул и вновь перешел на командный голос.

— Вот что мы сделаем нынешней ночью. Присядь, Магон. Нам известно, что половина солдат нашей армии отделена от нас и мы пока не знаем, уцелели они или нет. Мы должны объединиться с ними. Нам нужно освободить тропу от врагов.

Его младший брат уже имел готовый план.

— Возможен такой вариант. Послушай, что я скажу.

Перед самой полночью, под прикрытием облачной тьмы, Магон повел небольшой отряд на особое задание. Они начали взбираться вверх по скалам, цепляясь за выступы гранита. Небольшая расселина позволила им подняться на верхний ярус зигзагообразной тропы на почти отвесном склоне. Магон уже начал сомневаться, что сможет найти маршрут и вывести отряд выше выступа, с которого аллоброги координировали свои атаки. Тем не менее его безмолвная молитва помогла им в пути. За два часа до рассвета они заняли пози-

цию над силами противника. Осторожно выглядывая из-за укрытия, Магон рассматривал галлов, собравшихся у костров, и ловил отголоски их бесед. Внезапно он услышал звучный храп — настолько громкий, что ему пришлось послать разведчиков для проверки ближайшей территории. Однако вскоре выяснилось, что нарушитель спокойствия находился на нижнем ярусе.

При первых проблесках рассвета они напали на аллоброгов. Атака застала галлов врасплох. Многие из них погибли во сне и у костров, где готовилась утренняя пища. На этот раз град копий сразил их, а не карфагенян. Когда солнце поднялось выше гор, тропа была свободна и два фланга армии соединились вместе. Отряды Ганнибала не могли контролировать все высоты ущелья, но они прошли через него, несмотря на большие потери. В местах, где слоны проложили жуткие просеки ужаса среди скопища варваров, люди шагали по трупам и кускам человеческих тел. Наконец, к всеобщему облегчению, ущелье раздвинулось, уступив место красивой долине. Над ними было только чистое небо, с которого не падали камни, деревья и дротики.

На ровной земле, присыпанной снегом, они устроили хорошо защищенный лагерь. Их дозорные, размещенные на высокой скале, наблюдали за каждой частью долины. Если бы аллоброги напали на них, им пришлось бы сражаться против целой армии. Усталые и уязвленные воины, потерявшие своих товарищей, были бы не против отомстить за нанесенный им урон. Но, очевидно, враг не собирался преследовать их дальше. Только небольшие банды нападали на оставших солдат. Магон понял, что пожива от мертвых в ущелье была достаточной, чтобы занять аллоброгов на неделю-другую. Два следующих спокойных дня армия залечивала ссадины и синяки, подсчитывала мертвых и потерянный провиант, выхаживала раненных животных и приветствовала отбившихся солдат и обозников, которые добирались до лагеря, демон-

стрируя беспредельную стойкость и звериный инстинкт выживания.

Краткий отдых закончился, когда ранним утром третьего дня сигнальщики, по приказу Ганнибала, протрубили сбор. Армия пришла в движение. Солдаты просыпались в сырой одежде и кутались в тряпки, чтобы немного согреться. Они с надеждой высматривали солнце, но небо закрывали низкие темные тучи. Казалось, что пока они поднимались на горный перевал, небесный свод опускался к ним навстречу. А затем пошел снег. Он начался перед полуднем: сначала упала одна большая снежинка, затем другая. Многие африканцы прежде не видели ничего подобного. Тартесийцы сняли красные ленты со своих тюков и повязали их на головы в знак церемониального смирения. Ливийцы тщетно пытались увернуться от снежинок, словно те были оружием галльской магии. Они уклонялись, подныривали и выражали такую тревогу, что северные иберийцы падали на землю в приступах хохота. Племена из центральной Иберии остановились и сбросили поклажу с плеч, с открытыми ртами созерцая начало снегопада. Нумидийцы наблюдали за происходящим с надменным презрением. Они о чем-то шептались друг другом и пытались выглядеть спокойными на спинах лошадей, хотя некоторые из них не могли удержаться, быстрыми щелчками сбивая крупные снежинки с рук и плеч, словно те были ядовитыми скорпионами.

Магон почувствовал нараставший страх, но прежде чем он успел испугаться, Ганнибал спрыгнул с лошади на виду у всего войска и упрекнул солдат за страх перед белыми пушинками, такими же легкими, как голубиный пух. Он поднял вверх подбородок и поймал несколько снежинок ртом, предложив другим последовать его примеру. За время похода его борода стала длинной и густой, но даже она не могла скрыть веселой улыбки. Он сгреб снег руками, слепил крепкий шар и метнул его в брата. Магон замер в изумлении, когда сне-

жок взорвался на его груди. Через миг Ганнибал слепил второй снежный шар и на этот раз попал им в поднятую руку нумидийца. Вскоре люди подхватили эту забаву, и снежки замелькали в воздухе во всех направлениях. Мужчины кричали и смеялись. К ним снова вернулось смелость. Они так часто смотрели на летевшие в них копыта и стрелы. Так что же им бояться снега? Веселье прекратилось, когда балеарцы начали метать из пращей куски льда. Их снаряды сбивали людей с ног и слишком уж напоминали боевые действия. Ганнибал с трудом удержал солдат от драки и приказал продолжить марш.

Через несколько часов снег перестал казаться странным и превратился в привычную неприятность. Теперь он падал более ровно. Снежинки уменьшились в размере, но увеличились в количестве. Их белый покров окутал камни и землю. Они скапливались на ветвях деревьев и собирались на плечах солдат, на головах и шлемах. Люди дрожали от холода и зябко ежились в доспехах, сгибаясь под тяжестью тюков и оружия. Их обнаженные плечи побледнели. Кожа на руках и ногах посинела. Члены стали вялыми и неуклюжими. Лед собирался между пальцев онемевших ног. Многие люди спотыкались и падали, с трудом поднимались и снова спотыкались.

Чем выше они поднимались, тем пустыннее становился ландшафт, на вид лишенный всякой жизни. Заостренные скалы поднимались вверх, словно клыки, вонзившиеся в подбрюшье небосвода. Магон чувствовал благоговейный ужас от безмолвной массы пиков, оттого, как они вырастали один за другим, будто армия гигантов. Их странная зубчатая линия проходила там, где заканчивалась земля и начиналось бескрайнее небо. На этой потрясающей сцене слоны проминали путь через снежные сугробы. Магон был уверен, что мир не видел такого спектакля с тех давних времен, когда боги бродили здесь в телесном облике и охотились на огромных

животных, чьи кости все еще появлялись иногда из земли. В те времена все было возможно.

Ганнибал как всегда поспевал повсюду. Казалось, он находился во множестве мест одновременно, не проявляя ни малейших признаков усталости. Магон засыпал каждый вечер, едва касаясь головой подушки. И иногда ему казалось, что голос брата вводил его в сон и выводил обратно. Каждое утро командир объезжал огромное войско, хвалил солдат и упорно напоминал о богатствах, ожидавших их в Италии. Он рассказывал им, что их подвиги будут описаны поэтами и воспеты у костров в далеком будущем. Это был их шанс на бессмертие. Разве армия Десяти Тысяч совершила нечто большее? Разве переход через Альпы не сопоставим с походами Александра в Персию? О них будут вспоминать, как о доблестных героях. Но такая слава дается нелегко. За нее нужно бороться. В ту первую ночь, когда им пришлось спать на заснеженной земле, Ганнибал расстелил на льду тонкое одеяло, накрылся плащом и через миг погрузился в глубокий сон. Люди, услышавшие его храп, лишь покачали головами и с усмешкой развели руками в стороны. У какой еще армии был такой командир?

На следующее утро Ганнибал объезжал строй, рассказывая людям, что скоро они доберутся до последнего перевала. Так говорили его разведчики. Стоит им немного напрячься, и Италия ляжет пред их ногами. Любое промедление в такой момент будет величайшей трагедией. Неудача вызовет гнев богов, ибо те еще не видели, чтобы люди подходили так близко к вечной славе.

Магон, облокотившись на копьё, стоял рядом с Силеном. Он услышал, как писец прошептал в ответ:

— Зачем тебе Италия? Почему бы не победить небеса? Я думаю, что врата на небо находятся здесь — в паре сотен шагов отсюда...

Заметив взгляд Магона, он быстро добавил:

— Только не смотри на меня так. Не я затащил нас сюда. Разве кто-то интересовался моим мнением? Неужели ты не знал, что эти места не предназначены для людей? Чем ближе мы подходим к богам, тем труднее нам дается жизнь. Скажи, разве ты не чувствуешь тяжести на сердце? Даже каждый вдох и выдох получается с трудом. Только не говори, что я преувеличиваю.

Магон хотел улыбнуться и возразить Силену, но не нашел подходящих слов. Ему не хотелось спорить с греком. Какое-то время они стояли в молчании. Чуть позже, заметив Бомилькара, Магон кивнул писцу, и они оба начали наблюдать за приближением мужчины. Тот шагал в полном вооружении и с поклажей на спине, как делал это с самого начала восхождения. Чтобы быть примером для солдат, объяснял Бомилькар. Заледеневшая поверхность снежного покрова заставляла его соблюдать осторожность. Он ставил одну стопу на грунт, давал ей время, чтобы утвердиться на земле, затем толкал массивное тело вверх и делал следующий шаг, вытягивая ногу из снега, как дерево с толстыми корнями. Магон и Силен не сводили с него глаз, пока он не оказался рядом с ними.

— Опять придумываешь сказочки, грек? — спросил Бомилькар.

— Я как раз придумал одну, — ответил летописец. — Это будет сказка о зимнем безумии. Ты станешь ее главным героем, мой друг. Голиафом, застрявшем среди горных пиков.

— Твой язык не знает усталости. Когда ты не сможешь шевелить ногами, я верю, твой язык отрастит огромные крылья и вознесет тебя на снежные вершины.

Силен нашел этот образ забавным. Он хотел продолжить разговор, но Бомилькар прошел мимо них и вскоре исчез за стеной снегопада.

— Могу поспорить, — прошептал грек Магону, — что он начал готовить эту шутку еще на подступах к Роне.

К полудню, когда воздух немного прогрелся, они шагали позади длинной колонны людей. Магон, нагруженный гораздо меньше, чем Бомилькар, тоже шел пешком, предполагая, что пот и усилия генерала подбодрят солдат вокруг него. Это была нелегкая жертва. Снегопады, холодные ночи и жаркое солнце, сиявшее в ясные дни, создали слой талой жижи под коркой снега и льда. Люди часто обманывались, думая, что снежный наст даст им прочную опору. Их ноги проваливались сквозь верхний слой и погружались в вязкую слякоть. Затем они осторожно делали новый шаг, еще один и постепенно начинали верить, что корка снега в этом месте крепкая. Однако чуть позже лед снова проламывался под ними, и люди погружались в жижу до икр, а иногда по колено или вовсе по пояс. Вьючные животные барахтались в грязи, увязая в ней так глубоко, что их обезумевшие головы едва торчали над поверхностью снега.

Естественно, что офицеры питались лучше солдат. Благодаря такому преимуществу Магон имел больше сил для движений. Поначалу он вытаскивал людей, застрявших в грязном месиве, вскапывал снег руками, разрезал лед клинком, подталкивал солдат и шлепал животных по крупу. Позже, когда его руки, онемев от холода, не могли уже держать меч или копать снег, он просто выкрикивал поощрения, приказы и проклятия, заставляя подчиненных идти вперед. Это длилось часами — одно невыносимое мгновение переходило в следующее. Каждый шаг был похож на предыдущий. Лица воинов сливались друг с другом. Погруженные в снег тела ничем не отличались в своей безнадежной усталости. Слезающиеся глаза, потрескавшиеся губы, с которых слетали тихие просьбы, скорченные пальцы, разгребавшие крошево льда — все это не имело начала и конца. Таков был их мир, в котором жизнь не имела смысла.

Магон потерял счет моментам, когда ему казалось, что он достиг последней вершины. Проходило мгновение, и он по-

нимал, что находится на выступе горного склона, на очередном бугре или карнизе, за которым начинались новые высоты. Это сводило с ума. Ландшафт менялся, будто по воле коварного и злого бога. Стоило отвести взгляд, и горы поднимались выше. Но самым обидным было то, что мир скрывал свою изменчивость. Когда Магон осматривал местность внимательным взором, вершины прекращали движение и напускали на себя невинный вид, словно звери, с покорно опущенными холками.

В какой-то момент, который остался неотмеченным во времени и памяти, Магон перестал помогать другим людям. Он молча шел вперед, потеряв оставшего Силена. Таким чудовищным было это восхождение. Сначала он проходил мимо некоего человека; чуть позже тот проходил мимо него. Это просто закон бытия, понял Магон. Каждый боролся сам за себя. Он стал похожим на других. Его улучшенного рациона не хватило для того, чтобы выделиться на фоне остальных людей. Тело начало питаться собственной плотью. Он чувствовал процесс усыхания, растворения тканей под кожей, вытягивания жидкостей из мышц. Вместо них оставались тонкие связки, туго натянутые постоянным движением. Они почти не подчинялись его приказам.

Он полз на четвереньках, дюйм за дюймом переставляя руки и ноги, когда порыв ветра, ударивший в лицо, едва не сбросил его со склона. В ледящем воздухе ощущалась новая, не виданная прежде сила. Магон пригнул голову под защиту локтя и выругался, подумав, что он вновь достиг какой-то возвышенности с видом на очередную цепь непроходимых гор. Он почувствовал, что ему не хватает дыхания от колючего ветра. В нем вообще не осталось теплоты, и он начал бояться, что вскоре его внутренности покроются льдом. Сначала замерзнут ноги, затем руки, колени и предплечья, потом грудь. Все части тела превратятся в камень и станут единым целым с горами. Он нашел в этой мысли приятный

покой. Он сможет лежать, отказавшись от борьбы и движений. Он будет вспоминать о прошлой жизни. Он, наконец-то, сможет отдохнуть. Грек говорил ему правду. Такие высоты не предназначены для смертных людей. Зачем уклоняться от истины, когда можно просто заснуть? Сдаваться не сложно. Труднее было продолжать движение.

Возможно, Магон действительно сдался бы. Но до него донесся голос. Он поднял голову и, ежась от ветра, понял, почему тот дул так свирепо. Над ним было только небо. К югу, по синему полотну пространства дрейфовали лоскутья облаков. Магон поднялся на ноги и неуклюже зашагал вперед по голой скалистой породе, отшлифованной снежной поземкой. Горные склоны спускались в долину, ниже которой виднелась равнина, утопавшая в буйной зелени. Он стоял на вершине!

Не дальше, чем в броске камня, какой-то безумец взобрался на большой валун. Это его бессвязная речь расшевелила Магона. Он указывал рукой на долину и кричал проходившим солдатам, что цель уже видна.

— Смотрите! Вот она, богатая Италия! Вот награда за ваши усилия! Мы теперь на крыше мира, и нам не нужно больше карабкаться вверх. Теперь путь будет только вниз. Все трудности позади! Спешите! И тогда к вечеру вы сможете выспаться на плоской земле!

Магон с трудом узнал кричавшего человека. Всклокоченная борода безумца белела от полосок льда, хотя с его висков стекали капли пота. На щеках виднелась красновато-черная короста. Сняв шлем, он триумфально махал им над головой. Его спутанные волосы прилипли к черепу, повторяя форму головного убора. Он казался диким существом — каким-то безумным пророком, кричавшим на бурю. Одежда развевалась вокруг него в порывах ветра. Но Магон вдруг понял, на кого он смотрел. Он узнал голос брата и увидел в его глазах сияние невыразимого энтузиазма. Магон подошел к валуну

и, вытянув руку, дотронулся до ноги Ганнибала. Тот посмотрел на младшего брата и улыбнулся. Радость расцвела на его губах и в складках лба. Он что-то тихо произнес. Магон прочитал его слова по губам.

— Рим будет нашим, — сказал командир. — Рим действительно будет нашим.

Магон кивнул, хотя не чувствовал согласия. Ему хотелось бы разделить уверенность Ганнибала, но ее уже не было в его сердце. Путь, ведущий вниз, не предполагал облегчения. Во многих смыслах их ожидали еще большие беды. Им потребовались дни на каждую милю подъема. Но сколько времени займет спуск по крутым и почти непроходимым скалам? Стоя рядом с Ганнибалом и глядя вниз на долину, Магон думал о том, что аллоброги указали им самый ужасный из всех перевалов. Эти ублюдки все еще могли уничтожить их армию.

* * *

После того как они покинули северную Иберию, Имко Вака забыл о радости, счастье и удовольствии. Ему казалось, что какое-то злобное существо перенесло его в горы и бросило здесь, чтобы насладиться страданиями бедного юноши. Поход в Италию потерял всякий смысл. Зачем им этот лед? Этот снег? Эти кряжи, торчавшие, как зубья? Мизинец на его левой руке почернел и затвердел, словно прут. Наверное, еще одна шутка коварного бога. Фактически все, что он мог вспомнить на пути от солнечной Иберии, вверх через Пиренеи к долине Роны и далее через Альпы, не объясняло причин их бед. И неважно, что он прошел на расстоянии плевка от командира. Да, Ганнибал выкрикивал слова поощрения, но он больше напоминал безумца, от которого Имко держался бы подальше, если бы они оказались на улице цивилизованного города. Он молча прошел мимо него, желая как можно быстрее спуститься с этих высот.

Имко находился в середине колонны и спускался вниз по извилистой тропе, обнаруженной разведчиками. Снег, по которому он шел, размяк на солнце. Наст, утрамбованный тысячью ног, превратился в полоску грязного льда, изрезанного колесами телег. Каждый шаг требовал величайшей осторожности, но она была невозможна при такой усталости, на грани истощения, с учетом отмороженных ног и груза тяжелых тюков. Имко видел, как несколько воинов потеряли опору. Они хватались пальцами за гладкий лед и пытались зацепиться за что-нибудь, скользя вниз по склону. Они молили о помощи, окликали людей и богов, а затем, промелькнув на невообразимой скорости, падали в пропасть, и их крики превращались в отдаленный звук, искаженный горным эхом.

Вид слонов мог растрогать даже самого черствого человека. Тропы были невообразимо узкими, но эти существа каким-то образом перемещались по ним — с таким же упорством, как и люди. Однажды Имко наблюдал за слонихой, которая огибала край скалы по узкому выступу. Она балансировала на двух ногах, так что ее стопы опускались почти на прямую линию. Это филигранное движение годилось больше для развлекательных представлений, но животное выполнило его с точностью, которой Имко мог бы только позавидовать.

К концу второго дня после начала спуска он шел по тропе, которая петляла среди скал. В пятидесяти ярдах впереди него располагался крутой поворот, граничивший с обрывом. Сразу за полоской снега и льда зияла бездонная пропасть. Он различал следы тысячи ног, уже прошедших это место. Хотя тропа была ровной, Имко увидел, как два солдата споткнулись у поворота. Один из них упал, сбил с ног второго, затем они схватились друг за друга, заскользили по льду и чудом остановились у самого края тропы. В таких местах следовало быть вдвойне осторожным, подумал Имко.

Внезапно он заметил накидку, лежавшую на снегу всего в нескольких шагах от него. Очевидно, кто-то из солдат потерял часть одежды, поскользнувшись ранее на повороте. Вака решил сходить за этой вещью, чтобы обмотать ее вокруг шеи или позже отдать какому-нибудь бедолаге. Он сделал шаг и тут же понял, что совершил ошибку. Вторая нога выскользнула из-под него, словно ее подбил большой снежный ком. Он упал на распростертые руки и заскользил на ягодицах и пятках — сначала медленно, упираясь в наст всеми пятью точками. Имко царапал пальцами лед. Он сучил ногами, стараясь найти опору. Но его тело скользило все быстрее. Он представил себя легким, как воздух. Он попытался поднять себя силой разума. Когда это не сработало, Имко перевернулся на живот и раскинул руки в стороны, словно хотел обнять весь склон. Он чувствовал каждую трещинку под собой. Он видел вмерзшие травинки и трещинки на льду. В любой момент твердая поверхность могла уйти из-под тела. Он закричал от гнева и страха — прямо в лед. Его рот находился в такой близости от наста, что он мог впиться в него зубами. Однако даже в этот критический миг он не посмел рисковать зубами. Они были одной из лучших деталей его лица.

Трудно было сказать, почему он остановился. Имко понял это только тогда, когда его крик стал единственным звуком в безмолвном мире. Двое солдат, которые споткнулись на повороте, смотрели на него с расстояния трех шагов. Он проехал на льду до самого обрыва. Пропасть зияла прямо за его ногами. Он взглянул на мужчин и покачал головой, выражая этим жестом всю глубину своих чувств. Затем он встал и медленно двинулся дальше. Имко больше не хотел возвращаться за брошенной накидкой.

Третий день оказался самым худшим. Когда стон отчаяния и гнева прокатился по колонне, у него появилось недоброе предчувствие. Оказалось, что горный обвал перегородил дорогу на нижнем ярусе. Почти отвесный обрыв не предпо-

лагал путей обхода. Им следовало очистить тропу от завалов. Это нелегкое дело осложнялось тем, что множество камней, смешанных со льдом и снегом, нельзя было сдвинуть с места даже с помощью слонов. Большие валуны нужно было как-то расколоть на куски. И какой-то галл, в чьем опыте Имко сильно сомневался, предложил развести рядом с ними большие костры, чтобы камни раскалились докрасна. Затем их, якобы, нужно было облить водой или уксусом. Перепад температуры, утверждал этот тип, расколет камни и сделает их подвижными. Сомнительный рецепт.

Имко целый день срубал деревья и перетаскивал их по сугробам к кострам. Это была трудная работа — такая же опасная, как сражение с варварами. Увязая в снегу по пояс, он рубил неподатливую древесину, которая наносила топору больший ущерб, чем получала сама. Имко даже заплакал. Он не испытывал страха. Он больше ничего не боялся. Слезы текли из-за печали, усталости и гнева. Он так долго жил с этими эмоциями, что они стали частью его бытия.

Или, возможно, слезы были вызваны воспоминаниями о детстве, когда его считали не воином, а ребенком; когда рядом с ним находилась мать — та женщина, которая шлепала Имко по ягодицам, вытирала ему рот, заботилась о нем во время болезней, кормила хлебом, смоченном в оливковом масле. Вся его жизнь превратилась в трагедию — такую большую и непоправимую, что он даже не обрадовался, когда среди дыма и огня огромная глыба взорвалась и разлетелась на мелкие осколки. Подумаешь, какая глупость, подумал он. Валун, расколотый на части. Опять идти. И снова холод. Разве это можно было сравнить с объятиями женщины, породившей его? Похоже, все вокруг сошли с ума, как и их командир.

Затем случилось нечто неожиданное. Через четыре дня после начала спуска он, дрожа от холода, проснулся у подножья Альп и увидел перед собой итальянскую землю. Пони-

мание того, что они совершили невозможное, приходило к нему постепенно, как этот ясный и солнечный день. Армия, которая покинула Новый Карфаген, насчитывала более ста тысяч воинов. Теперь, когда они спустились с перевала избитыми, усталыми и истощенными, их численность составляла около тридцати тысяч. Армия потеряла больше половины лошадей. Слоны уцелели все, но они были жалки. Богатый обоз с добычей и многочисленное сборище торговцев, проституток, нищих и рабов пропали в пути, насколько он знал, безвозвратно.

Но в то утро, выглянув из палатки и увидев синее итальянское небо, Имко понял, что, несмотря на все потери, они остались непобежденными. Его сердце наполнилось давно забытым энтузиазмом. Ситуация могла измениться к лучшему. Возможно, его ожидали награды и удовольствия, несопоставимые с ласками матери. Имко вновь почувствовал себя солдатом, перед которым стояла великая задача. Их армия напояла бурю, вот-вот готовую разразиться над Италией. Кто теперь мог остановить их грозную поступь?

* * *

Наткнувшись на того мертвеца, Эрадна сразу смекнула, что ей повезло. За время похода она повидала множество трупов, но этот покойник сидел с вытянутой рукой, словно слепой нищий, просившей милостыню у невидимых прохожих. Возможно, его поза обманула других мародеров. К счастью, Эрадна увидела, как ворон, сидевший на плече человека, осмотрелся и клюнул его в губы. Черты лица выдавали в мужчине иберийского кельта. Он был старше многих воинов. Его глаза смотрели на тропу. На губах шелушилась черная короста. Щеки почернели от обморожения, полученного за несколько дней до смерти.

Отталкивающий вид мертвеца не помешал Эрадне ощупать его пояс и снять с плеч толстый плащ из волчьей шкуры, который мог бы пригодиться ей в походе. Девушка сначала удивилась, что этот человек замерз в такой одежде, но затем она увидела другую его руку, прижатую к коричневому пятну на серой тунике. Пальцы сжались на древке стрелы. Судя по всему, он принял медленную и мучительную смерть. Его приподнятая рука была мольбой о помощи, которая, увы, не пришла. Эрадне пришлось повозиться, чтобы снять с него плащ. Она благодарно кивнула мертвецу и зашагала дальше, лелея веру в то, что Артемида по-прежнему заботится о ней.

С учетом лишений, пережитых за прошлые недели, веру Эрадны можно было считать непоколебимой. Многие солдаты жаловались на жизнь, но они ничего не знали об истинных бедах. Она шла по тем же склонам, что и они, через те же ущелья, заснеженные перевалы и реки, холодные, как жидкий лед. Но она не получала ежедневного солдатского пайка. Люди, с которыми Эрадна шагала в обозе, не давали припасы в кредит. Каждый подозревал другого в обмане, каким бы добрым ни казался человек. В ущелье их порезали на куски. За один тот вечер численность обозников уменьшилась вдвое — и с тех пор постоянно сокращалась. Слабый порядок, перенятый у армии, исчез. Все припасы достались аллоброгам. Мужчин и женщин грабили и убивали. Симпатичных девушек и юношей забирали в рабство.

Однажды Эрадна ночевала в лагере отставших солдат, и на них напали местные разбойники. При первом смятении она вскочила на ноги. Бородатый аллоброг поймал ее за запястье и начал тащить в темноту. Она вырывалась с такой силой, что едва не выломала руку из плеча. Станный хруст в суставе на мгновение смутил мужчину. Она воспользовалась этим, ударила его пяткой по ноге и убежала в лес. Вывихнутая рука ныла так сильно, что Эрадна была на грани

обморока. Но во время бегства сустав встал на место, и вскоре боль прошла.

Чуть позже она догнала тыловые части армии и несколько дней кормилась объедками, остававшимися в кильватере. Чтобы отвести от себя мужчин, она неделями не мылась и специально старалась выглядеть грязной и больной. Эрадна пачкала лицо грязью и жиром. Ее волосы спутались в толстые колтуны, покрытые мусором, травой и веточками. Она носила на шее дохлую мышь, часто вытирала одеждой потные подмышки в надежде, что запах останется на ткани. Она даже мочилась на юбки и мазала их калом, но вонь быстро выветривалась. Мужчины по-прежнему бросали на нее алчные взгляды. Никто не мог сказать, что будоражило их половые члены.

Несмотря на грязь, растрепанные волосы и физическое истощение, Эрадна сохраняла свою красоту. Мужчины замечали это. Однажды ясным утром галльский воин остановил ее у подножья каменистого склона — точнее, набросился на нее с длинным мечом в руке. Парень выскочил из-за кустов, словно лежал там в засаде и поджидал ее, выбрав для встречи тихое и уединенное место. Покачав тазом назад и вперед, он показал, что хочет от нее. Эрадна плюнула ему в лицо. Он усмехнулся и похлопал ее по щеке безоружной рукой, намекая, что не нанесет ей большого вреда. Просто маленькая услуга, как бы говорил он жестами. Буквально минута. Галл угрожающе поднял меч. Эрадна зашипела на него и показала руками, что он должен оставить ее в покое и удовлетворить себя самостоятельно. Но, несмотря на смелый отказ, она понимала, какую угрозу представлял этот тип. Он был сильным мужчиной в расцвете лет и запросто мог искалечить женщину, чтобы овладеть ее телом. В наказание за пренебрежение он мог отсечь ей руку или избить до бесчувствия, или даже сделать ее своей рабыней.

Эрадна упала на колени у каменистой насыпи и, открыв рот, показала, что согласна принять в него любой дар мужчины. Галл поморщился, но, когда она несколько раз всосала воздух губами, он спустил штаны до колен. Эрадна с трудом сдержала смех. Слабость мужчин не переставала удивлять ее. Когда он двинулся к ней, она незаметно сжала в руках острые камни, затем приподняла их и щелкнула ими в быстром движении, словно птица, хлопнувшая крыльями при взлете. Два камня ударили по пенису. Она повернулась и побежала, но кровь все равно забрызгала ее лицо. Она покачала головой и еще раз прокляла красоту, о которой не просила богов и от которой не могла избавиться.

К тому времени, когда она достигла заснеженных равнин, отставшие солдаты стали редкостью. Большую часть пути она шла одна. Эрадна проверяла мертвые тела на наличие монет и ценностей, срезала мясо с замерзших вьючных животных, чинила свою одежду и меняла ее, когда находила новые вещи. На полпути к перевалу она наткнулась на странное углубление неподалеку от тропы. Это был кратер с пологими стенками высотой в два человеческих роста. В центре его скалистого основания стоял одинокий и брошенный всеми осел. Он не двигался. Его голова была опущена вниз. Глаза ни на что не смотрели; взгляд ничего не искал. Из ямы разило мочой. Вонь заставила Эрадну зажать нос рукой. Но осел не имел ничего общего с запахом. Просто в этом месте солдаты справляли нужду — один за другим, тысяча за тысячей. Их горячие струи расплавили снег и лед, создав вонючую яму. А осел, судя по всему, споткнулся и упал в нее. Эрадна еще раз посмотрела на него и начала спускаться в кратер. Такие подарки судьбы не обсуждались, а принимались с благодарностью.

Вечером она и осел достигли перевала. Эрадна взбралась на большой валун и осмотрела Италию с возвышения, не зная, что тем самым она повторила поступок Ганнибала. Армия

спускалась в долину, словно растекающаяся краска или грязная река, прорезавшая свой путь на белых склонах. Ожидавший ее спуск был ужасным. И ей предстояло пережить еще одну холодную ночь, которая быстро сменяла промозглый вечер. Эрадна знала, что их с ослом ожидают новые беды, но ей было приятно смотреть на армию, марширующую впереди. Это хорошо, подумала она. Это просто здорово. Страна, в которую вторглись карфагенские войска, находилась рядом с родиной Эрадны, и она никогда не приближалась к ней так близко с тех пор, как отец унес ее оттуда на руках. Девушка поправила на груди мешочек с сокровищами, который стал теперь еще тяжелее, потому что она никогда не забывала о своей мечте. Кто бы мог подумать, глядя на эту грязную и огрубевшую от человеческих бед мародершу, что в ее сердце скрывалась тихая девушка, верившая в красивую, счастливую и радостную жизнь? Увидев путь к мечте, она без колебаний двинулась вперед.

Эрадна уперлась пяткой в лед и потащила за собой упрямого осла. Она делала шаг, другой, и животное нехотя спускалось вместе с ней к богатым землям Италии.

* * *

Свой первый год правления в южной Иберии Гасдрубал отметил дионисовыми оргиями. Он закончил военный сезон пораньше и, вернувшись в Новый Карфаген, вдали от строгих глаз старшего брата, погрузился в море удовольствий. Каждый вечер во дворце Баркидов проводились пиршества с избытком музыки, игр и плотского разврата. Слуги разводили высокие костры и раскаляли в них камни, которые затем выкатывались из огня и обливались водой. Жаркий пар наполнял комнаты тропической влагой, вызывавшей пот и жажду. Одежда гостей сырела, соскальзывала с плеч и падала на пол бесформенными кучами. Хотя Гасдрубал предпо-

читал красавиц аристократической крови, он вовлекал в свои оргии симпатичных дочерей иберийских вождей, городских проституток и дворцовых служанок. Он не имел причин завидовать другим мужчинам. Дружба с Гасдрубалом считалась привилегией, о которой мечтали все жители города. В паровых комнатах толпились полуголые молодые солдаты с мускулистыми телами, закаленными войной и тренировками. Каждый вечер их ожидало изобилие богатой пищи и красного вина, соусов, фруктов и соков, благовоний и обнаженных женских тел. Ночь за ночью во дворце устраивались сцены, которые впечатлили бы даже самого Александра Македонского.

Не удивительно, что Гасдрубал ожидал наступления дня свадьбы с тревогой и раздражением. Будь его воля, он не женился бы даже на самой прекрасной из женщин. Вообще бы не женился. И если бы ему пришлось выбирать себе супругу, он взял бы самую развратную шлюху в своем окружении — искусницу в науке удовольствий, которая соответствовала бы ему в поисках сексуального разнообразия. Однако выбор невесты зависел от других. Ранней зимой он получил письмо от совета старейшин. Оно было составлено по древним формальным обычаям и поэтому казалось слишком витиеватым и невразумительным. Он проник в его смысл лишь с помощью Нобы.

Старейшины принуждали Гасдрубала жениться на дочери оретанского вождя Андобалеса. Он не знал, что карфагенские лидеры поддерживают связь с Андобалесом, но эти зануды имели длинные и загребущие руки, как любил говорить Гамилькар. Такой брачный союз был признан стратегически важным. Несколько последних лет оретаны процветали. Им удалось обратить экспансию карфагенян в свою пользу. Деликатно избегая гнева Баркидов, они сначала подчинили одно соседнее племя, затем другое. Им удалось воспользоваться даже разгромом Ганнона, когда тот несколько лет назад завел две тысячи оретанских солдат в западную, устроенную

бетиками. Они постоянно плакались и напоминали об этом ужасном ударе по их самолюбию. Андобалес даже выразил протест против брака Ганнибала и Имилце. По его мнению, подобный союз указывал на то, что Карфаген относился к бетикам с большим уважением. Приняв во внимание все эти причины, совет решил женить Гасдрубала на оретанской девушке. Неподчинение приказу было бы равносильно предательству. Старейшины дали понять, что у них имеются рычаги давления, и в случае отказа они грозили либо сменить его на посту наместника, либо прекратить поставки дополнительных войск.

Гасдрубал воспринял такое решение как личное оскорбление. Пока Гамилькар и Ганнибал управляли Иберией, Карфаген не смел присылать подобные распоряжения. Он несколько дней буянил в своих покоях, проклиная старейшин за их вездесущее вмешательство. Он кричал, что не подчинится им и устроит бунт. Тем не менее, ему пришлось склонить голову. Родственные связи с оретанами действительно могли улучшить ситуацию. Карфагенскую власть на полуострове было трудно поддерживать даже во время правления Ганнибала. Иберийцы всеми силами сопротивлялись африканскому вторжению. Летом Гасдрубал пытался показать им, что его власть так же крепка, как при Ганнибале, но мятежные иберийцы всюду видели одни лишь недостатки и считали младшего Баркида слабым правителем.

Вот почему, вопреки своим желаниям, Гасдрубал стал женихом на свадебном пиру. Андобалес прибыл в рое суетливой свиты. Его шумные громогласные люди отличались быстрой сменой настроений. Они мгновенно переходили от смеха к разврату, от гнева к величайшей гордости. Сам Андобалес имел крупное телосложение. Он воевал с десяти лет — то с соседними племенами, то с карфагенянами, то с римлянами. Сила буквально изливалась из его массивного тела. Он походил на дикого медведя. Его лицо, с выступающим впе-

ред подбородком и длинным носом, казалось сдавленным некогда двумя камнями. Глядя на него, Гасдрубал ужасался, какую дочь этот варвар мог произвести на свет. К тому времени он еще не видел своей суженой и не имел понятия, которую из нескольких незамужних дочерей Андобалеса ему уготовили в невесты.

По обычаю своего народа, новобрачная вошла в зал в окружении родственниц и на протяжении всей церемонии ни разу не подняла длинной вуали. Как ни разглядывал ее Гасдрубал, он не получил ни малейшего представления о формах тела и чертах лица невесты. Женщины, сновавшие вокруг нее, были разных возрастов. В основном, они были темноволосями и довольно некрасивыми, что еще больше опечалило Баркида. Какая внешность скрывалась под вуалью? А вдруг она больна или уродлива? В приступе пессимизма он предположил, что у его невесты лицо лысой собаки, покалеченной коровы или ее отвратительного отца. Она могла оказаться рябой, прыщавой и беззубой. Она могла страдать стригущим лишаем и диареей. Не так давно Гасдрубал обнаружил на теле одной из ибериек крупную красную сыпь. Что если его невесту тоже наполняли глисты и личинки, пожиравшие ее кишки? Догадки превращались в затянувшийся кошмар.

Невеста и жених сидели на противоположных концах комнаты. Они не сказали друг другу ни слова. Им оставалось только слушать, как гости, один за другим, благословляли их союз. Кельтиберийцы говорили с воинственным пафосом. Они подчеркивали важность родства двух великих народов. Некоторые считали, что благодаря такому браку оретаны получат преимущества перед соседними племенами и смогут продолжить покорение чужих земель. Один из ораторов напомнил о споре с бетиками, но Гасдрубал лишь отмахнулся, не желая открывать дискуссию по сложным вопросам.

Андобалес, сидевший рядом с Гасдрубалом, поднялся с подушек и произнес длинный тост. Сначала он похвалил на-

следственную линию Баркидов и наобум перечислил их дела, не слишком придерживаясь хронологии событий. Он уделил особое внимание Ганнибалу, как будто тот уже был его прославленным родственником. Быстро покончив с этим, он перешел на свою родословную, которая, судя по его словам, началась с союза иберийской принцессы и греческого бога Марса. Он рассказал о подвигах деда, затем отца и, естественно, не забыл упомянуть о своих достижениях, которые включали в себя не только многочисленные военные победы, но и изобилие детей, порожденных им от жен и наложниц.

Последняя реплика заинтересовала Гасдрубала, но вождь вновь удивил его, рывкнув зычным голосом:

— Баяла! Баяла! Подойди сюда, девочка!

Девушка, прикрытая вуалью, поднялась со своего места и направилась к ним через пиршественный зал. Она преклонила колени перед ними — так близко, что Гасдрубал мог коснуться ее рукой. Но ткань по-прежнему ничего не открывала. Из последовавшей речи он понял, что ибериец проводил формальный ритуал. Андобалес сжал их руки своими мясистыми пальцами и, служа посредником между ними, назвал Гасдрубала и Баялу супругами. Отныне, объявил он гостям, два семейства и два народа были связаны навечно.

На этом формальности закончились. Фигура под вуалью скользнула в брачные покои. Гасдрубал провожал ее взглядом, пока она не исчезла из зала. Вождь оретан упал на подушки. Потеряв равновесие, он попытался выпрямиться и оперся на руку Гасдрубала. На какое-то мгновение их лица оказались рядом друг с другом. Воспользовавшись этой близостью, Андобалес решил пошептать с зятем. От него разлило вином и вонью, исходившей от гнилых зубов.

— Я сохранил свою дочь в чистоте. Она девственна! Ты первый войдешь в ее лоно! Наслаждайся ею, мой сын. Наполняй ее живот детьми. Выпусти из нее целую армию солдат. Пусть она станет матерью людей, убивающих римлян!

Услышав новость о девственности невесты, Гасдрубал не испытал особого восторга. Ему нравились развратные и порочные женщины. Тем не менее слова тестя застряли в его голове. Фраза, объединившая секс с победой над Римом, вызвала в его уме ряд неприятных картин. Он даже испугался, что отныне никогда не избавится от образа крохотных и полностью экипированных солдат, выбегавших из чрева девушки, с мечами наперевес и со злобным оскалом на лицах. Он решил последовать примеру Андобалеса и напиться до полного забвения.

Ближе к полуночи, дойдя до занавеси, которая отделяла коридор от брачных покоев, Гасдрубал остановился и прислонился к стене. Вино бурлило в его животе, но не затемняло ясности мыслей. Он тупо смотрел на плотную пурпурную ткань и не смел откинуть ее в сторону. На него нахлынул глупый детский страх. Он не мог переступить порог собственной спальни. Гасдрубал представил себе, что уже возвращается в пиршественный зал — в компанию знакомых женщин и молодых офицеров, с которыми ему всегда было комфортно. Он мог бы сказать им, что уже исполнил супружеский долг и готов продолжить веселье. Но ему не удалось бы уйти от вопросов товарищей, от града их шуток, когда любовницы обнюхают его пах в поисках запаха супруги. Нет, он знал, что не вынесет этого. Как странно! Он обладал абсолютной властью над многими людьми, однако чувствовал себя подвешенным на липкой паутине. Одно малейшее движение могло вызвать дрожь сотен невидимых нитей и привести к невыразимо ужасным последствиям...

Внезапно поток его мыслей был прерван. Женская рука отодвинула занавес и медленно потянулась к нему. Он робко взглянул на жену. Вуаль по-прежнему скрывала ее лицо, но одежда была другой — более тонкой, свободной и почти прозрачной. Он с удовольствием отметил, что у Баялы полная грудь, плоский живот и красивые округлые бедра. Однако

он все еще не видел ее лица и вуаль начинала выглядеть зловеще.

— Входи, супруг, — сказала она тихим и нежным голосом.

Вцепившись в ткань его туники, Баяла втащила Гасдрубала в комнату. Когда занавес закрылся за ними, она опустилась на колени, скользнула руками под его одежду и сжала пальцами вялый пенис. Он даже открыл рот от удивления.

— Извини, — прошептала она. — Я слышала много разных историй о тебе. И мне хочется самой посмотреть на твой инструмент.

С этими словами она приподняла его тунику выше бедер, склонилась ближе и поправила вуаль. После нескольких мгновений осмотра она уважительно сказала:

— Да, боги щедро наградили тебя. И меня, конечно.

Гасдрубал не нашел ничего возбуждающего в этой проверке, но все быстро изменилось. Баяла начала массировать пенис, перемещая пальцы вверх и вниз в поступательной манере и мягко сжимая его между пальцами. Она смазала руки благовонным маслом. Теплая влага способствовала эрекции. Изумленный Гасдрубал не верил своим глазам. Он чувствовал в ее пальцах искусство, превосходившее сноровку всех его бывших любовниц. Баяла действовала сначала одной рукой, затем другой в хорошо поставленном скользящем танце удовольствия. Она быстро довела его член до максимального размера.

Он как бы оказался в новом средоточии своего бытия. Все остальное тело перестало существовать. Гасдрубал вытянул руки в надежде ухватиться за что-нибудь, но они через миг повисли по бокам, подрагивая от наслаждения. Даже пальцы ног подогнулись и напряглись от экстатического возбуждения. Его дыхание сменялось спорадическими стонами, которые следовали в такт с нежными ласками юной девы. Казалось, она обрела над ним полный контроль — даже над его вдохами и выдохами. Естественно, если бы он увидел ее ли-

цо, то чувства стали бы сильнее. Он должен был взглянуть в ее глаза. Сделав усилие, Гасдрубал опустил руку на голову Баялы и сжал в пальцах тонкую вуаль. Подождав, когда утихнет новый спазм наслаждения, он откинул ткань на ее волосы.

Тонкие руки прекратили свое священнодействие. Девушка подняла голову и посмотрела на него. Ее лицо нельзя было назвать красивым. Тонкий нос имел заметную кривизну. Губы не имели той полноты, которую он любил. Высокие скулы придавали лицу изможденный вид. Но ее молодость, ее серые и хитрые глаза возмещали остальные недостатки. Оценив ровные зубы и безупречно розовые десны, Гасдрубал шутливо поднял брови и удовлетворенно причмокнул.

— Привет, жена, — сказал он.

Баяла усмехнулась, найдя фразу абсолютно пригодной для их ситуации.

— Привет, супруг. Прости мою смелость, но я никогда еще не видела мужского члена, подобного этому. Мне рассказывали о тебе множество историй, и теперь я знаю, что все они были правдивыми. Я могу повиснуть на твоём фаллосе и подтянуться пару раз.

Ее слова не рассердили Гасдрубала, но на всякий случай, чтобы пресечь возможные гимнастические упражнения, он сказал:

— Все верно. Только не делай этого сейчас.

Ресницы Баялы вопросительно затрепетали.

— Почему ты выглядишь таким удивленным, мой муж?

— Твой отец...

— Он меня совсем не знает. Я не согласилась бы на этот брак, если бы мои вкусы не совпадали с твоими.

Баяла прижала верхние зубы к головке пениса и скользнула языком по крайней плоти. Гасдрубал уже понял, что их союз может научить его многим новшествам. Конечно, в ее словах прозвучало излишнее для женщины высокомерие,

которого он не одобрял, но губы Баялы заставили его забыть об этом. Их брак, несмотря на мрачные ожидания, внезапно оказался подарком богов.

* * *

Узнав, что Ганнибал продвигается по суше и пытается перейти через Альпы, Корнелий Сципион предпринял решительные действия. Он послал депешу Гнею и велел ему напасть на карфагенскую Иберию. В свою очередь Корнелий и Публий решили вернуться в Италию, чтобы возглавить римскую армию в Галлии. Консул покинул иберийский легион, оставив вместо себя родственника, чей статус не был утвержден Сенатом. Он самовольно направился на север Италии, чтобы лично сразиться с Ганнибалом. Такое превышение служебных полномочий стало беспрецедентным событием в истории Рима. Но он не мог поступить иначе. Корнелий понял, что недооценил Ганнибала. Он хотел исправить ошибку и сократить возможный ущерб.

Пока отец и сын находились в пути — сначала на боевом корабле, затем на конях и чуть позже на речной барже, — тревожные вести, одна за другой, приходили к ним из северной Италии. Ганнибал спустился с гор и обосновался на землях, населенных галлами. Его люди были истощены, оборваны и слабы. Эта новость радовала Корнелия лишь несколько дней, пока он не узнал, что Ганнибал напал на столицу Тауринии. Так получилось, что его появление в Галлии совпало с войной, которую Таурин вел с инсабрами. Ганнибал вызвался помочь галльскому племени, но инсабры не желали присоединиться к его армии. Несмотря на их отказ, африканец взял город за три дня. Он приказал казнить всех взрослых мужчин, а женщин и детей продал в рабство.

Его нумидийская кавалерия совершала дальние набеги на другие галльские поселения — даже на деревни инсабров,

которые считали себя его союзниками. Безжалостные всадники убивали людей, присваивали их зимние припасы и в каждой стычке демонстрировали свое неизменное превосходство в ратном деле. Они заезжали так далеко, что несколько раз пугали римский гарнизон в Плацентии — в одном из нескольких городов, которые римляне контролировали в Галлии. Нумидийцы подъезжали к стенам крепости — в одиночку или небольшими группами — и вызывали солдат на бой. Впечатленные их храбростью и разочарованные трусостью римских легионеров, пятьсот галльских ополченцев подняли ночью бунт и дезертировали к Ганнибалу. Многие из них в знак своей верности привезли ему головы римских воинов.

Хотя советники консула ссылались на это как на очередное доказательство карфагенской алчности и беспричинной грубости, Корнелий нашел в действиях Ганнибала убийственную логику, которая привела его в замешательство. Африканский полководец не просто занимался грабежом. Каждый его выпад наносил двойной удар. Захватив Таурин, он пополнил свои истощившиеся припасы, поднял дух солдат и придал им уверенность, обеспечил их пищей, сексом, сокровищами, одеждой и оружием. Он дал им в услужение тысячи рабов. Вместе с тем захват города показал всем галльским племенам, насколько мощной была армия Ганнибала. При таких условиях Корнелий терял свои позиции в северной Италии. Но почему африканец нападал на инсабров? Корнелий знал, что у этого племени был римский ум. С их переменчивой природой они сто раз могли пересмотреть свои обещания, данные Ганнибалу. Вполне возможно, инсабры решили дожидаться встречи двух армий, чтобы затем выбрать сторону победителя. Вряд ли наказание Ганнибала исходило от гнева. Он давал им понять, что предпочитает рассматривать их как достойных союзников или побежденных врагов, но не как сторонних наблюдателей. В этом тоже не было безумия, а только холодная логика.

Когда речная баржа доставила их к Плацентии, они сошли на берег, сели на коней и помчались к крепости. К вечеру их отряд уже пересекал поле, примыкавшее к границам аванпоста. Корнелий спешил въехать в город и приветствовать армию. Он хотел собрать офицеров, чтобы наладить с ними отношения и завоевать их доверие. На расстоянии крепость выглядела впечатляюще. Она располагалась на высоком холме. Палаточный лагерь, разбитый под крепкими стенами города, тянулся до кромки полей, на которых шла уборка урожая. Консул с удовлетворением заметил, что зерновые поля уцелели. Вскоре эти припасы могли понадобиться армии.

Однако, когда он подъехал к палаткам солдат, в его сердце проник страх. Он не сразу понял, что предстало перед его глазами. Все казалось обычным, если не считать подавленного настроения, царившего в войсках. Небольшие костры дымили на ветру. Люди сидели у огня, пригибая головы и сутуля плечи. Казалось, что они собрались на траурное мероприятие. Солдаты почти не разговаривали. Никто не смеялся и не занимался силовыми упражнениями. Даже ткань палаток обвисла, словно зачахла от жаркого и трудного лета. Он знал, что остатки легиона пережили несколько серьезных столкновений и едва не потерпели поражение от галлов. Теперь, в конце боевого сезона, они с трудом держались на ногах от физического и морального истощения. Судя по всему, их напугали слухи о действиях Ганнибала. Но на лицах многих солдат Корнелий увидел и другие эмоции. Эти люди вели себя так, словно только что услышали пророчество о собственной смерти.

Консул так бы и проехал в крепость незамеченным, если бы один центурион не узнал его. Он прокричал слова о появлении старшего офицера, и остальные солдаты приняли эту новость довольно скептически. Они неохотно поднимались на ноги. В их действиях не было той бодрости и дисциплины, которая нравилась Корнелию.

— Всем вольно, — крикнул он. — Отдыхайте пока. Мне вскоре понадобятся ваши сильные руки.

В тот же вечер консул написал несколько писем. В одном из них он просил, чтобы Сенат незамедлительно отозвал в Италию другого консула, Семпрония Лонга. Армия в Галлии не была готова к решению задач, возникших вопреки их прежним расчетам. В его распоряжении оказалась кучка уставших ветеранов и пополнение из необученных рекрутов, которые едва могли шагать в ногу. Им не удастся противостоять Ганнибалу — особенно, если тот наберет наемников из галльских племен. Первоначальный план, согласно которому Семпроний направлялся в Африку для осады Карфагена, потерял свой смысл. Сейчас Рим должен был отразить иноземное вторжение на земли Италии. Второе письмо Корнелий адресовал Семпронию Лонгу. Оно начиналось следующей фразой: «Мой друг и дорогой товарищ, лети ко мне, как только прочитаешь эти строки, ибо гром Ваала уже гремит над нашей страной».

* * *

В воздухе за плотной тканью палатки стоял слабый запах чая. Небольшой костер горел в яме, выкопанной в земляном полу. Меланхоличная атмосфера, царившая внутри помещения, соответствовала низким облакам на небе и безделью прошлой недели. Все беды перехода через Альпы успели забыться. Первое знакомство армии с местными племенами не принесло особых забот. Даже захват Таурина и набеги на галльские селения казались теперь далекими воспоминаниями. Враг, к которому они стремились, по-прежнему соблазнял их своей недоступностью. В один из дней Ганнибал собрал армию близ Плацентии и предложил римлянам сразиться по всем правилам боя. Но они простояли на поле до вечера и не получили никакого ответа. Теперь Сципион раз-

бил лагерь на дальнем берегу Тицинуса. Близость противника лишь увеличивала его осторожность. Он боялся оказаться захваченным врасплох. Тем временем Ганнибал замыслил великую битву.

— Давайте повторим все заново, — сказал он офицерам.

Он бросил сухую маслину в рот и пожевал ее зубами, пытаясь смягчить этот ссохшийся плод и превратить его во что-нибудь съедобное. Хруст маслины на зубах заставил Магона и Карфало поднять головы от схемы боя, которую командир начертил кинжалом на прокопченной столешнице. В основе рисунка лежал удивительно точный набросок римской формации или типового расположения войск легиона. Бостар стоял в двух шагах от стола, а Бомилькар валялся на кушетке. Этот крупный мужчина разлегся, словно на отдыхе, хотя его нахмуренные брови выдавали боль и раздражение, вызванные недавно полученной серьезной раной.

Ганнибал уже несколько дней страдал от сильного кашля. Боль в горле была такой, что при каждом глотке ему казалось, будто в его гортань вонзался тупой и ржавый нож. Его попеременно бросало то в жар, то в холод. Зрение стало чувствительным к свету. Когда командир по утрам вставал с постели, мир покачиваться перед ним, словно он плыл на корабле по морю. Болезнь тревожила скорее его ум, чем тело. Он привык к физической боли, и кашель не шел ни в какое сравнение с боевыми ранениями. Однако сам факт, что он подвержен болезни, казался ему поражением — опровержением всей его дисциплины. Во время перехода через Альпы и в последующие дни он часто вспоминал уроки отца, его бесценную мудрость, полученную от Ксантиппа — спартамца, который командовал карфагенской армией в прошлой Пунической войне. Ксантипп говорил, что солдату достаточно игнорировать плохую погоду, чтобы одолеть ее. Лишь человек, приученный к комфорту, позволял плохому настроению входить в свое тело. Боги с благосклонностью смотрели на сто-

иков и презирали людей со слабой волей. Ганнибал считал такие размышления достаточно верными. До определенного момента они неплохо служили ему. Он редко болел в зрелой жизни, и ни один недуг не приковывал его к постели. Естественно, он чувствовал недомогания, но безропотно терпел гнев стихий, усталость и боль. Он обзавелся палкой внутри разума и бил ею по любой части тела, которая проявляла слабость — без всякой жалости к себе, как бил бы бешеного пса. Тем не менее болезнь нашла в нем место и вонзила в него зубы. У него даже появилось совсем немужское желание оказаться в компании Имилце, которая могла бы пожалеть и приласкать его. Вот почему он изгонял ее образ каждый раз, когда тот всплывал в памяти.

Проглотив маслину, он начал пояснения:

— Легион состоит из четырех тысяч солдат. Он поделен на десять манипул по четыреста воинов в каждой. Три шеренги манипулы располагаются так, чтобы между ними сохранялось пространство для отхода или перестановок солдат. Первыми в бой вступают велиты. Они вооружены дротиками, небольшими щитами и мечами. Велиты обычно набираются из бедных горожан, и по этой причине они не имеют доспехов. Первая линия пехоты создается из опытных копейщиков. Их доспехи состоят из шлемов и легкой брони. В нужный момент они метают пилумы — своеобразные копья. Такие скоординированные броски застают противников врасплох и сминают их передние ряды. Если враг не поддается, копейщики отступают за вторую шеренгу и вновь атакуют противника пилумами, а затем берутся за мечи. Они не делают широких взмахов — просто сбивают в сторону оружие противников своими круглыми щитами и наносят удары в открывшиеся места. Никакой лишней траты сил, но их тактика вполне эффективна для ближнего боя. Затем в сражение включается третья шеренга, состоящая из закаленных ветеранов — триариев. Они обычно заканчивают то, что начали первые

шеренги и могут вступить в сражение в любой момент по сигналу трубы. Манипулы действуют почти в полном молчании: без хвастливых криков и улюлюканья. Они выполняют команды, которые поступают от консула через трибунов и далее через центурионов. Последних в легионе около шестидесяти. Эти воины всегда готовы выполнить приказ без суеты и колебаний. Во всяком случае, мне так описали римскую формацию.

Бомилькар хохотнул.

— Всегда готовы выполнить приказ... Такое мог сказать лишь человек, ни разу не участвовавший в битве. Ты нарвался на какого-то идиота.

Ганнибал стоял у стола, разглядывая нарисованную схему.

— Где слабость в этой конфигурации?

Магон посмотрел на Карфало и движением бровей дал понять, что уступит ему слово, если тот захочет что-то сказать. Однако лейтенант кавалерии нахмурился и перевел взгляд на рисунок. Генералы уже обсуждали эту тему несколько раз, и каждый из них, включая командира, знал, что тактика, которую они собирались противопоставить легиону, не отличалась особой эффективностью — по крайней мере, в схематическом изображении. Римская формация была более гибкой, чем фаланга, более дисциплинированной, чем орды варваров, более технологичной, чем разъяренные слоны. Некоторые генералы утверждали, что развитие этой боевой структуры позволило римлянам отказаться от старого обычая сезонных битв и начать покорение соседних земель на постоянной основе. Фактически они победили всех ближайших врагов — в том числе большинство карфагенских командиров, воевавших в Первой Пунической войне, и даже Пира Эпирского, чья армия в те годы считалась абсолютно неудержимой. Ганнибал возлагал все надежды на ливийских ветеранов, которые могли выстоять один на один против любого противника, известного в мире. Но они составля-

ли только малую часть армии и уступали в количестве слабо обученным иберийцам и непроверенным галлам.

— Надеюсь, ты укажешь нам ее, — в конце концов произнес Магон. — Лично я не могу найти изъяна.

— И я не могу, — ответил Ганнибал.

Он резко закашлял. Прочистив горло, командующий провел пальцами по губам, как будто смахивал боль.

— Если солдаты хорошо обучены, то эта формация непобедима. Фаланга похожа на бронированного оцетинившегося быка. Однако римлянам удалось создать существо с множеством глаз и рук. Возможно, мы не победим их в открытом бою, если только ход событий не будет благоприятен для нас. Хотя дисциплина может оказаться не только достоинством, но и недостатком. Римляне всегда действуют так, как их учили — при любых обстоятельствах, которые они встречают или ожидают. Поэтому мы должны предложить им нечто неожиданное. Нам нужно заставить их сражаться на наших условиях. От нас потребуются разумная хитрость и непредсказуемость.

Бомилькар выждал паузу и обратился к командиру:

— Такой разговор имел смысл прошлой зимой в Новом Карфагене. Но что толку болтать об этом сейчас? Как мы можем предсказывать маневры врага, с которым еще не сражались? Объясни мне, зачем все эти пересуды?

Бостар смущенно посмотрел на Ганнибала, затем на Бомилькара. Его лицо было обморожено больше, чем у остальных. Кончик носа и щеки все еще сочились лимфой и гноем. Синхал приготовил ему особую мазь для лица. Но вряд ли египтянин знал, как лечить обмороженную кожу.

— А ты что предлагаешь? — спросил он.

— Идти на Рим, — ответил Бомилькар. — Он к югу от нас, и там тепло. Разве мы пришли сюда не ради Рима? Я никогда не видел, чтобы наш Ганнибал колебался. И мне не хотелось бы увидеть это сейчас.

Командир повернулся к раненому генералу и бросил на него опасный взгляд, который еще не был гневным, но легко мог стать таковым. Он недавно подстриг бороду, поэтому каждый заметил, как раздраженно поджались его губы.

— Я обдумаю твои слова, — сказал он. — Теперь прошу всех оставить меня! Вы знаете, в какой ситуации мы оказались, поэтому оценивайте ее самостоятельно. Идите и займитесь своими делами.

Оставшись один в задымленном помещении, командир сел на стул и подтянул к себе походный стол. Конечно, Бомилькар был прав — по крайней мере, им следовало форсировать компанию до наступления зимы. Их нынешнее положение мало чем отличалось от того, что он прогнозировал в тепле Нового Карфагена. Ганнибал знал, что не все пройдет так гладко, как мечтали многие люди — даже без учета смертельной пошрины, которую они заплатили на горных перевалах. Но в глубине души он лелеял детские мечты о великой и быстрой победе. Он верил — причем, даже сейчас, — что римляне, потерпев несколько крупных поражений, предложат ему мирный договор. В последние годы они награбили столько богатств, что было бы глупо потерять их в бескомпромиссной войне.

Ганнибал поднял перо и обмакнул его в чернила, затем перебрал стопку листов, оставленную Силеном, и отыскал в ней чистый пергамент. Он не имел понятия, о чем будет писать. В нем жила надежда, что первая пара строк принесет ему вдохновение и что давление пера на папирус поможет оформить мысли. Но когда его рука легла на лист, слишком большая для пера и неловкая в начальных движениях, он написал совсем иное.

«Любимая Имилце».

Взглянув на слова, он попытался вникнуть в них и вспомнить образ, стоявший за ними.

«Мне доставляет удовольствие писать твое имя и тихо шептать его губами. Здесь, в походной палатке, в холодной Галлии, оно как откровение. Когда я вспоминаю, что ты живешь в этом мире...»

Он остановился, поскольку поток сентиментальных слов вдруг начал сминать его волю. Напор чувств был почти неодолимым. Ему хотелось облегчить свою душу, открыться ей, как той единственной женщине, которая представляла собой огромную часть его жизни и в то же время была отдалена от повседневной и утомительной работы. Однако он не мог потакать такому желанию — по многим причинам. И, главное, он не мог позволить мягким мыслям подтачивать его военный ум. Поэтому, вопреки всем порывам души, Ганнибал написал ей другую правду.

«...Я напомню тебе, почему начал эту кампанию. Я воин с ног до головы, но мне не нравится быть разлученным с тобой. Победы не влекут меня так сильно, чтобы я забыл о более нежных сторонах нашей жизни. Поверь мне, даже Ганнибал тоскует о любви...»

Он прижал руку ко рту, кашлянул и проверил ладонь. На ней ничего не осталось. Взглянув на написанные строки, Ганнибал нахмурился. «Тоскует о любви»? Перо нерешительно повисло над пергаментом. Ему захотелось зачеркнуть последние строки, заменить их значение на другое. Глупо писать жене любовное письмо. Но не писать его он тоже не мог. Это казалось сродни богохульству. Правдивые на вид слова несли в себе обман. Ему не удавалось сложить их друг с другом. Подумав немного, он решил рассказать ей о ходе кампании. Он мог бы написать, что они прошли через горы без потерь, однако такая фальшь коробила его мужскую гордость. Ему хотелось бы похвастать военными победами, но они еще не совершили ничего серьезного. Перечисление дистанций, потерь солдат и припасов, банальные фразы о верности и добле-

сти — все это звучало бы для нее как невразумительный лепет мужчины, еще одна кошмарная история бессмысленных страданий. В крикливой роскоши Карфагена такие признания не нашли бы отклика. Он не мог подобрать выражения, чтобы вкратце описать войну. И ему не хотелось загружать ее ум военными проблемами. Ганнибал выбрал новую линию мыслей.

«Как поживает Маленький Молот? Наверное, он уже начал говорить. Это кажется чудом, но речь приходит к каждому из нас. Не позволяй ему расти в неге, пока меня не будет рядом с вами. Сейчас он только ребенок, но вскоре станет мужчиной — причем быстрее, чем мы можем вообразить. Отдай его в обучение греку. И найми в наставники для него мастеров меча и лука. Даже самые маленькие мальчики могут стрелять из луков, сделанных по-африкански. Помни, что он дитя Карфагена. Пусть он ежедневно выражает почтение Малькарту, Ваалу и всем богам моего народа. Научи его усмирять вспышки чувств. И еще...»

Ганнибал вонзил перо в папирус, обрывая поток слов. Что он делает? Не прошло и года с тех пор, как он покинул семью. Всего лишь несколько месяцев, где один сезон шел за другим и сливался со следующим. Зачем писать о вспышках чувств, когда его сын еще крохотный ребенок? Зачем вести себя так, словно он воспитывал сына на расстоянии — через слова на листе пергамента?

В палатку вошел Махарбал. Он всегда двигался быстро: как в седле, так и на ногах. Его речь соответствовала чертам лица — острым и прямым, словно острое боевого топора.

— Сципион близко! Если он нужен тебе, то мы можем сразиться с ним сегодня.

Ганнибал уточнил детали. Нумидиец ответил, что один из его всадников увидел римлян, перемещавшихся по этой стороне реки. Большой отряд разведчиков состоял в основном из кавалерии. За ними следовали пехотинцы и копей-

щики. Они находились неподалеку, хотя пешие солдаты могли вернуться через понтонный мост, наведенный ими через Тицинус.

Ганнибал принял решение молниеносно. Оно последовало сразу за докладом Махарбала. Командир велел поднять все силы кавалерии, которые они могли собрать без промедления.

— Мы должны действовать быстро, — сказал он. — Ударим по римлянам и отведаем вкус их крови.

Вскочив на ноги, Ганнибал схватил недописанное письмо, прихлопнул его тыльной стороной ладони и сжал в пальцах пергамент. Он швырнул скомканный лист в огонь костра и уверился, что тот сморщился от жара и сгорел в красноватом пламени. В любом случае, его любовное послание было ошибкой. Размышления усталого ума в мгновение слабости. Все это осталось позади. Командующий вышел из палатки в промозглое утро и начал отдавать приказы.

И так случилось, что через несколько часов он увидел римское войско своими глазами. Перед ним на поле трепетал штандарт римского консула. Воздав хвалу богам за предоставленную возможность, он проявил свою благодарность решительными действиями. Ганнибал приступил к покорению страны, и он знал, как ему следовало действовать.

* * *

Корнелий Сципион участвовал во многих битвах. Он всегда сражался с завидным умением и верил, что будет побеждать врагов до самой смерти. Но после схватки у Тицинуса он лежал на походной койке в пекле кошмаров и угрызений совести, стараясь понять, что привело его к такому поражению. Битва началась слишком быстро, ее перелом наступил совершенно внезапно, и исход был решен с невероятной скоротечностью. Карфагенская конница пошла в атаку, велиты

метнули дротики, две силы встретились, и меч вонзился в мягкую плоть под его поднятой рукой. Затем африканцы напали с тыла, битва быстро превратилась в дикую свалку, кто-то сдернул его с коня, и он упал в грязь. Над ним проносились какие-то тени, и лошадиные копыта падали с небес, нанося удары в лицо и грудь, по голове и по рукам. Ему выбили три зуба, и теперь вся челюсть стала разоренным гнездом боли. Хирург перепеленал ее бинтами и запретил ему говорить. Отныне он отдавал лишь письменные распоряжения и отвечал на вопросы кивками или покачиванием головы.

Через два дня ему рассказали, с каким трудом спасли его жизнь и что он должен был благодарить за это Публия. Когда ветер битвы переменился, юный Сципион сражался неподалеку от консула. Он увидел, что отец получил ранение и упал с коня в кипении рукопашной схватки, которую вели пешие воины. Юноша приблизился к нему, насколько мог, кромсая каждого, кто хотя бы отдаленно походил на иноземца. Через какое-то время Публию пришлось спешиться. Он карабкался едва ли не ползком между ног лошадей. По пути он вонзил клинок в глаз одного африканца и перерезал поджилки другого. Наступив на упавшего мужчину, Публий прижал ногой его шею и дождался, когда крик ярости нумидийца утонул в грязной жиже, взбитой ногами солдат. Лихой ибериец снес бы ему голову широким взмахом кривого меча, но Публий пригнулся и, поскользнувшись, упал на спину. Клинок просвистел в трех дюймах от его лица. Второй удар мог оказаться смертельным, но варвар скрылся в хаосе сражения.

Отыскав отца, Публий опустился на колени. Он отогнал кобылу, стоявшую в опасной близости к нему, и приподнял на изгибе локтя избитую голову консула. Замахав мечом, он прокричал призыв на нецензурной латыни, которую его отец часто использовал в битве. Небольшой отряд триариев услышал его крики. Они образовали кольцо вокруг раненого кон-

сула. Публий поднял отца на свои плечи и под охраной солдат вынес его с поля боя в тыл римских войск.

Такой была история, приключившаяся с консулом. Естественно, Корнелий радовался своему спасению и гордился тем, что этот случай окрасил лучами славы его сына. Но горечь печали оставалась, поскольку он узнавал о событиях битвы из уст других людей. В те лихорадочные дни он выслушивал оправдания своих генералов, которые пытались объяснить ошибки, допущенные ими в сражении. Их противоречивые отчеты еще больше смутили его. Окончательная ясность пришла к нему от разведчика, который описал битву так, как он видел ее с высот на западных холмах при возвращении с ночного патрулирования.

Две войска встретились с равной решительностью, объяснил разведчик. Карфагеняне значительно превосходили по численности римский отряд. После того как всадники врезались в ряды друг друга, они спешили и сражались среди испуганных лошадей. Ничто не казалось странным, пока отряд нумидийской кавалерии, находившийся в тылу карфагенского войска, не умчался с поля боя. Они поскакали к югу, делая вид, что покидают битву, но через некоторое время развернулись обратно и узкой колонной направились на запад прямо в тыл римской конницы. Основная схватка продолжалась без больших перемен, но карфагеняне растянули линию боя, обходя римлян с севера. Со стороны казалось, что малочисленные группы африканцев пытались нападать на северный фланг, и римляне, сопротивляясь, вытягивались в линию, формируя изогнутый и узкий фронт.

Наблюдая за центральной битвой, разведчик временно забыл об отделившемся отряде кавалерии. Когда он оглянулся, чтобы отыскать их снова, они оказались на холмах прямо за спинами римских всадников. Нумидийцы петляли среди деревьев и скрывались за высоким гребнем. Они скапливались, словно опухоль, напоминая волну, которая вот-вот

должна была выплеснуться на берег. Затем они помчались вниз по склону плотным клином и напали сзади на римлян, которые оказались неподготовленными к такому развитию событий.

Через миг разведчик увидел, что штандарт консула пошатнулся и исчез в куче тел. Тогда он пришпорил коня и помчался галопом к полю боя, чтобы чем-нибудь помочь своим братьям по оружию. Он больше не видел общей картины битвы. Но он мог рассказать кое-что еще. Разведчик недоумевал, почему обходной маневр нумидийцев остался незамеченным. Это казалось ему настолько загадочным, что он заподозрил здесь вмешательство богов, намеренно скрывших передвижение большого конного отряда. Лишь осмотрев на следующий день всю прилегающую местность, он понял, что нумидийцы умело использовали черты ландшафта — узкий овраг, низины и хребты холмов. Казалось, что они построили на этом весь план боя. Но мог ли Ганнибал учесть такие позиционные тонкости и столь точно извлечь из них выгоду?

Поздним вечером Корнелий снялся с места и направился с остатками своего отряда в Плацентию, разрушив по пути понтонный мост на Паде. Ганнибал последовал за ним, построил новый мост и через несколько дней вновь собрал свою армию на открытом поле. Он вызвал консула на бой, но тот отказался сражаться. Издерганный и встревоженный, Корнелий ожидал, когда к нему на помощь придет Семпроний Лонг. Второй легион подоспел достаточно быстро.

Лонг прибыл на взмыленной лошади, задыхаясь от быстрой езды. Он заявил, что наткнулся на отряд нумидийской кавалерии и привел их в паническое бегство. Вместо хвальной храбрости африканцев он увидел только крупы их коней. Эти так называемые солдаты показали свою истинную природу, когда встретились с превосходящими силами противника. Лучники Семпрония убили нескольких нумидийцев и оставили их трупы для диких животных.

— Эти ублюдки уже бегут без задних ног, — сказал Семпроний. — Еще один удар, и мы опрокинем их на спину.

Рассматривая его лицо, Корнелий видел все те же знакомые ему черты: щетину на щеках, близко посаженные глаза и рубчатый шрам от детской раны на подбородке. Но в них появилось что-то новое. Он отметил приподнятые в гневе брови и гордую ухмылку на губах. В глазах Семпрония сияло неприкрытое превосходство. Вместо ожидаемой радости от прибытия боевого товарища Корнелий почувствовал новое беспокойство, которое лишь нарастало при каждой их последующей встрече.

Новости приходили к ним одна за другой, и все они не сулили ничего хорошего. Они узнали, что римский склад в Кластидии содержал четыреста слитков золота. Карфагеняне, захватив их вместе с другими припасами, получили неплохой подарок. После недолгих колебаний к Ганнибалу прикнули еще несколько галльских племен. К нему присоединился многотысячный отряд восточных бойев, тем самым еще больше увеличив карфагенскую армию. Семпроний чувствовал себя, как голодный волк, жующий шкуру. Наблюдая за старым другом, Корнелий не понимал его беспечности. Сидя на койке, он вновь и вновь призывал второго консула к терпению и осторожности. Он доказывал ему, что галлы, слетавшиеся сейчас к Ганнибалу, покинут его к середине зимы. Римская сторона и без того серьезно пострадала, чтобы подставлять ее под новый удар из-за сомнительной победы.

— Пусть Ганнибал пытается сражаться зимой, — резюмировал он. — Тем временем мы приведем нашу армию в действительную боеготовность и встретим его весной на пике физической формы.

Однако Семпроний не желал прислушиваться к его советам. Он сидел, ощупывая пальцами свой шрам — абсолютно безучастный к увещаниям избитого коллеги. Он даже высказал мнение, что ум Корнелия затуманен недавно пережи-

тыми муками. Семпроний хотел решительных атак и быстрого возмездия, пока Ганнибал не создал в Галлии надежный оплот. Каждый час, который африканец проводил на итальянской земле, являлся оскорблением для римских богов. По разумению второго консула, единственно правильной тактикой был только прямой курс действий, поскольку именно он выражал в себе истинный и несгибаемый римский дух.

По ходу этих споров армия меняла позиции, перемещалась по пересеченной местности и все больше приближалась к расположению карфагенских сил, которые, казалось, владели теперь всей Галлией и не желали уступать ее с миром. По римскому обычаю, когда два консула объединяли силы, они управляли армией попеременно через день. По четным дням Корнелий отступал и проявлял осторожность; по нечетным — Семпроний быстро продвигался вперед. По его указанию, новый лагерь возвели вблизи Требии. И именно здесь, у этой реки, на рассвете Семпроний ввязался в битву, которая, как он верил, должна была принести ему победу.

* * *

Следуя приказу, полученному прошлым вечером от самого Ганнибала, Туссело и другие массилиоты поднялись за несколько часов до рассвета. Это был своеобразный подвиг, потому что ночь оказалась ужасно холодной. Он никогда еще не видел такой отвратительной погоды — даже в горах. Сырой воздух покрыл землю инеем, и мороз уплотнил дыхание до состояния, подобного эфиру. Туссело торопливо отыскал один из лагерных костров и, нахохлившись над ним, подкрепился мясом овцы, убитой прошлым вечером. Как и все другие солдаты, он натер лицо, руки и ноги жиром. После этого холод уже не казался таким жестоким.

Настроение прибавило и то, что рядом с ними находился Ганнибал. Он ходил среди костров, подгонял массилиотов и

громко шутил, что самые лучшие дни начинаются с раннего рассвета или с убийства врага. В тот день римской армией командовал еще не битый консул. Он вел себя так неосторожно и нетерпеливо, что сам запрашивался на поражение. Ганнибал уже придумал план боя. Однако он сказал, что победа зависит от точного выполнения их задачи.

Однажды командир прошел у костра, рядом с которым сидел Туссело. Он похлопывал солдат по плечам, поправлял их шлемы и звал на подвиги. Он напоминал мужчинам, что они находятся вдали от дома, на земле врага. О них будут судить по нынешнему дню. Этой проверки не избежать; ее не обойти. Сейчас их жизни на весах богов. Сегодня они могут обрести величайшую славу. Богатства, о которых они мечтали в начале похода, теперь на расстоянии руки. Рим ждет их на юге. Это жирное животное с тревогой смотрит на север и пытается понять, на что способна армия Ганнибала.

Когда Туссело сел на коня, его живот был полным и теплым. При быстрой езде это грозило заворотом кишок, но Ганнибал хотел, чтобы в такое холодное утро в каждом из них горел свой собственный костер. Голос командира удалялся и тускнел. Туссело хотел бы задержаться и послушать его еще немного. Он, как и другие солдаты, был очарован их вождем. Но перед ним стояла важная задача, и он должен был выразить свою преданность с помощью конкретных действий.

Тысячи всадников выехали в ночь — все темнокожие, сытые, блестящие от жира на коже, многие с густыми космами волос. Они поскакали через лес. Их лошади, быстрые и шумные на открытых пространствах, теперь вели себя осторожно, проворно перескакивая через стволы упавших сосен. На краю рощи каждый воин собрал несколько сухих ветвей. Некоторым пришлось спешиться, чтобы поднять их с земли, остальные обламывали ветви с деревьев. Они крепко сжимали их в сильных пальцах, словно копыя и дротики.

На поляне у ближнего берега Требии массалиотская конница встретила разведчиков, которые прибыли сюда раньше них. Ими командовал генерал Бомилькар. Он вышел из своего укрытия и молча указал рукой на брод. Всадники свернули в нужном направлении. Камни на берегу реки были покрыты ледяными шапками и кристаллическими кольцами, вылизанными быстрым течением. Туссело подавил свой страх и заставил лошадь зайти в воду. Он стиснул зубы, когда холод коснулся его ног, и прошептал проклятие, когда вода добралась до его искалеченных гениталий. Услышав вздохи других людей, он понял, что им тоже не сладко.

Вскоре они выбрались на дальний берег. Копыта, ударяя по камням, издавали приглушенное клацанье. Встревоженные лошади нервно дрожали. Короткий галоп вывел их к краю римского лагеря. Они выскочили из-за деревьев в парящем облаке тумана и растянулись в линию на поле с высокой травой, где каждый стебель сгибался в тонкую дугу под весом ледяных наростов. За полем начинались римские укрепления: земляные валы попеременно со свежесрубленными деревянными заслонами, дозорные башни и тысячи заостренных кольев, наклоненных вперед и вверх, словно зубы огромного зверя. Лагерь спал. От небольших костров поднимались тонкие жгуты дыма, которые растворялись в бледной серости неба под низкими тучами. Осмотрев эту сцену, нумидийские всадники молча и медленно двинулись вперед, выходя на дистанцию броска.

Тишина и спокойствие закончились. Их заметили. Из лагеря донеслись крики дозорных, подхваченные звуками горнов, которые предупреждали солдат о приближении неприятеля.

Нумидийцы ждали команду Махарбала. По первому окрику его громкого голоса они начали психическую атаку, о которой договорились заранее. На исковерканной латыни они насмеялись над римлянами и призывали их выйти на поле, чтобы показать себя мужчинами. Они называли их аппетит-

ными мальчишками, женщинами и козлотрахами. Африканцы предлагали им сексуальные услуги, массаж анальных отверстий и открытых ртов — все то, что, как они слышали, радовало римских воинов. Они метали в них снаряды — не копья и не дротики, а сухие ветки, которые собрали в роще. Для разжигания гнева им не требовалось другого оружия.

Сначала римляне спешно готовились к обороне лагеря. Но когда в их сторону полетели ветки и оскорбления, тревога солдат сменилась удивлением. Из-за зубчатых стен стали появляться головы. Они были так близко, что Туссело мог видеть открытые от изумления рты, испуганные лица и нарастающий откровенный гнев. Римляне начали выкрикивать ответные оскорбления. Они жестикулировали и бросали назад шутовское оружие. Они поднимались на земляные валы и, стоя во весь рост, подзывали африканцев поближе. Затем они вспомнили о своем смертоносном потенциале и начали доставать луки и копья.

Сотни дротиков взлетели вверх. За ними последовали стрелы. Нумидийцы начали падать наземь. Одна лошадь, лишившись седока, тут же была ранена в бок. Она повалилась на спину и с мучительным ржанием стала бить ногами воздух. Стрела из римского арбалета попала в грудь всадника, гарцевавшего неподалеку от Туссело. Сила удара сбила его со спины коня и швырнула в гущу замороженной травы. Поле постепенно превращалось в кладбище — в ковер из мертвых тел на вытоптанной ниве, окропленной кровью. Махарбал просигналил людям оттянуться назад — на небольшое расстояние и только для того, чтобы сделать их приманкой в ловушке.

* * *

В тот день армией командовал Семпроний. Проснувшись, он первым делом подумал о том, что должен как-то воспользоваться этим. Когда консул услышал о нумидийских шутах,

он счел их действия невыносимым оскорблением и приказал солдатам приготовиться к битве. Семпроний знал, что воины еще не ели, что они толком не проснулись, не приготовили оружие и не оделись, как им того хотелось бы. Но все это было второстепенными деталями, а враг находился в непосредственной близости, как и его победа над Ганнибалом. Они могли расправиться с африканцами до полудня и затем отобедать прямо в стане врага. Именно так он ответил офицерам, которые выразили ему свое недовольство. Когда Корнелий позвал его к себе в палатку, он отмахнулся от гонца и сказал, что слишком занят. Болтать было некогда. Пусть его старый друг спокойно отдыхает, ибо вскоре опасность, грозившая Риму, будет полностью ликвидирована.

Когда первые колонны солдат вышли из главных ворот лагеря, нумидийцы пришпорили коней, заметались кругами по полю и, выкрикивая новые проклятия, стали показывать римлянам голые ягодички. Наблюдая за этой гнусной выходкой, Семпроний еще больше уверился в близости своей победы. Не прошло и часа, как его армия достигла берега Требии. На дальней стороне консул увидел вражеское войско, ожидавшее их под первыми каплями холодного дождя, который вскоре превратился в мокрый снег. Нумидийцы перебрались через поток. Они кружились на дальнем берегу, словно дикари, похваляясь друг перед другом, гарцуя на конях и выставляя себя героями, как будто добились каких-то успехов. За ними Семпроний разглядел отряды, собранные по этническим и боевым характеристикам: ливийцы, галлы и кельтиберийцы — все, как он ожидал. На переднем фланге ревели и взбивали землю грозные слоны. Они представляли собой серьезную силу. Однако консул уже проинструктировал своих людей целиться в наездников, чья смерть делала животных почти бесполезными и наобум наносящими ущерб обеим сторонам. Карфагенская армия походила на испуганного многоязычного монстра, плохо приспособленного к этой ча-

сти мира. Заметив штандарт Ганнибала, Семпроний удовлетворенно усмехнулся. Африканского командира охранял особый отряд, но консул знал, что скоро негодяй окажется в колодках. Он велел солдатам двигаться вперед.

Легион решительно зашагал к реке. Воины шли с мрачными лицами и со сжатыми от холода зубами. Течение сбивало их с ног. Неровные камни на дне с трудом позволяли сохранять равновесие. Кроме всего прочего, солдатам приходилось поднимать оружие повыше. На середине брода они передвигались по грудь в ледяной воде. Воины поскальзывались и падали, сбивая соседей с ног. Некоторые, теряя точку опоры, роняли оружие и в поисках его ныряли с головой, после чего выныривали, с побелевшей кожей и ошеломленным лицами. После этих передрыг солдаты выходили на берег в промокшей одежде, замерзшие, со сбитым дыханием и опущенным оружием, которое едва держалось в их одеревеневших пальцах.

В воздухе послышалось злое шипение, и первый римский воин упал на прибрежные камни. Почти невидимые снаряды оставляли на шлемах выбоины, ломали ребра, отрывали пальцы и, попадая в глаза и носы, пробивали черепа солдат. Это была работа коренастых балеарских пращников. Они вообще не имели брони. Нанося ущерб на расстоянии, они были одеты в теплые плащи или безрукавки. Насмехаясь над римлянами и выкрикивая ругательства, балеарцы раскручивали камни до невообразимой скорости. Семпроний, одолевший брод на скакуне, приказал своим воинам успокоиться. Он велел им выровнять ряды и не обращать внимания на женское оружие подлых недоносков. Едва эти слова слетели с его уст, камень пращника попал в висок коня, забрызгав лицо консула алыми брызгами крови.

Он спешил и потребовал другую лошадь. Тем временем африканцы начали вторую волну атаки. Несколько тысяч карфагенских копейщиков вышли на дистанцию броска, держа наперевес абсурдно длинные копья. Семпроний приказал

велитам атаковать, но их ответный залп получился ничтожным. Онемев от удивления, он внезапно понял, что его солдаты потратили дротики на нумидийцев, пытаясь сбить их с коней, и мгновениями раньше — на пращников, которые по-прежнему метали камни. Их снаряды проносились над головами и неизменно находили свои цели.

Африканские копейщики приблизились и, оставаясь за пределами римских мечей, начали пронзать солдат, стоявших в передних рядах. Они выбирали произвольные жертвы и обеими руками вонзали длинные пики в животы, в пах или в бедра. Другие целились вверх и короткими тычками кололи лица и тела противников. Когда на них нападали, они, будучи в легкой броне, молниеносно отпрыгивали назад и поражали открытые места атаковавших римлян. Они отошли назад только после того, когда почти вся армия консула перебралась через реку и приготовилась к мощной контратаке.

Семпроний вновь велел солдатам навести порядок в рядах. Он отдавал приказы, выстраивал необходимую конфигурацию войск и был по-прежнему уверен в скорой и блистательной победе. Трусливая тактика врага вызывала у него отвращение. Он громко и цветисто выражал свое презрение Ганнибалу, показывая подчиненным, как нужно относиться к карфагенской армии. Тем не менее консул интуитивно чувствовал, что упустил какой-то важный момент в развитии боя. Он пытался не думать об этом. Он восстанавливал порядок после неожиданных маневров африканцев и верил, что неукоснительная дисциплина в рядах обеспечит ему победу. Но когда Семпроний услышал трубный рев слонов и увидел стадо, мчавшееся к ним, — когда он стал свидетелем того, как каждое животное за один проход давило по четыреста солдат и превращало их в кровавую кашу, — в его теле, в самой нижней части живота, образовался узел страха, который пульсировал от осознания того, что события складывались вопреки его желаниям.

* * *

Хотя Магон лежал на земле, неподвижный и замерший с самых темных часов ночи, его сердце стучало в груди так, словно он уже сражался в битве. Со своей позиции он видел все происходившее. События развивались по плану Ганнибала. Ему хотелось верить в их скорую победу, но он напоминал себе, что потакать ожиданиям необходимо с умом. Тем временем первый римлянин упал на прибрежные камни. Наблюдая за боем сквозь пар дыхания, Магон видел наступление легиона и оборонительные действия карфагенской армии. Он отметил про себя попытку римлян перестроить ряды и предугадал момент, когда велиты выступили вперед, чтобы метнуть дротики. Они шли, шатаясь от усталости. Некоторые были без оружия. Многие падали под снарядами пращников. Кому-то из велитов удалось попасть в противников, однако вместо массированных залпов они произвели лишь одиночные броски. Магон не находил в маневрах римлян грубых промахов. Однако с самого начала было ясно, что сражение проходило на условиях Ганнибала.

Вскоре в бой вступили слоны. Они с ревом вминались в ряды легиона. Погонщики колотили палками по их головам и указывали нужное направление. Солдаты в панике расступались в стороны, взлетали в воздух, гибли под ногами животных и получали ранения от ударов бивнями. Как и все разумные люди, римляне боялись слонов. Тем не менее они пытались противопоставить им силу. Воины вонзали клинки в бока животных, старались выколоть им глаза и колотили мечами по бивням. Несколько погонщиков были сбиты наземь метко брошенными копьями.

Несмотря на урон от топчущих зверей, несмотря на песок и брызги, летевшие в глаза, римлянам все же удалось сформировать ряды фронта. Они по-прежнему теснили карфаген-

ское войско. Их формация была плотной и организованной. Они пригибались вперед и, придерживая щиты у самых тел, пронзали галлов, которые шли на них дикой ордой. Они вспарывали короткими мечами незащищенные животы, выдерживали клинки из тел и наносили новые удары. Римская пехота упорно продвигалась через галльский центр карфагенской армии и с учетом сложившихся обстоятельств демонстрировала удивительную эффективность. Однако против них выступали и другие войска Ганнибала. Нумидийская кавалерия оттеснила римских всадников и вскоре обратила их в бегство. Тыл и фланги легиона остались открытыми.

Это и были те места, куда следовало вклиниться Магону. Он кивнул трубачу, и тот, вскочив на ноги, протрубил сигнал отряду. Окоченевшие от долгого ожидания солдаты поднялись с земли. Многие из них замерзли так, что сотрясались от дрожи. Размахивая мечами и щитами, они начали кричать и петь, возносить хвалу любимым богам или шептать молитвы. Магон зашагал вперед. Он не оглядывался, но знал, что остальные последовали за ним. При первых шагах он едва чувствовал ноги под собой и твердо ставил стопы, укрепляя равновесие. Вскоре ходьба разогрела его. Он слышал за своей спиной звон доспехов и топот ног на промерзшей почве. Первоначально в этом шуме было что-то призрачное, но когда они приблизились к тылам противника, его солдаты вновь обрели голоса. Их челюсти отвисли, рты оскалились, тела налились внезапным жаром. Неблагозвучные крики перешли во время бега в дикий рев. В их рычании не было слов, поскольку оно исходило из более глубокой части мозга, чем та, где рождался язык. Отряду Магона предстояло одолеть довольно значительное расстояние, и бег лишь усилил ярость солдат. Они уже выбирали цели и находили места для нанесения максимального ущерба.

Магон заметил свою первую жертву с сотни шагов. Он побежал к пехотинцу и сразил его круговым ударом, кото-

рый рассек горло солдата до самого спинного хребта. Брызги крови покрыли теплой влагой предплечье и кулак Магона, плотно сжатый на рукоятке меча. Поверженный мужчина даже не понял, от чего он умер. И не он один. Отряд Магона напал на римский фланг, как прожорливая саранча. За несколько мгновений они перебили сотни солдат. Legionеры в центре формации еще не знали, что происходит в тылу. Но они быстро почувствовали нарастающее давление с обеих сторон и первые признаки паники. Их продвижение замедлилось. Вместо полуобнаженных галлов римляне встретили копьей ливийских ветеранов — опытных солдат, недавно отошедших от костров, смазанных жиром и алчущих римской крови. Их вел Бомилькар, чей голос гремел сильнее шума битвы.

Для Магона бой слился в несколько смазанных моментов. Его меч колот и отбивал удары, ноги переступали через мертвые тела, лодыжки напрягались, удерживая его на скользкой земле, на животах, спинах и шеях людей, которые пали в сражении. Он поворачивался, пригибался и кричал во всю мощь своих легких, двигаясь со скоростью, за которой не могла угнаться мысль. Обретенная ярость не ослабевала ни на миг и несла его вперед, как неистового вестника смерти. Позже он вспоминал, как одним ударом меча рассек живот велита. По какому-то импульсу, так и непонятому им, он всадил кулак в распоротое брюхо и вырвал теплые скользкие петли кишок. Смахнув их с ладони, он оттолкнул человека в сторону и набросился на другого пехотинца. Несколько ночей после этой битвы его терзали кошмары воспоминаний, но в пылу тех мгновений он оставался сыном своего отца и братом Ганнибала. Он был воином, который сеял смерть и сражался без раздумий — чистым инстинктом.

Магон одним из первых сбросил римлян в реку. Он чувствовал эйфорию от проливаемой крови. Однако бой не закончился полным разгромом. Во время отступления противнику удалось сохранить относительный порядок. Стоя по

колени в алой воде, Магон услышал сигнал и понял, что Ганнибал приказывал солдатам прекратить сражение. Он стоял, задыхаясь, и смотрел, как остатки двух легионов растворялись в пелене снежной крупы, которая вскоре превратилась в снег. Когда молодой генерал повернулся и оглядел поле боя, он задохнулся от накативших эмоций. Это было отвращение, а не восторг. Он опустился на колени, словно для молитвы, и изверг в реку куски раннего завтрака.

Его первая настоящая битва осталась позади.

* * *

Находясь в сыром застенке в Эмпориях, Ганнон час за часом размышлял об ошибках, которые привели его к пленению. Он не анализировал тактические маневры, с легкостью выполненные Гнеем Сципионом. На самом деле он просто не мог избавиться от воспоминания о своих дрожащих руках в часы, предшествующие битве. Первую дрожь Ганнон почувствовал перед рассветом, когда лежал без сна и думал о своей судьбе. С его руками творилось что-то неладное. Ему попеременно казалось, что их кололи тысячи крохотных игл, что по ним ползали муравьи или что они погружались в ледяную воду и синели от холода. Он подкладывал ладони под ягодицы и согревал их теплом тела, но, встав с постели, по-прежнему ощущал дрожь в руках, которая отнимала все его силы.

При встрече с генералами он попытался скрыть свою проблему. Однако они быстро заметили, что их командир не притрагивался к предложенным ему картам. Он попросил одного из подчиненных взять палку и нарисовать на земле схему местности. Обычно Ганнон делал это сам, но в тот момент он сидел на стуле, зажав руки между колен. Позже, оставшись один, он колотил ладонями по столу, затем по земляному полу палатки. Он садился на руки. Его мысли метались. Он чув-

ствовав ярость на собственное тело, которое отказывалось выполнять его команды. Ни один из способов не помог ему, и когда Ганнон поскакал к полю боя, он все время смотрел на руки, стараясь сжимать ими что-нибудь: шлем, край нагрудной пластины, рукоятку фамильного меча, который он мечтал обогреть римской кровью до исхода дня.

Его мечтам не суждено было сбыться. Он понял это, как только увидел римлян перед собой. Битва закончилась позорным побоищем. Ганнон пытался не думать о нем. Он даже не знал, как оценивать сражение по тому хаотичному набору образов, которые сами по себе не имели смысла и не предлагали альтернативы, позволявшей избежать такого плачевного результата. Казалось, что он смотрел на какую-то настольную игру, делал ход, посылал людей вперед и почти тут же понимал совершенный им промах. Противник использовал его тактические ошибки, и ничто не позволяло ему отвратить поражения. Он потерял десятитысячную армию. Многих убили. Остальные попали в плен. Он не знал, сколько людей осталось в живых, так как его тоже схватили. Отряд, охранявший Ганнона, сражался со сворой римлян до последнего солдата. Он попросил легионеров убить его, но те отказались. Десятки римлян придвинулись к нему и плотно сжали его своими щитами, лишив возможности двигаться. Они разоружили его, связали и погнали пинками перед собой, смеясь и оскорбляя спотыкавшегося пленника. Они повели Баркида в цепях, не дав ему даже коня, и он вошел в Эмпории, как раб, как объект насмешек для горожан — для этих подлых греков с вытянутыми лицами. Он вынес столько позора, что лучше бы умер.

А затем его втокнули в крохотную камеру подземелья — темную, влажную от подземных вод и кишашую крысами. Вверху на одной стене располагалось несколько дыр размером с человеческий кулак. Через них из коридора в камеру сочился свет факелов, бросавший блики и тени на старые де-

ревянные балки, которые поддерживали потолок. Освещение было слабым, но глаза Ганнона вскоре привыкли к нему. Судя по стенам, сложенным из грубо вырезанных блоков белого камня, подвал первоначально строился под склад, а не для тюремных камер. Ганнон чувствовал, как в горле скапливалась меловая пыль. Она быстро покрыла его кожу тонким слоем. Холод медленно пробирался в нутро, и чем дольше он сидел, тем больше его тело приобретало качества безжизненного камня. С тех пор как его поместили сюда, он неизменно оставался один. Ход времени отмечался лишь передвижениями охранников за дверью, их сменами и пищей, которую ему изредка просовывали под дверь. Его руки больше не дрожали. Избитые ладони ныли от боли, но оставались спокойными. То, что пугало их в прошлом, ушло, и это разозлило его сильнее, чем предыдущая дрожь.

Почему человека его статуса держали в таком отвратительном месте? Он не имел понятия о том, что ожидать от римлян. Когда Ганнибал обучал своих генералов обращению с пленными, он советовал окружать их почестями, если это было выгодно. Например, используя его как объект обмена, римляне могли бы добиться уступок в переговорах с Карфагеном. Но пока в их поведении ничто не походило на достойное обращение. Похоже, римляне не знали о политике Ганнибала в отношении к захваченным военачальникам. Возможно, они помнили только жестокость прежней войны между двумя их народами, когда варварская дикость достигала своего апогея. Откровенно говоря, его захватчики не имели каких-то договорных обязательств, которым им следовало бы придерживаться при обращении с Ганноном. При желании они могли содрать с него кожу, облить раны уксусом и получить удовольствие от его криков. Он боялся думать о том, что предстояло ему впереди. После последнего удара судьбы Ганнон понял абсолютную истину реального мира: жизнь никогда не находилась под его контролем. Он никогда

не имел определенного будущего. И в этом печальном познании он превзошел неоспоримую мудрость Ганнибала.

Из всех мерзостей тюремной камеры и возможных пыток, ожидавших пленника, его больше всего беспокоили земные дела. В камерке не было отхожего места — ни дыры, ни сливной канавы, ни пространства, отведенного для оправления естественных нужд. Первые шесть дней он ни разу не присел, чтобы облегчиться. Ганнон ничего не ел и почти не пил воду. Он поклялся, что не будет оправлять нужду, пока римляне не предложат ему нормальное отхожее место. А они этого не сделали. На третий день ему пришлось сжимать ягодицы; на четвертый он все время контролировал мышцы ануса и скрипел зубами, сражаясь с ритмичной пульсацией кишок.

Когда кал все-таки вышел, Ганнон пребывал в мечтательной сонливости. Внезапно он понял, что сидит в углу камеры. У него не было времени на восстановление контроля, потому что его задняя дверца открылась и долгожданное облегчение принесло волну эйфории. Он тут же попытался убедить себя, что это был акт неповиновения. Рим получил от него кучу дерьма. Подобным действием он как бы бросал свои экскременты в лица тюремщиков. Однако уже через миг плененный генерал отполз в другой конец камеры и огорченно прижался к стене. Слезы наполнили его глаза и покатались по щекам. Странно, но пренебрежение римлян обидело Ганнона до глубины души. Они заставили его почувствовать себя ребенком, неспособным контролировать телесные функции. Глядя через зыбкую пелену на испачканный угол камеры, он молился Ваалу, Элу, Анату и Молоху. Имена богов казались мертвыми, но он взывал к ним и искренне клялся, что если выживет и выберется из плена, то нанесет себе увечья в их честь. Он пытался убедить себя, что все еще может давать такие обещания.

После недели полного одиночества Ганнон радостно вздрогнул, когда дверь открылась и в камеру вошел какой-то чело-

век. По крайней мере, этот визит мог означать начало перемен. Судя по красной накидке, свисавшей со спины, мужчина был римским офицером. Лампа, которую он нес в одной руке, освещала его рельефные мышцы. Остановившись на пороге, римлянин осмотрел камеру, отыскал в углу жалкую фигуру пленника и задержался взглядом на куче отходов. Затем он вновь повернул к Ганнону надменное лицо и спросил, знакома ли карфагенянину латынь.

— Ты знаешь, кто стоит перед тобой? Я Гней Сципион! Тот, кто победил тебя в битве. А ты, Баркид, стал первый радостной вестью для Рима с тех пор, как твой брат затеял это безумие. Твое поражение зажгло огни веселья в сердцах моего народа — огни, которые не погасит дождь и не затушит ветер. Надеюсь, для тебя не новость, что ты воодушевил своих врагов?

Гней придвинулся ближе. Он склонился и посмотрел в лицо Ганнона. Его густые кустистые брови нависали над глазами. Округлый нос был, очевидно, сломан в юности.

— Я вижу, что ты понимаешь меня, поэтому не притворяйся, будто не знаешь моего языка. Я, между прочим, говорю тебе правду. Ты оказал мне большую услугу. Когда я услышал, что события в Италии складываются в пользу Ганнибала, то испугался худшего. Но после нашей встречи на поле боя моя уверенность окрепла. Баркидов можно бить. Я знаю это, потому что одолел тебя. Ты мне не ровня. Хочу сообщить, что скоро мы отправим тебя в Рим. Ты станешь пленником римской республики. Но перед твоим путешествием в мой город я использую тебя в Иберии. Мои гонцы уже посланы в каждое иберийское племя, которые вы считаете своим союзником. Я пригласил вождей приехать сюда и посмотреть на пойманного Баркида — на такого, каков ты есть. Представь их чувства, когда они увидят тебя в этой крохотной камере, провонявшей твоим дерьмом.

Гней выпрямился и отступил на шаг.

— Я не могу сказать, какая участь ждет тебя в Риме. В некоторой мере это зависит от тебя и твоих братьев. Но ты все же подумай о своем будущем, потому что твоя судьба может и не быть такой омерзительной, как ты, наверное, боишься. В любом случае, ты должен понять, что Ганнибал проиграет войну. Зачем тебе делить с ним этот проигрыш? Сотрудничая с нами, ты можешь снискать себе выгоду. Окажи нам помощь, и мы поставим тебя на то место, откуда свергнем твоего брата. Например, ты можешь пообщаться с вождями племен и отговорить их от союза с Карфагеном. Или мы с удовольствием выслушаем твои важные сведения о том, что поможет нам вести войну в Иберии. Есть много способов доказать свою полезность. Мне перечислить их подробно?

Осознав, куда ведут слова римлянина, Ганнон мрачно ответил:

— Я никогда не предаю Карфаген и членов моей семьи.

— На сотрудничество соглашались даже более сильные мужчины, чем ты. И никто не называл человека дураком, если он добивался успеха в то время, пока его брат погибал глупой смертью. Неужели ты веришь, что Ганнибал и Магон не предадут тебя, спасая свои шкуры?

— Ты ничего о нас не знаешь.

Римлянин склонил голову на бок и еще раз осмотрел Ганнона. Затем он отмахнулся от него рукой, показывая, что не увидел в нем ничего нового.

— Ты и без того уже предал свой народ. Разве твои соплеменники не относятся к поражению в войне как к величайшему позору для мужчины? Хочешь, я посажу тебя на корабль, плывущий в Карфаген, и позволю свершиться их судилищу? Что им нравится больше? Распинать неудачников на крестах или пронзать их копьями?

Ганнон плюнул на землю и растер это место ногой.

— Я проклинаю тебя и твой род! Твоих братьев и сыновей! Наверное, ты наплодил одних девочек? Так пусть они станут подстилками твоих врагов.

Гней с улыбкой сжал пальцами свой подбородок и, казалось, задумался над проклятием.

— Проклинаю меня, ты, наверное, взываешь к своим богам? А я их не боюсь. И ты тоже не доверяй им больше. Смотри, как они бросили тебя.

Он постучал в дверь и подождал, пока охранник не открыл ее. Затем, когда тяжелая створка заскрипела, он повернулся к Ганнону и еще раз обратился к нему:

— Хочешь ты того или нет, мы зададим тебе много вопросов. И ты ответишь на каждый из них. Если будешь противиться, мы подберем такую пытку, которая быстро развяжет твой язык. Видят боги, римские и карфагенские, я не пожелал бы быть в твоей шкуре в ближайšie недели.

Он закрыл за собой дверь, оставив Ганнона наедине с последними угрозами, которые эхом звучали в его голове.

* * *

После битвы у Требии на армию Ганнибала обрушилась снежная буря. Снег падал два дня. На третьи сутки с гор хлынула волна невыносимого холода. Мороз жалил. Люди могли выходить на открытый воздух, лишь покрыв лица тканью. Они шли вслепую, часто спотыкаясь и падая. Это вызывало среди них небольшое веселье, и никто уже не вспоминал об остатках римских легионов. Некоторые солдаты даже отважились на сбор добычи, оставшейся на поле сражения. Место битвы превратилось в мрачное кладбище, на котором хозяйничали волки, вороны и другие неприхотливые к погоде пожиратели человеческой плоти. К сожалению, слоны, причинившие такой значительный ущерб врагу, не могли противостоять безжалостному холоду. Все они, кроме одного,

погибли в течение недели. За последним уцелевшим животным по имени Кир ухаживали с особой заботой, поскольку он остался единственным подопечным Вандикара. Главный погонщик поклялся, что сохранит жизнь слона любой ценой, чтобы тот порадовался теплу итальянского лета.

Несмотря на возникшие затруднения, Ганнибал был доволен своей первой победой над римлянами. В зимние месяцы он получил несколько донесений от шпионов, и их отчеты о событиях в Риме доставили ему большую радость. Весть о разгроме облетела столицу и ужаснула самодовольных горожан. На встрече с Сенатом Семпроний минимизировал размеры трагедии и свою роль как автора этого поражения. Он заявил, что легионы потерпели неудачу по нескольким причинам — из-за неопытности многих отрядов, из-за плохой погоды, помешавшей дислокации войск, из-за морального подъема, который возник у африканцев после схватки у Тицинуса. Он заверил сенаторов, что битва под Требией была не чем иным, как незначительным печальным инцидентом.

Корнелий, прибывший в Рим несколько позже, описал ситуацию так, как он помнил ее. Отвечая на вопросы сенаторов, он говорил откровенно и прямо. Каждый из его ответов, казалось, бросал грязь на репутацию второго консула. Среди прочего он указал более точное количество погибших — свыше тринадцати тысяч убитых в бою и еще несколько тысяч скончавшихся от ран и заражения крови. На вопрос, касавшийся возможной некомпетентности Семпрония, Корнелий на удивление сенаторов сказал, что он ни в чем не винит своего коллегу. Причины, обеспечившие победу Ганнибалу, были слишком многочисленны для разумного объяснения. Ни один человек не мог бы создать такую ситуацию. Очевидно, здесь имело место вмешательство богов.

Не он один пришел к такому выводу. Вскоре в Риме начали циркулировать истории о чудесах, предшествовавших поражению у Требии, которые открыто предостерегали лю-

дей о недовольстве богов. Например, в Сардинии несколько кавалерийских офицеров сгорели при пожаре. Трое солдат в Сицилии были убиты молнией во время тренировок. В Приенсте всего за неделю количество крыс увеличилось вдвое, а в Антиуме жнецы клялись, что срезанный ячмень оставлял следы крови на лезвиях серпов. В нескольких селах прошел град из раскаленных добела камней, достаточно больших, чтобы пробить голову зазевавшемуся человеку. И это были не просто слухи. Свидетели таких неординарных событий приезжали в Рим и докладывали о происшествиях Сенату. Совет Десяти проконсультировался с божественными писаниями. Согласно рекомендациям жрецов, горожане почти всю зиму воздавали подношения Юпитеру, Юноне и Минерве. Они участвовали в общественных пирах и выполняли различные ритуалы — например, осыпали цветами жертвенных свиней, закланных позже в честь Сатурна.

Прекрасно, думал Ганнибал. Пусть молятся до полного безумия.

Ранней весной к нему пришла весть, что новыми консулами были избраны Сервилий Гемин и Гай Фламиний. Сенаторы призвали их вести войну самыми жесткими мерами. Им следовало взять под контроль все маршруты через Апеннины и тем самым остановить продвижение Ганнибала на юг. Для них собрали два новых легиона. Еще два оставалось в Риме, два — в Сицилии и один легион защищал Сардинию. Кроме того, два легиона продолжали действовать в Иберии. Фламиний — новый человек в Сенате и первый в своей семье добившийся консульства — буквально горел желанием сражаться. Он решил незамедлительно покинуть город и начать кампанию без традиционных церемоний, которые отложили бы его поход до середины весны.

Эти новости тоже порадовали Ганнибала. С одной стороны, религиозный пыл, с другой — самонадеянный и нетерпеливый выскочка. О чем еще можно было просить у богов?

В дни, предшествующие первым проявлениям весны, командующий проводил совет за советом, расспрашивал разведчиков и рассматривал географические карты. Каждый маршрут становился предметом долгих обсуждений. Его главными целями были Рим и южные земли, где обитали союзники республики. Трудность заключалась в выборе пути. Они могли направиться к восточному побережью, взять или обойти Ариминум и спуститься вниз по Виа Фламиния прямо к Риму. Другой путь лежал через Апеннины к этрусскому городу Фесуле, откуда они могли начать путь к югу по разным тропам — не так прямо, как по Фламинии, но это был разумный маршрут, богатый фуражом и хорошо защищенный горами. Он привел бы их к сердцу полуострова. Еще они могли бы попытаться пересечь лигурийский хребет. Ганнибал считал подобный вариант почти невыполнимым, но, тем не менее, учитывал его в связи с возможным подкреплением, которое могло быть доставлено карфагенским флотом вдоль Тирренского побережья.

Как обычно, генералы приходили к нему с различными предложениями и свободно высказывали свои мнения. Бомилькар и Магон склонялись к наступлению на Ариминум, поскольку этот маршрут предполагал сражение с консулом Сервилием. Вся Италия открылась бы им, если бы они победили его. Махарбал и Карфало советовали остановиться на центральном пути, позволявшем быстрым всадникам охватывать большие территории и сражаться в стычках, в которых они превосходили противника. Бостару понравился трудный переход через хребет на пути к побережью. Он подчеркивал выгоды от встречи с карфагенским флотом. Мономаха вообще не волновало, какой маршрут будет выбран: каждый из них вел к римской крови и этого ему вполне хватало.

Однако ни один из вариантов не устраивал самого Ганнибала. Ему хотелось чего-то более хитрого и более запутанного — того, что смутило бы римлян и ввергло их в панику.

Когда он услышал, что среди всадников Махарбала имелся человек, который знал тайные тропы через близлежащие земли, он велел привести его к нему без промедления.

В середине теплого и приятного утра этот человек был вызван в палатку командира, в которой помимо Ганнибала в тот момент находились Магон и Силен. Молодой воин вошел вслед за Махарбалом, скромно склонил голову и молча устоялся на земляной пол. Его исхудавшая фигура указывала на то, что он месяцами страдал от недоедания. Парень походил на пугало, с помощью которого крестьяне гоняли птиц с полей. Его одежда представляла собой коллекцию из шкур и мехов, едва защищавших от холода. Длинные и грязные волосы давно не знали ухода. Они не опадали на спину, а дыбились вокруг головы, как львиная грива.

— Его зовут Туссело, — сказал Махарбал. — Он с нами после Сагунтума. Хороший всадник, но я не могу сказать, откуда он знает эти края.

— Ты массилют? — спросил Ганнибал.

Туссело кивнул.

— Откуда ты знаешь итальянские земли?

Не поднимая взгляда, Туссело ответил ровным и спокойным голосом:

— Я был рабом римлян и жил в этой стране двенадцать лет. Один из моих хозяев промышлял торговлей. Мы много путешествовали, поэтому я знаю территорию. Много мест и путей сохранились в моей памяти.

— Теперь, когда ты смотришь на Италию свободными глазами, она стала казаться тебе другой?

— Да, другой. И той же самой.

— Наверное, трудно возвращаться в страну, которая поработила тебя — особенно для массилюта. Твои соплеменники редко становятся рабами. Ты вернулся, чтобы отомстить?

Нумидиец ответил не сразу. Он прочистил горло и пожал плечами, не желая говорить. Но Ганнибал терпеливо ждал.

— Я не знаю, — наконец сказал Туссело. — Да, мое сердце пылает от гнева. Римляне нанесли мне большой урон, но не материальный. Его нельзя возместить. Я хочу отомстить, командир, но пока не нахожу слов, чтобы объяснить свои желания.

— Я не заставляю тебя подбирать слова, был бы ты уверен в своих поступках, — произнес Ганнибал. — Какую тайную тропу, ведущую на юг, ты знаешь?

Туссело объяснил, что к северу от Арретии проходила заброшенная дорога. Он указал ее на карте, которую генералы использовали при обсуждении маршрутов. Тропа вела прямо на юг от реки Арно и далее шла через болотистую местность. О фураже не могло быть и речи. На постоянно мокрой земле росли только водяные растения. Гнилые деревья, с затопленными корнями, уже много лет стояли голыми. Трава почти отсутствовала. В это время года дорога выглядела холодной пустошью, широкой полосой земли, часто уходившей под воду. Большую часть пути пехоте пришлось бы идти по колено в грязи. Туссело рекомендовал эту тайную тропу лишь по той причине, что никто из римлян не примет ее в расчет, когда их войска будут блокировать остальные дороги. Карфагенская армия могла бы просочиться в центр Италии за спинами двух легионов, направленных Сенатом, чтобы преградить ей путь.

— Мой хозяин однажды поехал по этой дороге, чтобы избежать сборщиков налогов, которые охотились на него, — рассказал Туссело. — И он не прогадал. Но даже в середине лета земля там была мокрой и вязкой. Весной, наверное, будет еще хуже.

— Ты по-прежнему называешь его хозяином? — спросил Силен.

Туссело метнул на него сердитый взгляд, затем снова повернулся к Ганнибалу.

— Это просто слово, которым мне легче пользоваться. Истина в другом.

Магон подтянул к себе папирус с нарисованной картой.

— Судя по твоему описанию, дорога в болотах будет такой же опасной, как и горные перевалы.

— Именно поэтому люди и отказались от нее, — ответил Туссело. — Она самая малопригодная для путешествий. Но в случае удачи наша армия могла бы незаметно проскользнуть мимо двух консулов. Мы как бы исчезнем из мира в одном месте...

— ...и появимся в другом, — закончил за него Ганнибал.

Туссело кивнул. Он впервые посмотрел в глаза командира и добавил:

— Как по волшебству.

Наступила тишина. Через некоторое время Ганнибал отпустил нумидийца. Когда тот вышел из палатки, он спросил у Махарбала:

— Ты доверяешь ему?

— Я не знаю, откуда он пришел, — сказал Махарбал. — Но он никогда не давал мне повода усомниться в его верности. Я думаю, он действительно знает эти края. И мне кажется, что у него нет друзей среди римлян.

— Я тоже понял это по его глазам, — согласился Ганнибал. — Иногда меня поражает, как действуют боги. Я не узнал бы о тайной тропе без твоего человека. Тем не менее, у меня было чувство, что такой путь имеется. Мысль о нем стучала во мне, как барабан. Это часть нашей судьбы. Я верю, что боги послали парня к нам для того, чтобы указать скрытый путь, который мы прежде не видели.

— Или чтобы сбить нас с правильной дороги, — проворчал Магон. — Не все боги добры к нам, брат. Лично мне не хотелось бы потерпеть поражение, увязнув с армией в боло-

тах. Мы не переживем еще одного такого испытания, как переход через Альпы. Боюсь, твоя авантюра будет стоить нам слишком дорого.

— Иногда повороты наших судеб отмечаются неприметными указателями, — сказал Ганнибал. — Я вижу в нумидийце именно такой ориентир. Почему он вернулся в страну, поработившую его? Даже он не в силах ответить на этот вопрос. Его тайная тропа похожа на стрелу, выпущенную из темноты. Римляне не увидят и не услышат ее полет. Они просто почувствуют дрожь древка, когда стрела вонзится в их грудь.

Он повернулся к Махарбалу.

— Скажи Туссело, что на марше он должен держаться рядом со мной. Если нам будет сопутствовать успех, я первым поздравлю его. Если что-то пойдет не так... он узнает гнев нового хозяина.

Когда встреча закончилась, Ганнибал попросил Силена задержаться. Как только они остались одни, командир поднялся на ноги и зашагал вокруг стола. Он прочистил горло, затем коснулся шеи пальцами, сжал ими складку плоти и подергал ее.

— Ты верен мне?

Силен, встревоженный тоном вопроса, быстро встал и ответил:

— Я не могу препятствовать тем сплетням, которые распространяются обо мне, но моя верность тебе абсолютна. Неужели кто-то оговорил меня?

Ганнибал остановился. Он поднял голову и, повернувшись к писцу, пронзил его суровым взглядом.

— Нет, никто не оговаривал тебя. Мой вопрос продиктован тем, что я хочу попросить тебя об услуге. Эта миссия не оговорена нашим соглашением, но мне нужна твоя помощь. Дело касается моего брата Ганнона. Я только что узнал, что его отряд был уничтожен Гнеем Сципионом. Ганнона захватили и посадили в застенки в Эмпориях. Ты знаешь этот город?

Силен опустился на стул. Было видно, что новость стала для него тяжелым ударом.

— Он находится там уже долгое время, — продолжил Ганнибал. — Вести медленно доходят до нас. Когда я представляю себе, что мой брат в плену у них... зависит от их милости... моя кровь вскипает в венах. Ганнона нужно освободить. Я проклиная себя за то, что не узнал о его заточении раньше. Мы могли бы дать за него любой выкуп, но я не верю, что римляне сделают мне такое одолжение. А ты как думаешь?

Грек прочистил горло и сказал:

— Им очень понравилась бы твоя просьба. Но нет, они не освободят твоего брата. Я удивлен, что они не переправили его в Рим.

— Он больше полезен им в Иберии. Они показывают его вождям различных племен. Унижая перед ними плененного Баркида, римляне стараются переманить моих союзников. Кто-то из них может поверить, что иберийцы с помощью легионеров способны сбросить в море Новый Карфаген и уничтожить все, что мы создали. И только после этого Гней Сципион отправит Ганнона в Рим, чтобы показать его народам Италии. Мы должны разрушить их планы. Ты знаешь магистрата Эмпорий, которого зовут Диодор?

Грек кивнул.

— Он муж моей сестры.

Какое-то время они оба обдумали возникшую ситуацию, и затем Силен спросил:

— Что я должен сделать?

* * *

Сапанибал ожидала Имаго Мессано в своем саду — в огороженном уголке, расположенном на дальнем конце их семейного дворца. Покои старшей дочери Дидобал не были такими роскошными, как в период ее брака с Гасдрубалом Кра-

сивым, но они по-прежнему соответствовали вкусам Сапанибал. Приемный зал переходил из дома в сад почти без границы между ними. Она сидела на каменном стуле под тенью нескольких высоких пальм. Вода вытекала тонкой струей из большого резервуара, скрытого за стеной, и вливалась в маленький пруд, который находился за ее спиной. Поросший камышом и водяными лилиями, он служил обителью для нескольких декоративных рыб и ужей, ставших толстыми и ленивыми от щедрости их хозяйки.

Она попросила Имаго о встрече по трем деликатным причинам. Во-первых, он был членом совета и, следовательно, лучшим источником информации, обсуждаемой там. Во-вторых, она знала его как человека, абсолютного преданного их семейству. Между прочим, это было редкостью среди нынешней карфагенской аристократии. В-третьих, он всегда относился к ней с почтением как к вдове героя и никогда не отказывал ее просьбам. Сапанибал не часто общалась с мужчинами до своего брака с покойным супругом. И она не замечала большого интереса к себе в те годы, которые последовали за его кончиной. Она объясняла такую пустоту отношений особыми свойствами своего характера, высоким положением семьи и непревзойденной репутацией братьев. К тому же, Сапанибал не отличалась красотой. Учитывая эти обстоятельства, она дорожила дружбой Имаго и проявляла к нему явную симпатию.

Сапанибал не стала подниматься со стула, когда советник вошел. Наблюдая за ним, пока он шагал по полированным гранитным плитам в свободных развевавшихся одеждах, достаточно постаревший, чтобы неуклюжесть юности трансформировалась в степенное спокойствие, Сапанибал вдруг почувствовала, что ее пульс ускорился. Она давно обещала себе, что не будет показывать Имаго, насколько сильно он нравился ей. Она влюбилась в него еще в девичестве, и некая искра того раннего восторга сохранилась в ее сердце. Месса-

но не был воином, но под командованием ее отца он участвовал в подавлении мятежных наемников. Это требовало немало мужества, поскольку те сражения были отмечены неопишуемой жестокостью. Конечно, он знал, что означала бы власть разношерстной толпы вооруженных нищих — грабежи дворцов, насилие и ужасную смерть для всех аристократов. А он тогда был молод, его ожидала славная карьера. То, что он подверг себя опасности, подтверждало его отвагу, хотя с тех пор Имаго вел пассивный образ жизни. Впрочем, не так давно он еще раз проявил свой характер, дав Фабию Максиму достойный ответ, когда тот объявил Карфагену войну.

— Добро пожаловать, Имаго Мессано, — сказала она. — Спасибо, что ты решил порадовать меня своим визитом.

— Не за что, — садясь на стул, ответил он. — Мне приятно выполнять просьбы Баркидов.

Сапанибал предложила ему легкие закуски и освежающие напитки. Какое-то время она вела светскую беседу, расспрашивая советника о его здоровье и об успехах детей. В разговоре они оба избегали печальных упоминаний о его покойной жене. Затем Сапанибал попросила его рассказать о дебатах в совете. Прежде чем отвечать, Имаго пригубил лимонад, который принесла ему служанка. Мессано в наслаждении закрыл глаза.

— У меня пристрастие к горьковатым напиткам, — признался он.

Открыв глаза, Имаго взглянул на Сапанибал.

— Ты, конечно, знаешь о том, что приключилось с твоим братом Ганноном. Совет получил известие о его поражении в битве с римлянами и последующем пленении. Потеря десяти тысяч солдат — это не пустяк, а значительная неудача. Кроме всего прочего, она серьезно затруднила наше положение в Иберии.

Сапанибал почувствовала, как на ее затылке поднялись волосы.

— Насколько я знаю, у моего брата не было выбора. Римляне высадились в Эмпориях, и греки приняли их с радостью. Что ему оставалось делать? Он сражался, защищая наши интересы. Если бы совет заботился о своих генералах, то уже начал бы переговоры о его освобождении. Почему их не ведут?

Имаго задумался над ответом. Его руки были украшены тяжелыми кольцами с драгоценными камнями. Пока он, размышляя, барабанил пальцами по колену, кольца звенели почти как броня.

— Вряд ли римляне отпустят генерала из плена. Ведь он, вернувшись домой, на следующее утро снова выйдет на поле боя. По этой причине мы и не торгуемся с ними. Время покажет другие пути.

— Нет, не время покажет пути, а Ганнибал. Если Карфаген направит ему подкрепление, он снова станет непобедимым. Я не сомневаюсь, что тогда он сам освободит Ганнона.

Имаго вздохнул, демонстрируя свое отношение к женским фантазиям.

— Будем надеяться, что все так и будет. Я могу лишь сказать, что совет решил направить подкрепление в Иберию. Об Италии и речи не шло.

— А как же Ганнибал?

— Когда ситуация в Иберии стабилизируется, Гасдрубал сможет примкнуть к старшему брату.

Сапанибал вскинула вверх открытую ладонь. Это движение, словно трюк заклинателя змей, заставило Мессано умолкнуть.

— Советникам следовало бы проявлять большую дальновидность. Наша сила заключена в Ганнибале! Его успех в Италии будет гарантировать безопасность для Иберии. Но его необходимо поддерживать дополнительными отрядами солдат. Вы же не будете этого отрицать?

— Все очень сложно, моя дорогая, — сказал Имаго и улыбнулся, предлагая ей сменить тему.

— Только не для меня. Скажи мне, что тебе известно, и я укажу на ошибки в суждениях старейшин.

Имаго задумчиво помолчал, но затем, вероятно, решил, что женская сообразительность ему скорее всего по вкусу.

— Многие в совете не одобряют действий твоего брата, — ответил он. — Они боятся, что война поставит нас в опасное положение. Иберия едва управлялась под твердой рукой Ганнибала. Теперь, когда он воюет в Италии, иберийцы могут восстать против нашей власти. Тем более, что их вождям сейчас показывают плененного Ганнона. Совет боится, что римляне вытеснят нас из Иберии. И они волнуются за Карфаген. Им не хочется обнаружить у ворот пару римских легионов, если твой брат по каким-то причинам потерпит поражение.

— Между прочим, война была объявлена не Ганнибалом. Это решение принималось здесь, в Карфагене — причем тем самым человеком, с которым я сейчас разговариваю.

— Да, но... Наш народ консервативен. Мы не хотим завоевывать мир. И поэтому Ганнибал не нравится многим советникам. Они мечтают только о том, чтобы удержать остатки империи. Мы уже потеряли Сицилию, Сардинию и Корсику. Теперь бы удержать Иберию...

— ...которую завоевала моя семья, — напомнила Сапанибал.

Мессано поджал губы.

— Пусть так. И в этом тоже заключается большая проблема. Лишь некоторые смогут переварить возвращение победоносного Ганнибала. Иногда ревность сильнее, чем разум. Ханноны, как никогда прежде, настаивают на мирном договоре. Они боятся, что твой брат добьется своей цели. Победа над Римом принесет нам баснословное богатство, но в то же время она обессмертит имя Ганнибала. Величие всегда создаст врагов, Сапанибал. Ханноны ненавидят и боятся Ганнибала не меньше, чем боялись и ненавидели Гамилькара. Я говорю это для того, чтобы ты поняла, как трудно сейчас лю-

дам, преданным твоей семье. Мы должны проявлять большую осторожность.

— Мне бы очень хотелось, чтобы ты ошибался, — сказала Сапанибал. — Мой брат на века останется гордостью Карфагена. Просто советники не знают его. Для многих здешних людей он превратился только в имя. Напомни им о его заслугах. Заставь их гордиться Ганнибалом, а не завидовать ему.

— Наверное, мы с тобой по-разному понимаем природу людей.

— Тогда выступи на совете старейшин! Обратись к великой Сотне. Пристыди их памятью Гамилькара....

Теперь уже Мессано поднял руку и заставил Сапанибал замолчать.

— Твой брат имеет только нескольких сторонников в Сотне старейшин. Он представляет собой молодое поколение, и его слава тревожит стариков. Пойми, советники не воины. Они не рискуют жизнями за тех, кого любят. И они практически не верят в тех, кого выбирают лидерами. Из всех побед им нравятся лишь скромные и небольшие — там, где слава не отбрасывает тени. Ни один из них не хочет видеть Ганнибала, вознесенного великим триумфом до божественных высот. Они просто не позволят этому случиться.

— А ты, Имаго? Ты позволишь?

— Я с радостью буду бросать лепестки цветов на плечи твоего брата. Я первый поклонюсь ему при возвращении. Семейство Баркидов всегда считало меня другом. Я был верен твоему отцу и поддерживал его даже в те моменты, когда из-за своих успехов он обзавелся множеством врагов.

Сапанибал пригубила фруктовый напиток и вдруг заметила дрожь своих рук. Она торопливо поставила чашу на столик.

— Я уверена в тебе, Имаго. Мой отец часто рассказывал о вашей дружбе. У меня нет сомнений относительно тебя, но твои слова встревожили мое сердце. Если наши советники решили оставить Ганнибала без поддержки — в тот момент,

когда он демонстрирует блестящие победы — то что они делают, если он хотя бы раз споткнется?

— Молись, чтобы твой брат не спотыкался, — ответил Мессано.

Он отвел взгляд в сторону и, сменив тему, спросил о здоровье Дидобал. Сапанибал нехотя позволила беседе перетечь в другое русло. Тем не менее, она многое узнала и была благодарна Имаго. Она ответила, что ее мать чувствует себя хорошо. На вопрос о младшей сестре ее ответ был почти таким же. Поначалу Сапанибал удивил интерес Мессано к этой девочке, но он быстро пояснил свои мотивы.

— Насколько я знаю, ей нравится Масинисса, — сказал он. — Сын короля Гайи. Твоя мать уже дала согласие на их союз?

Сапанибал говорила с матерью на эту тему вчера вечером. Разговор получился нелегким. Он напомнил ей об интригах, которые привели к ее собственному несчастному браку. Конечно, союз с массилиотами принес бы Карфагену большую выгоду. Их царь обещал поставлять в армию прекрасно обученных всадников. Но она боялась, что сестра станет игрушкой в руках дикаря, который будет оскорблять и унижать ее по каким-то мелочным прихотям. Кто знал, что таилось за улыбкой этого парня? Она сказала Дидобал, что оба подростка еще слишком юные для супружеского союза. Мать согласилась и добавила, что будет лучше, если их брак благословит Ганнибал. Им нужно подождать момента, когда он вернется с войны.

Услышав это, Имаго усмехнулся и довольно серьезно ответил:

— Я молю богов, чтобы твоя сестра не ожидала слишком долго. Ганнибал может не успеть к решению этого вопроса. Масинисса прекрасный юноша. Ему предназначены судьбой великие дела. Многие советники одобрили бы его брак с тво-

ей сестрой. Есть и такие, которые с радостью выдали бы замуж за него своих дочерей. Но Карфаген отдаст Софонисбу либо Масиниссе, либо тому, кто узурпирует его власть. В любом случае, твоей матери придется уступить. Нам, как никогда прежде, нужна стабильность на морском побережье. Если Рим пойдет войной на Карфаген, нашему городу понадобятся сильные союзники. И тогда Софонисба не минует ливийского царя Сифакса.

— А он-то тут причем?

— Разве ты не слышала о пире, который состоялся во время его последнего визита? Твоя сестра танцевала перед ним. Обычный танец, но царь слюни пускал от удовольствия. Сифакс весь вечер расспрашивал о ней. Он отвратительный развратник, но нам пришлось учитывать важность его персоны. Боюсь, он скоро натворит дел. Как ты знаешь, ливийский царь давно уже зарится на земли Гайи. Трудно сказать, чем все это закончится, однако я думаю, что твою сестру лучше выдать замуж за Масиниссу, чем за Сифакса. Прорицатели утверждают, что этот юноша сыграет большую роль в судьбе Карфагена. Они никогда не ошибаются. Поэтому запомни мои слова и передай их матери.

Имаго поднялся со стула и приблизился к ней. Он снова сменил тему беседы, а заодно и тон голоса.

— Ты хорошо выглядишь, Сапанибал. Похоже, африканское солнце пошло тебе на пользу. Я считаю великим блаженством быть рядом с тобой...

* * *

За всю свою несчастную жизнь Имко Вако не видел ничего хуже, чем болота у реки Арно. Прежде он думал, что горы являли собой ад изо льда и скал — самое гиблое и ужасное место на земле. Эти вершины, ущелья и перевалы снились

ему в кошмарах на протяжении долгой зимы. Он просыпался с криками, зная, что тысячи душ навечно остались в ледяном плену. Имко ежедневно благодарил богов за то, что выжил в том чудовищном испытании, и он ни за что не повторил бы его заново в здравом рассудке.

Вот почему нынешний маневр Ганнибала казался ему отратительным и почти личным оскорблением. Как он только мог послать их в эти топи? Имко встретил весну болезненным и жалким, утратившим былую красоту. Его тело пострадало от холода и снега. Он с ужасом наблюдал, как хирург отрезал ему зазубренным ножом обмороженный палец. Каким-то чудом эта операция не повлекла за собой инфекции, но Имко заподозрил, что полученная рана открыла проход для злых духов, которые теперь легко входили в его тело. Иначе откуда у него появилась лихорадка? А надсадный кашель? Возможно, в его груди разрасталась плесень. Легкие хрипели, из носовых проходов все время изливалась зеленая слизь. И если некоторым людям удавалось добывать себе приличную пищу, то у Имко просто не было сил искать питание для поддержания жизни. Он удовлетворялся пайковым рационом, состоявшим, в основном, из мяса павших вьючных животных. С тех пор как они разграбили Таурин, он не имел во рту ничего такого, что хотя бы мало-мальски походило на фрукты или овощи.

К весне его живот впал внутрь, а мышцы сморщились. Бедрa, икры ног и предплечья болели весь день, но не от работы. Они ныли даже в моменты отдыха. Зубы шатались в деснах. Волосы, казалось, выпадали с неестественной скоростью. Зрение ухудшилось. Он мог видеть предметы достаточно ясно, но с трудом воспринимал все то, что передавали ему глаза. Например, он видел круп коня, однако по-прежнему шел вперед, пока животное не лягало его грязным копытом. Иногда он наступал на навоз и, поскользнувшись, падал, хотя прекрасно видел кучу на дороге. Он как бы не успевал про-

считывать, какое влияние увиденный им факт может оказать на его жизнь.

К концу первого дня, проведенного в болотах, он понял, какими могут быть страдания. Ад не был замерзшим и твердым. Он представлял собой вездесущую сырость. Они брели в воде — иногда по колено. Илистое дно засасывало ноги. Солдаты не могли ни сесть, ни остановиться. Ни одного мгновения отдыха. Впрочем, он сразу догадался о подвохе, когда их подвели к болотам. Впереди пошли ливийцы — ветераны пехоты. Для первых нескольких тысяч из них грунт был еще твердым. За ними двинулись другие африканские отряды, включая тот, в котором находился Имко. Затем иберийские союзники, которые едва преодолевали размешанную грязь. Тыл замыкали галлы. Тысячи ног и копыт перемесили болото до пены. Последние солдаты шли по грудь в грязи, загребая ее руками и тщетно стараясь сохранить свою поклажу не запачканной.

Оценив их беды, Имко поблагодарил богов за свое африканское рождение. Он не вынес бы тех мук, которые выпали на долю людей с белой кожей. Возможно, галлы и заслуживали такого обращения, но он не понимал Магона и Бомилькара, которые следовали за ними с частью нумидийской кавалерии. Они мрачно ехали через топь, как облаченные в броню пастухи, гнавшие на юг серое стадо их армии. Похоже, Ганнибал, выбирая маршрут, руководствовался только собственным мнением.

Неприглядная местность соответствовала топи. Здесь росли только болотные растения: камыш и довольно толстая трава, покрытая коричневой кожицей. Над зловонной водой роились комары и мошки — большие, как слоны. Они коварно и подло налетали на людей густым облаком. Они лезли в рот и в нос, в глаза и уши. Ландшафт пятнали белесые скелеты давно погибших деревьев. Некоторые из них еще тянулись к небесам, другие лежали, словно сдались и упали от усталости. Перед похо-

дом генералы говорили, что армия пойдет по заброшенной дороге. Но, глядя через дымку тумана и облако насекомых, Имко не видел никаких явных признаков тропы. Он давно догадывался — и постоянно убеждался в этом, — что Ганнибал сошел с ума. Буйный демон, прокравшийся в тело командира, жирел на страданиях его солдат. Имко не был так глуп, чтобы делиться с кем-нибудь этим мнением, но в глубине души он безмолвно клеймил Ганнибала гневными тирадами.

Переход через болота продолжался всю ночь до рассвета. Отдыхать было негде. Всюду хлюпало, капало и сочилось. К тому времени, когда солнце снова поднялось над холмами, вереница людей перестала выглядеть организованной колонной. Сотни солдат переживали приступы лихорадки. Имко видел вокруг себя больных и умиравших воинов, ворчливых и стонущих людей. Иногда казалось, что армия сбилась с пути и пошла в неверном направлении. В последнее время Имко объяснял все беды вмешательством злых духов. Он даже замечал заразу — призрачное существо, которое переносилось по воздуху от человека к человеку и касалось людей длинными грязными пальцами. Ему часто приходилось пригибаться и уклоняться от этой оскверняющей твари, и со стороны он выглядел как безумец, отмахивавшийся от невидимых летучих мышей.

Единственными относительно сухими кочками были трупы вьючных животных. Чтобы немного передохнуть, солдаты садились на бока павших мулов или обхватывали шеи мертвых лошадей. Имко видел, как один мужчина лежал на двух козлах. Омерзительное и печальное зрелище. Он проваливался в грязь вместе с животными. Ноги, руки и ягодицы уже погрузились в жижу. Имко содрогнулся от отвращения, когда один из козлов приподнял голову и жалобно посмотрел на него. Увязшее в грязи животное молило о помощи. Его печальный взгляд казался прямым вопросом, обращенным к

человеку. Зачем мы умираем, спрашивал он. Но Имко не знал ответа. Он продолжал идти. К вечеру он прошел мимо многих мертвых людей и животных.

На третий день он издали увидел Ганнибала. Командир ехал на спине единственного уцелевшего слона. Большое расстояние не позволило рассмотреть его черты, но другие солдаты кое-что подметили. По армии распространился слух, что Ганнибал подхватил лихорадку. Некоторые утверждали, будто он лишился зрения. Другие говорили о потере слуха. Странно, но эти новости лишь подталкивали Вако вперед. Если сплетни были правдивыми, то их поход в Италию достиг вершины абсурда. Имко не мог вообразить себе большей нелепости. Слепой и глухой Ганнибал вел их к Риму? Безумный командир специально ехал на слоне, покрикивая на солдат и придумывая разные уловки, чтобы не слышать ропота подчиненных и не видеть что происходит? Нет, это просто невозможно. Более разумным вариантом будет встреча с римскими легионами — без вождя и без путей отхода. Ни один генерал не сможет вести войну с удачей и неистовством Ганнибала. Потеряв командуящего, они будут разбиты и уничтожены через одну-две недели. Абсурдность такого финала заставляла Имко идти вперед. Он стал свидетелем невиданного фарса. Какой рассказ о напрасных страданиях поведает он в подземном мире!

Они шли по болотам четыре дня и три ночи. В какой-то момент Имко понял, что его ноги больше не проваливаются в грязь. На четвертый вечер похода он вышел из воды и, упав на сырую землю, почувствовал под собой твердый грунт. Утро пятого дня показало ему страну, называвшуюся Этрурия. На этот раз Имко с легкостью воспринял все, что увидели его глаза: холмистые земли, сочные пастбища и красивые селения, утопавшие в цветении весны. С благословения Ганнибала они могли грабить их вволю.

* * *

Разрешение на мародерство было больше, чем наградой для армии. Оно, прежде всего, являлось необходимой мерой для восстановления сил и духа воинов. Кроме того, Ганнибал хотел занять солдат каким-нибудь делом, пока он боролся с недугом, подхваченным на болотах. Он не ослеп, как утверждали слухи. И не оглох. Тем не менее его левый глаз страдал от сильной инфекции. Ганнибал впервые в жизни чувствовал такую зловещую силу внутри своего тела. Она, как червь, пожирала его глазное яблоко, оставляя в нем безжизненные дыры. Она проедала путь к центру мозга, превращая мир в бесформенный хаос. Синхал предупредил его, что болезнь может распространиться на другой глаз и даже глубже. Хирург делал промывания, накладывал мази, а на ночь вспыскивал под распухшие веки бесценные капли морской воды, которым полагалось держать роговицу влажной и тем самым способствовать ее возвращению в естественное состояние. Он заставлял Ганнибала пить травяные чаи, предназначенные для восстановления здоровья. Он принуждал командира лежать лицом вниз, чтобы зло потеряло хватку и выпало из глаза. Но, казалось, ничего не могло обуздать проклятую инфекцию.

К процессу лечения подключился и Мандарбал. Ганнибал знал, что жрец чувствовал себя не у дел с самого начала кампании. Хотя он выполнял ритуалы жертвоприношений на каждой стадии похода и толковал знамения среди ливийских и нумидийских солдат, Ганнибал не консультировался с ним в военных вопросах. Зачем командиру спрашивать мнение, которое он не стал бы принимать? Связь с богами придала бы глупым и мрачным советам жреца излишний вес, и они могли бы помешать его усилиям. Но в данном случае речь шла не о войне. Поэтому Ганнибал попросил Мандарбала пооб-

щаться с богами относительно его здоровья. Тот провел несколько молитв и ритуалов, призывая богов изгнать болезнь туда, откуда она взялась. Жрец разрезал шеи у трех козлов, молодой телки и зрелого быка, предложил их кровь божествам, которые, по его мнению, были в ответе за болезнь командира, однако никакого улучшения не последовало.

В принципе, Ганнибал без всякой мистики знал, откуда появилась болезнь. Она возникла из болотной грязи, когда конь взбрыкнул ногой и капля жижи попала ему в краешек глаза. Он рассеянно потер веко. Какой-то острый кусочек ила вонзился в зрачок, резанул по оболочке глазного яблока, и началось заражение. Командир понимал, что он уже никогда не будет таким, как прежде. Болезнь не имела отношения к перепадам температуры, постоянной влаге, насекомым, лихорадке и запаху смерти, витавшему в воздухе. Она пробралась в него из недр болота.

Заброшенная дорога оказалась не такой уж страшной, как он ожидал. Все беды, пережитые армией, он предусмотрел заранее. Количество смертей не удивило его. Потери находились в разумных пределах, еще раз доказав, что он почти не ошибался в прогнозах подобного рода. Его тревожил лишь тот факт, что он тоже попал под удар судьбы. Ему вспомнилось, как немногим больше года назад он стоял перед Имилце, демонстрируя ей свое безупречное тело. Он с усмешкой вспомнил, как однажды в шутку сказал Сапанибал, что ни холод, ни любые земные обстоятельства не смогут нанести ему вред. Теперь на его бедре ветвился шрам от копья. Тело ослабело от борьбы со злыми духами холода. Его зрение перестало адекватно воспринимать окружающий мир. Он чувствовал пределы собственных физических сил. Некоторые люди, глядя на его дела, считали, что он подгонял Фортуны плетью, словно мула. Ганнибал был не против такого смелого сравнения, но он знал, что его отношения с Судьбой отличались опасным непостоянством.

В тот вечер, когда армия вышла из болот, он провел совет с генералами. На протяжении всей встречи Магон смотрел на него с угрюмым изумлением. Он не произнес и двух слов, но перед тем, как уйти в свою палатку, младший брат пожелал поговорить с Ганнибалом лично и наедине. Как только офицеры попрощались с ними, он высказал свои мысли без стеснения и мягкости.

— Как это могло случиться? Ты почти ослеп! Ты не видишь меня! Во всем виноват нумидиец! Мы вырвем у него глаза за то зло, которое он навлек на тебя! Ганнибал, нужно что-то делать. Не поддавайся болезни! Ты слышал, что говорит Мандарбал? Он верит, что только человеческие жертвоприношения могут успокоить богов, покаравших тебя.

Взглянув на огорченное лицо брата, Ганнибал вдруг нашел ответ, который так долго искал. Он понял, что все это время боролся с сомнениями относительно собственных сил. На его губах заиграла усмешка. Магон, сам того не осознавая, помог ему вернуть былую уверенность в себе.

— Наши солдаты погибают в мою честь ежедневно, — ответил командир. — Если бы человеческие жертвоприношения приносили мне здоровье, то я был бы уже бессмертным. Неужели Ганнибал не может получить какую-нибудь рану?

— Это не рана! Твоя болезнь не от копья или стрелы! Это проклятие, наведенное нашими врагами...

Ганнибал покачал головой.

— Перестань! Ты слышал былину о генерале Багоре? Мне рассказал ее отец. Я только один раз слышал эту историю, но отец считал ее правдивой. Один из капитанов Багоры, бравый и крепкий воин, славился своим умелым обращением с копьем. Он стал героем ранних войн с ливийцами еще до той поры, как овладел первой женщиной. Но однажды на поле боя он наступил на человека, который показался ему мертвым. А этот враг был живым. Он вскочил на ноги и одним ударом меча отрубил правую руку отважного воина. Рана залечи-

лась быстро, но капитан уже не мог продолжать свой ратный труд. Он отказался от должности и отверг предложение стать наставником рекрутов. Когда его вызвали для объяснений к генералу, он пожаловался, что считает себя бесполезным. Он не мог держать копьё! Боги предали его, хотя он посвящал им свои подвиги. И тогда, не говоря ни слова, Багора вытащил меч и отрубил капитану вторую руку. Герой упал на колени и, с трудом говоря от боли, попросил генерала пояснить его поступок. Знаешь, что ответил ему Багора?

Магон покачал головой.

— Теперь ты точно бесполезен для меня, сказал он. Но не из-за потери первой руки и не потому, что я лишил тебя второй. Ты стал бесполезным для меня в тот момент, когда назвался таковым. Ты так и не понял, что боги презирают людей, жалеющих себя.

Ганнибал прочистил горло и поднял подбородок. Помолчав немного, он добавил:

— Магон, я не хочу презрения богов. И я прошу тебя больше не сожалеть о телесном ущербе — моем или твоём. В ранах нет хулы для нас. Спасибо, что напомнил мне об этом.

Утром второго дня после их появления в Этрурии разведчики принесли Ганнибалу свежие новости. Римский легион под командованием Фламиния расположился лагерем близ города Арретинума. Времени на подготовку к битве почти не оставалось. Весть о присутствии карфагенян могла достигнуть консула за несколько дней, если только он уже не знал об этом. Обдумывая следующий маневр, Ганнибал вспомнил о Туссело. Нумидиец сопровождал его на всем пути через болота. Они иногда обменивались парой фраз, но поскольку маршрут точно соответствовал описанию Туссело, Ганнибал обычно размышлял о чем-нибудь другом. Теперь он почувствовал необходимость поговорить с этим человеком.

Когда Туссело вошел в палатку, командир тихо хмыкнул, давая понять, что заметил посетителя. Ему только что уда-

лили гной, сочившийся из глаза. На пальцах остались капли едкой желтой слизи. За свою жизнь он видел много всего, что вытекало из тел солдат, но его удивляло, откуда в человеческом глазе могло появляться столько жидкости. Он вытер пальцы о тунику.

— Из-за тебя я потерял половину зрения, — сказал Ганнибал.

Туссело не стал оправдываться.

— Если бы я мог вырвать себе глаз и заменить им твой, то сделал бы это без колебаний.

— У меня опытный хирург, но даже он не произвел бы такую пересадку. Хотя в твоём предложении есть доля соблазна. Мой брат считает, что в отместку за свой недуг я должен вырвать твой глаз. Я мог бы носить его на шее, как кулон, в знак того, что мое возмездие равно той силе, которая поразила меня в око.

Ганнибал подчеркнул угрозу дальнейшим молчанием. Наконец Туссело сказал:

— Если хочешь, можешь забрать себе мой глаз.

— Ганнибал не станет мешать своему тщеславию из-за какой-то раны. Я позвал тебя, чтобы поблагодарить за тот путь, который ты показал. Мы оказались там, где мне хотелось быть. Перед нами вся Италия. Ее легионы остались позади. Все, как ты сказал. Подойди, присядь и взгляни на карту.

Он указал нумидийцу на стул, стоявший по другую сторону походного стола. Туссело сделал, как ему велели. Какое-то время его светло-коричневые глаза блуждали по карте Италии, затем он поднял голову и вопросительно посмотрел на командира.

— Этот рисунок отличается от той страны, которая сохранилась в моей памяти, — сказал он.

— Тогда опиши мне ее словами, чтобы я мог найти ловушку, скрытую в ландшафте. Помоги мне придумать план битвы, и этим ты сделаешь свою жизнь очень ценной для меня.

Нумидиец долго не раздумывал. Он тут же открыл рот и начал говорить. Слова слетали с его губ плавно и ровно, как будто он цитировал заученный текст. Ганнибал откинулся на спинку стула, закрыл глаза и вдруг понял, что инфекция пощадила вид мира по другую сторону век. В его воображении все оставалось четким и красочным. Он слушал рассказ африканца и узнавал страну глубже, чем при изучении различных карт, которые во многом уступали описанию Туссело.

В тот же вечер к нему пришел врач и после долгого осмотра подтвердил печальную истину, уже известную Ганнибалу. Его глаз умер. Отныне ему было суждено смотреть на мир только единственным оком. «Ладно, — подумал он. — Я принимаю это». И тогда он почувствовал, что время отсрочек прошло. На следующий день его армия двинулась вперед, сея хаос пожарищ и разрушений. Повернувшись спиной к римским легионам в Арретиуме, Ганнибал пошел на Фесулу — укрепленный город, который он взял с наскока и изнасиловал в буквальном смысле слова. Мужчин и юношей убили, над женщинами безжалостно надругались, детей разогнали пинками по холмам. Его воины взяли все, что могли унести, остальное сожгли. Армия направилась на юг, повторяя трагедию Фесулы в других городах и поселениях. За ними простиралась черная пустыня отчаяния. В этом походе Ганнибал не проявлял ни малейшей жалости. Чтобы закончить войну, ему требовались сотни тысяч смертей, поэтому он решил пополнять свой счет ежедневно. В то же время террор создавал у римлян миф о превосходстве африканцев и подгонял их к поиску средств, способных остановить кровопролитие.

У города Кортонна его разведчики доставили весть, которую он терпеливо ждал. Фламиний погнался за ними. Его легионеры преследовали карфагенскую армию в дикой спешке, боясь, что они вообще не достигнут добычу. Римляне вновь проглотили наживку.

* * *

Оказавшись ближе к западному побережью, чем к восточному, Силен нашел безвестную рыбацкую деревню чуть ниже города Аскул и лишь оттуда вышел в море. Вся его миссия требовала жесткой конспирации без каких-либо ссылок на Карфаген и без использования африканских кораблей. Второе условие, хотя и замедляло путешествие, имело положительный аспект. Римляне, прежде не любившие море, в последнее время проявляли интерес к военному кораблестроению. Силен не хотел плыть на судне, которое могло попасть под атаку их трирем.

Несмотря на секретность миссии, его трижды останавливали римские патрули. В первый раз Силен назвался торговцем из Гераклеи, якобы продававшим кожаные изделия по всему Адриатическому побережью. На вопрос, не рискованное ли это дело, учитывая нынешнюю войну, он ответил, что не сомневается в победе Рима над африканскими врагами и что после их разгрома плоды его отважного труда должны были принести ему столь долгожданное богатство. Когда он продемонстрировал образцы своих товаров и предложил солдатам скидку, ему разрешили следовать дальше.

Второй раз, в порту Сиракуз, он не стал называть профессию, а просто дал несколько уклончивых ответов. Вся его зрелость прошла в этом городе. Не мудрено, что по произношению римляне приняли его за местного жителя. Силену отпустили, взяв штраф за нарушение порядка. Он снова оказался в городе, который считался чудом зодчества. Именно здесь находилось такое архитектурное диво, как музей — обитель многих знаний и искусств, собранных в разных частях мира. Ему захотелось отвлечься от своей миссии, вска-

рабкаться на знакомые холмы и осмотреть дорогие сердцу места или найти старых друзей и поделиться с ними рассказами о том, что он видел за последние годы. Его тянуло в компанию греков — так сильно, что сжимало живот от желания. Глядя на плоды греческих рук и ума, он не мог понять, почему связал свою жизнь с другим народом. Возможно, он совершал очередную глупость.

Когда он стоял на площади, размышляя о странностях судьбы, к нему подбежал один из портовых рабочих и сообщил, что корабль, который мог бы отвезти его в Эмпории, отправляется в плаванье нынешним вечером. Силен наградил мужчину за добрую весть и попросил его договориться о пассажирском месте на судне. Несмотря на все желания, томившие сердце, он должен был выполнить свое задание. Здесь побуждающим мотивом была не столько верность Ганнибалу, сколько его личные чувства. Хотя он ничего не сказал командиру, новость о пленении Ганнона потрясла его до основания. Если бы в тюремных стенах оказался любой другой Баркид, Силен бы тоже опечалился. Но Ганнон ему нравился. Это трудно было объяснить, однако он всегда находил нечто прекрасное в том, что остальные считали пороками и недостатками Ганнона. Его угрюмый характер сулил Силену особые наслаждения. Суеверный страх Ганнона перед знамениями и божественными символами заставлял грека улыбаться, вспоминая о собственных богохульствах. Он никогда еще не встречал человека, столь серьезно относившегося к жизни, стоявшего так близко к величию и не получавшего от этого радости. Ганнон не впечатлял своим мужеством, как Ганнибал; он уступал Гасдрубалу в красоте и Магону — в манерах. Но Силен не мог противиться себе. Ему нравился этот молчаливый воин. Он хотел бы иметь такое будущее, где они могли бы вместе проводить свой досуг согласно их природе и глубине отношений.

* * *

Ничто не казалось столь позорным для римских глаз, чем широкая панорама сельской местности и деревень, сожженных подлыми захватчиками. Преследуя карфагенскую армию через всю Этрурию, Фламиний ужасался картинам, которые открывались его взгляду. Как африканцы оказались к югу от него? Откуда они пришли? Новость, переданная ему разведчиками, вызывала шок и удивление. В каком-то смысле Ганнибал уже превзошел его в искусстве стратегии. Ловким маневром он проскользнул мимо него без сражений и стычек. Вслед за изумлением нахлынул гнев, и Фламиний не стал тратить время напрасно. Он отправил в погоню два легиона.

Преследование тоже выглядело странным. Если прежде Ганнибал старался действовать незаметно, то теперь он намеренно оставлял следы своего передвижения по стране. Они были записаны на лицах людей и поднимались к небу клубами черного дыма от тысячи пожарищ. Среди римских офицеров распространился слух, что карфагенский военачальник находился под покровительством новых богов и что его невозможно было победить. Нелепые бредни несли в себе семена сомнений. Фламиний решил доказать их абсурдность и не дать им перерасти в открытый страх.

Однажды вечером он приказал развести большой костер. Встав спиной к огню и осмотрев красные лица солдат, он произнес судьбоносную речь. Неужели они сами не видят, что вторжение африканцев является лишь новым вариантом варварских набегов? Когда римляне впервые столкнулись с галлами, они тоже верили, что им противостояли непобедимые воины, посланные богами для разрушения их цивилизации. Эти желтоволосые дикари, дробившие кости ударами больших дубин, казались бесчисленной ордой гигантов, нахлы-

нувшей с севера. Legionеры, встретившие их, бежали в ужасе, бросая оружие. Галлы вошли в опустевший Рим, и только в Капитолии осталась кучка солдат, которая отчаянно и храбро удерживала крепость. Варвары грабили страну так же по-скотски и злобно, как это делал теперь Ганнибал.

— Тем не менее мы по-прежнему здесь! — продолжил Фламиний. — И мы правим не только Италией, но и другими странами мира. Кому мы обязаны этим? Простому гражданину Рима, который изменил ход истории. Я говорю о Камилле — таком же великом человеке, как и Цинциннат. Он ненавидел галлов и советовал людям: «Посмотрите на этих дикарей. Они не боги и не демоны. Они не вестники изменчивого рока. Галлы люди, такие же, как мы, но только хуже нас. У них нет дисциплины. Они спят на открытом воздухе и не возводят укреплений. Насытившись пищей, вином и женщинами, они валяются на землю и спят». Камилл увидел галлов такими, какими они были на самом деле. Он показал другим, что их можно побеждать. С отрядами копейщиков Камилл прокрался ночью в лагерь варваров. Римские воины тихо прошли между храпевших дикарей и, рассредоточившись повсюду, напали на галлов. Они резали им глотки, и те, пробуждаясь от пьяных снов, находили себя в жерле адской мясорубки.

Фламиний развел руки в стороны, словно хотел обнять все войско, стоявшее перед ним. Его силуэт выделялся на фоне яркого пламени.

— С той памятной ночи римляне больше не боятся варваров. Давайте не будем забывать урок наших предков. Мы — это Рим! И мы не боимся захватчиков! Нам нужно лишь вспомнить о нашей великой истории и вписать в нее триумф очередной победы!

На следующий день во время завтрака разведчики доложили ему, что Ганнибал направляется к Перусии, от которой он, вероятно, собирался совершить бросок на юг. Услышав эту новость, Фламиний обрадовался. Лучших условий для

сражения и быть не могло. Очевидно, Ганнибал не знал, что он попал в капкан. Его окружали две консульские армии — легионы Фламиния и войска Гемина, торопливо приближавшиеся с юга. Какой идеальный план! Ему благоволили боги. Если он предпримет решительные действия, то обезглавит Ганнибала и принесет его голову в Рим на кончике копья. Город встретит его триумфальными приветствиями беспрецедентных масштабов.

Сгорая от нетерпения и демонстрируя подчиненным свою решительность, Фламиний оставил завтрак недоеденным. Он вскочил на ноги и побежал к коню, выкрикивая на ходу приказы и распоряжения. Офицеры едва поспевали за ним. Армия срочно должна была выступить в поход. Вестовые направлялись к Гемину с просьбой оказать поддержку кавалерией. У них появилась уникальная возможность сдать врага в тисках обеих армий.

— А затем, — вскричал Фламиний, — мы волею богов уничтожим их всех до последнего солдата!

С этим легковесным заявлением он попытался запрыгнуть на коня — прямо с земли, без помощи стремени. Такой трюк обычно исполняли верховые акробаты, да и то не все из них. Как назло, когда консул подпрыгнул вверх, скакун отпрянул в бок и чуть назад. Описав малый круг, он вырвал поводья из рук всадника. Эта череда движений закончилась покоем: конь смиренно стоял в нескольких шагах от Фламиния, а тот лежал в грязной луже и озадаченно разглядывал свою испачканную одежду.

Такой печальный инцидент явно был плохим предзнаменованием, но консул отмахнулся от рук, предлагавших ему помощь, и сердито проворчал:

— Я просто поскользнулся! Можно подумать, что никто из вас не падал с лошади!

Затем, словно желая еще больше рассердить Фламиния, один из офицеров доложил, что консульский штандарт заст-

рял в земле и что его никак не могут вытащить. Под хохот и шутки собравшихся зевак, не желавших помогать в высвобождении штандарта, молодой солдат ругался и пыхтел от усилий, стараясь выдернуть застрявший шест. Грунт в этом месте действительно был плотным и утрамбованным, но многие воины находили это происшествие неестественным. Казалось, что сама земля удерживала их от дальнейших действий.

Однако Фламиний, возведя очи к небу, спросил у пролетавших туч, была ли у какого-нибудь консула армия, менее склонная к битвам и ратным подвигам. Он велел выкопать штандарт из земли и объявил начало похода. Пройгнорировав дурные знамена, он решил проверить репутацию врага в бескомпромиссном сражении. И он сделал это через три дня у Тразименского озера.

* * *

Если бы год назад кто-то сказал Эрадне, что ей до сих пор придется следовать за карфагенской армией, она бы только рассмеялась в ответ. Но пришла весна, и она передумала покидать обоз. Эрадна все еще носила на груди мешочек с сокровищами, однако их было недостаточно для полного счастья. Худо-бедно она пережила долгую зиму вместе с жалкими остатками обозного люда. Собравшись в группы и банды, они помогали друг другу, делились пищей и фуражом, хотя собранные предметы и ценности по-прежнему оставались личной добычей каждого из них. Некоторые группы состояли полностью из галльских женщин, сопровождавших своих мужей. Небольшая банда Эрадны насчитывала пятнадцать человек. Интересно, что даже такое малое количество людей делало ее жизнь более безопасной, чем в тот период, когда она путешествовала в одиночку. Их разношерстная компания включала в себя мужчин и женщин, молодых и

старых. В конечном счете ей удалось отвадить от себя ярких воздыхателей и войти с ними в дружеские отношения. Ее авторитет среди обозников объяснялся тем, что она своим умом улучшила их существование и обеспечила им покровительство многих офицеров.

Как и в любой другой армии, скот, предназначенный для пищи, передвигался у карфагенян своим ходом. Раньше за ним приглядывала целая орда рабов, слуг и юношей, мечтавших стать воинами. Но после перехода через Альпы их число значительно уменьшилось. Многие из уцелевших ребят были рекрутированы в солдаты. Ганнибалу требовался каждый доброволец — и не доброволец. Вот Эрадна и подумала: а почему бы уход за животными не передать обозным мародерам? Она изложила эту мысль огромному кельтиберу, который возглавлял их банду. Тот высказал это предложение секретарю Ганнибала, и карфагенянин по имени Бостар согласился отдать армейских овец, коз и коров под опеку оборванных и голодных обозников. Они не получали денег за свои труды, но им оставляли плохие части убитых животных — что тоже оказалось большим подспорьем. И, кроме прочего, им даровали право на первый сбор трофеев в той великой битве, которая вскоре должна была сделать их богатыми людьми.

Однажды вечером, когда армия прошла через ущелье и спустилась в долину к озеру, Эрадна поняла, что их время пришло. Никто никогда не предупреждал мародеров о военных планах и не давал им указаний. Они сами оценивали ситуацию по косвенным признакам. Обозники загнали стадо коз и бычков на высокий травянистый холм. Отсюда открывался вид на всю долину. Нижние пригорки терялись в тенях, но воздух над ними сиял от янтарных эманаций солнца. Берег озера изгибался широкой неровной дугой, пропадал за скалой и снова появлялся чуть дальше. За тонкой полосой прибрежной гальки начинался сравнительно ровный

ландшафт. Он плавно переходил в ложбины и холмы, поросшие кустами и деревьями. Затем уклон возрастал и поднимался вверх к каменистому кряжу, который царствовал на этой стороне долины. Узкое ущелье, через которое прошли войска Ганнибала, было одним из двух проходов к озеру. На дальнем конце долины имелось схожее ущелье. Чтобы достичь широкого поля у озера, армия должна была сформировать узкую колонну, пройти через проход и растянуться на большое расстояние в тех местах, где у нее почти отсутствовали возможности для маневров.

Большая часть карфагенской пехоты расположилась в центре дальнего конца равнины. Казалось, что утром Ганнибал собирался предложить римлянам битву по всем воинским канонам. Однако местность сама по себе не позволяла двум армиям сближаться в боевом порядке. Эрадна понимала, что в построении африканцев скрывалась какая-то хитрость. Кавалерийские отряды занимали позиции рядом с выходом из ущелья, но они прятались за многочисленными холмами, отмечавшими эту часть долины. Пращники и легкие пехотинцы размещались небольшими группами по всей длине широкого пространства у озера. Они направлялись к холмам и ложбинам. Через некоторое время Эрадна больше их не видела.

Не в силах заснуть от нервного напряжения, она ожидала всю ночь и смотрела на звезды, такие нежные и близкие, что их можно было коснуться рукой. Но ей не хотелось тревожить их покой. Она вспомнила, что небесные огни — это души покойников. Ей рассказала об этом одна старая женщина, однако она не могла подтвердить свои слова. Девушка верила, что ее отец тоже находился где-то там. Она пыталась различить его по вздорному характеру, но звезд было много, и все они походили друг на друга. Если бы старуха говорила правду, то каждый вечер рождались бы новые звезды и вскоре ночь стала бы светлее дня.

Она ненароком заснула и при пробуждении отметила, что ее крепкий сон прервался из-за какого-то странного звука. Ее одежда отсырела от ночных озерных туманов. Холод прикасался к телу влажными пальцами и вызывал неприятный озноб. Небо над головой стало белесым, с высокими перистыми облаками. Звезды вернулись туда, где они прятались в дневные часы. Хватка сонной полудремы едва не закрыла ей глаза, но Эрадна снова услышала звук, который разбудил ее. Это был гул, доносившийся из-под земли. Она вскочила на ноги, окликнула других обозников и побежала к тому месту на вершине холма, откуда открывался вид на долину. От увиденного зрелища у нее перехватило дыхание.

Протяженная дуга берега и широкая равнина от озера до горного хребта были скрыты теперь под покрывалом густого тумана. На склонах кряжа полосы белой мглы оставались только в нескольких ложбинах, но большую часть долины окутывал саван непроницаемой дымки. Тем не менее Эрадна видела проход в горах, через который шла римская армия. Легионеры, судя по всему, покинули лагерь перед рассветом, надеясь пораньше добраться до озера. Они двигались плотной колонной и шагали в ногу, создавая ритмичный вибрирующий звук. На другом конце равнины Эрадна различала лишь смутные движения темной массы. Там размещалась пехота Ганнибала. Похоже, римляне еще не заметили противника. В любом случае, они торопливо маршировали вперед. Эрадна наблюдала за колонной, пока ее передняя часть не погрузилась в туман.

О дальнейших событиях она могла догадываться только по звукам. Эрадна представляла себе, как карфагенская армия молча пряталась за холмами и прислушивалась к топоту римских солдат. Люди Ганнибала терпеливо ждали. Затем тишину нарушил крик. Чей-то голос громко произнес два слова, которые надолго повисли во влажном воздухе. Следом раздался рев галльских труб, и тысячеголосый вопль вско-

лыхнул все окрестности. Она воображала картины, в которых карфагенские воины выбегали из укрытий, вклинивались в узкую колонну римлян и окружали небольшие отряды. Почти невидимые, они прекрасно знали местность, которую подробно изучили прошлым вечером. Для римлян их противник казался стеной звуков, внезапно возникшей из тишины и в пустом пространстве. Многие из них не успели даже вытащить оружие. И у них не было времени, чтобы сформировать колонны и получить приказы центурионов. Ливийские пехотинцы материализовались перед ними из тумана, как демоны, выпрыгнувшие из кошмара. Они рубили, пронзали, выпускали стрелы и метали копья. Сырой воздух гудел от снарядов.

— Какой бог пирует здесь сегодня?

Голос, задавший этот вопрос, напугал Эрадну. Она совсем забыла о своих компаньонах. Обернувшись, девушка увидела старуху, с которой она познакомилась нынешней зимой. Обычно эту мудрую женщину мало что впечатляло. Ее вопрос не предполагал ответа, поэтому все промолчали. Обозники с тревогой осматривали долину, раскинувшуюся внизу. Несмотря на крики, звон оружия и звуки труб, симфония битвы казалась им странно приглушенной. Эрадна знала войну не хуже любого солдата. Она понимала, что ратный труд мужчин, убивавших друг друга, был чередованием тишины и шума. Плоть не издавала громких звуков, когда ее пронзали копьем. Обрубленные руки тихо падали на землю. Солдаты, поскользнувшись в лужах крови или запутавшись в кишках, лишь шептали хриплые проклятия. Железные шарики, выпущенные из пращей, впивались в плоть со звуком не громче бульканья гальки, упавшей в неподвижную воду.

Зная это, Эрадна прислушивалась больше нутром, чем ушами. Она пыталась уловить некие признаки того, что римлянам удалось перегруппироваться. Однако ничто не указывало на упорядоченные звуки в хаосе битвы. Похоже, рим-

лян просто убивали или кромсали на куски. Она видела это в своем воображении, хотя знание мира шептало ей, что подобное абсолютно невозможно. Солдатам Рима не полагалось умирать так легко. Ганнибал уже устроил им однажды резню. Второй раз такое не могло повториться.

Она не знала, сколько времени прошло. В какой-то момент земля будто вздрогнула. Женщина, стоявшая рядом с Эрадной, схватила ее за руку, и обе они замерли, гадая, что еще подстроил Ганнибал. Их сердца забились быстрее при мысли о том, что он действительно использовал в битве божественную силу. Когда пятна тумана рассеялись, их взглядам открылась широкая гладь озера. В одно мгновение туманные черты вдруг обрели сводящую с ума ясность. В воде у берега что-то происходило. Казалось, огромная стая рыб пенила поверхность во многих местах у прибрежных камней. Эрадна даже подумала, что существа из водного мира поднялись посмотреть на битву. Возможно, они были призваны чьей-то молитвой или их рассердил столь ранний шум.

Однако через миг она разобралась в происходивших событиях. Брызги шли от рук и яростных пинков солдат, сражавшихся в воде. Несколько сотен римлян попытались уплыть на другой берег. Они торопливо сбросили шлемы и доспехи, швырнули в сторону оружие и вошли по пояс в воду. Нумидийские и кельтиберийские всадники помчались к ним, срубая головы, вскрывая мечами животы, словно скорлупу орехов. Лучники доставали стрелами самых дальних пловцов, и те один за другим шли ко дну. Противоположный край озера находился слишком далеко, поэтому десятки солдат, испугавшись смерти в темных глубинах, повернули обратно к берегу. Едва они приблизились, кавалеристы убили их, раскрасив прибрежные камни темными пятнами крови. Тем временем туман рассеялся и приоткрыл долину. Взглянув на последствия бойни, Эрадна содрогнулась. Зрелище оказалось еще более отвратительным, чем она предполагала.

Хотя вид трупов уже не вызывал у нее тошноту, она повернулась спиной к полю боя и пригнулась. Эрадна долго постигала искусство войны. Однако теперь ей стало ясно, что Ганнибал был учителем иного сорта. Сидя на холме и медленно воспринимая ужас, творившийся на равнине, ей пришла в голову мысль, которую прежде она никогда не рассматривала. Ганнибал действительно мог выиграть войну. Римляне не способны породить столько новых солдат. Они не вырастят за ночь другое поколение воинов и вождей. Они не продержатся долго, если многочисленная вражеская армия будет хозяйничать на их земле. Она снова подумала о своем путешествии — о возвращении на родину. Прежде ее не волновало, кто победит в войне. Но теперь она вдруг поняла, что результат войны между Римом и Карфагеном мог повлиять на ход ее жизни, какой бы тихий уголок она ни нашла для себя. Этот человек, с его гениальной способностью сеять смерть, мог изменить мир кардинальным образом.

ЧАСТЬ 3: КОНЕЦ ВОЙНЫ

События в Иберии приносили Гасдрубалу мало радости. Он больше не испытывал удовольствия от единственной победы и не имел надежд на какие-либо перемены в скором будущем. Ему казалось, что все вокруг него шептались, выражая недовольство и мстительно планируя переход на сторону римлян. Кое-кто заботливо раздувал огни восстания. Гней Сципион, брат бывшего консула, оказался удивительным врагом. Ранней весной он напал из засады на флот Гасдрубала, когда тот выходил из устья Эбро, — естественно, воспользовавшись донесениями какого-то предателя. Когда моряки на заре пробудились от сна, им навязали битву... Да какую там битву? Это было побоище, где их корабли таранили и топили еще до того, как они выплывали за линию бурунов. Морские суда не успевали разогнаться, как их цепляли гарпунами, опрокидывали набок или поджигали.

С тоской на сердце Гасдрубал представлял себе тот день, когда его брат получит весть об этом. Он так сильно бил себя по лицу ладонями, что офицеры схватили его за руки. Позже он хотел напасть на Эмпории и освободить Ганнона, но Гней все время удерживал его на месте. Римляне высадились к югу от Нового Карфагена, атаковали союзный город Онусу и затем на виду у карфагенян сожгли деревню и урожай на полях, тем самым осложнив обстановку с провизией. Гасдруба-

лу пришлось вернуться, чтобы защитить столицу. И, словно одного Сципиона ему было мало, ранней весной к ненавистному Гнею присоединился Корнелий. Теперь Гасдрубал противостоял обоим братьям.

Несмотря на ряд неудач, ему удалось удержать контроль над большей частью страны. Он сохранил почти всех иберийских союзников, направляя им завуалированные угрозы или довольно откровенные предупреждения. Во многих ситуациях он проявлял тактическую дальновидность, которую требовал от него Ганнибал. Но ему все сильнее хотелось оставить свой пост и отправиться на помощь к брату. Даже ненасытный сексуальный аппетит молодой супруги не отвлекал его надолго. Он чувствовал, что не может одолеть противника, и все чаще писал депеши в Карфаген, умоляя отпустить его в Италию. Однако совет старейшин Карфагена хранил пока молчание.

Вот почему он обрадовался делегации, прибывшей из Карфагена на нескольких кораблях. Гасдрубал надеялся услышать о своей долгожданной отставке. Он стоял на балконе и смотрел, как морские суда спускали паруса и шли на веслах между скал, защищавших устье гавани. Флот был впечатляюще большим — более тридцати кораблей различных размеров. Весла пенили воду в унисон, перемещая судна все ближе к берегу. Гасдрубал всегда удивлялся этому странному соглашению между кораблями и водой. Что делало поверхность моря то прочной, то жидкой? Вода поддерживала невероятно тяжелые объекты и в то же время могла утопить любую мелочь. И почему при каждом приливе море разрасталось, словно боль, разрывавшая брюхо огромного зверя. Он никогда не стал бы морским капитаном. Смерть в яростной битве на суше казалась ему более приемлемой, чем гибель в бездонной глотке моря.

Вскоре к нему пришел Ноба, сжимая в пальцах несколько развернутых свитков.

— Они привезли подкрепление, — сказал он. — Четыре тысячи солдат. Скудное число, но, с другой стороны, это ливийцы.

Гасдрубал опустил уголок губ, затем его лицо приняло прежнее выражение. Он сел на низкий стул, широко расставил ноги и сложил руки на коленях. Густая щетина придавала ему неопрятный вид.

— Что еще?

— Десять слонов. Двести массилиотов. Кроме прочего, советники прислали тебе нового генерала. Это Гизго, сын Ханнона. Он служил лейтенантом у коменданта Карфагена. Теперь его перевели под твое начало, но он будет заниматься гражданскими вопросами. Тебе же велено сосредоточиться на военных делах. Контакты между Иберией и Карфагеном тоже будешь поддерживать ты. Думаю, это не очень хорошая новость.

— А что хорошего может быть в приезде Ханнона? Совет не передавал для меня других сообщений? Есть что-то от шофета Хада?

Оруженосец покачал головой.

— Когда-нибудь я выскажу им все, что о них думаю! Сколько войск они послали в Италию?

Ноба посмотрел на него и поморщился. Он прочистил горло, поднес к глазам один из свитков и мельком взглянул на текст.

— Они не послали Ганнибалу вообще ничего.

Гасдрубал вскинул голову вверх, вскочил на ноги и, вытянув руку, выхватил документ у оруженосца.

— Ты решил пошутить надо мной?

— Тебе известно, что у меня нет чувства юмора.

Бросив краткий взгляд на свиток, Гасдрубал отшвырнул документ в сторону.

— Объясни мне действия совета, Ноба. Потому что я не вижу в них смысла.

— Возможно, их ресурсы не так велики, как мы думаем, — предположил оруженосец.

— У них могут быть свои проблемы, но богатство Карфагена превосходит границы моего воображения, — возразил Гасдрубал. — Мне кажется, тут дело в другом. Они хотят, чтобы он потерпел неудачу, верно?

— Вряд ли эти старики устраивают заговор. Они богатеют на том, что мы делаем здесь. Как бы там ни было, наша армия увеличилась на четыре тысячи солдат по сравнению с вчерашней численностью.

Гасдрубал заметил Баялу, которая появилась в дальнем углу комнаты. Увидев Нобу, она остановилась и нерешительно провела рукой по ткани настенного гобелена. Баркид раздраженно вздохнул и понизил голос.

— А что если мы отдадим этому Гизго полную власть над Новым Карфагеном? Пусть забирает город. Напиши депешу советникам. Передай им, что я собираюсь присоединиться к моему брату. Я возьму с собой всего лишь несколько тысяч солдат — ту малую толику, которую они могли бы послать Ганнибалу.

Ноба сложил руки на груди.

— Совет не позволит тебе уехать. Мы оба знаем это. Наши недоброжелатели уже воспользовались тем фактом, что ты постоянно просишь отставки. Сегодня они еще говорят, что ты необходим для Иберии, а завтра поставят под сомнение твою лояльность Карфагену. Смотри, как они запускают руки в наши дела, выхватывая сначала одну часть твоей власти, а затем другую.

— Ноба, за последние несколько месяцев ты стал невыносимым всезнайкой! Я помню время, когда ты был на моей стороне.

— Моя верность требует, чтобы я указывал тебе на ошибки, — ответил оруженосец. — Это лучше и честнее, чем по-

ощрять твои глупости. Ты сам все понял бы, если бы боги даровали тебе такую мудрость, как у твоего...

Гасдрубал выбросил руку вперед и остановил кулак у самого лица оруженосца — достаточно близко, чтобы этим жестом передать серьезность угрозы.

— Закончи фразу, и ты больше никогда не испытаешь радости в жизни.

Ноба закатил глаза к потолку. Затем, подумав, он сказал:

— Извини меня. Я оговорился. Поступай, как хочешь. Я пойду и поприветствую Гизго от твоего лица. Сегодня вечером у нас с ним ужин.

Когда звуки его шагов затихли в коридоре, Гасдрубал закрыл глаза и перевел дыхание. Затем, услышав, как к нему подошла Баяла, он обернулся и посмотрел на нее. Она медленно обошла его полукругом и, прикинувшись застенчивой девушкой, высунула кончик языка между зубами. Ее серые глаза искрились озорством. Похоже, она снова приглашала его к любовным играм. Но, даже чувствуя сексуальное возбуждение, он отвернулся от нее. У него не было настроения для подобного времяпрепровождения. Она, видимо, уловила это и еще больше удивила, сказав:

— Ноба прав.

— Возможно, — ответил Гасдрубал, — но я не спрашивал твоего мнения.

— Да, не спрашивал. Если ты прикажешь мне держать язык за зубами, я поступлю по-твоему, но тебе не нужно уклоняться от разговоров со мной. Твой оруженосец хороший человек. Вам, Баркидам, везет на помощников. Вы внушаете верность тем людям, которые окружают вас. У других это редко получается.

Гасдрубал намеренно смотрел в дальний угол комнаты.

— Что ты знаешь об этом? Ум женщины может отравиться разумными мыслями и зачахнуть.

— В некоторых странах женщины управляют мужчинами.

— Наша страна не такова.

Баяла поджала тонкие губы, словно хотела сохранить непрочную связь между ними. Она оставила слова мужа без комментариев.

— В любом случае, ты нужен здесь, в Иберии. Я, между прочим, тоже многое слышу, супруг. Женщины говорят не меньше мужчин, и часто они обсуждают те же темы. Многие племена ожидают малейшего повода, чтобы отвернуться от карфагенян. Даже мой отец может выказать свое непостоянство. Если Фортуна отвернется, он распрощается с тобой без сожаления. Как ты, наверное, слышал, он убил старшего брата, чтобы захватить власть над племенем. В каком-то смысле, злодеяние отца лежит на совести всей нашей семьи, поскольку каждый из моих сородичей ест пищу с его рук. Я тогда еще не родилась, но думаю, что все так и было.

Гасдрубал вспомнил облик Андобалеса — конусообразное тело, грушевидный нос и выпирающая челюсть, как у кабана. Ему не хотелось думать о нем — тем более, что перед ним стоял объект его многочисленных желаний. Но Гасдрубалу не понравилось, что его жена рассказывает такие унижительные истории о своем родителе.

— Ты уже начала наговаривать на своего отца? — спросил он. — Интересно, что ты мелешь обо мне своим подругам за моей спиной?

— Ничего такого, что я не могла бы повторить, стоя на коленях перед тобой, мой супруг.

Баяла провела рукой по его животу. Ее пальцы нашли край одежды и проскользнули внутрь, чтобы дотронуться до кожи.

— Ты должен остаться здесь, чтобы защитить империю и свою жену, — сказала она. — Без тебя я буду чувствовать себя в опасности. Неужели ты хочешь бросить меня? Неужели мне не удалось доставить тебе удовольствие?

Он хотел закричать, что в жизни имеется нечто большее, чем погоня за удовольствиями. Но эти слова угасли в нем.

Во-первых, его удивило заявление жены о вездесущей опасности, и, во-вторых, он возбудился. Гасдрубал уже сомневался в первоначальном утверждении. А было ли это провозглашенное им «нечто большее»? Баялу не смущало молчание мужа. Она прижалась к нему, и он почувствовал вес ее груди на своей руке. Затем она скользнула вниз — к своему любимому месту на его мускулистом теле. Ощущение восторга едва не лишило его дыхания.

— Я тебе нравлюсь, муж? — спросила она.

Взглянув на нее — на самодовольное веселье глаз, на несовершенные контуры лица и тонкую полоску губ — Гасдрубал еще раз понял, что она действительно ему очень нравится. Больше, чем он был готов признать. Интересно, чувствовал ли кто-нибудь из других Баркидов такую слабость к женщине. Внутренний голос прошептал ему, что если он потеряет свою страстную супругу, это будет равносильно смерти.

* * *

Имилце не хотелось посылать Ганнибалу письмо, написанное чужой рукой, но она еще не научилась оформлять слова в такие красивые фразы, которые соответствовали бы ее чувствам. У нее не было другого выбора и поэтому ей приходилось говорить о своей любви вслух, наблюдая за тонкими пальцами молодого писца, воплощавшего ее мысли в ровные строки. Он старался не смотреть на нее и всегда держал голову в нескольких дюймах от пергамента. Она была благодарна ему за это. Имилце специально говорила медленно, чтобы юноша не переспрашивал ее.

Письмо начиналось так:

«Ганнибал, мой муж, любимый Ваалом и Имилце... Я тоскую и горжусь. Не знаю, где это письмо найдет тебя или от каких напастей ты будешь страдать в тот миг, когда станешь

читать его. Я даже не знаю, дойдет ли оно до тебя, однако надеюсь на лучшее. До нас дошли новости, что ты нанес Риму серьезный урон, как и обещал нам ранее. Твои победы были встречены с великим воодушевлением, хотя не все в Карфагене желают тебе удачи. Я не буду перечислять в письме имена, но скажу, что рядом с каждым советником, воздающим тебе хвалу, находится другой, который ворчит и обвиняет Ганнибала в уничтожении нации. Я прежде не знала, что зависть может быть настолько черной, но жители Карфагена не перестают удивлять меня своими уникальными особенностями.

Твой родной город пленил меня красотой и роскошью. И в то же время он кажется душным и замкнутым как могильный склеп — для меня, по крайней мере. Я не хочу, чтобы ты считал меня неблагодарной. Твои сестры и мать весьма добры ко мне. Но без тебя я здесь ничто. Никто, кроме Сапанибал, не видит меня по-твоему. Никто не принимает меня такой, какая я есть. Они достаточно добры. Однако я чувствую себя здесь, словно дорогое ожерелье, уложенное в коробку, ибо рядом нет того, для кого оно было создано. Ты все еще уверен, что я не могу приехать к тебе в Италию? Я бы с радостью отправилась в такое путешествие — особенно теперь, когда ты снискал славу победителя...»

— Ты успеваешь? — спросил она писца.

Тот кивнул, не поднимая головы. Закончив писать, он тихо прошептал:

— Снискал славу победителя.

Имилце взяла с подноса финик и проверила зубами его свежесть. Наблюдая за поведением местных женщин, она почти неосознанно переняла у них множество манер. По рекомендации своей юной родственницы, она носила карфагенскую одежду. Сами по себе наряды были красивыми, но ей не нравился эффект, который они создавали в комбинации с чувственной грацией африканских модниц. К примеру, Ди-

добал учитывала этот диссонанс и обращала его в преимущество — светло-красные и оранжевые тона в одежде, узоры на ткани еще больше подчеркивали ее темную кожу. Не удивительно, что карфагенские мужчины смотрели на нее с безмолвным восхищением. Впрочем, для Имильце мужские взгляды ничего не значили. После приезда в Карфаген она обитала в мире женщин и чувствовала себя в нем абсолютно незрелой. В присутствии свекрови она казалась себе девочкой в женской одежде — куклой, а не взрослой женщиной. О, как ей хотелось бы впиться пальцами в мускулистую спину супруга, направить в себя его член и еще раз понять, что он настоящий, что кто-то действительно ценит ее и что у них с мужем может быть одно общее будущее. Как жаль, что она не забеременела... Однако такие мысли не предназначались для ушей писца. Она бросила финик обратно на поднос и продолжила диктовать письмо.

«Хочу рассказать тебе о том, что тронуло меня до глубины души. Хотя я не знаю, как ты отнесешься к этому. Прошлым вечером я ужинала вместе с твоей младшей сестрой Софонисбой. Наверное, ты почти не помнишь ее. Ей уже тринадцать лет, но ее красота расцветает с каждым днем. У нее такие черные и большие глаза, обрамленные длинными ресницами, что иногда кажется, будто они овевают воздух волшебными опахалами и словно каждая ресница является пером в руках египетской танцовщицы. Для меня остается загадкой, как ей удается создавать подобное впечатление простым движением ресниц, но оно очень действенно. Меня даже пугает, какой ошеломляющей она может быть в своем еще детском великолепии. Взрослые мужчины, солдаты и отцы... и даже деды — они едва не преклоняются перед Софонисбой. Те, что попроще, флиртуют с ней как с взрослой женщиной. Она еще девочка, а волки уже воют по ночам.

Однако больше всего меня удивляет ее ум. У этой юной девушки всегда есть свое мнение. Она хорошо информирова-

на и охотно рассуждает на любую тему. Она знает подробности твоей кампании, и ей хотелось бы самой принимать в ней посильное участие. Недавно Софонисба посмотрела на меня и со всей серьезностью сказала: “Если бы я родилась мужчиной, то отомстила бы за все унижения, нанесенные нам Римом”. А затем она спросила: “Тебе не кажется, что наши женщины гораздо храбрее мужчин?”

Я ответила ей, что если она всегда будет поступать по-своему, то это будет правильно. Однако лесть ей не нравится. Она ищет чего-то большего в отношениях с людьми, хотя мне не хватает слов, чтобы объяснить. Я привела ей в пример Дидобал и бабушку — тех храбрых женщин, которые нашли в себе силы отправить мужей на войну и терпеливо ждать их возвращения. Мне не хотелось упоминать себя, но, прислушиваясь к своей речи, я почувствовала определенную гордость за то, кем стала во время твоего долгого отсутствия. Софонисба не спорила со мной, но явно опечалилась. Ей хотелось бы, чтобы у женщин был другой способ для демонстрации своей отваги. Она сказала мне: “Имилце, я не похожа на других девушек. Я не грежу детскими надеждами, а желаю однажды послужить Карфагену, чтобы еще раз прославить род Баркидов”.

Ты представляешь себе это? Но остальные люди считают ее девочкой, мечтающей выйти замуж за какого-нибудь чужеземного царевича...»

Продолжая диктовать письмо, Имилце села в плетеное откидное кресло, которое стояло в ее гостиной. Она еще не привыкла к нему. Несмотря на элегантную форму и крохотную подушку, сделанную из кожи зебры, кресло не давало комфорта. Если бы не ее статус гостыи, Имилце давно бы заменила его. Какое-то время она молча сидела, опираясь на идеально прямую спинку, вырезанную из красного дерева, и задумчиво прислушивалась к перу писца, скрипевшему по папирусу.

Она вспомнила о поклоннике Софонисбы и решила немного рассказать о Масиниссе. Имилце увидела его впервые несколько дней назад, когда он возвращался с охоты на льва — фактически это было его посвящением в общество карфагенской знати. Она и Софонисба стояли на городской стене у самых ворот и наблюдали за колесницами, гремевшими по дороге. Вечер ублажал приятной прохладой. Поверхность дороги потемнела после легкого дождя. Масинисса, будучи массилиотом, гордо отказался от колесницы. Он ехал в спокойном рое всадников, но Софонисба без труда различала его в толпе.

— Вот он, — вскричала она. — Самый красивый из всех.

На самом деле он ничем не отличался от других юных воинов. Естественно, Имилце не стала говорить об этом. Впрочем, позже, к своему удивлению, она все же выделила его из толпы. Его одежда, довольно простая на вид, не бросалась в глаза, но когда он гарцевал на коне и смеялся над шутками товарищей, лицо Масиниссы сияло царственным величием, которое отделяло юношу от компаньонов. Он веселился в кругу друзей, однако, как сын монарха знал свое место среди них и чувствовал себя уверенно в этой роли. Вестовой принес сообщение, что юный царевич убил своего первого льва. Он убил его, находясь в седле и дразня зверя. Ему потребовалось только три копыя. Он был таким юным, таким стройным и милым, что Имилце с сомнением отнеслась к словам гонца. Возможно, думала она, рассказ приукрасили, чтобы потешить гордость царевича. Как дочь вождя она прекрасно знала, что деяния слуг часто приписывались их хозяевам. Но, познакомившись ближе с Масиниссой, увидев его лицо, почтительную улыбку и манеру поведения, почувствовав спокойную уверенность царевича и скромность, с которой он принимал похвалу, она поверила истории.

Ей хотелось поделиться этим воспоминанием с мужем, но она и так уже наболтала слишком много, говоря о совершен-

но пустяковых делах, которые Ганнибал мог посчитать тривиальными в сравнении со своими прошлыми и грядущими битвами. В любом случае, ей никогда не удавалось вложить в письма истинные чувства. Прочитанные тексты заставляли ее сомневаться в том, что она знала свое сердце.

— Возможно, семейство Баркидов в скором будущем пополнится двумя героинями, — продиктовала она, — и твои сестры получат шанс на славу наравне с их братьями. Со всей любовью, которой нас связал Ваал, я жду тебя. Твоя жена Имилце.

Закончив диктовку, она быстро выдернула пергамент из рук писца, чтобы он не смог перечитать написанный текст, как обычно делал раньше. Отпустив юношу и оставшись одна, она внимательно осмотрела письмо. Ей хотелось прочитать его заново, но она решила не делать этого. Ее изучение письменной речи успешно продвигалось вперед, однако она еще была слаба в чтении записей. Слишком много слов оставались незнакомыми ей, поэтому при чтении писем она начинала злиться на себя. Писцы никогда не изображали слова одинаково: они использовали сокращения и облекали сложные мысли в простые типовые фразы. Если бы не ее статус гостыи, она вернула бы писца обратно и заставила его переписать текст несколько раз. Она сделала бы то же самое и с предыдущими письмами, но сейчас, успокоив свое раздражение, Имилце поступила по-другому.

Убедившись, что чернила высохли, она раздвинула складки одежды. Прикладывая папирус к обнаженному телу, она добивалась, чтобы ее запах впитался в сухой лист бумаги. Она прижимала письмо к животу и к впадине между грудями, где все ребра сходились в одну точку. Какое-то время она мечтательно поглаживала пальцами папирус, представляя, как Ганнибал получит его и вспомнит. Пусть бумажный лист покажется мужу ее кожей. Пусть он почувствует ее тоску за написанными словами и поймет больше того, что она могла сейчас сказать.

* * *

Бойня близ Тразименского озера стала беспрецедентным событием в римской истории. Она не была повторением неудачи под Требией. Она являла собой нечто худшее. На этот раз в одном сражении погибло пятнадцать тысяч солдат — в том числе консул, приведший легионы к поражению. Его пронзил копьем какой-то инсабрийский галл. Шести тысячам воинам удалось добраться до ущелья и бежать в ближайший город, но они не продержались там и дня, сдавшись на милость победителя вместе с тысячами мирных горожан. Когда кавалерия Гемина встретилась с превосходящими силами Махарбала, нумидийцы уничтожили около четырех тысяч всадников и многих взяли в плен. Если первое поражение ударило каждого римлянина кулаком под дых, то последний разгром обрушился на коллективную душу народа, как удар кузнечного молота. Такое чудовищное невезение поразило удрученных и напуганных граждан. Никто уже не знал, до каких пределов простиралась сила Ганнибала. Никто уже не принимал на веру бравые речи сенаторов.

Вскоре пришла весть, что некоторые солдаты возвращаются домой. Люди собрались у ворот и на стенах города, ожидая, когда они появятся на дороге. Женщины подбегали к ним, хватали мрачных, перепачканных кровью солдат, заглядывали в их лица, называли имена мужей, сыновей и братьев, умоляли богов вернуть их возлюбленных к домашним очагам. Но боги отвернулись от римлян. В умах горожан все чаще возникала мысль, что Ганнибала невозможно победить. Говорили, что он заточил Фортуну в клетку и выкручивал ей члены, добываясь преимущества в сражениях. А еще болтали, будто этот человек был богом, а не просто смертным.

Несмотря на панику и зловещие истории, ходившие в народе, римские лидеры не тратили время попусту и не зала-

мывали руки. Фракция, возглавляемая семейством Фабиев, и их союзники в Сенате потребовали назначения диктатора. Никто из других сенаторов поначалу не желал соглашаться с этим сумасбродным предложением. Абсолютная власть всегда сопровождалась серьезными ограничениями гражданских прав, но если страна нуждалась в крайних мерах, то именно в подобные моменты. И всем вдруг стало ясно, что единственным претендентом на должность диктатора был лидер вышеназванной фракции — седоволосый Фабий Максим, бывший цензор, дважды консул, дважды интеррекс* и человек, уже однажды имевший этот сан. Именно он объявил войну Карфагену, выпустив ее из складок своей тоги. Он воплощал в себе римское достоинство, стойкость и упорную целеустремленность. Фабий не горячился в речах и поспешных действиях, но, взявшись за дело, всегда доводил его до конца. Он обладал плохим зрением, однако этот изъян не делал его слабее, такое случалось со многими людьми его возраста. Во время диктаторства он обзавелся зорким помощником, который сопровождал его повсюду. Этим молодым офицером был сын бывшего консула — Публий Сципион.

Приняв сан диктатора, Фабий с самого начала объявил, что поражение у Тразимена стало результатом постыдного безверия Фламиния — его неуважения к религиозным формальностям. Неужели никто не заметил, что он начал погоню за Ганнибалом в *dies nefastus*** — в неблагоприятный день, когда мудрые люди откладывают любую работу в сторону и когда боги с гневом смотрят на тех, кто задумывает новые начинания? Фабий велел перечитать Пророческие книги, надеясь, что речи Кумской сивиллы подскажут правильные действия, как то бывало уже в прошлом. Он посоветовался со жрецами и призвал их к незамедлительному исполнению ри-

* *Interrex* (лат.) — междуцарь, временная магистратура.

** Взапретные (неблагоприятные) дни не принимали решения, не выносили приговоры и т. д.

туалов, игрищ и обетов, привлекающих милость богов. Далее он издал указ, по которому все сельские жители, увидев приближение карфагенской армии, должны были сжигать свои дома и урожай, уничтожать животных и даже инструменты труда. Фабий приказал собрать два новых легиона для защиты Рима. Он направил Луция Постумия с еще двумя легионами к цизальпинским галлам для жестокого террора в селениях бойев и инсабров. Он надеялся, что, в лучшем случае, отряды галлов оставят Ганнибала и уйдут защищать свои дома. В худшем случае, Постумий не позволит мятежникам посылать подкрепления карфагенской армии.

Перед тем, как отбыть из Рима и принять командование над легионами Гемина, Фабий обратился к сенаторам и предложил им удивительную стратегию, которую он придумал для победы над врагом. На самом деле его план был предельно простым. Он не хотел вступать в бой с африканцами. Армия, которая воздерживается от битв, не может оказаться побежденной, пояснил он свою позицию. Когда его спросили, позволит ли он захватчикам грабить страну, Фабий дал утвердительный ответ: да, он позволит.

— Пусть они передвигаются по стране как хотят, — сказал он. — Но земля будет гореть не только за спинами карфагенян. Они увидят пожарища и перед собой. Пусть проходят недели и месяцы без битв и стычек. Они начнут умирать один за другим. Их численность будет неизменно сокращаться, и долго они не протянут. А мы, в свою очередь, всеми средствами поможем им уменьшить их армию.

Он подчеркнул, что намерен время от времени проявлять активность. Его войска будут следовать за Ганнибалом, терзать африканские отряды с флангов и тыла и делать их жизнь невыносимо трудной. Карфагеняне не смогут пополнять запасы провианта. Они будут отрезаны от притока новых сил. В конечном счете усталость, постоянная убыль солдат и болезни уничтожат армию захватчиков. Преимущество римлян

заклучалось в том, что они могли восполнять потери, набирать новых солдат и выращивать урожай на полях. Ганнибал не имел таких возможностей. Ему все будет даваться с трудом. И это приведет к его гибели.

Стратегия Фабия смутила многих сенаторов. Один из них, Теренций Варрон поднялся с места и спросил:

— Что за безумие, Фабий? Похоже, ты спятил от отчаяния! Неужели мы избрали тебя диктатором только для того, чтобы ты назвал нас людьми, обреченными на африканское рабство?

— Мы не в силах победить Ганнибала на поле боя, — ответил Фабий. — Но его можно уничтожить умом и хитростью. Подумай об этом! Без тщеславия, но с толикой мудрости. Был ли Корнелий хуже других генералов и сенаторов, собравшихся здесь? А Семпроний? А Фламиний? И разве прежде римская армия переживала такие поражения? Когда еще за всю историю Рима какой-то противник превосходил нас по всем статьям? То, с чем мы сейчас столкнулись, это величайший вызов для нашей республики с момента ее становления. Мне не ведомо, какой гений сопровождает молодого Баркида, но мы должны признать, что он побеждает нас в любом открытом столкновении армий. Друзья, вы назначили меня диктатором не из-за моих военных подвигов. Вы возложили на меня эту ответственность не из-за ловкости, с которой я мог бы танцевать с Ганнибалом. Вы избрали меня диктатором из-за моей рассудительности. И я предлагаю вам стратегию, благодаря которой мы сможем победить оккупантов. Клянусь, что Карфаген еще увидит день печали! Наберитесь терпения и доверьтесь мне. Я ваш диктатор. Рим будет спасен.

Он вышел из притихшего зала. Помощники и офицеры толпились вокруг него густым роем. Публий поддерживал локоть Фабия. Оказавшись на улице, диктатор тихо спросил:

— И как, по-твоему, они восприняли мое предложение?

— Мой господин, — ответил Публий, — их удивление было таким большим, что птицы могли бы вить гнезда в их ртах и высиживать птенцов из яиц.

Фабий улыбнулся и сказал:

— Будем надеяться, что реакция Ганнибала будет похожей.

* * *

После победы у Тразименского озера Ганнибал повел армию на восток и дошел до Умбрии. Это был не поход, а пир в движении. Вся страна стала огромным рынком, на котором им добровольно отдавали любой товар. Почти в каждой провинции Ганнибал выслушивал хвалебные речи, поскольку жители городов проявляли мудрость, отказываясь от верности Риму и присоединяясь к победителям. Но люди латинской крови часто демонстрировали упрямство и непокорность. Несколько городов отклонили мирные предложения карфагенян и поплатились за это. Единственным исключением был хорошо укрепленный город Сполетий. Он без труда отразил атаку африканцев. Глупые люди! Будь у Ганнибала время и снаряжение для правильной осады, он провел бы ее. Но ему приходилось решать другие вопросы.

В первую неделю июля он разбил лагерь на побережье близ Пескары и дал армии короткий отдых. Воины получили доступ к добыче, которую они собрали в течение весны. Несмотря на триумфальные победы, солдаты находились в жалком состоянии: раненные в битвах, истощенные долгой зимой, уставшие от походов и приступов диареи. Животные тоже были не в лучшей форме. Поэтому Ганнибал дал им время для восстановления сил. Воины купались в теплых водах моря, загорали на солнце и постепенно забывали о тяготах зимы. Они отнимали у местных жителей жирных овец и коров, питались свежим мясом и хлебом, лакомились фруктами, срывая их прямо с деревьев.

Эти недели отдыха проходили не только в поисках удовольствий. Ганнибал переоснастил ливийцев оружием, захваченным у римлян. Они упражнялись с ним на тренировках, осваивали римскую технику боя и выискивали приемы, чтобы эффективно противостоять маневрам легионеров. Командир ежедневно отправлял нумидийцев в дальние набеги, и те возвращались с новыми лошадьми, которых они затем переучивали под собственный стиль езды. Ганнибал послал гонцов в Карфаген с полным перечнем побед и с просьбами о подкреплении. Составляя письма, он загодя знал, что некоторые советники не согласятся с его пожеланиями. Но он все равно изложил свои требования на листах пергамента.

Ганнибала удивляло открытое неповиновение на лицах сельских жителей, которых грабили его солдаты. Почему они не падали на колени и не просили о пощаде? Почему они не шли на незначительную ложь и не заявляли ему о своей лояльности? Командир знал, как люди ведут себя в моменты поражения, но эти итальянцы не следовали ни одному известному ему шаблону поведения. Рим уже должен был шептать смущенные слова о возможных переговорах. Через Бостара ему удавалось поддерживать поток шпионов, которые циркулировали между ним и столицей. Но ни один из них не говорил о пораженческих настроениях в городе. И никто из них не думал, что подобные мысли витают в умах сенаторов — даже тех, кто привык жульничать в политике. Казалось, что Рим готовился только к следующей стадии войны.

На встрече с генералами Ганнибал спросил:

— Что может означать избрание диктатора?

Они собрались в брошенном особняке, который служил им временным штабом. Солнечный свет, проникавший через открытую дверь, рисовал на полу желтый прямоугольник. День выдался душным и жарким, поэтому стулья расставили в тени. Над головами по балкам крыши бегали ящерицы, шурша соломой, высохшей на солнце.

— Похоже, они испугались, — ответил Бомилькар.

— Так и должно было случиться. Но как диктатор повлияет на исход войны?

— Мы должны нанести им новый удар, — сказал Махарбал. — Быстрый и сильный.

Мономах всосал щеки и изложил свое мнение. Казалось, что он говорил не через рот, а через морщины.

— Мне не нравится затянувшаяся пауза. Наши люди уже отдохнули. Давайте ударим в римское сердце, пока воины еще не забыли, как легко рассекается вражеская плоть.

Бостар поморщился и покачал головой. Во время размышлений у него появилась привычка поглаживать рубцы обмороженной щеки. Казалось, что он ритмично перебирает пальцами струны ума.

— Я попытаюсь ответить на вопрос командира, — сказал он. — Сенат обычно назначает диктатора только при великих бедствиях. То есть, та бойня, которую мы устроили им, произвела на римлян большое впечатление. Если раньше их армия управлялась двумя консулами, каждый из которых вел два легиона, то теперь власть отдали в руки одного командующего. Диктатор избирается на полгода и командует четырьмя легионами одновременно. Его власть абсолютная. За последний год, как вы помните, римляне выставили против нас шесть легионов, но они не были единой силой. Учитывая все вышеизложенное, мы можем предположить, что при диктаторе нам придется противостоять более крупным войсковым формированиям.

— Выходит, они назначили царя? — спросил Магон. — Они отказались от своей республики?

— Нет, ты неправильно понял, — ответил Бостар. — Римляне боятся монархов больше, чем жители Афин. Они терпят диктатора только до той поры, пока он полезен. Затем они лишают его сана. Сенат выбрал Фабия, потому что он скромный и рассудительный человек. Римляне не наделили

бы такой властью какого-то выскочку. Если вы вспомните Цинцинната...

— Только не повторяй нам историй Силена! — сказал Бомилькар. — Мы уже слышали про этого Цинцинната. Он оставил плуг на поле, победил врагов, а потом снова вернулся на пашню и продолжил свою работу. Ты думаешь, с нами будут сражаться пахари?

— В каком-то смысле, да. Римлянам нравится считать себя скромным сельским народом. Я напомнил вам о Цинциннате потому, что он является образцом диктатора. Это человек, к которому обращаются в моменты кризиса. Соотечественники доверяют ему и знают, что он будет действовать с умом и осторожностью. Такой тип людей совершенно не похож на Семпрония и Фламиния.

— Значит, Фабий не дурак? — спросил Ганнибал.

Бостар кивнул, подтверждая, что командир правильно понял его слова.

— После встречи с ним ты перестанешь сетовать на то, что тебе не попадаются умные противники.

Бомилькар фыркнул и сказал:

— Если бы он действительно был умным, то не сражался бы с нами вообще!

Генералы засмеялись, но Мономах отнесся к последнему заявлению вполне серьезно.

— Мы можем заставить их сразиться с нами, — сказал он. — Для этого имеются проверенные способы.

Он склонился к командиру и заговорил тихим шепотом, но так, чтобы слышали все остальные.

— Вели солдатам убивать каждого, кого мы встретим на нашем пути. Не только мужчин и юношей, но женщин и детей. Чем сможет диктатор ответить нам, кроме сражения? Он бросится в бой быстрее, чем Фламиний. Сказать по правде, я не вижу смысла оставлять в живых детей, которые вскоре вырастут в мужчин, и женщин, чьи чресла будут рожать все

новых и новых солдат. Это неправильная стратегия. Мы должны убивать всех, пока римляне не встанут на колени и не взмолятся о пощаде.

— Мономах, я сомневаюсь, что ты остановился бы на этом, — ответил Ганнибал. — Как всегда, в твоём предложении имеется сильная логика. И, как всегда, я принимаю твои слова серьезно. Но нам пока не нужно прибегать к столь жестким мерам. Я настаиваю на прежнем плане. Чтобы победить Рим, нам следует отсечь его от союзников. Это единственный способ. Люди Италии должны увидеть, что мы сильнее. Однако я не хочу, чтобы нас принимали за чудовищ. Мы проиграем войну, если вся страна начнет питать к нам ненависть.

— Но если мы всех перебьем, они будут мертвецами! — возразил Мономах, акцентируя каждое слово. — Я лично не боюсь ненависти трупов. Духи превращаются в туман. Никто из них уже не поднимет меч против живых солдат.

Наступило неловкое молчание. Затем Магон сказал:

— Я склоняюсь к мнению брата.

Он произнес эту фразу убедительно, но больше ничего не смог добавить к ней. Мономах медленно повернул к нему голову. Он прищурился снисходительно, но не смог скрыть злобы во взгляде. Остальные генералы промолчали. Магон облегченно вздохнул, когда Ганнибал продолжил обсуждение текущей ситуации.

— Мы пока ничего не знаем о Фабии. Давайте вести себя честно. Мы будем предлагать ему сражение при каждом возможном случае. Если он примет вызов и потерпит поражение, Рим потеряет всех своих союзников. Вот так и будем действовать. Не нужно убивать детей и женщин.

* * *

Легкомыслие, с которым некоторые глупцы сорили деньгами, всегда поражало Силену. Покои Диодора демонстри-

ровали тот типичный вид расточительства, который присущ всем чиновникам, растрачивающим общественные деньги на такие бессмысленные безделушки, как перья страусов в вазах с восточной росписью, миниатюрные предметы с позолотой и подушки, инкрустированные кусочками стекла, блестящими, будто драгоценные камни. Осмотрев это напыщенное подобие роскоши, Силен нашел в нем множество ремесленного брака и показной бутафории. Ему стало ясно, что магистрат не был столь богатым, как ему хотелось выглядеть.

Приплыв в Эмпории и сойдя на берег — впервые за целую неделю — Силен все еще приучал себя к неподвижности твердого грунта. Его голова по-прежнему сохраняла ритм волн и покачивалась на плечах. Испарившаяся морская вода оставила белую корку на загорелом лице. За время путешествия он привык проводить ладонями по щекам и облизывать кончики пальцев, ощущая вкус соли. Когда Диодор вошел в комнату, он как раз и занимался этим.

Силен встречался с магистратом только один раз. Их знакомство состоялось много лет назад в Сиракузах, когда Диодор лишь начинал ухаживать за его сестрой. Теперь он нарастил жирок в нижней части тела и стал походить на дебелую женщину. Силен тут же узнал его по широкому рту и слишком близко расположенным глазам. Пожалуй, единственно красивым элементом внешности Диодора была одежда, напоминавшая тогу, — тоже не совсем настоящая, но явно демонстрировавшая его горячую симпатию к римлянам.

— Силен, мой брат! — вскричал он. — Я не поверил своим ушам, когда мне доложили о твоём визите! Слава богам, ты в прекрасном здравии! Если бы я не знал тебя, то подумал бы, что ко мне пришел какой-то воин.

Двое мужчин обнялись и вновь отступили на шаг.

— А если бы я не знал тебя, то посчитал бы, что вижу важного римлянина, — сказал Силен.

— Ну, что ты говоришь... Хотя кто знает, как сложатся наши судьбы в будущем! Присаживайся и выпей со мной вина.

Силен охотно последовал просьбе, и некоторое время они провели в приятной беседе. Силен спросил о здоровье сестры. Диодор похвалил ее и назвал очень умной женой. Впрочем, в сексе, как он рассказал, ему больше нравились юные девы. К сожалению, их услуги стали слишком дорогими. Он едва находил ресурсы для этой обременительной, но постоянной статьи своих расходов. Силен не смог сдержать улыбки.

Диодор принялся описывать свою нелегкую карьеру в политике. Благодаря личному везению и неудачам других людей — болезням, племенным конфликтам или старческому слабоумию, очистившему путь для него, — он за несколько лет продвинулся от простого чиновника до одного из магистратов. К сожалению, это вызвало зависть коллег и, соответственно, их интриги. Он до сих пор не был уверен, благоволят ли к нему боги или презирают его. В принципе, он мог бы приносить жертвоприношения всем им по отдельности, но где взять столько времени?

Наконец, когда Диодор закончил рассказывать о трудностях жизни, Силен изложил ему истинную цель своего визита. Он решил, что в разговоре с политиком честность будет более убедительной.

— Я привез тебе просьбу от Ганнибала, — произнес он шепотом, — командующего карфагенской армии Иберии и Италии.

Диодор едва не подавился вином. Он выплюнул часть жидкости в кубок, вскочил с кушетки и через громкий кашель прокричал:

— О чем ты говоришь? Какой Ганнибал?

Силен улыбнулся в ответ.

— Он послал меня поговорить с тобой о пленнике, которого вы заточили в темницу. Ты знаешь, о ком я веду речь — о его брате Ганноне. Жители Эмпории совершают ошибку, по-

зволю римлянам держать его здесь. Ганнибал никогда не считал вас врагами и надеется, что вы не дадите ему повода для этого.

— Подожди, — задыхаясь от волнения, сказал Диодор. — Ты пришел ко мне как посланник Карфагена? Ты, житель Сиракуз? Когда ты успел связаться с африканцами? И по какой причине ты явился в мой дом, чтобы требовать...

— Прошу тебя, успокойся, — смиренно сказал Силен. — Это серьезное дело. Мы ведь родственники и можем честно говорить на такие темы.

Диодор пробежал взглядом по комнате, проверяя, не задержался ли кто-нибудь из слуг, чтобы послушать разговор хозяина.

— Я действительно не в ссоре с Ганнибалом, — ответил магистрат. — Он не нужен мне ни как враг, ни как друг. Дело с его братом мне тоже не по душе, но обстоятельства порою выше всех наших желаний. Это просто неизбежность!

— Нет ничего неизбежного, кроме смерти, Диодор. Ганнон в хорошем состоянии?

Губы магистрата изогнулись в нервной усмешке.

— Можно и так сказать, — ответил он. — Я имею в виду... Понимаешь, я видел его лишь несколько раз.

— Подумай, что ожидает тебя, когда Ганнибал закончит войну.

— И когда он ее закончит? Тебе, наверное, нашептали это боги?

Силен проигнорировал его замечание и с самодовольной улыбкой склонился вперед, положив ладонь на волосатое запястье магистрата.

— Диодор, я присоединился к свите Ганнибала не потому, что верил в его победу или как-то заботился о ходе карфагенской кампании. Я нанялся к нему писцом. Для меня это было приключением и основой эпической поэмы, которой я собираюсь посвятить остаток жизни. Ты можешь счи-

тать меня объективным свидетелем. Но я не могу отрицать того, что видел. Я никогда не встречал столь гениального военачальника. Он лучший из лучших. Он добивается всего, что хочет, и побеждает любого противника, который противостоит ему. Поверь, это правда! Я молю богов, чтобы ты не стал его врагом.

Магистрат отдернул руку. Он чопорно откинулся на подушки и осмотрел Силена, как будто впервые заметил его.

— Похоже, он завоевал твое сердце. Скажи, ты спал с Ганнибалом? Говорят, что у его брата Гасдрубала фаллос, как у жеребца. А у старшего такой же?

Силен не снизошел до ответа. Он потянулся к походной сумке, достал оттуда кожаный мешочек и бросил его на стол. Золотые монеты.

— Что? — возмутился Диодор. — Ты считаешь меня бедняком? Наверное, ты еще не осмотрелся...

— Я знаю, ты не беден. Но и не настолько богат, как тебе бы хотелось. Этот кошель — просто приглашение к дружбе. Богатства, которые он обещает тебе за выполнение услуги, превзойдут любые твои самые дикие мечты. Вот почему я открыто говорю с тобой. Прими предложение, и Ганнибал осыплет тебя золотом. Но если ты откажешься, то лишишься большего, чем можешь себе вообразить.

Диодор впервые забыл о своем высокомерии. Его пальцы алчно перебирали монеты.

— Но рука Рима...

— К следующему году рука Рима будет не больше длины от твоего плеча до пальцев.

— Ты действительно веришь в это? Неужели твой африканец...

— Если бы ты знал его поближе, то не сомневался бы, — ответил Силен. — Подумай о предложении с присущей тебе мудростью. Когда война закончится, Ганнибал будет властвовать над всем Средиземным морем. Он не забудет о тех, кто

помогал ему. Диодор, ты хочешь получить Эмпории в свое владение? Ганнибал назначит тебя правителем, но ты сможешь называться царем и иметь полноправный доступ ко всем девственницам города, на которых поднимется твой пенис. Ты получишь не только власть и деньги, но и другие удовольствия. Вот что предлагает тебе Ганнибал.

— К сожалению, я не могу исполнить твою просьбу. Я только скромный магистрат — один среди многих. В любом случае, римские солдаты не подчиняются нам. Охранники выполняют приказы только своих командиров...

— Брат, ты не знаешь, насколько изворотлив мой ум, — перебил его Силен. — Скажи мне да, и мы придумаем, как выпустить пленника на волю.

Какое-то время Диодор угрюмо молчал, а затем вдруг сердито вскричал:

— Это просто невысказано! Ты сидишь передо мной и говоришь такие вещи! Предлагаешь мне безумие, за которое меня потом распнут на кресте! Мой ответ отрицательный! Я не сделаю того, что ты просишь.

* * *

Имко не вспоминал о девочке из Сагунтума уже несколько месяцев. И тут вдруг стал видеть сны с ее участием, и, однажды начавшись, они быстро превратились в постоянное мучение. Он видел ее такой, какой она была при взятии города. Он вновь переживал те мгновения, когда нашел ее в трубе над очагом. Имко снова и снова горевал о ее судьбе, желая отвернуться и уйти. Но он не мог оставить ее на поругание. Затем девочка стала появляться в лагере, в его палатке, у ложа, на котором он спал. С каждой встречей она обретала все большую осязаемость, пока не явилась во плоти и не принялась беседовать с ним на разные темы. Она сказала, что пришла так далеко в надежде получить ответ на свой вопрос:

по какому праву он убил ее. Он что, был богом? Кто позволил ему распоряжаться ее жизнью?

Вака попытался объяснить, что рассек ей горло не из жестокости и злобы, не в наказание, а совсем наоборот. Это был дар милосердия, учитывая те обстоятельства, в которых он нашел ее. Смерть спасла ее от огромных страданий. Но девочка закатывала глаза вверх и вновь сверлила его скептическим взглядом. Она показала ему шрам на горле и спросила, похож ли рубец на подарок, за который ей следует благодарить его. Со временем она узнала его лучше и осмелела настолько, что начала выражать свое презрение в обидных шутках и словах. Девочка искажала правду и меняла все светлое на темное. Он убил ее из жалости, но вместо доброго вознаграждения получил лишь новые муки. Короче, ему опять «повезло».

Из-за ее постоянных визитов он почти не заметил передышки на морском побережье. Отдых пролетел как сон — точнее, как кошмар. Когда по армии прошел приказ о выдвижении вперед для перехвата римского диктатора, Имко застонал от тоски. А как тут было не расстроиться? Ему надлежало оставить в обозе свою добычу. Его зрение только недавно восстановилось до нормального состояния, хотя зубы по-прежнему качались в деснах. Руки и живот вернули прежний объем, но он оставался лишь тенью прежнего себя. Он так и сказал своему командиру отряда. Из его груди сочилась мокрота, лобковые вши не давали покоя, и ноги все еще гнили после болотной авантюры. Кроме того, Имко напомнил, что его зрение ослабло и что он вряд ли сможет отличать друзей от врагов на поле боя — небольшая ложь среди моря правды. Возможно, она и спасла его от тягот нового похода.

К изумлению Имко, командир отряда отмахнулся от него рукой и велел ему присоединиться к охране, которая следила за порядком в оккупированном городе и оберегала склады с награбленной добычей. Через несколько дней, наблюдая за

армией, удалявшейся к горизонту, Имко понял, что свалил дурака. Он остался вместе с небольшой группой воинов защищать обоз, орду мародеров и рабов и, что главное, огромное богатство. В то же время африканцев окружали многочисленные местные жители, недовольные тем, что их выгнали из своих домов. Первая неделя прошла в тревожной оценке каждого облачка пыли на суше и каждого корабля на море. Имко целыми днями не спускался с дозорной башни, потел под безжалостным летним солнцем и изводил себя проклятиями за то, что напросился в охранники. Он опять подставился под удар. А ведь хотел, как лучше. Вечерами его терзали сомнения. Что, если армия не вернется? Что, если новый диктатор победит Ганнибала? И если такое случится, то сколько времени понадобится римлянам, чтобы отыскать их здесь и захватить в плен?

Однако каждое следующее утро начиналось так же тихо, как и прошлое. Отряды кавалерии приезжали и уезжали, доставляя в лагерь награбленную добычу. Солдаты посменно вели наблюдение. Один день перетекал в другой без перемен и новостей о большой битве. Сидя в тени сосны на прибрежной окраине лагеря, Имко наслаждался покоем, которого он не знал уже долгое время. Запах соленого воздуха, шелест волн, ласкавших берег, вид рыбацких лодок, вытасненных на песок, проворные маневры птиц, летавших вдоль линии прибоя! Все тут казалось слишком спокойным после тех жестоких сцен, в которых он участвовал почти два года. Его блаженству не было бы границ, если бы не хмурые горожане, слонявшиеся вокруг, и призрачная девочка, нашедшая выход в физический мир. Убежав из его снов, она теперь посещала Ваку наяву при свете дня. Она делала что хотела и докучала ему своими разговорами.

В первый раз он увидел ее вечером. Патрулируя лагерь и осмотрительно оглядываясь, Имко заметил бродячую собаку. Она уверенно пробежала мимо домов и лагуч, как будто

знала это место. Тем не менее ее взгляд предполагал, что территория ей не знакома. Собака с обгрызенным ухом была ужасно грязной. Шерсть местами стерлась до шкуры. Розовый язык устало свисал с левой стороны пасти. Пугливые движения собаки развеселили Имко, и он мягкими жестами рук позвал ее к себе. Но когда собака приблизилась, он передумал общаться с ней и бросил в нее камень.

— Трусливое животное.

И тут неподалеку от него раздался голос:

— Кто ты такой, чтобы называть это животное трусливым?

Вака увидел девочку, сидевшую в тени. Она напомнила ему, что он сам недавно отказался от похода из страха перед новыми невзгодами. Разве он не трусливее собаки? Разве он не жаловался ежедневно на судьбу, всегда страшась следующих битв, болезней или ранений? Если Имко так сильно ненавидел войну, то почему он не оборвал бег собственной жизни, как когда-то сделал это с ней? Она сказала ему, что хотела бы лучше умереть от похоти воинов, чем от дрожащей руки трусливого мужчины, который якобы спасал ее. Однако он не дал ей выбора. Она не знала более лицемерного мужчины, чем он. Имко убивал, когда убивать было легко, но любой подвиг, на который он претендовал, являлся лишь трусливой реакцией на трусливые мысли. Его назвали героем Арбокалы?

— Это просто фарс, — сказала девочка.

К концу первой недели она стала появляться даже в полдень. Она приставала к Имко на виду у других солдат, которые из уважения к нему и, возможно, из жалости не обращали на нее внимания. Эта девочка-призрак буквально доводила его до бешенства своими разговорами. Она знала все его тайные мысли. Она понимала действия Ваки с такой полнотой, что часто ставила его в тупик. Как ей удалось узнать столько подробностей его жизни? Казалось, что она успела пообщаться с его сестрами и матерью, оставшимися в Карфагене. Когда Имко задал ей эти вопросы, она ответила, что

у мертвых имеются свои источники информации, неизвестные живым. Мистическая чушь, подумал он.

Однажды вечером девчонка разозлила его до такой степени, что он сбился с пути, пока шагал к реке, в которой купался почти ежедневно. Купание было единственным способом, помогавшим избежать удушливого жара, и ему больше нравилась проточная вода реки, чем море. Девочка отвлекла Имко своими домыслами о том, как его мать отнеслась бы к трусости сына, проявленной во время кампании. День выдался гнетуще жарким. Лучи солнца били вниз и, словно горячие пальцы, массировали его кожу. Он сбросил тунику, перекинул ее через плечо и зашагал в бесстыдно обнаженном виде. Прежде чем добраться до берега реки, ему пришлось продирааться через кустарник. Внезапно Имко обнаружил, что стоит на вершине обрыва. Взглянув на изгиб реки, он понял, что до спуска ему нужно было пройти большое расстояние. Подумав, что пот усилий сделает купание еще приятнее, он зашагал вдоль обрыва и вдруг увидел ее.

Молодая женщина сидела на корточках на дальнем берегу и полоскала в воде одежду. Сначала Имко принял ее за одну из тех горожанок, которые ютились на окраинах лагеря в жалких шалашах после того, как солдаты Ганнибала выгнали их из домов. На небольшом расстоянии от девушки стоял осел, неторопливо жевавший чахлую траву. Его присутствие почему-то не понравилось Имко, но он решил не обращать на него внимания и снова перевел взгляд на женскую фигуру. Девушка сидела в такой позе, что он почти не различал ее черты.

Когда он хотел двинуться дальше, женщина встала, откинула голову назад, поворачивала плечами и вытянула руки в стороны. Ее тонкая и поношенная туника, забрызганная водой, плотно прилегала к груди и животу. Столь дивное зрелище стало для Имко божественным откровением. Затаив дыхание, он любовался контурами ее восхитительного тела,

пока не вспомнил, что ему нужно дышать. После нескольких недель полового воздержания его пенис стал твердым, как дубина. Он погладил его рукой и придвинулся ближе к краю обрыва.

Это была не девушка, а молодая женщина. И видят боги, она лучилась красотой! Будто издеваясь над ним, она сбросила тунику и вошла в реку. Имко сделал еще один шаг вперед, раздвигая ветви кустов обнаженными бедрами. Тем временем, девушка доплыла до середины потока и нырнула. Однако картина не стала менее возбуждающей. Идеально чистая вода позволяла видеть ее тело и вьющиеся волосы. Затем она выплыла из глубины. Ее спина и ягодицы показались на поверхности.

Имко переживал апогей возбуждения. Его пенис пульсировал. Зов плоти требовал внимания. Он больше не мог сопротивляться ему. Выпустив из руки ветвь куста, за которую он держался, Имко ухватился пальцами за менее надежную опору. Он больше не смотрел под ноги. После первого движения ладони, обхватившей пенис, он открыл рот и начал учащенно дышать. После второго движения его глаза закатились вверх. После третьего — его левая нога соскользнула с края обрыва, корпус изогнулся назад, правая пятка взлетела вверх. Еще не понимая, что случилось, он описал свободной рукой полукруг. Пальцы сжались на сухой листве и тонких ветвях. Но они не смогли удержать его. Он упал на ягодицы, обвалил с края обрыва большой пласт земли и взлетел в воздух в облаке пыли и в граде мелких камней.

Имко упал на песчаный холм у ближнего берега. Удар о землю был достаточно болезненным, однако больше всего пострадал его возбужденный член, вонзившийся в песок. Молодой человек скорчился в муках агонии и громко закричал. Женщина повернулась и увидела его. Вместо того чтобы убежать, она направилась прямо к нему, взбивая ногами шлейфы брызг перед собой. Она остановилась в нескольких шагах

от Имко и излила поток оскорбительных слов. Пока девушка бранила его на незнакомом языке, он понял, что ее красота еще более удивительна, чем он представлял себе. Ее кожа сияла под солнечным светом. Казалось, она была смазана ароматическим маслом. Девушка влекла его к себе, как будто ее дух был отделен от сердитых взмахов руки и угрожающих жестов. Ее красота являла собой нечто большее, чем просто коллекцию членов, красиво сложенных друг с другом — хотя он, конечно же, рассмотрел их во всех подробностях. Волосы обрамляли лицо, словно они имели свой собственный ум и познания в художественных искусствах. Грудь призывно покачивалась, пока девушка ругала его. Мышцы бедер напрягались и расслаблялись при каждом шаге. Ягодицы выглядели твердыми и гладкими. Мокрый треугольник волос на лобке и выше притягивал к себе внимание. Даже в момент боли и стыда, несмотря на возникшую конфронтацию и его обнаженный возбужденный пенис, он уже представлял себя с приоткрытым ртом у гениталий этой женщины — пьющим влагу, которая сочилась оттуда, словно из священного источника жизни.

Вслед за этим могли возникнуть новые мечты, однако женщина завершила свою обвинительную речь и, указав на его член, презрительно покачала головой и плюнула на землю. Затем она отвернулась, быстро переплыла реку, схватила свою одежду и ушла. Вид ее обнаженных ягодиц потом преследовал Имко несколько последующих ночей — как и зад противного осла, который затрусил за ней. Боль в паху стала еще сильнее. Осел отставал на несколько шагов, словно он был ненавистным мужем, четырехногим барьером между красавицей и увлеченным поклонником. Они исчезли за холмом, оставив его одного в вечерней тишине у журчавшей речки.

Ему удалось подняться на ноги. Однако, быстро передумав, он опустил на одно колено, затем на другое и встал на четвереньки. Этого было недостаточно. Он лег на бок, поджал

колени к груди и обхватил их руками. Такая поза ослабила боль в паху. Их встреча не была случайной, подумал он. Возможно, его столкнула сюда рука какой-нибудь богини. Он не стал уточнять, чья рука швырнула его на стену Сагунтума, потому что данный вопрос не имел отношения к делу. В любом случае, в его жизни появилась цель. Он попал на перекресток судьбы. Имко должен был узнать ее имя. Он — вернее, тот непризнанный поэт, который томился в его душе — попал в тенета любви.

Через некоторое время Вака услышал знакомые шаги. Девочка-призрак села на песок неподалеку от него и сказала:

-- Помнишь, мы обсуждали слово «жалкий»? Ты придал ему новый смысл.

Как странно, подумал Имко, что за короткий промежуток времени в его жизнь вошли две женщины и каждая из них стала для него пыткой особого рода. Ничто не давалось ему с легкостью.

* * *

Фабий Максим сдерживал свои легионы, как свору собак, почуявших кровь. Он стоял, опираясь рукой на плечо Публия Сципиона, и прислушивался к его словам, пока тот описывал местность перед ними и следы разрушений, которые Ганнибал оставил на ней. Публий говорил ровным голосом, размеренно и содержательно. Он понимал, что хотел узнать диктатор, еще до того, как Фабий задавал вопрос. И он всегда указывал сначала на стратегически важные черты ландшафта. Благодаря ему, Фабий достраивал образы того, что воспринимали его собственные глаза. Слияние этих двух слоев информации создавало полную картину, которая, по его мнению, превосходила перспективу обычного зрения и обладала более глубокими подробностями.

Возможно, пауза, возникавшая при таких разъяснениях, как раз и служила основой его знаменитого терпения. Он отклонил вызов Ганнибала сначала близ Экеи, а затем еще несколько раз. Он вел легионы по следам врагов через всю Апулею, оставаясь на возвышенностях, где его не могла настичь нумидийская кавалерия. Иногда он беспокоил африканцев быстрыми набегами, навязывая им небольшие стычки, отвечая жестокостью на жестокость и всеми способами уклоняясь от большой открытой битвы. Солдаты Фабия запаслись провизией, поэтому он уничтожал любые припасы, которые могли попасть врагам. Он создал особые конные группы, охотившиеся на фуражные отряды Ганнибала. Его люди рыскали вблизи карфагенской армии и, заметив зазевавшихся или отбившихся солдат, тут же нападали на них. Даже новость об одном массилиоте, сраженном стрелой и упавшем с седла, была приятна для его ушей. Два балеарских пращника, которые попали в плен, практикуясь в ратном деле на стаде овец; инсабрийский галл, отставший от войска из-за гангрены ноги и позже замученный легионерами и прибитый гвоздями к кривому стволу дерева — каждый из этих случаев лишь подтверждал, что его стратегия успешно воплощалась с течением времени.

Теренций Варрон, командовавший конницей, примчался в пене и прохрипел, что Ганнибал расположился как раз перед ними и что им следует атаковать его немедленно. Они должны отказаться от политики бездействия! Возможно, подобная трусость кажется разумной для тех, кто прячется за стенами Рима, но здесь, в Апулее, она становится притчей во языцах. Италия горит. Их союзников ежедневно убивают и насилуют. Что это за стратегия такая? Она лишь очерняет вековую историю латинских войн. Рим не стал бы сосредоточием власти, если бы позволял своим врагам опустошать страну. Рим всегда атаковал первым — настойчиво и решительно.

Выслушав его демагогию, Фабий ответил с присущим ему достоинством. К сожалению, не он выбирал Варрона в помощники. На должность его назначил Сенат — и только по той причине, что он выступал против политики Фабия. Такая ситуация не нравилась диктатору. Ему делегировали высочайшие полномочия, но в то же время посадили на шею старшего офицера, который не разделял его взглядов. Варрон был человеком из народа. Его отец работал мясником. Обманывая покупателей, он обеспечил деньгами карьерный рост сына. Но Фабий всегда относился к людям такой породы со скептическим сомнением. Несмотря на реальные и мнимые заслуги, молодому Теренцию следовало бы заняться тяжелым и грязным трудом, уличными драками или выполнением простых приказов. Но он ни в коем случае не должен был командовать другими людьми! На самом деле он приносил армии только вред. Фабий вновь подчеркнул важность выбранной тактики и напомнил Варрону, кого из них назначили диктатором. Теренций выслушал эту отповедь молча, позволив себе лишь сердитый взгляд.

По приказу Фабия, легионы неотступно следовали за карфагенской армией — сначала через Апеннины, затем по территории Геруния, чью красивую холмистую местность отличали широкие поля и большие наклонные плиты известняка. Ганнибал вел свое войско по какой-то хаотичной траектории, постоянно стремясь обойти Фабия с фланга, удивить его внезапной близостью или вообще исчезнуть из виду.

Диктатор встревожился, когда африканцы осадили Беневент. Он попросил горожан держаться до последнего и пообещал им, что позже их щедро наградят за верность Риму. С другой стороны, он не сумел помешать нападению Ганнибала на Телесию. Карфагенская армия без труда взяла город и нашла там огромные запасы зерна, торопливо собранные со всей округи. И снова Варрон выкрикивал диктатору упреки, словно сомневался не только в его зрении, но и в слухе. Однако

Фабий проявил не меньшую решительность, чем африканские захватчики. Он строго придерживался выбранного курса действий.

Однажды вечером, когда Фабий, облегчив кишечник, вернулся в палатку, к нему из темного угла обратился молодой Сципион. Он сказал, что не может заснуть при мысли о страданиях, которые Ганнибал навлекает на их соотечественников. Фабий поискал ногой складную кровать и опустился на нее. Найдя удобную позу, он обдумал слова Публия, который никогда не выражал своего мнения о ходе кампании. В отличие от Варрона он вырос в уважаемом семействе и был хорошо воспитан отцом, серьезно относившимся к обучению сына. Приняв во внимание эти факты, диктатор решил удостоить помощника кратким ответом.

— Согласно распорядку дня мы должны сейчас спать, — сказал он. — Тогда завтра нам удастся что-то сделать для освобождения захваченного города.

— Конечно, ты прав, — ответил Публий. — Но разве тебя не посещают подобные мысли? Ты не видишь кошмаров во сне?

— Нет, не вижу, — резко ответил Фабий, прерывая разговор.

Однако молодой Сципион никак не мог успокоиться.

— Я вижу мучения людей. Они, как картины, мелькают передо мной на тонком занавесе, за которым начинается реальный мир. Я по-прежнему вижу окружающее, но не могу забыть о зле, творящемся неподалеку. Мне грезятся лица мужчин и женщин, детей и стариков — так ясно, словно мы были знакомы. Они просят меня о помощи и напоминают мне о том, что каждый из них имеет только одну жизнь, которая, подобно хрупкому стеклу, может быть разбита Ганнибалом.

Фабий раздраженно перекатился на бок.

— Ты говоришь о каких-то поэтах, а не о сельских жителях.

— Иногда простые люди схожи с поэтами.

— Такие мысли не принесут тебе ничего хорошего. Ты должен выбросить их из головы. Вождь не думает о людях с жалостью: ни о чужаках, ни о своей семье. Вот что вы, молодое поколение, не можете понять. Я размышляю о более высоких вещах, недоступных твоему пониманию. Давай спать. Ты — мои глаза, а не рот!

Через неделю африканцы совершили новый дерзкий маневр. Ганнибал покинул Телесию, тайно провел армию через горы неподалеку от Самния, пересек Волтурн и спустился на равнины Кампании. Этот край был в цветении лета, богатый, как дельта Нила, не потревоженный войной и не готовый к внезапному вторжению врагов. Фабий послал гонцов, чтобы предупредить население об опасности. Однако он знал, что его усилия не исправят ситуации. Ганнибал захватил всю Фалернскую равнину. Кроме того, он оказался в нескольких днях пути от Рима.

Варрон пришел в ярость. Но Фабий по-прежнему контролировал холмы и возвышенности, твердо придерживаясь своей тактики и внимательно прислушиваясь к речам помощника, который неизменно находился за его спиной. Именно Публий первым заметил, что армия Ганнибала попала в кольцо горных хребтов и что это обстоятельство можно было использовать для блокады вражеских сил. Фабий переместил рассеянный взгляд на молодого Сципиона и осмотрел его, словно впервые увидел — хотя они неделями не разлучались друг с другом. Он попросил Публия развить свою мысль, и помощник еще больше заинтересовал его обстоятельными и разумными доводами.

* * *

Ганнибал осознал проблему еще до того, как его армия, насытившись грабежами, остановилась для короткого отдыха. Их не знавшее поражений воинство перемещалось по ита-

льянской земле и наслаждалось щедростью Кампании. Солдаты раздобрели от хорошей пищи, побед и легкодоступного секса. Многие из них обзавелись рабами и наложницами, которых они держали в обозе. Тысячи латинских юношей и дев несли их тюки с оружием и драгоценностями, с монетами, инструментами и священными предметами. За ними следовали стада коров. Каждый вечер сотни животных шли под нож. Лагерь пропах приятным запахом жареного мяса. Воины знали, что за их спинами находилась вражеская армия, но римские трусы боялись сражаться с ними. Ганнибал несколько раз выводил войска на поле, идеально подходившее для битвы. Он предлагал Фабию помериться силами, но диктатор сидел, сунув руки под толстые ляжки, и от страха ничего не делал. Африканцы даже представить себе не могли, что их добыча окажется такой обильной. Кампания была благословением для них, а легионы Фабия были, скорее, не противником, а вежливым эскортом. Тем не менее Ганнибал почувствовал беду, которая приближалась к ним с такой же неизбежностью, как новый сезон.

Он созвал генералов на совет и рассказал им о своих опасениях. Офицеры сверили по картам их нынешнюю позицию и прочитали пометки Ганнибала, пояснявшие преимущества расположения римских войск. Как только карфагенская армия вышла на равнину через узкий проход Калликулы, Фабий тут же захватил это стратегически важное место и снарядил на его защиту свыше четырех тысяч воинов. Такая плотность солдат в узком и длинном ущелье делала его практически непроходимым. Затем диктатор послал свою конницу к Террацинскому ущелью, где горы плавно спускались к морю. Виа Аппия тоже могла быть легко удержана небольшим контингентом войск. Фабий усилил гарнизон в Казилинуме и расставил заслоны на холмах, окаймлявших равнину. Его легионеры, перекрывавшие тропы, легко могли объединяться в большие отряды и при дневном свете видели все,

что происходило на территории, захваченной карфагенской армией.

— Одним словом, мы в ловушке, — сказал Ганнибал. — Эта равнина хороша для летних набегов, но она не прокормит нас зимой. Было бы глупо располагаться в таких враждебных городах, как Капуя и Нола. Фабий хочет запереть нашу армию в долине. Вот почему он перекрыл все горные тропы и не сражается с нами. Он хочет оставить нас на зиму в истощенном краю. Что вы думаете по этому поводу?

По давно заведенному обычаю, каждый из генералов высказывал по очереди свое мнение и предлагал план действий — если не по убеждению, то хотя бы для того, чтобы Ганнибал услышал все разумные альтернативы и выбрал лучший вариант. Бомилькар настаивал на лобовой атаке и захвате прохода Калликулы. Махарбал предлагал бросок к Виа Аппия. Здесь имелось двойное преимущество: они могли занять выгодную позицию и уложиться в осенний сезон. Бостар с сомнением сказал, что на крайний случай их армия может перейти вброд Волтурн. Мономах раздраженно советовал переждать зиму на равнине. По его словам, у них было больше скота, чем они могли съесть.

Ганнибал молчал. Если он не соглашался с каким-то предложением, то не подавал виду. Впрочем, ему и не нужно было говорить, потому что Магон находил недостатки в каждом варианте. Римляне захватили все выгодные позиции. Пошлина смертей, которую армия заплатит, пробиваясь через проход, сделает их отряды фатально слабыми. Подобную глупость совершили персы под греческими Фермопилами, но в отличие от них карфагеняне не могли позволить себе потерю нескольких тысяч солдат. Их армия могла бы двинуться на юг, но череда ущелий растянула бы колонну людей на многие мили, что создало бы опасную возможность фланговых атак противника. Плюс ко всему, солдатам пришлось бы бросить свою добычу, а это подорвало бы их дух и отняло у них

все, что они получили в течение войны. Кроме того, такое поспешное бегство продемонстрировало бы страх карфагенян и взбудрило римские сердца. Что касается реки Волтурн, то она представляла собой почти неодолимое препятствие в любое время года. Переход через нее стал бы губительным для армии, поскольку римляне не преминули бы напасть на их тылы.

Магон вытащил кинжал из ножен и использовал его как указку.

— Что, если мы останемся в ловушке? Фабий имеет Лаций, Самний и Беневент. Он сможет пополнять припасы до бесконечности. Римляне будут лосниться от жира, а мы — чахнуть от голода. Эта равнина погубит нашу армию.

Ганнибал с кривой усмешкой посмотрел на Магона и шутливо сказал:

— Мой брат лелеет в своем сердце яростный пыл солдата. Но там же живет поэт и мечтатель. Я счастлив, что он объединяет в себе два этих начала.

Магон вскинул голову вверх и посмотрел на Ганнибала, не понимая его сарказма. Однако ирония на лице командира выглядела дружеской. Он просто подшучивал над младшим братом. Магон часто видел этот взгляд в своем детстве. Он улыбнулся и покачал головой, укоряя себя за вспышку гнева.

— Давай, рассказывай, что ты придумал, — произнес он с улыбкой.

И внемля его просьбе, Ганнибал объяснил хитрый план действий.

Через несколько дней карфагенская армия вновь вернулась к горной гряде, преграждавшей путь в Апулию. Пройдя по равнине до самых предгорий, они оказались перед крутыми склонами, возносившимися вверх сплошной стеной. Солдаты могли видеть заслоны римлян на высотах. Легионеры Фабия наблюдали за ними и ожидали атаки. Зарево от их костров освещало ночную мглу и демонстрировало численность отрядов, защищавших те или иные тропы. Самый широкий

проход охранялся самым большим количеством, но диктатор не оставил без внимания ни один из возможных маршрутов. Группы легионеров подстерегали на тропинках африканских шпионов и гонцов, которые могли проскользнуть через первую заградительную цепь постов. Хотя многие воины тревожились из-за возникшей ситуации, Ганнибал увидел в ней только условия, которые ожидал здесь найти.

Вечером солдаты быстро поужинали и упаковали оружие и припасы в большие тюки. Закрепив их на спинах лошадей, ослов и даже коров, воины разошлись по ближайшей округе и собрали весь хворост, который смогли найти — упавшие ветви и кору сгнивших деревьев до пальца толщиной. Сложив все это в кучи у края лагеря, они пригнали несколько сотен специально отобранных быков. По приказу Ганнибала, пастухи заранее поместили самых крупных животных в стадах, реквизируемых у крестьян в течение лета. Отбирались только сильные быки с широкими рогами, способные вытерпеть муки, которые были задуманы для них.

Помня о богах и духе своих людей, Ганнибал попросил Мандарбала освятить грядущее. Жрец воспринял поручение с большим энтузиазмом. Вырядившись в лучшую мантию, он начал выкрикивать священные слова, понятные только знатокам сакрального. Иногда он давал небольшие пояснения солдатам, наблюдающим за ним, но в основном перемещался среди животных и наносил ножом порезы на их плечах и шеях. Мандарбал хватал невидимое, пригибал вниз, вжимал в свое сердце или натирал им рукоятку кинжала. Он шлепал по рукам тех воинов, которые прикасались к быкам, и напоминал, что никто не должен осквернять их во время ритуала. Когда он закончил обряд, солдаты подумали, что выход из окружения был как-то связан с великой религиозной жертвой, которая должна была избавить их от врагов.

Как только Мандарбал удался, Ганнибал лично продемонстрировал им следующую фазу приготовлений. Он отта-

щил одного быка к куче хвороста, затем своими руками уложил охапку веток между рогов животного, тщательно уравновесил ее и закрепил с помощью веревки. Вскоре на рогах быка появился головной убор из переплетенных палок и ветвей, испачканных смолой, которую обычно использовали для факелов. Отступив на шаг, Ганнибал осмотрел напуганное животное, чья голова тяжело пригibasась под грузом хвороста.

Магон, стоявший рядом с ним, сказал:

— Это будет мистическое зрелище.

Ганнибал не стал оспаривать его слова. Он приказал солдатам нагрузить подобным образом каждого быка. Веток для этого хватало.

Когда армия покинула лагерь, тонкий полумесяц почти не освещал равнину. Солдаты молча крались к предгорьям и затем вверх по дороге, ведущей к проходу. Лишь в первых рядах шло несколько факельщиков, а сразу за ними пастухи гнали стадо быков. Отряды пехоты двигались следом. Неуклюжие в ночной темноте и нагруженные тюками с добычей, солдаты сбивали ноги о камни и наступали друг другу на пятки. Обозники, замыкавшие колонну, дрожали от страха, но не смели отставать от армии.

Дорога вела вверх по пологому склону к двум проходам в горах. Главный из них располагался выше. Нижний представлял собой узкую расщелину, которая являлась более предпочтительным выбором, поскольку Фабий расположил там небольшой отряд. Увидев костры римлян у обоих проходов, Ганнибал прошептал условную команду. Солдаты, которые несли горящие факелы, повернулись к людям, шагавшим за ними с незажженными факелами. Сначала появился один новый огонек, затем десяток других, а через миг уже сотни. Карфагеняне больше не таились. Из темноты проступили их фигуры, озаренные дрожащим желтым светом. Внезапно многие животные оказались в огне. Все случилось так быстро, что они даже не успели испугаться. Факелы, мель-

кавшие среди них, касались смолы и сухих ветвей, закрепленных на рогах быков. Через миг пастухи привели стадо в движение.

Быки, не понимая, что с ними происходит, рванулись вперед и, пригибая головы, помчались по дороге мимо темных кустов и деревьев. Им казалось, что они могут убежать от пламени, если будут бежать быстрее. Армия двинулась следом за стадом. Несмотря на то что животные мычали и наполняли ночь безумным ревом, люди перемещались очень тихо. Они покашливали в руки, щурились от дыма и старались дышать через рот.

Римские легионеры, заметив внизу приближавшийся поток огней, были сильно озадачены. Солдаты никогда не видели ничего подобного и не могли оценить количества огней и направления, в котором они двигались. Их пугали феерические звуки, разносившиеся в ночном воздухе. Часовые разбудили трибуна, который возглавлял охрану прохода. Тот послал сообщение Фабию. Но он знал, что ответ не успеет вовремя и не отведет удар, какое бы зло ни приближалось к ним. Он должен был действовать. Не имея лучшего объяснения, трибун решил, что карфагеняне прорываются к нижнему проходу. А кого он еще мог винить? Африканцы могли использовать такой отчаянный маневр, чтобы атаковать более слабый пост и смести его прочь грубым натиском. Трибун приказал своим легионерам спуститься вниз и усилить размещенный там небольшой отряд. Это нелегко было сделать в темноте, но им следовало помешать атаке карфагенян, иначе они попали бы впросак.

Естественно, Ганнибал продумал такой ход. Увидев, что римские факелы перемещаются от верхнего прохода к нижнему, он приказал своим солдатам следовать за ним. Какое-то время они двигались за стадом горящих животных, а затем направились к верхнему перевалу, который оказался теперь почти незащищенным.

К тому времени, когда животные столкнулись с римлянами в нижнем проходе, они превратились в обезумевших зверей, чьи шкуры и плоть пылали в огне. Быки, подгоняемые дымом и болью, неслись на легионеров, словно чудовища, посланные Ваалом из бездны подземного мира. Они трясли головами, пригибали рога к земле, натыкались друг на друга и хаотично мчались вперед. Несколько солдат бросили в животных копья. Один или два из них подняли мечи, словно готовились в бою. Но большинство римлян побежали стремглав от приближавшегося стада. Они на бегу окликали товарищей и просили объяснить, что происходит. Им было невдомек, что в это время карфагенская армия, почти не встретив сопротивления, захватила верхний перевал.

Через несколько часов, когда небо посветлело и открыло серые черты ландшафта, Фабий, с помощью глаз молодого Сципиона, увидел хвост карфагенской армии, исчезавший в проходе Калликулы. Ему оставалось лишь отозвать патрули и заградительные отряды с занятых позиций и попрощаться с равнинами Кампаниии. Войска Ганнибала ускользнули от него, словно хвост змеи в ее норе.

* * *

Каждый раз, когда Сапанибал узнавала об отказах совета в помощи Ганнибалу, ее разбирала безмолвная ярость. Прошло столько времени, а он не получил никакой поддержки от страны, за которую сражался. Это было невыносимо. Неужели они не видели, как он был близок к победе? Поведение совета контрастировало с энтузиазмом населения. Простые люди считали Ганнибала национальным героем. Они восхваляли его в песнях. Поэты слагали стихи о его подвигах. Дети в уличных играх изображали Баркидов, сражавшихся с римскими легионами. Даже рабы гордились победами карфагенской армии. Ганнибал принадлежал всему на-

роду и служил ему примером. Но это никак не касалось той кучки советников, которая сплотилась вокруг шофета Хада и братьев Ханнонов, издавна питавших ненависть к Баркидам. Не важно, какими были его достижения. Они всегда находили в них недостатки. В крайних случаях советники скупно признавали его победы, но эта похвала тут же высыхала на их языках и превращалась в горечь.

Закаленная долгими годами самопожертвования, Сапанибал была разумной женщиной, не склонной проявлять эмоции на публике или вести себя неподобающим образом. Она старалась не афишировать свои мысли за пределами семейного круга, но ее печалило, что людей Карфагена намеренно вводили в заблуждение, в результате чего они могли лишиться империи. Вот почему Сапанибал решила бросить вызов врагам своего брата. Она не верила, что его союзники в совете обладали необходимым влиянием. Вступая в схватку, она понимала, что ей нужно вызвать интерес народа — здесь требовался скандал, о котором люди болтали бы на рынках и площадях. Она атаковала советников там, где они проводили большую часть своего времени — в их бане.

Сапанибал прошла мимо челяди у входа так быстро, что та даже не успела заметить ее и, тем более, остановить. В помещении было жарко. Глаза слезились от едкого запаха высушенных трав и густого тумана благовоний. Зал освещали чадившие факелы и небольшие костры, за которыми присматривали голые мальчики. Высокий потолок не создавал ощущения легкости, а лишь усиливал мрак. Многочисленные фрески на стенах изображали сцены битв и вакханалий. Лица черных богов еще больше подчеркивали зловещую атмосферу бани.

Мужчины, которых она искала, бездельничали на досуге. Увидев ее, Хад патетически закатил глаза. Он не потрудился сменить позу и запахнуть полы мантии на немогущей груди. Складки ткани едва прикрывали его пенис.

— Что ты здесь делаешь? — спросил советник, сидевший за спиной шофета. — В мужской бане не место для женщин.

— И не место для трусов, — ответила Сапанибал.

Она посмотрела на Хада.

— Может, тогда все и выйдем отсюда?

Хад нахмурил брови. Морщинистое лицо этого тощего мужчины вдруг стало почти неузнаваемым.

— Что за ерунда? — спросил он. — Ты пришла сюда, чтобы оскорблять меня? Я смотрю, женщины в семействе Баркидов такие же наглые, как и мужчины.

— Почему ты прошлым вечером настроил совет против Ганнибала? Он не просил у Карфагена помощи, пока не нуждался в ней! И он не стал бы просить ее, если бы сомневался в победе. Ты хочешь, чтобы наша армия потерпела поражение?

— Что ты смыслишь в политике, женщина?

— Я знаю, что мои братья являются величайшим достоянием нашей нации. Я знаю, что гений Ганнибала приносит победы там, где никто не считал их возможными. Я знаю, что война была объявлена здесь! В Карфагене! Но вы слишком трусливы и завистливы, чтобы признать свою ответственность за это. Вы так боитесь славы моего брата, что хотите связать его по рукам и ногам?

— Эй, кто-нибудь! — вскричал Хад, осматриваясь по сторонам, словно обращаясь к людям, которых не мог отыскать. — Выведите отсюда эту сучку, пока я не разозлился. Мне уже хочется отшлепать ее по заднице и дать ей хорошую вздрючку. Она, конечно, не красавица, но лучше заниматься с ней сексом, чем слушать ее болтовню.

— После этих слов даже ты не уйдешь от ответа, — сухо и, как всегда, спокойно произнесла Сапанибал.

Хад осмотрел своих коллег. Его лицо скривилось в презрительном выражении. Не глядя на Сапанибал, он пожаловался им:

— Я уже устал говорить о Ганнибале. За всю свою историю наш Карфаген еще не знал такого самонадеянного и бестолкового человека. За исключением его отца. Только он превосходил сына в тупости и жадности.

— Ты сошел с ума, если говоришь подобные слова, — возразила Сапанибал. — Все, что делали Баркиды, шло на пользу Карфагену. Однако, выслушав тебя, я поняла, что Карфаген не собирается отвечать Баркидам взаимностью.

— А на что отвечать? Где доказательство его успехов? Почему он ничего не присылает в Карфаген, чтобы доказать свою преданность родине?

У Сапанибал даже отвисла челюсть.

— Преданность? Как он может послать вам что-то, когда ему приходится содержать целую армию? Он несет полное бремя...

— Ты говоришь, что эту войну объявил совет? — перебил ее Хад. — Но у нас не было другого выбора. Кровь Баркидов взбурлила. Твои братья своей наглостью вывели Рим из спячки. Что нам оставалось делать? Если бы мы отказались от ответственности за действия Ганнибала, римляне пленили бы его и лишили нас части империи. Вряд ли ты поймешь мои доводы, но мы согласились на эту войну только для того, чтобы защитить наши владения в Иберии. К сожалению, твой брат без согласования с нами предпринял свой идиотский поход и взвалил на нас целую кучу проблем. Вот что произошло.

На краю зала собралась целая толпа слуг. Эти тонкие немощные создания, похоже, были оскорблены вторжением Сапанибал. Однако они побоялись приблизиться к ней и поэтому послали за подмогой. Два внуха вбежали в помещение с серьезными и грозными лицами. Сапанибал заметила их краем глаза и чуть позже услышала за своей спиной шлепанье босых ног на мокрых плитах пола.

— Не питай иллюзий, женщина, — презрительно растягивая слова, сказал Хад. — Будь на то моя воля, я отозвал бы

Ганнибала в Карфаген и обезглавил его. Тем самым я спас бы наш народ и обеспечил своим сыновьям спокойное будущее. Такой жест понравился бы Риму. К сожалению, сейчас я не в силах сделать этого. Хорошо, пусть твой брат покуражится еще немного. Но вскоре он доиграется и получит свое. Ни один человек не может дотянуться до солнца, не опалив свои руки.

Почувствовав приближение евнухов, Сапанибал прокричала:

— Не позволяй им прикасаться ко мне!

Ее голос был таким резким, что многие советники поморщились. Евнухи замерли, устремив вопросительные взгляды на Хада.

— Я уйду сама, как и пришла сюда, — добавила Сапанибал. — Хад, послушай меня и запомни мои слова. Придет время, когда дела моих братьев превзойдут любое земное величие. Настанет день, когда Ганнибал вернется в Карфаген как победитель Рима. И тогда я не хотела бы оказаться на твоём месте. Тебе нужно вырастить глаза на затылке, потому что у тебя больше нет будущего. Тебе придется смотреть только назад — на то, что уже было.

Она повернулась, отдернула локоть от протянутой руки евнуха и с присущей ей гордой осанкой покинула помещение. Она верила в свои слова и, позоря Хада, получала откровенное удовольствие. Ей удалось на время сравнять их позиции, но она поняла, что ничем не смогла помочь Ганнибалу. И, кроме прочего, ее огорчило еще одно обстоятельство. Хотя она не показала этого во время разговора, ее быстрый взгляд в сторону отметил присутствие другого советника, отдохнувшего в компании Хада. Это был Имаго Мессано. Он сидел у дальней стены с обнаженной грудью. Похоже, Карфаген стал логовом врагов, где каждый трусливый старейшина планировал убийство льва. Почему она никогда не задумывалась об этом прежде?

* * *

Силен провел в Эмпориях несколько недель. Он ежедневно встречался с Диодором, взывал к его мудрости и убеждал отказаться от нынешних римских подачек и принять те щедрые дары, которое предлагал ему Ганнибал. А ведь он просил самую малость — помочь освободить одного заключенного. Какой-то час труда, и Диодор станет богатым, как царь. Подобно извращенцу, который получает сексуальное удовольствие в отказе просьбам страждущих людей, Диодор ежедневно выслушивал шурина, твердил о своем уважении к Риму и Карфагену, но никогда не принимал чью-либо сторону. Иногда он облизывал губы, слушая посулы Силеня. Ему нравилось описание роскоши и возможных утех, однако он не соглашался на конкретные действия. Он не хотел противопоставлять себя римлянам. И по этой причине Ганнон продолжал томиться в тюрьме.

Силен встретился с сестрой и попросил ее помочь. Однако она оказалась бесполезной для него. Согласно греческим обычаям, ее авторитет сводился лишь к ведению домашнего хозяйства. Она не могла говорить с мужем на посторонние темы — тем более настаивать на освобождении Ганнона. Через несколько недель Силен перестал навещать ее. Глядя на округлое лицо сестры, он понял, что их связывали вместе только воспоминания о покойных родителях. Ее не волновало, что в мире бушевали войны.

Поскольку дороги назад у него не было, он упорно продолжал гнуть свою линию. Будучи греком, Силен чувствовал себя вполне свободным в оккупированных Эмпориях. Он общался с римлянами на улицах и подслушивал их разговоры. Его особенно интересовали вести о войне в Иберии. Он сидел рядом с легионерами в банях — так близко, что мог вытянуть руку и коснуться их голой плоти. Подобным образом Силен

узнал о небольших победах и поражениях Гасдрубала, о его браке с дочерью вождя и о планах римлян завершить войну к середине следующего года. Иногда он чувствовал на себе голодные взгляды солдат. Римляне не были благопристойными в любви. Как и все мужчины, они жаждали похоти, но в сексе походили на кроликов. Их любовь кончалась быстро и напоминала тяжелый труд. Силен обрывал их попытки сближения, демонстрируя им свое презрение и возмущение.

К счастью, не все в городе были врагами Ганнибала или друзьями римлян. Многие греки возмущались надменным отношением легионеров и их невежественными манерами пьяных пастухов, которые по странному капризу Фортуны добились такой невероятной власти. Силен не выказывал своих симпатий к африканцам, но, кружа по городу, выискивал людей, ненавидевших Рим. Так он натолкнулся на группу турдетан, примыкавшую к низшим слоям общества. Они не одобряли оскорблений, наносимых Ганнону. Каждый из них мечтал о поражении римлян. Ганнибал напал на Сагунтум, чтобы защитить их племя. Они проявляли преданность, столь необычную для иберийцев. Силен верил, что эти люди — в основном, воры и разбойники, — могли стать актерами в придуманной им пьесе. Но когда он изложил Диодору полный план действий, тот по-прежнему отказал ему в помощи.

— У меня есть люди, — убеждал его Силен. — Они перебьют охрану и сделают всю грязную работу. Тебе лишь нужно уточнить план побега: узнать, где содержится Ганнон, нарисовать подходы к камере и выяснить, как проводится смена часовых. Достань ключи от камеры и кандалов. Для человека твоего положения это проще простого.

— Меня тут же поймают, — сказал Диодор. — Ты убежишь с Ганноном, а я останусь здесь и испытаю на себе месть римлян.

Силен подошел к нему и сжал пальцами его плечи.

— Послушай, что я скажу. Перед набегом на тюрьму турдетаны узнают от меня, что нам помогает один из магистратов. Я назову им имя, которое ты укажешь мне. Они разнесут эту тайну по всему городу. Подумай сам. Когда народ услышит о побеге Ганнона, люди начнут трепать языками, но никто из них не будет обвинять тебя. Используя волну слухов, ты выступишь против своего конкурента. Он примет наказание, а ты продолжишь карьеру. Ты же политик. У тебя, наверняка, найдется враг, которого ты хотел бы увидеть распятым.

Несмотря на его настойчивость, Диодор по-прежнему боялся соглашаться. Силену хотелось написать Ганнибалу письмо и поведать о своих напрасных усилиях. Однако он понимал, что перехваченное сообщение могло стоить ему жизни. В отчаянии он начал молиться. Он призывал богов, которым не верил, и просил их доказать свое существование решительным вмешательством. Грек обещал им, что больше не будет высмеивать их, если они изменят положение Ганнона.

Однажды ранней осенью случилось нечто невероятное. Впрочем, это никак не повлияло на отношение Силена к богам, потому что он мог назвать человека, ответственного за сдвиг ситуации. Он, как обычно, сидел в приемной Диодора, дожидаясь встречи. Его голова шумела от выпитого прошлым вечером вина. Тем не менее обильное возлияние оправдало себя, и молодой студент, с которым он делил дешевое вино, поддался на коварство соблазна. Обрывки впечатлений и разговоров мелькали в уме Силена без всякой последовательности, но он знал, что ввел юношу в соблазн с величайшим мастерством. Он надеялся продолжить обольщение вечером с того самого места, на котором остановился.

Когда его наконец позвали, он нашел магистрата в его кабинете. Диодор просматривал свитки и сметы, разложенные перед ним на столе. Все шло своим чередом, как и много

раз прежде, но в этот день магистрат выглядел немного подавленным. Его веки подрагивали от какой-то внутренней робости. Руки порхали над документами, как крылья встревоженной птицы. Он то и дело перемещал, сортировал, расправлял и снова скручивал свитки.

Силен в сотый раз начал свои увещевания. Он вновь заговорил о щедрости Ганнибала и о простоте поставленной задачи. Он еще раз перечислил победы карфагенян. Причем две из них действительно большие, потрясшие даже Рим. Силен хотел продолжить свою речь, однако Диодор прервал его.

— Ты сказал, две победы? — спросил магистрат.

— Не считая Тицинуса...

— Что Тицинус? При чем тут Тицинус?

— Это, конечно, небольшая победа, но ее нельзя игнорировать. Потом была Требия...

Диодор раздраженно всплеснул руками.

— Почему ты играешь со мной? Мы оба знаем, что мир изменился и что власть Рима поставлена под сомнение.

Силен не понял, о чем шла речь, но ответил спокойно, словно действительно играл с Диодором в кошки-мышки.

— Да... И тебе уже известно, как это получилось?

— Известно не хуже тебя! Твой обезумевший хозяин... Он превратил Италию в лавку мясника! Кругом резня и кровь! Я знаю, ты специально утаил от меня бойню у Тразименского озера, но не считай меня дураком.

— У Тразименского озера?

Диодор посмотрел на него и, увидев отвисшую челюсть Силена, еще раз сердито всплеснул руками. Но постепенно раздражение магистрата ослабло, поскольку его собеседник не скрывал своего смущения. Глаз политика четко отмечал любые перемены в настроении оппонента.

— Ты ничего не знаешь о Тразимене?

Силен никогда не слышал об этом местечке, но ему не хотелось показывать свою неосведомленность.

— Некоторые события в мире ускользают от моего внимания. О других я слышал в общих чертах.

Помолчав немного, он спросил:

— Может, ты расскажешь мне подробности, о которых я еще не знаю?

— Что толку говорить о деталях? Либо ты знаешь об этом сражении, либо не слышал о нем. Хотя в подобные рассказы верится с трудом. Твоему командующему удалось воспользоваться рельефом местности. Он устроил ловушку для легионов Фламиния и уничтожил всю его армию. Перебил, как цыплят, собравшихся в курятнике. Я не думал, что когда-нибудь услышу о таком фатальном поражении римлян.

Магистрат поднялся со стула, принес кувшин вина и чашу. Хотя день еще толком не начался, Силен тоже ощущал небывалую жажду. Он поднял кувшин и отпил прямо из него — достаточно много, чтобы хмель ударил в голову. Диодор забрал кувшин из его рук и вновь наполнил свою чашу. Какое-то время они молча передвигали кувшин туда и обратно. Каждый был занят собственными мыслями. Наконец Диодор взглянул на Силена и прочистил горло.

— Предложение Ганнибала еще в силе?

Через четыре дня поздним вечером двое мужчин медленно шли по коридорам нижней части крепости. Получив толчок к действиям, Диодор приступил к задаче с нервной быстротой, которая удивила Силена, но оказалась очень эффективной. За основу взяли уже составленный план, хотя его пришлось приспособить к сегодняшним условиям. Разбойники сделали свою работу, однако понесли большие потери. Судя по результатам резни в коридорах, каждый из пяти римских охранников убил, по крайней мере, троих турдетан. Уцелевшие иберийцы получили деньги за труд и покинули крепость.

Переступая через трупы и осторожно шагая по залитому кровью полу, Диодор предупредил Силена о плохом состоянии пленника. Римляне обходились с ним жестоко. Диодор

описал те пытки, которые применялись к нему, и Силен содрогнулся от ужаса. Легионеры задавали Ганнону тысячи вопросов, а он не ответил ни на один из них.

— Поэтому его избивали и пытали, — сказал Диодор.

Подойдя к нужной двери, он никак не мог подобрать правильный ключ. Его руки дрожали, усложняя простую задачу. Бренчание ключей разносилось звонким эхом по пустому коридору.

— Они не нанесли ему больших увечий. У него по-прежнему есть руки и ноги, но он перенес неопишуемые страдания. Так что не питай иллюзий на его счет.

Силен коснулся плеча Диодора.

— Ты сказал, что он не ответил ни на один из их вопросов?

— Ни слова не сорвалось с его губ, — прошептал Диодор. — Они применяли к нему пытки, которые сделали бы другого человека седым импотентом, но он упорно молчал. Ганнон не опозорил чести своего семейства.

Магистрат нашел ключ от камеры, вставил его в скважину и повернул. Затем он толкнул плечом массивную дверь. Силен неохотно вошел за ним в темную зловонную камеру. Широкий торс Диодора закрывал ему вид. Он представлял себе картины физического уродства, истерзанную обнаженную плоть и отвратительные позы, в которых тюремщики могли связать Ганнона. Но когда ему хватило смелости бросить взгляд на пленника, он увидел нечто иное.

Ганнон сидел на полу в углу, словно ребенок, страдавший от какого-то долгого наказания. Он кутался в длинный плащ с капюшоном. Его голова почти касалась пола. Он даже не пошевелился при их появлении. Возможно, Баркид принял их за своих мучителей. Силен с трудом нашел слова приветствия. Он шагнул вперед и, вытянув руку, коснулся колена пленника.

— Ганнон Барка, — прошептал он на карфагенском языке. — Ганнон, я пришел к тебе с благословением от...

Диодор оттолкнул его в сторону. Он просунул руку под локоть Ганнона и велел Силену сделать то же самое. Увидев вопрос на лице родственника, он хрипло пояснил:

— Отложи свои речи до завтрашнего дня. Давай быстрее выведем его отсюда.

Они вытащили пленника из камеры, положили его на тачку и, накрыв тряпками, вывезли из крепости на темные городские улицы. Диодор оставил их около доков. Он передал через Силену свою хвалу Ганнибалу, заверил его в тайной дружбе и вновь попросил подтверждения будущего богатства. Затем магистрат отправился домой, шепча под нос слова и пробуя интонации, которые он намеревался использовать при общении с легионерами. Он искал ответы, легко стекавшие с его языка.

Тем же вечером Силен и его спутник покинули город и вышли в море на борту небольшого корабля, который разрезал темные воды с рискованной скоростью. После долгого ожидания грек снова почувствовал себя свободным. Ветер, дувший в парус, назывался зефиром, но он считал его благословением богов. Капитан торгового суда без лишних вопросов понял, что их миссия была опасной и тайной. Он все время держал парус по ветру и мчался по морю, словно сидел на загривке буйного быка.

Укрывшись в крохотной каюте от ночного холода и брызг, двое мужчин сидели друг напротив друга. Морская качка вернула Ганнону рассудок. Он пристально смотрел на грека, как будто выискивал его черты в какой-то дальней части памяти. Силен несколько раз заговаривал с ним, но Баркид молчал, выжидая подходящий момент. Наконец в темноте прозвучал его голос. Похоже, он решил пошутить.

— Из лап одного грека...

— В руки старого друга, — закончил фразу Силен. — Хвала богам, что, пережив все беды тюремного заключения, ты сохранил чувство юмора. Может, хочешь перекусить?

Я запасся продуктами, потому что боялся, что тебя морили голодом.

Ганнон покачал головой.

— Римляне считают, что хорошая пища ослабляет волю человека. Они кормили меня мясом, хотя сами предпочитали более простую еду.

Приступ кашля оборвал его слова. Помолчав какое-то время, он хрипло прошептал:

— И еще они кормили меня вволю, чтобы я не умер на их допросах.

— Не думай об этом больше, — сказал Силен. — Все кончено и забыто. Ты выбрался из тюрьмы, и никому не нужно рассказывать, что там с тобой происходило. Я тебя не выдам, как и ты не предал свою страну. Ты вел себя с честью — это все, что нужно знать остальным.

Ганнон вновь посмотрел на него, попытался улыбнуться, но у него ничего не получилось. Он просто смотрел в глаза Силена с безмолвной признательностью и вопросом. Грек не мог уйти от ответа.

— Не забывай, что однажды мы были в нескольких словах от того, чтобы стать любовниками, — тихо напомнил он.

Ганнон закрыл глаза, словно эта мысль причинила ему боль.

* * *

Воздух над Римом гудел от противоречивых мнений, включавших в себя негодование и гнев, всевозможные страсти, страх перед богами и пылкую надежду, что небеса вскоре улыбнутся их народу. На аллеях, в банях и на рынках римляне обсуждали ситуацию, в которой они оказались. Все знали, как ее исправить. И хотя решения радикально отличались друг от друга, тон дискуссий поменялся разительным образом. Шок от падения Требии превратился в далекое вос-

поминание. Отчаяние после бойни у Тразименского озера прошло, и люди уже забыли о непобедимости Ганнибала. Теперь население Рима пылало пожаром возмущения. Они потратили целый сезон под диктатурой Фабия. Их заставляли притворяться трусами, и они безропотно сносили унижение за унижением. Когда старику вдруг посчастливилось и африканцы попали в западню, он позволил им спокойно уйти, купившись на позорный и трусливый обман. Ситуацию нужно было менять на всех уровнях — решительно и быстро.

При возвращении в Рим диктатор получил холодный прием. Он шел по улицам, демонстрируя прекрасно отработанную невозмутимость. Его окружали верные люди. Он не показывал смущения и, казалось, нисколько не сожалел о своих странных действиях. Фабий сложил с себя диктаторские полномочия без единого извинения перед Сенатом. Такое безразличие к мнению народа еще больше обозлило граждан. Жена одного из сенаторов прозвала Фабия Медлителем. Горожане тут же одобрили это прозвище. Дети дразнили его на улицах. Их оскорбления редко бывали разумными — они выкрикивались на бегу, со страхом и смехом, с искажением слов. Но насмешки уличных мальчишек, не боявшихся даже помощников диктатора, откровенно вредили статусу Фабия. А что говорить об актере, который изображал его абсолютным и ничтожным слепцом? На сцене он жаловался публике, что его яички почему-то выпадают из мешочка, и к концу исполнения — под нараставший хохот толпы — актер падал на колени и шарил руками по земле, пытаясь найти потерянные штучки. Люди смеялись нарочито громко, потому что подобного веселья давно уже не было в городе и с его возвращением они надеялись на лучшее будущее. Выборы в Сенате вполне соответствовали их ожиданиям.

Первым, принимая тогу консула, украшенную бахромой, выступил Теренций Варрон. Он так упорно противился тактике уступок бывшего диктатора, что стал популярным по-

литиком в городе. Облачившись в роскошные одежды и скрыв под ними массивное тело, он согнул руку в локте и показал собравшимся людям вздувшийся бицепс. Теренций знал, как вести себя на виду у толпы, и с грубой бравадой напоминал народу, что его отец когда-то был простым мясником. Он понимал, что горожане, богатые и бедные, ждут решительных действий. Война с Ганнибалом давно перестала быть вопросом чести, национальной гордости и даже мести за потерянные жизни. Люди начинали голодать. В городе почти не осталось запасов хлеба. Товары, прежде ходившие по всей стране, теперь не попадали в Рим. Италия, как объект их гегемонии, вышла из равновесия. Варрон обещал исправить это положение старым и верным методом легионеров — сражением в открытом поле. Как новоявленный консул он напомнил Сенату, что однажды уже смотрел в глаза Ганнибалу, когда несколько лет назад вел с ним переговоры в Новом Карфагене. Он поклялся, что их следующая встреча станет последним днем жизни проклятого африканца. Он в сей же час отправится в бой и покончит с затянувшейся войной.

Люди приняли его речь с ликованием. Тем не менее, будучи предусмотрительным народом, римляне избрали вторым консулом того, кто мог утихомирить страстность Теренция. Этим человеком оказался военный ветеран Эмилий Павел. Прежде он командовал войсками в Иллирии. Его род был полной противоположностью брутальному семейству мясников. Он дружил с братьями Сципионами и воевал под началом Фабия. Ходили слухи, что вечером перед своим избранием Эмилий ужинал в доме бывшего диктатора, выслушал советы старика и согласился с частью его доводов. Но даже если слухи были верными, ему хватило ума не признаваться в этом.

Назначив двух консулов для военного похода, Сенат решил поддержать их людскими ресурсами. В дополнение к четырем полевым легионам им собрали еще четыре. Числен-

ность каждого легиона была увеличена до пяти тысяч солдат. Кроме того, Рим потребовал от союзников предоставить дополнительные силы. Более сотни сенаторов заявили о своем желании провести грядущий год в войсках. Отправляясь на войну, люди чувствовали эйфорию и прилив энтузиазма. Они примыкали к армии, которой мир еще не видел — восемьдесят тысяч воинов, готовых сразиться за Рим. На них возлагалась судьба народа. При такой огромной силе им требовалось только соответствовать своему призванию, ибо, прежде всего, они были римлянами.

Одним из второстепенных событий новых выборов стало назначение Публия Сципиона на должность трибуна. Оно осталось почти не замеченным в помпезной суматохе с консулами. Отныне ему доверяли защиту человеческих жизней, имущества и благополучия народа. Молодой человек, сын бывшего консула, спаситель отца в битве под Тицинусом и помощник диктатора придерживался тихих путей в служебной карьере.

* * *

Братья Сципионы представлялись Гасдрубалу двуглавой гадюкой, постоянно досаждавшей ему и угрожавшей разжечь огни мятежей по всей Иберии. Очевидно, к концу лета весть о Тразимене дошла до римских командиров, потому что они, изменив свою стратегию, стали проявлять осторожность и пускать в ход не мечи, а политические интриги. Обе стороны перешли к тактической игре. Каждая из них старалась провести обходной маневр, ударить во фланг или ответить контратакой, но избегала лобовых столкновений. Обе стороны угождали многочисленным племенам, настраивая местные народы против своего противника или против других иберийцев, выступавших в союзе с врагом. Это запутанное противо-

стояние не соответствовало характеру Гасдрубала. Он почти не помнил, кто кому друг или соперник, кто и по какой причине трижды предавал его интересы. Эта тактическая война не нравилась и Нобе. Несмотря на хорошую память, он давно бы обрушил доску с подобной игрой на голову оппонента.

Осенью, злясь на отсутствие понятных действий и предчувствуя проигрыш в хитроумном соперничестве, Гасдрубал решил навязать Сципионам бой. Его армия была разделена. Одна половина войск патрулировала дальний юг, вторая — подавляла мятежи в различных частях империи. К счастью, ему удалось получить свежий резерв, собранный из регионов Тагуса — в основном это были карпетаны. Их многочисленный отряд состоял из необученных рекрутов. Некоторые новички выражали недовольство своей судьбой и часто вспоминали, что несколькими годами ранее Ганнибал нападал на их племена. Они не хотели сражаться и вынимали мечи из ножен только для защиты собственных жизней. Чтобы превратить их во что-то полезное, Гасдрубалу приходилось размещать карпетан между лучшими отрядами, собранными из африканцев.

Когда в неприметном местечке близ Дертозы ему представилась возможность захватить Сципионов врасплох, он тут же воспользовался ей. По крайней мере, он думал, что удивит их внезапностью. Его конница врезалась во фланги легионеров и с потрясающей эффективностью стала наносить урон. Но первый град коротких копий, брошенных римскими велитами, сломал ряды карпетанских отрядов. Многие иберийцы впервые сражались в настоящей битве. Вид грозных римских солдат оказался для них слишком устрашающим. Они запаниковали. Передние ряды начали напирать на задние. Это вызвало хаос. Крики паники превратили людей в трусливых животных. Африканские отряды держались солидно. Они спокойно наблюдали, как римский фронт разметал ибе-

рийцев, словно река, прорвавшая шаткую дамбу. Они могли бы продолжать атаки с флангов. Но, заразившись пораженческим настроением, африканцы выполнили быстрый отход. Просто так сложилась битва.

Гасдрубал выкрикивал приказы. Его сигнальщики передавали их отрядам. Однако волна страха промочила людей быстрее, чем ливень. Молодой Баркид слышал о чем-то подобном, но прежде не встречался с массовой паникой. В тот день легионеры не столько сражались, сколько убивали. Африканцы организованно ушли с поля боя, поэтому гнев римлян пал на головы иберийцев. Они догоняли бегущих карпетан, вонзали в их спины копья и мечи, рассекали сухожилия на икрах ног и пинками сбивали неопытных рекрутов на землю.

У Дертозы погибло свыше десяти тысяч иберийцев и всего лишь несколько сотен африканцев. Такая разница в потерях породила зловещие слухи, которые быстро расползлись по всей Иберии. Северные илергеты не захотели даже слушать оправдания карфагенян. Они перешли на сторону Рима, разорвали мирный договор, убили направленных к ним послов и прислали Гасдрубалу их головы. Ваккеи, обитавшие далеко на северо-западе, также объявили о своем переходе на сторону римлян. Даже турдетаны, из-за которых Ганнибал атаковал Сагунтум, начали вести переговоры со Сципионами. Андобалес обещал зятю, что сохранит соглашение между Карфагеном и оретанами, но Баяла посоветовала Гасдрубалу не доверять ее отцу. К сожалению, он не мог поменять стратегию и взять инициативу в свои руки.

Вскоре пришла весть о мятеже — слишком важном, чтобы его можно было игнорировать. Карпетаны, услышав о потерях при Дертозе, объявили о своей независимости от Карфагена и Рима. Гасдрубал повел к ним армию, вспоминая давний разговор с Ганнибалом, который состоялся на

этом же маршруте несколькими годами ранее. Воспоминание о тех временах принесло с собой тоску. Они скакали рядом и разговаривали, а вся армия двигалась следом за ними. В ту пору Гасдрубал вообще не представлял себе, что означало бремя лидерства. Даже с учетом той крови, которую они пролили, это было светлое и невинное воспоминание.

Однако оно осталось бы бесполезным, если бы он не воспроизвел его в настоящем. Помня об этом, Гасдрубал действовал без лишних эмоций, но с холодной решимостью. Его основные отряды только что вернулись из похода на юг. Он прервал их короткий отдых и направил быстрым маршем на подавление бунта. После консультаций с Нобой, он решил ответить на предательство иберийцев большой кровавой бойней.

Карпетаны встретили карфагенскую армию в своей обычной манере: крикливым разношерстным сборищем, движимым, скорее, отвагой, чем стратегией. Гасдрубал организовал подход войск таким образом, чтобы они появились на виду у орды к закату дня. Африканцы начали готовить лагерь, как бы собираясь утром сразиться в честной битве. Памятуя о прошлом маневре Ганнибала, Гасдрубал поднял людей среди ночи и отвел основную часть пехоты на несколько миль назад — достаточно далеко, чтобы на следующий день иберийцы не смогли навязать им сражение. В то же время он направил всю кавалерию в тайную миссию, которую возглавил Ноба. Он хорошо знал эту местность и мог ориентироваться даже в полной темноте.

На рассвете кавалерия напала не на карпетанское войско, а на их незащищенных жен и детей в нескольких милях от военного лагеря. Карфагеняне без труда сломили оборону города и промчались по улицам, убивая мужчин и подростков опасного возраста. Гасдрубал приказал пленить всех женщин, способных рожать детей. Таковых оказалось довольно

много. Их связали и отправили своим ходом в Новый Карфаген как заложниц, гарантирующих лояльность карпетан.

Все это произошло в один день. Воины на поле боя не знали о захвате города до самого вечера. Вот почему они не смогли излить свою ярость на врага. Некоторые из них, томимые различными чувствами, отправились ночью к женам и подругам, надеясь найти их в полном здравии и в безопасности. Они-то и принесли печальную весть. Половина войска поспешила в разграбленный город. Тем временем Гасдрубал вернул пехоту на прежние позиции. На рассвете он напал на деморализованных карпетан и уничтожил большую часть их армии. Сражение было быстрым и легким. Вечером он согласился провести переговоры с вождем Джамболесом. Впрочем, встреча мало походила на переговоры. Усталый и недовольный собой Гасдрубал обличил вождя в предательстве и проявил демонстративную злость. Он лишь обещал ему, что женщинам не нанесут вреда, пока два народа будут оставаться друзьями. В ином случае, если Новый Карфаген вновь ожидает предательство, все карпетантки будут накачаны семенем африканских воинов, чтобы в будущем породить для них армию полукровок.

— Ты понял меня? — спросил он. — Твое племя должно забыть о мятежах. Или я вырежу его так, что оно вообще лишится всех надежд на будущее. Не совершай новых глупостей. Запрети своим людям пестовать ненависть в своих сердцах. Не злись на меня, а лучше пойми, что я явил тебе куда большую щедрость, чем ты заслужил. Передай мои слова своим сородичам. Объясни им все четко и подробно — в первый и последний раз, — потому что утром ты поедешь со мной в Новый Карфаген и погостишь у меня некоторое время. Сделай все, как я сказал, и помни, Джамболес, если я услышу хотя бы шепот недовольства, ваши женщины станут нашими, а ты страдаешь сверх меры. Я лично снесу твою голову с плеч и затолкаю ее тебе в задницу. И тогда все

другие племена будут называть твой народ пожирателями дерьма.

Получив всевозможные заверения, Гасдрубал уехал в свой лагерь. Ему не нравилось то, что он сделал, но он был уверен, что совершил лучшее при данных обстоятельствах. Он никогда не приветствовал жестокость и не хотел воплощать в жизнь свои угрозы. Однако Гасдрубал, как мог, сопротивлялся крушению отцовской империи, оставленной под его надзор и защиту. В любом случае этот поход стал самым удачным из всех его военных компаний, хотя он не гордился им и не верил, что в данном случае ему помогала Фортуна.

На следующее утро он направился в Новый Карфаген. Через десять дней его армия достигла столицы. После шумного и долго марша, после всех тревог, тоски и раздражения он мечтал о том, что скоро снова увидит любимую жену и почувствует, как ее ноги обвивают его бедра. По прибытии в город Гасдрубал отмахнулся от накопившихся дел и направился в личные покои. Войдя в прихожую, он закричал:

— Жена! Иди ко мне сейчас же! Я хочу тебя!

Он бросил меч на каменный пол, швырнул походный плащ на стул и, не замедляя шага, схватил кувшин вина. Но, вбежав в комнату, Гасдрубал увидел не Баялу, а двух мужчин, сидевших на кушетке. Он смотрел на них с открытым ртом, не веря своим глазам, как будто перед ним возникли призрак. Его рука с кувшином остановилась на полпути ко рту. Вино полилось на пол.

Силен посмотрел на Ганнона и с усмешкой сказал:

— Довольно странное приветствие, не так ли?

* * *

Мысли о муже были слишком тоскливыми и горькими, но Имильце не могла не думать о нем снова и снова. Юный Гамилькар приближался к четвертому дню рождения. Прошло

почти три долгих года с тех пор, как отец видел его в последний раз. Она вспоминала, как они прощались друг с другом. Ганнибал стоял, держа сына в мускулистых руках, глядя на него и нашептывая ему слова, которые мог сказать только в уши ребенка. Мальчик подпрыгивал пухлыми ножками и тянулся пальцами к его лицу. Он терпеливо слушал — по крайней мере, несколько мгновений. Затем Гамилькар начал извиваться в ладонях отца. Ему хотелось поиграть. Ганнибал взглянул на нее, пожал плечами и с улыбкой сказал ей какие-то слова, которые она уже не помнила, хотя всегда представляла себе супруга с шепчущим ртом и с чувством щекотки у самого виска от его дыхания.

Ей было горько думать, что они могли измениться с тех пор. Ведь столько месяцев и лет пронеслось между этим днем и тем моментом. Она знала, что ее муж получил серьезные ранения, которые оставили на нем следы на всю оставшуюся жизнь. Имилце знала, что он потерял один глаз и пережил невообразимые муки. При следующей их встрече она могла увидеть совсем другого мужчину. Как и Маленький Молот будет почти неузнаваемым для Ганнибала. Мальчик вытянулся, словно виноградная лоза к небу. Он больше не покачивался на слабых ножках, а носился по комнатам, как молодой гепард. Ее сын считал Карфаген родным домом. Сапанибал и Софонисба души в нем не чаяли. Он был объектом их беззаветной дружбы и любви. Они шутили, что должны ценить этот небольшой отрезок времени, потому что мальчик скоро покинет компанию женщин. Даже Дидобал смягчалась в присутствии ребенка.

Имилце годами рассказывала ему об отце и других Баркидах. Ребенок знал, чей он сын и как много надежд возлагается на него. Но она начинала бояться, что ее слова не задерживаются в его памяти. Когда она напоминала ему об отце, Гамилькар рассеянно смотрел куда-то вдаль через ее плечо.

Имилце поняла, что он отстраняется от нее. Мальчик вежливо кивал, когда она предлагала ему что-то. Он отвечал на ее вопросы, улыбался, но материнское сердце чувствовало, что внутри него разрасталась пустота. Ганнибал присутствовал в его жизни только первый год из четырех. Он превратился в уме ребенка в мифическое существо, созданное из слов и фантазий — в персонаж историй и легенд. Он мало чем отличался от богов и, подобно им, всегда оставался невидимым. В его существование следовало верить без всяких доказательств.

Однажды вечером, когда она вновь погрузилась в эти мысли, ее навестила Софонисба. Имилце возлежала на софе в своей комнате и смотрела в сад. Как обычно, она ничем не занималась и не несла никакой ответственности. Гамилькар увлекся делом, которое не требовало ее присмотра. Софонисба вошла следом за служанкой, которая сопровождала молодую девушку. Она не стала ждать, когда та объявит о визите с обычной формальностью домашнего уклада карфагенской знати. Оттолкнув пожилую женщину, она плюхнулась на софу рядом с Имилце. Служанка попыталась начать вступительную речь, но затем замолчала и вышла из комнаты, с лицом, пылавшим от обиды и раздражения. Имилце хотела отчитать за это Софонисбу, однако той не терпелось поделиться новостями.

— Если ты будешь доброй ко мне, — сказала она, — я открою тебе свой секрет. Только обещай, что сохранишь его в тайне. Если ты предашь меня, я никогда не прощу тебе этого. Ты обретишь врага на весь остаток жизни. Ну что, обещаешь?

Имилце посмотрела на нее с испугом, который не хотела показывать. Слова девушки вызвали у нее беспричинный страх. Она знала, что не выживет в этом городе, если Софонисба перестанет ее любить. Секрет предполагал дух дружбы и осознание того, что остальные люди исключены из их круга. Ее сердце забилося быстрее, хотя она понимала, что глу-

по бояться чудачеств Софонисбы. Лицо молодой девушки оставалось веселым и приветливым, голос не дрожал. Ее угроза была просто шуткой.

— Конечно обещаю, — сказала Имилце. — Рассказывай.

— Я сбежала с Масиниссой в пустыню и провела с ним ночь, — сообщила девушка.

Чтобы усилить драматический эффект, она сложила губы в трубочку и прищурила прекрасные и озорные глаза. Софонисба добавила, что прошлым вечером она вместе с женихом тайно выбралась из города и поскакала на неоседланном скакуне за спиной у царевича. Они проехали через боковые ворота, пересекли район бедняков и помчались вдоль полей и фруктовых садов на холмах. Темно-синий небосвод был чистым от горизонта до горизонта и сиял великим множеством звезд. Казалось, что страна терялась в их мерцании и уходила вдаль к центру континента. Время от времени они проезжали мимо костров полевых работников и видели сигнальные огни солдат. Но в остальном эта тихая ночь принадлежала только им.

Имилце упрекнула ее в неосторожности и намекнула на вред, который девушка могла нанести своей репутации. Недавно молодые люди объявили о своей помолвке, но до брачного пира должно было пройти какое-то время. Софонисба засмеялась в ответ. Что касается неосторожности, сказала она, то они с Масиниссой были «одни» по меркам царей. Их сопровождал отряд охраны из пятидесяти всадников. А если говорить о репутации, то для ее матери значение имел лишь силовой потенциал их союза. Отца Масиниссы, царя Гайю, тоже интересовала только стабильность его власти. Обе стороны хотели, чтобы брак состоялся. Поэтому, по мнению Софонисбы, на их шалость посмотрели бы сквозь пальцы. Кроме того, если верить слухам, Дидобал сама была в юности шаловливой, как самка шакала. Она хранила в своем сердце секреты, которые не открыла бы даже Имилце.

— Хочешь знать, что случилось дальше? — спросила Софонисба. — Или мне найти другую подружку?

Имилце сжала губы в тонкую линию и с упреком посмотрела на родственницу. Впрочем, за строгостью она скрывала другие чувства. Ее всегда поражало, с какой эффективностью Софонисба действовала в окружающем мире. Она не просто презирала традиции и благопристойность, а делала это с непоколебимой уверенностью в своей правоте. Глядя на нее, Имилце хотела бы иметь хотя бы часть ее внутренней силы. Возможно, тогда она нашла бы в себе смелость и решила наболевшие вопросы.

Софонисба проигнорировала молчание Имилце и продолжила свой рассказ. Хотя Масинисса, желая произвести на нее впечатление, скакал быстро и, казалось бы, наобум, от одного холма к другому, он направлялся в заранее намеченное место. Через некоторое время они остановились у развалин на вершине небольшого гребня, откуда открывался дивный вид на все четыре стороны света. Они спешили, прошли мимо раскroшившейся стены и оказались в квадратном дворике, который был не больше загона для десятка лошадей. Башня, поднимавшаяся в одном углу двора, разрушилась от древности. Блоки, выпавшие из ее средней части, лежали на земле.

— Это смотровая башня Балатура, — сказал Масинисса. — Мне нравится приезжать сюда и думать о будущем — о мире, который я подарю своей любимой женщине.

Конечно, Софонисбе полагалось бы проявить изумление и любопытство, но она не стала выказывать сентиментальность.

— А где сейчас этот Балатур? — спросила она. — Что-то он не тревожится о состоянии своей башни.

Масинисса ответил, что Балатур погиб много лет назад. Судя по слухам, он был офицером с кристальной репутацией. Сражаясь на юге с кочевыми племенами, он повстречал

царевну темного народа. Балатур влюбился в нее с такой силой, что едва не бросил карьеру карфагенского наемника. Царевна ответила ему взаимностью, но он по какой-то причине не оставил армию. Офицер вернулся в Карфаген и начал маяться воспоминаниями. Он думал о ней день и ночь — с такой одержимостью, словно его лишили части тела. Он даже верил, что она околдовала его и что это мощное влечение было вызвано ее отчаянным зовом. Со временем его назначили командиром дозорной башни. Обосновавшись здесь, Балатур послал царевне сообщение, в котором обещал, что, если она приедет к нему, он останется с ней навсегда. Если она докажет ему свою любовь, они отправятся на край света и начнут новую совместную жизнь. Он станет кем угодно — наемником или нищим, рыбаком или плотником — лишь бы она была рядом. День и ночь он осматривал с башни южный горизонт, ожидая гонца от царевны. Балатур прождал ее целых сорок лет, и когда понял, что его любимая не приедет, он умер от горя и тоски.

— Таков рассказ о Балатуре, — с мрачным драматизмом подвел итог Масинисса.

Софонисба рассмеялась и попросила его больше не рассказывать ей таких глупых историй.

— Конечно, она не приехала к нему, — сказала девушка. — Какая принцесса бросила бы свой народ и сошлась с человеком, который хотел стать нищим? Такая преданность нелепа. Я думаю, в Массилии не найдется мужчин, которые любили бы только одну женщину.

Ее слова обидели царевича. Опустившись на колени, он назвал себя вторым Балатуром — человеком, так сильно одержимым любовью, что она затмевала все остальное в его жизни, как яркое солнце затмевает звезды. Если Софонисба соединится с ним, их любовь станет сказкой на века. Он поможет Карфагену победить врагов и станет царем массилиотов. А она будет его единственной женой. Они создадут империю,

почти не уступающую в своей славе Карфагену. Масинисса напомнил ей, что он больше не мальчик. Он сын короля Гайи и вскоре докажет, что достоин быть родней Баркидов. Он клялся в этом собственной жизнью.

Когда Софонисба пересказывала слова царевича, в ее голосе чувствовалась страстная убежденность Масиниссы. Она шептала фразы с гортанной хрипотой, словно они перегрелись от томного желанья. Однако, закончив эту часть истории, она рассмеялась. Эмоции исчезли с ее лица, как будто чья-то рука сорвала с нее маску.

— Ты представляешь себе это зрелище? — спросила она. — Я чуть не зарыдала в тот момент. От хохота, естественно!

— Софонисба! — возмутилась Имилце. — Не будь такой грубой! Ни один мужчина не говорил мне таких красивых слов. Даже мой супруг!

— Просто у тебя с моим братом нормальные отношения, — ответила девушка. — Да, я забыла рассказать тебе, что во время этой поэтической истории царевич шел рядом со мной и лапал меня руками. Масинисса просил меня смотреть на небо, на чудесную страну, как будто именно он создал их для меня! И в то же время он прижимался ко мне, притворяясь, что касается меня случайно. А я чувствовала его поднявшийся член. Царевич словно состоял из двух частей — поэта и змеи с торчащим языком. Его слова были прекрасны, но сразу после них он принялся дышать мне в ухо, умоляя провести у башни нашу первую брачную ночь. Он говорил, что я не должна томить его отсрочкой и что ему уже трудно сдерживать себя. А я сказала, что если он возьмет меня силой, его четвергуют на главной площади города.

— Софонисба!

Девушка засмеялась.

— Он тоже воскликнул: «Софонисба!», а затем едва не зарыдал. Возможно, он и заплакал бы, если бы я не сделала ему небольшое одолжение.

Она сделала паузу, ожидая, когда Имилце задаст ей вполне предсказуемый вопрос.

— Какое одолжение?

— Я коснулась его, — сказала Софонисба, в невинном жесте показав ей вытянутый палец. — Я попросила царевича показать мне длину его любви, и когда он вытащил пенис, мои пальцы обхватили его. Одно небольшое движение, и он стал выкрикивать хвалу богам.

Имилце не знала, что делать с лицом. Ее изумление и недоверие перешли в открытое негодование. Наконец она усмирила свои чувства и сказала:

— Софонисба, послушай меня и отнесись серьезно к моим словам. Девушка не должна играть с чувствами мужчин подобным образом.

— Не бойся, Имилце. Он еще мальчик, а не мужчина. Его распирает энтузиазм. Он симпатичный и одаренный юноша. Но ты должна понять, о чем я говорю... Сама подумай! Храбрый Масинисса, который обещал присоединиться этой весной к иберийской армии Гасдрубала! Будущий царь Нумидии! И он был покорен одним прикосновением моих пальцев! Нет, мальчишки — это странные существа.

— Мальчишки быстро становятся мужчинами, — напомнила Имилце. — А девочки в одно мгновение превращаются в женщин.

— Да-да.

Софонисба налила в чашу воду, разбавленную лимонным соком. Она сделала несколько быстрых глотков, как будто испытывала жажду после интенсивной работы. Но когда она снова подняла голову, на ее лице появилось новое выражение. Имилце вдруг поняла, что ее красота заключалась в этих постоянных переменах. Ее лицо всегда удивляло. Оно каждый раз казалось заново созданным, словно его черты все еще хранили прикосновения пальцев небесного скульптора. Имил-

це почувствовала, как ее сердце наполнилось теплотой из-за одной только близости к этому чуду природы. Похоже, у Массиниссы не было выбора.

* * *

Однажды утром ранней весной Ганнибал нашел среди почты простенькое письмо. Оно лежало на столе среди других свитков: посланий от царя Македонии, депеш из Карфагена, инвентарных списков и смет, составленных Бостаром. Здесь же были уклончивые ответы от некоторых римских союзников, чьи вожди желали провести с ним тайные переговоры, но пока не давали никаких обещаний. По своему оформлению письмо ничем не выделялось на столе командира, но взгляд Ганнибала тут же отделил его от остальной корреспонденции. Он узнал размер папируса и рисунок на печати — его семейную эмблему.

Ганнибал отпустил секретаря с указанием, чтобы ему не мешали. Оставшись один в небольшом доме, он сел, взял свиток в руки и сдвинул остальные документы в сторону. Командир скovyрнул ногтем печать и раскатал хрупкий папирус. Лист потрескивал под его пальцами, весь в горбинках и неровностях — старый добрый материал из самых древних краев мира.

Строчки были написаны бесстрастной рукой и оформлены в точные фразы — такие же официальные, как корреспонденция из совета старейшин. Но сами слова исходили от Имилце. Они тянулись к нему с силой колдовского заклинания. Он услышал ее приветствие, как будто она прошептала его ему на ухо. В ответ на вопрос жены о здоровье он заверил ее вслух, что с ним все в порядке. Названия мест его родной страны принесли с собой рой воспоминаний и образов, незамутненных временем. Упоминание об измене в совете на-

полнило его гневом. Он вдруг вспомнил, что никогда не скрывал от жены своих эмоций. Если бы она находилась сейчас рядом с ним, он яростно ругал бы старых интриганов и неудачников, из зависти мешавших успехам своей же страны. Как он хотел бы объяснить ей это, глядя на ее обнаженное тело, лежащее в кровати, пресыщенное страстью и влажное после долгого секса.

Письмо закончилось очень быстро. Он прочитал его за пару минут и, не получив ответы на многие вопросы, остался болезненно неудовлетворенным. Имилце ничего не написала о Маленьком Молоте — ни слова о том, как он рос, о чем говорил, помнил ли отца и мечтал ли о встрече с ним. И какой была Софонисба? Его сестра казалась ему абсолютной незнакомкой. Он не представлял ее себе. Ганнибал прожил вдали от этой девушки почти всю ее жизнь, и теперь ему было странно думать, что она уже взрослая. Еще более странным выглядело желание позаботиться о ней — стремление познакомиться с царевичем Масиниссой, чтобы самому оценить его как мужчину мужчину. Он не сожалел о своем решении отправить жену в Карфаген. Конечно, Ганнибал хотел бы видеть ее рядом с собой. Но как бы он командовал людьми, если бы она все время вытягивала из него эмоции, которые он тщательно скрывал от солдат? Нет, разлука была наилучшим выбором.

Еще не смея скрутить папирус, он рассеянно поднес его к носу и принюхался. Вначале запахи были слабыми. Они раскрывались неохотно и робко. Но чем дольше он вдыхал их, тем больше находил ароматов, отличавшихся от сухого благоухания папируса. Он уловил оттенки фимиама матери, затем пришел запах карфагенских пальм. Ганнибал почувствовал привкус морского воздуха и пыли, поднимающейся высоко к облакам и приносимой ветрами из южных пустынь. И, конечно, последним был аромат Имилце. Ее запах нака-

тил на него душистой волной. Он оказался настолько мощным и наполнил Ганнибала такой болезненной тоской, что ему пришлось насильно отдалиться от него. Он бросил письмо на стол и с опаской взглянул на папирус, словно тот мог взлететь и напасть на него. Эта история с запахом Имилце напомнила ему, что подобным страстям не было места в апартаментах военачальника. Они ранили сильнее римского оружия.

Позвав Джемела, он приказал ему скрутить свиток и спрятать его.

— Положи его в надежное место, — сказал он. — Поглубже и подальше.

Немного успокоившись, Ганнибал рассеянно поворошил другие свитки. Где-то среди них лежало письмо из Рима. Какие же они упрямые глупцы! Любая нация давно бы прекратила столь расточительную войну. Они договорились бы об условиях мира, как испокон веков поступали сильные люди. Впрочем, он знал, что римляне считали себя выше остальных народов. Война с Карфагеном была необходима им для доказательства этого идиотского постулата. Его не раз смущало, что они игнорировали практику компромиссов. Он пытался представить римских горожан, сенаторов в их залах, людей в домах, союзников в окрестных поселениях. Он даже говорил сам с собой на латыни, пытаясь предугадать их мысли и желания. Годами он повторял это снова и снова с иными народами, иногда фокусируя внимание на отдельных персонах. Таким был метод, которому его научил отец. Проникнув в мысли врага, ты победишь его на поле боя, говорил Гамилькара. Эта мудрость много раз оказывалась верной, но в случае с римлянами ему не хватало воображения.

Он рассеянно покружил по комнате, затем вышел на крыльцо и осмотрел поля, едва начинавшие зеленеть под окрепшим солнцем. Какой-то запах, витавший в воздухе, напомнил ему о карфагенской весне, когда они с отцом объезжали земли,

принадлежавшие их семье. В те ранние годы он считал отца самым главным человеком в мире — мудрее, сильнее и храбрее любого другого мужчины. В его воспоминаниях отец всегда проявлял ответственность. Вот почему его призвали подавить мятеж наемников. Вот почему он уехал в Иберию, чтобы создать там империю. Вот почему он никогда не прощал Риму грабительские войны с Карфагеном. Для него такое отношение было единственно правильным и неоспоримым.

Ему вспомнился случай, о котором он давно забыл. Ганнибалу шел тогда девятый год. Он узнал от слуг, что отец собирался уехать в Иберию на очень долгий срок. И поскольку Гамилькар не появлялся дома большую часть его детства, весть о новом походе обидела мальчика до глубины души. Он нашел отца на городской площади и начал проситься в его войско. Обхватив руками его ноги, он клялся, что достоин этого. Ганнибал был сильным. Он уже мог бросать копье. Он не боялся войны.

Гамилькар поначалу оттолкнул его. Но мальчик продолжал говорить. Его заявления становились все более смелыми, и люди на площади начинали прислушиваться к их разговору. Тогда, схватив сына за запястье, Гамилькар затащил его в храм Ваала и велел жрецу совершить ритуал жертвоприношения. В ту пору древний обычай детоубийства практиковался редко, хотя век назад он считался обычным в Карфагене. Глядя на алтарь, Ганнибал пережил несколько тревожных мгновений, поскольку он подумал, что отец в порыве гнева решил принести его в подношение богу.

Затем он услышал блеянье козы, ведомой жрецами. Животное было совершенно белым, с глазами гвоздичного цвета. Белые рога казались почти прозрачными. Только такое животное могло считаться чистым и приятным богу. Жрецы ничем не отличались от тех, которых он видел раньше. Это были калеки и изуродованные люди, получившие увечья при

жизни или от рождения. Боги метили людей, пригодных для служения в храмах.

Его отец преклонил колени перед алтарем. Он снова схватил сына за запястье и притянул к себе. Кожа на его ладони была твердой, как камень.

— Послушай меня, — сказал Гамилькар. — Я не жрец, но ты мой сын, поэтому мне дано право рассказать тебе историю наших богов. Задолго до нынешнего времени создатель Эл по ошибке возвеличил Яма — владыку морей и рек — над другими богами. Возгордившись этим, Ям превратился в тирана и начал навязывать всем свою волю. Никто не смел оспорить его слова или сразиться с ним в бою. Все считали его очень сильным — даже Эл, даровавший ему верховную власть. Чтобы умиловить Яма, Эшерах, жена Эла, предложила ему свое тело. Ей хотелось научить его радости и доброму обхождению. Но Ваал, услышав о таком повороте событий, пришел в ярость. Он один среди богов знал, что обманщик Ям никогда не будет обращаться с ними по справедливости. Не теряя времени, Ваал выковал молот Ягруш и винторез Эймур. Прихватив их с собой, он пришел к Яму и ударил его в грудь Ягрушем. Но молот не мог убить бога. Тогда он вонзил в лоб противника Эймур. Ям рухнул на землю и умер. Равновесие в мире нарушилось. Однако с тех пор главным богом стал честный Ваал.

Гамилькар повернул сына лицом к козе. Он придвинулся к нему и прижал мальчика к груди.

— Пойми меня, Ганнибал. Карфаген верен Ваалу, а римляне — это люди, которые следуют законам Яма. Из-за ошибки Фортуны, Рим возвеличен над нами, но так не может продолжаться долго. Мы с тобой можем стать Ягрушем и Эймуром — молотом и винторезом. Пусть в нас нет божественной природы, но мы будем совершать поступки, основываясь на справедливости, а не на помощи богов. Я не прошу тебя ненавидеть Рим без причины. Я не осуждаю этот город только по-

тому, что в нем живет другой народ. Однако мне ненавистно зло и предательство — то, как они поработают наш мир. Поэтому я прошу тебя поклясться жизнью — поклясться в том, что ты будешь мстить за урон, нанесенный нам Римом! Поклянись, что будешь стоять со мной рядом, когда я направлю на них правосудие Ваала! Ты готов посвятить свою жизнь сражению с ними и уничтожить их, как Ваал сокрушил бога Яма?

Мальчик ответил просто:

— Да, отец, я готов.

Жрец передал Гамилькару жертвенный нож. Отец вложил его в руку мальчика. Они вместе прижали искривленное лезвие к шее дрожавшей козы и вонзили его в плоть. Руки сына и отца действовали в одном порыве. После этого ритуала Ганнибал был связан с Ваалом клятвой на крови. Через несколько дней он уехал в Иберию и с тех пор не знал другой жизни, кроме войны.

Как далеко он ушел от того памятного дня... Сколько повидал... Траектория судьбы иногда удивляла его — хотя и не часто, так как ум командующего сам ковал свое будущее, и путь война казался ему единственным способом жизни. Но случались редкие мгновения тишины, когда меланхолия наваливалась на него тяжелым грузом. Он словно пробуждался от батальных кошмаров и чувствовал нечто, схожее с туманными моментами соскальзывания в явь — неопишущую радость оттого, что все это оказалось сном и что годы не прошли так свирепо и быстро, как ему казалось. Однако надежда тут же исчезала. Перед его единственным глазом вновь начинали мелькать солдаты в доспехах, уши наполнялись шумами лагеря, и Ганнибал понимал, что сны представляли собой зеркала, отражавшие созданный им мир.

Он повернулся и подошел к столу. Ему не хотелось поощрять в себе подобные моменты слабости. Они не выражали его лучших качеств. Он должен был вернуться к военным

планам и гарантировать такие победы в грядущем сезоне, которым не будет равных в истории. Однако он позволил себе еще немного отдыха. Ганнибал хотел позвать Магона, чтобы тот написал за него письмо, но затем он решил управиться с этим сам. Эмоции, взгляды и мнения, которые он хотел описать, имели слишком личный характер, чтобы раскрывать их другому человеку. Командир приготовил лист и перо. Он не мог сопротивляться своим чувствам, даже если письмо не дойдет до цели и останется непрочитанным — или вообще сгорит на красных углях, как все прежние его неотправленные послания.

— Милейшая Имилце, — написал он корявым почерком. — Как бы я хотел, чтобы ты была рядом со мной и могла сама рассказать мне о себе и нашем сыне, о своем настоящем и о нашем будущем времени...

* * *

Для карфагенской армии весна и раннее лето третьего года кампании прошли в ленивой дымке почти идиллического спокойствия. Вместо осад и маршей, обычно начинавшихся с первым теплом, они с помощью местных жителей посадили зерновые на полях, занялись разведением животных, выращиванием бычков и торговлей железными и кожаными изделиями. Иногда им приходилось отправлять фуражные команды в другие города, но, в основном, для обмена товарами, так как они могли бы обойтись и собственной провизией. Их тела налились здоровьем, которого они не знали со времен Иберии. Поздней весной после уборки первого урожая фруктов бывалые солдаты шутили, что командиру понравилось жить в деревне и что он, похоже, решил вволю насладиться цветением деревьев, погодой и соленым бризом с моря. Некоторые даже утверждали, что Ганнибал потерял интерес

к войне. Однако каждый их шаг был просчитан заранее — в том числе и продолжительность отдыха. Никто не сомневался, что великий гений готовил еще одну победу.

Впрочем, это мало касалось Имко Ваки. Если подобный отдых мог помочь им выиграть войну, то он не имел ничего против. Конечно, ему приходилось выполнять приказы и отдавать поручения другим солдатам, но большую часть времени он заботился лишь о своих делах и собственном здоровье. Он никак не мог забыть ту обнаженную красавицу у реки и их встречу, которая произошла минувшим летом. Да и девочка из Сагунтума продолжала преследовать его. Она всегда сидела неподалеку и неодобрительно наблюдала за его действиями или кричала ему так громко, что другие тоже должны были слышать ее. Но она казалась лишь жужжащей мухой в сравнении с томлением, на которое обрекла его женщина с ослом.

Прошли месяцы, а он так и не смог отыскать ее. Казалось, что она исчезла с поверхности земли. Не веря в подобное, Имко тревожился, что с ней могла приключиться какая-то беда. Он обошел все деревни вблизи от лагеря. Вака часто бродил по галльским поселениям и пытался завоевать доверие у мародеров и обозного люда. Но он видел девушку всего несколько мгновений и ничего не знал о ней. Он не мог описать ее внешность и не расспрашивал о ней, потому что не хотел, чтобы кто-то узнал о существовании такой красавицы. Наверное, многие назвали бы его поиски неподобающей для ветерана глупостью, но Имко давно уже перестал отделять нормальное поведение от одержимого. Вероятно, безумие войны повредило его мозг. Он честно соглашался с такой возможностью, однако продолжал искать ту сказочную женщину.

И вдруг, так же неожиданно, как в первый раз, она снова появилась перед ним. Имко даже не искал ее в тот день. Ему пришлось отправиться в разведку вместе с отрядом нумидийских конников, и поскольку он был неопытным наездником,

то всю дорогу провел за спиной одного из всадников. Его раскачивало из стороны в сторону и трясло до мозга костей. Он никогда не думал, что спины коней такие твердые и обладают столь большим количеством мослов, которые впиваются в ноги и ягодицы несчастных ездоков. На обратном пути он слез с лошади и сказал, что дойдет до лагеря пешком.

Ему просто повезло, что он наткнулся на кучку обозников, которую вряд ли заметил бы со спины мчавшегося во весь опор скакуна. Не зная, что здесь живут мародеры, он подумал, что встретил местных жителей, изгнанных солдатами из своих домов. Однако его наметанный глаз вскоре заметил слишком большое национальное разнообразие группы. Они явно были чужими в этой стране. И еще они вели довольно бедное существование. Их лагерь располагался в седловине между двух холмов — на пологом склоне с редкими деревьями. Место стоянки пятнало несколько палаток и навесов из шкур. Неподалеку на холме паслось стадо тощих коз. В центре лагеря горел большой костер, на котором готовилась вечерняя пища. Старая женщина сидела у котла и помешивала варево. Двое мужчин обсуждали, как лучше построить навес от солнца. Маленький ребенок кричал в палатке, умолкал и снова переходил на недовольный плач. Молодая женщина, склонившись над убитой козой, привязывала веревку к задним ногам животного...

Имко повернул голову, собираясь возвращаться, но его взгляд задержался на женщине. На какое-то мгновение его зрачки вытянулись и сжались, подстраивая фокус. Казалось, с его глазами происходило что-то странное. Он почувствовал, как часть его души излилась из глазниц, пролетела в воздухе и коснулась зада молодой женщины. Он даже спрятался за дерево, испугавшись, что женщина почувствует это прикосновение. Но она продолжала свою работу.

Забросив на крючковатую ветвь веревку, тянущуюся от ног козы, девушка снова пригнулась к земле и, используя вес

своего тела, подняла тушку животного вверх. Коза закачалась в воздухе, капая кровью. Молодая женщина проворно сделала ножом несколько надрезов, поворачивая труп то так то эдак. Каждый ее жест выдавал уверенность и опыт в подобных делах. Просунув пальцы под кожу козы, она потянула ее вниз. От силы натяжения серая тушка выгнулась под углом. Затем шкура начала сползать, обнажая ничем не защищенную плоть.

Несмотря на грубость работы, в движениях женщины угадывалось определенное мастерство. Ее ноги были стройными и мускулистыми. Икры выдавали почти мужскую филигранность мышц. Тонкая летняя одежда обрисовывала округлые изгибы бедер. Длинные волосы ниспадали на обнаженные руки и скатывались на спину в черной волне завитков. Но даже если бы Имко не хватило этих подсказок, то в нескольких шагах от женщины стоял осел — такой же удрученный, как и прежде. Он не жевал траву и не смотрел на хозяйку, а просто опирался на четыре столбика ног и больше ничего не делал.

Повернувшись на голых пятках, молодая женщина отошла от разделанной тушки. Вака, прижавшись к колючей траве, следил за девушкой взглядом. Она поговорила со старухой у костра, затем крикнула что-то мужчинам и начала подниматься на холм. Имко быстро поднялся на ноги. Он удалился от лагеря и обошел его стороной, тихо передвигаясь по сосновой роще. На какое-то время он потерял женщину из виду и едва не сошел с ума. Имко попробовал определить ее местоположение по очертаниям ландшафта, но это сбило его с толку еще больше. Он пробежал небольшую дистанцию, затем застыл и, склонив голову на бок, попытался уловить какой-нибудь предательский звук. Не услышав ничего, кроме ветра, раскачивавшего макушки деревьев, он снова побежал вдоль длинного холма. Одолев осыпь камней,

Вака поднялся на вершину небольшой гряды и стремительно помчался вниз по поросшему соснами склону.

Он выбежал на открытое место и, задыхаясь от бега, вдруг понял, что оказался на тропе всего в нескольких шагах перед женщиной и бредущим за ней ослом. Девушка замерла на полушаге. Она смотрела на него и учащенно дышала. Но ее удивление не длилось долго. Она подняла руку и смахнула прядь волос с макушки на лицо. Скрыв свои прекрасные черты, она прокричала ему что-то на кельтиберийском диалекте. Затем, немного раздвинув занавес черных локонов, девушка начала подниматься по склону насыпи, с которой он только что спустился.

Когда она проходила мимо него, Имко заметил плевок, летевший к нему навстречу, но снесенный ветром в сторону. Он повернул голову, чтобы проследить за девушкой взглядом, однако ее место уже занял осел. Странно, что он оказался там так быстро, потому что жалкое животное едва передвигало ноги. Существо, с драной шерстью и настороженными ушами, изгрызенными зубами какого-то плотоядного хищника, раболепно семенило за женщиной, хотя та, казалось, не обращала на него никакого внимания.

— Я не забыл эту задницу! — крикнул Имко.

Женщина остановилась, медленно повернулась и приблизилась к нему на несколько шагов.

— Что? — спросила она.

Ее карфагенский язык был перегружен тяжелым акцентом. Имко не мог понять, какое наречие она считала родным.

— Я не забыл этот зад, — повторил он свои слова. — Зад твоего осла, конечно.

Склонив голову на бок, женщина искоса посмотрела на него. Он почти не видел ее лица за волосами, однако ему верилось, что на нем появилась усмешка, а не гнев. Похоже, ей что-то не нравилось. Какой-то момент он надеялся, что им

удастся наладить разговор. Но когда она заговорила, ее голос звенел от решительной язвительности. К сожалению, она снова вернулась к иберийскому диалекту, и Имко не понимал ни одного слова.

Заметив это, она закончила свою речь визуальной демонстрацией вышесказанного. Руки девушки схватили нечто похожее на воображаемую ветвь, сломали ее и выбросили в разных направлениях. Прояснив свою точку зрения, она отвернулась от него, поднялась на вершину холма и скрылась из виду. Имко стоял и тупо смотрел на то место, где она только что была. Ему хотелось побежать за ней... Но что он стал бы делать, догнав ее? Он не имел наклонностей насильника. В любом случае, ему удалось добиться чего-то. Вака выяснил, что она жила в небольшой общине обозников. Уже вернувшись в лагерь, он вспомнил, что осел больше не попадался ему на глаза. Животное не стало подниматься на склон, а, видимо, продолжило свой путь по тропе, прекрасно зная дорогу. Имко посчитал это добрым знаком.

Однако его невезение продолжалось. Через неделю армия двинулась в поход. Вака не мог найти разумной причины для возобновления военных действий. Ему казалось, что Ганнибал просто решил поиздеваться над своими солдатами. Они не спеша обогнули южный легион старого консула, пересекли реку Авфидус и с легкостью захватили зернохранилище близ поселения с гордым названием Канны.

Еще через несколько дней до них дошли слухи о приближении римской армии. Первые несколько гонцов принесли весть об огромном войске, настолько грандиозном для человеческого глаза, что оно выглядело как персидская орда, передвигавшаяся по стране широким потоком. Затем шпионы доставили другие подробности. К ним спешно направлялись два новых консула. Они собрали невероятно большую армию, состоявшую из тысяч и тысяч хорошо вооруженных солдат,

римских граждан и легионов, присланных из союзных городов. Если войско Ганнибала останется на своей позиции, ему придется сражаться не с упрямыми воинами Рима, а со всей Италией.

Многokrатно сомневаясь в мудрости командира, Имко каждый раз убеждался в том, что суждения Ганнибала оказывались верными. Однако это не удержало его от новых сомнений. Ни один человек не мог прищипоривать Фортуны бесконечно долго. Он не ожидал, что война затянется на три года. Возможно, ветры судьбы уже переменялись, обещая победу римским легионам. Предчувствуя величие грядущей битвы, Имко расспрашивал сослуживцев и выяснял их мнения о решении командира. Именно так он познакомился с молодым солдатом, которому посчастливилось подслушать беседу Ганнибала и Магона.

Солдат поведал свою историю у костра во время ужина. Он поклялся, что говорит одну правду, а поскольку Имко сидел рядом с ним, то ему было слышно каждое слово. История началась с того, что молодого солдата назначили охранять склад оружия, который командир решил проверить лично. Юноша стоял у входа, с прямой спиной и неподвижный как колонна. Два Баркида не обратили на него никакого внимания. Магон начал выражать озабоченность размерами римской армии, но Ганнибал сказал ему, что все соответствует его плану. Затем он сообщил, что недавно слышал голоса в своей голове. Нет, это было не безумие, добавил командир. Он понял, что голоса исходили из его ума. Иногда он узнавал свой тембр, а в другие моменты это был голос отца или низкий грохочущий бас одного из богов. Все они говорили ему одни и те же слова. Они несли ему одно и то же сообщение...

Молодой солдат замолчал и задумчиво посмотрел на огонь, как будто завершил свой рассказ. Имко подтолкнул его локтем.

— Это грядет, — продолжил юноша.

— Что грядет? — спросил Имко. — Каждый знает, что нас ожидает большая битва. Ты это имел в виду?

Солдат повысил голос.

— Он так сказал. «Это грядет». И затем добавил: «Сражение, которое решит все вопросы. У нас осталось несколько часов до великого момента. Судьба вела меня к нему!» Вот что сообщили голоса командиру. Что близится мгновение, ради которого он был рожден. И мы будем свидетелями этого события!

Солдат самодовольно замолчал, однако Имко щелкнул языком и отвернулся от него. Какой толк был от подобного рассказа? Возможно, это просто выдумка юноши. Он не стал расспрашивать парня — точнее, Вака мог бы завалить его вопросами, но вместо этого погрузился в собственные размышления. А каким был момент, ради которого он появился на свет? Эдакая цель, смутная, словно слова оракула. Может быть, он тоже стремился к дню своей славы? Хотя предсказатели всегда извращали смысл событий. Что, если он родился для дня своей гибели? Разве не к такой банальной концовке вела судьба всех живущих существ? Интересно, предвидел ли командир свою кончину? И если да, то почему он не пытался уклониться от сражения? Значит, их ожидала победа? На миг эта мысль успокоила Имко, но затем он вспомнил, что Ганнибал невероятно упрям. Что, если он хотел бросить вызов собственной смерти? Плюнуть ей в глаза и оттолкнуть ее с дороги?

Когда Имко ушел в палатку и улегся на ложе, сон бежал от него, будто зверь, удиравший от погони. Он попробовал думать о красивой обозной мародерше, но она вдруг повернулась к нему и начала повторять слова, которые он не хотел больше слышать:

— Это грядет. Это грядет...

* * *

Первые две недели походного марша оба консула разделяли намерения друг друга: они должны были быстро приблизиться к карфагенской армии, навязать Ганнибалу сражение и придумать правильную тактику боя. По этому вопросу у них не было споров. Но чем ближе они подходили к врагу, тем сильнее проявлялись разногласия. Варрон считал, что им следовало наброситься на карфагенян сплошной и неуправляемой волной. Его не интересовали особенности местности, поскольку он думал, что значительное превосходство в численности шокирует африканцев, едва они увидят римское войско. Он с усмешкой представлял себе их расширенные от ужаса глаза, раскрытые рты и стук сердец в груди, когда они увидят свою гибель, надвигающуюся в облаке пыли. Сила армии, которой командовали оба консула, действительно казалась невообразимой. Они могли бы использовать это преимущество сразу после того, как узнают, где прячутся захватчики.

Павел придерживался иного мнения. Прежде всего, им нужно было извлечь урок из поражений под Тицинусом, Требией и Тразименом. Им следовало проявить осторожность. Почему Ганнибал знает об их приближении, но остается на месте? Павла беспокоило такое поведение. Он предлагал замедлить темпы марша. Пусть разведчики проверят местность и выяснят, какие хитрости задумал враг. Черты ландшафта имели большое значение. Кроме того, им не мешало бы знать точную численность карфагенской армии, наличие припасов, состояние духовное и физическое. Собранные сведения помогли бы им принять адекватное решение, поскольку течение войны не столь прямолинейно, как, видимо, считал Варрон.

Настаивая на своей точке зрения, Павел — в дни его командования — замедлял темп марша и посылал разведчиков к Каннам, чтобы те наблюдали за маневрами врага и выявляли тактически важные особенности местности. Их отчеты еще больше встревожили его. По мнению Павла, Ганнибал выбрал место, не очень выгодное для римских легионов. Это была открытая пустошь вдали от возвышенности, на которой расположились Канны. Равнина тянулась на мили вокруг. Местами, по берегам двух мелких и легко переходимых рек, встречались редкие кусты и низкорослые деревья. Такой ландшафт давал свободу африканской кавалерии. Он поделился своими опасениями со вторым консулом. Их конница уступала карфагенянам в силе. Павел хотел компенсировать этот недостаток. Последние несколько лет африканские всадники превосходили их во всем — особенно, нумидийские варвары. Он предложил перенести поле боя поближе к горам.

— Выслушай меня, Теренций, — сказал он.

Разговор происходил в штабной палатке. Между ним и Варроном сидели трибуны, начальники конных отрядов и командиры других боевых подразделений. Павел назначил совет на конец дня, отмеченного его правлением. Открыв собрание, он изложил свои доводы и выслушал уже известные возражения. Но поскольку власть на следующее утро переходила к Варрону, он хотел изменить его мнение. Они находились слишком близко к карфагенской армии, поэтому любая ошибка могла стать фатальной для них.

— Давайте повернем колонны и направимся на запад, — предложил он офицерам. — Холмистая местность затруднит маневры африканской кавалерии. Мы сами должны выбирать поле боя. Зачем нам принимать условия Ганнибала?

Варрон едва сдержался, чтобы не вспылить от подобных рассуждений.

— Если Ганнибал такой умный, — сказал он, — то почему бы ему не предусмотреть такой ход? Возможно, он наде-

ется именно на эту трусливую тактику. А вдруг, поступив по-твоему, мы попадем в его ловушку?

— Я так не думаю, — мрачно сказал Павел.

Он помассировал пальцами виски.

— Варрон, прошу тебя умерить твой пыл и внять воинской мудрости. Фабий, между прочим, не зря старался избегать подобных ситуаций...

— Фабий старался? — фальцетом прервал его Варрон.

Он склонил голову на бок, словно Павел удивил его.

— Он старался? Никогда еще это слово не использовалось так превратно. Я находился рядом с Фабием и могу сказать тебе, что он ни разу не поднял руку на врага. Война и мужество чужды для подобных людей. И теперь ты, Павел, начинаешь поступать так же, как он. Старик превратил тебя в свою марионетку. Ты высказываешь нам не свои мысли, а приказы Фабия. Ты предлагаешь нам бояться Ганнибала, как это делал он. Неужели тебе хочется, чтобы Рим пережил еще один такой год, какой устроил нам Фабий? Он сделал из нас дураков и трусов — овец, дрожащих при виде волка. Тебе это нравится, а мне — нет. Мы и так уже потеряли зря половину лета. Поверь, если мы не атакуем его теперь, то потеряем союзников. Они и без того едва не откололись от нас после решений твоего любимого диктатора. Хотя зачем я повторяю тебе эти истины? Ты и сам все знаешь. Ты просто испугался и не можешь действовать!

Поток оскорблений заставил Павла покраснеть. Он посмотрел на офицеров. Но те смущенно пригипали головы, опускали глаза и скрывали выражения лиц.

— Мы с тобой поговорим наедине, — сказал Павел. — Кажется, нам нужно прояснить отношения...

— Меня не волнует, что тебе кажется! — выкрикнул Варрон.

— Я не поведу солдат на бойню! — прокричал в ответ Павел.

Его гнев вспыхнул с такой силой, что несколько офицеров вздрогнули и подняли головы.

— Воистину, Теренций Варрон, ты достойный сын мясника. Но лучше бы ты занялся ремеслом своей семьи и оставил важные вопросы тем людям, которые могут их решать!

Варрон вскочил на ноги. Павел сделал то же самое. Они шагнули друг к другу — сначала медленно. Затем, словно следуя какому-то сигналу, они набросились друг на друга, как два барана в сезон гона. Комната наполнилась суматохой. Некоторые офицеры отступили к стенкам палатки. Другие замерли там, где сидели. Им не хотелось, чтобы гнев начальников низвергся на них. И только один человек встал между консулами.

Публий Сципион оказался быстрее любого из них. Он шагнул вперед и принял на себя удар. Варрон ткнулся в его спину, Павел — в грудь. Он раздвинул консулов на дистанцию вытянутых рук и попросил их вернуться к разумному диалогу. Остальные офицеры, ободренные его примером, растащили командиров в стороны и попытались успокоить их.

Публий покачал головой и сказал им с упреком:

— Если вам плевать на жителей Рима и всей Италии, то деритесь! А я сяду и буду смотреть, кто из вас одолеет другого. Но сейчас такая драка неуместна! Страна доверилась вам! Так будьте достойны такого доверия. Ради богов, прислушайтесь к голосу разума! Наш враг находится за стенами этой палатки, а не внутри нее!

Трибуны с тревогой смотрели то на него, то на консулов. Они не знали, как будут приняты его слова. Публий Сципион был самым юным из них и до сегодняшнего происшествия вел себя тихо. Варрон, казалось, хотел снести ему голову мечом, но когда Павел отошел на полшага, он последовал его примеру.

— Молодой трибун действовал опрометчиво, однако в его словах прозвучала истина, — проворчал он хриплым голосом. — Павел, ты считаешь меня неосмотрительным, но, может быть, ты сначала выслушаешь мой план?

— У тебя есть план?

— Конечно. Ведь я же не дурак.

— Тогда расскажи мне о нем. Я хотел бы услышать от тебя хотя бы несколько разумных слов.

Баррон обжег его ненавидящим взглядом, затем жестом попросил всех занять прежние места.

— Мы командуем самой большой армией, которую Рим выводил на поле боя, — сказал он. — Возможно, ни один другой народ не собирал так много воинов. Мы невероятно сильны, и Ганнибалу известно это. Нам с самого начала битвы нужно показать ему, что мы молот, а он гвоздь, который мы вобьем в землю Канн. Мы должны использовать наше подавляющее превосходство в численности для эффективного воздействия на умы его солдат. Для этого нам следует уменьшить на треть фронт манипул и сжать интервалы между ними. Такое построение растянет армейскую колонну так, что африканцам покажется, будто к ним направляется бесконечный поток воинов. Люди Ганнибала затрясутся от страха и начнут разбегаться с поля боя. Подумай сам, Павел. Мы впервые предлагаем им традиционную битву на всю длину дня. Я и ты возьмем на себя командование кавалерией на флангах. Это наше слабое место, но нам не нужно побеждать африканскую конницу. Мы лишь оттесним ее на время, чтобы удержать от фланговых атак, пока наша пехота не продвигнется вглубь карфагенского войска. Затем их всадникам уже нечего будет делать. Мы продавим центр карфагенской армии, разобьем отряды противника на небольшие группы и уничтожим их всех до одного.

Павел смотрел на него не мигая. Лишь уголки его глаз дрожали от напряжения.

— Возможно, ты прав, — сказал он. — Но я не считаю разумным изменять нашу формацию, не опробовав новшеств в тренировочных сражениях.

— У нас нет времени, Павел, — вскричал Варрон. — Мы уже на подходе к врагу. В нашей армии много необученных воинов, поэтому нам нужно вызвать панику в стане врагов. И наоборот, увидев наши неисчислимые ряды, легионеры будут питать друг друга мужеством. Они поймут, что представляют собой неодолимую силу. Эта формация сделает их храбрее и не позволит трусам выйти из боя. Солдатам в центре колонны просто некуда будет бежать, и они пойдут вперед, тесня врагов своими телами. Павел, возможно, мой план имеет недостатки, но лучше не ищи их, а объедини со мной усилия.

— Я не уверен, — искренне ответил второй консул.

Хотя совет длился до позднего вечера, никто из офицеров не предложил другого варианта. Когда день окрасился рассветом, консулы уже не спорили, но между ними не было единства мнений. Варрон, командовавший в тот день, снял армию с места и двинулся навстречу Ганнибалу. Он сделал все, чтобы Павел не смог вернуться назад — даже если бы захотел. Разбив лагерь на ближнем берегу Авфидуса, Варрон отправил небольшой отряд на другую сторону реки и велел кавалерии истреблять карфагенские фуражные команды. Однако день закончился не так, как он планировал. Нумидийские всадники действовали у него под самым носом. Они поджидали в засаде римских водоносов и пронзали их копьями. Лишь нескольким слугам удалось убежать, потеряв кувшины и сандалии. Тем не менее Варрон выполнил основную задачу. Он привел армию к полю боя. На следующий день разведчики доложили Павлу, что враг расположился на равнине, предлагая битву. Консул не стал отвечать на вызов. Он до вечера перемещал отряды с места на место и пытался найти лучшую позицию, зная, что завтра командование вновь

перейдет к Варрону. Он извивался как уж, но оставался на равнине, словно его приколоты к ней копьём. Павел не мог изменить ситуацию. Битва должна была начаться с первыми лучами солнца. Их судьба находилась в руках Варрона.

* * *

К тому времени, когда Магон встретил Ганнибала и его свиту на подъеме, ведущем к Каннам, он был в седле уже несколько часов. Генералы наблюдали, как две армии собирались на широкой равнине. Вид сближавшихся масс людей не имел аналогов в предшествовавших столкновениях. Магон попросил брата оценить примерную численность легионеров. Количество людей определялось по визуальным признакам: ширина интервалов указывала на плотность отрядов; размах местности, которую они покрывали, позволял подсчитать численность солдат, с поправкой на удаленность наблюдателя. Но полученные цифры были просто фантастическими. Восемьдесят тысяч? Девяносто? Сто тысяч? Он не мог поверить в такие расчеты. Фронт римской армии растянулся на все поле, а ведь даже лучшие бегуны не добежали бы от одного края равнины до другого. Легионеры показывали идеальную согласованность движений. Ни одна часть не опаздывала и не опережала остальные. Зрелище выглядело весьма грозно, но более всего поражала протяженность их формации. Колонна, ряд за рядом, уходила вдаль, тускнея в пыли и на расстоянии. Казалось, что легионеров порождала сама земля, и они, возникая из дымки, маршировали вперед на поле брани.

— Ветер дует в их сторону, — сказал Ганнибал. — Пыль будет попадать им в глаза.

Генералы приняли это простое утверждение мрачными кивками и угрюмым фырканьем.

— Им придется смотреть на солнце больше, чем нам. Мне по душе такое преимущество.

Магон не переставал удивляться спокойствию брата. Взглянув на него, он почувствовал стыд. Если Ганнибал был уверен в победе, то почему же он сомневался в ней? Кто он такой, чтобы иметь иное мнение? Днем раньше командир, со спокойной убежденностью, описал им несколько тактических хитростей, придуманных им для этой битвы. Даже когда он говорил о почти невозможных маневрах, их описание звучало в его устах как констатация фактов, а не как план будущих событий. Он нарисовал на карте изогнутую линию, которая изображала первые ряды их армии. Выпуклый фронт предполагалось составить исключительно из галлов, командовать которыми предстояло Магону и самому Ганнибалу. Именно эти отряды должны были встретить первый натиск врага.

— Мы должны удержать наш полумесяц от разлома, — сказал он офицерам. — Пусть солдаты не идут напролом, а медленно отступают назад — потихоньку и осторожно, чтобы римляне поверили в близкую победу. Предупредите галлов, что это обманный маневр. Пусть они не пугаются и не думают о бегстве.

Когда Магон спросил, не возмутятся ли галлы тем, что их бросают в гущу битвы, Ганнибал ответил:

— Ты не понимаешь кельтов, брат. Они воспринимают мир не так, как мы с тобой. Согласно их вере, сфера божественного творения состоит из двух миров. Смерть в одном из них означает возрождение в другом. Вот почему они скорбят при рождении детей и веселятся после смерти человека. Они не боятся умирать и с радостью идут на смерть.

Магон обещал выполнить все указания Ганнибала, но после бессонной ночи вызов грядущего дня наполнил его благоговением. Даже облако пыли, поднятое ногами римских воинов, порождало в нем страх. Огромная коричневая дымка поднималась к небесам и вытягивалась вдаль, закрывая весь горизонт.

— Посмотри на них, — сказал он.

Его горло сжалось. Голос дрожал, как будто кто-то ударил его в живот и он пытается говорить преодолевая боль.

— Я не думал, что их так много.

Ганнибал выпрямился в седле и ответил без всякой иронии:

— Да, римлян много, но никто из них не может сравниться с моим братом. У них нет второго Магона.

Генералы засмеялись. Юный Баркид не сразу понял шутку брата, но затем присоединился к смеху остальных. Мономах внес свою лепту, когда хриплым голосом — то ли в шутку, то ли всерьез — произнес:

— И у них почти нет людей, которые могли бы питаться человечинной.

— А что важнее всего, — добавил Махарбал, — у них нет командира по имени Ганнибал. Я уверен, их это сильно беспокоит.

— Если я не ошибаюсь, — подхватил Бостар, — среди них нет Бомилькара, Химилко, Гизго и ни одного Баркида. Никто из римлян не умеет молиться Ваалу или Мелкарту. И ни одного из них не рождали чресла африканской матери. Честно говоря, я никогда еще не видел такого большого количества неудачников, собравшихся в одном месте.

На хмуром лице Ганнибала появилась усмешка.

— Магон, я заметил твое изумление. Мне, как и тебе, понятно, что на каждого из нас будет нацелено два меча. Но это лишь означает, что нам придется убивать их в два раза быстрее.

Магон опустил подбородок на грудь, провел рукой по шее коня и затем поднял голову вверх. Он с улыбкой слушал, как друзья шутили над ним. Кому еще так повезло? Он обучался ратному делу у настоящих героев! Магон тоже попытался придумать что-нибудь смешное, однако шутки перед боем получались не у каждого. Во всяком случае, он еще не освоил это искусство.

Вскоре генералы поделили армию между собой и поскакали к отрядам, чтобы принять руководство. Все они имели свои задачи, и каждый должен был сыграть большую роль в грядущей битве. Магон остался с Ганнибалом. Им предстояло командовать передовыми частями, и до начала битвы они могли побыть вместе. Хотя армии уже готовились к бою, их разделяло широкое пространство. Прежде чем встретиться в пылу сражения, они производили последние маневры. Доспехи передней линии легионеров сияли на солнце, отражая свет тысячами крохотных вспышек. Поначалу их щиты казались сомкнутыми, словно чешуя на животе змеи. Но затем между ними появились промежутки, позволившие копейщикам выйти вперед. Они хлынули через передние ряды, как вода. Битва началась в традиционной римской манере, как и предрек Ганнибал.

— Велиты, — сказал он. — Посмотрим, есть ли зубы у этих щенков.

Юноши двигались не по-мужски проворно, как звери. Они обгоняли друг друга, выкрикивали похвалу своим воинам и проклинали карфагенян. На их шлемы были натянуты шкуры животных — в основном, головы волков, хотя рядом мелькали морды медведей и горных котов. Глядя на них, казалось, что животный мир объединился с людьми и согласился сражаться на стороне легионеров. Каждый велит имел несколько дротиков. Они метали их с силой, какую только могли вложить в бросок, направляя дротики высоко вверх, чтобы те по смертельным дугам нашли свои цели. Во всяком случае, так воспринимал их действия Магон. Однако Ганнибал видел этот маневр по-другому.

— Они только зря тратят снаряды, — сказал он. — Боятся нас. Смотри, Магон! Они как бы смело выбегают вперед, но не хотят удаляться от своих защитников, и поэтому их дротики не долетают до нас. Затем они отступают, набира-

ются отваги и повторяют свой маневр. По виду они воины, но в сердцах — все еще дети.

Магон сначала не согласился с ним, однако вскоре убедился в правоте Ганнибала. Велиты вообще не производили впечатления. Они не шли ни в какое сравнение с ветеранами-копейщиками. Балеарские пращники метали в них крохотные снаряды, ломая юным римлянам руки и ребра, а иногда даже убивая их, когда камни попадали в головы.

Это продолжалось около часа. Затем по сигналу Ганнибала пращники отступили назад. Они выкрикнули последние оскорбления римским воинам и исчезли в массе пехотинцев. Римский консул отдал такой же приказ. Велиты скрылись за «змеиной чешуей» щитов, и на какое-то время две армии замерли в ожидании, позволяя раненым покинуть поле.

Чуть позже оба войска двинулись навстречу друг другу. Римляне ускорили темп до быстрого шага. Наблюдая за ними, Магон почувствовал в животе такое сильное напряжение, что ему пришлось пригнуться к седлу. Он знал, что видит хитрые приемы устрашения — вихревые узоры и фигуры животных, нарисованные на их щитах; плюмажи из перьев, поднимавшиеся над шлемами, чтобы сделать солдат выше ростом; слоистая стена щитов, приподнятые копья, блестящий металл и ноги под ним, упорно шагавшие вперед. С расстояния римская армия казалась не скопищем отдельных людей, а единым существом, передвигавшимся по местности. Но знание этих хитростей не помогало расслабить мышцы живота, и Магон, сжав зубы, продолжал наблюдать за приближением легионеров. Римляне превосходили в координации движений даже опытных ливийцев, и в их огромном количестве тоже не было обмана.

Более всего в этом зрелище юного Баркида впечатляло молчание — ужасное, неземное и полное безмолвие надвигающейся армии. Римские воины не произносили ни слова. Они

не пели, не передавали приказы, не выкрикивали гневные проклятия. С их губ не срывалось ни звука. Воздух наполняли только ритмичная поступь и стук мечей по щитам. В этом шуме отсутствовали какие-либо эмоции. Он был механическим и пугающим, как лязг неминуемой смерти. Отряды карфагенской армии кричали и пели, доводя себя до ярости и изгоняя страх утробным ревом. Галлы создавали страшный шум своими трубами. Над их рядами покачивались шести с насаженными головами диких зверей. Их свирепая какофония тоже действовала на нервы, но ответное молчание производило больший эффект. Карфагенская армия как бы наносила удар и промахивалась, поражая только воздух. Если римляне и чувствовали страх, то не подавали виду, а воинам Ганнибала оставалось лишь кричать еще громче.

Магон знал, что должно было случиться дальше, но происшедшее шокировало его до глубины души. Легионеры авангарда — по какому-то сигналу, известному только им — одновременно подняли пилумы* вверх и метнули их в одно мгновение. Две-три тысячи снарядов взлетели в воздух. Несколько сотен карфагенских солдат упали наземь, извиваясь, крича от боли или навеки закрывая глаза. Со своей позиции Магон увидел, как копейщики отступили назад и исчезли за щитами пехотинцев.

— Все идет по плану, — сказал Ганнибал. — Сейчас будет вторая волна. А за ней третья. Стандартная схема, через которую нам придется пройти. Прежде мы побеждали римлян, используя их глупость. Теперь же нам предстоит сразиться с ними по их правилам. Но я все учел. Отправляйся к своим отрядам и помни все, чему я учил тебя. Поспешి, брат! Не забывай о чести нашей семьи!

Ганнибал спешил и присоединился к своим лейтенантам, вестовым и охранникам, окружавшим его во время бит-

* Метательные копьѳ, часть вооружения легионера.

вы. Вместе с этой свитой он направился через ряды солдат по проходу, специально оставленному для него. Магон услышал, как его окликнул один из офицеров. Ему тоже нужно было следовать к отрядам галлов. Он спрыгнул с коня, передал поводья оруженосцу и присоединился к небольшой группе людей, оберегавших его жизнь. Сделав первый шаг, он вдруг почувствовал, как земля под ним вздрогнула и переместилась под ногами. Магон остановился и отринул прочь проходящее время. Он перестал испытывать желания и думать о грядущем. Молодой генерал шагнул в настоящее и ощутил прилив энергии, который увлек его вперед. Он был готов к сражению. Он стремился в бой, ибо знал, что божественные силы, игравшие миром, сошлись друг с другом в жарком споре. Магон шел по проходу позади лейтенантов и с каждым шагом превращался в бесстрашного воина. Ведь прежде всего он был Баркидом.

* * *

Два конных отряда — один нумидийский и второй, составленный из карфагенян, иберийцев и галлов, — заняли позиции на флангах армии. Приказ генералов был ясен. Атаковать римскую кавалерию. Уничтожить ее быстро и жестоко. Разобраться с ней в первые мгновения сражения, а затем ударами с флангов раздробить римскую пехоту на части. От действий конницы зависела вся стратегия Ганнибала. Но помимо основной линии действий он задумал также несколько хитростей, которые могли привести врага в замешательство. Вот почему Туссело и четыреста других нумидийцев отправились на особое задание. Они понимали, что опасность этой авантюры превосходила риск прямого сражения. Здесь требовалась не только воинская удаль, но и хитрость. Они сами выбрали для себя оружие. Каждый из них спрятал под туникой второй меч, завернутый в тряпки, чтобы не поранить тело острым клинком.

Они мчались в кильватере нумидийской конницы, достаточно широком, чтобы сохранять большие дистанции. Их огромный вопящий отряд, приближаясь в галопе к врагу, успел метнуть три залпа дротиков. Когда они столкнулись с противником, многие римляне уже упали с коней, сраженные холодным железом, а затем затоптанные копытами животных. Сотни лошадей кружились и металась в смущении, потеряв своих седоков. Туссело увидел, как Махарбал вонзил меч в бок римлянина, тут же выдернул другой рукой копье из бедра второго легионера и почти без замаха воткнул его в горло третьего всадника. Он приподнял наконечник вверх, затем потянул на себя, и раненый римлянин в отчаянии схватил древко двумя руками. Он попытался удержать его на месте, но легкий рывок порвал артерию. Кровь хлынула изо рта и забрызгала его лицо. Махарбал вырвал копье и помчался к новой жертве, даже не посмотрев на падавшего с коня кавалериста.

Чуть позже Туссело потерял капитана из виду, однако его место заняли другие африканцы. Они сражались сходным образом — особый стиль боя. Со стороны они казались легкой целью — почти без доспехов, с небольшими щитами, без седел, гарантировавших прочную посадку на спинах коней. И, тем не менее, нумидийцы двигались бесстрашно и молниеносно. Между их мыслями и движениями коней не возникало пауз. Римлянам приходилось натягивать поводья, удерживать коней и разворачивать их боком перед нанесением удара. Они были ловкими и искусными воинами, но их мастерства не хватало в схватке с африканцами.

Нумидийцы уклонялись от брошенных копий, едва те взлетали в воздух. Они отбивали клинки на близкой дистанции, потому что видели, как легионеры только готовятся к удару. Им всегда удавалось оказываться там, где римляне не ожидали их встретить. Они буквально сливались с конным

танцем сражения, и итальянцы не имели возможности каким-либо образом справиться с ними. Африканцы действовали на совершенно других скоростях и с другой степенью проворства.

Римская кавалерия сыграла отход, затем, перестроив ряды, вновь бросилась в атаку. Однако нумидийцы устроили новую резню. Легионеры спешили, надеясь изменить ход боя и навязать противникам стандартную тактику пехоты. К их удивлению, африканские всадники не пожелали сражаться пешим строем. Они носились среди римлян, пронзая их копьями. Через некоторое время легионеры поняли ошибку и снова вскочили в седла, но их суета породила первые зерна паники. Такие зерна прорастают внезапно — они вдруг появляются и бурно расцветают. Римляне дрогнули и начали спасаться бегством. Нумидийцы выдержали небольшую паузу. Они выбрали копья и дротики, обтерли их покрытыми кровью ладонями, затем сняли с трупов ценные вещи, слишком притягательные, чтобы оставлять их мародерам, и снова погнались за врагами, улыбаясь, подбадривая друг друга и выкрикивая шуточки, как охотники на травле загнанного зверя.

Отряд Туссело отделился от них и отправился на задание, план которого массилиот предложил Ганнибалу несколькими днями ранее. Командир поначалу посчитал его идею невыполнимой. Он не верил, что римлян можно обмануть подобным образом. Однако Туссело знал их лучше. Он пояснил, что легионеры в тылу армии не будут знать о том, как их кавалерия сражается против нумидийской конницы. Не имея точных сведений о ходе битвы, они, по своему неведению, поверят в то, что он им скажет. Все получится как нужно, и ни один римлянин не раскроет их уловку — если только легионеры не заметят чего-то подозрительного в действиях других массилиотов. После того как ему удалось убедить коман-

дира, Туссело не хотел терять его доверие. Он напомнил сородичам, что они должны следовать его командам и во всем доверяться ему.

Получив подтверждение, он повел четыреста всадников на север. Они скакали параллельно колонне легионеров — на расстоянии броска копья. Их отряд продвигался почти без помех. Здесь и там попадались рассеянные части римской кавалерии, которые могли бы навязать им бой. Но при виде африканцев легионеры еще сильнее пришпоривали лошадей. Они спасали свои жизни. Оказавшись на открытом пространстве за армией противника, Туссело повернул отряд навстречу римлянам. Убедившись, что их заметили, он прокричал первый приказ. Его сородичи подчинились и набросили щиты на спины. По второму его приказу они швырнули на землю копья и дротики, мечи и кинжалы. Массилиоты приближались к римлянам как большая группа невооруженных дезертиров. Они вытягивали руки в стороны, доказывая свою безвредность.

Встревоженные их приближением, римляне выслали к ним крупный отряд, находившийся в резерве. Туссело выехал вперед, подбирая слова на языке, которым он не пользовался несколько лет. Он поскакал к авангарду римского отряда, затем быстро спешил и пал на колени в позе раболепного смирения. Легионеры подхватили его под руки, едва не вывернув суставы плеч. Они швырнули его спиной на землю, и он на миг потерял дыхание. Какой-то солдат подбежал к нему и ударил его ногой по губам. Он вытащил меч из ножен, притворяясь, что хочет пронзить грудь африканца, но ближайший офицер оттолкнул его от Туссело и приставил конец меча к подбородку пленника — с достаточной силой, чтобы железо разорвало кожу и выпустило из плоти струю крови, которая окрасила лезвие.

— Зачем вы приехали к нам? — спросил он. — Дай мне повод не убивать тебя сейчас!

Давление меча мешало говорить. Железный наконечник впивался в нижнюю челюсть. Но, преодолевая боль, Туссело хрипло произнес:

— Этот день принес вам победу. Боги... дали нам знамение, которое Ганнибал решил проигнорировать... Он идет к своей смерти. Мы... не хотим участвовать в этом. Мы не хотим умирать и... признаем свое поражение. Вы победили.

Офицер был удивлен. Он не ожидал, что африканец будет говорить на чистой латыни. Судя по его лицу, он даже разозлился.

— Откуда ты знаешь наш язык?

— Я образованный человек, — ответил Туссело.

Похоже, римлянин не знал, что делать дальше. Его лицо оставалось хмурым, но кончик меча приподнялся. Туссело воспользовался этим моментом и добавил:

— Сохрани нам жизнь! Мы не трусы. Я царевич своего народа. По моему слову массилиоты повернут свои копья на Карфаген. Ты, господин, сможешь привести нумидийский народ в услужение Риму. А мы поможем вам покорить Африку.

— Что-то ты не выглядишь царевичем, — произнес римлянин, с презрением взглянув на всклокоченные волосы Туссело.

— У нас другие обычаи, но я тот, кем назвался. Спроси людей, которые последовали за мной.

И тут офицер проявил нерешительность. Посмотрев на отряд массилиотов, он увидел торжественные лица всадников, которые спокойно ждали своей участи перед угрозой смерти. Он отпустил на шаг от Туссело.

— Ты проявил мудрость, признав наше превосходство, — сказал легионер. — На мой взгляд, ты поступил трусливо, но это продлит твою жизнь.

Солдат, ударивший Туссело, начал возражать, однако офицер прикрикнул на него.

— Римская армия всегда брала пленных. Мы не варвары, которые убивают людей, признавших свое поражение. Пленный воин во многих случаях лучше покойника. Подумай сам, какие хорошие рабы получатся из них.

Несмотря на показную убежденность, он сомневался в своем решении. Подумав немного, офицер произнес:

— Я не хочу совершить ошибку. Найди трибуна и сообщи ему об этом. А пока прикажи пленным спешиться, отведи их лошадей подальше и обеспечь для африканцев надежную охрану.

Нумидийцев согнали с коней и повели под конвоем в лагерь. Охранники подгоняли их криками, били плашмя мечами, толкали торцами копий, оскорбляли, угрожали, называли сучьими детьми и насмеялась над командиром, который привел своих людей в рабство. Наконец, собрав их в плотную группу на выжженном и пропеченном солнцем узком пятачке земли, легионеры велели им сесть на черные задницы и замереть, как статуи.

Несколько пленных начали перешептываться друг с другом. Остальные подбадривали товарищей взглядами. Мужчина, сидевший перед Туссело, оглянулся через плечо и предложил ему полоску сушеного мяса. Туссело признательно кивнул, оценив спокойствие воина, но отказался от пищи. Он все еще чувствовал пот легионера на разбитых губах. Это напомнило ему о прошлом, которое он хотел забыть, и в то же время что-то в нем не желало забывать о пережитых унижениях. Он подумал, что у всех людей, причисляющих себя к римлянам, даже пот имел один и тот же вкус.

В их отряде только он понимал язык врага. Туссело прислушивался к разговорам римских солдат, которые обсуждали последние новости. Слухи были оптимистичные. Легионеры говорили, что Варрон уже не сомневался в победе. По их словам, они пробились через галльский фронт. Ганнибал не смог остановить напора римской армии. Они, как нако-

нечник копья, погружались в тело карфагенского войска. План консула выполнялся идеально. Варрон приказал подтянуть фланги к центру, чтобы сделать колонну более узкой и врезаться клином в массу врагов.

Человек, сидевший рядом с Туссело, подтолкнул его локтем и, прижавшись к нему, поинтересовался шепотом, о чем говорят римляне. Туссело пихнул его в ответ и сообщил:

— Они говорят, что час нашей смерти близок.

Он произнес эти слова спокойным голосом, демонстрируя полную убежденность в обратном, но в действительности разговоры римлян наполнили его сердце страхом. Он знал, что Ганнибал намечал постепенное отступление. Но что, если гениальное предвидение обмануло командира? Несмотря на свою огромную веру в него, Туссело считал невозможным одолеть такое количество легионеров. Если повезет, им удастся уничтожить или ранить в бою четверть римской армии. Однако Ганнибала ожидало поражение. Он понимал это и, по странной прихоти судьбы оказался теперь перед дилеммой: преданность командиру или сохранение собственной жизни. Чтобы предать Ганнибала, ему ничего не нужно было делать — только сидеть и ждать. Он посмотрел на далекие тылы легионеров, на их повернутые к ним спины. Чуть ближе, вокруг отряда африканцев, суетились обозники, лагерные мародеры, конюхи и рабы — все выполняли свои задачи, поддерживая армию. Сколько рабов! Какой еще народ на земле так процветал и так обогащался на страданиях других людей?

Туссело выбрал момент наугад. Он не мог бежать с поля боя. Его верность имела отношение не только к Ганнибалу и своим соплеменникам. Он верил в себя! И он знал врага лучше любого другого солдата. Туссело поднялся на ноги. Он отряхнул пыль и повращал головой, расслабляя шею. Один из охранников выкрикнул предупреждение и направился к нему, положив ладонь на рукоятку меча. Туссело произнес одно слово — звонкий слог, который привел их отряд в движение.

Африканец, сидевший с краю группы, вытащил меч из-под туники. Он ударил проходившего римлянина боковым ударом под колени. Пока легионер падал в пыль, все четвереста воинов вскочили. Хаос коричневой кожи и племенных одежд. Свирепая суматоха с завернутыми в тряпки клинками. Они перерезали охранников, застав их врасплох и воспользовавшись своей много превосходящей численностью. Через несколько мгновений нумидийцы распугали обозников и убили тех из них, кто стоял на месте, разинув рот. Остальные рабы и мародеры разбежались во всех направлениях.

Туссело не хотел, чтобы его отряд занялся грабежом. Ганнибал направил их сюда для битвы. Он щелкнул языком и велел уходить. Остальные последовали за ним. Брошенные тряпки, которыми они прежде пеленали оружие, извивались на земле под порывами сухого ветра, как белые змеи. Четыреста смельчаков подобрали свои щиты и копья, вернули лошадей, за которыми присматривали юные рабы, и затем напали на римский тыл. Никто из легионеров не видел их приближения. Никто не ожидал атаки сзади. Когда вражеский солдат обернул к нему юное лицо, искаженное от внезапного и запоздалого ужаса, Туссело был лишь в нескольких шагах от него.

* * *

Перед началом битвы командир обратился к воинам с речью, которую перевели на все языки многонациональной армии.

— Мы враги Рима, — сказал он. — И все мы вышли из народов, которые пострадали от алчных захватчиков с Тибра. Сегодня Ганнибал просит вас почтить ваших предков жертвой римской крови. Следуйте зову мести, и вы обязательно победите. Когда зазвучат трубы галлов, знайте, что через них к вам обращается голос вашего командира. Когда вы услы-

шите многоязычные крики гнева и ярости, в них будет клич Ганнибала. Услышав звон оружия, помните — это воля Ганнибала передается вам через железо. Даже когда враг откроет рот, вы должны услышать в его проклятиях слова своего командира. Если римлянин угрожает, он напоминает вам о долге. Если вы проткнули ему горло, то это хвала Ганнибала, которая изливается кровью из рта легионера. Это радость командира от ваших подвигов и его приказ, чтобы вы перешагнули через труп и двинулись дальше. Слушайте Льва Карфагена во всем, и победа станет нашей. Когда бы люди в будущем ни говорили о войне, они будут ссылаться на сегодняшний день! Так пусть же ваши имена произносятся ими с благоговением!

Прекрасные слова, подумал Имко, но о храбрости легче говорить, чем ее демонстрировать. Возможно, Ганнибал действительно верил в победу, да только Вака больше заботился о том, чтобы сохранить свою жизнь. Годы в армии превратили его в умелого воина, совершавшего ратные подвиги — часто вопреки своим желаниям. Руки двигались в бок быстрее, чем работал разум. Тело действовало инстинктивно. Глаза находили слабое место в обороне врага. Но он сражался ради собственной шкуры — ради того, чтобы жить, пока другие умирали. Имко знал, что это неблагородный побудительный мотив. Но разве лучше оказаться убитым из чистого бесстрашия? Таких людей и так хватало. Боги порождали их в избытке.

Он посмотрел на ветеранов-убийц, стоявших вокруг него. Передние ряды центральной части армии уже сражались с врагом, но эти солдаты спокойно ожидали своей очереди, ничуть не тревожась, что в самом скором времени их ожидает сущий ад. Они болтали друг с другом и лениво потягивались, осматривали доспехи и рассеянно почесывали бороды. Один солдат помочился прямо там, где стоял; другой подтянул одежду и присел по большой нужде. Несколько пинков и

подзатыльников отвлекли его от этого занятия. Он встал, обругал смеявшихся товарищей, но согласился подождать и обгадить позже какого-нибудь убитого legionera. Многие из них имели римские доспехи, но захваченная амуниция в сочетании с африканской одеждой делала их гротескной пародией на римлян. Кое-кто раскачивал высокие копыя; некоторые практиковались в выпадах; другие опробовали в коротких взмахх римские мечи. Имко чувствовал себя, как перед подъемом на Альпы. Ошибка, сделанная им давным-давно, по-прежнему оставалась ошибкой. Он не принадлежал этой армии. Вака думал, что мир еще не видел такого вялого и бесхарактерного солдата, как он. Никогда Фортуна не играла так бесчестно с человеком, помещая его раз за разом в самую гущу человеческой глупости.

Шум боя нарастал. Всадники Карфало помчались навстречу восточному крылу римской кавалерии. Грохот копыт и боевые кличи утонули в облаке пыли. Отряд ветеранов по-прежнему ждал. Время близилось к полудню, и жар позднего лета гнал тяжелый воздух вниз. Волны пыли оевали их, раскаляя нутро и вызывая отвращение из-за дурного запаха, похожего на дыхание какого-то гигантского рта с гнилыми зубами. Пот лился сначала из-под мышек, затем со лба, в паху, по ногам и рукам. Когда едкая влага попадала в глаза, по щекам катились соленые слезы. Откуда-то сзади раздался крик команды. Они подтянулись. Каждый воин измерил пространство вокруг себя, выровнял позицию относительно соседей и проверил наклон щита. Некоторые вновь заговорили, но никто уже не потягивался и не шутил. Все готовились к сражению.

Когда раздался новый крик, Имко не разобрал слова приказа. Он почувствовал давление в спину и увидел, что человек перед ним начал движение. Он сделал шаг и занял его место. На мгновение время остановилось. Он посмотрел на смятый шлем соседа и заметил в нем свое отражение. Оно

было тусклым и почти бесформенным — просто контур человеческого тела. Затем звуки труб продублировали приказ, и их колонна двинулась вперед. Он все еще не понимал их диспозиции. Перед ними никого не было — пустое пространство сбоку от основной битвы. Однако трубы настоятельно подгоняли отряд, и Вака, как другие воины, шел быстрым шагом, едва поднимая ноги. Вперед в ничто. Пять минут марша, затем десять. Все быстрее и быстрее.

Затем трубы протрубили еще раз, приказывая произвести обходной маневр. Имко не знал, как интерпретировать такое распоряжение. К счастью, командирам было все понятно. Колонна из нескольких тысяч ветеранов начала поворот — одна сторона оставалась неподвижной, другая продолжала движение — словно створка огромной двери. Солдат, шагавший за ним, постоянно наступал ему на пятки. Имко хотел повернуться и обругать его, но звуки труб приказали им остановиться.

Все замерли на месте, затаив дыхание. Лишь броня скрипела в тишине. И тогда, взглянув поверх плеч людей, стоявших перед ним, Имко увидел противника. Колонна ветеранов, завершив разворот, находилась менее чем в ста шагах от длинного, ничем не защищенного фланга вражеской армии. Судя по одежде, это были не римляне, а легион союзников. Их отряд был плотно вбит в огромное тело армии. Никто из них не повернулся к ним. Их копья оставались направленными вперед. Они еще не понимали, что стали жертвами лучших пехотных частей Ганнибала. Следующий приказ был вполне предсказуемым. Они пошли в атаку.

Первые шеренги римских союзников заметили африканцев слишком поздно. Солдаты попытались развернуться, но остальная часть отряда сохранила свои позиции. Имко не знал, к какому народу они принадлежали. Он только запомнил их эмблему, нарисованную на белых щитах, — желтое солнце на красном поле. Карфагенские ветераны надвигались

на них не в стремительном беге, а медленным шагом. Мощь предстоящего столкновения посылала волны ужаса сквозь всю колонну тесно стоявших легионеров.

После первого контакта от построения ничего не осталось. Началась кровавая резня, отличавшаяся даже от того, к чему их готовили на тренировках. Вместо фаланг с закрытыми щитами здесь были выпады в полную руку и смертоносная щетина длинных копий. Колонна африканцев растянулась в цепь. Похоже, каждый уже понял, что это была необычная битва. Латинские союзники едва успевали поворачиваться к ним. Они оставляли открытыми все уязвимые части тел — шеи, бока, бедра, лица. И было столько мест для ударов и так много целей на выбор, что атакующие ветераны превращались в лютых чудовищ, создавая невероятный хаос среди легионеров и выискивая новые жертвы для следующих ударов. Вот почему Имко влился в бой быстрее, чем мог предположить.

Посреди скопища людей он вдруг заметил ничем не приметного итальянца. Они оба поняли, что неизбежный рок столкнул их жизни в бескомпромиссном споре. Имко, еще не одурманенный боем, метнул копье. Мужчина отбил его нижней частью щита и двинулся вперед. Одолеть его оказалось непросто. Первые движения меча были пробными. Ему никак не удавалось найти место для удара. Тяжелый и высокий щит, закрывавший почти все тело легионера, ослеплял глаза солнечными бликами. Шлем, с гребнем наверху, казался непробиваемым. Имко наносил легкие выпады в лицо и в руку, сжимавшую меч. Он старался выбить клинок противника. Но после каждого выпада ему приходилось парировать ответный удар, почти прижимаясь к щиту итальянца. Один из таких тычков едва не сбил его шлем, второй опасно скользнул по плечевой пластине. Тем не менее, он видел, что щеки мужчины судорожно подрагивали. Его соперник закрывал глаза при каждом ударе и вдыхал больше воздуха, чем выдыхал. Имко понял, что солдат боялся его.

И тогда что-то странное случилось с ним. Позже Имко никому не рассказывал об этом — даже когда товарищи хвалили его за невероятную удачу. Горячий воздух собрался вихрем под его ногами, закрутился под туникой и вошел в тело через задний проход. Грудь наполнилась силой, в голове зашумело, руки и ноги задрожали от буйства стихий. Иногда, размышляя о странных ощущениях, Вака думал, что его напало дыхание ярости, посланное той прекрасной женщиной, которую он любил. Возможно, она благословила бедного Имко и велела ему сражаться с упорством и ловкостью, чтобы выжить — чтобы жить дальше.

Почти случайно, когда тело Ваки по собственному разумению уклонилось от выпада, кончик его меча скользнул по губам мужчины и рассек тому нос на две части. Солдат взвыл от боли, окропив голову Имко алой кровью. Воспользовавшись моментом, Вака пригнулся и всадил меч под подбородок римского солдата. Он почувствовал, как клинок натолкнулся на позвонок в основании черепа, преодолел его сопротивление и вошел в нижнюю часть мозга. Имко вырвал меч из широкой раны и посмотрел на упавшего мужчину, изумляясь своей силе и тому, как тело в один миг лишилось жизни. Итальянец упал в грязь, с открытыми глазами. В них отражался худший из возможных видов. Но Имко не сожалел об убитом легионере.

Другой солдат напал на него, толкнув щитом и нацелив меч в голову. Имко парировал удар своим щитом, пнул пяткой по ноге противника и воткнул клинок в его шею. Затем он нанес ему еще несколько проникающих ранений — просто из ярости. В какой-то момент шлем легионера слетел с головы, и меч Имко вонзился в череп. Две смерти подряд. Он начинал разогреваться. Следующий итальянец был убит еще быстрее.

Через час его руки казались оболочками, наполненными расплавленным свинцом. Он едва держался на ногах, с тру-

дом переступая через мертвых, застревая в сплетении тел и поскальзываясь на чьем-то окровавленном паху. Имко не имел понятия, скольких он убил. Он не представлял, какая из армий выигрывала битву. Для него сражение проходило в более мелкой шкале: между ним и кем-то другим — между ним и новым противником. Иногда он удивлялся, что все еще жив. Он знал, что может выйти из боя. Одна часть его ума хотела продолжать резню, но другая твердила, что он уже едва поднимает клинок. Отступив назад, Имко прокричал через плечо, чтобы кто-нибудь занял его место. Через несколько мгновений он отошел на сотню шагов от переднего края, упал на колени в чахлую траву среди кучки других ветеранов и, задыхаясь, ловя ртом воздух и сочась кровью, попросил воды. В конечном счете, воды он так и не получил, но смог немного отдохнуть.

Вака остался бы на этом месте дольше, если бы гигант Бомилькар не подбежал к отдохавшим солдатам и не приказал им продолжить побоище.

— Рим должен умереть сегодня! — крикнул он. — Прямо сейчас! В это мгновение!

Он бранился, пинками поднимал людей на ноги, хлопал их по спинам огромными ладонями и даже бил солдат мечом по шлемам. Он находился в странном настроении — веселом и одновременно яростном.

— Держите клинки мокрыми! Пусть ваше оружие не испытывает жажды!

Приблизившись к их группе, он выбрал Имко наугад. Генерал положил руки на плечи Ваки, вцепился в одежду и одним рывком поднял его на ноги. Он спросил у Имко, как его зовут, и затем, услышав имя, прокричал вопрос:

— Твой меч сухой?

Имко хотел посмотреть на клинок, но гигант схватил его за подбородок.

— Мужчине не нужно проверять оружие. Он чувствует его нутром. Сухой меч похож на вялый пенис. А вялым пенисом не трахнешь женщину. Если ты не трахаешь кого-то, то тогда тебя самого начнут трахать. Ты понял меня?

Имко не посмел сказать ни слова. Он только кивнул головой. Бомилькар скривил губы в широкой усмешке, которой хватило бы для двух человек.

— Имко Вака, мы победим их! Вот увидишь! Переживи этот день, и Ганнибал услышит о твоей храбрости!

Он развернул Имко лицом к вражеской колонне, подтолкнул его в спину и направился к следующей группе отдохнувших солдат.

Когда Вака вернулся на переднюю линию фронта, что-то изменилось. Он перестал испытывать страх. Ему уже не нужно было пригибаться и отскакивать назад, парируя выпады. В нем появилось новое спокойствие, и он понял, что остальные ветераны тоже обрели эту уверенность в себе. В их движениях отсутствовала суетливая прыть легионеров, но они, как медленный прилив, поглощали собой ряды врагов. Возможно, они догадывались, что битва была уже выиграна ими. Его клинок все чаще пронзал животы и шеи людей, смотревших на него. Он почти не думал о движениях. Эх, видела бы его сейчас та красивая женщина! Возможно, ему посчастливится, и он найдет для нее подарок среди мертвых тел — кольцо, медальон или шлем, украшенный драгоценностями. Он чувствовал, как его меч дробил кости или проскальзывал между ребрами. Но в то же время Имко грезил, как он подходит к ней на цыпочках и, застав ее врасплох, обхватывает руками ее талию, а затем надевает на шею цепочку с золотым кулоном. Он мог бы сказать, в какие части тела попадал его меч. Вака различал их по текстуре — по тому, как ткани раздвигались или сопротивлялись клинку. И в то же время его мысли витали в другом месте. Может быть, лучше купить

ей что-нибудь? К примеру, связку жемчуга? Его оружие стало продолжением руки — острым когтем, который резал все, к чему прикасался. А перед глазами стоял тихий остров, с большой скалой, поднимавшейся из лазурного моря, и там, за деревьями, стоял их дом с фиговыми деревьями и оливковой рощей, с овечками и козами...

В какой-то момент его истощение перешло за ту грань, где реальность сражения слилась с фантазией. Голова пульсировала от острой боли, возникшей из ниоткуда. На этот раз он не стал уходить с поля боя. Имко опустился на кучу мертвых и полумертвых тел, не обращая внимания на зловонные запахи крови, выпотрошенных внутренностей и испражнений. Не осознавая своих действий, если только подобное вообще возможно на поле брани, он лег на окровавленные трупы и провалился в тяжелую дрему. Когда Вака проснулся, его лицо было прижато к щеке итальянца. Он словно целовал его в порыве страсти. В тот день Имко пережил много ощущений, но одно из них задержалось в памяти дольше остальных и преследовало его позже целую неделю. Это было грубая щекотка на щеке от щетины мертвеца и вкус его слюны. Он мог бы даже перечислить, чем завтракал убитый незнакомец.

Сражение все еще ярилось где-то. Он мог слышать лязг и шум, но у него не оставалось сил, чтобы поднять голову и осмотреть поле боя. Мир двигался. Облако пыли над головой перемещалось — оно то сгущалось, то рассеивалось. Откуда-то постоянно доносились крики, однако на их фоне теперь звучал низкий и приглушенный звук, слитый из стонов боли. Осматривая себя, Имко не мог сказать, где кончались члены его тела и начинались руки и ноги других людей. Он был сплетен с ними неразрывными узами. Вместе они создавали новый организм — огромное существо, состоящее из мертвой и умирающей плоти. Этот зверь перемещался в миллионе крохотных движений. Он незаметно сжимался, скользил, блестел глазами трупов, собирал кровь в лужи и хрипел. Пред-

смертные судороги раненых передавались через сотни тел, соприкасавшихся друг с другом. Сшитые стежками смерти, они лежали на равнине близ Канн, как фрагмент погребального ковра.

Однако он по-прежнему не мог сказать, кто победил в этот день. Вполне возможно, думал Имко, они все проиграли, живые и мертвые из многих и многих народов. Вака не знал, гордиться ли ему или печалиться, сражался ли он хорошо или оказался трусом. Все отныне казалось тем же самым — большим кошмаром, называемым по-всякому разными людьми, но одинаковым по сути. Ах, как бы он хотел увидеть вновь свою красавицу.

И к удивлению Имко, она действительно появилась перед ним.

* * *

На римской половине поля первые зловещие признаки стали отмечаться с самого начала. Обычно строй легионов демонстрировал поразительную гибкость. Манипулы сохраняли строго выверенную дистанцию и напоминали солдат в боевой колонне. Промежутки между рядами и шеренгами позволяли уставшим легионерам отходить в тыл отряда, пока их места занимали резервные воины. Но с того момента, как Варрон приказал манипулам сойтись в одну плотную массу, возможность отходов и замен исчезла. Инерция движения всей армии была так велика, что стесненные со всех сторон солдаты, упав от ран или просто поскользнувшись, затапывались — сначала одним человеком, затем другим и далее сотнями. Они умирали от удушья под телами мертвых. Стоило им потерять равновесие, как плоть и кости вминались в почву ногами марширующих легионеров.

Публий Сципион никогда не мог простить себе тогдашнего недоумия — он не сразу понял, что сражение близ Канн

было спланированным жертвоприношением гигантских размеров. Начало битвы он встретил на коне, выкрикивая поощрения своим пехотинцам и наполняясь силой от решимости, застывшей на бесчисленных лицах солдат. В какой-то момент его конь захромал от невидимой раны и отказался двигаться дальше, переминаясь с ноги на ногу, будто он стоял на большой раскаленной жаровне. Публий спешил. К его удивлению, конь тут же помчался прочь, пробиваясь через ряды солдат в безумной надежде покинуть поля боя.

Трибун остался с пехотинцами. Его легион располагался рядом с центром римской армии. Публий занял позицию в последнем ряду порученного ему боевого отряда, откуда он мог следить за ходом событий и отдавать своевременные приказы. С каждым часом они все ближе продвигались к фронту. Наступление армии продолжалось, но легионеры не теснили врага, а просто исчезали в его массе. За первые два часа после полудня весь легион, стоявший перед их отрядом, был уничтожен. Его люди оказались на передней линии и, не в силах отойти назад, сражались, как звери, прижатые спинами к стене щитов.

Сражение вышло за рамки всех норм. В атаках противников не было пауз. Белокурые гиганты бросались на них, словно демоны злобного севера. Невероятно проворные, с белой кожей, покрытой кровью, они с ревом и безумной дикостью вращали длинными мечами. Его компактный, хорошо обученный и дисциплинированный отряд уничтожал их в огромном количестве. Но если римляне были плотно прижаты к щитам другого легиона, то галлы имели полную свободу действий. Их толпы, шумные, как штормящее море, выбрасывали волны свежих солдат и всасывали уставших воинов. Его же люди сражались из последних сил, пока не падали от ран и истощения.

Захваченный сражением, выкрикивая приказы и собирая оставшихся в живых, Публий забыл об опасности, которой

он подвергал себя. Его позиция требовала большей осторожности. Он сражался в первых рядах, как его учили в юности — так яростно и долго, что на какое-то время потерял перспективу происходивших вокруг него событий. Скорее всего, он бы погиб в бою, если бы верный друг Лаэлий не схватил его за край нагрудной пластины и не потащил в обход другой манипулы. Пятясь задом и хватая руками воздух, Публий, как мог, сопротивлялся этому недостойному бегству. Окрепнув в ногах, он повернулся, чтобы обругать Лаэлия, но тот не обращал на него внимания. Он вывел Публия на холм, где возвышался пень большого дерева и, приложив ладонь к губам трибуна, указал ему на человека, стоявшего среди врагов на небольшой дистанции от кипевшего рукопашного боя.

Этот мужчина возвышался над остальными почти в полный рост. Очевидно, он стоял на куче тел или на перевернутой повозке. Его окружало несколько охранников. Каждый из них держал наготове щит и копьё. Осмотрев сцену битвы, мужчина выкрикнул приказ. Публий не мог разобрать его слов, но ему показалось, что он услышал их через шум боя. Человек вновь поднял голову и начал осматривать равнину. Публий вдруг понял без тени сомнения, что перед ним Ганнибал.

— Пилум! — закричал трибун. — Дай мне пилум!

— Не валяй дурака! — ответил Лаэлий. — Ты не Ахиллес. Тебе не хватит сил, чтобы добросить пилум до него. Не смотри на Ганнибала, Публий. Лучше взгляни туда, куда направлен его взгляд.

Публий выполнил просьбу друга и, посмотрев на карфагенского военачальника, попытался проследить его взгляд, прикованный к дальним тылам легионеров. И тогда он уловил ход мыслей Лаэлия. Ближний край бурлил в сражении, но хотя трибун лишь смутно различал другой фланг армии, все свидетельствовало о том, что ситуация там была такой же серьезной. Африканцы нападали на их колонну с трех сторон. Борьба шла не за победу, а за выживание.

Прошло еще несколько часов в безуспешных усилиях коллективного разума армии. Публий разворачивал людей на фланги и, отводя их с передней линии фронта, затыкал ими дыры в боках колонны. Он не позволял отрядам Ганнибала углубляться в тело легионов. У него не было сигнальщика, чтобы отдавать приказы горном, поэтому он кричал до хрипоты. Он проталкивался локтями через ряды солдат и пинками овладевал их вниманием. Публий тряс людей за плечи и кричал им прямо в лица.

С помощью Лаэлия, повторявшего его приказы, Публию удалось организовать разворот отрядов. Он почувствовал медленное перемещение колонны. Остаток вечера трибун во главе легиона прокладывал кровавый путь через три ряда иберийцев. В какой-то миг он был буквально поражен красотой сражения. Брызги крови оставляли на белых иберийских туниках изумительные разводы, отличавшиеся по форме, рисунку и оттенкам красного цвета. В них также присутствовали коричневые и почти черные тона. Ему даже захотелось взять одну из таких туник, как сувенир, чтобы повесить дома на стене и любоваться ею на досуге, вспоминая нелегкий ход этой битвы.

До наступления сумерек они прошли довольно большую дистанцию, крича и размахивая мечами, по-прежнему думая, что их отряд сражается с врагом. Но затем они поняли, что путь им преграждают не вражеские воины, а слой мертвых тел глубиной до трех-четыре-х трупов. Чуть позже они выбрались на открытое пространство, и Публий подумал, что сейчас к ним присоединится вся армия. Он поймал коня, потерявшего хозяина, и поскакал к высокому холму, чтобы осмотреть поле боя. Ему не удалось вложить меч в ножны, поскольку тот был согнут в двух местах под разными углами. Трибуну пришлось держать его в руке. Выбросить клинок он тоже не мог, потому что небольшие банды нумидийцев не-

сносно досаждали им, терзая их ряды с каким-то бесноватым удовольствием.

Одолев склон холма, Публий осмотрелся вокруг и увидел хаос, от которого бежал. Вопреки своим надеждам, он не выпотрошил центр карфагенской армии. Брешь, созданная его людьми, вновь затянулась. Глазам трибуна предстала ясная и трагическая картина. План Ганнибала был великолепен. Все маневры, предпринятые римлянами, стали частью игры африканского командующего. Легионеры, по приказу Варрона, атаковали середину вражеской армии, состоявшей из галлов и иберийцев. Но Ганнибал ждал этого хода. Он отозвал кавалерию с флангов, и когда римский клин вошел в ряды ливийских ветеранов, их отряды просто разошлись в стороны. К тому времени карфагенская кавалерия, уничтожив конницу Варрона, напала на тылы римлян. Они устроили там настоящую бойню. Все сражение состояло из серии мастерских ударов. За несколько часов Ганнибалу удалось окружить армию в девяносто тысяч солдат. И он сделал это гораздо меньшей силой. Легионеры оказались обездвиженными. Огромное количество воинов застряло в центре, ничего не делая и с ужасом наблюдая, как к ним приближается смерть.

Вскоре на холм поднялся отряд, возглавляемый Варроном. Его помощники трусливо оглядывались на поле боя, словно боялись, что вражеская кавалерия заметит их и бросится в погоню. Консул даже виду не подал, что заметил трибуна. Он явно избегал разговора, но Публий подбежал к нему, схватил коня за узду и удержал его на месте.

— Что известно о Павле? — спросил он. — Где другой консул?

Варрон обжег его взглядом неприкрытой ненависти.

— Будто сам не знаешь! Валяется где-то на поле. Мертвый, как и все будущее Рима. Прочь с моей дороги!

Консул направил на него коня, и Публий едва успел отпрыгнуть в сторону. Изумленный словами и отношением Варрона, он позволил ему уехать. Этот день шокировал его до глубины души. Он снова посмотрел на поле боя и понял, что там ничего не изменилось. Люди по-прежнему умирали сотнями и тысячами. Ему потребовалась вся сила воли, чтобы покинуть сражение. Он ничего не мог сделать для людей, загнанных в ловушку смерти. Спасая нескольких из них, он просто погиб бы в бою. Прокричав приказ отряду и тем, кто плелся сзади, он направился в Канузиум.

Они достигли города поздним вечером. Ворота были открыты настежь. На улицах мелькали огни факелов. Солдаты местного гарнизона стояли на стенах крепости и с ужасом смотрели на беспорядочную цепочку легионеров, возвращавшихся с равнины. В их расширенных глазах застыл страх близости Ганнибала. Раненые и уцелевшие солдаты заняли все улицы и площади. Лаэлий пошел искать других офицеров. Публий, едва отдышавшись после долгой скачки, попытался успокоить людей. Он подбадривал солдат, напоминал им о том, что они остались живы, и расспрашивал их о командирах.

Все плыло перед ним как в тумане. Он почти не слышал ответов. Казалось, что внутри него сидело другое существо, которое заставляло молодого Сципиона шагать, совершать какие-то действия, двигаться и говорить слова. Настоящий же Публий пребывал в смятении. Кровавые образы сражения затемняли ему окружающий его мир. В гомоне людей он слышал голос отца и вспоминал его наставления о выполнении многочисленных обязанностей. Сама мысль об этих добрых и тихих мгновениях жизни терзала его больше, чем судороги онемевшего тела. Каким наивным юношей он был! Фактически, он ничего не знал до этого дня! И даже теперь он ничего не знал! Страшное озарение ударило Публия, словно молотом — признание собственного невежества и внуша-

ющая ужас возможность того, что мир не таков, каким он представлял его себе прежде. Похоже, он навсегда переступил порог своей простодушной юности.

Едва Сципион присел у костра, чтобы немного отдохнуть, его окликнули и сообщили новость, от которой он вышел из ступора. Лаэлий прибежал и, задыхаясь, прокричал:

— Они планируют покинуть страну...

— Кто?

— Юный Фабий Максим, Луций Бибул, Аппий Пульхер... Все трибуны, которых мне удалось найти. Они говорят о бегстве к морю в поисках убежища на островах...

Публий вскочил на ноги и жестом руки прервал его словоизлияния.

— Отведи меня к ним!

Офицеры собрались в городском зале, предназначенном для публичных обсуждений. Сципион вошел туда без определенного плана. Едва взглянув на лица римской знати, он увидел на них отпечаток поражения и стыд трусливых заговорщиков. Его рука по-прежнему сжимала искривленный меч, не влезавший в ножны. С поднятым клинком он протиснулся через толпу к центральной площадке, на которой выступал сын бывшего диктатора. Публий прервал его, окликнув по имени. Слова, которые затем излились из него, оформлялись не умом, а странной смесью спокойствия и ярости. Несмотря на поражение в бою и тысячи смертей, увиденных им в этот день, он чувствовал в себе нарастающую ясность. Унылые лица офицеров напомнили ему, что для спасения отчизны им требовалась уверенность в своей воинской чести. Она была краеугольным камнем в том фундаменте, на котором держался их мир.

— Фабий Максим! — сказал он. — Я служил под началом твоего отца и, в отличие от тех, кто оговаривал диктатора, у меня не было сомнений в мудрости его решений. Неужели ты думаешь, что он одобрил бы твое бегство на острова? И вы,

офицеры! Неужели вы забыли о чести? Если это так, то Рим действительно умер сегодня. Тогда наша армия — это смердящий труп, и ваши слова — первая вонь разложения.

Юный Фабий начал оправдываться, но Публий резко взмахнул мечом и ударил его рукояткой в подбородок. Молодой мужчина упал, словно куль, без сознания.

— Клянусь вам, что я никому не позволю покинуть страну, — продолжил Публий. — И сам никогда не предаю нашу родину! Это моя клятва Риму! Если я нарушу ее, пусть Юпитер подвергнет меня постыдной смерти. Пусть он опозорит мое семейство и отдаст наше имущество в алчные пасти врагов. Вот моя клятва! Кто повторит ее за мной? И кто среди вас хочет умереть от моего меча?

Он стоял в центре зала, окруженный толпой мятежных офицеров. Его клинок был поднят против их оружия. Но к нему присоединился Лаэлий. Его рука с побелевшими костяшками пальцев тоже сжимала рукоятку меча. И римская знать не посмела напасть на них. Офицеры стыдливо опустили глаза, а затем — один за другим — повторили клятву трибуна. Именно в этот момент Публий понял, что конец еще не наступил: ни для войны и ни для нации. Завтра снова встанет солнце, и война продолжится. Публий Сципион не погиб под Каннами! Вместо глупой смерти он встретил там величайший вызов жизни. Он должен столкнуться с Ганнибалом еще раз. И он верил, что они встретятся.

* * *

Наверное, Эрадна забыла бы о молодом карфагенском солдате, если бы не увидела его близ Канн — в гуще гниющего кладбища на открытом воздухе. Она, ее группа и другие банды мародеров встали до рассвета и встретили солнце на краю огромного поля. Обычно они копошились среди мертвых, едва начинало светать, но на этот раз люди были ошеломле-

ны ужасным зрелищем. Кровавая бойня превосходила своими размерами все прежде виденное ими. Глядя на бесчисленные кучи мертвых и переплетенных тел, мародеры не смели начать сбор трофеев. Стоны раненых наполняли воздух низкими и жуткими звуками. Даже самые безбожные обозники боялись входить в это скопище мертвецов, насильственно лишенных жизни. Те иные миры, к которым направлялись толпы убитых солдат, вряд ли могли вместить столько новых душ. Очевидно, что многим из них пришлось задержаться в долине у Канн, и они, обозленные собственной участью, представляли большую опасность для живых людей.

Эрадна стояла на восточном краю поля и чувствовала, как первые лучи солнца ласкали ее затылок и плечи. Она следила за бликами золотистого света, которые освещали мертвые тела и крались по вспоротым животам и ранам, через лица и обнаженные гениталии. Фигуры убитых воинов переплелись в безумном беспорядке. Руки и ноги, изогнутые под немислимыми для живых людей углами, выступали наружу из массивных куч по три-четыре слоя сбитых вместе тел. Из ран, облепленных мухами, торчали осколки костей. Мертвая плоть принимала различные оттенки: синие и пурпурные, белые, как чистая слоновая кость, желтые и коричневые, а иногда феерически алые. В некоторых случаях глаза подводили Эрадну, и она видела среди человеческих форм жареные туши свиней. Конечно, это была иллюзия. Просто некоторые мужчины после смерти переставали выглядеть людьми. Зрелище говорило само за себя. Ничего сверхъестественного — просто варварская бойня невиданных масштабов. Найдя в этом привычную основу, лагерные мародеры приступили к работе.

Позже она не могла сказать, почему остановилась над молодым солдатом. Впрочем, в тот день она часто замедляла шаг, подбадривала себя и озиралась по сторонам. Может быть, этим все и объяснялось. Воин был по пояс погружен в тела уби-

тых. Трупы сжимали его так плотно, что он стоял в почти вертикальной позе, с головой откинутой назад. Грязь заперлась на его лице. Пот, кровь и пыль образовали маску, похожую на личины всех воинов. Как и у других солдат, его рот оставался открытым. Мухи жужжали над губами, сидели на зубы, ползали по языку и по бокам ноздрей. Она вдруг начала узнавать молодого воина. Эрадна смотрела на его лицо так долго, что из-под маски появился тот странный солдат, которого она дважды встречала на своем пути и о котором думала порой. Его черты проступали наружу и медленно сливались в знакомые контуры. Она склонилась к нему, считав его мертвым и не чувствуя угрозы от покойника. В ее сердце, кроме любопытства, появился легкий оттенок печали.

Солдат замычал, пошевелился и поднял руку над телом убитого легионера. Немного испугавшись, Эрадна поняла, что он был жив. Она опустила мешок, почти полностью набитый дорогими предметами: монетами, священными амулетами, инкрустированными кинжалами, позолотой, сбитой со шлемов и брони — тем, что казалось ей ценным с учетом веса и размеров. Девушка села на свои сокровища и приложила ладонь к шее мужчины. Его кожа была теплой, и пульс ощущался достаточно четко. Эрадна улавливала его биение под кончиками пальцев. Солдат, очевидно, находился без сознания, но огонек жизни по-прежнему теплился в нем. Она отдернула руку и вновь осмотрела его. Ей не давала покоя странная близость, которую она чувствовала к нему. Эрадна еще раз прикоснулась к его плоти. Сейчас он был самым собой — подлинным, без следов притворства. И, глядя на его лицо, она спросила себя, насколько ей нравился этот человек?

Она не рассуждала слишком долго. Уцелевшие солдаты перемещались небольшими группами по полю боя. Они тоже мародерствовали, но имели при себе оружие. По приглушенным крикам боли она знала, что эти воины добивали ране-

ных — в первую очередь врагов, но и своих, конечно, если их раны нельзя было исцелить. Эрадна не могла сказать, как они поступили бы с солдатом, рядом с которым она сидела.

Определив, в конце концов, свои желания, она решила отбросить здравый смысл и опасения возможных последствий. Девушка позвала несколько мужчин из ее группы и с их помощью вытащила солдата из кучи мертвых тел. Они помогли ей доставить раненого воина в лагерь. Эти мужчины удивлялись ее поступку, но не задавали вопросов. Каждый из них по-своему любил и уважал Эрадну. Общие беды сплотили их в одну семью. Такой взаимовыручки она не знала с детства. Девушка поблагодарила своих помощников и жестом попросила их держать рот на замке, если они хотят сохранить ее дружбу.

Тот вечер она провела рядом с солдатом под навесом из шкур. Он все еще спал и громко похрапывал, лежа на спине.

— Я никогда не видела такого уставшего мужчину, — проворчала Эрадна. — И только мужчины могут спать, как бревна.

Расстегнув броню и отложив ее в сторону, она стащила с его тела тунику. Ткань загубела от пота и грязи. Во многих местах ее покрывали красные пятна. Эрадна не знала, принадлежала ли кровь ему или другим людям. Она начала ощупывать солдата, выискивая раны. Их было много: порезы, покрывавшие руки и ноги, одна колотая рана под ключицей и широкий разрез на ноздре. Синяки чернели на каждой части тела. Похоже, эти боевые отметины сильно истощили его, но ни одна из них, на взгляд Эрадны, не выглядела смертельной.

Солдат пошевелился. Девушка схватила факел и поместила пламя между ними. Глаза молодого мужчины с трудом открылись и уставились на навес из шкур. Ей показалось, что она увидела в его взгляде слабый блеск сознания, но, возможно, это было не так. Воин закрыл тяжелые веки и снова погрузился в дрему.

Она продолжила заботиться о солдате. Смочив ткань в травяном настое, Эрадна мягко прикоснулась ею к лицу мужчины. Рука девушки застыла на мгновение. Когда он никак не прореагировал, она провела мокрой тканью по лбу, очищая от грязи бархатистую загорелую кожу. Постепенно из-под пыльной корки появилось симпатичное лицо: небольшой рот, широкий лоб и прямой заостренный нос — божественно красивый, не считая кровавого струпа от пореза на ноздре. Глаза солдата были прикрыты тонкой кожей век, но ей показалось, что по ним она может определить его характер. Эрадна склонилась ближе, чтобы проверить свои впечатления. Она поджала губы, боясь, что воин почувствует ее дыхание на влажной коже. И близкий осмотр убедил ее в том, что глаза мужчины были молодыми и беззащитными.

Пока она ухаживала за воином, к ее навесу несколько раз подходила старуха по имени Атнех. Она нагибалась, заглядывала под полог, а затем молча отворачивалась и возвращалась к большому костру. Эрадна знала, что Атнех попросила мужчин остаться поблизости на тот случай, если солдат очнется и начнет кому-нибудь угрожать. Старуха покормила мародеров супом, не рассказывая, из чего он приготовлен. Впрочем, ее никто и не спрашивал. Их отряд готовился к долгому путешествию. Они должны были отправиться в путь на следующее утро. Мародеры набили свои тюки сверх меры. Они решили отправиться к побережью, чтобы там разойтись в разные стороны. Наконец Атнех не утерпела. Она под села к Эрадне и несколько мгновений молча наблюдала за ее действиями.

— Вот уж не думала, что увижу на твоём лице этот взгляд, — проворчала старуха.

— Что? — спросила Эрадна.

Почувствовав румянец на щеках, она стыдливо отвернулась.

— Все мы, женщины, ведем себя в юности как дуры. Я тоже была такой. А до меня с ума сходила моя мать. Так устроили боги. Они играют нами, будто куклами. Мужчины тоже придурки, но у них все по-другому... Женщины чаще обретают мудрость. Я надеялась, что ты уже достигла этой стадии, но вижу, что ошиблась в тебе.

— Мне не очень понятно, о чем ты говоришь.

— Все ты понимаешь правильно. Не лги мне. Это бесполезно. Обман лишь оскорбляет нашу дружбу.

— Тетя, посмотри, — прошептала Эрадна. — Он не похож на других мужчин. Во сне он выглядит как юноша. Я хотела бы иметь такого брата или сына.

Ее слова не изменили настроения старухи.

— Оставь его, — сказала она. — Завтра мы уйдем, а он вернется к другим солдатам. Кто судит о мужчине по лицу? Лучше суди о воинах по пенисам и берегись обвисших членов. Любовь к солдату не принесет тебе ничего, кроме лишних проблем. Ты слушаешь меня? Оставь его и следуй за своей мечтой. Ты помнишь, чего хочешь от жизни?

— Совсем малого, — ответила Эрадна.

— Просто скажи, чего ты хочешь? О чем ты говорила мне сотни вечеров. Повтори это еще разок.

Эрадна покачала головой.

— Совсем малого, — прошептала она. — Я хочу уехать на остров отца. Хочу пасти коз на холмах и смотреть на корабли, проплывающие в отдалении. Я хочу найти тихий уголок, далекий от этого мира. С каждым днем мне хочется все меньшего и меньшего... Тетя, я просто мечтаю о покое.

Старуха торжественно кивнула и зафиксировала на молодой женщине печальный взгляд.

— Скажи мне тогда, есть ли на твоём острове место для этого убийцы? А? Ты действительно думаешь, что этот кровавый мясник, этот африканец, принесет тебе желаемый по-

кой? Не будь душой, милая. Оставь его. Он будет жить. А это больше, чем он заслуживает.

Эрадна не спорила с ней. Она знала, что Атнех права, но напоследок все же возразила:

— Тетя, я уже встречала его прежде. Дважды до сегодняшнего дня. Наши судьбы пересеклись в третий раз. Ведь это что-то значит?

Старуха поднялась на ноги и ворчливо ответила:

— Это означает, что ты не должна сомневаться. Он хитрее, чем выглядит. Возможно, он околдовал тебя особыми чарами. В любом случае, бросай его и уплывай на свой остров.

Эрадна так и сделала. На следующее утро она погрузила на осла все, что собрала на поле боя близ Канн. Отряд мародеров направился к побережью, где, как она верила, какой-нибудь корабль мог перевезти ее через море в Грецию. Она собиралась домой. Только дура поступила бы иначе. Вечером того самого дня она вдруг поняла, что не знает имени молодого солдата. Три раза Фортуна сводила их вместе, а в ее памяти он остался безымянным.

* * *

Ганнибал лично убедился, что с телом покойного обошлись со всеми почестями, которые соответствовали его рангу. Он помог помощникам положить его на брус. Командир своими руками намотал полоски белой ткани на лодыжки и бедра, на локти и лоб, обеспечив тем самым неподвижную позу мертвого героя. Тело офицера не могло быть захоронено вместе с другими солдатами. Он заслуживал большего уважения. Поэтому его внутренности были изъяты, очищены и вставлены обратно в полость, где они находились прежде. По указанию Ганнибала, жрецы смазали его тело ароматным маслом и прикрепили небольшой заговоренный мешочек к одному из рукавов. Затем по завершению обряда к покойнику

подошел Мандарбал. Он произнес над трупом странные слова, надрезал свою руку ножом и окропил теплой кровью лоб и плечи, а затем руки и ноги мертвеца.

После того как он удалился, командир опустился на колени и, опустив голову на грудь друга, прошептал его имя. Бостар. Он произносил его снова и снова, превращая одно слово в молитву и траурную речь, в признание заслуг и прощальное извинение. Он вел себя так, словно был наедине со своим погибшим секретарем, но остальные офицеры тоже находились в палатке совета. Они молча стояли у стен. Этот день мог быть наполнен пирами победы, однако последствия битвы не дали генералам отсрочки от тяжелого труда. Появились сотни дел, о которых им следовало позаботиться. И проводы в последний путь одного из старших офицеров представили им первую тихую паузу для размышлений.

Каждый из них получил ранение в бою. Махарбалу разрубили до кости икру ноги. Хорошо, что меч оказался затупленным. Он едва мог стоять, но позже заявлял, что в мгновения траура не замечал своей раны. На лбу Бомилькара алел широкий порез, пролетевшее мимо копьё сорвало полоску кожи и мяса. Отныне ему предстояло носить этот шрам до конца своей жизни — на самом видном месте, которое тут же бросалось в глаза другим людям. Он шутил, что может теперь постукивать пальцами прямо по черепу и звонкими ударами прояснять отупевшую голову. Руки Мономаха почернели от кровоподтеков и сочившихся ран. Повязка на левой руке стала красно-коричневой. Один из легионеров пронзил его предплечье дротиком, брошенным с близкого расстояния. Карфало лежал на походной койке с раной от копья на бедре. Другие офицеры имели схожие отметины. В зависимости от тяжести полученных ранений они стояли или просто сидели на земле.

Глядя на брата, Магон болезненно морщился, но не от физических страданий. По милости Ваала, он не получил в бою

ни одной царапины. Он и его несколько телохранителей сражались в передних рядах галлов. Его голос все еще хрипел от криков — от тех безумных усилий, благодаря которым он заставил диких варваров произвести организованный отход. Ему удалось остаться живым и увидеть, как капкан Ганнибала сжал свои челюсти на римской колонне. В часы боя, когда один момент хаоса сменялся другим — на вид фатальным и последним, — Магон сотни раз мог быть убитым. Он уничтожил столько человек, что перестал их считать. Он постоянно находился на передней линии боя, неистово сокращая количество римлян, переступавших через тела погибших солдат.

Одного из его телохранителей убили ударом копья под подбородок. Оружие вонзилось так сильно, что Магон, стоявший рядом, услышал хруст позвонков и увидел, как голова солдата повисла на наконечнике копья, прикрепленная к телу несколькими жгутами плоти, но полностью оторванная от торса. Этот неприятный образ буквально застрял в его уме и накладывался на других людей, проходивших мимо, или на лица говоривших с ним офицеров. Магон упорно не обращал на него внимание. Он изгонял подобные картины из памяти либо напряженным трудом, либо разгульными пирами. Магон уже привык к этой двойственности характера. Во время битв он поражался своим неординарным навыкам военного, а после боя обычно терзался скорбью и сожалениями. Странно, что он и Ганнибал — почти не получившие ранений — больше всех переживали последствия битвы.

Командир все еще шептал имя убитого друга, когда в палатку вошел Джемел. Он уже несколько лет был помощником Ганнибала, но немного нервничал в новой должности секретаря. Заменяв Бостара, он смущался и не знал, как обратиться к командиру. Джемел опустил голову и молча встал рядом с ним. Ганнибал почувствовал его присутствие.

— Что нам доподлинно известно? — тихо спросил он.

Новый секретарь взглянул на других офицеров. Но все они знали, к кому обращался командир, и вопросительно смотрели на него.

— Мы пока не можем точно оценить потери, господин, — ответил Джемел. — Больше всех пострадали галлы. Они все еще подсчитывают урон, однако количество убитых может перевалить за четыре тысячи. Мы не досчитались двух тысяч иберийцев и африканцев и, по крайней мере, двухсот всадников из смешанной кавалерии. Командир, я повторяю, цифры не точны, но это все, что нам удалось выяснить в течение дня.

— А враг?

— Твоя примерная оценка удивила меня своей точностью. Мы захватили в плен двадцать тысяч легионеров. Многие из них ранены и умирают. Кроме того, нами захвачены оба их обоза. Несколько тысяч римлян скрылось в Каннах. Мы уже начали осаду города. Остальные бежали в Канузий и Венусию...

Ганнибал поднял голову.

— Просто называй мне цифры! Ты понял, Джемел? Просто цифры!

— Наиболее точные сведения, полученные к этому времени, добыты от пленных легионеров. По их словам, вся их армия насчитывала девяносто тысяч воинов. Двадцать из них мы взяли в плен. Возможно, еще десять тысяч убежали с поля боя. Итого... В этой битве мы уничтожили шестьдесят тысяч римлян.

Махарбал не смог сдержать восторга.

— Ты слышал, Ганнибал? Подумать только! Шестьдесят тысяч! А ведь реальные цифры могут оказаться еще большими! Разреши мне сделать то, что я предлагал тебе раньше. Нумидийская конница может отправиться в путь еще до рассвета. Не обращай внимания на мое ранение...

— Я уже ответил тебе, Махарбал, — произнес Ганнибал. Он бросил краткий взгляд на генерала кавалерии.

— Меня радует, что ты горишь желанием уничтожить Рим. Однако лишь глупцы игнорируют возможности других. Мы не первые побеждаем римские легионы на итальянской земле. Галлы грабили этот город и пользовались его женщинами как проститутками. Они ушли, нагруженные добычей и историями о собственном величии. Но чем все кончилось? Рим восстал. Прежние жители вернулись в город, отстроили его заново и стали втрое сильнее. Теперь они не боятся галлов и испытывают такое же высокомерное презрение к ним, как к другим варварам.

— Мы не варвары, — сказал Махарбал. — Их история отличается от нашей.

— Пирр Эпирский тоже сражался здесь...

— Но ты не Пирр, — оборвал его Махарбал. — Он завоевал победу, но не понял, как использовать ее. Оба случая говорят об одной и той же ошибке.

Ганнибал снова посмотрел на него — на этот раз с укором, как к чужаку, который вступил в разговор без приглашения. Однако через миг он будто бы узнал его и ответил ему с усталым терпением:

— Пирр громил римлян на поле боя. Этим он заслужил мое уважение. Он снова и снова оказывался победителем. Но ему не удалось обрести опоры в Италии. Выигрывая битвы, он проигрывал в стратегии. Рим порождал солдат с такой скоростью, как будто он был Гидрой, мгновенно отращивающей головы. Пирр просто не понял, что превосходство противника заключалось в постоянном пополнении армии. Не потому что женщины Рима рожали много детей, а потому что их мужчины использовали население других городов. Почувствовав опасность, они направляют призывы к муниципальным городам, колониям и союзным странам. Вот кто дает им силу. Сруби эти

головы, и картина изменится. Пирр потерпел поражение, потому что он не изолировал римлян. Единственно правильный способ заключается в полном разрыве их связей с соседями. Блокируй Рим от остального мира, и он превратится в обычный город, не хуже и не лучше остальных. И тогда любые народы — а не только сыны Карфагена — смогут поступить с ним так, как он давно заслуживает. Рим окажется самым ненавистным местом в мире. Сегодня, Махарбал, эта истина так же верна, как и в тот день, когда я впервые объяснил ее тебе. У меня нет сомнений. Я сражаюсь с Римом умеренными силами, но использую лишь те удары, которые находят уязвимую плоть.

Он поднял руку и взмахом ладони рассек воздух, словно лезвием клинка. Затем, вспомнив о теле друга, командир вновь принял скорбную позу.

— У меня от этого разговора разболелась голова. Джемел, твои люди нашли убитого консула?

— Нет. Наверное, его уже раздели лагерные мародеры.

— Продолжайте искать. Офицер такого ранга заслуживает почетных похорон, даже если он был глупцом. И проследи, чтобы с пленными союзниками Рима обращались хорошо. Я поговорю с ними завтра утром. Я отошлю этих воинов по домам, чтобы их народы стали нашими друзьями, а не противниками. Обеспечь галльские отряды отборной пищей, вином и ломтями жареного мяса, которое они любят больше всего на свете. И еще, Джемел... Перед рассветом принеси мне точные цифры потерь с обеих сторон.

Когда секретарь ушел, Мономах высказал свою точку зрения:

— Боги тоже заслуживают похвалы за нашу победу. Мы должны совершить жертвоприношение. С твоего разрешения, командир, я выберу сотню римлян из числа плененных солдат. Мы подвергнем их пыткам по старым правилам, а затем принесем в жертву...

— Нет! Вчера мы уже принесли огромное количество жертв. И разве этот человек, который лежит сейчас передо мной, не жертва для богов войны?

Его слова не тронули Мономаха.

— Ты же знаешь, что я поклоняюсь Молоху. Я чувствую его голод. Битва не насытила его.

— Не говори мне о нем!

— Во времена твоего отца мы...

— Перестань!

Ганнибал вскочил на ноги.

— Неужели мои генералы сошли с ума? Здесь не будет жертвоприношений! Мы не пойдем на Рим, и это не время моего отца! Ты остаешься советником до тех пор, пока я терплю тебя, а мое терпение уже кончается. Оставь меня в покое! И вы тоже! Все! Уходите!

Мономах без слов повернулся и вышел вместе с другими офицерами. Магон тоже собрался покинуть палатку, но Ганнибал задержал его взглядом. Когда братья остались наедине, командующий спросил:

— Почему мое сердце так встревожено? Я мог бы радоваться победе, но вместо этого чувствую, будто мне на плечи взвалили новое бремя. Я мог бы чествовать генералов похвалой, но почему-то выискиваю в них недостатки. Я столько лет желал римской крови, однако больше не хочу таких побед. Магон, когда я смотрю на лицо Бостара, то вижу в нем тебя или себя.

— Я понимаю твои чувства, — тихо ответил Магон.

— Эта победа не искупает его смерти. Я сделал бы все, чтобы вернуть его. Как странно, брат. Мне так хотелось победить врага... А теперь, в скорби и трауре, я отдал бы свою победу, лишь бы мой товарищ был жив.

— Подобные речи не приведут ни к чему хорошему, — сказал Магон. — Ты не должен думать о последующих бит-

вах как о новых Каннах. Тебе не следует взваливать на себя весь груз ответственности. Мы просто приблизили конец войны. Мир больше не увидит другого такого побоища. И это твоя заслуга. Бостар не изменил бы результата битвы.

Ганнибал сжимал край погребального стола до тех пор, пока кончики его пальцев не побелели.

— Я не знаю, о чем думает сейчас Бостар. Хвала богам, я одержал победу. Это дело моих рук, но иногда мне кажется, что я скачу вперед по трупам солдат на омерзительном чудище, которого мне трудно описать словами. Шестьдесят тысяч мертвых! Порой я спрашиваю себя: кто лучше служит Молоху — Мономах или я?

Ганнибал отмахнулся от зловещей мысли и прижал ладонь к щеке, стараясь удержать нервный тик, который то напрягал, то расслаблял его лицевые мышцы. За пару прошлых недель Магон уже не раз замечал этот тик. Он не тревожился о нем, потому что в те моменты лицо брата лишалось знакомых черт и превращалось в маску гнева. Один из факелов начал трещать. Капли горящего масла шипели в огне. Магон повернулся и посмотрел на Ганнибала.

Когда треск факела снова нарушил торжественную тишину, он сказал:

— Ты удивляешь меня, брат. Неужели ты сожалеешь о победе в момент наивысшей славы?

— Я ни о чем не сожалею, — ответил командир. — Это что другое. Я не могу найти нужных слов, чтобы выразить мои чувства. Даже боги, в честь которых мы сражаемся, советуют нам не думать постоянно о войне. Вспомни Энатх. После смерти Яма она устроила пир в честь Ваала. Когда боги собрались в ее дворце, она закрыла дверь и начала убивать всех и каждого. Она верила, что должна убить всех богов, потому что в предыдущей войне они предали Ваала. Ты помнишь, кто остановил ее?

— Сам Ваал. Он сказал ей, что кровопролитие длилось слишком долго и что теперь пришло время для мира и прощения.

— Именно так...

Тик снова искажил лицо Ганнибала. Он закрыл глаза и сделал несколько глубоких выдохов и вдохов, чтобы успокоиться. Глядя на него, Магон подумал о глиняных масках уличных актеров, которые забавляли жителей Карфагена во время зимних месяцев. Они были плоскими, почти без черт и атрибутов, намекавших на характер человека. Эти маски не выдавали эмоций, и о смысле пьесы люди могли судить, только слушая актера и наблюдая за его выступлением. Даже будучи ребенком, он изумлялся тому, что одна и та же маска в некоторых случаях обозначала радость, а в других — воплощала печаль.

Поэтому он почти не удивился, когда его брат открыл глаза, выпрямил спину и произнес:

— Давай забудем этот разговор. Он действительно не приведет ни к чему хорошему, а нам нужно многое сделать. И вот как мы поступим, брат. Ты отправишься в Карфаген как мой полномочный представитель...

* * *

Никогда прежде Рим не переживал такого ужаса. Каждая из предыдущих битв наносила удар гордости людей, но Канны отняли у них веру. Несколько дней после того как первые вести о поражении начали просачиваться в город, население не имело никаких точных сведений. Кто был убит? Кто был захвачен в плен или спасся? Уцелела ли армия? Направляется ли к ним Ганнибал с налитыми кровью глазами? Неужели боги действительно одарили его чарами непобедимости? Вопросы множилось, а ответов не хватало. Люди Рима чувствовали, что их жизни находились под угрозой. Над благо-

состоянием горожан нависла мрачная тень разрушения. Улицы и Форум превратились в клокочущие шлюзы отчаяния. Здесь без разбора скорбели о живых и мертвых, потому что никто не мог отделить первых от вторых. Никто не знал правды.

По предложению Фабия Максима, на Виа Аппия и Виа Латина направили конных разведчиков. Они должны были собрать информацию об уцелевших частях армии — если только таковые будут найдены. Ворота города захлопнулись за всадниками, и Рим начал ждать. А какие перспективы имелись у горожан, кроме осады и уничтожения? Смерть мужчин, унижение женщин, разграбление богатств... Сколько искушений для карфагенских убийц! Люди, столь привыкшие к порабощению других, легко представляли себе лишения, ожидавшие их после того, как варвары выломают городские ворота. Хозяева раболепствовали перед слугами. Они плакали и произносили слова, которых никто не слышал прежде. Они шептали извинения и просили о помощи. Все ожидали грядущую бурю.

Через некоторое время страх сменился удивлением. Люди не понимали, почему Ганнибал не появлялся на горизонте. Подробности битвы, поступавшие к ним, ужасали своими масштабами. Пошлина смерти шокировала горожан. Ни одна новость не давала повода для гордости или улыбки... Но Ганнибал не появлялся. Возможно, он чего-то боялся! И по прошествии времени мысли людей обратились к другим вопросам. В пылу войны и былых надежд, когда Павел и Варрон отправились в поход, никто не заметил череду чудесных событий, которые вдруг стали случаться с необычной частотой. Население запертого и ожидавшего нападения города начало вспоминать эти зловещие предвестия.

К примеру, молнии попали во внутренний двор Капитолия, а также в святилище Вулкана, в храм Вакуны и на каменную дорогу близ Сабины. Последний удар пришелся точ-

но в центр перекрестка и оставил зияющую дыру, на дне которой дети обнаружили рукоятку древнего кинжала. Еще с десяток молний сожгли несколько отдаленных поместий и устроили пожары на холмах. В одной деревне на дальнем юге горящая коза носилась по улице с криками: «Ура! Ура!» Предполагалось, что в нее тоже ударила молния, хотя свидетелей тому не было и данное чудо могло оказаться чьей-то выдумкой.

Все эти знамения случились в прошлом году. Но и в новом подобных знаков было не меньше. Земля трескалась, раздвигалась в стороны и выдавливала на поверхность удивительные предметы, которые снова и снова предупреждали людей о нарушении естественного хода жизни. В Манте все устье реки Минци превратилось в болото. Это было гадкое место даже в лучшие времена, но теперь оно стало местищем разложения и смертельных болезней. Природа вышла из равновесия. Например, в одном местечке вода с приходом сумерек обретала качества крови — не только по цвету, но и по субстанции. Она густела, застывала и оставляла металлический запах в ноздрах, словно сама земля кровоточила от ран.

В Сполете некая женщина проснулась и обнаружила у себя пенис вместо влагалища. В Хадрии по небесам летали белые фигуры. Море близ Брундизия выбросило на берег огромное количество дохлой рыбы. Некоторые жители Пранеста говорили, что при каждом закате туника на статуе Марса топорщилась дыбом от эрекции гранитного бога. Подобные слухи хаотично и быстро носились по Риму, словно летучие мыши на ночном небосводе. Некоторые женщины утверждали, что бог Марс советует им рожать. Другие горожане полагали, что они должны найти вождя, одаренного таким же длинным и могучим фаллосом. Затем по площадям и улицам пронесся слух, что местные шлюхи решили истощить своими услугами карфагенскую армию. Таким самопожертвованием они хотели якобы отвлечь африканцев от военных действий. Но,

поскольку авторитетные люди не подтвердили эту историю, народ отнесся к ней скептически.

То был обильный сезон для авгуров, и, полагаясь на их предсказания, люди подозревали, что боги возненавидели Рим. Город давно перестал чествовать их правильным образом. Вот почему карфагенский военачальник так легко одолел легионы. Население прислушалось к советам магистратов и жрецов. Последовал указ о начале молений всех небесных покровителей Рима, чтобы ни одно из божеств не посчитало себя ущемленным. В качестве жертв принимались ягнята — жирные, с чистой шерстью и красивыми мордочками. Чтобы умиловать богов, животным выпускали кровь. Но их внутренности указывали на другие зловещие знамения, слишком многочисленные и демонстративные, поэтому жрецы решили прибегнуть к темным силам. Так в подношение Аполлону они публично обезглавили двух галльских рабов. Ходили слухи, что на Тибре по ночам проводились еще более древние ритуалы, но жрецы помалкивали о том, что там происходило. Некоторые люди обращались к гадалкам — необычное для римлян занятие, поскольку такая практика по своей природе была, скорее, греческой. Вполне понятно, что клиенты пифий получали множество различных и противоречивых советов. Часть из них забивала гвозди в священные амулеты и возлагала их на алтари богов. Другие оставляли пищу на порогах домов для уличных животных. Третьи обмывали только одну руку, воздерживались от произнесения некоторых слов или, проколов себе иглами кожу, слизывали кровь.

Многие верили, что подобные ритуалы улучшают виды на будущее. Однако другие утверждали, что количество аномальных случаев не уменьшалось. Воистину это было время перемен, в которое разумные доводы игнорировались, а к тихим мудрым голосам никто не прислушивался. Так двух девственных весталок застигли в развратном акте. Одна тут же убила себя кинжалом, но вторая не отважилась на подоб-

ный поступок, и разгневанная толпа сожгла ее заживо. Улицы наводнили банды подростков, которые избивали и убивали нищих, называя их карфагенскими шпионами. После того, как из Канн пришли горестные вести, вдовы солдат в течение нескольких недель ходили по улицам в слезах, царапая ногтями лица, руки и грудь. Этот траур произвел на горожан такое гнетущее впечатление, что Сенат запретил публичные выражения печали, посчитав их предательскими и неримскими. Городские магистраты призвали подростков к порядку, пригрозив им жесткими репрессиями.

И все же, несмотря на печальную суету и неподдельное горе, никто из горожан не заикнулся о переговорах. Рим не пожелал направить послов к африканцам и с презрением отверг все карфагенские предложения о мирном договоре. Горожане без всяких обсуждений предпочли войну, а не компромиссный мир. Они решили жить по собственным правилам и были готовы погибнуть, защищая свои принципы.

ЧАСТЬ 4: ТАНЕЦ ДЛЯ БОГОВ

Несмотря на не самое удачное начало жизни, Масинисса был очень самоуверенным юношей. В раннем детстве он почти постоянно болел. Через несколько лет после его рождения эпидемия оспы забрала старшего брата, нескольких кузенов и множество друзей, чьи лица он уже не помнил. Еще через год он подхватил опасную инфекцию. Мальчика терзали головные боли, сыпь и язвы. Спазмы в животе сгибали его тело пополам. Что бы он ни проглотил, все тут же возвращалось назад вместе с другими внутренними субстанциями. Скоро он уже не мог вставать с постели и, содрогаясь от лихорадки, лежал на простынях, порозовевших от крови, которая сочилась вместе с потом через кожу. Жрецы и врачи пытались излечить его. Но вокруг них он видел другие существа — небольших, демонических тварей, едва похожих на людей. Они цеплялись за Масиниссу крохотными лапами и пытались стянуть его с тюфяка, чтобы затаскать в какое-то мерзкое место. Он из последних сил отгонял их от себя. Каким-то образом ему удалось одолеть этих демонов, и когда он поправился, то еще больше уверовал в величие своей судьбы. Болезнь была проверкой богов, которую он успешно прошел.

Масинисса не отличался высоким ростом, но отец говорил ему, что лучшие люди всегда отличались невысоким ростом

и крепким телосложением. Он приводил в пример мелковолокнистые деревья. Человек мог быть создан из множества разных субстанций, однако настоящее качество достигалось трудом. Их семейная линия, наставлял его царь Гайя, была сродни чистопородному красному дереву. Глядя на свое отражение в полированном железе, Масинисса находил это сравнение довольно подходящим. Каждая часть его мускулистого тела цеплялась за корпус в правильном месте. Жир отсутствовал. Мышцы создавали рельефный рисунок.

Масинисса стал всадником раньше, чем стал помнить себя. Он совершал в седле все, что делал на ногах — курил трубку, принимал пищу и даже мочился в сторону, в шутку обсуждая с товарищами силу своей струи. Иногда он мечтал о сексуальных сценах на спине коня, хотя эти грезы часто создавали проблемы при пробуждении. На тренировках он на полном скаку метал в цель копьё, пронзал стрелами летящих птиц и сбивал белок с дальнего расстояния. Более крупные цели вообще не представляли трудности. Он попадал в них, почти не глядя.

Уплывая в Иберию, Масинисса обещал Софонисбе, что вернется героем. Он действительно имел это в виду и оттого немного обиделся, когда невеста отнеслась к его словам с насмешкой, как к какому-то хвастовству. Ах, как он хотел ее! Она влекла его не теми удовольствиями, которые дарила иногда, а предвкушением страстных утех, остававшихся для него под запретом. Софонисба сочетала в себе утонченность и грубость. Это была неотразимая комбинация. Царевич решил, что после смерти отца он сделает ее царицей империи, а затем расширит свои владения во всех направлениях. В ту пору, когда Карфаген властвовал на Средиземном море, Масилия раздвинула свои западные границы и подчинила гетулийцев, мавров и ливийцев. Теперь же он мечтал раздавить Сифакса правой ногой и повернуть войска на юг. Кроме прочего, Масинисса хотел наладить связи с Аудагостом и Кум-

би — древними и культурными городами, почти неизвестными ему, но, по слухам, богатыми и процветавшими. Заручившись их поддержкой, он мог бы контролировать торговлю между внутренними регионами Африки и Средиземноморьем. Какую же империю он тогда создаст! Он завалит Софонисбу золотом и предметами из слоновой кости, одеждами и крашеной шерстью. Она скоро убедится, что Масинисса не мальчик, над которым можно смеяться. Она поймет, что он мужчина, о котором будут помнить века. В этом царевич не сомневался. Он был уверен, что выполнит свое предназначение.

За первые несколько месяцев, проведенных в Иберии, он показал себя отважным воином и одаренным командиром. Масинисса умел вести войну, изменяя обстоятельства. Римляне не понимали этого искусства, но нумидийцы могли творить чудеса, когда они совершали свои маневры с умопомрачительной скоростью, на которую были способны только их кони. Именно так люди Масиниссы застали враг врасплох и уничтожили отряд римских разведчиков, направлявшихся на север полуострова. Он не выяснил их целей, потому что бой длился несколько мгновений, и каждый из пятидесяти легионеров погиб, не успев сказать ни слова. Затем он занялся набегам на Каталонию и лично сжег несколько поселений, превратив их в костры отчаяния.

Царевич не питал зла к каталонцам. Но они предали Карфаген и стали друзьями его врагов. Масинисса хотел показать, что Сципионы не контролировали захваченные территории и не могли предоставить защиту своим союзникам. Он нападал на обозы, деревни и небольшие города — куда хотел и когда хотел. Если бы дело зависело только от него, он мог бы продолжать такие набеги сколь угодно долго. Хотя Масинисса был новичком на войне, каждый чувствовал, что в его жилах текла кровь выдающегося командира. С его помощью Баркиды могли одолеть любого врага, и он часто напоминал им о своих талантах. Ганнон и Гасдрубал смеялись, выслу-

шивая его похвальбу, но он им нравился. Они похлопывали его по спине, обнимали по-товарищески, дергали за волосы и называли младшим братом. Однако Гасдрубал однажды сказал ему:

— Ты прав, царевич. В тебе есть божий дар. Я не хотел бы быть твоим врагом. Надеюсь, Фортуна никогда не рассорит нас с тобой!

Даже молчаливый Ганнон, который претерпел от рук римлян многие страдания, относился к нему с сердечной теплотой.

Поздним летом в его первый иберийский сезон обе карфагенские армии вели наступательные действия. Маневры Гасдрубала приблизили его отряды к братьям Сципионам, занимавшим Амторгис. Ганнон, командовавший второй армией, направился к нему на помощь. Его отделяло несколько миль. Римляне, устав от мелких стычек, хотели провести большую битву перед окончанием сезона. В последнее время им приходилось обороняться, как и их соплеменникам в Италии. В какой-то момент Гасдрубал оказался в уязвимой позиции. Вторая армия еще не подошла, а его силы уступали римлянам по численности воинов. Но вместо атаки на него Сципионы тоже разделили свое войско на две части. Гней двинулся на север, намереваясь окружить Ганнона, а Корнелий расположился перед Гасдрубалом. Их разделяла небольшая река.

Со стороны обе римские армии казались более чем внушительными. Каждая из них насчитывала около тридцати тысяч солдат. Но разведчики доложили Масиниссе, что войско Корнелия лишь на треть состояло из римлян. Остальные были кельтиберами. Услышав эту новость, царевич начал насмехаться над трусостью и продажностью кельтиберов, однако через миг вдруг замолчал, изумленный своими же словами. В его уме возникла простая идея, содержащая в себе величественную красоту. Когда генералы встретились в небольшой деревушке, находившейся на полпути между армиями,

и когда все офицеры сели на свои места, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию, Масинисса не удержался и с присущей ему эксцентричностью поведал им свой хитрый план.

— Послушайте меня, — сказал царевич. — Эти иберийцы не имеют доблести в своих сердцах. Они не хотят сражаться с нами и не любят Рим. У нас есть серебро. Почему бы нам не перекупить их у Сципионов?

Гасдрубал сел на стул и мрачно покачал головой.

— Они не будут сражаться против римлян. Кельтиберы слишком сильно связаны с ними и слишком злы на нас, чтобы перейти на нашу сторону.

— Я не говорил, что им придется сражаться против римлян, — возразил Масинисса. — Конечно, они не будут воевать за нас. Мы заплатим им, если они вообще не будут сражаться. Мы купим их нейтралитет.

— Чтобы они вообще не сражались?

Масинисса поискал другие слова, чтобы объяснить свою идею, но затем понял, что и так хорошо изложил ее. Он просто кивнул.

* * *

Гней Сципион ужасно сердился, когда слышал имя Масиниссы. С того момента, как он начал поход на север, отряды этого отродья нападали на него почти каждый день, наступая на пятки, вновь и вновь нанося стремительные удары с такой быстротой, что легионеры не успевали построиться в формации и встретить их лицом к лицу, как подобало воинам. Массилиотские всадники внезапно вылетали из леса, бросали копья и дротики, убивали солдат прицельными попаданиями в шею и другие открытые места, бросали горящие факелы в повозки с фуражом или угоняли лошадей. Затем африканцы исчезали, пригибаясь к спинам коней и галопируя на невероятной скорости под нижними ветвями сосен.

Эта трусливая тактика выводила Гнея из себя, поскольку каждый набег стоил ему солдатских жизней, припасов и гордости.

Вот почему он приказал совершить марш-бросок в непроглядную полночь. Гней знал, что Индибилис и его тартесии — союзники карфагенян — находятся в нескольких милях к востоку. Действия Масиниссы могли оказаться хитростью — попыткой отвлечь его внимание от иберийцев, спешивших пополнить армию Ганнона. Если бы он разобрался с ними одним быстрым ударом, то обеспечил бы себе неоспоримое преимущество. Гней оставил у костров несколько тысяч солдат и велел им шуметь в ночные часы, создавая впечатление огромного войска. Остальные двадцать пять тысяч воинов отправились в поход. Они без труда могли разгромить тартесиев. В этом не было особого подвига. Но если его план сработает, он уничтожит подкрепление и вернется назад, чтобы сразиться с армией Ганнона. Гней не сомневался, что Индибилис выпрыгнет из туники с красной каймой и забрызгает поносом пятки, когда утром увидит перед собой такую силу.

Поход проходил идеально: люди сохраняли порядок в рядах и тот темп, который они имели бы при свете дня. По расчетам разведчиков, они должны были оказаться рядом с иберийцами на рассвете. Гней хотел навязать им бой. Он знал, что позже сражение перейдет в индивидуальные стычки и распространится по лесным холмам. Его люди будут участвовать в поединках, как гладиаторы на торжествах в амфитеатрах. Легионеры не привыкли к подобной тактике, но Гней специально предупредил своих солдат о такой возможности. Захватив врага врасплох, он с самого начала получит преимущество в действиях. С каждым выпадом или парирующим ударом иберийцы будут отступать назад.

Но затем он услышал пронзительные крики нумидийцев, и его кровь застыла в жилах. Через миг конница Масиниссы атаковала его колонну с двух сторон. Африканские дикари

возникли из темноты, словно какой-то черный бог изверг их из огромного гнилого рта. Однако внезапное нападение врагов не решило исхода битвы. Заледеневшая кровь вскоре разгорелась красным жаром. Гней велел своим людям сплотить ряды. Горнист рядом с ним протрубил приказы. Солдаты на флангах развернулись, чтобы встретить нумидийцев лицом к лицу. Колонна приостановила марш к тартесиям и заняла оборонительную позицию. Как только в рядах навели порядок, римская армия начала отступать.

Маневр отхода был проделан искусно и быстро, но в ту ночь Гнею устроили ловушку. Разведка донесла ему о новом злом ударе Фортуны. К их армии приближалось войско Ганнона. Римляне отвлеклись на марше и не заметили его подхода, пока вдруг не увидели большую колонну в пятнистом лунном свете под соснами. Взгляд генерала метнулся к холмам, на которые указывал разведчик. Возможно, это была иллюзия, вызванная ветром, однако ему показалось, что верхушки сосен содрогались и раскачивались от напора солдат, пробирающихся через лес. Он велел направить небольшой отряд кавалеристов в лагерь Корнелия. Ему требовалась вся помощь, которую мог предоставить его брат. Но когда гонец прищпорил коня, Гней понял, что эти усилия будут напрасными.

Отправив посыльного, он отдал новый приказ. Легионеры остановились и начали строить укрепления. Обычный план оборонительного лагеря не подходил под их условия. Гней переезжал с места на место и давал указания, которые учитывали особенности ландшафта. Велиты и лагерные рабочие копали траншеи в рыхлой почве. Солдаты валили деревья, переплетая стволы таким образом, чтобы они создавали высокий периметр за линией траншей. Деревянные стены укрепляли валунами. В расчет принимались все преимущества местности.

Затем на них посыпались снаряды. Горнист рядом с Гнеем упал с коня и скорчился от невыносимой боли. Дротик прон-

зил ему грудь навывлет. Наконечник торчал из спины. Похоже, солдат уже понял серьезность раны. Он тихо лежал на боку, экономя последние силы. Через мгновение пять вражеских всадников перескочили через ствол упавшего дерева и начали сражаться вблизи от свиты генерала. Гней вытащил меч и направился к ним, намереваясь пронзить ближайшего. Но они ускакали, прежде чем он успел взмахнуть клинком.

Затем в бой вступила армия Ганнона. Учитывая изломанный ландшафт и лесистую территорию, Гней не мог оценить численность врага, однако она составляла несколько десятков тысяч солдат. Африканцы окружили римский легион. Под веселые крики и рев труб к ним примкнули тартесии. Они тут же пошли в атаку. Их глаза пылали жадной крови. Гней подбадривал своих солдат, хотя его голос дрожал от близости смерти. В последние мгновения битвы он испытывал гордость за своих людей. Они сражались доблестно и преданно, без малейших следов паники и страха. Он молил Юпитера позволить кому-нибудь из солдат остаться в живых, чтобы тот мог рассказать об их подвигах. После этой молитвы генерал спешился и присоединился к легионерам. Стоя рядом со своими воинами, он встретил первую волну орды, которая хлынула через поваленные деревья.

* * *

Утром на четвертый день после того, как его брат отправился на север, Корнелий проснулся и увидел, что суссетаны поспешно сворачивают лагерь. Они снимали палатки и грузили припасы на спины вьючных животных. Когда Корнелий послал к ним переводчика и тот спросил, что они делают, кельтиберы рассказали о беспорядках в родной стране, которые потребовали их срочного возвращения домой. Услышав такой ответ, проконсул пришел к вождям суссетан. Он попросил их остаться, намекнув на будущее вознаграждение.

В принципе он действительно хотел предложить им деньги, но гордость не позволила ему начать торг. В конце концов он упрекнул их за предательство и обвинил в сговоре с врагом. Корнелий угрожающе направился к одному из вождей, но перед ним мгновенно появилась дюжина воинов, с двумя рядами ощетилившихся копий. Он едва не приказал арестовать кельтиберских командиров, однако быстро понял, что не имеет для этого сил. Суссетан было в два раза больше, чем римлян.

Когда их беспорядочная колонна скрылась из виду, Корнелий вздрогнул от страха. Он знал, что его предали. Обернувшись, он принялся считать своих людей, но затем остановил себя. Ему была известна их численность, и он понимал, что означали эти цифры. Созвав офицеров на совет, Корнелий предложил им последовать за армией брата. Их разделяло четыре дня пути. И если бы они отправили гонцов на быстрых конях, а сами двинулись вперед скорым темпом, то их армии могли бы сойтись в течение недели. Сократившаяся численность войска позволяла ускорить темп похода.

Передовые отряды Гасдрубала перешли реку и начали преследовать колонну легионеров. В конце второго дня они напали на обоз римлян и захватили его. На следующее утро в лагерь Корнелия на взмыленной лошади прискакал один из его посланников, отправленных к Гнею. Едва остановившись, конь пал замертво. Сам гонец был ранен. Какой-то нумидиец отсек ему кисть руки, другой пронзил копьем бедро. Бок коня сочился кровью. Коричневые полосы пересекали лицо мужчины в тех местах, где он пытался вытереть пот. За день до этого Корнелий получил тревожные новости об армии брата, но рассказ гонца поверг его в уныние.

Солдат сообщил, что север кишит нумидийцами. Их отряды, казалось, были повсюду. Остальные воины из его отделения погибли в сражении. Он уцелел лишь по той причине, что его конь сорвался с обрыва. Они скатились по крутому

склону холма, и за ними никто не последовал. Но нумидийцы настроены на решительное наступление. Их следовало ожидать в любой момент.

Корнелий склонился к раненому мужчине, который сидел перед ним, прижимая к груди перебинтованную руку и судорожно глотая воду из поданной чаши.

— Ты уверен в своих словах? — спросил генерал. — Выходит, нумидийцы преследуют армию моего брата? Если они так близко, то и Гней неподалеку. И получается, что эти варвары зажаты между нами.

Гонец покачал головой.

— Господин, когда мы встретили африканцев, они не гнались за вашим братом. Они направлялись на юг. Они скачут сюда! На нас!

Страна к востоку оставалась для римлян незнакомой местностью. Там не было важных поселений, поэтому на картах этот регион не отмечался. Но он занимал небольшое пространство. За пять дней легион Корнелия мог добраться до побережья, а еще через два оказаться среди верных союзников. Ему предстоял нелегкий выбор. Он не знал о беде, постигшей брата. Он не мог сказать, приведет ли его дальнейший марш к объединению с армией Гнея или к полному уничтожению римских легионов в Иберии. Ему приходилось соизмерять поступки с теми сведениями, которые он имел в своем распоряжении. Его десятитысячное войско не могло равняться с силами африканцев. По пятам Корнелия шла армия Гасдрубала, а впереди ожидали нумидийцы Ганнона. Вот почему он приказал отступать к побережью.

Римляне бросили повозки, припасы и часть вьючных животных, оставив только минимум пищи, необходимый на неделю. Первый день они поддерживали исключительно быстрый темп. Их колонна не останавливалась до темноты и вышла в путь на рассвете. Корнелий приказал расходовать воду экономно, но на второй день они оказались на такой пересох-

шей местности, что казалось, будто сама земля злонамеренно высасывала жидкость из-под кожи солдат — и воду из их тыквенных бутылей. Солнце жгло людей с безоблачного неба, покрывая плоть волдырями и обваривая щеки, когда его лучи отражались от песка. Похоже, небеса здесь не помнили о приближавшейся осени и о дождях, которые следовали за сезонном солнцепека.

На третий день они оказались в регионе пещерных дикарей. Это были странные люди, смотревшие на них из черных дыр, пятнавших скалы. Вероятно, они понимали, кто здесь находился в слабой позиции, и потому не выказывали страха. У ног взрослых собирались кучки детей, которые галдели, смеялись и указывали на армию бежавших от погони чужеземцев. Корнелий приказал реквизировать воду у здешних жителей, но римляне не нашли в пещерах ни капли жидкости. Как люди жили в этой скалистой местности, оставалось для них непонятной загадкой.

На четвертый день их атаковала легкая и стремительная нумидийская кавалерия. Сначала африканские всадники лишь сопровождали римскую колонну по бокам. Затем, к середине дня, они произвели несколько дерзких нападений. Когда солнце наконец склонилось к горизонту, разведчики принесли Корнелию печальные вести. По их словам, нумидийской кавалерией командовал сам Масинисса. А на западе уже поднималось облако пыли, подкрашенное алым огнем заходившего солнца. Оно указывало на приближение огромного войска. Отряды Гасдрубала не могли бы создать такой феномен. Значит, армии братьев Баркидов объединились.

Корнелий понял, что Гней, скорее всего, погиб. Он провел ночь без сна, размышляя о такой возможности, и утром едва вскочил на коня. С рассветом нумидийцы вновь не давали им покоя. В тот день римляне снова не нашли воды. Они шли, спотыкаясь, по сухому руслу. Корнелий видел, как в моменты отдыха его люди сжимали руками головы. Их губы пере-

сохли и потрескались. Глубоко впавшие глаза слезились от жаркого марева. Многие лошади отказывались подниматься с земли. Несколько сотен животных пало от истощения, сбросив седоков на землю. Корнелий верил, что им остался только день пути. Еще один день бегства. Однако он знал, что как только солнце сядет в пятый раз, им придется пережить долгую ночь, а наутро вновь увидеть перед собой территорию, высохшую, как вера убогой нищенки.

Они остановились на голом холме, который имел пологие склоны во всех направлениях. Это было единственное возвышение на местности — эдакий прыщ на ровном месте. Десять тысяч воинов едва уместались на нем. Они не могли построить укрепленный лагерь. Бревна для кольев отсутствовали, и негде было срезать торф, чтобы возвести даже небольшие стены. Каменистая почва не позволяла выкопать траншеи. Проконсул долго колебался, прежде чем указал легионерам на этот холм. Осмотревшись вокруг, он убедился, что ландшафт не предлагал ему другого выбора. Их окружала голая равнина.

Выставив пехоту вокруг холма, он велел солдатам отбивать атаки вражеской кавалерии. Едва он отдал этот приказ, на них напали нумидийцы. Внутри круга люди свалили в кучи седла, тюки, амуницию и припасы. Они начали создавать вторую линию обороны. Убив полсотни мулов, легионеры возвели из них стену, которую позже укрепили собранными камнями. Подумав немного, они умертвили всех оставшихся вьючных животных. Солдаты понимали, что на следующий день они им уже не понадобятся.

Когда второй оборонительный рубеж был построен, на горизонте появились карфагенская армия. Ряды африканцев растекались по равнине, как река застывшей крови, — броня из дубленой кожи создавала алый отблеск в тусклом зареве карминового неба. Масинисса оттянул нумидийцев назад, чтобы согласовать свои действия с Баркидами. Корнелий при-

казал пехоте войти в их странную крепость. Солдаты завалили проходы камнями и скарбом. Сципион расставил часовых по периметру обороны. Дозорные, взобравшись на камни повыше, вели наблюдение за противником. Затем на холме воцарилось молчание. Легионерам оставалось только ждать. Мрачные солдаты стояли, переводя дыхание. Многие были настолько обезвожены, что уже не могли потеть. Корнелий велел им отдыхать и делиться оставшейся водой, держать оружие под рукой и помнить о богах и нации, которым они служили. Их миссия в Иберии была благородной, поэтому они могли не сожалеть о таком исходе. Им просто следовало встретить новый день с достоинством и храбростью.

Ночь почернела, затем посветлела, когда взошла луна, и звезды засияли в полную силу. Римлян окружала только тишина. Ветер приносил случайные обрывки африканских слов, но они не давали истинного представления о том, какое враждебное море бурлило рядом с ними. Корнелий сидел на табурете в кругу офицеров. Его помощники тихо совещались и просчитывали различные варианты действий, обдумывали планы на ночь и оборонительную стратегию для следующего дня. Но пожилой генерал воспринимал их пылкие речи как детскую болтовню. Он молча молился и просил богов, чтобы карфагеняне не атаковали их ночью. Они не станут рисковать, говорил он себе. Они устроятся на отдых. Ни одна армия не нападает ночью. Ему вдруг захотелось вскочить на коня и прокричать им это на тот случай, если они не знали общих правил боя. Ночные маневры глупы! Подождите до рассвета! Просто подождите до рассвета! Но, несмотря на все свои желания, он понимал, что его противники не были глупцами. Баркиды не нуждались в его советах.

Корнелий пытался понять причины, по которым боги вдруг проявили благосклонность к врагам. Этой ночью начинались Ноны дикой смоковницы — дни чествования женщин, однажды защитивших Рим. В них не было ничего зло-

вещего. Корнелий никогда не понимал бессистемных взлетов и падений Фортуны. С возрастом он находил их все более странными. Неважно, что другие люди всегда могли объяснить успех или неудачу. Он давно уже подозревал, что они не знали истинных целей небожителей. Корнелий никогда не игнорировал богослужения. Он всегда предлагал щедрые подношения и в молитвах не позволял себе фамильярности. Так почему же Фортуна проявила к нему такое непостоянство?

Хотя он ожидал такого поворота событий, крик часового заставил его вздрогнуть.

— Тревога! — повторил дозорный. — Они приближаются!

* * *

Белые стены Карфагена сияли под ослепительным светом солнца — великолепные и лучащиеся, словно сделанные из отполированного до блеска серебра. Магон помнил, как сильно он любил свой город. Теперь он вновь стоял на африканской земле, вдыхал воздух родины и смотрел на соплеменников. Новость о его прибытии уже облетела ближайшие улицы. Когда он возвращался из гавани, люди приветствовали его. Женщины обнимали и целовали Магона, мужчины хватали его за руки и похлопывали по плечам, хвалили и расспрашивали о делах в Италии. Но молодой генерал не подтверждал слухов, которые дошли до них. Уже через пару часов после прибытия Магона совет вызвал его к себе на срочное заседание, но он отложил на некоторое время встречу с ними, приказав своим слугам принести с судна несколько закрытых ящиков.

Первым делом он поспешил домой, чтобы повидать родных и близких. На публике Дидобал приветствовала его со всем достоинством своего положения. Но внутри семейного дворца она прижала сына к груди, как это сделала бы любая мать. Он не сопротивлялся. Магон вкратце рассказал ей о ходе

военной кампании. Дидобал слушала сына, улыбалась и хмурилась его словам, а затем высказывала резонные суждения с уверенностью старого воина. Как и Ганнибал, она считала победы промежуточными этапами и искала за ними главную цель — окончание войны. Магон удивился ее голосу. В интонациях матери чувствовались оттенки, напоминавшие ему отца. Как странно, что он не замечал этого прежде.

Сапанибал встретила брата более эмоционально, чем обычно. Она прижалась к его груди, погладила пальцами лицо и стала расспрашивать о войне с римлянами: на каком этапе находится кампания, какой ущерб они понесли из-за отсутствия подкрепления, что думает Ганнибал о походе на Рим... Если Дидобал казалась старым воином, то Сапанибал выглядела юным новобранцем, кипевшим, словно котел, планами и идеями.

От нее Магона спасла Софонисба. Она буквально запрыгнула ему на грудь, обвила руками шею, обхватила ногами поясницу и, как в детстве, покрыла его лицо поцелуями. Сестра шокировала и тронула его своей любовью. Глядя на нее, он понял, что Астарта хорошо потрудились на этот раз. Или Софонисба была творением греческой богини Афродиты? Она больше не напоминала девочку, хотя и притворялась таковой. Даже будучи братом, он признавал притягательность ее форм и красоту лица. Осознав эти мысли, Магон почувствовал смущение. Он молча поблагодарил богов за то, что война никогда не приходила в их город.

Эта мысль все еще занимала его ум, когда он встретил Имилце. Она подошла к нему со сдержанностью, продиктованной карфагенскими правилами приличия. Склонившись перед ним, она приветствовала его хвалебной речью и поднялась только после того, как он попросил ее об этом. Затем Имилце скромно поинтересовалась здоровьем Ганнибала. Таким голосом она могла бы спросить его о погоде. Он ответил ей общими фразами, говоря не о муже этой женщины, а

о командире, одержавшем несколько больших побед. Он не стал упоминать о ранах на теле брата, об испытаниях, через которые они прошли, и о знаках Судьбы, явленных им в Италии. Только сам Ганнибал мог открыть ей такие интимные сведения. Магон протянул ей свиток, доверенный ему командиром. Из всех документов, привезенных им с собой, это письмо было единственным, которое он передал лично в руки адресата. Он увидел, как заискрились глаза Имилце. Ей не терпелось прочитать послание. Но по этикету она не могла уйти в свои покои. Кивнув, она передала свиток служанке.

Когда он наконец предстал перед советом, вопросы старейшин наполнили шумом темный и дымный зал, освещенный дрожащим оранжевым заревом факелов. Магон поднял руки, пытаясь успокоить собравшихся людей. Он сказал, что привез им свидетельства великих подвигов Ганнибала — доказательство, которое он готов предъявить им незамедлительно. Но сначала он хотел перечислить заслуги брата, чтобы пояснить их величие и историческое значение. Он описал географические препятствия, которые преодолела их армия. Магон описал битвы, в которых они сражались, и количество врагов, уничтоженных в каждой из них. Он сказал, что на данный момент Ганнибал сократил римские силы примерно на двести тысяч солдат. Этот великий полководец взял в плен и позже освободил за выкуп свыше сорока тысяч воинов, отослал по домам к своим народам бесчисленное количество римских союзников, которые теперь поют восхваления Карфагену. Магон не стал унижать совет открытым обвинением в измене, но намекнул, что все это было выполнено малыми силами и с ограниченными ресурсами.

Он начал рассказывать о планах Ганнибала относительно дальнейшего продолжения военной кампании. Стратегия предполагала наличие нескольких фронтов. Прежде всего, совет мог бы отправить подкрепление в Италию и увеличить войска в Иберии, затем атаковать Сицилию, вернуть себе ста-

рых союзников и направить помощь Филиппу, чтобы он изгнал легионы римлян из Иллирии. Если Карфаген поможет растянуть силы Рима на границах внешнего круга, то Ганнибал разобьет этот круг изнутри. Он постепенно лишит Рим поддержки союзников, и тогда город останется один на один с его армией. Через год народ Карфагена может стать мировым лидером — великой силой, которая без помех начнет распространяться за горизонты самых дальних стран.

Когда он закончил свою речь, советник Гизго начал выкрикивать ему вопросы. Магон раздраженно поднял взгляд к потолку и покачал головой. Гизго был старым врагом его отца. Судя по лицу этого толстого политика, он являлся врагом всего, что исходило от Баркидов.

— Ты так пышно говоришь о победах брата, — прокричал Гизго, — но твой язык лжив и раздвоен, как у ядовитой змеи. Если Ганнибал одержал столько великих побед, то почему он еще не покорил Рим? Если верить тебе, то во всей Италии уже не осталось ни одного мужчины, пригодного для сражений. Может, Ганнибалу нужна помощь в войне с детьми и женщинами римлян? Или он боится стариков? Ты назвал нам столько побед, а сам просишь о подкреплении. Объясни мне, зачем вам поддержка, ибо я не понимаю тебя.

Слова советника задели Магона за живое. Тем не менее он сохранил присущее ему самообладание. Молодой генерал ожидал каких-то возражений от старейшин. Но его поразило, что первые вопросы, заданные ему, оказались настолько враждебными. Ганнибал был прав. Они реагировали именно так, как он предполагал, как будто брат сам вкладывал слова в их рты. Несмотря на долгие годы, проведенные вдали от родины, он прекрасно знал свой народ. Магон попытался передать свое удивление легкой иронией.

— Советник, — сказал он, — я не уверен, что кто-то избавит тебя от твоего непонимания. Такие болезни не лечатся.

— Не оскорбляй меня! — крикнул Гизго.

Он хотел вскочить на ноги, но это оказалось для него трудной задачей, поскольку он был толстым, тяжелым и дряблым.

— Ты не царевич, стоящий перед нами! И твой брат не царь! Отвечай мне как положено! Или я увижу тебя, остроумного глупца, прибитым гвоздями к распятию!

Зал загудел, выражая одобрение советнику. Похоже, некоторым старейшинам понравилась угроза. Какой-то более спокойный голос выразил удивление, что brave генерал все время просит их о помощи. С ним согласился один из молодых Ханнонов:

— Твой брат не спрашивал нашего совета, когда начинал эту войну. Почему же он ищет нашей помощи, чтобы закончить ее? Его действия не санкционированы Карфагеном. Это война Ганнибала, и пусть ответственность за ее результат падет только на его голову.

— А как быть с той славой, которую принесет его победа? — спросил Магон.

Ответ пришел из другой половины зала. Хад даже не потрудился встать. Он говорил негромко, но его голос звучал авторитетно.

— Ганнибал получит по заслугам — за все, что ганнибалово, — сказал лидер совета. — Но давай говорить по существу. Ты, юноша, сказал, что привез нам какие-то доказательства. Покажи их нам.

Подумав немного, Магон кивнул. Момент для главного сюрприза действительно казался неплохим. Он громко объявил:

— Уважаемые старейшины. Ваши требования вполне оправданы. Я сейчас покажу, что привез для вас. Пусть будет по-вашему. Это подарок совету от моего брата, Ганнибала Барки, сына Гамилькара — чести и гордости Карфагена!

Постепенно повышая голос, он громко прокричал последние слова. Вероятно, это было сигналом, потому что через миг

в коридоре перед залом совета послышался шум. Несколько обнаженных по пояс рабов, со стройными и красивыми телами, с трудом втолкнули в дверной проем тяжело нагруженную повозку. Она была накрыта черной тканью, скрывавшей под собой содержимое. Судя по форме, груз представлял собой высокую кучу каких-то небольших предметов. Магон подошел к повозке и схватил ткань рукой.

— Когда мы сообщили вам о величии нашей победы при Каннах, в ответ пришло множество вопросов. Вы выражали сомнения по поводу изложенных фактов. Некоторые из вас требовали цифры, доказательства или какой-то способ, чтобы вы, сидящие здесь за безопасными стенами Карфагена, могли понять, какие подвиги в вашу честь совершает армия Ганнибала. Но как перенести в этот зал наши победы на полях сражений? Как убедить вас в количестве уничтоженных врагов? Кто, кроме Ваала, знает точные цифры? Я мог бы рассказать вам о своих подсчетах, но вы, честолюбивые советники, все равно не поверили бы мне. Поэтому считайте сами! Эти предметы сняты с рук убитых римлян! Дар от Ганнибала с одного лишь поля при Каннах!

С грозным величием Магон сдернул ткань с груза. Почти одновременно с этим рабы наклонили повозку набок. Ее содержимое выплеснулось на каменные плиты звенящей лавиной. Сначала трудно было понять, что собой представляли предметы. В тусклом свете зала они мерцали и, падая на плиты, катились и подскакивали. По воле странного случая, ситуацию прояснил только один предмет из многотысячной кучи. Он выкатился дальше остальных. Блуждающий путь привел его к лавкам советников, после чего он развернулся и откатился по дуге назад. Магон подхватил его проворными пальцами и поднял над головой. Это было золотое кольцо, которое разрешалось носить только свободным жителям Рима. Одно из многих тысяч колец. Их количество казалось невероятным.

Советники затихли. Их молчание было еще более значимым после звона колец. Магон стоял и, лучась улыбкой, наблюдал за удивленным благоговением, появившимся на лицах старейшин. Они поняли смысл его слов. Молодой генерал забыл о сдержанности, которую так часто демонстрировал его брат. Он ничего не мог с собой поделать. Его улыбка растянулась от уха до уха.

Он не переставал улыбаться несколько дней, пока совет не назначил его командиром новой армии. Однако, несмотря на его рассказ и приведенные доказательства, они не позволили ему вернуться к Ганнибалу в Италию. Вместо этого Магона отправили в Иберию, чтобы он развил успех братьев. После всех сокрушительных побед, сказали ему советники, Ганнибал справится с римлянами и без него.

* * *

Осень после Канн прошла в странном угаре обжорства, словно битва дала начало огромному пиршеству, на котором каждый выживший участник спускал без жалости свои богатства, пил, кутил и куражился. Карфагенская армия покачивалась на приливной волне эйфории, и хорошие новости, приходившие почти еженедельно, только усиливали безудержное веселье. Первым большим муниципальным городом, признавшим их власть, стала Капуя. Эта столица Кампании имела старые счеты с Римом и давно обижалась на свое неравноправие. Горожане по общему согласию восстали против Республики, но выставили Ганнибалу несколько условий. Предупрежденные о мятеже римские чиновники, с их семьями и свитами, были хитростью собраны в банях — якобы для безопасности. Затем двери заперли на засов. Всех пленников обварили паром и удушили до смерти едким дымом. Уцелевших римлян выволокли из домов на улицы и забили

камнями. Таким образом, жители Капуи окропили свой союз с Карфагеном жертвенной кровью.

Выдвинутые ими условия включали в себя объявление Капуи независимым городом, не подчиненным Риму и находящимся вне юрисдикции Карфагена. Этот пункт показался Ганнибалу слишком наглым, но он посчитал неразумным отклонять такой подарок судьбы. И тогда другие города последовали примеру Капуи. Калатия и Ателия перешли на его сторону. На юге взбунтовались племена гирпинов, лаканов и брутиев. Лигурийские наемники с северо-запада Италии согласились сражаться за плату в карфагенской армии. В отличие от своих галльских соседей, они имели легкое телосложение и быстрые ноги. Эти прекрасные копейщики шли в бой в одних шерстяных туниках, которые они носили круглый год независимо от сезонов и погоды. Чуть позже с севера пришла новость, доставившая Ганнибалу большое удовольствие.

После битвы при Каннах часть галльских бойцов на крыльях триумфа отправилась домой на север. Они увидели, что Ганнибал действительно выполняет свои обещания. И они понесли эту новость своим соплеменникам — вместе с тюками военных трофеев, снятых с мертвых римлян. Кроме драгоценностей и оружия, их груз состоял из фаланг пальцев, ушей и зубов. Вернувшись в свои селения, они без труда убедили соплеменников восстать против римлян, которые все еще патрулировали их территории. Бои всегда считались сильным, гордым и воинственным племенем, но прежде они не знали тактических хитростей и не умели координировать свои действия. Теперь же среди них появились воины, которые поняли, как нужно бить римлян. Они научились планировать организованные атаки и были способны вдохновлять людей и завоевывать их доверие.

Вскоре бойцам стало известно, что римская колонна направляется к лесу, который они называли Литана. Галлы выбрали

для западни самую густую часть чащобы. Узкую тропу окаймляли древние сосны — деревья большого обхвата и огромной высоты. Бойи, вооружившись топорами и зубчатыми пилами, приступили к работе. До прихода римлян они подпилили сотни деревьев, которые держались теперь на тонких щепках. Тем не менее для постороннего взгляда лес выглядел вполне обычным. Галлы, держа длинные мечи у ног, спрятались в папоротнике рядом с подпиленными деревьями. Они ждали условного сигнала.

Ничего не подозревавший Луций Постумий повел колонну через лес. Под его командой находилось два легиона и несколько союзных отрядов, собранных на побережье. Армия насчитывала около двадцати тысяч воинов, но в лесу им пришлось растянуться в длинную цепь. Как только последние римляне вошли в глубь чащи, галлы поднялись из укрытий и начали валить самые дальние от тропы деревья. Для этой цели у них имелись ваги и веревки, привязанные к стволам. Некоторые деревья падали просто от сильных толчков. Они валились на соседние подпиленные сосны, сбивали их и рушили другие деревья — и так далее, пока две волны падавших лесных гигантов не встретились в перекрестном хаосе. Римляне оказались в центре этого лесоповала. Кроны деревьев закрыли небо. Стволы давили людей и лошадей, разбивали повозки в мелкие щепки. Воздух наполнился хвоей и пылью, громким скрипом и гулкими звуками ударов. Птицы взлетали вверх и неистово кружились.

Некоторым легионерам удалось уцелеть в этом ужасном хаосе и выбраться из леса. Но они тоже погибли. Бойи ожидали врагов на окраинах чащобы. Ошеломленные солдаты выбегали на них и тут же, в наказание за свое изумление, падали наземь, с рассеченными головами и торсами, словно неуклюжие восковые фигурки. Галлы размахивали большими мечами и грандиозными широкими замахами сносили с плеч по несколько голов легионеров подряд. Консула По-

стумия раздели догола и подвергли жестоким унижениям. Затем бойи отрубили ему голову и сняли с нее скальп. Размягчив мозг едким отваром, они удалили его, затем позолотили внутреннюю часть черепа и сделали из него жуткий пиршественный кубок для подношения вина своим богам.

Ганнибал выслушал бойских гонцов, рассказавших ему эту историю, и отослал их обратно с похвалой и дарами. Затем он передвинул армию под стены Капуи, чтобы его люди насладились в течение зимы тем комфортом, которого они не видели годами. Некоторые из них вообще никогда встречали такой роскоши. Здесь всего было вдоволь: богатая пища, морские деликатесы, вино, текущее рекой, теплые постели и женщины, с радостью доставлявшие им удовольствия в обмен на деньги и военные трофеи. Командир позволил воинам веселиться на улицах и в притонах города, а сам занял виллу одного из своих богатых почитателей и начал создавать план кампании грядущего года. Именно здесь, окруженный лестью и изобилием, он получил письмо, сообщавшее ему об уничтожении Сципионов в Иберии. И буквально через пару дней к нему прибыл другой долгожданный посланник.

Лисент вошел в комнату и быстрым шагом направился к столу. Ганнибал узнал его по длинным темным волосам, ястребиным чертам лица и сильному подбородку. Он нисколько не изменился. Увидев командира, Лисент остановился и приветствовал его:

— Хвала богам, Ганнибал! Ты показал себя человеком столетий! Твои победы надолго останутся в истории мира. Позволь мне больше не называть тебя смертным человеком. Ты божество, явившееся к нам! Я склоняюсь перед тобой, твоими детьми и детьми их детей.

Македонец склонился по пояс, затем коснулся одним коленом пола, словно хотел упасть ниц. Ганнибал удержал его, поднял за плечи и обнял, как друга. Он не планировал этот жест, но энтузиазм посланника произвел на него впечатле-

ние. Знакомая внешность пробудила воспоминания о прошлой встрече. Как это было давно — в невинные дни, когда вся итальянская авантюра жила лишь в смутных планах, когда его окружали братья и живой Бостар.

— Значит, тебе понравилось? — с усмешкой спросил он.

— Да, но, что более важно, твои победы вдохновили моего царя. Когда в присутствии Филиппа произносят фразу, которая начинается или кончается именем Ганнибала, он тут же вскидывает голову. В твоём имени ему слышится похоронный звон по Риму. Допустим, кто-то скажет: «Ганнибал уколол палец о колючку!», а он вскакивает на ноги и радостно кричит: «Вы слышали? Ганнибал уколол палец о колючку! Значит, Рим обречен на гибель!» Я привез тебе много предложений от моего царя, но сначала дай мне выпить. Командир, ты не поверишь в те трудности, через которые я прошел, чтобы добраться до тебя. Дай мне воды, и я продолжу рассказ.

Под водой македонец, естественно, подразумевал вино. Ганнибал пил очень редко, но жажда Лисента заразила его. Компания грека была приятной и комфортной. Он сидел, пил вино и слушал его рассказ с веселым блеском в глазах.

Лисент поведал ему, как у побережья Писены на корабль обрушился шторм. Судно едва не затонуло. Край палубы погружался под воду почти при каждой волне. Трюм наполнила вода. Они уцелели лишь благодаря патрульному кораблю из Салапии, который взял их корабль на буксир. Делегация провела в местной крепости пять дней, пока магистрат выяснял цель их путешествия. К счастью, они везли с собой фальшивые письма, выражающие дружеские чувства Филиппа к сенаторам Рима. Чистая чушь о готовности помогать римской армии. Тем не менее эти письма успокоили магистрата, и он позволил им следовать дальше. Однако корпус их судна нещадно протекал. Осознав опасность, они попытались добраться до суши, но наскочили на риф, потеряли корабль и были буквально выброшены волнами на берег.

— Та ночь показалась нам воистину черной, — печально произнес Лисент.

Какое-то время он молча потягивал вино из кубка. Несколько струек, скользнув по его бороде, забрызгали нагрудную пластину, но он не стал придавать этому значения, словно считал, что некий беспорядок во внешности вполне позволителен для выражения искренней радости. Утолив жажду, он продолжил рассказ о долгом путешествии: о том, как они разбились на небольшие группы, как скрывались в лесу и дважды крали лошадей. Однажды ему довелось проехать в телеге торговца, но остальную часть пути он провел на ногах, шагая от заката до рассвета. В итоге он все-таки добрался до места, где сидел сейчас.

— Вот так я к тебе и попал, — сказал Лисент. — Позволь повторить, что мой царь глубоко впечатлен твоими успехами. Ты возвел себя в ранг великих людей.

— А ты удостоил меня большой чести, Лисент Македонский.

Грек небрежно взмахнул рукой и ответил, что лишь констатирует истину. Затем он нахмурился и перевел взгляд со своих израненных рук на лицо командира.

— Я вижу, что слухи оказались верными, — сказал он серьезным голосом. — Эта война взяла с тебя свою долю. Мне понятны такие потери, мой друг. Пусть Рим не причинит тебе больше вреда...

Ганнибал кивнул.

— Хорошо, вернемся к делу. Я приехал, чтобы предложить тебе договор о сотрудничестве между нашими народами. Филипп хочет, чтобы римский кнут покинул Адриатику. Македония объединится с тобой против Рима. Мы начнем сражаться в Греции, но затем перенесем войну сюда. Весной следующего года мой царь высадится на итальянском берегу с двумя сотнями кораблей. Этого хватит, чтобы римляне обмочили свои колени.

Услышав обещание Лисента, Ганнибал так обрадовался, что не нашел даже слов для ответа. Перед внутренним взором командира появился огромный флот боевых кораблей, и от этого зрелища его пульс забился чаще. Отдельные части великого плана начинали собираться вместе.

* * *

После того как Сапанибал увидела Имаго Мессано в полуобнаженной компании Хада и Ханнонов, она посчитала его предателем. Он, в свою очередь, старался убедить ее, что по-прежнему поддерживает сторону Баркидов. По карфагенским обычаям, она не могла прогонять его, когда он приходил к ней в гости, и Мессано раз за разом доказывал ей свою преданность со страстью человека, спорившего перед советом. Он говорил, что вынужден проводить свое время в компании этих подлецов. Он не может поступать иначе, поскольку они являются представителями правящего класса. Помимо обсуждения военных тем, он ведет с ними разнообразные коммерческие дела. Его приглашают для решения многих вопросов. Причем, он не раз расшатывал укоренившиеся мнения, основываясь на намеках или предвидениях некоторых религиозных деятелей. Убеждать советников лучше всего в вечерние часы, когда их языки развязываются от вина и увеселений. Для достижения своих целей Имаго поддерживает тесные отношения с Хадом, так как недруги главы совета не получают доступ к важной информации. Но все эти факты не меняют убеждений его сердца. Он никогда не поступался ими.

Сапанибал слушала его с прищуренными глазами. Она говорила Имаго, что он опытный политик и всегда может поступать так, как считает нужным. Однако ему больше не следует ожидать ее полного доверия. Она не может скрывать от него своих чувств независимо от того, как он воспримет ее

гнев. Мессано вертелся, как уж на раскаленной сковородке. Это нравилось ей. Вежливо и осторожно споря, она получала от него кое-какую информацию. Нечто подобное случилось летом через год после битвы при Каннах. Имаго выдал Сапанибал тайну, не подлежащую публичной огласке, так как эта новость могла подорвать светлый образ Ганнибала, сложившийся на родине. Кроме того, он спасал ее семью от вполне возможных пересудов и предвзятых мнений. Скандал мог получиться немалый.

После его предполагаемого предательства Сапанибал встречалась с Имаго не во внутреннем саду, а в гостевой комнате, где стояло несколько кушеток. Это был тусклый зал с торжественным убранством, замороженный и мрачный. Высокие колонны возвышались, как безмолвные солдаты. Свет от факелов перемещался между ними, создавая тревожные тени. Имаго раздражала формальность их встреч, но он принимал ее с выражением покорности, которое явно намекало на его нежелание выносить столь неприветливое отношение бесконечно долго.

— Этим утром я услышал не очень хорошие новости, — сказал он. — К нам пришло донесение из Рима... Твой брат отправил туда командира карфагенской кавалерии Карфало. С ним было несколько римлян, взятых в плен при Каннах. Он хотел получить выкуп и организовать передачу плененных легионеров. Но сенаторы приняли его неохотно и позже отказались от уплаты каких-либо денег. Они даже запретили семьям этих солдат выкупать их самостоятельно.

Сапанибал задумчиво посмотрела на Мессано. Ее волосы, туго стянутые на затылке, натягивали кожу лба и придавали ей молодую гладкость, хотя черты лица становились от этого излишне неподвижными и обретали сходство с маской.

— Как умно, — сказала она. — И в то же время глупо.

Имаго на всякий случай кивнул, но до конца не понял, что она хотела сказать.

— На тех солдатах нет позора, — произнес он важно. — Им просто не повезло, что они имели глупого военачальника, приведшего их к поражению. По карфагенской традиции таких генералов распинают на крестах, а воинов выкупают у врагов. Но Рим не поступает подобным образом. Поэтому они из чистой досады отвергли тысячи солдат. Какой странный народ! Услышав донесение, Хад заявил, что это еще раз доказывает безуспешность действий Ганнибала.

— А что он понимает в войне? — проворчала Сапанибал. — Сегодня он называет черное белым, а завтра — белое черным. Это по его приказу Магон отправился в Иберию, а не в Италию к Ганнибалу. В следующем письме я посоветую брату просить у совета только то, что противоречит его желаниям, и тогда старейшины из ненависти к нему начнут действовать разумно.

Имаго рассеянно сжал зубами заусенец на ногте и оторвал его. Такое поведение выглядело слишком грубым для такого благородного человека. Похоже, он и сам заметил это. Сплюнув кусок кожи на ладонь, он прикрыл его другой рукой.

— Странно, что ты всегда злишься не на римлян, а на своих соотечественников.

— Я не могу повлиять на римский Сенат, поэтому берегу злость для тех, кто близок к моему родному дому. Ты хотел еще что-то сказать? Или мы можем завершить нашу беседу?

— Да, есть серьезная тема. И очень важная...

Имаго придвинулся ближе к ней и сел на край дивана. Его пятки подергивались, как у мальчишки, который спешил куда-то. Он повернул ладони вверх и протянул их к Сапанибалу, указывая на свою открытость перед ней.

— Дело связано с твоей семьей. Точнее, с женой Ганнибала...

Он замолчал, но Сапанибал «подстегнула» его:

— Продолжай.

Слушая слова Имаго, она сохраняла свой строгий вид и ничем не показывала, что его история задевает ее до глубины души. Только веки немного дрожали. Ей не хотелось верить советнику, но, несмотря на бесстрастный вид, Сапанибал понимала, что он говорит ей правду.

Через некоторое время они направились к передней двери. Мессано замедлил шаг и прошептал:

— Сапанибал, когда же я смогу назвать тебя моей любимой? Ты знаешь, как я этого хочу. И ты слишком мудра, чтобы я скрывал от тебя свои желания. Не будь со мной так холодна. Я взрослый мужчина с большими возможностями. Моя любовь к тебе объясняется лишь тем, что я нашел в наших беседах ту глубину, которую никогда не испытывал в общении с другими женщинами. Не избегай меня, Сапанибал.

Они остановились на краю двора. Слуга отделился от стены — во всяком случае так показалось им обоим — и подошел поближе, готовый сопроводить гостя к воротам. Сапанибал ничего не ответила на последние слова Мессано. Она лишь прошептала:

— Спасибо за новость, которой ты поделился со мной. Я буду действовать так, как выгодно моему народу. Прощай.

Имаго снова попытался повторить ей последние фразы, наполняя их эмоциями, которые более подходили бы поэту. Лицо Сапанибал оставалось бесстрастным. Ничто в ее чертах не предполагало уступки в ответ на его признание. И все же, когда он двинулся прочь, она коснулась пальцами его предплечья. Мессано повернулся, словно хотел спросить о чем-то. Но она уже уходила, проклиная себя за этот жест.

Ей трудно было проверить сведения Имаго. Государственные законы и обычаи не позволяли аристократкам вести дела с торговцами и моряками. Но у нее не оставалось выбора. Она не хотела вовлекать Мессано в решение своих проблем. С другой стороны, Сапанибал не могла довериться прислуге. А во-

прос был спешным и не терпел отлагательства. Она накинула на голову капюшон и вместе с полуголым рабом отправилась в город. Она специально выбрала для своего сопровождения самого сильного евнуха с впечатляющей мускулатурой и грозным видом. Миновав толпу торговцев, рабов и животных, нагруженных тюками и ящиками, они подошли к докам, где на прибрежных камнях стояли корзины с рыбой. Воздух был наполнен густым запахом гнили.

Имаго указал ей примерное время, когда корабль, отправившийся в Капую, собирался отплыть из карфагенской гавани. Он сообщил ей название судна и имя капитана, который согласился принять необычных пассажиров. Расспросив двух-трех моряков, Сапанибал нашла и корабль, и капитана. Последний оказался довольно симпатичным мужчиной. У него была ухоженная борода советника, сильный подбородок и широкая улыбка с полудюжиной выбитых зубов. Сапанибал встретилась с ним перед угольным складом. Она не стала называть себя, но ее осанка подсказала капитану, с кем он имеет дело. Сапанибал велела ему отказаться от пассажиров. Чтобы его помощь не осталась без награды, она удвоила сумму денег, которую он уже получил. За это она потребовала оказать ей одну услугу.

Сам корабль был вполне современным судном. Корпус и палуба блестели цветом белой кости, серебрившимся под безоблачным небом в соленых брызгах волн. Корабль имел не только парус, но и отверстия для весел, а также лавки, хорошо отполированные ягодицами гребцов. На корме располагалась каюта для пассажиров — небольшое строение, сбитое из тонких досок. Оно крепилось веревками к большим деревянным кольям, торчавшим из палубы. Чтобы открыть разбухшую дверь, капитану несколько раз пришлось дернуть за деревянную скобу. На полу внутри крохотной отсыревшей комнаты валялись мотки веревок, куски бревен и непонятные обломки.

Заметив отвращение на лице Сапанибал, капитан со вздохом заметил:

— Она не просила многого. И я ничего не обещал. Можете оставаться здесь, сколько хотите.

Он ощерился и добавил:

— Только не слишком долго. Я скоро отплываю. Если вам ничего не нужно в Капуе, то постарайтесь покинуть корабль до выхода в море...

Сапанибал не удостоила его ответом. Она и евнух зашли в каюту. Женщина села на какое-то подобие кровати, а раб встал в стороне, пригнув голову под низким потолком. В этом и заключалось ее условие. Она ожидала прибытия странных пассажиров.

В каюте было жарко и душно как в бане, но вместо приятного запаха здесь стояла отвратительная вонь. Чувствовалось, что недавно на корабле перевозили домашний скот. Когда глаза Сапанибал привыкли к темноте, она рассмотрела рисунки, нацарапанные на досках, — непристойные фантазии моряков многих наций. Эти грубые сексуальные образы изображали мужчин и женщин с преувеличенно большими половыми органами. Основными мотивами поз были агрессия и подчинение. Почему разум мужчин всегда фокусировался на такой неукротенной грубости? Разве подобное обращение соответствовало любви и вере женщин, нарисованных на этих досках?

Она подумала о покойном муже. Судя по ощущениям, коллекция образов затронула ее с удивительной силой. Она почувствовала жар в нижней части живота и какое-то томление, похожее на ностальгию. Гасдрубал Красивый отличался от Имаго. Он был гораздо красивее и привлекательнее советника: резкие и смелые черты лица, будто бы высеченные быстрыми взмахами клинка на мягкой глине; живой и красочный язык, способный убедить любого человека; улыбка плавил холод отчуждения; ум искрился интригами; па-

мять хранила мельчайшие факты, словно библиотека свитков. Сапанибал не могла соответствовать его уму. Рядом с ним она выглядела глупой. И он лишал ее дыхания одним лишь озорным подмигиванием.

По крайней мере, так все начиналось. После свадебного пира он отказался от претензий на любовь. Это была деловая сделка, заключенная для обоюдной выгоды. Он женился на Баркидах, а не на ней. Слова, с которыми он сватался к Сапанибал, перестали слетать с его уст. Гасдрубал все чаще избегал ее. Он редко приходил в покои жены, а когда это случалось, то насиловал ее — быстро, жестоко и отвернув лицо в сторону, словно находил противным запах законной супруги. Она много раз видела его с другими женщинами. С ними он вел себя, как изысканный любовник. Таких способов и поз она раньше и представить себе не могла. Позже Сапанибал ограничила свое жизненное пространство двумя-тремя комнатами. Однако Гасдрубал специально устраивал свои встречи со шлюхами так, чтобы она видела их оргии. Он даже приводил других женщин по ночам в покои жены и будил ее смехом, стонами и похотливыми восклицаниями. Временами он резвился подобным же образом с мужчинами. Тем не менее ему удавалось отделять разврат от государственных дел. И он всегда был любимцем Гамилькара. После смерти отца ее муж искусно и долго мстил иберийским племенам, а когда те взмолились о пощаде, он задобрил их подачками и серебром. Несмотря на изощренные издевательства, он не позволял угаснуть любви Сапанибал и не давал ей вырваться из его плена — даже теперь, через много лет после гибели.

Имаго Мессано не стал бы обходиться с ней, как Гасдрубал. Сапанибал знала и горевала об этом, потому что ей хотелось ответить на его чувства своей любовью. К сожалению, она не могла разорваться между двумя мужчинами. Юная девушка в ней все еще любила мертвого развратника. Она по-прежнему плакала ночами, вспоминая, как Гасдрубал Кра-

сивый срывал ожерелья с ее шеи и надевал вместо них железный ошейник рабыни. Как она будет смотреть на Имаго в постели? Куда спрячет свой страх? Возможно, он владел тем ключом, который выпустил бы ее на свободу. Но что если он просто добавит новые звенья в цепь, которую она носила на своей душе?

Она рассеянно смотрела на непристойные рисунки, когда услышала шум за дверью каюты. Сапанибал резко выпрямилась, сложила руки на коленях и скрестила ноги. Дверь с треском распахнулась и закачалась на кожаных петлях. В комнату хлынул ослепительный свет. Сапанибал пришлось прикрыть глаза ладонью. Затем она увидела фигуру, которая переступила порог и закрыла собой сияние солнца. Это была Имилце. У ее бедра стоял сын, с изумлением наблюдавший за своей тетей.

Сапанибал поднялась на ноги и посмотрела в лицо молодой матери. Она многое хотела ей сказать, но слова, как камни, упали куда-то в глубины ее сердца. Она выдержала взгляд Имилце, передав своей строгостью то, что считала нужным показать, а затем сказала:

— Пошли домой. На этом корабле нам больше нечего делать.

Пройдя мимо Имилце, она положила ладонь на затылок Маленького Молота, легким нажимом развернула его к двери и вывела на палубу. Она склонилась к мальчику и завела никчемный разговор, ощущая за спиной могильный холод. Ужасное молчание Имилце, бледность на ее лице, краткость собственных слов и малость того мгновения, которое потребовалось, чтобы разрушить чужие планы, — все это не ослабляло удовлетворения Сапанибал от выполненного дела. Хотя она заметила в себе и кое-что другое — злую радость оттого, что Имилце не увидит возлюбленного мужа и тоже будет страдать от одиночества.

Впрочем, она лишь выполняла свой долг, и ее поступок был всем на благо. Имилце увидит мужа после войны, но не

раньше — по его, а не по ее усмотрению. Жена не должна таскаться за мужем по полям войны. Он либо вернется к ней, либо не вернется. Когда-нибудь Имилце свыкнется с этой мыслью.

* * *

Когда Публий Сципион услышал в Сенате весть о смерти отца и дяди, к нему повернулись сотни лиц. В Иберии творился хаос, а Рим был озабочен своими проблемами, поэтому новость потребовала многих уст и достигла его лишь через несколько месяцев. Ему хотелось вскочить со скамьи и схватить гонца за горло, назвать его лжецом и потребовать, чтобы он привел доказательства провозглашенной смерти. Но Публий не мог опозорить отца такой выходкой. Ему пришлось сжать челюсти и выслушать все без содрогания. Стараясь не выдавать своих эмоций, он встал и напомнил залу подвиги обоих героев.

Позже, вбежав в дом отца, он упал на колени в центре внутреннего дворика, сжал голову руками и заплакал. Вокруг него на стенах висели восковые образы его прославленных предков. Лица были скрыты под фасадами миниатюрных храмов. На каждом образе имелась табличка с подробным перечнем достижений: офицерские чины, победы, общественные звания. Последний раз он видел отца именно здесь. Корнелий по какой-то причине завел разговор о матери Публия, которая умерла много лет назад во время родов. Отец сказал, что эта женщина по-прежнему важна для него. Он знал, что любил ее недостаточно — не так, как хотел. Он восхищался ею, словно греческий поэт своей музой. Но если бы она жила до сих пор, он превратился бы в абсурдного романтика. Сенаторы называли бы его изнеженным мужчиной, поработанным любовью к женщине. И они были бы правы. Вот почему Фортуна забрала ее от него в тот день, когда родился сын.

— Только не смотри на меня так, — добавил Корнелий. — Ты уже взрослый, чтобы горевать о сиротской доле. Твоя мать так сильно хотела твоего рождения, что, когда роды пошли неправильно, она упросила хирурга вскрыть ей живот. Наши жизни в этом мире только мимолетные события. Многие поступки совершаются не по нашей воле, а ради чести семьи. Возможно, боги позаботятся о моей судьбе и позволят мне вернуться домой. А может быть, и нет. Не нам решать такой вопрос. Поэтому я напоминаю, сын, что все мои дела, владения и заслуги переходят к тебе. Ты должен добавить к ним свою долю и передать моим внукам гордый дух Сципионов. Все мы звенья одной цепи. Я не сомневаюсь, что ты станешь крепким звеном и сделаешь своих детей еще сильнее.

Это воспоминание взволновало Публия. Корнелий говорил с ним так, словно предчувствовал свою смерть. Сын не презирал сентиментальность отцовских слов. Наоборот, он гордился ими. Они укоренились в его сердце рядом с непоколебимой верой в правоту Римской республики. Однако искренность отца огорчала его. Он не знал, сможет ли дожить до подобной мудрости. Он гадал, сможет ли показать себя достойным такого человека. И он не мог сказать наверняка, что путь его жизни оправдает ту надежду, которую отец возложил на него во время их последней встречи.

Ему не терпелось вернуться на поле боя, но заботы о наборе рекрутов и обучении новых отрядов задержали его в Риме. Все дни напролет он думал только о войне. До полуденного зноя Публий муштровал солдат — бывших фермеров, рабов, торговцев и наемников. В свободное время он изучал хроники прежних войн и расспрашивал тех, кто уже пострадал от хитрой стратегии Ганнибала. Он поглощал все, что слышал, перерабатывая и переваривая сведения до тех пор, пока они не превращались в ткань его сознания. Он держал свое мнение при себе, но охотно выслушивал тех, кто мог дать ему какую-то полезную информацию. Публий начал изучать обы-

чай Карфагена. И, естественно, он часто размышлял о Ганнибале. Не бывает непобедимых людей, говорил он себе. Это факт! Даже боги имели слабости. В юности он увлекался греческими легендами и теперь иногда вспоминал об эпохальном повествовании Гомера. Ахиллес был великолепным, смелым и бесподобным воином, однако и он обладал уязвимым местом. Ганнибал тоже должен иметь свою слабость. Должен.

Увлекаясь тренировками, Публий часто гонял своих солдат по девять часов кряду. Сколько раз он вдруг понимал, что вечернее солнце, удлинняя тени, уже садится за горизонт, и что солдаты смотрят на него с нескрываемым изумлением. Сколько раз лейтенант отводил его в сторону и напоминал ему о времени дня. Другие офицеры не одобряли его рвения и говорили, что даже на войне римлянин должен оставаться римлянином. Он не должен забывать о распорядке дня: первая половина для работы, вторая — для отдыха.

Отвлекаясь от размышлений, Публий постоянно поражался тому, что естественный ход жизни оставался неизменным. Спеша на Форум ранним вечером, с мыслями о жестоких сражениях, он с неодобрением поглядывал на своих соплеменников. Сам Публий неизменно носил тогу, но горожане по вечерам одевали яркие туники — красные, желтые, голубые, с золотыми вышивками — или плащи с капюшонами, которые недавно вошли в моду. Незамужние женщины спешили на карнавальные зрелища. Солдатские вдовы алчно поглядывали на торсы и ягодицы молодых мужчин, о чем-то шептались со служанками и хихикали, как девочки. Воздух оживал от звуков веселья. Повсюду слышались песни и шутки. Запах жареных колбас сменялся ароматом медовых печений. Вокруг царило томление, толкавшее каждого к чревоугодию, похоти или покою.

Он проводил вечера с Лаэлием — его товарищем по оружию. Они обсуждали планы на будущее и говорили о войне. Публию нравились такие моменты. Он находил в них стран-

ную радость. Лаэлий был единственным человеком, которому он мог доверить свою печаль. Публий не понимал, как жители Рима могли предаваться мелким удовольствиям. Почему они все забыли? Неужели они потеряли гордость? Или их ввели в заблуждение? А может быть, в этом и проявлялся римский дух? Люди не имели выбора, кроме того, чтобы жить, пока они не встретят смерть. Так было всегда. Возможно, горожане Рима — проститутки, страстные матроны и накачанные вином сенаторы — знали истины жизни лучше, чем он. Возможно, в этом и была великая мудрость, казавшаяся глупостью.

Помимо всего перечисленного имелись другие моменты, в которых Публий не находил ничего достойного. Например, Теренций Варрон по-прежнему пользовался уважением Сената. Ни на одном человеке в истории Рима не лежала ответственность за смерть стольких римских солдат, но это, казалось, никого не тревожило. Публий не обвинял его публично, потому что знал, что римляне судят человека за ошибки лишь тогда, когда сами страдают от них. С другой стороны, вина за поражение была возложена на тысячи солдат, окруженных Ганнибалом при Каннах. Их настолько презирали, что Сенат отказался выкупать плененных воинов и запретил родне платить за них деньги африканским захватчикам. Считалось, что они заслуживали мук во вражеском плену. Публий, избежавший позора, уважал этих солдат. Никогда прежде государство не бросало стольких воинов на произвол судьбы.

Со временем некоторые из них вернулись домой. Не получив за пленных выкуп, Ганнибал отпустил солдат на свободу и позволил им пройти через всю страну, не желавшую больше им помогать. Многие рассматривали это милосердие как глупость, но Публий видел здесь разумное решение — удар, нацеленный в сердце нации. С другой стороны, он презирал позицию сенаторов. Они отправили вернувшихся солдат на Сицилию, чтобы они служили Риму на чужой земле и не ос-

корбляли глаз горожан своим позором. Невероятный идиотизм! Публий знал, какой стыд испытывали эти люди. Они могли бы стать героями последующих сражений. Кто больше них доказал свою храбрость? Любой воин, уцелевший при Каннах, видел смерть в лицо — тот ад, который не походил ни на что иное в памяти людей. Несмотря на осуждение сенаторов, горечь поражения связала их вместе, породив особое братство между ними.

На Иды нового года он произнес в Сенате речь. Призвав к уважению отца, Публий попросил благословить его на ратные подвиги.

— Сограждане, — сказал он громко, — если вы цените память о погибших братьях Сципионах и называете их героями нации, то выполните мою просьбу. Позвольте мне отправиться в Иберию и занять место отца. Он оставил там незаконченное дело, которое я хотел бы завершить.

Зал притих на несколько мгновений. Затем сенаторы приступили к обсуждению вопроса. Некоторых смущала юность Публия. Другие полагали, что ему не следовало жертвовать собой из-за траура по отцу. В Иберии собралось несколько вражеских армий, и большинство политиков склонялось к мнению, что Рим должен отказаться на время от этого полуострова. Впрочем, особых возражений не было. Зная, что никто другой не захочет подобного назначения, сенаторы согласились удовлетворить желание молодого человека. Они не могли предоставить ему большую армию. Ресурсы государства не позволяли такой щедрости. Между тем перед ним стояла грандиозная задача. Но если он сам того хотел...

* * *

Сапанибал ни разу не заикнулась о попытке Имилце уплыть в Италию. Она не осуждала ее за глупость и не рассказывала ей, как узнала о плане побега. Это молчание стало для

Имилце еще большим укором. Конечно, идея побега была абсурдной. Она сама не могла объяснить себе, что на нее нашло. Просто она узнала, что Ганнибал зимует близ Капуи, и ей захотелось отправиться к нему. Но какая судьба ожидала бы их с сыном, если бы она инкогнито прибыла в чужеземный порт? Как принял бы их Ганнибал? Узнал бы он ее? Или она его? А что случилось бы, если бы ее схватили римляне?

Имилце по-прежнему считала Сапанибал жестокосердным существом. Однако по прошествии нескольких дней она начала чувствовать себя в долгу у этой женщины. В семье, с которой она породнилась, ей приходилось завоевывать одобрение каждой родственницы. Она не привыкла к такому унижению. По ее личному мнению, многие карфагеняне вообще не имели права осуждать других. Любое движение их рук выдавало жадность. Grimасы губ отражали похоть. Языки говорили об их ненадежности, а за трепетом век проглядывала мелочность умов. Но у женщин Баркидов все было иначе. Каждая из них казалась ей островом спокойствия. Дисциплинированная Сапанибал беззаветно служила своей семье и демонстрировала родовую честь при любой возможности, которая была доступна для женщины их класса. Даже Софонисба, болтушка и сплетница, обладала силой воли, необычной для ее возраста. А Дидобал вообще поражала Имилце каждым своим движением, каждым сказанным или невысказанным словом, каждым жестом и взглядом, наклоном головы и трепетом ноздрей. Их встречи по-прежнему сохраняли церемониальную напряженность, и в разговоре с ней мать клана обычно произносила лишь полдюжины фраз — тот минимум, который допускался вежливостью.

Ранней весной, когда пошли дожди, Имилце заслужила честь расчесывать волосы старой женщины. Ее обучали этому искусству с тех пор, как она приехала в Карфаген. Сложность местных причесок оказалась для нее открытием. Она слышала, что южные народы судили по прическам о социаль-

ном положении и влиятельности людей. Каждый нечетный день недели она приходила в покои Дидобал — небольшую комнату, стены которой были увешаны слоями цветастых тканей. Неизменно теплый воздух помещения наполняли запахи благовоний. Имилце боялась здесь даже пошевелиться. Вдоль стен по несколько рядов стояли масляные лампадки. Это множество крохотных огней создавало ровное сияние. Однажды, переступая их, Имилце подпалила платье. А в другой раз, сделав неверный шаг, она сбила ногой две лампады. К счастью, служанкам, вбежавшим с мокрыми простынями, удалось затушить огонь. Дидобал никак не комментировала промахи Имилце.

Однажды утром через пару недель после неудачного побега Имилце вновь пришла в покои свекрови. Она начала расчесывать густые и темные волосы Дидобал, просеивая локоны между пальцами — от макушки и вниз. Эти локоны не рассыпались вяло по плечам, каждая прядь обладала пружинистой силой. Имилце отмеряла их пальцами и разделяла на полоски. Ей помогала служанка. Некоторые пряди она окропляла ароматным маслом с корицей, другие посыпала крапинками серебра, в третьи вплетала ленточки водорослей. Сегодня она придавала волосам свекрови традиционную форму «бюста Элиссы». Тугие косы лежали ниже затылка полукругом, выстраивая платформу, к которой крепился золотой шлем. Спереди он держался на двух загнутых дугах из волос.

Чтобы заполнить неловкое молчание, Имилце, как и прежде, завела разговор. Слова изливались из нее по собственному желанию: замечание о слишком высоком уровне воды в оросительных баках; воспоминание о сне, который она видела прошлой ночью; оставшийся без ответа вопрос о судьбе вуали мудрой Танит — любимом атрибуте богини. И затем, не зная, что еще сказать, она пожаловалась на тоску о муже. Это нечестно, сказала Имилце, что Ганнибал сражается так

далеко, что он не может вернуться на зимний сезон, как всегда поступали солдаты на протяжении всей истории.

Дидобал прочистила горло и посмотрела на служанку. Девушка отступила на шаг, повернулась и ушла. Другие служанки последовали за ней. Они скрылись за складками ткани на стенах — бесстрастные лица, потупленные взоры, глаза, как у каменных статуй. Дидобал прогнала их одним взглядом. Имилце испугалась, что старая женщина велит ей уйти, но та вдруг спросила ее:

— Ты так сильно любишь моего сына?

— Да, — ответила Имилце.

— И ты считаешь, что, кроме тебя, никто из женщин не любил и не любит так сильно своего супруга?

— Мне трудно говорить о том, что чувствуют другие женщины. Но я любила Ганнибала всегда!

— Судя по твоему тону, ты полагаешь, будто я ничего не смыслю в этом деле. Думаешь, ты единственная была влюблена в своего мужа?

— Нет, я не это хотела сказать...

— Когда мы впервые встретились, я не знала, как относиться к тебе, — произнесла Дидобал. — Ты не вызывала у меня доверия. Прости меня, но матери трудно видеть, как сын отдает свою любовь другой женщине. Мать всегда хочет оставаться первой: первой маткой, первым дыханием между зубов, первой беспричинной любовью...

Женщина медленно повернула голову, вытягивая густые локоны из рук Имилце. У нее были большие глаза, желтоватые белки, с сеткой вен, и темно-коричневые радужки, которые в этот момент выглядели почти черными.

— Надеюсь, ты понимаешь меня, — добавила она.

Дидобал снова повернулась, показав невестке свой профиль.

— Вот почему я принимала тебя настороженно и наблюдала за тобой. Конечно, все это постыдно. Стоило тебе что-то

сделать в Карфагене, как мне тут же докладывали об этом. Почему я так поступала? Потому что человек раскрывает себя не через слова, а через сумму поступков, совершенных за какое-то время. Мне хотелось знать, вошла ли ты в мой дом из-за богатств? Заботаешься ли о судьбе мужа? Уважаешь ли традиции его народа наедине с собой? Участвуешь ли в развлечениях, которые наш город предлагает знатым женщинам? Не жеманничаешь ли под взглядами влиятельных мужчин? Прости меня, но я беспокоилась о чести нашей семьи.

Имилце попыталась продолжить свою работу. Она вставила заколку, чтобы удержать уже заплетенные косы на месте, затем взяла гребень из слоновой кости и начала расчесывать оставшуюся копну верхних волос, спутанных предыдущей укладкой. Постепенно, пока Дидобал говорила, она замедлила движения и, наконец, замерла с гребнем в руке. Ее побелевшие пальцы сжались на инкрустированной жемчугом рукоятке. Откуда у ее свекрови такой набор вопросов, думала Имилце. Она не могла представить себе, какие ответы Дидобал получила в ходе своего расследования. Все это время за ней наблюдали! Теперь многое становилось понятным. Вот почему ее побег оказался неудачным. За ней все время следили...

— Гамилькара тоже было нелегко любить, — продолжила Дидобал. — Они с Ганнибалом одной и той же породы. Мы, женщины, живущие с таким огнем, благословенны и прокляты. И знаешь, у нас с тобой есть сходство. Во время войны с наемниками я не могла пережить разлуки с мужем и совершила поступок, от которого ты, с великой мудростью, отказалась. Когда мой супруг оттеснил наемников в пустыню, я поехала к нему. Мне довелось попасть в его лагерь через два дня после битвы под Малым Лептисом. Гамилькар победил, но я никогда не видела его таким — покрытым кровью и грязью, с покрасневшими глазами и шелушащейся кожей, как будто он побывал в огне. Я думала, он рассердится. Но Га-

милькар не сказал ни слова. Он набросился на меня, словно лев. Такого не было в наших прежних отношениях. Он взял меня, как шлюху. Муж вообще не разговаривал со мной, не выражал ни ласк, ни доброты ко мне. Он испачкал мое тело чужой кровью — красками войны.

Все казалось ужасным, Имилце. Но той ночью я подумала, что если во время кампании мой муж настолько груб, то я просто обязана быть с ним, чтобы вывести его из этого состояния. На следующее утро он взял меня за руку и повел к краю долины, где проходило сражение. Гамилькар показал мне поле боя и провел меня по высоким холмам из человеческих тел. Имилце, моли богов о том, чтобы никогда не увидеть подобного зрелища. Трупы лежали на жаре три дня. Раздувшиеся тела сотрясались и выпускали газы, словно жизнь по-прежнему обитала в них и проявлялась в спазматических движениях. Некоторые из трупов взрывались, будто в них кипела жидкость. Меня тошнило от чудовищных запахов. Прожорливые птицы, наглые, как демоны, затемняли небо. Стервятники с длинными шеями слетались со всех направлений.

Однако это было только начало. Я провела неделю рядом с мужем, в течение которой он заставлял меня наблюдать за казнями пленных. Они несколько дней распинали захваченных наемников. Кое-кого из воинов отпускали на волю, отрубив им руки. Некоторым отсекали ноги по лодыжки. Их бросали в пустыне на съедение гиенам. Иных ослепляли. Кому-то отрезали языки. Кого-то кастрировали или заталкивали в клетки к пойманным львам. Война оказалась страшнее всех моих ожиданий, а Гамилькар, мой супруг, вел себя как варвар. Я до сих пор вижу кошмарные сны с теми ужасными картинами. И сейчас, где-то на другом поле боя, все это снова повторяется. Наши возлюбленные становятся палачами или жертвами. Вот почему я решила больше не тревожить мужа. С тех пор я не вмешивалась в его дела. Мне

было ненавистно то, что он заставил меня увидеть. Наверное, я никогда не пойму, как такой благородный человек мог совершать подобные действия. Из-за этого я провела большую часть жизни вдаль от него. Моя любовь не угасала, но мне больше не хотелось оставаться рядом с ним на длительное время.

Не знаю, Имилце, поймешь ли ты мои слова, но я не советую тебе отправляться к мужу на войну. Не стремись понять его. Принимай супруга в мирные дни, когда он в твоих руках и смотрит на сына с любовью. Так будет лучше. Иначе, если ты узнаешь о войне слишком много, ты начнешь ненавидеть своего супруга. Мне бы не хотелось, чтобы ты разочаровалась в моем сыне.

— Такого никогда не случится, — прошептала Имилце.

— Тогда сохраняй свою неосведомленность. Пусть глупости мужчин останутся для тебя таинственной загадкой.

— Вы считаете, что они ничего не стоят?

— Ничего не стоят? — скривив губы, переспросила Дидобал. — Нет, я бы так не сказала. Мир растет на борьбе существ, обитающих в нем. Как пища питает тело силами, так и войны питают богов. Одно земное создание должно господствовать над другим. Я не хочу, чтобы нашу страну использовали, словно рабыню, поэтому ежедневно молюсь о победе сына. Что еще мы можем сделать? В день, когда эта война закончится, в каком-то месте начнется новая бойня. Ужасное правило, но так было всегда. И у нас нет причин думать, будто что-то изменится.

— Значит, мы никогда не сможем жить в мире?

— Да, пока не умрут боги, — сдержанно ответила Дидобал. — А мы обе знаем, что они бессмертны. Боги всегда найдут способ, чтобы заставить нас танцевать перед ними. Вот что означает рождение во плоти. Воистину, Имилце, я чувствую, что боги недовольны этой войной. Не знаю, что происходит, но беда надвигается на нас, как шторм, идущий с

севера. Небеса предрекают бурю. Давай помолимся за всех моих сыновей.

Дидобал опустила ладонь на запястье снохи. Имилце почувствовала, как пальцы женщины, украшенные множеством перстней, сжались на ее руке. Это давление вызвало в ее уме образ гиганта и маленькой девочки.

— Прости мою прежнюю хитрость, — сказала Дидобал. — Ты мне нравишься, дочка.

* * *

Публий вывел из Остии флот, перевозивший десять тысяч пехотинцев и тысячу кавалеристов — ту малость, которую Рим выделил ему на этот год. Едва солдаты ступили на твердый грунт в порту Эмпорий, он начал восстанавливать их силы, истощенные путешествием. Присоединив к своей армии уцелевшие остатки местных легионов, он покинул греческий город. Ему не хотелось искушать притомившихся воинов дешевыми соблазнами. Молодой консул разбил лагерь вблизи Таррако и приступил к сбору полезных сведений. Прежде он никогда не был так занят делами и не управлял таким количеством людей. Каждый момент дня и ночи бросал свой вызов, и ему приходилось нести полную ответственность за жизни солдат. Он знал, Рим слишком далеко, чтобы он мог полагаться на чье-то руководство. Отныне иберийская кампания возлагалась на него, и только он отвечал за будущие победы или поражения. Лишь постоянная активность не давала ему задуматься о шаткости его позиции и важности миссии, которую он выполняет.

За семь дней Публий направил приглашения всем племенным вождям, уже признавшим власть Рима, и даже некоторым из тех, кто пока поддерживал союз с Карфагеном. Прибывающие делегации выказывали различную степень энтузиазма. Многие приезжали с жалобами, а не с обещаниями —

с явной тревогой и скептическим отношением к такому молодому лидеру. Неужели у Рима не осталось опытных генералов? Почему к ним прислали мальчишку, у которого грудь едва поросла волосами? На что он рассчитывал там, где его отец и дядя потерпели неудачу, — особенно теперь, когда ситуация стала еще хуже? Корнелий и Гней были опытными командирами, с многолетним воинским стажем, с двумя армиями и силами союзников. Но их уничтожили. Теперь, после того как Магон Барка прибыл с пополнением, в Иберии действовали три карфагенские армии. Они прокатывались по стране, как грозовые облака, бросая молнии возмездия на прежних предателей. Ганнон приколотил вождя ваккеев к кресту и отправил пятьсот его юных соплеменниц в Новый Карфаген в качестве наложниц. Гасдрубал выжег дотла земли вдоль Тагуса от гор до самого моря, порабощая племена, уничтожая деревни, подчиняя их лидеров с презрительными плевками, на которые карфагенские генералы были большие мастера. Магон обложил южные племена новой данью. Он собирал огромную армию, похожую скорее на орду, и готовил ее для похода на Рим. Учитывая все эти обстоятельства, посланники племен просили Публия дать им гарантии, что новая римская армия не будет разбита и не сгинет со света, как их несчастные предшественники.

К своему удивлению, Публий довольно спокойно смотрел в эти настороженные глаза. Пока переводчики выслушивали сообщения вождей и передавали ему их суждения, он успел привыкнуть к иноземным лицам, одежде и поведению. Чем больше неуважения к нему демонстрировали иберийцы, тем тверже становился его подбородок, тем больше уверенности появлялось во взгляде, тем более плавными получались движения рук. Он не обещал им ничего конкретного, так как ни один человек не мог решать такие сложные вопросы. Но он планировал сражаться с карфагенянами так, как римляне раньше не сражались. Он напомнил вождям, что Сенат

никогда не пытался договориться с африканцам, поскольку его соплеменники понимали, что любая длительная война неизменно меняет свое направление. Да, до сих пор римляне часто ошибались, торопились там, где требовалось терпение, были честными, когда следовало хитрить, проявляли сдержанность, когда нужно было демонстрировать ярость. Во многих случаях они сражались неправильно. Даже его отец совершал ошибки. Но зачем их повторять?

Подобные речи вызывали разную реакцию, но при каждой новой встрече с племенными вождями Публий верил в свои слова все больше и больше. Он открывал в себе неведомые прежде черты дипломата и оратора. Однако время поджимало, и он не мог ждать милости вождей. Ни он, ни Лаэлий — всюду сопровождавший его как тень — не раскрывали своих планов, связанных с войной. Публий не доверял остальным офицерам. Его единственным компаньоном оставался верный друг. Только с ним он рассматривал варианты действий, карты Иберии и собранные данные. Они на четвереньках ползали по мраморному полу и обсуждали пути и подходы к врагу, начиная от самых явных и кончая более сложными. Они понимали, что им нужно нанести удар — чем раньше, тем лучше. Их армия не могла надеяться на пополнение из Италии. Судя по письмам из Рима, Ганнибал планировал нанести очередной удар, который еще больше усложнил бы их задачу. Они должны были завоевать доверие старых союзников и тем самым гарантировать себе возможность новых побед. Люди и народы охотно шли в компанию победителей.

Вот о чем думал Публий через два месяца после своего прибытия в Иберию. Раннее лето уже становилось сухим и знойным. Период любезностей с вождями подходил к концу. Публий чувствовал, что они начинали сомневаться в нем. Каждый проходящий день усиливал их колебания. Они как бы говорили: похоже, этот новый консул вообще не имеет какого-то плана действий. А истина заключалась в том, что он

засыпал и просыпался, ел, ходил и ездил верхом с необъяснимой верой. Он находился на грани откровения, которое могло стать ключом, открывающим Иберию. Но чтобы взять его в руки, ему требовалось понять, как добраться до этого ключа.

Войдя в кабинет, он застал Лаэлия лежащим на картах. Тот делал какие-то записи на пергаменте. Его тело закрывало круги, отмечавшие три карфагенские армии. Левая нога упиралась в лагерь Гасдрубала в устье Тагуса. Правая нога покоилась на Столбах Геркулеса, где обосновался Магон. Торс располагался в центре полуострова, где Ганнон проводил очередную боевую операцию. Однако самое важное место оставалось неприкрытым. Оно находилось в совершенно другом регионе. И Публий вдруг понял, насколько оно было изолированным, уязвимым и слабо защищенным.

— Все это время мы думали только о собаках, а не об овце, которую они охраняют, — сказал Публий. — Лаэлий, что ты видишь с высот своей позиции?

Лаэлий встал и осмотрел разложенные карты. Он начал повторять свои прежние аргументы — что лучше всего напасть на силы Ганнона, так как, если верить поступавшим сообщениям, он имел проблемы с примкнувшими к его армии кельтиберийскими отрядами.

— Мы могли бы переманить их к себе...

Публий коснулся его запястья.

— Послушай, друг, помнишь, как ты спас меня при Каннах? Ты посоветовал мне осмотреть поле боя с другой перспективы, чтобы я увидел направление взгляда моего врага. Прислушавшись к твоим словам, я уцелел в том сражении. Отныне ты должен поступать подобным образом каждый новый день, каждый момент, пока все это не закончится. Баркиды не сражаются как римляне. Они ведут себя иначе, чем обычные люди. Теперь посмотри на карты и скажи мне, где их слабое место? Что связывает карфагенские армии, но на-

ходится вдали от них — незащищенное и выставленное на показ?

Лаэлию потребовалось только одно мгновение, чтобы понять смысл его слов. Растерянность на лице помощника сменилась смутным пониманием. Затем уголок его рта приподнялся в усмешке.

Когда через две недели они направились на юг, их отряды перемещались с удвоенной скоростью. Лаэлий и несколько кораблей под его руководством скрытно двигались вдоль берега. Разделившись на мелкие отряды, кавалерия прочесывала местность и убивала каждого, кто мог выдать их маневры. Публий рассказал о цели похода только нескольким избранным офицерам, а их было не больше, чем пальцев на одной руке. Он так настаивал на секретности, что сообщал двадцати тысячам воинов лишь те сведения, которые им следовало знать на текущий день. Для дальнейших побед в Иберии ему требовался успех в самом первом деле. Он ничего не оставлял на случай и поэтому ежедневно общался с людьми. Во время похода Публий скакал рядом с солдатами и поднимал их боевой дух. Все должно перемениться, говорил он им. Сами боги подсказали ему это. Их армия в Иберии больше не будет участвовать в мелких стычках. И они не будут сражаться без ощутимой выгоды. Они никогда не станут делить свои силы и полагаться на верность иберийцев. Их легион будет наносить решительные и выверенные по времени атаки. Скрывая свои маневры, они не позволят Баркидам раскрыть их действия вплоть до момента нападения. Да, Ганнибал уже переписал многие правила войны, но теперь пришла их очередь. Они возьмут перо из его рук и допишут свое окончание истории.

Его армия обошла Акра-Лееку на большом расстоянии, переправилась вброд через реку Сегуру и добралась до мыса Пал. Миновало семь дней, однако многие воины изумились, ког-

да увидели очертания города. Никто из них не верил, что это место и было целью их похода. Они тщетно искали какое-то другое объяснение тому, что их маршрут пролегал так близко к карфагенской столице в Иберии. Многие солдаты опустились на землю, чтобы обдумать безумный план, приведший их в пасть к врагу. Они поняли, что консул решил напасть на Новый Карфаген.

Их появление застало местных жителей врасплох. Сонные пастухи поднимались из травы не более чем в броске копья от передовых отрядов. Взглянув на отряды, они поняли, что видят перед собой римскую армию. Многие из них попытались убежать, но пали замертво от метких дротиков кавалерии. Рабы, прекратив работу, смотрели на римлян с ближайших полей. Вскоре на дозорной башне взревела огромная труба. Горожане бросились к воротам, как кролики к норе. Перед тем как большие створки захлопнулись, шесть всадников помчались из города в разных направлениях, унося предупреждения Баркидам. Это были гонцы. По указанию Публия за ними погнались патрульные отряды.

— Догнать и убить, — приказал проконсул. — Никто не должен ускользнуть.

Тем же вечером, разбив палаточный лагерь у основания перешейка, Публий обратился к собравшимся отрядам.

— Город за моей спиной — это величайший монумент карфагенской власти в Иберии, — сказал он. — Из него в Африку переправляются богатства всего континента. В нем собрана огромная добыча его удаленных хозяев. Нас ждут сокровищницы, доверху набитые серебром, янтарем и золотом, склады с оружием и осадными механизмами, кузницы с железной рудой и огромными горнами, где создаются орудия войны. Там в городе нас ждут дворцы со слугами и фонтанами, которые в праздничные дни наполняются вином. Мы вскоре увидим храмы, где африканцы совершают жертвоприношения своим темным богам. Мы прогуляемся по див-

ному лесу с экзотическими животными, привезенными из Африки. Стены города будут защищать многие тысячи людей, но это торговцы и моряки, аристократы, жрецы и чиновники, иберийские пленные, рабы, старики и молодежь. Они не солдаты. И когда мы победим их, нам достанется великое множество женщин. Разве Гасдрубал не похвалялся тем, что держит при своем дворе тысячу красавиц?

Две последние фразы Публий произнес для украшения речи, но, порадовавшись произведенному эффекту, он заговорил с еще большим энтузиазмом.

— Вот что ждет вас в этом городе! А кто защищает его? По моим сведениям, там меньше тысячи солдат. Да, меньше тысячи! Возможно, вы удивитесь этому, но поставьте себя на их место. Они не ожидали, что мы направимся сюда. Африканцы настолько уверовали в свое превосходство в этом регионе — они так долго сеяли здесь разрушение, — что перестали замечать свою уязвимость. Они похожи на Ахиллеса, который, имея лишь единственное слабое место, пал от стрелы врага, попавшей именно туда. Где была его мудрость? Почему он не придумал железную защиту, которая прикрыла бы его? Ведь она сделала бы его абсолютно непобедимым! Но нам нужно учесть один фактор. Мы не одни в наших битвах на земле. Армии смертных людей сражаются на малой сцене, за которой наблюдают боги, а они никогда не позволяют одному народу быть идеальным во всем. Я верю, что Аполлон предложил нам этот город в дар. Только не говорите мне, что я ошибаюсь. Только не говорите мне, что вы не хотите отобедать в залах Баркидов!

Позже Лаэлий сказал командиру, что тот развил впечатляющий талант оратора. Услышав его похвалу, Публий улыбнулся и ответил, что Лаэлий тоже развивает впечатляющий талант — делать из мухи слона. Они два дня обсуждали план осады, перемещали отряды и производили разведку местности. Особое внимание уделялось внешней бухте, рифам на

мелководье, а также приливам и отливам во внутренней гавани. Весь второй день консула сопровождал рыбак, который долго прожил в Новом Карфагене. Недавно он был обижен важными людьми и разорен до нитки. Этот мужчина ненавидел город и в то же время знал подробности, которые так сильно интересовали Публия.

Атака началась на четвертое утро, и в ней, на первый взгляд, ничего особенного не было. Дождавшись рассвета, легионеры нагрузились высокими лестницами и направились на перешеек. Они шли вперед под фланговым прикрытием лучников. Залпы стрел с горящими наконечниками посылались далеко за стены на крыши домов. Из городских ворот появился небольшой отряд, но, оценив численность атакующих противников, солдаты карфагенского гарнизона быстро оттянулись назад. Публий шагал в передних рядах, прикрытый щитами трех оруженосцев. С бесстрашным видом он подгонял солдат, напоминал им о долге и распалаял их жажду мести. «Соотечественники, — кричал он легионерам, — в этом городе Ганнибал превратился в мужчину. Здесь он планировал уничтожение Республики, бесчестие римских женщин и победу над их родиной. В этих стенах он мечтал превратить их в своих рабов!»

Горожане Нового Карфагена не собирались сдаваться. Почти все население решило поддержать небольшой гарнизон. Местные жители бросали на лестницы длинные бревна, которые сметали поднимавшихся легионеров. Они швыряли камни размером с голову — достаточно тяжелые, чтобы корезить шлемы, лишать солдат сознания, ломать пальцы, выбивать плечевые и локтевые суставы. Многие раненые легионеры цеплялись за перекладины одной рукой и кричали от боли, не в силах ни подняться, ни спуститься вниз на землю. Гладкие стены во многих местах были слишком высокими для лестниц. Часто римские солдаты понимали это, только стоя на верхних ступенях. Другие лестницы ломались под

весом атакующих воинов и падали, обращаясь в хаос деревянных кусков и человеческих тел.

Яростная оборона Нового Карфагена остудила пыл легионеров. Если бы не присутствие проконсула, римские солдаты отказались бы от своих намерений. Лишь некоторые из них верили, что город можно было завоевать подобным образом. Но план молодого командира оказался иным. Ни защитники города, ни нападавшие воины не знали, что с началом лобовой атаки несколько транспортных кораблей под командованием Лаэлия вошли во внутреннюю гавань. Судна максимально приблизились к нагромождению из скал и кораллов, которое отделяло бухту от открытого моря. Корабли покачивались над голубой бездной, однако прямо у бортов люди видели камни и дно, по которым они могли бы дойти до берега. Глубина на мелководье не превышала роста человека. Лаэлий прокричал приказ, но какое-то время солдаты не понимали, о чем их просили. За пару часов до этого им сказали, что они первыми войдут в осажденный город. Так почему их гнали в воду?

Когда корабли начали притираться к мели, капитаны добавили свои голоса к призывам Лаэлия и быстро смели солдат с широких палуб, так как скалы угрожали пробить днища и в одно мгновение утопить всех пассажиров. Только немногие из воинов умели плавать, поэтому остальным пришлось проявить немало мужества, чтобы прыгнуть за борт в тяжелой броне, погрузиться в воду между застывшими веслами и добраться до выступавших рифов. Они молотили руками по воде и вытягивали шеи. Кое-кто впал в панику, бросил оружие и принялся цепляться за ноги товарищей. Двум воинам не повезло: при качке корабля они выбрали неправильный момент для прыжка и не достигли мели. Их тела постепенно исчезли в глубине, проглоченные ровной синью. Дюжине воинов померещились челюсти какого-то морского зверя, поднявшегося из глубин и пожелавшего схватить их за ноги. Многие

солдаты позже говорили, что самой трудной частью дня был первый час ожидания.

Чуть позже солдатам передали с кораблей длинные лестницы. Встревоженные воины недоумевали. Они не понимали смысла своей миссии. Офицеры ничего не говорили им. Отряд находился вдали от города. Его стены возвышались на некотором расстоянии за длинной полосой воды, слишком глубокой, чтобы ее можно было перейти вброд. Один из легионеров прошептал, что Публий загнал их сюда для подношения Посейдону. Он просто пошутил, но никто из солдат, услышавших его, не рассмеялся.

Когда ветер сменился, многим показалось, что в дело вступила божественная сила. Хлесткие порывы зефира швыряли соленые брызги в лица солдат, заставляя их отворачиваться и закрывать глаза. Прищурив веки, они бросали короткие взгляды на гавань и почти не верили тому, что происходило вокруг них. Начинался отлив. Он был настолько сильным, что им приходилось пригибаться, чтобы удерживать равновесие. Из-под воды появлялись скалы и округлые головы кораллов, украшенные полупрозрачными водорослями. Вскоре обнаженные полосы песка, блестящие на солнце, показали солдатам путь к городу — проход, испятнанный лужами, в которых кишели крабы и мелкая рыба. Люди двинулись вперед, поскользываясь в тине и падая — поначалу неуверенные в себе, но с каждым шагом убеждаясь в эффективности обходного маневра.

Лаэлий первым взобрался по лестнице на стену. Какое-то время он стоял и осматривал город. Им никто не противостоял. Их даже еще не заметили. Легионеры карабкались следом за ним. Они уже все поняли. Солдаты двигались в свирепом азарте, с жаждой мести, которую не чувствовали мгновением ранее.

Через час залитый кровью город был захвачен римской армией.

* * *

Шпионы информировали Ганнибала обо всех событиях, происходивших в залах Рима. Их донесения запаздывали на несколько недель, однако он был в курсе того, что римляне избрали новых консулов — Тиберия Гракха и Клавдия Марцелла. Марцелл считался опытным воином. Его уважали за неизменную точку зрения на военную стратегию. Многие называли Клавдия лучшим офицером в войне с африканцами. Однако Фабий Максим, получив еще большую власть после того, как его философия уклонения оказалась частично оправданной, не соглашался с данным выбором. Он укорял народ в ошибке и пытался очернить Марцелла. В своей доброте Фабий даже соглашался лично занять его место, чтобы вновь продолжить разумную тактику сохранения и защиты населения.

Он и составил план действий на следующий год. Легионами командовали генералы Тиберий Гракх, Клавдий Марцелл, Квин Криспин, Ливий Салинатор и Клавдий Нерон. Сенат удвоил военный налог и объявил призыв рекрутов. За несколько лет Рим планировал создать двадцать пять легионов. Римские лидеры пытались сделать воином каждого доступного мужчину. Они отговаривали подростков от игр в бабки и предлагали им вместо этого мечи и щиты. Возраст для призыва в армию снизился до семнадцати лет, но в новые легионы принимали и более юных. Город выкупил восемь тысяч рабов у прежних владельцев и определил их в публичное пользование. Людей вооружили и отправили на учебные полигоны. Из храмов и частных домов реквизировалось сувенирное и инкрустированное оружие прошлых войн. Эти украшения возвращались к первоначальному употреблению. Ничто в Риме уже не было прежним, рапортовали шпионы. Канны в один день изменили быт города.

Ганнибал слушал новости со смесью гордости и озабоченности. Он представлял себе восхищение отца, если бы тот узнал, что победа его сына заставила римлян дрожать. Такой и была его цель. С другой стороны, он не мог не удивляться стратегии Рима. Ганнибал надеялся, что они перейдут к переговорам или будут уклоняться от битв, как при Фабие. Но, к его изумлению, они начали собирать еще одну огромную армию. В принципе, он приветствовал этот вариант, однако его смущало, что римляне так быстро готовили солдат. Они намечали выставить против него сто двадцать пять тысяч новых воинов, взятых буквально из ниоткуда. Если им удастся выполнить свой план, то победы над их легионами окажутся не столь эффективными, как ему казалось ранее.

Откуда у них столько денег? Ганнибал не сомневался, что смерть десятков тысяч граждан значительно урезала богатства Рима. Уничтожение полей, припасов и ферм ставило меньшие народы на колени. Семьи без отцов и мужей не могли поддерживать сельское хозяйство. Их повседневная жизнь становилась жалкой. Ему докладывали, что бремя налогов, возложенное на римских союзников, выросло едва ли не вдвое, но они по каким-то непонятным причинам даже не думали о мятеже. Несмотря на сомнения, посещавшие его при каждом пробуждении, Ганнибал считал, что он был прав в своих действиях, предпринятых после битвы у Канн. Упорство римлян доказывало, что они не сдали бы город, если бы он атаковал его.

Когда начался новый год, карфагенским генералам потребовались некоторые усилия, чтобы увести солдат из щедрой Капуи. Ганнибал посулил им великие дела. Он выделил Бомилькару десять тысяч воинов и отправил его патрулировать южные города, набирая отряды наемников и укрепляя карфагенское влияние в данном регионе. Затем командир повернул армию на запад и двинулся в Кампанию, где хотел усилить их присутствие и переманить на свою сторону другие

богатые города. Главной целью он избрал Неаполь. Отступничество такого важного союзника Рима могло привести к договорным отношениям с остальными городами побережья. Кроме того, Неаполь имел красивую и хорошо расположенную гавань, которая весьма пригодилась бы для переброски подкреплений из Карфагена. Он подошел к городу с внушительной армией ветеранов, но вместо осады предложил неаполитанцам мир на честных условиях. Зачем нам сражаться, вопрошал он в послании к городу. Ведь истина заключается в том, что мы имеем общего врага. Это Рим! И Ганнибал хотел доказать жителям Неаполя, что его действия ничем не опровергали подобных суждений. Разве он когда-нибудь напал на город, который по-дружески приветствовал его? Разве он не щадил союзников Рима, взятых в плен, и не отпускал их на свободу? И разве римляне проявляли к ним такую мягкость, которую демонстрировал Карфаген?

Неаполитанцы в своей гордыне не склонили головы и не прислушались к его вопросам. Их кавалерия атаковала армию Ганнибала. Какой глупый ход! Махарбал устроил им засаду, разбил их наголову и в один день уничтожил несколько тысяч солдат. Однако когда карфагенская армия подошла к городу, ворота Неаполя оказались закрытыми. Башни и стены оцетинились копьями и стрелами оборонявшихся горожан. Они как будто не слышали послов, говоривших им о мире. Они бросали вниз камни, бревна и даже мешки с гнилой рыбой.

Дабы наказать столь высокомерную воинственность, Монамах предложил провести тотальную осаду города с последующим показательным истреблением всего населения. Ганнибал отклонил этот вариант и сказал, что, взяв Неаполь силой, они не завоюют любви народа. Наоборот, это только восстановит жителей против них. Пусть лучше поработает время. Пусть неаполитанцы проникнутся смыслом Канн. Похоже, в пылу смятения они еще не усвоили новый поря-

док вещей. И, кроме всего прочего, карфагенская армия не имела осадных орудий.

Мономах возразил, что такие механизмы можно было быстро построить. Адгербал по-прежнему находился вместе с ними и маялся от безделья, не зная, к чему приложить свои руки. За несколько недель они могли бы разбить стены Неаполя в крошево. Однако его аргументы не убедили командира. Ганнибал напомнил, что они контролировали большую часть Италии с помощью постоянных перемещений. Начав осаду, их отряды превратились бы в неподвижную мишень. Командир приказал отойти от Неаполя и атаковать ПUTEОЛЫ. Карфагенская армия без труда захватила почти весь город, но ей не удалось взять порт — главную цель Ганнибала. Он послал Мономаха в карательный рейд с приказом опустошить всю территорию вокруг Неаполя. Затем он торопливо направился к Ноле, где, по слухам, население могло принять его войска по-дружески и мирно.

По пути он узнал, что проконсул Клавдий Марцелл уже обосновался в этом городе. Ганнибал слышал о Клавдии много лестных отзывов, хотя сам встречался с ним впервые. В ранге младшего офицера Марцелл сражался против Гамилькара в Иберии. Позже он возглавлял поход на галлов. Его успехи, как и у каждого любимца судьбы, не всегда были одинаково значительными, но он зарекомендовал себя упорным и достаточно сильным военачальником. Подобно Фабью, он не был дураком, но, в отличие от него, склонялся к решительным действиям. Ганнибал понял это на собственном опыте.

Несмотря на римский гарнизон, расквартированный в городе, жителям Нолы удалось направить к Ганнибалу гонцов с предложением о возможной поддержке. Лидер делегации Гримул имел свой план. Если римская армия или хотя бы ее часть соблазнится битвой, говорил он Ганнибалу, то горожане закроют ворота за их спинами. Прижатые к стенам солда-

ты останутся без припасов и подкрепления. Их можно будет без труда перебить пращами и стрелами. План отличался простотой и подлостью, которой римляне никогда не проявляли. Стоявший рядом с командиром Гримул — узкоплечий мужчина, с глазами, прятавшимися под шишковатыми выступами бровей, — уже мечтал о повороте судьбы, который ему сулила ситуация. Ганнибалу не нравились люди, так охотно предававшие свой город, но план был неплох.

Через несколько дней после сговора с Гримулом Ганнибал собрал армию перед городом и предложил Марцеллу битву. Он построил солдат в боевые шеренги и объявил звуком труб, что ждет, когда римляне выведут свои легионы. Это был традиционный жест, довольно часто соблазнявший амбициозных генералов на необдуманные действия. Тем не менее ворота города оставались закрытыми, как поджатые губы ребенка, боявшегося выдать секрет. Легионеры прохлаждались на стенах и башнях, поглядывали вниз и не желали сражаться.

Прошло еще двое суток. Утром третьего дня Ганнибал решил дожать ситуацию и побудить ленивых римлян к каким-нибудь действиям. Он приказал Мономаху начать штурм стен под прикрытием легких отрядов. Балеарские пращники восприняли это задание как спортивное мероприятие. Сняв пращи с головных повязок, они приготовили кучки камней. Их снаряды были большими и тяжелыми, однако балеарцы знали свое дело. Они выбирали для себя индивидуальные цели, затем раскручивали пращи и выпускали камни в воздух — с такой силой и быстротой, словно стреляли из катапульт. Вся карфагенская армия следила за тем, как они сбивали защитников со стен. Солдаты кричали, шутили, свистели и аплодировали пращникам.

Под их прикрытием Момах повел свой отряд к воротам. Он шел с мечом наперевес — чисто символический жест, поскольку врагов перед ним не было. Его солдаты несли наспех сколоченные лестницы — небольшие, но вполне пригодные

для низких стен города. Воины защищали головы не только шлемами, но и тяжелыми щитами. Они были готовы к тому, что на них посыплется град камней.

Как только первые лестницы коснулись стен, городские ворота вдруг начали открываться. В какой-то момент створки застряли, словно натолкнулись на камни. Все взгляды обратились к ним. Все действия прекратились. Солдаты, стоявшие перед воротами, почти не имели времени, чтобы понять смысл происходящего. Через миг ворота распахнулись от толчков сотен рук, и из города хлынула многотысячная лавина воинов. Римляне бежали с такими громкими криками, что даже лошади в обозе карфагенской армии испугались их рева. Солдаты выставили на бегу щиты. Их передняя линия вонзилась в ряды удивленных африканцев. Многие карфагеняне были сбиты с ног, а затем искромсаны мечами. За авангардом легионеров появились велиты. Они прикрывали пехоту градом дротиков и копий. Некоторые снаряды, брошенные по высоким дугам, падали позади отрядов Мономаха.

Среди африканцев началась паника. Люди бросились в бегство. Они спотыкались и падали на землю, теряя оружие. Но генерал и верные ему солдаты держали позицию и принуждали остальных идти на врага. Лицо Мономаха походило на древнюю маску — рот открыт, глаза сверкали в черных тенях под шлемом и бровями. Он не отдавал никаких приказов. Он молча примкнул к сражению, и так заметно, что другие ветераны тоже вспомнили о чести и своем умении.

Да и сам Ганнибал не медлил с ответом. Оценив ситуацию, он прокричал несколько быстрых указаний. Сообщение было передано через сигналы труб, и благодаря этому у солдат поднялось настроение. Командир обращался к ним. Им не следовало бояться сражения. Они здесь находились именно для битвы. Ганнибал произвел перестановку отрядов. Он надеялся, что горожане выполнят данное ему обещание. Но внезапно открылись боковые ворота, и из них излились два потока

кавалерии. Многие из всадников везли за спинами велитов. Они ссадили копейщиков вблизи сражения и, перейдя в галоп, нанесли удар по флангу карфагенской армии. Этот маневр изменил баланс сил. Ганнибал с трудом удержал отряды от панического бегства.

Сражение закончилось через два часа. Только позже кусочки головоломки сложились вместе. Как оказалось, Марцелл узнал о плане заговорщиков, арестовал их и придумал собственную схему битвы. «Воины» на стенах не были солдатами. Их роль исполняли раненые легионеры, старики, подростки допризывного возраста и даже женщины, переодетые в мужскую одежду. В сражении участвовал каждый горожанин, способный держать в руках оружие. Громкие крики при первом открытии ворот производились всеми жителями Нолы. По замыслу Марцелла, шум должен был создать впечатление, что в городе находилось огромное количество воинов. В принципе, этот трюк удался. Марцелл оставил лучшие отряды у боковых ворот. Напав на фланги карфагенской армии, конница нанесла серьезный урон и добилась быстрой победы.

В качестве последнего жеста Марцелл по окончании битвы вывесил на городской стене несколько тел — ужасное украшение, впечатлившее всех, кто его видел. Гримул, стоявший неподалеку от генерала, издал тихий стон. В линии из пятидесяти повешенных мятежников оставалась единственная брешь, и он понимал, для кого она предназначалась.

Впервые за войну Ганнибала обманули и побили в сражении. Он прошептал Джемелу, что чувствует себя мальчишкой, которого выпороли розгами. Ему пришлось признать, что битва была мастерски организована. Марцелл действительно оказался мудрым военачальником, который полагался на ум, а не на Фортуны. Ворота вновь закрылись за легионерами. Их командир наслаждался успехом под защитой каменных стен. Он не стал провоцировать противника, ис-

кушая судьбу второй раз. Отдав ему должное, Ганнибал направился к новой цели. Перед ним лежала вся Италия. Зачем было тратить время на какой-то упрямый город? Имелись и другие. Много других!

Выделяясь среди латинских городов, как яркий драгоценный камень, Казилинум располагался на узком мысе в изгибе реки Волтурн. С трех сторон его окружала вода. Здесь тоже велись разговоры о разрыве с Римом. Фактически целая фракция городского совета отстаивала эту позицию публично. Немного поспешив с выражением мнения, они были схвачены конкурирующей партией и казнены за предательство. Вот почему, когда Ганнибал приблизился к городу, он снова нашел ворота закрытыми. На этот раз командир не чувствовал благожелательности к горожанам. И здесь не нашлось еще одного Марцелла, который мог бы противостоять ему. Как только предложение о переговорах было отвергнуто, он приказал Исалке — гетулийцу из южной Массилии, недавно возведенному в ранг капитана, — напасть на город. Отважные защитники отбили атаку, взяв большую пошлину африканской крови. Тогда Ганнибал и Махарбал попытались проникнуть в город с помощью подкупа отдельных горожан, но отряды разведчиков попали в заранее расставленные ловушки и потеряли сотни всадников и лошадей.

Вечером, когда Мономах принес ему эту новость, Ганнибал сидел за раскладным столом, установленном на холме неподалеку от города, с панорамным видом на весь край, простиравшийся перед ним. Зрелище было неописуемо красивым. Трава, высохшая под солнцем в середине лета, покрывала страну светло-желтым одеялом, будто бы сплетенным из белокурых волос галлов. На ее фоне выделялись темно-зеленые роци и серые скалы, создававшие пятнистые узоры на местности. Над землей роились насекомые. Их серебристые крылья искрились, словно металлические диски, запущенные в беспокойные облака на синем небе. Ганнибал по-

слал нескольких вестовых с заданием поймать десяток насекомых и принести их ему. Командиру пришлось повторить свое странное требование несколько раз, прежде чем солдаты поняли его.

Хотя Ганнибал не хотел признаваться в этом даже самому себе, он чувствовал приступ вернувшейся меланхолии. Его руки и ноги налились тяжестью. Мысли двигались более медленно и все чаще цеплялись за воспоминания о прошлых событиях вместо активного планирования будущих побед. Осматривая земли чужого народа, он удивлялся тому, какой смутной стала его память о родине. Командир пытался представить себе плантации к югу от Карфагена; пустыню, ведущую в страну нумидийцев; холмы Гетулии, которые он видел в юности во время путешествия в Иберию — они с отцом проехали тогда почти через всю Северную Африку. Эти сцены по-прежнему жили в нем, но их трудно было вызвать в памяти. Они тускнели и исчезали, смешиваясь с образами дикой Иберии, горных пиренейских пастбищ и альпийских озер, которые встречались им в горах. Ни одна сцена из пыльного архива воспоминаний не задерживалась долго, как будто реальных ландшафтов вообще не существовало, а имелись лишь воображаемые части разных стран, куски которых стыковались друг с другом странным образом. Он внезапно подумал о братьях, о своей тоске по ним, об их письмах. Ганнибал знал, что Ганнон вырвался из плена и что они с Магоном наводили порядок в Иберии, пока Гасдрубал пытался сохранить их владения. К сожалению, его информация была разношерстной и поверхностной. Она создавала больше вопросов, чем ответов.

Мономах подошел к нему, но не посмел мешать его раздумьям. Он просто встал слева, в пустом пространстве, порожденном слепым глазом командира. Ганнибал вспомнил, как однажды отец рассказал ему, что Мономах, впервые появившись в армии, походил на бешеного волка. Генералы по-

тратили много сил, чтобы сделать из него солдата. Мономах пришлось приручать, как животное, чтобы хоть немного управлять его жестокостью. А Махарбал недавно сообщил, что Мономах поклялся не проводить ни дня без убийства человека. Ганнибал не проверял истинность этого заявления, но у него не было повода сомневаться в нем.

— Что-нибудь придумал? — спросил командир.

— Нам не нужно уходить отсюда, не насытив кровью наши мечи, — сказал Мономах. — В противном случае мы будем выглядеть глупцами. Если бы я командовал армией, то уничтожил бы этот город.

— Ты не командуешь армией. Говори о том, что можешь сделать, а не о радужных мечтаниях.

— Как воин я дам тебе совет, — проворчал генерал мрачным голосом. — Отдай их детей Молоху. Бог голоден. Мы не чувствуем его, как следует.

— Мне не нужно убийство горожан, — ответил Ганнибал. — В мертвом виде они бесполезны. Все, что мы сделаем здесь, ославит нас перед другими.

— Кровь может и прославить.

Ганнибал преодолел желание повернуть голову и посмотреть на человека здоровым глазом. В расположении собеседника был какой-то стратегический маневр, что-то уничтожавшее возможность ответа. Он знал, что Мономаху нравится оставаться в загадочной тени.

— Хорошо, я даю тебе разрешение, — сказал он. — Приступай к осаде. Блокируй их со всех сторон. Мори голодом. Бросай гниющие трупы в верховье реки. Строй механизмы, которые понадобятся тебе. Делай, что хочешь, но этот город должен стать нашим.

Мономах ничего не сказал. Он даже не кивнул и не скривил губы в усмешке. Однако Ганнибал знал, что генерал был доволен. Он никогда не встречал в своей жизни человека, столь одержимого кровопролитием. Этот воин грыз кость вой-

ны, как никто другой. Он действительно походил на волка, подумал Ганнибал. Командир наконец повернулся, чтобы рассмотреть Мономаха. Нет, его отец ошибался. Таких существ нельзя приручить.

* * *

Имко Вака пребывал в смущении. После Канн в его уме царил хаос, и по прошествии месяцев порядок в мыслях так и не появился. В какой-то части его сознания тот памятный день резни не прекращался никогда. Звон мечей по-прежнему звучал за его левым ухом, а память постоянно возвращала на поле боя, где Вака все еще шагал по телам, отбивая удары и нанося разящие выпады. В своих снах он плыл по морю трупов, с трудом протискиваясь между торсов, рук и ног. Казалось, что он не сможет закончить эту битву, забыть ее, увидеть мир без крови, вздохнуть без отвращения к зловонным запахам, которые навсегда прилипли к волоскам в его ноздрях. Но почему такой день переплетался с его воспоминаниями о существе небесной красоты?

Он ежедневно грезил о лагерной обознице. Теперь она казалась менее реальной и более похожей на существо из грез, на нимфу или богиню, которая вытащила его из кучи гниющего мяса и вернула к жизни. С тех пор, как Имко очнулся, он больше не видел ее. Ни одной весточки о ней, ни одного слова. Ему оставалось лишь шептать молитвы в ее честь. Он называл ее Пикеной — в честь той речушки, у которой впервые встретил ее. При каждом приеме пищи он делал подношение богам — горсть каши, глоток воды или вина. Он умолял небожителей вернуть ему девушку или дать какое-то удовлетворительное объяснение. Имко так истомился, что стал задумываться о других путях жизни. Что, если он бросит армию и отправится на поиски Пикены? Он не был бедным человеком. Он сумел проявить себя, и его семья в дале-

кой Африке процветала! Но сейчас ему требовалась иная награда за свои усилия. Вот если бы он мог найти Пикену и убедить ее остаться с ним, чтобы вести простое и обычное существование: возделывать поля, разводить животных, спать в теплой постели и наслаждаться божественным сексом... Ему чудилось поле под белым солнцем и она под навесом, с соломинкой в волосах. Вот она готовит ужин, а вот он в конце дня между ее ног. Какое идеальное соответствие. Грудь Пикены, сжатая его пальцами... Имко едва не сходил с ума, думая об этом, — даже когда его окружали люди. Он боялся, что они каким-то образом узнают о его тайных мыслях и осквернят их своими злыми шутками. Он старался не думать о ней, но такой запрет еще больше усиливал его тоску.

Девочка из Сагунтума находила его поведение забавным.

— Вряд ли ты доберешься до ее задницы, — раз за разом повторяла она.

Призрак уже не исчезал. Девочка была рядом с ним даже в самые интимные моменты. Когда при мыслях о Пикене его рука поглаживала член, он слышал ее хихиканье и насмешки. Что там у него чешется, спрашивала она. Неужели скорпион ужалил его в пенис, и поэтому тот так распух? Недавно Имко понял, что никто другой не видит и не слышит девочку. Это немного приободрило его. Он пытался не обращать на нее внимания, но призрак был не только язвительным, но и неотвязным.

Впрочем, муки, навлекаемые на него обеими женщинами, были лишь частью его повседневных бед. Он находился в постоянном движении, словно его подгоняла какая-то невидимая рука. Численность отряда сокращалась и пополнялась со странной ритмичностью. Ему говорили, что их армия насчитывала свыше сорока тысяч пехотинцев. Однако сюда входили рекруты из Самния и Капуи — родственники тех, кого они убивали годом раньше. Естественно, им никто не до-

верял. Довольно странная компания, с их латинскими обычаями, абсурдным языком и глупыми суевериями.

Ему потребовался один беглый взгляд, и он убедился, что находится среди подлых людей. Армия стала абсолютно другой — не такой, какой она была в первые годы войны. Вспоминая тот период, он всегда погружался в глубокую ностальгию. Что случилось с парнем по имени Джанто, который часто похлопывал его по спине и называл героем Арбокалы? Он исчез после Требии — наверное, погиб, хотя никто не мог подтвердить его смерть. А что стало с чудачком по прозвищу Мышь? Он изредка терял поводья разума и вел себя, как сумасшедший. Но кто из них был нормальным? Этот воин носил в мешке любимого зверька, из-за которого он и получил свое прозвище. Парень кормил мышонка с розовым носом своими харчами и часто разговаривал с ним. Пустоголовый балбес, но он нравился Имко. Говорили, что он погиб под Тразименом. Копье попало ему в горло, и Мышь принял медленную смерть, извиваясь в грязи от агонии. А еще был добрый повар, который часто подкармливал Имко, говоря, что дополнительный паек нужен ему больше, чем другим. И где теперь найти такого друга, как ливиец Ориссун? Он имел длинный пенис, морщинистый, словно у скакуна, и когда Ориссун приподымал край туники, все видели его «дубинку», качавшуюся прямо у колен. Сейчас все эти люди жили в краю мертвых. Глядя на них через дымку воспоминаний, Имко удивлялся их странностям и слабостям. Но они были лучше тех мерзавцев, которые окружали его теперь, с их латинскими обычаями и нелепой одеждой.

Потери первоначального состава армии способствовали не только его меланхолии, но и карьере. Каждый новый день сулил ему все более высокие посты и звания. Бомилькар не забыл о нем после Канн. Ему потребовалась неделя, чтобы найти Ваку: когда Имко докладывал капитану о состоянии

дел во вверенном ему подразделении, гигант заметил его. Он подошел к нему во время ужина. Имко в тот момент толкался у котла с тушеной говядиной. Едва понюхав дымящуюся и горячую пищу, Вака понял, что гарнир будет безвкусным, а мясо вязким, без соли и приправ. Блюдо, которое некоторые солдаты считали божественным, на самом деле было приготовлено ужасно примитивно. В те дни после сражения у него болел каждый дюйм тела. Вот почему он застонал, когда генерал хлопнул его по плечам массивными руками. Казалось, что гигантский орел впился клювом в его плоть, желая поднять и унести в свое гнездо. А в следующий миг Имко показалось, что в его гениталии вцепилась гиена. Горячее варево вылилось из миски. Он взвыл от резкой боли, и за это Бомилькар назвал его Имко Нытиком.

За храбрость при Каннах генерал назначил Имко капитаном и дал пятьсот человек под его командование. Бомилькар велел ему идти кружным путем на юг, пока он со своими десятью тысячами удерживал нижние подступы к полуострову. Имко пытался отказаться от чина, но Бомилькар встречал его доводы смехом, словно это были шутки. Похоже, он слышал только то, что хотел, и по какой-то причине всегда выставлял Ваку глупым дурачком в глазах других людей. Оставалось только удивляться тому, что солдаты беспрекословно выполняли приказы Имко. Несмотря на свои сомнения, он знал, как выглядеть авторитетным командиром. Когда он произносил команды, слова сами слетали с его уст. Он мастерски вел отряды маршем и с удивительной точностью мог оценивать различные дистанции.

Впервые вкус к управлению отрядом он почувствовал в сражении близ Беневента. Они встретились на поле боя с легионом Тиберия Гракха. Битва оказалась очень тяжелой, поскольку армия Гракха состояла из рабов и должников, которым в обмен на победу обещали свободу. Им приказали откупиться головами людей, которых они убьют. И римляне

бились с большим успехом. Бомилькар признал поражение и быстро отвел войска назад, даже не став снимать лагерь. Каким бы смелым и мощным он ни выглядел, его нельзя было сравнить с Ганнибалом или с Магоном. В ту пору у Имко появилась уверенность, что римляне сражались только там, где не было Ганнибала.

Вот почему он вздохнул с облегчением, когда поздним летом у Тарента их встретил сам командир. Ганнибалу отчаянно хотелось сделать этот город своим союзником. Тарент имел замечательный порт и защищенную внутреннюю гавань. Кроме того, спартанские корни обеспечили ему лидирующую позицию среди греческих городов южной Италии. Став капитаном, Имко часто присутствовал на советах в палатке Ганнибала. Он слушал его рассуждения о бесценном Таренте и с близкого расстояния наблюдал за лицом и манерами их лидера. Ганнибал определенно изменился. Он выглядел старше своих лет. Имко вспомнил лик командира, запечатленный им у Арбокалы — в полном цветении сил, без ран, уверенный, с умными глазами. В ту пору он казался всезнающим и непобедимым. Что же годы сделали с ним?

Ответ был неочевидным — двусмысленным, противоречивым. Человек, который знал его по прошлым годам, увидел бы множество знаков физических лишений. Брови Ганнибала утратили повелительную складку. Они обвисли и превратились в два черных карниза над глазными впадинами. Слепой глаз притягивал к себе внимание. Темная сморщенная пленка будто голодала из-за невозможности видеть внешний мир. Широкий рубец поднимался по диагонали из-под нагрудной пластины вверх по шее до самого затылка. Предплечья и руки были покрыты сотней шрамов от порезов и ран. Когда его туника приподнималась достаточно высоко, на бедре проглядывал край зарубцевавшегося ранения, полученного при Сагунтуме.

Хотя эти раны притягивали взгляд Ваки, они тускнели с каждым следующим мгновением. Он слышал от некоторых

лейтенантов, что молодые рекруты ворчали на мирный ход лета. Они считали, что победный ветер, прежде двигавший Ганнибала вперед, теперь изменил направление. Но молодые люди просто не сидели рядом с ним. Глаз командира по-прежнему мерцал энергией, которой хватило бы на оба ока. Он сидел с прямой спиной, мышцы рук и плеч были туго натянуты под кожей. Даже в такой неподвижной позе Ганнибал производил устрашающее впечатление. Казалось, что он в любой момент мог вскочить на ноги, выхватить меч и срубить кому-нибудь голову. Но в нем не тлели искры гнева. Он не сердился. Наоборот, командир излучал абсолютное спокойствие. Просто он был способен на все — в любой момент. Нет-нет, подумал Имко. Ганнибал все еще грозен. Он пострадал от ран, устал от долгой кампании, но его ум не потерял былой остроты. И атака на Тарент доказала это.

Не прошло и недели осады, как двое юношей, Филемен и Никон, прокрались из города и сообщили Ганнибалу, что большая часть жителей намеревалась перейти под его покровительство. Имко вместе с остальными офицерами присутствовал на переговорах. По словам юношей, римляне вели себя с их соплеменниками грубо и бесчестно. После Канн в Рим угнали многих важных тарентийцев. Сенаторы хотели гарантировать лояльность города. Но в прошлом месяце небольшая группа заложников бежала и направилась домой. Вряд ли это можно было считать предательством, однако Сенат, показав нервозность и раздражение, обвинил их в содействии врагу. Всех оставшихся пленников избили кнутами и сбросили с вершины Тарпейской скалы. Весть об этой расправе вызвала гнев тарентийцев. Город по-прежнему находился под охраной римского гарнизона, занимавшего крепость. Тем не менее юноши утверждали, что жители Тарента хотят изменить ситуацию. Они лишь просят карфагенян отнестись по-доброму к ним и к городу. Если Ганнибал обещает свою милость, то они откроют ворота.

Командир не торопился отвечать на их предложение. Он говорил через переводчика, хотя Имко понимал, что это делалось в основном для офицеров, не знавших латынь.

— Как же вам удалось выбраться из города, если римляне охраняют крепость? — спросил он.

Филемен, меньший ростом и более общительный, ответил:

— Тут все просто. Охранники знают нас в лицо. Они позволяют нам выходить за ворота и охотиться на кабанов. За это мы отдаем им часть добычи...

— Ты говоришь, что можешь выходить за ворота?

— Да, в любое время. Иногда наши охотники...

Ганнибал поднял руку и прервал его речь. После долгой паузы он задумчиво сказал:

— Вы правильно сделали, что пришли ко мне. И я благодарен вам за хорошую идею...

В течение двух следующих недель Филемен стал завзятым охотником. Он почти ежедневно выходил из города и возвращался поздно вечером, волоча за собой то оленя, то дикую свинью. Когда римляне привыкли к его вылазкам и к дарам свежего мяса, шпионы пустили по городу слух, что сильная болезнь приковала Ганнибала к постели, и что карфагенский военачальник стал серьезно опасаться за свою жизнь. В то же время командир велел отборным силам из десяти тысяч пехотинцев запасться четырехдневным пайком, пробраться ночью в ущелье, расположенное рядом с городом, и спрятаться там. Поздним вечером в назначенный день Ганнибал повел армию к боковым воротам. Внутри Никон убил кинжалом ничего не подозревавших охранников и пропустил Ганнибала в город. Карфагенские воины устремились следом за ним — тихо и скрытно.

Все это Имко увидел собственными глазами. Однако почти то же самое у главных ворот проделал Филемен. Ему следовало завести в город несколько тысяч ливийцев — вторую клешню карфагенского «краба». Он позвал охранников и по-

просил их открыть калитку в воротах. Юноша сказал, что на этот раз он добыл огромного кабана. Римские легионеры впустили его и трех ливийских солдат, переодетых пастухами, которые якобы помогали Филемону тащить тушу животного. Охранники склонились над кабаном, чтобы поглазеть на него, и это стало последней ошибкой в их жизни. Вскоре главные ворота были открыты, и ливийцы проникли в Тарент.

Когда в городе собралось не меньше двенадцати тысяч солдат, Ганнибал приказал солдатам обнажить оружие. Они без помех ринулись вперед по ночным улицам, в энтузиазме спотыкаясь о камни, едва сдерживая радость и шепотом советуя горожанам на всякий случай спрятаться в домах. Их клинки были направлены на римлян. Два заговорщика подняли крики рядом с бараками легионеров. Когда сонные солдаты выбежали, чтобы выяснить причину шума, их тут же убили.

В любом случае, хитрый план Ганнибала сохранил много жизней с обеих сторон. Он был гораздо лучше открытой атаки. Уцелели только римляне, запершиеся в крепости. Это фортификационное сооружение занимало сильную позицию на мысе, и его размеры были слишком большими для осады. Ганнибал приказал возвести стену между крепостью и городом, прорыть заградительный канал и оставить легионеров на волю судьбы. Он знал, что они могли получить подкрепление со стороны моря. Тарентийский флот оказался блокированным во внутренней гавани. Фактически город оказался отрезанным от помощи извне, а римляне сохранили ее возможность. Но Ганнибал преодолел и эту трудность. Он вывез флот из гавани. Солдаты установили корабли на телеги и сани, провезли их по улицам города и выгрузили на морском берегу. Горожане с изумлением наблюдали, как корабли проплывали перед их окнами по узким улочкам Тарента. Вот так проблема, которую люди считали непреодолимой, была решена Ганнибалом за несколько дней.

Через пару недель Метапонт и Турии признали его власть. Их примеру последовали и другие греческие города на юге Италии — все, кроме Регия. В руки Ганнибала перешло несколько больших портов. Теперь он мог наладить с Карфагеном транспортное сообщение. Удивительно, восхищался Имко. Труд одной ночи принес такие ощутимые плоды. Ганнибал не утратил свое стратегическое мастерство. Наоборот, он сделал его более тонким и отточенным.

* * *

Огромные волны, грохотающие на атлантическом побережье, делали крохотным все, что Гасдрубал видел на защищенных берегах Средиземноморья. С тех пор, как предыдущей зимой его армия прибыла к устью Тагуса, он не уставал любоваться бурлящим пространством океана. С каждым веером брызг, с каждым перекатом сланцево-черных гребней воды оно говорило с ним о вечности. Во время зимних штормов он слышал низкое ворчание, которое, по рассказам местных жителей, было приглушенным ревом гигантов, сражавшихся друг с другом под волнами. Силен, который не успел уплыть к Ганнибалу и сопровождал Гасдрубала в походе, утверждал, что громкий шум имел другую причину. Он заявлял, что это был гул камней, катавшихся по дну океана. Местные вожди смеялись, тянули его за длинные уши и имитировали кривоногую походку грека, как будто это могло опровергнуть изложенную им теорию. В свою очередь, Силен с презрением относился к их рассказам о морских чудовищах — особенно когда они описывали существ, челюсти которых могли перекусить квинкверему, или тварей, чьи сотни щупальцев хватали бедных моряков и утаскивали их в морские глубины.

Однажды вечером во время пьяного веселья среди зарева тлевших костров в большом задымленном зале Силен начал

рассказывать о стране, расположенной на дальнем юге от Карфагена — за холмистыми краями, поросшими кустарником, и за огромной безжизненной пустыней. Далеко на юге от Нубии, Эфиопии и Аксума обитало племя белых людей, которые так быстро сгорали под солнцем, что им приходилось проводить все дни в своих жилищах. Они скитались по подземным пещерам, чьи лабиринты тянулись в каждом направлении и распространялись под всеми известными странами. Эти дикари питались сырым костным мозгом нормальных людей. Те племена, которые знали о них, боялись, что однажды они выйдут на поверхность земли из расщелин и темных пещер и нападут на остальные народы.

Рассказ Силен был встречен общим молчанием. Черные глаза вождей остекленели от страха. Куртизанки накрыли головы треугольными платками. Мужчины торопливо зашептали молитвы. Некоторые из них окропили пол вином в дар небесным покровителям и с беспокойством осмотрели темный зал. Затем несколько знатных персон подтвердили историю грека. Один из гостей заявил, что однажды ночью встречал тех белых африканцев в Гадесе. Другой спросил у него, каких богов нужно улаживать, чтобы держать этих жутких существ в их пещерах... И тогда Силен согнулся вдвое от хохота. Он признался, что выдумал свой рассказ от первого до последнего слова. Неужели они теперь не понимают, как легко обмануть незрелые умы? А ведь он мог бы рассказать им о расе синих людей, которые спят в гамаках, подвешенных на звездах. Или о народе, чьи воины мочатся на большой палец левой ноги. Или о несчастных туземцах Африки, чьи цветастые и отвисшие задницы привлекают внимание бабуинов и возбуждают в них страстную влюбленность.

В тот вечер грек не обзавелся новыми друзьями. Но Гасдрубал был вынужден признать, что ему понравилась компания этих странных людей. Да и Силен служил постоянным развлечением, внося юмор в любую ситуацию. Впервые за

несколько лет жизнь начала дарить Гасдрубалу радость. Конечно, он сильно скучал по Баяле, но даже здесь имелась некоторая сладость. Гасдрубал знал, что она ждала его. Пройдет немного времени, и они вновь соединятся друг с другом. Его семя задержалось в ней прошлой осенью. Ежедневно принося подношения Астарте, он просил о мальчишке — о брате для Маленького Молота в мирные дни после войны. Ганнон и Магон курсировали по стране, одерживая победы и нанося карательные удары по тем иберийцам, которые успели забыть предыдущие уроки. Да, они действовали слишком широко, но окончание войны теперь казалось ближе, чем прежде.

Учитывая это настроение, он едва поверил ушам, когда впервые услышал новости о Публии Сципионе. На миг он даже перестал дышать и обвис, словно опустевший кожух. Гонец в нескольких фразах обрисовал весь ужас ситуации и вогнал Гасдрубала в прежнее уныние, из которого его недавно вывели братья. Новый Карфаген захватили римляне! У империи вырвали сердце! Его дом, дворец кузена, мечты отца, столица, которую Ганнибал доверил ему, богатства нации, сотни торговцев, пленников и аристократов — все это забрали в один день. Лес Шлюхи сгорел в огне. Улицы обагрились кровью тех людей, которых он знал еще в юности. Страшная новость потрясла его до глубины души.

Он благодарил богов — карфагенских и иберийских — что в момент захвата Нового Карфагена Баяла находилась в ортанской крепости своего отца. Она принимала участие в свадьбе сестры. Здесь им повезло. Сознание того, что она могла быть схвачена, опозорена и изнасилована римскими солдатами, вызвал боль в его висках, трепет сердца в груди и дрожь пальцев. Хотя он знал, что этого не случилось, сама возможность подобного события наполняла его огромным страхом, доселе неизвестным ему. Война обрела новый и совершенно отвратительный оттенок. Он вдруг понял, почему мужья сражались иначе, чем холостяки. И, наверное, отцы тоже сражались по-

другому. Это неожиданное понимание и связанные с ним выводы породили стыд в его душе. Теперь ему было известно, что пережили мужчины, чьи судьбы он разрушил, чьих жен он сделал наложницами, чьих детей увел в рабство. В первые дни траура он едва не сошел с ума.

Однако, подобно многим лидерам, Гасдрубалу посчастливилось иметь умного и верного помощника, который проявлял свои лучшие качества в критические моменты, когда его вмешательство требовалось больше всего. Ноба намеренно не замечал печали генерала. Он никогда не упоминал о Баяле, кроме тех случаев, когда писал ей письма вместо Гасдрубала. Он обсуждал с генералом только стратегические неудачи, вызванные потерей Нового Карфагена. Кроме того, он собирал тайные сведения о новом проконсуле Рима. Публий Сципион не только мастерски взял город, но и проявил особую пронзительность в обращении с пленными. Он быстро продал за небольшие деньги захваченных в плен карфагенян, ливийцев и нумидийцев, а иберийцев отпустил на свободу. Он выказал большое внимание дипломатическим заложникам: детям и женам иберийских вождей. Публий одарил их подарками и велел им возвращаться к своим народам без злобы на Рим.

За пару недель после первой победы проконсул заручился поддержкой Эдеко, Индибилиса и Мандония — трех самых сильных вождей на полуострове. И вновь небольшие племена Иберии были подброшены в воздух, словно мячи. Гасдрубал не мог поймать их все, поэтому ему приходилось выбирать — какие хватать, а каким дать упасть в руки римлян. Прислушавшись к спокойному голосу Нобы, который шептал ему в ухо, Гасдрубал сорвал армию с места и направился в глубь страны. Он должен был незамедлительно остановить уничтожение своих союзников. Генерал послал гонцов к нескольким племенам и приказал вождям собраться в Оретанах. Кроме всего прочего, Гасдрубал надеялся увидеть там Баялу.

Армия двигалась быстро, без стычек с врагами, хотя и не в лучшем настроении. На третий день они вошли в город, о котором никто никогда не слышал. Место представляло собой скопление каменных хижин, разбросанных по широкой долине. Они уже издали выглядели необитаемыми. Тем не менее некоторые солдаты заявляли, что видели дым, поднимавшийся от кухонных очагов. Но когда силы Гасдрубала вошли в город, люди увидели разбитые крыши домов, осыпавшиеся стены, безмолвные комнаты и очаги, столь долго остававшиеся без употребления, что обугленные камни были начисто омыты дождями. Ни одного человека среди зданий, ни одного животного, никаких признаков жизни за несколько прошедших десятилетий. История города канула в лету... В тот же день солдаты с облегчением покинули это странное место. С тех пор Гасдрубал везде находил сообщения. Они были написаны белесой травой на земле или ржавыми мшистыми пятнами на скалистых склонах. О них говорил огромный валун размером с крепость, треснувший на четыре равные части. Казалось, что его уронил на землю какой-то гигант. Однажды вечером на небе появились облака с узором рыбьей чешуи. Они тянулись от горизонта к горизонту. Воспринимая эти таинственные знаки, Гасдрубал не мог интерпретировать их, и они наполняли его нарастающим страхом.

Когда он приблизился к землям оретанов, к нему прискакал гонец, якобы посланный Баялой. Суть его сообщения заключалась в том, что Гасдрубалу не следовало входить в поселение тестя. Он должен был свернуть на юго-восток и встретиться с женой в Бекуле. Гасдрубал обменялся взглядами с Нобой. Эфиоп поджал губы и проворчал, что ему не нравился такой поворот событий. Он попросил гонца объяснить ситуацию. Где Андобалес? У них имелись вопросы к нему. Карфагенская армия не свернет с пути по прихоти какой-то женщины — пусть даже Баялы. И разве вожди других племен не ожидали их прибытия?

Посланник ответил, что объяснения будет даны им в Бекуле. До города оставалось три дня пути. У Нобы все еще имелись вопросы. Он выставлял их один за другим с такой настойчивостью, что вскоре гонец отвернулся от него и обратился к Гасдрубалу.

— Баяла зовет тебя, командир, — сказал он. — Ты знаешь, что жители Бекулы верны тебе, как и во времена твоего отца. Баяла там. Она просит тебя поторопиться. Ты все поймешь, когда увидишься с ней.

Через три дня у ворот Бекулы гонец снова приблизился к Гасдрубалу и, остановив его, сказал, что хочет передать ему еще одно сообщение.

— Оно предназначено только для твоих ушей, — добавил он.

Когда охрана Гасдрубала отошла на несколько шагов, гонец прошептал:

— Андобалес сказал, что ты больше ему не сын.

Гасдрубал с изумлением посмотрел на него, затем нахмурился. Чуть позже он горько усмехнулся и снова нахмурился.

— Но почему? Разве я не женат на его дочери? Разве она не носит моего сына в своем чреве? Неужели он пойдет на поклон к Сципиону? Андобалес не так глуп! Вернись к вождю и передай, что ему не нужно быть холуем Рима. Я его семья! Он мой тесть. У нас кровное родство.

Посланник молча выслушал его слова. Как и все оретаны, он носил кожаную головную повязку, которую украшали птичьи перья. В порыве гнева Гасдрубал вырвал их из-под повязки. Но и это оскорбление не получило отклика. Когда генерал успокоился, мужчина тихо произнес:

— Подумай немного, и ты сам все поймешь. Поверь мне, ты больше не сын Андобалеса.

Не дожидаясь ответа, гонец вскочил на коня и помчался прочь от армейской колонны. Гасдрубал смотрел ему вслед и

терзался вновь вспыхнувшей тревогой. Она стала еще сильнее, когда армия вошла в город. Отряд из десяти оретан промчался мимо Гасдрубала, даже не взглянув на него. Во дворце, предназначенном для Баркидов, он не получил обычного радушного приема. Прислуга и городские чиновники лишь смущенно шептались между собой. Затем он услышал крик Нобы. Охрана из Священного отряда пробежала мимо него, бряцая броней и вынимая оружие из ножен. Казалось, их черные плащи помutilи его разум. Силен, который приехал во дворец раньше всех, чтобы предупредить Баялу, встретил Гасдрубала с вытянутыми руками. Он обхватил командира и что-то начал повторять — снова и снова, хотя Гасдрубал не слушал его. Он отшвырнул грека в сторону и растолкал толпу своих солдат, которые по какой-то причине преграждали ему путь в покои Баялы.

Заметив его приближение, стайка служанок, собравшаяся в спальне у супружеского ложа, рассыпалась по комнате. Баяла лежала навзничь на постели. Ее руки безвольно вытянулись по бокам. Платье было высоко приподнято на бедрах. На миг он удивился. Почему она лежала в такой позе? Почему в их спальне собралась толпа? Мысль, так и не созрев, увяла. Он направился к ней, окликая ее по имени, хотя уже знал, что Баяла не ответит. Силен снова оказался рядом и попытался оттянуть его прочь. Гасдрубал хотел оттолкнуть косолапного грека или даже ударить его. Но один взгляд на красный полумесяц, зиявший на горле Баялы, выбил из него весь гнев. Он упал на колени и пополз по полу, не отрывая взгляда от залитой кровью постели. Баяла была еще теплой. Она была еще теплой! Он прокричал эти слова, как будто в них был ключ к загадке. Затем его обхватило множество рук. Он видел лица Силен и Нобы. Все о чем-то говорили ему. Ну, как же они не могли понять, что Баяла была еще теплой?

Гасдрубал оплакивал смерть жены, истязая себя. Он бил себя в грудь, колотил кулаками по глазам и выкрикивал про-

клятия в ночное небо. Он жалел, что не послушал Баялу, когда она просила его не доверять ее отцу. Он клялся снести голову Андобалеса с плеч, как только появится возможность. Гасдрубал кричал, что лучше бы они никогда не встречались, и тогда он не тосковал бы о ней, и тогда бы его сердце не разрывалось на части, вспоминая о тысяче удовольствий, которые вдруг превратились в невыносимые пытки.

Его первым желанием было истребление оретан. Хотя голец, направивший его в Бекулу, скрылся, Священный отряд перехватил убежавших наемных убийц. Только трое из десяти уцелели в сражении и сдались в плен. Один из них не поддавался пыткам, но двое других заговорили перед тем, как умереть. Они клялись, что Баялу убили по приказу ее отца. Это означало непреложный факт: Андобалес оборвал все связи с Карфагеном. Отныне он стал союзником молодого проконсула. Гасдрубал возненавидел вождя с ослепляющей яростью. Он всегда презирал Андобалеса, но только теперь осознал, какой сильной была его антипатия. Он поклялся отнять у него жизнь. Его бывший тесть оказался мерзавцем и убийцей. Андобалес уничтожил свое будущее, надругался над красотой любви, убил ребенка, еще не видимого человеческому глазу. Он приказал рассечь прекрасную шею дочери. Он погубил родную плоть, которая не должна была знать боли. По его хладнокровному приказу Баяле выпустили кровь. Какой, наверное, ужас она испытала... Какой страх в последние мгновения... Андобалес заслуживал худшей смерти, и Гасдрубал намеревался познакомить его с ней.

Тем не менее Ноба убедил его не нападать на иберийцев. Римляне находились слишком близко и могли ввязаться в сражение. Совет вождей, который созывал Гасдрубал, так и не состоялся. Местные племена либо склонялись к нейтралитету, либо спешили подружиться с Публием. Гасдрубал совершил бы большую ошибку, если бы атаковал врага в слепой ярости. А именно на это и рассчитывал Андобалес. Ноба

умолял Баркида не доставлять хитроумному негодю такого удовольствия. Они долго спорили по этому поводу. Временами дело доходило до драки. Генерал и его помощник набрасывались друг на друга и вкладывали свое раздражение в толчки и тычки, от которых человек, не привыкший к боли, согнулся бы вдвое.

В конце концов они вывели армию к широкому плато близ Бекулы — высокому и наклоненному плоскогорью с двумя террасами, поднимающимся с нижних равнин. Оттуда Гасдрубал наблюдал, как армия Публия приблизилась и предложила им битву. Карфагеняне быстро отступили на плато, не посмея сразиться с ними. Гасдрубал не менял позицию целую неделю. Возможно, он ждал братьев, надеясь, что они помогут ему одолеть римское войско. Но он не стал посылать к ним гонцов или каким-то образом ускорять события. Окружающий мир и угроза поражения бледнели в сравнении с бурей, бушевавшей в его груди. Вот почему он, не думая, контратаковал легионеров на нижней террасе. Его отряды встретились с силами противника, поднимавшимися на плато по левому склону. Затем, когда римские солдаты появились и справа, он почувствовал опасность, но проявил непростительную медлительность.

Из ступора его вывел Ноба. Он вернулся со второй террасы и без слов хлестнул Гасдрубала ладонью по щеке. Эфиоп был сильным человеком. Его удар едва не сбил генерала с ног. Силен, который стоял рядом, схватил командира за руку и не позволил ему вытащить меч из ножен.

— Ты сошел с ума? — прошипел Гасдрубал, вырываясь их объятий грека. — Как ты посмел ударить меня?

— Возможно, я сошел с ума, — ответил Ноба, — но ты сейчас похож на женщину в истерике. Печалься о своей возлюбленной в другое время. Ты еще найдешь себе девку с крепкой задницей, а сейчас нас могут уничтожить. Очнись и сделай что-нибудь!

— Я могу убить тебя за такие речи!

— Конечно, можешь, — согласился Силен. — Но только сделай это позже. Я считаю, что Ноба сказал тебе жестокую правду.

— Она была мне дороже жизни...

Ноба шагнул к нему так близко, чтобы его дыхание обожгло лицо Гасдрубала.

— Я знаю. Расскажешь мне о ней завтра. Или лучше на следующей неделе. Или по прошествии многих лет! Но сейчас командуй отступление!

И Гасдрубал прислушался к его совету. Боги дали ему хороших помощников. Под руководством Нобы лучшая часть его армии бежала. Слоны спустились вниз на дальней стороне плато по поросшему деревьями склону. Обоз — телеги и вьючные животные, нагруженные скарбом, — тоже благополучно выбрались на относительно ровную местность. Армия двинулась скорым шагом. Тылы все время забегали вперед. Походный марш грозил превратиться в беспорядочное бегство, но Ноба контролировал ситуацию. Он выкрикивал приказы, которые никто не смел оспорить. В конце концов им пришлось бросить повозки и салазки с грузом. Такая добыча была большим искушением и могла замедлить римлян, поскольку ни один легионер не стал бы оставлять другим такой завидный куш.

С наступлением ночи Публий прекратил погоню. Гасдрубал воспользовался этим и при свете тонкого полумесяца постарался максимально нарастить расстояние между армиями. Он почти не понимал, что происходило вокруг, и лишь изумлялся тому, как быстро его сильная позиция превратилась в ночное бегство. Однако когда движение и близкая опасность привели его в чувство, он принял твердое и окончательное решение. Хватит прозябать в Иберии! Сколько раз иберийцы предавали его народ? Сколько раз они убивали тех, кого он любил? Жену, зятя, отца и многих других. Он про-

клинал эту страну и плевал на нее. Он больше не мог выносить ее вида и запаха. Он больше не желал чувствовать, как она щекочет его ноги. Следующим утром Гасдрубал послал гонцов к обоим братьям, прося у них прощения и благословения. И еще он направил другого посланника, который со временем должен был добраться до Карфагена. Генерал сделал выбор, и пусть старейшины услышат его волю.

Гасдрубал Барка отправлялся походом на Рим.

* * *

На рассвете в назначенный день судно вышло в море из небольшого порта к северу от Салапии. Знаки были добрыми. Северо-восточный ветер раздувал квадратный парус. Они плыли все утро и пристали к берегу на дальнем отростке суши, который указывал на Грецию. Здесь они остановились на отдых, чтобы со следующим рассветом — при благоприятных условиях — промчаться за день через всю Адриатику. Учитывая расстояния, которые она преодолевала до сих пор, это путешествие не было длительным. И оно могло оказаться последним для Эрадны, так как судно было готово доставить ее вместе с небольшим богатством на родину, о которой она давно мечтала. Тем не менее в момент отплытия девушка не поднялась на борт корабля.

Сидя на берегу, Эрадна наблюдала, как судно отдалялось от нее, то поднимаясь, то опускаясь на волнах. Как только корабль миновал буруны и вышел в открытое море, весла поднялись из воды и замерли в воздухе, словно крылья без перьев. Капитан прошел по палубе. Его силуэт скользил по сиянию восходящего солнца. До нее донеслись обрывки его слов — приказы, унесенные вдаль легким бризом. Гребцы убрали весла. Команда установила парус, который тут же выгнулся под порывом ветра. Движение корабля стало более ровным, и судьбы его пассажиров больше не были связаны с ней.

Эрадна погрузила руки в песок и сжала в пальцах обкатанные камешки. Откинув прядь волос с лица, она закрепила ее за головную повязку. Ей не нравилось, когда мужчины или женщины смотрели на ее лицо, поэтому она редко выставляла его на обозрение миру. Обычно она воспринимала свою красоту как несчастье, но сейчас поблизости не было ни одного человека, и ей хотелось почувствовать прикосновение рассвета к своим щекам. Ее глаза сияли пугающей голубизной. Уголки сочных губ опустились вниз и слегка надулись. Крохотные песчинки на высыхающей коже цеплялись за плавно изогнутый нос, но они лишь подтверждали тот факт, что ее лицо было сделано из материала, общего для всех людей.

У каждого бедра и за спиной лежало ее имущество. В маленьком мешочке хранились монеты, которые она выменяла на собранную добычу. Другие мешки содержали предметы, необходимые для жизни: пищу и ножи, травы и постельные принадлежности, куски тряпок и иголки. Еще несколько дней назад у нее не было третьей части этих вещей. Они достались ей по наследству. На небольшом расстоянии лежал мертвый краб, которого Эрадна не заметила, выбирая место для прощания с кораблем. Удлиненное тело морского существа имело две мощные клешни, презрительно разбросанные смертью по бокам. Эрадна старалась не смотреть на него, но он каким-то образом был связан с ее решением, принятым в темный час прошлой ночи.

Решение далось нелегко. Оно шло вразрез с ее желаниями. Там, на борту корабля, она нуждалась в большей определенности. И Атнех почти удалось убедить ее. Когда она искала повод, чтобы остаться в Италии, старуха сбивала ее с небес на землю, как меткий лучник сбивает летящего голубя.

— Ты боишься моря? — спрашивала она. — Насколько я могу судить о тебе, ты вообще ничего не боишься. Ну, будет немного воды под тобой? Разве это сравнимо с бедами, кото-

рые жизнь показала тебе? Если бы боги захотели твоей смерти, то давно забрали бы тебя к себе.

Когда она не сошлась с торговцем в цене, меняя трофеи на монеты, Атнех дала ей затрещину и назвала реальные расценки. Когда Эрадна пожаловалась, что ни один из кораблей не пригоден для морского плавания, старуха нашла такое судно. И когда девушка предложила ей еще одну ходку за добычей, старуха покачала головой, отмечая подобную глупость.

— Казилиnum? — переспросила Атнех. — Забудь об этом. Еще один город? У тебя и так достаточно денег. Не дай мне увидеть, как ты превращаешься в дуру. Я понимаю, что с тобой творится, и это никак не связано с деньгами. Ты знаешь, что боги иногда играют с нами, как с куклами? Подумай о моих словах. Представь, что через твое сердце продета струна. Если ты чувствуешь, как она натягивается в одном или в другом направлении, то знай, что это каприз твоей глупости. Такие чувства не принесут тебе добра. Запомни мое предупреждение. В любом случае, я старая женщина. Ты не должна бросать меня в этом опасном путешествии.

В итоге Эрадна впитала в себя уверенность Атнех и укрепилась в решении отправиться через море в Грецию. Но когда она уже думала, что ее стезя жизни стала понятной, как никогда прежде... Когда она хотела ступить на этот путь с молитвой о том, чтобы он оказался правильным и привел ее к столь долгожданному счастью... Когда она поверила, что ее действительно ожидало будущее, о котором говорила Атнех... Старуха заболела. Она не знала, что свалило ее навзничь, но говорила, будто какая-то тварь поедает плоть тела изнутри. Боль наполняла всю ее грудь и впивалась пальцами в бреши между ребрами. Дыхание становилось все более тяжелым и поверхностным. К концу лунного цикла она извелась от хриплого кашля — настолько регулярного, что он походил на дыхание. Один болезненный приступ сменялся другим.

В середине ночи Атнех встряхнула запястье Эрадны и разбудила ее. Она хотела, чтобы девушка пообещала ей не становится дурой — чтобы она всегда помнила ее слова. Эрадна пыталась убедить ее, что умирать еще рано. Но старуха бросила на нее такой презрительный взгляд, что она почувствовала его через темноту. Атнех попросила ее вновь описать ту тихую жизнь, которую они вместе искали. Какое-то время старая женщина слушала, сотрясаясь от кашля и хрипло дыша. Эрадна думала, что ее слова успокоили Атнех, однако та неожиданно сказала:

— Я ничего не вижу!

— Потому что здесь темно. Сейчас ночь.

Старая женщина помолчала мгновение, а затем прошептала:

— Это ты так думаешь.

На следующее утро Эрадна и остатки их группы похоронили Атнех в песчаных дюнах — достаточно глубоко, чтобы ни одно существо не потревожило ее покой. Они купили козу и пожертвовали ее Зевсу, затем убили несколько голубей, чтобы те полетели с вестью к Артемиде. После этого мужчины излили вино, дабы облегчить вступление Атнех в другой мир. Друзья просили Эрадну остаться с ними или продолжить путешествие, которое она планировала, но оба маршрута уже не нравились ей. Она мечтала о солдате из Кани, и если прежде в свете дня ей удавалось изгонять его в туманы грез, то теперь это получалось с большим трудом.

Иногда она просыпалась с подозрением, что солдат навещал ее. Она думала, что помнит его запах, хотя это казалось невероятным. Он был покрыт тогда грязью и кровью. Кругом стояла неопишуемая вонь. Как она могла уловить его собственный запах? Но затем ей приснился еще один сон, в котором она омывала его тело тряпкой. Эрадна помнила, как опустила на колени и, почти касаясь носом его кожи, вдохнула аромат мужчины. Она не знала, приснилось ли ей это

или действительно случилось однажды. Их близость в воображаемом мире смущала ее. Эрадна не понимала, почему она так сильно скучала по солдату. Ведь прежде она избегала мужчин, как чумы. Одному из них она разможила камнями возбужденный пенис. От других защищалась ножом и скрежетом зубов. Но с этим ей хотелось сидеть рядом и касаться его руки, слушать голос и медленно говорить на нескольких языках, чтобы они понимали друг друга. Она хотела задать ему много вопросов. Почему их пути пересеклись три раза среди хаоса войны? Это не было случайным. Возможно, боги хотели свести их вместе. Прежде она и на миг не остановилась бы, чтобы выслушать мужчину. Но ее солдат был другим... особенным... Из-за представляющихся возможностей у нее перехватывало дыхание. Этот человек мог занять очень важное место в ее жизни. И она просто оскорбила бы богов, если бы отвернулась от него.

Эрадна все еще сидела на берегу, глядя на опустевшее море, когда какой-то объект привлек ее внимание. На поверхности моря, где-то на средней дистанции, появилось крупное существо, почти такое же темное, как базальт. Оно двигалось на юг, то исчезая, то появляясь снова, но гораздо дальше. Когда через мгновение рядом с ним вынырнули еще несколько темных существ, Эрадна поняла, что видит стаю морских животных, разрезавших плавниками воду и поднимавших в воздух шлейфы брызг. Она встала на цыпочки. Пальцы ее ног погрузились в песок. Ей не понравилось увиденное зрелище. Она приняла его как дурной знак. Впрочем, девушка не знала смысла этого предвестия. Подобно другим знамениям, оно осталось неразгаданным для нее. Один мужчина в их лагере умел понимать такие знаки, но ей не нравились его манеры и взгляд. Иногда он вел себя, как слепой человек, которому требовалось все ощупывать руками, хотя каждый знал, что его зрение не уступало в остроте детскому. Эрадна закрыла глаза и попыталась убедить себя, что проплывавшие мимо

твари несли предвестие для какого-то другого человека, а не для нее.

В самый темный час ночи она нашла особое место. Эрадна едва могла что-то видеть в свете новолуния. Сначала она пыталась землю заточенным колышком и взрыхлила ее. Затем, встав на колени, она загребла грунт руками и отбросила его назад. Это повторилось снова и снова. Когда яма углубилась, она разместилась на краю, уперев колени, как якоря, и выставив зад к ночному небу. Девушка начала черпать землю и гальку плоской створкой раковины. Ей приходилось выкапывать и кромсать неподатливые корни, сражаться с обломками породы и крупными камнями, которые она находила все чаще по мере углубления ямы. В какой-то момент Эрадна не могла решить, довольна ли она ее размерами. Фактически глубина ограничивалась длиной ее рук. Она положила в углубление тюки и убедилась, что упаковка не порвана, затем быстро забросала яму землей и потратила около часа, перемещая камни, раскладывая сухие ветки и разглаживая хвою, чтобы скрыть следы своей работы.

В тусклом свете раннего утра она осмотрела место еще раз, запомнила ориентиры и затем ушла не оборачиваясь. Она больше не вела осла на привязи. Эрадна отвернулась от животного, предлагая ему полную свободу, но он поплелся следом за ней.

Через некоторое время она поднялась на ближайший холм и увидела страну, которая встретила ее всем своим вольным простором. В долине внизу тянулись сельские поля. На них чернели зубья скал, похожие на спины морских существ, за которыми она наблюдала прошлым утром. Ей вспомнились слова старухи. Она думала о них, с каждым шагом и шепотом заверяя умершую женщину в своем уважении к ней. Атнех была мудрой, но ни один человек не мог управляться чужим разумом. Эрадна следовала чутью. Неважно, что ум го-

ворил ей иное. Она могла чувствовать запах того солдата на расстоянии, и у нее не было другого выбора, как только найти его и посмотреть, что из этого получится.

* * *

Куда ушло его детство? Магон задался этим вопросом в один из удушливых вечеров через несколько недель после поражения Гасдрубала у Бекулы. Он шагал в одиночестве вдоль низкого хребта. Охрана следовала за ним на расстоянии, но он велел им не попадаться ему на глаза. Ему нужно было побыть наедине с собой. Устав от непрерывных военных маневров, он мечтал хотя бы о кратком покое. Вопрос о детстве возник перед ним, когда он посмотрел на огромные сосны, окружавшие его. Их ветви начинали расти высоко над землей, но они были такими прямыми и крепкими, что деревья с переплетенными ветвями, напоминали людей, которые стояли, положив руки на плечи друг другу. Он видел подобное зрелище, когда, будучи ребенком, купил веревку и с ее помощью вскарабкался на похожие ветви, а затем, чувствуя липкость смолы на ладонях, протиснулся сквозь хвою. Он увидел самые дальние места, до которых мог бы дойти за день. Он смотрел на диких зверей, живущих в лесу, и воспринимал мир с высоты, представляя себя то совой, то ястребом, то огромным орлом.

Как странно думать, что в его жизни было такое чудесное время. В ту пору он хотел хаоса вместо созерцания, шума и звона оружия вместо тихой беседы с наставником, драк с товарищами вместо объятий матери и сестер. Он целыми днями мог слушать эпические истории греков, теряться в приключениях людей, живших века назад, и восхищаться героями, которые общались с богами и касались величия времен. Его уроки войны были когда-то простыми упражнениями для

ума и тела. То были игры с вырезанными из дерева солдатами, маршировавшими по миниатюрным полям сражений. Их безмолвные, бесстрастные и бескровные фигуры оживлялись его пальцами или падали от камушков, которые он швырял в них в шуточных битвах. В то время он черпал свой военный опыт из мальчишеских игр. Но как ему тогда хотелось вырасти и воплотить его в реальность! Он мечтал о том, чтобы его руки направляли наконечник копья или сносили головы с плеч, чтобы его рот приказывал людям убивать и грабить. Какой мальчишка на земле не грезил о подобном?

Однако детство ушло. У него больше не было товарищей по играм, расставлявших свои фигурки в шаге от него. Теперь он проводил дни и ночи в толпе убийц — среди людей многих национальностей, которые объединились вместе только из-за жажды крови и денег. Магон не очень огорчился такой переменой в своей жизни. Он просто не мог вообразить себе другую судьбу. И все же его удивляло, что в нем сочетались ребенок и солдат. Рядом с Ганнибалом ему удавалось сохранять убежденность в величии войны. Их подвиги обрастали легендами. Их победам и триумфам улыбались боги. Иногда совместные действия с Ганноном и Гасдрубалом тоже наполняли его радостью. Они прикасались к величию героев и верили, что разделяют блеск славы Ганнибала.

Однако это было до появления Публия Сципиона. Один человек, три месяца, две битвы — и все изменилось. Магона тревожили не просто стратегические промахи. В отсутствие Ганнибала первые порывы ледяного ветра поражений сбросили маску, которую он, сам того не понимая, носил уже долгие годы. Она походила на шлем, закрывающий часть обзора. Магон признавал только то, что подтверждало его детские фантазии. Однако последние недели — после того как маска упала, — он находился под обстрелом неприятных образов, которые прежде отвергались его сознанием. Он вспоминал лица сирот, страдание в глазах плененных женщин, горящие

дома, отчаянные взгляды людей, у которых отбирали зерно и лошадей, а порою и жизни. За звуками реальности он слышал их плач, приходивший откуда-то из-за затылка. Везде проявлялись мерзкие знаки войны. Все было варварским на вид. Как он мог не замечать этого прежде? Ему внезапно показалось, что такие сцены как раз и являли истинный лик войны. Где в нем было благородство? Где радость героев? Почему он больше не цитировал строки эпических поэм, воспевавших величие сражавшихся воинов? Магон понимал, что подобные мысли ослабляли его. Однако он не мог стряхнуть с себя навязчивое уныние. Ему вспомнились приступы меланхолии, часто одолевавшие Ганнибала. Брат никогда не говорил об их причине. Тоска Ганнибала могла объясняться чем угодно, но только не сомнениями. Он всегда был уверен в своем видении мира, как будто сам создавал его.

Ганнон подошел к нему медленно и тихо. Сосновая хвоя делала его шаги почти неслышными. Мерцающие отблески от его чешуйчатых доспехов из серебристого металла придавали ему сходство с рыбой. Посмотрев на лицо брата, Магон увидел материнские черты. Он поморщился при мысли о ней. Ему вспомнилась возвышенная атмосфера, которая царила в их карфагенском доме. Как глупо они радовались жизни, забывая о том, что колесо судьбы по-прежнему вращалось — сегодня ты смотришь на солнце, а завтра лежишь, погребенный в земле.

Ганнон молча стоял рядом с ним и смотрел через деревья на равнину, по которой перемещалась их армия. Группа офицеров томилась в стороне в нервном ожидании. Густые ветви закрывали обзор. Ганнон видел через них не больше Магона, однако какое-то время высматривал что-то, пока наконец не заговорил. И вновь Магон услышал в его словах почти неприметные интонации матери. Частичка Дидобал оставалась в них самой сильной и упорной. Она решительно подталкивала их к битве за лучшее будущее.

— Пошли, — сказал Ганнон. — Мы не можем больше ждать. Все решится в Илипе.

Старший брат повернулся и, сделав несколько шагов, исчез за деревьями — так же тихо, как и появился. Почти в тот же миг Магон услышал стук дятла. Громкая серия ударов, затем молчание, еще один залп и молчание. В детство не было путей. Он жил в мире настоящего времени и мог двигаться только вперед — только к сражению, до которого оставалось несколько суток. Его брат назвал назначенное место. Магону оставалось лишь направиться туда.

Через два дня армии встали друг перед другом. Еще три дня они отдыхали и восстанавливали силы. Оба войска спустились с кряжей, на которых они располагались, и сблизились на расстояние крика. Отряды ожидали, генералы подсчитывали противостоящие силы, копейщики обменивались залпами. Солдаты потели под солнцем, жевали полоски сушеного мяса и отмахивались от назойливых мух. Воины, по большому счету, просто отдыхали. Ни одна сторона не нарушала странного перемирия, но на третий вечер карфагенская армия отступила.

Каждый вечер Магон и Ганнон обсуждали возможные маневры и пытались предугадать, что им готовил следующий день. Собрав все силы оставшихся союзников, они добились численного преимущества над врагом — пятьдесят их тысяч против сорока тысяч римских легионеров. Это могло повлиять на психику врагов, парализовать их страхом или смягчить атаку, которая, по мнению Баркидов, должна была скоро произойти. Каждый раз Публий выстраивал свои отряды в одну и ту же формацию: легионы в центре, иберийские наемники по флангам. Каждый раз карфагеняне отвечали им строем с ливийцами в центре. Их опытные ветераны противостояли самым сильным солдатам Рима. Братья поделили двадцать слонов поровну и разместили их на флангах, надеясь использовать животных как гигантские стабилизаторы,

которые удерживали бы армию в формации. Оба Баркида варьировали планы, но Магон все меньше верил, что их армия представляет собой реальную силу.

На четвертый день в серых утренних сумерках римская кавалерия атаковала карфагенские аванпосты. Нескольким всадникам удалось бежать и подать сигнал тревоги. Но внезапно вся армия Публия возникла из темноты, распространяясь, как река в половодье — через деревья и плоскую равнину. Карфагенские воины едва успели проснуться, схватить оружие и начать формировать ряды. Магон выкрикивал слова приказов и убеждения, которые солдаты ждали от него.

— Вот этот день! — кричал он. — Враг хотел захватить нас врасплох, но ранняя атака не означает победы в бою.

Он многому научился на примере братьев, но внутреннее чутье подсказывало ему, что их армия допускает какую-то ошибку — что он не учел нескольких важных деталей, которые пока не мог назвать. Он впервые понял, как римские генералы чувствовали себя на поле боя перед войском Ганнибала.

Когда армия Публия приблизилась, Магон увидел, что порядок ее построения изменился. Копейщики бегали, словно муравьи, сплетая перекрестие суматохи. Римские легионеры теперь были на флангах, а иберийцы выстраивали центр. Баркиды лихорадочно размышляли, что это могло бы означать. Впрочем, они уже не имели времени, чтобы изменить свой строй. Их солдаты и без того находились в достаточном смущении, пытаясь спешно сформировать ряды боевой колонны. Магон не мог понять, почему Публий поставил слабых бойцов против сильных и наоборот?

Как только они вышли на равнину, римляне ускорили шаг. Чуть позже они перешли на бег, а затем — по сигналу горна — их фланги удвоили скорость. Магон подумал, что при таком темпе они потеряют дыхание, и когда армии встретятся, легионеры останутся без сил. Их броня выглядела довольно тяжелой. Но чуть позже он понял, что воины Публия были

натренированы для подобных маневров. Их легкие работали, как мощные меха, и ничто в солдатах не предполагало усталости. Ноги несли их вперед в решительном и быстром беге. Иберийцы в центре продолжали удерживать медленный шаг и вскоре отстали от флангов. После первых залпов дротиков и копий велиты отошли через ряды пехотинцев назад. Оказавшись в тылу, они быстро сформировали отряд и двинулись следом за армией. Эти воины в легких доспехах вытаскивали мечи из ножен, достали кинжалы из-за поясов или разобрали пики, которые им передали пехотинцы. В своих шлемах, покрытых шкурами животных, они выглядели, как группа охотников, гнавших пехотинцев на врага — львы рядом с волками, медведи среди лис.

Когда две армии столкнулись друг с другом, передняя линия римлян выглядела как подкова. Два ее зубца вонзились в иберийских союзников карфагенян и с первых же мгновений начали быстро расправляться с ними. Велиты снова выбежали вперед и небольшими группами впились во фланги карфагенского войска. Тем временем ливийцы в смущении бездействовали, озирались по сторонам и ожидали приказов. Их копья не находили врагов. Передняя линия иберийцев, которая должна была встретиться с ними, не вступала в бой. По сигналу горна они остановились — слишком далеко от сражения, но достаточно близко, чтобы ливийцы не могли повернуться к ним боком. Карфагенские ветераны не могли помочь союзникам, которые гибли у них на глазах, и они не смели двинуться вперед, поскольку это разрушило бы формацию и вызвало хаос. Они просто ждали, печально вздыхая, пока их соратники падали под римскими копьями и мечами.

Публий сделал невозможное. Он окружил превосходящую по численности армию, лишь перестроив свои войсковые части. Ливийцы в центре оказались не у дел и просто стояли, как те римляне у Канн, которые оказались пойманными в такую же ловушку.

Однако исход битвы был решен не людьми, а слонами. Эти четвероногие гиганты, израненные дротиками и обезумевшие от боли, развернулись и помчались в центр карфагенской армии. В слепой ярости они не слушали приказов погонщиков и прокладывали путь по трупам ливийских ветеранов. Погонщики лупили животных по головам, кричали им в уши и пытались изменить направление их бегства. Но все было тщетно. Каждый из колоссов прокладывал свою смертельную борозду, направляясь к сердцу карфагенского войска. На этом битва и закончилась. Дальше солдаты Публия лишь добывали уцелевших врагов.

Ошеломленный Магон смотрел на поле боя и не верил тому, что он видел. Его спасла лишь сообразительность одного из охранников, который ткнул копьем в зад командирской кобылы. Успокоив вздыбившуюся лошадь, Магон приказал произвести отступление. Но его отряды уже потеряли любую видимость дисциплины. Они побежали. Римляне погнались за ними. Внезапно небо разверзлось ливнем, который замедлил бег легионеров. Остатки карфагенской армии продолжали отступать всю ночь, однако расстояние, которое они покрыли во тьме, не было достаточным. Утром римляне стали наступать им на пятки, оставляя трупы африканцев, как вехи на своем пути. Несмотря на панику и отчаяние, Магон, Ганнон и пять тысяч солдат — в основном массилиотов и ливийцев — ушли от погони римской армии.

* * *

Большую часть долгого лета Имко простоял за плечом Ганнибала, наблюдая, как Фортуна благоволила римлянам и насмеялась над карфагенянами. Марцелл стал острой колючкой в боку Ганнибала. Он разрушал все его достижения. Через две недели после того, как Ганнибал оставил Казилинум, город снова был завоеван легионерами. Краткая осада и

предательство свели к нулю все усилия африканского полководца. Жители Капуи имели гарнизон — не лучшие отряды, но с учетом естественных оборонительных рубежей солдаты без труда могли бы отражать атаки римлян. Тем не менее муниципальный совет испугался растущей популярности Марцелла и решил сдать город его войскам. В обмен на личную безопасность советники заключили сделку с римлянами. Однако, когда они открыли ворота и впустили легионеров в город, те в ответ перебили их всех до единого, наказывая за преступления, которые якобы предшествовали их договору.

Казилиnum не был единственной неудачей. Фабий Максим вернул Тарент. Клавдий Нерон почти полностью уничтожил отряд из пятисот нумидийцев. Ливий Салинатор напал близ Неаполя на карфагенский флот, напугал адмирала до дрожи в коленях и загнал его обратно на Сицилию. Тем не менее римляне часто проявляли настолько чудовищную глупость, что Имко лишь качал головой в изумлении. Таким был случай с Тиберием Гракхом. Став слишком самоуверенным после разгрома Бомилькара, Гракх слишком близко подошел к Ганнибалу. Возможно, его проводники совершили ошибку в выборе маршрута и были неповинны в этом случае, но они бежали от Гракха, как только увидели нумидийских всадников. Атака африканцев вызвала панику в армии, набранной из рабов. Битва тут же превратилась в развлечение для нумидийцев. Наблюдая за ними с командной позиции, где его отряд стоял в резерве, Имко вдруг понял, что битвы выигрывались только из-за каких-то второстепенных факторов, влиявших на солдат. Он был шокирован этой мыслью. Победа давалась не божественной рукой, не хитростью лидера, не превосходством оружия или тренировки, а храбростью отдельных людей. Наверное, рабы понимали это меньше всех. Они запаниковали — все в один момент. Победа оказалась легкой. Тиберий Гракх погиб в кровавой бойне.

Вскоре после его смерти римляне попали под чары центуриона по имени Центений Пенула. Некоторые вспомнили, что в день его рождения произошли знаменательные чудеса. Ученые книгочеи нашли какие-то намеки в древних текстах и объявили, что имя юного солдата не забудется через века. Замечательный на вид молодой человек, высокий и стройный, с тонкими чертами, он не пожелал разубеждать Сенат в нелепом предположении, что боги избрали его и только его для победы над Ганнибалом. С остатками армии Гракха и ордой восторженных добровольцев он направился в Луканию, встретил Ганнибала на поле боя и отдал восемь тысяч своих соплеменников в жертву богам войны. Их перебили всех до одного. Центений Пенула так и не стал тем человеком, чье имя прославилось в веках.

При осаде Гердоны Имко был рядом с Ганнибалом, когда тот встречался с глупым магистратом, который охотно пил вино и принимал дары командира, но никак не мог решить, переходить ли ему с городским советом на сторону карфагян или подождать дальнейшего развития событий. Командир кивал ему головой и вел себя с ним по-доброму. Конечно, сказал он. Ожидание вполне разумно. Он понимает расчет магистрата, потому что сам ведет войну, которую еще никто не видел на Средиземноморье. Если его другу нужно время на размышления, то пусть он не стесняется. Ганнибал и его воины подождут. Похоже, магистрат не заметил иронии в голосе командира, поэтому, когда он встал, чтобы уйти, Ганнибал пояснил свою точку зрения. Глава городского совета мог думать, сколько угодно. Но он должен был принять решение до того момента, как выпитое им вино вытечет из его тела. Чиновник Гердоны посмотрел на него с недоумением.

— Видишь ли, — сказал Ганнибал, — я с радостью предлагаю гостеприимство друзьям, но человек, который выпил мое вино и затем отказался от дружбы, считается вором. Я хо-

чу знать, кто ты — причем перед тем, как ты сольешь вино и мое доброе расположение к тебе на землю. Думай сколько хочешь, но прежде чем ты посмеешь облегчиться, я хотел бы знать, как относиться к тебе. Может быть, ты лучше посидишь еще со мной?

На следующий день Гердона стала принадлежать ему. Как и Колония. Какое-то время магистраты и офицеры этого города удерживали крепость. Они спрятались там со своими семьями и отказались сдаться. У них было много провизии, и они верили, что Нерон с еще одной армией вскоре придет им на выручку. Однако Ганнибал придумал, как выкурить их из крепости. Несколько скучавших балеарцев нашли мелководный грот, кишевший змеями. Их там были сотни, если не тысячи. Ганнибал велел поймать этих тварей и поместить их в большие вазы. В предрассветные сумерки он приказал воспользоваться катапультами и забросить эти урны в крепость. Многие вазы разбились о стены, но некоторые угодили на крышу и в башни. Они разлетелись на черепки, освободив сотни злобных и юрких созданий.

Магистраты и офицеры Колонии проснулись от криков и укусов. Они подумали, что боги Ганнибала навлекли на них нашествие змей. Женщины подняли визг, дети начали вопить от страха. Спотыкаясь и бегая по полуосвещенным коридорам крепости, люди все больше поддавались панике. Несколько охранников спрыгнуло с башни. Их тела упали в искрившееся росой торфяное болото. Один солдат спрыгнул в другом направлении и вонзился в небольшой холм, созданный землекопами. Он по бедра увяз в земле, сломав при падении обе лодыжки. Потеряв подвижность, солдат выл от боли и просил о помощи. Балеарцы, убежденные в своей заслуге при выполнении данной операции, решили устроить спортивное состязание. Они использовали мужчину как мишень и метали в качавшуюся фигуру маленькие камни, попадая в грудь человека, выбивая ему зубы, глаза и вырывая куски мяса из

тела. Солдат умер мучительной смертью после того, как пращники поспорили, кто из них первым попадет ему в пах — так чтобы камень выбил два шара и остался в мошонке.

Городские советники, получив гарантии личной безопасности, сдали крепость африканцам. И правильно сделали, подумал Имко. Если Ганнибал может заставить небо излиться дождем из змей, то какой шанс они имели в борьбе против него?

В конце концов не устоял и Марцелл. Он и Криспин погибли близ Венузии в небольшой стычке, порожденной нелепым стечением обстоятельств. Два генерала расположились лагерем за цепью куполообразных холмов. Ганнибал, приближавшийся к ним, заметил эти холмы и ночью послал отряд нумидийцев в разведку. Африканцам удалось сохранить свое присутствие в секрете. Вскоре римляне тоже приблизились к холмам, и два генерала, посчитав, что они ничем не рискуют, поехали осматривать эту территорию. Нумидийцы узнали их по штандартам, устроили западню и убили Марцелла в короткой схватке. Криспин скончался через несколько дней от ран, нанесенных копьями.

Хотя Имко давно стал офицером, приближенным к Ганнибалу, он до испуга удивился, когда командир пригласил его провести с ним ночь на краю холмов к востоку от лагеря. Он сказал, что они будут спать на голой земле и под пологом звезд, как мальчишки. Имко не понимал, почему Ганнибал избрал именно его для такого почетного времяпрепровождения. Этим летом они довольно часто сидели рядом во время военных советов, но личных бесед между ними не было — особенно наедине. Высказывая на советах свои суждения, Имко не раз замечал, что командир смотрел на него с симпатией и одобрением. Он сомневался, что Ганнибал помнил их первую встречу под Арбокалой, когда начался великий обман, коим являлась его военная карьера.

Когда они вышли из лагеря, у Ганнибала в руках были только плащ и небольшая котомка. Имко немного смутился,

поскольку скатанная постель, которую он нес с собой, показалась ему роскошью, не соответствующей приглашению командира. Величественные огненные краски заката на вершине гряды уже потускнели. Край земли, рассеченный уходящим солнцем, стал красным, как застывшая кровь. Наверное, если бы кто-то мог прикоснуться к расплавленной крыше неба, она прилипла бы к его пальцам. Страна внизу колыхалась травами под ветром. Холмы напоминали Ваке сотни ссутулившихся солдат, чьи мышцы и кости увязли в почве. Какое-то время он осматривал открывшуюся панораму. Хотя она трогала его своей красотой, в ее крадущихся тенях было нечто зловещее. Стоило ему зафиксировать взгляд на одной из черт ландшафта, как он начинал чувствовать движение темных пятен.

Однако двигались не только тени. Он различал фигуры охранников из Священного отряда, которые расположились кольцом вокруг них. Точнее, они образовали восьмиконечную звезду. Все воины в черных плащах имели суровый и торжественный вид. Они не говорили и не смотрели на хозяина, но внимательно следили за местностью и постоянно сохраняли свой строй, насколько это позволял рельеф. Охранники носили кинжалы на поясах, однако их основным оружием были спартанские копья. При каждой остановке они опирались на них, как на третью ногу, и замирали в неподвижных позах, словно статуи из камня.

Их присутствие нервировало Ваку. Он все время косился на охранников, ожидая какого-то подвоха. Естественно, он видел их прежде и не раз поражался лютости воинов Священного отряда. Но прежде ему не доводилось оставаться так долго в центре их внимания. К тому же, девочка из Сагунтума тоже была здесь. Возможно, она раздражала этих людей.

— Мой господин, — спросил он, — почему твоя охрана всюду следует за тобой и никогда не произносит ни слова?

— А зачем им говорить? — ответил Ганнибал. — Я к ним не обращаюсь, и они молчат. Каждый из них поклялся служить мне верой и правдой, и они еще ни разу не подвели меня. Странно, что ты упомянул об охране. Сам я редко замечаю ее. С того дня как я направился в Иберию с моим отцом, воины Священного отряда стали моей тенью.

Ганнибал расстелил плащ на земле и опустился на него. Он достал из кармана горсть абрикосов и положил их рядом с собой, жестом предложив Ваке отведать фруктов. Через некоторое время он сказал:

— Посмотри на эту страну, Имко. Иногда я понимаю, почему римляне сражаются за нее с таким упорством, хотя вряд ли многие из них замечают ее красоту. Некоторые люди смотрят вокруг себя и видят только деревья и землю, отдельные детали. Ты не такой?

— Конечно, нет, — ответил Вака. — Я еще вижу скалы. И кусты...

Слава богам, командир рассеялся. Он пребывал в веселом настроении. В теплом свете заката его лицо выражало часть той торжественности, с которой он проводил военные советы. Даже его слепой глаз не выглядел таким отвратительным. Он двигался в унисон со здоровым глазом. Несмотря на морщинистую пленку, он был еще живой, и Имко подозревал, что командир мог видеть им немного. Ганнибал уже привык к своему увечью. Он больше не закрывал пустую глазницу повязкой, и та перестала сочиться желтой жидкостью, так долго досаждавшей ему.

Ганнибал заговорил о детстве — о своих ранних годах в Иберии.

— О, незабвенное время чудес, — со вздохом сказал он.

В ту пору его отец и зять были живы. Весь полуостров проявлял враждебность к ним. Одна нация противостояла другой в этой проверке на прочность. Удалившись от цепкой и алчной руки совета, они обладали царской властью. Но не

этим запомнились ему те годы, о которых он думал с такой нежностью. Там остались долгие разговоры с отцом. Его счастливая юность среди простых солдат. Он был моложе их, но в армии его знали все. Воины вели себя с ним как тысячи добрых дядюшек. Каждый вечер он скитался по лагерю и оказывался в разных местах. Присев у какого-нибудь костра, он допоздна говорил с ветеранами. Именно там он научился обычаям разных народов, узнал их богов и сокровенные желания. Ганнибал мог приветствовать людей сотен национальностей на их родных языках. Он усвоил жесты уважения, которые они признавали. Воистину то время послужило основой для его военного образования.

Затем командир замолчал и задумчиво надкусил золотистый фрукт. Улыбка на его губах указывала, что он вспоминал о каком-то любимом человеке. Чуть позже Ганнибал признался, что в юности он не был таким неженкой, как сейчас. Он спал на голой земле без подстилки — просто ложился на твердый грунт и засыпал, принимая контуры места. Одно время Ганнибал пытался спать на камнях и скалах. Это научило его находить возможность отдохнуть без постельных принадлежностей. Он узнал, как использовать трещины, расщелины и неровности земли.

— Камень во многом похож на человеческое тело, — сказал командир. — Но чтобы понять это, нужны особые тренировки.

Имко поджал губы, едва не проворчав, что лично ему больше нравились мягкие постели в Капуе и что прежде он не встречал ничего подобного. Однако он решил сохранить свое мнение при себе.

— В те дни мне рассказывали много историй, — продолжил Ганнибал. — Легенды о богах.

— Ты помнишь их? — спросил Имко.

— Конечно. Если бы меня попросили, я мог бы рассказывать истории всю ночь. Например, об Эле? Ты помнишь, что

после сотворения мира он покинул землю и отправился в морскую даль на тростниковой лодке...

Ганнибал о чем-то задумался и замолчал.

— Почему?

Вопрос Ваки вывел его из грез.

— Что ты сказал?

— Почему Эл уплыл в море? Он стал рыбаком? Или торговцем?

— Ты ничего не знаешь о богах?

Имко ответил, что слышал кое-какие рассказы об Эле, но они оставили больше вопросов, чем ответов.

— Иногда ты похож на дитя, — сказал Ганнибал. — Мне нравится в тебе эта черта. Говоря с тобой, я будто беседую с учеником или с подростком, каким может стать мой сын. Не важно, почему Эл уплыл в море. Он просто сделал это, и все. Ты можешь спросить, был ли на лодке парус или бог использовал весла? Был ли Эл один или с командой? Откуда он взял лодку в то время, когда мир еще не оформился полностью? Не отвечай мне, Имко. Я уверен, что ты мог бы задать все эти вопросы. Но к чему они? Конечно, есть дела, которыми ты можешь интересоваться. Что на завтрак? Будет ли завтра дождь? Однако, когда я рассказываю историю об Эле, ты лучше не спрашивай, а слушай.

Вака прикусил язык. Его голова все еще звенела от случайного комплимента, сделанного ему командиром. Это успокоило его больше всего остального.

Ганнибал начал рассказ с напоминания о том, что Эл был отцом богов и творцом всех созданных вещей. Он назывался Добрым и превыше других занятий любил абсолютный покой. Но в юности по странному капризу он решил отправиться в море. Там, далеко среди вод, он встретил двух красивых женщин — Ашерах и Ромайю. Взяв женщин с собой, Эл убил копьем летавшую над их головами птицу, за жарил ее и, отвернувшись от спутниц, окропил мясо своим семенем. Когда

он накормил Ашерах и Ромайю свежей пищей, они приняли его семя внутрь и стали очарованными Элом. Он спросил, хотят ли они остаться с ним, желают ли стать его женами или дочерьми. Как он и надеялся, они выбрали супружеские отношения. Вскоре жены подарили ему двух детей — Чашару и Шалим, рассвет и закат. Так появилось время, которое мы знаем, и мир начал измеряться интервалами дней, поделенными между двумя перворожденными детьми Эла. По прошествии века Ашерах оказалась более плодовитой матерью и родила более семидесяти отпрысков — богов, которые обитают в мире за гранью человеческого восприятия.

Когда Ганнибал замолчал, Имко спросил:

— Значит, ты считаешь, что величайшим из богов был Эл?

— Нет, я так не думаю.

— Но без него все, что есть на свете, было бы невозможным.

— Вряд ли. Его место занял бы кто-нибудь другой. Ты не можешь утверждать, что без Эла ничего бы не существовало. На самом деле без него возникло бы что-то иное. Если бы к его величию прибавилась храбрость... С людьми происходит то же самое. Некоторые черты их характера восхищают нас, а другие — нет. В своей любви к миру Эл временами вел себя как трус. Его сын Ям заставлял старика дрожать от страха. Ям угрозами принудил Эла возвысить его над Ваалом. Я никогда не считал Эла образцом для себя. Ваал смеялся над его трусостью, хотя лично я не стал бы куражиться над отцом. Мир благословен, но впереди него идет меч. Меч в сильной руке должен убивать всех тех, кто хочет прозябать в покое. Вот истинный путь жизни.

— Почему же Огненный Молох победил Ваала в битве?

Ганнибал посмотрел на Имко и улыбнулся, словно молодой солдат еще раз порадовал его своей детской непосредственностью.

— Сильный лидер не всегда стоит у власти. Часто великие воины в конце концов оказываются побежденными. Молох

тоже не был всесильным. Анатх увлекла его в пустыню и там раскроила ему череп своим посохом.

— Неужели его превзошла какая-то женщина?

— Имко, все не так просто, как тебе кажется, — ответил Ганнибал.

Тон его голоса предполагал конец беседы, но у Ваки появился другой вопрос, который ему не терпелось задать.

— Как ты думаешь, почему боги теперь стали такими тихими?

— Они не тихие, — возразил Ганнибал. — Просто не каждый из нас может слышать их голоса.

Его ответ озадачил молодого солдата. Он решил, что командир ссылался на жрецов. Несколько дней назад Ганнибал попросил Мандарбала предсказать будущее, записанное на кишках желтого быка. Имко знал, что жрец часто давал точные предсказания. Однако он считал несправедливым, что посредниками с богами всегда оказывались ужасно неприятные люди. Мандарбал обладал настолько отвратительным дыханием, что иногда казалось, будто оно выпрыгивало из его рта и, извиваясь, скользило по земле в поисках жертвы. Его торчащие зубы, кожаные перчатки и странная форма губ... Почему при всей красоте мира сонмы богов выбирали своими вестниками уродливых людей, похожих на Мандарбала?

Подумав, что командир начинает засыпать, Имко прошептал:

— Иногда я спрашиваю себя, подходит ли мне жизнь воина.

Ганнибал повернулся к нему и посмотрел в глаза. Его брови взлетели вверх от удивления. В свете луны было видно, как на лбу командира появились морщины.

— Почему ты говоришь такие слова? Ты благословенный человек, Имко Вака! Мать родила тебя воином. Иначе ты не выжил бы в битвах, в которых принимал участие. Я не забыл, что тебе досталось звание героя Арбокалы. И Бомиль-

кар сказал, что ты имеешь особый дар. А он хорошо разбирается в солдатах. Возможно, ты любимец какого-то бога, который отводит нацеленные на тебя стрелы, отбивает замахы мечей и брошенные копья. Если это так, то почему ты сомневаешься в себе?

Имко подумал о стреле, пробившей его ладонь. Но то была небольшая рана, которая не могла опровергнуть выводов Ганнибала.

— Бомилькар слишком добр ко мне.

— Я тоже разбираюсь в людях, — сказал Ганнибал. — В тебе есть что-то, чем я могу лишь восхищаться. Такие вещи невозможно описать словами. Держись выбранного пути, пока жизнь не откроет тебе главного предназначения. Понимание придет, когда наступит нужное время.

— Неужели ты никогда не испытываешь сомнений?

Ганнибал лег на спину и закрыл глаза.

— Мой отец в поздние годы жизни имел множество сомнений. Он переоценивал все свои поступки и гадал, почему боги создали мир таким, каким мы его знаем. Он изумлялся хаосу, который, как ему казалось, правил судьбами людей. Я даже думаю, что он хотел бы прожить жизнь совершенно иначе. В то же время его подталкивало вперед множество обязательств. Он не мог быть другим человеком. Недаром говорят, что лев не может сбросить шкуру и превратится в другого зверя.

Имко выждал паузу и, когда стало ясно, что Ганнибал закончил говорить, он напомнил ему:

— Мой господин, я ведь спрашивал о тебе.

— А в чем мне сомневаться? Военный сезон заканчивается. Время близится к зиме. Этим летом мы выигрывали и проигрывали битвы. Однако общая стратегия ведет нас к окончательной победе. Подумай сам. Карфаген потерял Иберию, но, возможно, теперь совет изменит свое поведение. Оплакав иберийские богатства, старейшины могут дать нам

подкрепление — хотя бы для того, чтобы закончить войну. Поверь мне, скоро римляне отзовут молодого Сципиона в Италию и направят его против меня. Я хочу этого больше всего на свете. Надеюсь, они поверят в него, как в Варрона перед Каннами. Гасдрубал уже в пути и через месяц присоединится ко мне. Наверное, он тоже получил сообщение из Иберии. Возможно, Магон и Ганнон последуют его примеру. И неужели ты будешь сомневаться в победе Карфагена, если четыре Баркида объединятся вместе? Потерпев несколько малых поражений, мы освободили силы для великой победы. После нее к нам вернется все, что было потеряно. Если сбудутся мои мечты, то весной огромный флот Македонии пересечет Адриатическое море, и я снова увижу Карфало. Мы посмотрим, как сражается Лисент... У меня есть много причин ожидать, что наше будущее будет радостным и светлым. И в чем же мне тогда сомневаться? Ладно, Имко, давай помолчим. Как всегда, мне нужно обдумать множество проблем, а в моей голове достаточно шумов и без твоих вопросов.

Наступила тишина. Какое-то время Имко лежал рядом с командиром и не мог заснуть, тревожась о словах, которые он сказал, и о том, как Ганнибал воспринял их. Прислушиваясь к его дыханию, он знал, что командир не спал. Затем смущение и беспокойство улеглись, и Имко почувствовал спокойствие приближавшегося сна.

А через три дня случилось чудо. В то утро тарентийский мальчик, прислуживавший Имко, приготовил ему завтрак, состоявший из вареных яиц, копченой рыбы и жареных кабачков с мясной подливой. Насытившись, Вака поднялся на ноги, потянулся, почесал свой пах и лениво осмотрелся по сторонам. Затем он повернулся, начал скручивать постель, и тут в его уме вдруг проявился образ, увиденный мгновение назад. Нет-нет, ему почудилось! Он не мог поверить в это.

Имко резко повернулся. Там, где прежде находилось животное, было пусто. Он видел только полуразрушенную хи-

жину и часть ограды ветхого загона. Но Вака знал, что глаза не обманули его. Он медленно осмотрел узкую дорогу, окраины лагеря и козлиную тропу, которая вела к гребню небольшого холма. На вершине красовался осел, с большими ушами, отвисшим животом и вывернутыми внутрь коленями — жалкое существо, с драной шкурой, трогательными глазами и опущенным хвостом. Другого такого на свете не было.

Имко обернулся к девочке из Сагунтума. Неужели она разыграла с ним какой-то трюк? Осел не мог быть тем самым животным! Проклятье! Он так долго оставался на войне вдали от дома, с безумной тоской и частыми приступами страха, что, наверное, просто потерял рассудок. Ему нужно успокоиться, иначе он вскоре станет одним из сумасшедших дурачков, которые бродят по улицам города. Если бы Ганнибал знал хотя бы часть навязчивых идей своего отважного капитана, он бы выпорол его кнутом и продал, как раба.

Вака сделал несколько быстрых шагов к холму. Его ноги подняли густой клуб пыли. Группа проходивших мимо итальянок посмотрела на него с традиционным презрением. Они зашептались о чем-то на латыни, скорее всего, оскорбляя его. Тарентийский мальчик изогнул бровь и притворился, что не замечает своего хозяина.

Этот уклончивый взгляд мальчишки едва не сломил его решительность. Имко остановился. Проклятый рассудок! Нелепое здравомыслие! Мир ежедневно переоценивал их, воспевая им хвалебные песни. Возможно, безумие принесло бы ему счастье. Неужели он не может довериться игре воображения и отправиться на поиски любви? Такие моменты случаются редко. За них нужно цепляться мертвой хваткой. Имко вернулся в палатку, собрал минимум припасов и зашагал к холму, приветливо кивая подчиненным и всем своим видом показывая, что он уходит по важному делу. Но как только лагерь остался позади, он ускорил шаг и направился за маяком судьбы, который на этот раз принял форму ослиной задницы.

* * *

Такому молодому лидеру, как Публий Сципион, триумф не полагался по многим причинам, и одной из них было то, что он не являлся консулом. Кровь на его мече едва высохла. Весть о победе близ Илипы опередила его прибытие в Рим лишь на несколько недель. Однако Сенат учел и другие обстоятельства. Несмотря на блестящие победы, его миссия в Иберии была приостановлена. Чтобы не волновать горожан, сенаторы решили, что Публий при возвращении в Италию проживет какое-то время вне города — в храме Беллоны на дальнем берегу Тибра. Там, под серой хмуростью зимнего неба, он устроил жертвоприношение и провел несколько дней в усердных молитвах. Усмирив себя перед божественными силами, он наконец предстал перед Сенатом и дал полный отчет об иберийской кампании. Многие из знатных римлян слушали его со скрещенными руками, высматривая на лице проконсула первые признаки спесивого самодовольства.

Публий вел себя довольно скромно. Он предположил, что его отзыв на родину был результатом самоотверженного служения Риму. Сципион считал, что выполнил в Иберии почти все возможное и невозможное, и, как первый римский генерал, несколько раз победивший карфагенские силы на чужбине, он был готов перенести свою тактику на родную землю и помочь Сенату в планировании нового военного сезона. Римляне, по его словам, нуждались в смелом маневре, который завершил бы войну в их пользу. Им нужен был удар, подобный его атаке на Новый Карфаген — удар не по броне Ганнибала, а в его слабое место.

После выступления в Сенате он вышел на городскую площадь под восторженные крики собравшихся людей, ставших слишком впечатлительными от долгого отсутствия официальных торжеств. Пока он шагал по улицам, горожа-

не выкрикивали ему свои приветствия из окон, с крыш и мостов. Женщины бросали ему под ноги цветы и яркие ленты, с восхищением тянули к Публию руки, чтобы коснуться его тоги. Они называли молодого Сципиона своим спасителем и героем. Девушки кокетливо изгибали накрашенные губки, улыбались или кланялись ему, когда он проходил мимо. Дети, сопровождавшие его на всем пути, напялили на головы куски овечьих шкур, которые напоминали витые нумидийские локоны. Некоторые из них вырядились в белые простыни, раскрашенные красной краской. Их одежда изображала иберийские туники с красными кантами. Другие мальчишки приклеили к подбородкам пучки ослиных волос. Их потешные бородки придавали им сходство с телохранителями Ганнибала. Они убегали от проконсула в шутливой панике, испуганно озирались на него, но ни на миг не удалялись. Их свора вертелась и кружилась вокруг него, выкрикивая просьбы о пощаде.

Люди верили, что иберийские победы Сципиона являлись предвестием грядущих событий. Некоторые говорили, что в него вселился Аполлон и что сам бог придумывал для Публия тактические ходы, ведущие к успеху. Другие вспоминали героев из прошлого и приходили к мысли, что Публий в своем возрасте совершил больше подвигов, чем любой из них. Жрецы, всегда следующие течению народного мнения, раз за разом находили знаки божественного благоволения Публию. Мнение масс было настолько очевидным, что на следующих выборах он получил звание консула и стал самым молодым человеком, заслужившим подобную честь.

Однако слухи и восхищенные отзывы, прославлявшие имя Публия в народе, вызвали гнев у многих его ровесников. Молодежь из знатного сословия начала плести интриги. Кто-то слышал, как Сципион заявил, что звание консула даровало ему право довести войну до завершения — причем без консультаций с Сенатом, по собственному усмотрению, как

он сам считал это нужным. Другие говорили, что он уже начал приготовления к какой-то тайной операции, о которой не знал даже Сенат. По уверениям других людей, он отказался от помощи второго консула Лициния Красса, назвав его никчемным офицером. Некоторые утверждали, что он предложил Ганнибалу лично встретиться в боевом поединке и таким образом решить вопрос о победе пролитием собственной крови.

Публий выслушивал такие истории с улыбкой и никак не реагировал на них. Он имел план дальнейших действий, но упоминал о нем только в кругу близких и доверенных друзей. Идею блистательного маневра подсказал Лаэлий, чья рука однажды указала ему на Новый Карфаген. Незадолго до отъезда из Рима они пили вино и обсуждали недавно полученные сведения о перемещениях Ганнибала. Лаэлий с усмешкой сказал, что они могли бы выразить благодарность старейшинам Карфагена.

Когда Публий попросил его объяснить столь странное суждение, Лаэлий сказал:

— Только они и спасают нас от Ганнибала. Если бы они хотя бы раз исполнили его просьбы и направили ему подкрепление, нам пришел бы конец. Смотри! Он одерживает победу за победой, а они посылают припасы и людей куда угодно, но только не ему. Ганнибал сражается как лев, не понимая, что за ним стоит стая гиен. Эти твари истекают слюной и норовят укусить его за задницу. Он проливает кровь за них, а они в ответ...

Лаэлий замолчал на полуслове.

— Что с тобой? — вскричал он. — Тебе плохо? У тебя кожа стала белой, как у варвара!

Так оно и было, ибо Публий услышал в словах товарища намек, который он так долго искал. Ключ к войне! Возможно, он и сам нашел бы его через некоторое время. Идея, в принципе, не отличалась новизной, но Лаэлий представил ее

в другом свете, так что она буквально ударила Сципиона в лоб. Слабостью Ганнибала, его ахиллесовой пятой была та сила, которая месяц за месяцем истощала возможности африканского военачальника и никогда не предлагала ему помощь... Этот факт маячил перед глазами Публия несколько лет, но он заметил его только сейчас. Совет Карфагена! Карфаген! Карфаген! В тот день Сципион произнес это слово не меньше тысячи раз. А затем он еще долго шептал его про себя, как молитву, состоящую из одного слова.

Хотя он старался держать идею при себе, слухи о ней распространились по городу. Казалось, что куски его мыслей пробили дыры в черепе и упорхнули в уши недругов. Власть и амбиции правили миром — он быстро научился этой истине. Ни одну мысль и ни одну беседу невозможно было утаить от чуткого слуха людей. Его соперники тут же принялись действовать. Фабий Максим — тот самый человек, которому Публий служил «глазами» несколько лет назад — опередил Сципиона и выступил в Сенате с речью. Почтенный гражданин Республики осторожно поднялся со скамьи и предупредил коллег, что он собирается говорить о серьезном вопросе. Фабий не видел другой стороны зала, но, обращаясь к сенаторам, он перемещал взгляд с одного места на другое, как бы создавая зрительный контакт со всей аудиторией. С возрастом он стал сутулым и быстро обветшал после своего диктаторства, однако его болезненный вид и поседевшие волосы создавали ему ауру авторитетной мудрости, которая служила неплохим оружием в мире, населенном молодыми мужчинами.

— Обдумайте пункты, которые я укажу, — произнес Фабий. — Мне нужно предварить свои слова очевидным, но обязательным заверением, что я не держу никакого зла на юного Сципиона. Некоторые могут сказать, что я ревную к его достижениям, однако это будет ложью. Какая зависть может быть у человека моего возраста и с моей историей? Тем более

если речь идет о юноше, который моложе даже моих сыновей. Конечно, мне хотелось бы иметь некоторую долю его энергии, чтобы удовлетворять мою жену. Но подобные вещи тускнеют в сравнении с волей богов. Не забывайте, если можете, что в час величайшей нужды для Рима я был выбран диктатором...

Публий нетерпеливо вздохнул — достаточно громко, чтобы все сенаторы, сидевшие поблизости к нему, отметили этот знак неуважения. Возможно, Фабий тоже уловил его. Но, скорее всего, слух старика был таким же плохим, как и зрение. Лаэлий хохотнул. Несколько других патрициев прыгнули смехом в ладони. Пожилые сенаторы повернули строгие взоры на молодых людей. Однако все присутствующие знали не хуже Лаэлия и Публия, что их ожидала длинная и нудная речь. Фабий часто перечислял свои прошлые заслуги даже по менее значительным предложениям. На этот раз он повторил свою биографию особенно подробно, стараясь внушить коллегам, что его критика в отношении планов Публия шла исключительно на благо Рима и была трезвой и зрелой. Публий понял, что с каждой новой фразой престарелый сенатор все больше подрывает свой авторитет. Однако тот намеревался продолжать речь в прежней манере.

Перечислив весь список своих достижений, Фабий перешел к сути дела:

— Позвольте мне указать, что ни Сенат, ни народ еще не издавали декрет о том, что Африка становится собственностью юного Сципиона, а также целью его будущей военной кампании. Если этот консул узурпирует власть Сената, то я, как один из столпов Республики, буду защищать права народа. Уважаемые сенаторы, вы разделяете мою позицию?

Некоторые тут же выразили ему свою поддержку. Услышав крики подтверждения, Фабий приободрился и начал задавать риторические вопросы. Почему бы консулу не заняться непосредственным ведением войны? Почему бы ему не ата-

ковать Ганнибала там, где он находится — на итальянской земле? Зачем идти в дальний поход на народ, который он мало знает, чтобы сражаться с бесчисленной армией на чужой земле, без гаваней, открытых для него, без подготовленных плацдармов? Неужели только для того, чтобы заставить Ганнибала вернуться? Вряд ли он это сделает, констатировал Фабий. Скорее всего, враг пойдет на Рим. Вот в чем истинная угроза! А если даже Ганнибал покинет Италию и вернется в Карфаген, то как юный консул победит африканца на родной земле, когда никому из его предшественников не удалось добиться этого в Италии?

— Посмотрите, как непостоянны наши дети, — с печальным вздохом продолжил Фабий. — Корнелий Сципион, прославленный и истинный герой, погиб в Иберии, сражаясь за наше отечество. И вот перед нами сидит его сын, который хочет бросить родину на поругание врагу, чтобы завоевать себе дешевую славу. Сограждане, давайте рассматривать его план как фантазию юноши, сбитого с толку ранним успехом. Этот мальчик находится на грани ошибки, и мы должны помочь ему одуматься. Друзья, найдите в себе мудрость и сделайте так, чтобы заблуждения ребенка не поставили на колени великую нацию.

Фабий сел под грохот продолжительных аплодисментов. Однако реакция сенаторов не убедила Публия в том, что его дело проиграно. Он встал, чтобы ответить старику. Его осанка была прямой и твердой. Взгляд спокойно перемещался по залу — почти как у пожилого сенатора, если не считать того, что он видел лицо каждого человека.

— Я питаю сердечные чувства к Фабия Максиму, — сказал он. — Этот политик дал мне много прекрасных уроков. В своей невыразимой доброте он попытался исправить мой план еще до того, как я предложил его Сенату. Мне невыразимо лестно, что он так сильно заботится о моем благополучии. Но его слова удивили меня. Мне что-то не помнится,

чтобы он возражал, когда в этом же зале я добровольно пожелал продолжить войну в Иберии. А в тот момент, как вы помните, мой отец и дядя были убиты, на полуострове действовали три карфагенские армии, и ни одна из них не встречала отпора! В ту пору вы не говорили, что я слишком молод и недостойн вести военные операции. Почему же мой возраст смущает вас теперь? Неужели в ту пору я был больше пригоден к ведению войн? Или армии в Африке будут чем-то отличаться от тех войск, которые я встречал в Иберии? Неужели вы думаете, что Карфаген держит лучших генералов дома?

Фабий встал и сказал, что молодой человек имеет право на такие вопросы.

— Он задает их в насмешку, но над ними стоит задуматься...

— Фабий, — рявкнул Публий. — Сейчас говорю я, а не ты!

Консул хрипло вздохнул, соизмеряя дыхание, и позволил притихшему залу успокоиться.

— Сенаторы, выбор ваш, но ценой ему будет кровь нашей нации. Вы можете и дальше идти по пути, который год за годом приносит нам страдания и смерть. Война погубила многих выдающихся солдат, чьи имена я не буду здесь произносить. Сейчас вы можете выбрать продолжение этой неправильной стратегии, и тогда в конце концов настанет день, когда Ганнибал появится у ворот Рима. Или вы можете выбрать смелое решение вопроса. Только не поддавайтесь сомнениям, роящимся в робких умах стариков. Забудьте о страхе трусливых людей и о протестах криворуких воинов. Я прошу вас выслушать мои слова и вникнуть в суть идеи. Как только вы дадите мне свое разрешение, я тут же отправлюсь в Африку. В течение двух месяцев вы услышите о том, что страны карфагенских союзников объаты пламенем войны. После этого вас ожидает следующая новость. Ганнибала отзовут защищать отечество. Это единственная стратегия, которая обеспечит нам успех. И она будет тем единственным

маневром, который не только застанет Ганнибала врасплох, но и напугает его. Я не ищу других целей для моей африканской кампании. Подумайте над моим планом и взвесьте все его достоинства, а их там, уверяю вас, немало.

Когда он сел на скамью, начались яростные споры. Через некоторое время кто-то вспомнил, что оба консула еще не бросили жребий и не определили свои провинции. Решение не могло быть принято до тех пор, пока не станет ясно, какой регион достанется Публию — европейский или африканский. Впрочем, это было только временным препятствием. Публий вытянул кусок пергамента со словом «Африка», и многие сенаторы увидели в этом руку Фортуны. Молодому консулу разрешили подготовку к африканскому походу — и даже к атаке на Карфаген, если он того захочет. Однако, поскольку его миссия имела лишь косвенное отношение к защите Рима, сенаторы отказали ему в наборе новых отрядов. Он мог плыть в Африку когда угодно, но без двух обычных легионов. Ему позволили лишь забрать себе опозоренных ветеранов Канн, изгнанных на Сицилию, и тех добровольцев, которые последуют за ним.

Когда они покидали Сенат, Лаэлий закатил глаза.

— Так много в благодарность за спасение.

ЧАСТЬ 5: СЫНЫ ФОРТУНЫ

Они зимовали в суровой и невероятно холодной стране. Кавары приняли их с дружеским радушием, но грубые обычаи, по которым жил этот народ, не предполагали особых удобств. Когда не было метелей, шел дождь со снегом, а если заканчивался и он, то начинался просто дождь, во многом казавшийся хуже снега. Воинам казалось, что сырость проникала сквозь кожу, пронизывая до костей, наполняла их изнутри, что они дышали ею. Иногда облака уступали место великолепно ясной синеве, однако ночи после солнечных дней становились еще холоднее, поскольку все тепло земли уходило в открытое небо.

Пересекая высокие отроги Пиренеев, Силен подхватил жестокий кашель. Он мучился им долго — почти до самой Роны. Грек выплевывал из легких густую слизь, которая день ото дня меняла цвет и плотность. Временами его тело горело в лихорадке. Голова кружилась. Он лежал и потел, завернутый в шкуры животных. Каварский колдун натирал его различными мазями. Сначала Силен пытался отогнать от себя это существо в балахоне — особенно когда увидел гнойники на его руках и разглядел лицо, морщинистое и комковатое, как опара дрожжевого теста. Но он был настолько слаб, что уже не мог двигаться. Закрыв глаза, он ругал человека длинными обличительными речами, а тот, не зная греческого язы-

ка, не обращал на них никакого внимания. Когда вернулось здоровье, Силен даже словом не поблагодарил каварского мистика. Ему просто пришлось поднатужиться и вылечиться самостоятельно, говорил он друзьям. Иначе этот людоед извел бы его до смерти.

С тех пор Силен почти не выходил из хижины. Переступая порог, он неизменно видел странный ледяной мир. Часть каждого дня он проводил за столом, записывая свои наблюдения. Его очаровали голые ветви деревьев, которые под порывами ветра роняли холодные капли. Вода, несмотря на жидкую форму, цеплялась за обледеневшие отростки дерева. Необъяснимое чудо природы! Еще он заметил, что солдаты, которые в ясные дни уходили в горы на разведку, возвращались с загорелыми лицами и руками, словно они побывали в Африке. Однажды он нашел несколько рыб, вмерзших в ледяную глыбу. Проверая утверждение местной ребятни, он решил растопить лед в тазу и, поставив его между очагом и своей постелью, обнаружил, что рыбы ожили. Выкатив глаза, они застучали хвостами и плавниками, пытаясь выпрыгнуть из посуды. В остальном, в этих северных землях нечего было делать. Лучше бы он уехал к Ганнону, о котором часто думал. К сожалению, решение о возвращении в Италию принимал не он. Приоритет был отдан летописи Ганнибала.

В последнее время он начал тревожиться о здоровье Гасдрубала. Баркид страдал не от физической немощи, а от нехватки душевных сил. Иногда он не впускал к себе посетителей по два-три дня. Когда Силен заходил в его палатку, он неизменно находил генерала в одной и той же позе. Гасдрубал сидел на койке, сгорбившись и набросив на плечи шкуру черного медведя. Череп и верхняя челюсть животного покоилась на его голове. Зубы твари прижимались ко лбу генерала. Он даже ходил так, с когтистыми лапами медведя, болтавшимися у его рук. Гасдрубал проводил целые дни, царапая на глиняном полу какие-то фигуры. Он рисовал их, стирал но-

гой и снова рисовал при новой вспышке вдохновения. Силен не понимал этого занятия. Сначала он думал, что рисунки были картами местности, планами боев и набросками территорий, куда им полагалось войти. Но затем он начал угадывать в линиях черты человеческой фигуры — глаза, локоны волос, упавшие на лоб, смутные контуры подбородка. Гасдрубал всегда стирал рисунки раньше, чем грек понимал их смысл.

Когда генерала спрашивали о его здоровье, о планах на следующий год, о моральном состоянии солдат, о сведениях, полученных от Ганнибала, о будущем переходе через Альпы, который намечался ранней весной — короче, о чем угодно — Гасдрубал либо молчал, либо отвечал одной и той же фразой: — Зимой медведи спят!

Такой ответ Силен не устраивал — тем более что эти слова всегда сопровождались дикой усмешкой. Греку не нравились мешки под глазами генерала и то, что он постоянно жевал уголок губы зубами, которые в тусклом свете факела казались очень большими. Когда Гасдрубала просили пояснить свой ответ, он просто повторял его, а затем начинал рычать, как дикий зверь. Вскоре Силен вообще перестал задавать ему вопросы. Навещая генерала, он заводил речь о битвах Ганнибала и с притворным оптимизмом рассуждал о том, какое будущее Фортуна уготовила их армии. Он пытался напомнить Гасдрубалу о мире новых возможностей, который лежал за границами галльского ада, — о людях, местах и радостях, доселе еще не знакомых им.

Он не был уверен в эффективности своих усилий, но с первой весенней оттепелью «медведь» зашевелился. Гасдрубал собрал потрепанные остатки отрядов, с которыми он бежал из Бекулы. Только одиннадцать тысяч солдат пережили зиму — намного меньше, чем в этом месте имел когда-то Ганнибал. Никто из них не желал воевать, но все хотели покинуть холодные края. А поскольку теплые страны находились

за горами, солдаты признали лидерство генерала и согласились с переходом через Альпы.

Гасдрубал повел армию к верховьям Роны, где узкая река представляла собой лишь незначительное препятствие. Он заранее был готов к трудностям. Передовые отряды вели себя с максимальной осторожностью. Солдаты маршировали с копьями в руках. Силен тоже не расставался с мечом, хотя такое оружие вряд ли пригодилось бы ему в горах. Он не хотел становиться жертвой чужих ошибок. Более того, он бурно выражал свое мнение на каждом этапе похода. Гасдрубал даже пошутил, что грек всеми силами пытается избежать маршрута, который хотя бы отдаленно напоминал ему путь, пройденный вместе с Ганнибалом. Силен не спорил с этим утверждением, но он был рад, что Гасдрубал вновь стал посмеиваться над ним. Возможно, он преувеличивал его зимнюю меланхолию.

Галлы, вспоминая прохождение первой африканской орды, приветствовали новую армию с любопытством вместо страха — и, возможно, с долей жалости, поскольку люди Гасдрубала выглядели абсолютно не впечатляюще. Даже дикие варвары, которые нападали на них в горах, представляли собой небольшую проблему: они крали припасы, время от времени воровали обозный люд, и то скорее для забавы. Конечно, аллоброги оказали бы им жесточайшее сопротивление, но карфагенянам удалось избежать встречи с ними.

Они выбрали хороший маршрут. По мнению Силены, переход через Альпы прошел очень спокойно — во всяком случае, без больших потерь. Они попали под несколько лавин, потратили пять-шесть суток, возвращаясь из тупиковых долин. Три дня над ними выла снежная буря. Запасы зерна испортились от сырости. Стая волков, распробовав человечину, атаковала оставших солдат. Но эти происшествия нельзя было сравнивать с теми эпическими усилиями, которые выпали на долю Ганнибала. Они просто двигались вперед и

вверх. Затем в каком-то месте, которого Силен не отследил, армия начала спуск, с умеренным наклоном и через другой перевал. Прежде чем грек поверил в удачу, они спустились с гор и оказались на ровной местности.

Добравшись до реки Пад, Гасдрубал решил связаться с Ганнибалом. Он не знал, где находился брат и в каком состоянии пребывала его армия. Однако ему не терпелось объединить их силы. Он продиктовал Силену необычно длинное письмо. Казалось, что он хотел уместить на листе пергамента не только план дальнейших действий, но и часть своей жизни. Гасдрубал так долго не видел брата, что пытался рассказать ему о многом, что произошло за годы их разлуки. Силен безропотно записал все его слова. Генерал выбрал группу опытных всадников и приказал им спешно мчаться на юг. Они должны были тайно пробраться через Италию в регион Тарента и найти там Ганнибала. Как только всадники выехали из лагеря, разбрасывая дерн из-под конских копыт, Гасдрубал велел начать поход.

Карфагеняне приблизились к Плацентии, словно собирались провести осаду города. Но поскольку они не имели осадных орудий, их действия были показательным спектаклем. Окружив город, они насмеялись над римлянами и вызывали их на бой, а те, в свою очередь, не желали спускаться с зубчатых стен и сражаться с ними. Чем большее стремление сражаться выказывал Гасдрубал, тем сильнее местные галлы чувствовали зов войны в своих жилах. Сначала к африканцам просочилось несколько представителей племен, которые хотели выяснить возможности новых союзов и получить определенные обещания. Гасдрубал изложил им великие планы на грядущий год. Он покинул Иберию, чтобы присоединиться к брату и закончить войну. В южных портах к нему примкнули десятки тысяч воинов, присланных из Карфагена. Когда они объединятся с Ганнибалом, их армия захватит Рим. Они зальют улицы города кровью! Сотни убитых за каж-

дого солдата, которого он сможет вспомнить, за каждого несправедливо убитого мужчину, за каждую изнасилованную женщину, за каждый нарушенный договор, за каждое напыщенное латинское слово. Он увидит город в огне, разграбит его и протащит римских женщин по улицам, привязав их к повозкам за волосы.

К тому времени, когда через пятнадцать дней Гасдрубал двинулся дальше, за ним последовала тридцатитысячная орда цизальпийских галлов. Похоже, им понравились слова африканского генерала. Около Матины они наняли проводников. Те утверждали, что знают все пути и обходные тропы, ведущие на юг. Армия продолжила движение к намеченной цели. Поначалу казалось, что проводники не заслуживали своей оплаты. Армия перемещалась по Виа Фламиния. Такой широкой и ровной дороги никто из них еще не видел. Ее каменные плиты были уложены с идеальной точностью. Каждый день солдаты проходили вдвое большее расстояние, чем обычно. Воины восторгались своим быстрым продвижением вперед и тем, что они использовали труд врагов себе на благо. Армия миновала Ариминум, не потревожив его. Горожане собрались на стенах, наблюдая за их колонной. Солдаты гарнизона заняли позиции, нацелив пики в небо. Но городские ворота были закрыты, поэтому Гасдрубал не стал тратить время зря. Его солдаты свернули на дорогу, идущую вдоль берега мимо Крыла Фортуны. Затем проводники указали им брод через реку Метаурис, и колонна зашагала по широкой равнине, тянувшейся до самой галицианской Сены.

Там они поняли, что римляне не собирались пропускать их в свою страну. В долине, засеянной пшеницей, их поджидало войско, которым командовал Ливий Салинатор. Четыре дня армии стояли друг перед другом. Пару раз кавалерийские отряды осыпали противников градом дротиков и копий. Чуть позже римляне отошли немного назад, хотя никто не понимал, какую выгоду они хотели получить от перемены

позиции. По оценкам Гасдрубала, карфагенская армия слегка превышала по мощи вражеское войско. Однако часть его отрядов состояла из неуправляемых галлов. Генерал не хотел сражаться на такой ровной местности и пытался найти обходные тропы. К сожалению, ландшафт не давал ему никаких преимуществ. Им предстояла открытая битва, а не хитрые маневры. Ноба вызвался взять ливийцев и отправиться в ночной поход, чтобы окружить легионеров и в назначенный момент напасть на них с тыла. Но когда офицеры начали обсуждать этот тактический ход, к ним привели человека, который изменил все их планы.

Как оказалось, из римского лагеря, рискуя жизнью, удрали перебежчик. Кто-то из легионеров заметил его. В погоню был отправлен отряд кавалерии. Мужчине пришлось убежать. Удар меча смял ему шлем. Второй удар оставил порез на плече. Отбивая рукой летящий дротик, он сильно повредил ладонь. Мужчина сохранил себе жизнь, скатившись по склону оврага. Кавалеристы не рискнули последовать за ним. Падение было почти вертикальным. Он подскакивал на кочках, ударялся о камни и стволы деревьев, а затем, застряв в густой поросли, с трудом выбирался из колючих кустов. Римские всадники гнались за ним по краю обрыва почти до самого карфагенского аванпоста, но в конечном счете им пришлось ретироваться, так как ими заинтересовались нумидийцы. Заметив всадников, выехавших из африканского лагеря, легионеры повернули назад, посчитав ближайшую опасность более важной, чем сведения, которые мог передать врагу один человек.

Когда Гасдрубалу доложили о перебежчике, он велел привести его к нему. Вскоре перед ним предстал коренастый широколобый мужчина, с рябым от оспы лицом и загорелой кожей оливкового цвета. Простая одежда выдавала в нем легионера. Генерал хотел позвать Силена, чтобы тот выступил в роли переводчика, однако один из охранников, сопро-

вождавших мужчину, сказал, что это необязательно. Перебежчик говорил на карфагенском языке. Гасдрубал нахмурил лоб. Четыре волнистые морщины исчезли лишь тогда, когда он сформулировал вопрос.

— Что ты хочешь мне сказать?

Человек склонил голову и, по обычаю тевестов, поцеловал кончики своих пальцев. Он заговорил на чистом карфагенском языке, украшенном возвышенными оборотами речи, которые соответствовали его приветствию. Он представился слугой Ваала и воздал хвалу тем, кто походил на него в служении этому богу. Мужчина сказал, что хотя в его жилах течет римская кровь и он говорит на латыни, он всегда был верен Карфагену. Его отец, плененный в Первой Пунической войне, женился на африканской женщине из того же народа, к которому принадлежала Дидобал, жена Гамилькара. Перебежчик сообщил, что его с детства обучали римским обычаям и готовили к шпионской службе, чтобы он однажды смог оказать услугу нации, усыновившей его. Во второй год войны он, по приказу самого Бостара, поступил в римскую армию. Однако после трагической смерти личного секретаря Ганнибала он остался один среди врагов, потеряв все связи с карфагенскими офицерами, которым мог бы передавать свои донесения. В последнее время он ждал удобного случая для возвращения к единоверцам и молил богов, чтобы они помогли ему убежать от римлян. Мужчина воспользовался первой же возможностью и принес Гасдрубалу такие новости, которые превосходили по важности все, что он выводывал прежде.

— Что это за новости?

Человек склонил голову и вновь поцеловал кончики пальцев. Затем он развел руками, показывая жестом, что отбрасывает прочь какой бы то ни было обман, и что каждое его слово означает чистую правду.

— Вы попали в западню, — сказал он. — Гонцы, которых ты послал, не добрались до Ганнибала. Нерон схватил их близ

Тарента и нашел письмо, адресованное твоему брату. Из него он узнал о планах, задуманных тобой. Он выбрал шесть тысяч солдат, одним из которых оказался я. Семь дней назад мы покинули южные края. Нерон официально объявил о походе в Ликанию, но, как только мы удалились от глаз твоего брата, наша армия двинулась на север. Он гнал нас, как безумец, и через два дня соединился с легионами Ливия Салинатора.

— Шесть тысяч солдат? — спросил Гасдрубал.

Мужчина кивнул.

— И тысяча кавалеристов.

— Что-то я не видел их, — заметил Ноба.

— Мы прибыли ночью. Никто из нас не появлялся на поле боя. Многие сейчас скрываются в обозе. Мы спали вповалку в палатках или просто на голой земле. Нерон ждет Люция Лициния. Он идет по твоим следам от самой Плацентии и блокирует отходы на Виа Фламиния. Когда он приведет сюда свое десяти тысячное войско, все силы будут на местах.

— И тогда они будут превосходить нас по численности на пятнадцать тысяч, — тихо подытожил Гасдрубал.

В его голосе звучали нотки недоверия.

— Кто этот Нерон? — спросил Силен. — Если ты говоришь о Клавдии Нероне, то я тебе не верю. У него на счету много военных кампаний, но он никогда не отличался смелостью и сообразительностью, которые ты нам описал.

Человек взглянул на писца, затем повернулся к Гасдрубалу и сказал:

— Грек говорит правду. Но я тоже не лгу. Я не могу объяснить поведение Нерона. Однако прошу тебя, поверь мне, господин.

— И Ганнибал ничего не знает о действиях римлян? — спросил Ноба.

Человек покачал головой.

— Во всяком случае, не из уст тех людей, которых вы послали. Они больше никогда не заговорят.

Гасдрубал отметил последнюю фразу легким кивком головы. Он посмотрел на Нобу, и эфиоп приступил к дальнейшему опросу перебежчика. Мужчина отвечал на все вопросы обстоятельно. Его слова звучали, как мощный барабан, гремевший в отдалении, но с каждым ударом приближавшийся к ним. Если человек говорил правду, то они попали в более серьезное положение, чем при Бекуле. Во-первых, они находились на вражеской территории. Во-вторых, Ганнибал был далеко и ничего не знал о них... Но что, если он лгал им?

— Мы не знаем его, — сказал Ноба после того, как мужчину увели. — Он говорит, что направлял донесения Бостару, но я не слышал о нем прежде. Возможно, это часть коварного плана.

— С какой целью? — спросил Гасдрубал.

— Чтобы запугать нас и вынудить к бегству. Чтобы заставить нас совершить фатальную ошибку.

Силен неодобрительно посмотрел на наморщенный лоб Гасдрубала. Генерал прикусил уголок губы и пожевал его, словно кусок сушеной рыбы.

— Он знает о моем сообщении, — сказал Гасдрубал. — Он знает количество гонцов и город, в который я отправил их. К тому же он говорит с тевестским акцентом.

— Для обмана можно использовать любые средства, — возразил Ноба. — Пусть он докажет свои слова. О чем бы таким спросить его...

— Перестань, — прервал его Гасдрубал. — Как мы убедимся, лжет он нам или нет? Начнем пытаться его? Если он говорит правду, то и будет повторять ее. Если он лжет, то продолжит лгать, потому что признание в обмане будет стоить ему жизни. Я не знаю, как прояснить ситуацию. Почему ничто вокруг не происходит честно и прямо? Почему все идет не так? Все на свете...

Он замолчал, прикусил губу и повернулся к писцу.

— Силен, что говорит тебе сердце?

Грек вскинул руки ладонями вверх, возмущившись тем, что его втянули в спор. Взглянув на просвет между руками, он покачал головой.

— Я не берусь судить...

— Что говорит тебе сердце? Просто скажи!

— Я верю этому человеку, — ответил Силен.

— Ноба?

— Мы должны быть осторожными, — произнес эфиоп. — Давай пошлем разведчиков...

— Я задал тебе тот же вопрос, что и Силену. Отвечай!

— Ну, раз так... Шпион говорит правду. Я верю ему.

— И я ему верю, — сказал Гасдрубал. — Поэтому мы отступим к реке. Пошли разведчиков для сбора доказательств. Пока они будут выяснять обстановку, мы отойдем назад. Этой же ночью. Таково мое решение.

Как только отряды начали готовиться к походу, проводники исчезли во мгле. Больше их никто не видел. Гасдрубал проклял предателей, но сказал, что их бегство ничего не меняет. За ночь армия должна была дойти до реки Метаурис, чтобы утром найти пригодный путь и подняться к предгорьям Апеннин. Там, на пересеченной местности, они могли укрыться в каком-нибудь ущелье. Однако на первом же этапе отступление превратилось в неорганизованный процесс. Даже при свете дня пересеченная местность у реки представляла собой довольно сложное препятствие. Русло вырезало на равнине глубокие лощины. Берега поросли густым лесом. Ситуацию усугубляли отвесные обрывы, валуны, сползавшие со склонов под разными углами, и корни, чьи пегли хватали людей за ноги. В смоляной мгле лес казался обителем зла. При каждом шаге солдаты натыкались на что-то непонятное, падали, роняли тюки и оружие, ругались и шептали молитвы. Река напоминала вертлявую гигантскую змею, которая никогда не оказывалась на том месте, где ее ожидали увидеть. Воины сбивались с пути, окликали друг друга, но не-

ровный ландшафт наполнял лес звонкими отголосками эха, и это вызывало еще большую путаницу.

В отличие от африканцев, галлы не боялись леса. Многие из них, устав спотыкаться, зажгли факелы. Однако пятна дрожащего света бросали длинные тени, делали темноту еще более пугающей и искажали пространство. Остальные солдаты сердито закричали, потребовав затушить огни. Они боялись, что свет выдаст их врагу и спровоцирует атаку римлян. Затем какой-то олух обронил факел на землю и поднял его недостаточно быстро. Пламя побежало по сосновой хвое, перескочило на сухие ветви деревьев и его языки, как стая проворных белок, помчались вверх по стволам. Через несколько мгновений лес загорелся над головами людей. Лошади понесли. Скот вырвался из-под контроля погонщиков и попытался скрыться в темноте. Но мрак еще больше напугал животных. Они с ревом и блеяньем вернулись на свет.

Большую часть ночи Силен блуждал по лесу, выставив руки перед собой, чтобы защитить лицо от хлестких ударов ветвей. Иногда он останавливался и подносил ладони к вискам, пытаясь успокоиться. Все шло неправильно. Им следовало оставаться на открытой местности подальше от реки. Даже если бы они ошиблись с направлением, то одолели бы большее расстояние, чем сделали этой ночью. Он знал, что Гасдрубал разделял его мнение. Генерал буквально разрывался на части. Он носился по лесу среди деревьев, кричал, выталкивал из темноты потерявшихся людей и указывал им курс на предгорья. Несколько раз, подгоняя солдат, он промчался в брызгах по речному мелководью, и только сила его голоса помогала воинам сохранять благоразумие.

Гасдрубал не спал всю ночь. Он был истощен и опустошен. Его тело онемело от продолжительных и непрерывных усилий. Однако на следующее утро он имел бодрый вид, чего Силен давно уже не видел. Казалось, он черпал силы в нелег-

кой ситуации. Близость врага помогла ему одолеть меланхолию, терзавшую его зимой.

Когда Силен отметил это, Гасдрубал ответил со всей серьезностью:

— Да, я сильно тосковал. Но теперь мне хочется опечалить Рим. Пусть он помучится вместе со мной.

Тем же утром Гасдрубал объяснил солдатам, что они попали в окружение. Римляне шли на них с трех сторон. Наверняка в этот день им предстояло сразиться с легионерами. Если им не хватит мужества и они побегут, то их попросту убьют — всех до единого. Сам он больше не хотел убегать от римлян. Гасдрубал повел свое войско от реки на холмистую местность, не зная, что его судьба уже решена. Как только солдаты вышли из леса, они увидели перед собой ожидавшую их армию. Огромная численность римлян подтвердила истину слов перебежчика. Легионеры находились на позициях в боевых формациях.

Гасдрубал призвал своих солдат подготовиться к битве. Пока солдаты выстраивали передние ряды, он шагал перед ними с обнаженным мечом. Генерал казался выше ростом. Его фигура напоминала статую, неуязвимую для любого физического вреда. Он не стал надевать поножи и наплечники. Его мускулистые руки и ноги подрагивали от скопившейся энергии. Мышцы шеи напрягались, как веревки, когда он, приподняв подбородок, выкрикивал приказы. Генерал велел сузить переднюю линию, поскольку два холма теснили их фланги.

Затем, словно прощаясь, Гасдрубал посмотрел на грека. Прежде чем тот успел махнуть ему рукой, генерал отвернулся, и битва началась. Силен стоял на холме, на большом расстоянии от командной позиции Гасдрубала. Впрочем, вид, открывавшийся перед ним, был тем же самым. Две армии столкнулись, словно каждая из них ничем не отличалась от

варварской орды. Римляне, как обычно, сделали несколько выверенных по времени залпов, но Гасдрубал велел солдатам использовать эти моменты для быстрых перебежек, чтобы выйти на короткую дистанцию. Порядок войск тут же был нарушен, и дальше о боевом искусстве не могло быть и речи. Ничто в этой битве не напоминало об изяществе, тактике или стратегии. По обе стороны царила чистая и беспощадная паника — люди пытались убить противников до того, как те убьют их самих. Галлы выкрикивали боевые кличи и дули в свои трубы, украшенные головами животных. Они размахивали длинными мечами и вертелись с такой силой, что косы хлестали их по плечам, как плети. Ливийцы демонстрировали невероятное мастерство ближнего боя. Они вели себя, как тихие коварные убийцы, и разили врагов копьями в шею, лица и плечи. Вытаскивая оружие из ран, они проворачивали наконечники, срывая римскую плоть с костей и сухожилий. Иберийцы сражались обоюдоострыми мечами. Они кромсали руки и ноги врагов до костей — и даже через кости. Их клинки вспарывали незащищенные животы легионеров, вываливая на землю скользкие петли кишок. А римляне отвечали им тем же.

Так могло бы продолжаться еще несколько часов, пока одна из сторон не склонила бы баланс сил в свою пользу. Но Нерон сделал тактический ход, который в одно мгновение изменил течение битвы. Римский консул заметил, что его отряды на правом крыле, примыкавшем к реке, сконцентрировались на пересеченной местности. Им не с кем было сражаться, и они стояли, сохраняя формацию. Он отвел их назад, переместил на другой фланг и направил в атаку на карфагенян. Их массивная поддержка нанесла большой урон африканцам и вбила клин в их ряды. Волны хаоса и паники распространились до самого центра. Исход битвы больше не вызывал сомнений. Римляне поняли, что преимущество оказалось на их стороне. Они стали сражаться еще ожесточеннее.

Силен перевел взгляд на ближний участок сражения и попытался найти Гасдрубала. Какое-то время он не видел его. Затем грек заметил знакомый штандарт и фигуру Баркида. Рядом с ним был Ноба. Они оба уже примкнули к рукопашной схватке. Горло Силену напряглось с такой силой, что он едва мог дышать. Впервые в своей жизни он попросил богов вмешаться и доказать свое существование. Он молил их спасти Гасдрубала от хищной стаи римлян. Он даже хотел отвернуться и закрыть глаза, чтобы боги могли явить свое могущество. Но, с другой стороны, Силен старался рассмотреть все подробности битвы, чтобы позже описать их в своей летописи. Кроме того, ему было уже пора бежать — со свитками, прижатыми к груди. В принципе, он мог бы заняться личным спасением прямо сейчас, позволив кривым ногам унести его от поля битвы на максимально возможное расстояние.

Однако он не мог сдвинуться с места. Силен стоял как вкопанный, глядя на шлем Гасдрубала, мелькавший рядом с львиным штандартом. Он наблюдал, как генерал бросился в гущу сражения и быстро стал центром всей битвы. Римляне узнали его по одежде и роем накинулись на него. Грек видел, как Гасдрубал в конце концов исчез в толпе легионеров. Сначала десять, затем двадцать и даже больше вражеских солдат окружили то место, где он упал наземь. Они били мечами и копьями тело, лежавшее под их ногами. Руки и локти римлян мелькали в воздухе, касаясь друг друга. Солдаты пронзали плоть Баркида снова и снова, как будто боялись, что он поднимется и тогда они уже не смогут удержать его.

* * *

Ганнон однажды посещал ливийскую столицу Цирту. Тогда он был еще ребенком. Теперь же, когда квинкверема вошла на веслах в гавань, город выглядел несравнимо меньше, чем в далеком прошлом. Он прижимался к земле, а не тянул-

ся вверх, как Карфаген. Он не поражал красотой своего местоположения, как многие крепости Иберии. Тусклая и серая, под цвет почвы, Цирта почти не имела украшений. Лишь несколько стен были инкрустированы раковинами, и только несколько домов выделялись ярко-красными и оранжевыми коврами, которые висели над входом, не пропуская жар солнца во внутренние покои. За последние годы мощь ливийцев возросла, но, по мнению Ганнона, они еще не освоили градостроительства и не совсем отказались от своих кочевых традиций.

Все это место с самого начала вызывало у него презрение, хотя подобные чувства объяснялись скорее причиной, приведшей его сюда. После разгрома, учиненного Публием, он и Магон лишились союзников. Баркидов прогнали из Иберии и силой лишили страны, которую их отец некогда называл своей империей. По крайней мере, они сопротивлялись как могли. Никто не мог винить их за поражение. Они не сдались. Несмотря на неудачу, они оба взялись за выполнение новых миссий. Когда Ганнон покидал Иберию, Магон и Масинисса готовились отплыть на Балеарские острова. Они надеялись набрать там солдат, вдохновив их историями о победах Ганнибала. Затем Магон собирался перевезти свою армию на итальянское побережье. Ганнону предстояло вернуться в Африку. Он хотел обратиться за помощью к Сифаксу и вовлечь в войну его многотысячную армию. Ливийские наемники давно служили хребтом карфагенских войск, однако Ганнон надеялся добиться еще большей поддержки, выпросив у Сифакса не только солдат, но и его личное участие. После этого он мог вернуться в Карфаген и доложить совету о сложившейся ситуации. Если его не распнут и не обезглавят, он сделает все, чтобы отправить в Рим еще одну армию. Ему казалось, что именно теперь он кует победу нации — лучше, чем когда-либо прежде. Карфагенский народ так много потерял, что уже не имел иного выбора, кроме продолжения войны.

Как только его корабль коснулся каменной пристани, он спрыгнул на берег и направился в город. Внезапно вид двух кораблей остановил его. В гавани Цирты стояли римские галеры. Он никогда не думал, что увидит подобное зрелище. На миг ему захотелось вернуться на судно и уплыть в Карфаген. Но прежде чем Ганнон успел принять решение, к нему навстречу вышли царские сановники. Их пышную процессию, состоявшую из плотной группы знатных людей, окружали многочисленные слуги, которые прокладывали путь в толпе горожан и при каждом шаге махали над своими господами пальмовыми опахалами. Сановники не проявляли признаков беспокойства. Судя по всему, их не смущал визит римских кораблей. Ганнон направился к ним позади своей процессии. Его люди несли дары для ливийского царя. К сожалению, он заранее распределил все богатства, вывезенные им из Иберии. Сейчас ему хотелось иметь при себе нечто большее.

Через несколько часов он оказался в самой странной ситуации, какую только мог представить себе. На званом обеде, где Ганнон должен был встретиться с Сифаксом, его познакомили с человеком, чье лицо он столько раз воображал в своих грезах. Воображение постоянно изменяло его, но оно всегда оставалось ненавистным ему по тысяче причин. Теперь он видел перед собой реальное лицо: с тонкими губами, крючковатым носом, со слегка косыми, но умными глазами. Темные волосы обрамляли и сглаживали его черты, делая их более симпатичными, чем они выглядели бы в отдельности. Ганнон смотрел на мужчину до тех пор, пока тот не заговорил с ним на латыни.

— Поверь, генерал, я удивлен не меньше твоего, — сказал Публий Сципион. — Как и ты, я выполняю здесь дипломатическую миссию. Давай будем оставаться государственными деятелями, а не воинами. Пусть наши прежние отношения не влияют на эту встречу.

Ганнон осмотрел помещение. Сифакс еще не появился. По залу гордо прогуливались его знаменитые коты. Эти крупные и упитанные животные недалеко ушли от диких предков. Они носили на шеях колокольчики, которые позвякивали при каждом движении. Коты лизали лапы, зевали или хватали куски мяса со стола. Остальные гости, приглашенные на пир, держались поодаль и скромно жались к стенам. Их уклончивые взгляды и робкий шепот вызывали у Ганнона презрение. Зная, что его громкий голос разнесется по всему залу, он спокойно ответил:

— Договорились.

Он сел на подушки у низкого стола и осмотрел чаши с финиками и виноградом. Его ум перескакивал с одной мысли на другую, с вопроса — на следующий. Ганнон знал, что Публий, вернувшись в Рим из Иберии, был избран консулом. Но что он делал в Африке? Что, что, что? Неужели с Ганнибалом стряслась какая-то беда, и он перестал быть угрозой для Рима? Неужели Сифакс осмелился на сделку с врагом? Стоит ли ему гостить в логове предателя? Отпустят ли его живым отсюда? Неужели Рим имел теперь виды на Африку?

— Мне кажется, тебе нравится греческий стиль жизни? — развязным тоном спросил Публий. — Не так ли? Я вижу это по твоим глазам.

Словно в опровержение, Ганнон поднял взгляд и посмотрел на консула.

— Когда-то он мне нравился, но теперь уже нет. Теперь я радуюсь жизни только в те моменты, когда убиваю врагов моего отечества.

Консул засмеялся.

— Тогда ты воистину несчастлив...

Так и не закончив фразу, Публий поднял руку в жесте извинения.

Сифакс вошел в зал в окружении слуг — людей разных возрастов. Некоторые из них были с оружием, другие обла-

чилились в мантии гражданских советников. Ганнон повернулся и посмотрел на царя. Этот невысокий человек имел широкие плечи и мощную грудь, которая проступала под тонкой тканью одежды. Крапчато-коричневые глаза и кожа были того же оттенка, что и стены города. Казалось, их сделали из одинакового материала. Из головы царя торчали пучки туго сплетенных курчавых волос. Борода представляла собой полосу из крохотных шариков, которая тянулась под подбородком по всей нижней челюсти.

— Прошу садиться, — с усмешкой сказал он на родном языке.

Его грудь украшали ожерелья из бусин и золотая цепь, говорившая о царском достоинстве. С плеч свисала шкура гепарда. Коснувшись ее, он громко произнес:

— Мы все здесь равны друг перед другом, поэтому давайте говорить как равные. Возможно, Сифакс однажды прославится как миротворец между Карфагеном и Римом.

Никто из гостей не улыбнулся в ответ на шутку Сифакса. Услышав перевод, Публий сердечно поблагодарил царя и сказал, что Рим не настолько озабочен трениями с Карфагеном, чтобы говорить о них сейчас. Ганнон вообще промолчал. Сифакс, явно забавляясь сложившейся ситуацией, велел начать пир.

Во время ужина Публий охотно и весело поддерживал беседу. Он осыпал хозяина комплиментами, шутил и тактично обходил стороной любые вопросы о войне. Вопреки себе и к своему удивлению, Ганнону понравилась компания Сципиона. На краткий миг он даже забыл о том, с кем делил праздничный стол и какие страдания ему довелось пережить от рук римлян.

Царь, со своей стороны, не проявлял большого интереса к светской беседе. Напившись любимого густого пива, он стал болтливым и сентиментальным. Основной темой его речей было самовосхваление. Тылные стороны его ладоней пест-

рели сложными татуировками — стилизованными рисунками, которые казались Ганнону очень знакомыми. Но он не мог рассмотреть их детально. Руки Сифакса все время находились в движении. Царь потирал ладони, поворачивал их то так, то эдак, и во всем этом было что-то кошачье и дикое. Хотя его гости не выражали открытого желания заключить с ним союз, царь не раз заявлял, что предчувствует большую выгоду, которую сулит ему будущее, — причем выгода будет столь велика, что вся его прошлая жизнь потускнеет в сравнении с ней.

— Знаете, я всегда был амбициозным человеком, — сказал он гостям. — Даже будучи ребенком, я старался выделиться чем-нибудь среди других детей. И мне не нравился один мальчик, который всегда превосходил меня и сверстников в наших играх. Ловкий и быстрый, он поражал нас развитой мускулатурой. Фактически он выглядел мужчиной еще до того, как у него отросли волосы в паху. А вы, надеюсь, представляете, какую сильную ненависть может испытывать один мальчик к другому?

Двое гостей кивнули головами.

— Вот такую ненависть я и чувствовал. Однажды у меня появилась идея опозорить его. Немного грубо, верно? Но мне тогда было не больше шести-семи лет. Однажды на дворцовой площади я увидел, как Маркор приближается ко мне. Вокруг собралось много людей. Все ожидали выхода царя. И я решил осуществить свою идею. Когда он проходил мимо меня, я сделал ему подножку. Мне хотелось застать его врасплох. Я думал, он растянется на камнях и заплачет от боли. Но его ноги оказались крепче моих. Казалось, что я лягнул ствол дерева. Дело кончилось тем, что я к своему позору сам растянулся на плитах. Маркор посмотрел на меня, как на идиота. Он понял мои намерения, но удивился, что я оказался настолько глупым в своей надежде вывести его из равновесия. Он протянул мне руку и помог подняться на ноги.

Когда царь замолчал, Публий негромко спросил:

— И что стало с этим Маркором? Он вырос и превратился в отважного воина? Я чувствую, что сейчас последует какая-то мораль.

Сифакс задумался над словами консула. Он повертел массивное кольцо на большом пальце, потянул его на себя, затем снова повертел.

— Видишь ли, — наконец, ответил царь. — Он превосходил меня во многом. Действительно во многом. Но не в том, что являлось самым важным. Он не был сыном моего отца. Поэтому в тот день, когда ко мне перешла власть над народом, я велел обезглавить Маркора. Его тело насадили на кол и оставили гнить за стенами города. Стервятники клевали его губы. Гиены и шакалы глодали его труп. Так что через пару дней от Маркора не осталось ни плоти, ни костей, в которых могли бы завестись личинки. Поэтому я могу сказать, что все-таки сбил его с ног.

— Да, это поучительно, — согласился консул.

— Ну что ты заладил! — проворчал Сифакс. — Мораль! Урок! Мне все равно, есть тут мораль или нет. Это просто случилось, понимаешь? На свете многое случается само по себе.

Он отмахнулся от консула и повернулся к Ганнону.

— Как поживает твоя сестра? Надеюсь, она здорова?

— Сапанибал?

Царь гнусаво засмеялся.

— Нет, не она. Я говорю о красавице Софонисбе. Хотя кого я спрашиваю, а? Ты же не был дома несколько лет.

Царь склонился вперед и поманил к себе Ганнона пальцем. Его рука напоминала лапу кота.

— Я увидел ее мельком, когда года три назад посетил Карфаген. Она тогда была просто девочкой, одетой в платье женщины. Ее твердая грудь походила на плод, который мне захотелось сорвать. Ее лицо... прекрасное лицо... Я мог бы смотреть на нее целыми днями. Мне никоим образом не хочется

обидеть твою семью. Но знаешь, Ганнон! Если бы у меня появилась возможность овладеть ею, клянусь, я бросил бы все к ее ногам. Такова тайна красоты, которая делает людей одержимыми!

Сифакс замолчал и откинулся на подушки. Теперь он казался пьянее, чем был раньше. Забыв о гостях, царь почесал пах и на миг сосредоточился на своем возбужденном пенисе. Затем он поднял голову и вновь посмотрел на Ганнона. На этот раз в его взгляде появился новый интерес.

— Твоя сестра любого мужика с ума сведет. Пойми, дружище, я не хочу обидеть тебя. Но Софонисба живет в моих мечтах — во сне и наяву. Я нахожу ее отдельные черты в других женщинах, однако целиком все это есть только у нее. Никогда еще ни одна сучка не заводила меня так, как она. Если нужно, я даже готов жениться на ней.

Ганнон искоса следил за Публием, который в процессе перевода царских слов напряженно перемещал взгляд то на него, то на Сифакса. Он видел, как на виске консула билась артерия. Однако в своих мечтах Ганнон в этот мигновение избивал ливийского царя, обхватив его одной рукой за шею, а второй нанося сокрушительные удары. Ему хотелось отвернуться от Сифакса, но он продолжал смотреть в налитые кровью глаза. Затем царь переместил подбородок в сторону Публия. Чуть позже за его холеной бородкой последовала остальная часть лица.

— Конечно, он не должен знать о таких вещах, — прошептал он римлянину. — Понимаешь, о чем я говорю? Она его сестра, а он, между прочим, не египтянин...

Сифакс сложил большие ладони на коленях. Ганнон наконец рассмотрел его татуировки. Они стилизованно изображали отпечатки львиной лапы — узоры, которые хищник оставляет после себя на мокрой земле. Царь встал, сказав, что ему нужна женщина. Они встретятся завтра утром, пообещал он гостям. Им нужно о многом поговорить.

Однако за три дня, проведенные в Цирте, Ганнон лишь несколько раз оставался наедине с царем. Еще были краткие встречи по утрам и вечерами. Их с Публием приглашали на завтрак или на ужин, усаживали друг напротив друга, и им оставалось только проявлять скупую вежливость, чтобы как-то скрыть свое раздражение. Ганнон сомневался, что римлянину удалось выпросить для себя личную аудиенцию, и именно поэтому консул все реже сдерживал закипавший в нем гнев. А Сифакс стремился использовать столь необычную ситуацию для пользы своего народа. Забавный человек! Казалось, он забыл о силе Карфагена и обо всем известной истории римских предательств. Он наслаждался кратким заревом своего самодовольства. Какой глупец, подумал Ганнон. Тем не менее он не стал выражать это мнение вслух.

В тот час, когда Сифакс провожал своих гостей к гавани, чтобы пожелать им удачного плаванья, Ганнон все еще не знал, как его нации относиться к Ливии. Они союзники или нет? Казалось, что обе стороны молча согласились не поднимать эту тему в компании друг друга, и, насколько он мог судить, никто из них не получил никаких определенных обещаний. С момента их появления в Цирте Сифакс упорно сохранял нейтралитет. Не желая давать консулу повод для дальнейшей задержки на африканском побережье, Ганнон решил сделать вид, что тоже уплывает восвояси. Позже он хотел вернуться и продолжить переговоры с Сифаксом. Он надеялся, что Публий не попытается сделать то же самое.

— Значит, наш договор остается в силе? — спросил Сифакс.

— Если он не будет противоречить желаниям Карфагена, — кивнув, ответил Ганнон. — Надеюсь, мы всегда будем братьями.

Сифакс самодовольно усмехнулся.

— Хорошие слова. Отличные слова! Передай мои лучшие пожелания твоим соотечественникам и женщинам твоей семьи.

Ганнон обернулся к римлянину и вытянул руку в сторону гавани. Этим жестом он приглашал Сципиона предшествовать ему, но тот не воспользовался его любезностью. Консул с усмешкой взглянул на карфагенского генерала и подошел к Сифаксу. Он заговорил с ним тихим голосом, но совершенно не скрывая своих слов.

— Дорогой царь, — произнес он на ливийский лад, — поскольку твои дела с Карфагеном уже улажены, я хотел бы обсудить с тобой несколько важных для меня вопросов. Всего лишь пару мгновений с глазу на глаз. Ты можешь найти интересным то, что я скажу тебе.

Кипя от злости, Ганнон наблюдал за тем, как оба мужчины повернулись и направились к дворцу. Римлянин шел рядом с ливийцем. Их головы были повернуты друг к другу. Ганнон едва не побежал за ними, но быстро спохватился, признав свое поражение не только на поле боя, но и в дипломатии. Тем не менее, прежде чем покинуть Цирту, он составил письмо для царя, в котором четко выразил свои желания и в обмен на дружбу, кроме прочих великих наград, пообещал выполнить любую его просьбу. Он указал, что не имеет права заключать межгосударственные соглашения, но заверил Сифакса в дружбе, которую их нация ценит превыше всех других. Учредив союзные отношения, Сифакс благодетельствует свой народ, а сам станет немислимо богатым и могущественным. Карфаген даст ему все, что он попросит. Все, что только город может дать. В конце послания Ганнон написал, что остановится в гавани Гиппо Региуса.

Через три дня гонец привез ему ответ от Сифакса. Царь сообщал, что, несмотря на щедрые посулы римлян, он склоняется к союзу с Карфагеном. Для закрепления этой связи не требовалось многого, поскольку обе нации имели глубокие корни в одной и той же стране. Отныне их партнерство будет укрепляться, возрастать и очищаться от порока. Они и прежде были друзьями, а теперь могут стать почти как бра-

тя. Однако взамен Сифакс просил две вещи. Во-первых, он хотел получить гарантию того, что Карфаген признает его власть над Массилией. Большой царь Гайя находился при смерти. Сифакс планировал забрать себе его народ, и Карфаген не должен был мешать ему в этом.

Условие было достаточно спорным, но когда Ганнон прочитал второе требование, он почувствовал, как в пальцах, касавшихся пергамента, запульсировала кровь. Это событие действительно закрепит их союз, писал Сифакс. Только так они смогут породнить два народа.

* * *

Каждое утро начиналось у Имко одинаковым образом. Как только мир реальности пробуждался вместе с трепетом век и его ум вспоминал сон жизни, в котором он пребывал уже несколько недель, Ваку охватывало радостное ликование. Он оглядывался вокруг в поисках женщины, которая служила ему подтверждением огромного счастья. Если она лежала рядом, то он смотрел на нее с благоговением и затем придвигался ближе, стараясь не разбудить ее. Взгляд Имко блуждал по ее длинным ногам и по мягким выпуклостям бедер. Он мог представить вес груди, невинно покоившейся на мягкой коже ее предплечья. Он любовался водопадом темных волос, ниспадавших на золотистую кожу, ее вдохами и выдохами, веснушками вокруг носа и крохотными холмиками губ. Когда неподвижность женщины вызывала у него нетерпеливое томление, он щекотал ее пальцем до тех пор, пока она не открывала глаза, медленно, в опаловом великолепии с самых первых моментов пробуждения, как будто его любимая на самом деле не спала, а просто отдыхала, имитируя дрему. Если Вака не находил ее в палатке, как уже бывало не раз, он вскакивал на ноги и выбегал наружу — неважно, одетый или обнаженный. Он кричал, окликая ее по имени, ко-

торое она недавно прошептала ему прекрасными губами. Эрадна! Эрадна!

Печальная истина заключалась в том, что он не верил полностью в ее существование. Он не верил, что нашел Эрадну. Она казалась ему фантомом, созданным больным умом. Их встреча произошла в результате его погони за ослом. Животное вывело его на край лесистых холмов — точнее, на тропу, тянущуюся вдоль чечевичных посевов. Какое-то время они шагали рядом по проселочной дороге — каждый по своей колее — затем пересекли оставленное под паром поле. Иногда казалось, что осел сопровождает его, а иногда он понимал, что животное удаляется, и ему приходилось его нагонять. Несколько раз он терял его из виду, но когда осел исчез на краю безымянной деревушки, Вака понял, что животное вело его именно сюда.

Он, нервничая, вошел в небольшое поселение. Волосы на его затылке встали дыбом. Имко чувствовал себя идущим навстречу засаде, хотя знал, что его страхи не имели смысла. Какие бандиты стали бы использовать осла, чтобы заманивать к себе одиноких путников? Он похлопал рукой по ножнам и нащупал рукоятку меча. Затем Вака увидел группу обозных мародеров — кучку нищих побирушек разных национальностей. Они жили в палатках карфагенского типа, в шалашах из ветвей или ютились под навесами из шкур. Место пропахло человеческим калом, собаками и немытыми людьми. Дым от низких костров поднимался в неподвижном воздухе, как белые колонны, тянувшиеся к небу. Люди, сидевшие вокруг костров, повернули к нему враждебные лица. Несколько мужчин, наблюдавших за ним, подняли палки и топоры. Женщина схватила резвившегося ребенка и шлепнула его, когда тот начал плакать. Другие занялись своими делами, притворяясь, что не замечают Ваку, но он все равно подозревал их во враждебных намерениях.

Он высматривал опасность везде, но только не перед собой. Когда на дороге появилась женщина, он едва не столкнулся с ней. Заметив его, она повернулась и замерла на месте. В ее руках была вязанка хвороста, которую она только что собрала в лесу. Или это все ему почудилось? Они стояли так близко, что если бы вытянули руки, то коснулись бы пальцами друг друга. Девушка смотрела на него, и ее лицо теряло цвет.

Она была точно такой, какой он помнил ее. Хотя не совсем. На голове возвышалась небольшая пирамида из свернутых кос. На лбу и под подбородком виднелись темные полоски грязи. Над левым уголком губы блестела ярко-красная болячка. Простая одежда, запачканная грязью, масляными пятнами и какими-то коричневыми полосами, давно потеряла форму. Имко посчитал все это неважным. Несмотря на ее маскировку, он тут же узнал свою красавицу, как будто она вновь стояла перед ним лучистая и обнаженная, с каплями чистой воды на сияющей коже. Пикена!

Он едва не назвал ее по имени, которое придумал для нее. Но Имко не совсем лишился разума. Не зная, что делать, он жестом предложил ей сесть. Как назло, рядом не оказалось ни одного упавшего дерева. Неподалеку был только изрубленный пенек, и Вака даже покраснел от смущения. Пока он высматривал другое место, девушка села на пенек и положила на колени собранный хворост. Имко опустил перед ней на голую землю. Он снова не знал, что делать. Затем слова слетели с его уст — как будто сами по себе. Он назвал ей свое имя, зачем-то указал военный чин и численность отряда, находившегося под его командованием. Вака смутно понимал, что это неверный способ для знакомства. Однако он не мог остановиться. Он продолжал лепетать, пока женщина не покачала головой. Она сказала что-то на языке, который показался ему знакомым. К сожалению, Имко не уловил смысла ее слов.

— Я не понимаю тебя, — сказал он, изумившись внезапному препятствию в общении и тем неприятными осложнениям, которое оно предполагало.

Женщина улыбнулась, и Имко тоже увидел юмор в этой ситуации. Каждый говорил на языке, который был непонятен другому. Имко считал это серьезной проблемой, но улыбка Пикены намекала, что не все так сложно. Она сказала ему еще несколько слов. Они казались достаточно дружескими, но он даже не догадывался об их смысле. На его лице появилась гримаса разочарования. Женщина нашла ее забавной и снова начала о чем-то рассказывать. Из потока ее фраз Вака понял, что она говорит по-гречески. Так как карфагенская армия использовала греческий язык для боевых команд, он знал несколько слов, однако их не хватало для беседы. Вскоре женщина нашла решение.

Попросив его жестами оставаться там, где он сидел, Пикена подхватила вязанку хвороста и быстро ушла. Через несколько мгновений она вернулась с девочкой, которой было не больше десяти лет. К изумлению Имко, эта тонкая, как ветка, белокурая кроха говорила на карфагенском языке. По гневным искрам в глазах ребенка он понял, что ее лучше не спрашивать о том, где и как она научилась его родному языку.

Она села между ними и начала переводить. Она переводила с грубыми неточностями, но они слушали ее, затаив дыхание. Имко быстро освоился и больше не говорил о чепухе. Вака торопился сказать ей о главном: о том, что с момента их первой встречи он не желал девушке зла и часто мечтал о ней во сне и наяву. Он тревожился о ее благополучии и гадал, в какой части мира она находилась. Как ей удавалось выживать среди хаоса войны? Женщины не должны быть одни в таком месте, как это. Она одна? Она не связана с каким-то мужчиной?

В ответ Пикена ответила, что чувствует себя прекрасно. Холодный ответ, подумал Имко. Впрочем, слова могли выражать отношение переводчицы, а не рассказчицы. Она не

ответила на вопрос о мужчинах, но призналась, что тоже не забывала о нем. Девушка хотела понять, почему их пути пересеклись три раза, а теперь уже четырежды. Она верила, что за этим стояло нечто большее, чем случайность. Он преследовал ее? Имко поклялся, что не преследовал. Он никогда ее не преследовал. По крайней мере, пока осел не пришел к нему и не привел его сюда. Это ее животное показало ему путь в деревню...

— Что? — спросила девочка, скорее, для себя, чем для перевода.

Имко продолжал рассказывать. Он жил жизнью солдата без настоящей цели. Думал только о том, как остаться в живых. И каждая их встреча была для него источником вдохновения. После того, как она нашла его на поле боя при Каннах, он пробудился от бывшего безверия. Ему казалось невероятным, что подобное вообще возможно. Он пошел за ослом, потому что узнал его — ведь животное принадлежало ей. Вака понимал, что его слова звучат необычно, но он уже привык к таким странностям. А взять, например, призрак мертвой девочки из Сагунтума. Она преследовала его повсюду и раздражала своими насмешками...

Это стало последней каплей для их переводчицы. Девочка вскочила на ноги. Здесь действовали силы, которые пугали ее, и она решила держаться от них на расстоянии. Она попросила Пикену больше не беспокоить ее и ушла.

Имко испугался молчания, которое затянулось после ухода девочки. Он чувствовал, что их знакомство находилось на грани разрыва отношений, и такое продолжение встречи казалось ему не только ужасным, но и невыразимо трагичным. Ничто в целом мире не было столь важным для него, как близость к этой женщине. Он восхищался ее красотой и сиянием, которое лучилось из-под грима и всклокоченных волос. Вака с благоговением смотрел, как она придвинулась к нему и, положив руку на грудь, произнесла по слогам:

— Э-рад-на.

— Эрадна, — глядя на ее прекрасные губы, повторил Имко.

Девушка с улыбкой кивнула головой. Затем он проделал те же движения и назвал свое имя. Какое-то время они сидели рядом и произносили имена друг друга, как будто наслаждались ими или выискивали в них ответы на свои сокровенные вопросы. Чуть позже Эрадна взяла несколько углей из соседнего костра и развела свой собственный. Она не просила Имко уйти, а он и не думал об этом. Девушка пожарила кабачки на краю костра. Какое-то время Имко любовался ее обнаженными руками. Потом он вытащил из сумки полоски сушеного мяса и мех разведенного вина. Они поужинали в сумерках осеннего дня. Быстро холодало. Имко был рад этому, потому что они, придвинувшись к костру, еще больше приблизились друг к другу. Эрадна рассказывала ему о чем-то, совершенно не смущаясь тем, что он не понимал ее. Странно, но смысл многих сложных фраз они улавливали без большого труда, а о простых вещах говорили жесты, междометия и действия: Эрадна предлагала ему пищу, он протягивал ей мех с вином, она указывала на одеяло из волчьей шкуры.

Он даже не заметил того мгновения, когда они обняли друг друга. Затем, чуть позже, Вака понял, что они лежат бок о бок под шкурой и делят общее тепло. Эрадна смотрела в ночное небо и шептала о чем-то. Он наблюдал за ее профилем, пока не заснул. Позже, проснувшись, он вдруг понял с ошеломляющей радостью, что тело женщины прижималось к нему. Ее рука, скользнув под его туннику, касалась пениса. Заметив, что Вака проснулся, Эрадна отдернула руку. Какое-то время он лежал, онемев от счастья, а затем нервозно провел ладонью по ее ноге. Сначала он коснулся колена, потом скользнул пальцами к ее промежности между сжатых бедер. Имко задержал там руку, не смея двинуться дальше, но Эрадна приподняла ногу, позволяя ему остальное. Ее вагина была

влажной и горячей. Мягкая нежность лобковых волос под его пальцами стала самым эротичным ощущением, которое он когда-либо переживал.

Вака все еще лежал в благоговении, когда она быстро вскочила на четвереньки. Едва он успел испугаться, как Эрадна вскарабкалась на него. Он застонал, словно от боли. Ее внутреннее тепло, в которое он погружался, было неодолимым и полным, как центр мира. Оно опаляло его, будто солнце. Он не верил тому, что случилось. Девушка прижала Имко к земле, схватила зубами его нижнюю губу и, не отпуская, увлекла за собой в круговорот наслаждений. Он просто не мог поверить, что жизнь наградила его таким неопишным счастьем.

На следующее утро он проснулся с ароматом ее вагины на кончиках пальцев. Если бы Вака не знал, кому принадлежал этот запах, он нашел бы его неприятным. Но теперь он с удовольствием вдыхал его, поскольку тот был доказательством их близости. Он не мог надышаться им. Аромат не задерживался долго в ноздрях, поэтому в течение дня Имко снова и снова подносил ногти к носу. Всю следующую неделю он ежедневно возвращался в лагерь обозников, пока не убедил Эрадну погостить в его палатке. Они по-прежнему едва понимали друг друга, но им не хотелось расставаться даже на мгновение. С наступлением зимнего сезона армия перешла на стационарный образ жизни. Никто из солдат не удивился появлению Эрадны. Многие из них имели рабынь или служанок, которые, если и не были женами, то обеспечивали воинам тепло и уют. Однополчане посчитали Эрадну одной из таких шлюх, и Имко не стал разубеждать их в этом. Но она не была второстепенной частью его повседневной жизни. Она превратилась в центр, вокруг которого вращалось все остальное. Вака обнаружил, что может открывать ей самые тайные мысли, которые никогда не поведал бы другому человеку. Иногда он боялся, что девочка из Сагунтума подслушает его, но с появлением Эрадны она больше не показывалась.

Однажды вечером его возлюбленная встретила Ваку у палатки. Она гордо подошла к нему и с широкой улыбкой произнесла целую фразу на карфагенском языке:

— Ты симпатичный.

Она гордилась собой, как кошка. Имко вдруг понял с изумительной ясностью, что он никогда не видел ничего более красивого и сказочно манящего. Ваку угнетала лишь постоянная тревога, что Эрадна когда-нибудь оставит его. К тому же, он мог погибнуть в следующей битве. Или ее красота могла вызвать какие-то проблемы. Имко не уставал удивляться тому, что ее маскировка обманывала других мужчин. Она не привлекала внимания даже тех солдат, которые бросались на все, что двигалось рядом. Однако их первое общее испытание не имело ничего общего с любовными делами. Этот мощный удар по их благополучию был настолько неожиданным, что выбросил Ваку из мира, в котором они обитали, и пробудил его в новой неожиданной реальности.

Все началось с того, что он услышал нарастающий шум. В тот момент он возлежал на ложе и наблюдал за Эрадной, которая ловко сдергивала полоски козьего мяса с горячих камней, уложенных вокруг костра. Внезапно горн протрубил общий сбор. За стенами палатки донесся топот ног. Люди кричали друг другу что-то непонятное. Имко быстро поднялся с постели и оделся. Обернувшись через плечо, он сказал Эрадне, что выйдет ненадолго. После этого Вака присоединился к толпе, которая двигалась к палатке командира. Вскоре ему пришлось пробивать себе путь локтями, неистово и с нарастающей тревогой, потому что в воздухе повисло нечто злое и тягостное. Он напряженно прислушивался к обрывкам фраз, но ничего не понимал из кусков объяснений.

Когда он прорвался через круг людей, собравшийся у палатки Ганнибала, его глазам предстала шокирующая картина. Командир стоял на коленях. Его руки обвисли по бокам, ладонями наружу. Пальцы нервно подрагивали. У его колен лежал округлый предмет, совершенно непонятный. Издале-

ка он выглядел, как голова, к которой бечевой прикрепили две отрубленные кисти рук. Изумленно мигая, Имко подошел поближе. Это действительно оказалась голова, сжатая двумя ладонями. Лицо, почти неразличимое от гнили разложения, было покрыто порезами, синяками и ранами. Синие, красные и коричневые оттенки смешались друг с другом. Ужасное зрелище. И все же Ганнибал уже знал, кому принадлежала голова.

— Что они сделали с тобой? — вскричал он. — Гасдрубал, что они сделали с тобой?

Он склонился к отсеченной голове и осмотрел кисти рук. Затем он потрогал нижние суставы пальцев.

— Это не его руки! — отшатнувшись, крикнул он.

В тот момент командир походил на безумца, ухватившегося за нить фантастической возможности.

— Они не его!

Имко понял его мысль. Если руки были чужие, то, возможно, и голова была не его. Все могло оказаться хитрым обманом. Несколько офицеров подошли к командиру. Джемел протянул руку, словно хотел коснуться спины Ганнибала, но не посмел мешать ему. Он прошептал что-то на ухо командиру. По-видимому, его слова лишили Ганнибала всех надежд. Он сердито оттолкнул Джемела, поднял отрубленную голову и, прижав ее к груди, направился к палатке. Клапан захлопнулся. Люди, оставшиеся снаружи, замерли в гнеущем молчании.

Джемел пошептался с несколькими офицерами, затем заметил Имко и подошел к нему.

— Мы должны собраться на совет, — сказал он. — Прямо сейчас. Нужно многое обсудить. То, что ты увидел, правда. Это была голова Гасдрубала Барки. Отряд римских всадников бросил ее неподалеку от нашего лагеря.

— А кому принадлежат кисти рук?

— Мы не уверены, но легионеры, уезжая, прокричали имя писца Силена.

* * *

Ганнибал жаждал мести. С того момента, как он узнал черты Гасдрубала, в нем вскипела ярость. Он чувствовал, как она сжигала его. Он слышал шум в ушах, настолько сильный, что ему казалось, будто рядом бушевал ураган. Этот свирепый ветер унес из мира все звуки, оставив только чистый крик, в котором громкий вой сочетался с безмолвием. Ганнибалу хотелось неистовства. Он чувствовал, как Мономах цеплялся за его локоть, впивался ногтями в кожу и умолял позволить ему рейд, в котором он мог бы тысячекратно воздать за убийство Гасдрубала и распространить террор на огромную территорию. Командир прошептал согласие, хотя ему не хотелось мстить в печали. Он просто не знал, куда направить гнев. Очевидной целью был Рим. Он всегда говорил об этом. Но на него сейчас наседали тихие демоны сомнений, а они умели убеждать своими призрачными голосами. Они спрашивали его: «Кто на самом деле виноват? На чьих руках столько крови?» И поскольку он молчал, они сами отвечали за него: «Ганнибал! На руках Ганнибала!»

Застряв среди этого хора враждебных голосов, он несколько дней не проявлял почти никакой активности. Как человек, получивший удар в солнечное сплетение, он не мог говорить, отвечать и наносить ответные удары. Ганнибал сидел, сутулясь или сгибаясь вдвое над головой, которая некогда венчала удивительные плечи брата. Теперь он просто держал ее в руках. Командир не обращал внимания на следы разложения. Естественно, от запаха ему становилось дурно. Он конвульсивно и сухо дышал, пытаясь выгнать из легких мерзкое зловонье. Кожа на черепе сильно шелушилась, и прикосновение к ней оставляло на пальцах липкую пленку, которая затем пятнала все предметы. Он видел эти отпечатки смерти. Он чувствовал их и обонял. Но это были останки его

брата! Глаза Гасдрубала. Рот, которым он говорил. Уши, через которые к нему приходили звуки мира. Ганнибал вытирал грязь, налипшую на сухих глазницах, и заглядывал внутрь черепа. Но даже там он не находил ничего от личности младшего брата. Какая беда! Он прикоснулся губами к гниющей плоти и шептал ему добрые слова. Они изливались из него — простые фразы, не длиннее мыслей. Вот так же он беседовал с ним в детстве, в былые прекрасные дни. Ганнибал говорил ему, что все будет нормально. Все будет хорошо. У них все получится. А как его любила мать! Она считала его самым красивым из сыновей. И женщины так думали. Отец хвалил его за смелость и силу. Он отвезет его домой, обещал Ганнибал. В Карфаген. Они отправятся туда в этот же день. Поплывут на корабле, еще раз увидят родной город, оседлавший холм Бирсы, почувствуют запах лимонных деревьев и будут смотреть, как воробьи проносятся над головами в убывающем вечернем свете. Они придут к обелиску, откуда открывался вид на море, и остановятся рядом с мраморными плитами, глядя на длинный камень, пронзающий небо, и поражаясь тому, что облака, скользящие над ним, остаются целыми и не порванными...

Они покинули Карфаген почти детьми. Теперь же город звал их обратно, предлагая новое возрождение, заверяя в том, что все может повториться вновь. Вернувшись назад, они найдут новые пути и другое будущее, в котором Гасдрубал будет жить долго и счастливо. И Имилце тоже там. И его сын. Ганнон и Магон встретят их на пороге. Ошибку можно исправить. Какое это будет безумие, если его не окажется с ними в радостный миг встречи. Нет-нет, они соберутся все вместе, здоровые и сильные, под африканским солнцем, и пройдут в тени пальмовых рощ по внутренним садам их семейного дворца.

Свинцовая печаль и леденящая тоска не оставляли Ганнибала на протяжении следующих дней и недель. Он не увез

Гасдрубала в Африку. У него не было иного выбора, кроме как похоронить его в итальянской земле. Мандарбал проделал монументальный труд, направляя душу Гасдрубала в подземный мир, несмотря на поврежденное судно — то есть тело. Дым благовоний туманил воздух. Колокола звенели несколько дней. Жрецы без устали сутки напролет произносили священные слова и выполняли торжественные ритуалы, которых никто не понимал, но от которых все ежились, боясь, что после них на мир обрушится новый ужас. В конце концов Мандарбал возместил потерю тела тем, что обезглавил римского пленника, которого признали пригодным для роли двойника Гасдрубала. С членами и органами этого мужчины генерала отправили в мир мертвых на поиски покоя. Однако Ганнибал не испытал облегчения. Он согласился на этот ритуал, потому что так требовал обычай. От него теперь многое требовалось. Возможно, слишком многое...

Он должен был продолжать войну. На встрече с генералами командир вел себя так, словно ничего личного и значимого для него не случилось. Смерть Гасдрубала была важна только по той причине, что погиб умелый полководец. Его войско разбили и рассеяли. Армия Ганнибала вновь осталась единственной силой, сражавшейся против римлян на итальянском полуострове. Ни одна из новостей, сообщенных генералами, не была хорошей. Он наконец узнал подробности о том, что в прошлом году произошло в Иберии. Утрата Нового Карфагена была ужасной потерей, но Бекула... Илипа... и теперь планы Сципиона атаковать Карфаген... Эти поражения нанесли огромный вред их делу. Однако, что самое важное, он увидел в действиях молодого Сципиона задатки военного гения, которого прежде не было на римской стороне. Ни один латинский ум не проявлял еще такую ловкость, хитрость, ясность разума и скромность. Неужели в этом тоже была его вина? Возможно, долго побеждая в войне, он сам взрастил ученика, который ныне волей судеб будет противостоять ему

на полях сражений. Ганнибал хотел бы заманить его в Италию, но новости о планах Публия дошли до командира слишком поздно.

Ему было нужно сохранять боевой дух. Македонцы, посланные с мирным договором к царю Филиппу, оказались схваченными в море месяцы назад. Лисента и Карфало казнили. Другие офицеры попали в плен, а команду корабля продали в рабство. Римский флот под командованием Валерия помог поднять мятеж во многих греческих городах. Застав македонцев врасплох близ Аполлонии, Валерий одержал победу в морском сражении и предал огню почти весь флот Филиппа. Поскольку письма Ганнибала не попали к царю Македонии, Филипп отказался от прежних планов. Вместо поддержки карфагенской армии он начал сражаться за собственное выживание.

Такие новости могли ошеломить любого. Однако события теперь развивались настолько быстро, что Ганнибалу приходилось просто следовать за ними. В зимний сезон внезапно умер Бомилькар — причем не от ранений. Опухоль, развившаяся в паху, за пару недель вытянула жизнь из крепкого воина. То, несомненно, было колдовство и еще один сильный удар по Ганнибалу, потому что он дружил с Бомилькаром с детства. Умер могучий мужчина! Это казалось почти невозможным. Ему полагалось погибнуть в неистовой битве, с мечом в одной руке и с копьем — в другой. Почему боги лишили его такого счастья?

Ливий Салинатор кружил поблизости, уклоняясь от сражений, но намеренно удерживая армию Ганнибала на юге. Очевидно, в этом и заключалась его задача. Даже без крупных столкновений численность карфагенского войска неуклонно сокращалась из-за несчастных случаев, смертельных ран, болезней и дезертирства. Карфаген упорно не посылал подкрепления. Старейшины города тревожились только о собственных шкурах.

Однако самым сильным вызовом для него была осада Капуи. Три римские армии окружили город с явным намерением довести свое дело до конца. Они послали лидерам Капуи строгий ультиматум, советуя им не тратить время зря и не придумывать пункты соглашения о сдаче города. Только Рим будет диктовать условия, и пусть все знают, что они будут жесткими. Нескольким горожанам удалось бежать, и они пробрались к Ганнибалу, умоляя его прийти к ним на помощь. Другие генералы советовали это же. У них не было иного выбора. Капуя первой перешла на их сторону, добровольно и подав пример многим городам. Если они сейчас не поддержат ее, другие союзники отпадут от них, как листья под весенним ветром.

Ганнибал согласился, что нужно предпринять незамедлительные действия. Затем, сказав, что ему нужно обдумать ситуацию, он распустил военный совет. Вернувшись в свою палатку, командир попытался спланировать ход новой кампании. Однако его мысли дрейфовали в разных направлениях. Они не останавливались ни на чем и перемещались от Капуи к Риму, от Гасдрубала к Публию, от Иберии к Карфагену. Проснувшись под утро, он понял, что видел во сне отца и вновь участвовал в беседе, которую они вели годами раньше. Ганнибал лежал на тюфяке, вспоминая строгий взгляд Гамилькара и перекаты его голоса. Вряд ли их беседа была такой, как в сновидении. Наверняка он вплел в нее собственные мысли и слова. Но это было не важно. Воспоминания казались вполне реальными. Они обитали в какой-то части его ума рядом с повседневными заботами и мыслями. В то время — десять лет назад — Гамилькар подходил к финалу жизни. Они вели войну с враждебным племенем на западе Иберии. Отец, по своему обычаю, вызвал к себе Ганнибала за час до рассвета. Они кратко обсудили планы на следующий день, и, когда он повернулся, чтобы уйти, Гамилькар остановил его.

— Ганнибал, — сказал он, — побудь со мной, пока я буду одеваться.

— С радостью, — ответил сын. — Если хочешь, я помогу тебе надеть доспехи.

— Мне было бы приятно принять такую помощь.

Гамилькар махнул рукой слуге, и тот быстро вышел из палатки. Впрочем, оба знали, что он находится в пределах слышимости. Ганнибал начал там, где закончил слуга. Он склонился, чтобы закрепить сандалии отца. Для большей подвижности он немного приспустил кожаные ленты, обвивавшие сустав лодыжки, но выше натянул их так, что они прижались к плоти, как вторая кожа.

Гамилькар был старым воином. Ему удалось пережить свое сорокалетие. Каждая часть его тела носила знаки боевых ранений. Тонкий изогнутый шрам тянулся от левого глаза к щеке. Эту отметину он получил при мятеже наемников. Казалось, что некий художник нарисовал ее, желая изобразить слезу на щеке мужчины. Правая рука Гамилькара была раздроблена колесницей. Инцидент случился в первый год войны в Иберии. Будучи левшой, он считал это ранение сравнительно легким. Ребра, треснувшие годом раньше, срослись под неправильным углом и оставили на груди косую впадину. Люди не видели ее, потому что Гамилькар всегда носил доспехи.

Когда отец заговорил, он тоже, наверное, размышлял о ранах.

— Знаешь, почему я выбрал такую жизнь?

Подумав, что отец ведет дело к шутке, Ганнибал хотел дать какой-нибудь бойкий ответ. Но, приподняв голову, он заметил задумчивый взгляд на лице Гамилькара. Одно неправильное слово могло оборвать его речь. Поэтому сын прикусил язык и продолжил шнуровать сандалии, позволив отцу самому развивать эту тему.

— Честно говоря, я не любитель войн, — сказал Гамилькар. — Мой отец был солдатом. Но я мог бы выбрать другую

стезю. Я мог бы использовать наши богатства в истинно карфагенском стиле — для наслаждения и пороков. Я мог бы вести изнеженное и роскошное существование, ничего не зная об опасностях сражений и о скорби, которую испытываешь после потери близких друзей. В такой жизни есть много хороших сторон. Однако я не мог избрать ее.

Закончив шнуровать сандалии, Ганнибал занялся наголенниками. Он посыпал внутреннюю часть их запеченным красным порошком, который придавал металлу цвет крови.

— Зато мы стали богаче, — сказал юноша. — Дед даже представить не мог такой добычи, верно?

Подумав немного, Гамилькар склонил голову на бок и отвернулся.

— Да, я правлю теперь огромной империей. Тысячи тысяч людей работают на меня, создавая наше богатство. Мой отец действительно не мог бы представить себе такую картину. Однако, отвечая на свой вопрос, я скажу тебе, что выбрал меч лишь по одной причине. Ратное дело показалось мне единственно достойным для применения сил. Я нашел честным только спор с мечом в руке — только соперничество воле, в котором человек оценивает свои потери и прибыль на фоне ценности собственной жизни. Понимаешь, о чем я говорю? Ты можешь спросить меня, как я могу быть честным и в то же время обманывать врагов для достижения поставленных целей? Моя честность заключается в том, что каждый и всякий, обращаясь ко мне, знает, до каких пределов я могу пойти ради выполнения той или иной задачи. Когда я говорю иберийскому вождю, что хочу заключить союз с племенем — либо по дружбе, либо переступив через его искалеченный труп — он считает меня человеком слова. Выполняя данное слово, я могу убить невинных людей или подкупить друзей вождя. Я могу сразиться с ним в открытом поле или устроить для него засаду. Я могу вообще не контактировать с ним,

а найти подходящего раба, который перережет ему горло во сне. Чтобы доказать силу моего слова, я могу устроить оргию похоти и убить всех собравшихся людей. Все это показывает людям, что я всегда выполняю свои обещания. Как ты думаешь, я вправе называть свою профессию честной?

— Да, ты честный по отношению к провозглашенным целям. В этом смысле ты не обманываешь людей.

— А по какому праву я могу требовать что-то от другого человека?

— По праву своего положения. Разве дождь спрашивает у людей разрешение, когда падает на нас? А по какому праву море топит корабли? Ты ведешь себя так или иначе, потому что можешь это делать. Вся природа поступает так же.

— Моря и дожди — это инструменты богов. Их сила за гранью вопросов и за пределами наших суждений.

Ганнибал закончил работу и с улыбкой посмотрел на Гамилькара.

— Отец, но мы тоже инструменты богов.

— Да-да, — отмахнувшись, ответил Гамилькар и проверил крепление сандалий и наголенников. — Хвала Ваалу, я только меч в его руке. Иногда суета заставляет меня верить, что я — его рука. Мне хочется думать, что именно я избрал свою жизнь. Но кто сказал, что это не она избрала меня?

Ганнибал поднялся с колен и взял в руки нагрудную пластину отца. Железная броня была тяжелой. Нижнюю часть, защищавшую живот, украшал образ Элиссы — женщины, которая в туманном прошлом основала Карфаген. У нее были прекрасные и сильные черты, ровные губы и высокий головной убор. Ее корона походила на воинский шлем, который она могла бы носить в бою. Тугие косы завивались вверх, подобно двум изогнутым рогам барана. Локоны, сбегавшие с висков, ниспадали волнистыми лентами и обрамляли красивое лицо — довольно странная интимная деталь. Эта древ-

няя нагрудная пластина могла бы считаться произведением искусств. Ганнибал всегда восхищался ею, но ему не нравились пустые глазницы Элиссы. Какой бы красивой она ни была, слепой взгляд тревожил его. Почему художник не наделил ее зрением?

Он набросил броню на плечи Гамилькара.

— За стенами этой палатки начинается новый день, — сказал отец. — Рождаются новые возможности для многих людей, которые сражаются с нами или против нас. Странно думать, что на свете живут мужчины, отвергнувшие риск и опасности. Ты помнишь советника Маганта? Его особняк стоит на округлом холме к югу от города. Знаешь, как он проводит свои дни? На его полях трудятся тысячи рабов. Но у него имеется особый раб, как мне говорили, тракианец. Его работой является ежедневный обход полей и поиск симпатичных женщин или девушек. Каждое утро он выбирает одну из них и ведет к своему хозяину. А Магант выходит обнаженным на патио, садится в кресло и присматривает за слугами, пока вновь выбранная женщина берет у хозяина в рот и сосет до полного семяизвержения. Тракианец стоит рядом с поднятым мечом — на тот случай, если женщина попытается нанести вред их господину. Магант находит удовольствие в подобной комбинации: минет, рабы на поле и молодой тракианец с обнаженным мечом. Он даже гордится своими сексуальными экспериментами и охотно рассказывает о них. Как бы ты отнесся к такому человеку?

— Он раб своих желаний, — ответил Ганнибал.

— А разве ты никогда не потакал своим желаниям?

— Ты всегда учил меня, что сильный человек может контролировать их.

— Да, я старался внушить тебе это. И нужно признать, что подобный контроль дается тебе легко.

Старый солдат замолчал, ожидая, когда Ганнибал застегнет пряжки нагрудной пластины. При его поврежденной гру-

ди это была болезненная процедура. Он даже закрыл глаза и затаил дыхание. Лицевые мышцы рядом со шрамом дернулись несколько раз и успокоились.

— Магант — извращенный негодяй, — сказал Гамилькар. — Лично меня не привлекают его плотские утехы. Он живет иллюзией. Он рассказывал мне, что каждая девушка, беря в рот, доказывала ему свою верность. Любая из них была готова расставить ноги и дать ему новое наслаждение. Магант верил, что все они любили его. Он не учитывал меч в руке тракианца. Для него такая угроза не являлась устрашением. Если женщина была ниже его сословием, ей следовало радоваться, отдаваясь ему. Раз она не впивалась зубами в его член и не хотела быть обезглавленной, значит, это ее устраивало. Значит, это была любовь!

Закрепив нагрудную пластину, Ганнибал взял в руки тусклый шлем отца.

— Магант забыл, что боги создали нас для того, чтобы любить жизнь и цепляться за нее до самой смерти — даже под пытками.

Гамилькар протянул руку за шлемом.

— Суть в том, что боги хотели сделать нас рабами, — продолжил он. — Рабами жизни.

Ганнибал с улыбкой возразил:

— Однако настоящий мужчина отвергает рабство. Он не поддается порабощению другого человека и не становится рабом своих желаний. Он обрывает узы секса, страха, роскоши и пьянства...

— А как же узы брака? Ты не представляешь себе, сын мой, сколько времени на досуге я трачу в безмолвных беседах с твоей матерью. Она прекрасная жена. Она дала мне сильных детей и вырастила их в полном здравии. Но ей не нравится моя... точнее, наша профессия. Ты никогда не слышал от нее подобных слов, но, поверь мне, это правда. Однажды я совершил поступок, о котором позже часто жалел. Я показал

ей плоды своего труда — позволил увидеть поле боя, заваленное трупами наемников. Мне хотелось шокировать ее, хотелось показать, какой может быть ярость Гамилькара Барки. Я хотел доказать Дидобал, что способен властвовать над многими людьми. Лучше бы я этого не делал.

— Почему? Она не поняла того, что увидела?

— Нет, как раз наоборот, — ответил Гамилькар. — Она все поняла. С тех пор она возненавидела меня.

— Ты шутишь, — сказал Ганнибал. — Мать никогда не говорила о тебе плохо.

— Что ты знаешь об этом? Когда мы покинули Карфаген, тебе было девять лет. Думаешь, она стала бы делиться с тобой своими чувствами? Ее любовь ко мне не остыла, но к ней примешалась ненависть.

— Если это правда, то мать совершила ошибку, — сказал Ганнибал. — Битвы с достойным соперником рожают честь и славу. Наемники могли поставить Карфаген на колени. Ты спас народ. Ни одной женщине не понять, что это значит. Дидобал не может осуждать тебя.

Гамилькар положил руку на плечо сына. Хотя она огрубела и имела неправильную форму после многих лет непрерывных сражений, в его прикосновении ощущалась отцовская ласка.

— Не говори так о матери. Я знаю, тебе кажется, что ты имеешь ответы на любые вопросы. Такова болезнь юности. В зрелом возрасте мы получаем другие болезни, но в юности, когда наши тела сильны, мы страдаем только от самоуверенности. Когда я был моложе, то тоже не сомневался в своей цели.

— А теперь?

— Нет, я знаю мою цель и никогда не отступлю от нее, хотя у меня и появились сомнения. Мой зов по-прежнему ведет меня вперед. Несмотря на старческие колебания, я не сомневаюсь в правильности своих поступков. Твоя мать играет роль создательницы. Я разрушитель. Вместе мы укрепляем равновесие в мире.

Старый воин отступил на шаг и проверил расположение нагрудной пластины. Немного выровняв ее, он взглянул на сына и добавил:

— Однако у меня появились вопросы о правильности этого мира.

Лежа на тюфяке в своей палатке, Ганнибал подумал, что понял теперь слова отца. Странно, что годы назад он отнесся к их беседе совсем иначе. Сейчас он спросил бы Гамилькара, какие ответы предоставил ему многолетний опыт? К сожалению, никто не мог расспрашивать покойников. Если они и давали ответы, то их можно было найти в уже написанных свитках. «Правильность этого мира». Вот в чем сомневался отец. Через десять лет Ганнибал все же понял смысл его слов. Он начинал походить на Гамилькара.

На следующее утро, обратившись с речью к собравшимся генералам, он сделал акцент на первой части отцовских слов и отбросил прочь последнее заявление. Оно могло быть абсолютной истиной. Но какой толк сомневаться в тех, кто еще жил в этом мире? Сомнения подрывают дух. Они не предлагают помощи тем, кто по-прежнему является «рабами жизни». Когда он высказал решение об открытии военного сезона, офицеры посмотрели на него с изумлением. Джемел попросил его повторить свои слова. Ганнибал повторил. Они могут решить все проблемы одним решительным ударом. Для этого им следует подготовиться к походу и к концу недели направиться на север.

— Но не на Капую, — сказал командир. — Нашей целью будет Рим.

* * *

Весть о смерти Гасдрубала обогнала Ганнона лишь на несколько дней. Семья Баркидов все еще пребывала в трауре, хотя им запретили носить его по обычаю. Это указание привело Сапанибал в ярость. Жрецы, с их переменчивой мудрос-

тью, сочли, что смерть Гасдрубала не должна отмечаться обычным образом. Было решено, что он вызвал гнев Молоха. Его неудачи в Иберии, бегство в Италию и последующее поражение служили доказательством этому. Жрецы запретили семье демонстрировать печаль. Родные покойного не могли оплакивать его или срезать себе волосы. Они не могли носить траурные вуали, прокалывать пальцы булавками и резать вены на запястьях, доводя себя до обмороков. Им запрещалось произносить имя Гасдрубала вслух или с поднятой головой. Запрещалось использовать мясо в пищу на протяжении месяца. Они могли совершать подношения богам только до полудня, а вечером им полагалось сидеть дома, склонив головы, пока жрецы предлагали Молоху жертвоприношения и очищали нацию от грехов Гасдрубала.

Сапанибал была вне себя от ярости. Жрецам следовало чувствовать человека и облегчать его путь в другой мир, но они совершенно по-карфагенски предали его. Только неблагодарные люди клянут соотечественника за успех при жизни и не славят его в смерти, думала она. Сапанибал ярилась в своих покоях, где только слуги могли слышать ее. На публике она хранила свои мысли при себе. Ни Софонисба, ни Имилце не находили на ее лице никаких признаков бунта. Даже Дидобал приняла советы жрецов. Матриарх поклялась себе, что если один из них посмотрит на нее с намеком на презрение в глазах, она открыто осудит их поведение. Но жрецы вели себя скромно. Во всяком случае, она не замечала у них проявлений злобы.

Сапанибал гадала, восстанет ли кто-то из народа, если жрецы и старейшины однажды осудят Ганнибала таким же образом. Она не могла представить себе, чтобы люди остались равнодушными. Хотя какая разница? Брат был братом. Муж — мужем. Почему только она понимала это? Сапанибал снова чувствовала, что мужская энергия в ней ограничена женским телом и тратится напрасно. Если бы она роди-

лась мужчиной, а не женщиной, то свернула бы жрецам их тонкие шеи.

Когда Ганнон вернулся, она обрадовалась и воспарила духом. Конечно, хорошо, что он остался жив. Но было бы лучше, если бы он появился полный священного гнева и вырвал измену, которая окопалась в самом сердце карфагенской власти. При виде настоящего воина изнеженные трусы в совете старейшин задрожали бы от страха!

Однако здесь ее ожидало горькое разочарование. Прежде чем Ганнон вернулся под семейный кров, он остановился в храме Ваала, сделал щедрые подношения и провел очищение, удаляя с себя позорные пятна войны. На следующий день он тоже не явился домой, но покорно согласился встретиться с советом. Из своих источников Сапанибал узнала, что старейшины допрашивали его по каждому аспекту иберийских войн. Ганнона бранили за всех Баркидов: за то, что Ганнибал развязал войну с Римом, за то, что Гасдрубал без разрешения покинул полуостров, за то, что Ганнон и Магон из-за собственной тупости в военных вопросах потеряли все части иберийской империи. Как они могли оставить живым этого Публия Сципиона, который, уничтожив столько карфагенских солдат, планировал теперь напасть на Карфаген? Хад предложил распять Ганнона и тем самым справедливо наказать его хотя бы за ту глупость, которую он проявил, посмея вернуться на родину. Другой член партии мира предложил отрубить Ганнону голову и подарить ее римлянам вместе с просьбой закончить войну. В случае необходимости Карфаген мог добавить к ней все семейство Баркидов, включая Ганнибала.

Однако, даже будучи в плохом настроении, большинство старейшин отказалось от таких радикальных мер. Многие из них, потеряв богатства в Иберии, знали, что заигрывание с Римом не вернет им этот источник дохода. Они понимали, что римляне после долгих лет страха перед Ганнибалом уже

не удовлетворяются соглашением о мире. Несмотря на гневные выступления самых ярких сторонников Хада, старейшины, проругав Ганнона три дня напролет, наконец, спросили его, что он намерен делать дальше. И он ответил, что собирается представить им подробный план. Но, поскольку речь шла о государственном секрете, он предложил им встретиться в глубинах храма Молоха — в том зале, который находился под защитой бога. Именно там он и старейшины заключили какую-то сделку, детали которой Сапанибал еще предстояло узнать.

Когда Ганнон вернулся домой, она вместе с другими женщинами встретила его в пальмовом зале. Он остановился на тростниковом коврике у внешней двери, моргая и позволяя глазам привыкнуть к тусклому свету. После тяжелых испытаний его лицо было пепельным. Он выглядел немного смущенным. К его одежде все еще цеплялся густой аромат благовоний, обычно заполнявший храмы Молоха. Казалось, он принес с собой присутствие голодного бога. Ганнон молча осмотрел свою семью и колонны, похожие на древний лес. У стен стояли слуги, охранники, рабы и внухи. Все с интересом разглядывали сына Дидобал.

Ганнон преклонил колено, опустил голову и пояснил, что безопасное прибытие их корабля зависело не только от него. Это было позволено богами. Поэтому он благодарил могучего Ваала за ветер, дувший в море и направлявший их домой. Он благодарил добрую Танит за защиту Карфагена и хороший урожай; кровавого Молоха, забравшего многие жизни, но не его; Астарту за свое появление на свет и за плодородие, без которого земля оставалась бы пустыней; Энмун за исцеление ран; Ареса за ярость в битвах... Ганнон всегда отличался необычной набожностью. Он не забыл ни одного карфагенского бога, который, так или иначе, сыграл свою роль в его жизни. Молитва заняла много времени, но он закончил ее без спешки. Затем он сделал несколько шагов и позволил сест-

рам и матери обнять себя. Приблизившись к нему и прижав нос к его щеке, Сапанибал почувствовала не только аромат благовоний, но и запах, который делили все мужчины Баркиды. Это вызвало слезы на ее глазах.

Тем же вечером, когда дом затих, огни угасли, и служанка, игравшая в саду на лире, закончила мелодию и отложила инструмент, Ганнон пришел в покои Сапанибал. Она еще раз обняла его, повиснув на шее, словно любовница. Они вышли на террасу, откуда открывался вид на оливковую рощу. Ганнон отхлебнул терпкое красное вино — такое густое, что оно окрасило его зубы в коричневый цвет. Он рассказал ей все. Брат говорил унылым тихим голосом, описывая ей свою жизнь за прошлые несколько лет. Он ничего не скрывал. Из всех своих соплеменников он удостоил такой откровенностью только ее. Ганнон даже описал ей пытки, которые пережил в римском плену, и рассказал о посулах, обещанных ему за предательство родины и братьев. Он не был настолько близок к Сапанибал и не любил ее больше остальных, но между ними никогда не существовало обмана. Старшая сестра видела его насквозь. Иногда она осуждала его. Тем не менее Ганнон неизменно исповедывался перед ней.

Их отношения остались неизменными. Сначала это воодушевило Сапанибал, но когда брат упомянул Сифакса, она почувствовала кислый ком в горле. Наверное, нечто подобное сжимало и голос Ганнона. Он говорил медленно и хрипя, глядя в темноту за фруктовым садом. Он сказал, что римский консул провел переговоры с ливийским царем. Очевидно, его дипломатическая миссия была связана с планами римлян относительно осады Карфагена. Подобного союза нельзя было допустить, поскольку он мог повлечь за собой гибель всей нации. Больной и бессильный король Гайя находился при смерти. Некоторые люди говорили, что он уже умер и что его кончина держалась в секрете до тех пор, пока весть об этом не достигнет сына, Масиниссу. В любом случае

империя Сифакса захватит Массилию. Так решили боги, и тут ничего не поделаешь. Карфаген, истощенный другими опасностями, не мог остановить экспансии ливийцев. Ганнон признавал, что Масинисса показал себя великолепным воином в иберийской компании. Он гордился этим прекрасным юношей. Они расстались друзьями. К сожалению, Фортуна игнорировала эмоции.

— Масинисса лишился хода, даже не зная, что он участвовал в игре, — сказал Ганнон. — Это трагедия для него. Но если Сифакс объединится с Римом и выступит против Карфагена, то мы потеряем все, что обрели за годы процветания. Их союз приведет к краху нашей нации. Баркидов прибьют гвоздями к крестам. Невообразимое и потрясающее наказание...

— Я понимаю твои опасения, — сказала Сапанибал. — И что ты предпринял?

— Я спас наш народ, — ответил Ганнон. — Я заключил договор с Сифаксом и переманил его на нашу сторону. Мне пришлось пообещать ему, что Карфаген не станет возражать против его вторжения в Массилию. И я отдал ему в жены Софонисбу.

Какое-то время Сапанибал с недоумением смотрела на брата. Затем смысл его слов стал проникать в нее, как вода в сухую губку. Мир потемнел. Лицо Ганнона вышло из фокуса. Ей пришлось моргнуть, чтобы восстановить реальность окружения.

— Софонисба обручена с Масиниссой, — сказала она. — Она уже обещана ему.

Ганнон поджал губы.

— Мне очень жаль. Поверь, я люблю Масиниссу. Но их брака не будет. К сожалению, обстоятельства...

Презрительный взгляд Сапанибал оборвал его на полуслове.

— Кто дал тебе такое право?

Ганнон прижал подбородок к груди и посмотрел на нее исподлобья. Затем он снова перевел взгляд на ночное небо.

— Совет одобрил мои действия, — тихо сказал он. — Дидобал согласна. Мы разорвали прежнее соглашение. Его больше не существует. Старейшины постановили, что связь Софонисбы с Масиниссой будет считаться преступлением, подлежащим смертной казни.

— Ты не сказал всей правды.

— Зачем мне лгать тебе?

— Она любит царевича. Ты понимаешь это? Она хочет выйти за него замуж. Похоже, ты просто спасаешь свою шею, продавая родную сестру в рабство. Неужели Баркид так низко пал? Когда девочка услышит о твоём предательстве, она умрет душой...

— Софонисба уже знает, — ответил Ганнон.

Он ожидал реакции сестры, но та лишь молча смотрела на него. Ганнон вздохнул и попытался продолжить разговор более спокойным тоном.

— Сапанибал, если боги однажды разрешат мне пронзить Сифакса мечом и выпустить жизнь из него, я с удовольствием сделаю это. Но в настоящее время мы должны подчиниться судьбе.

— Значит, ты согласен называть его братом? Что с тобой случилось? Я думала война превращает мужчин в героев, а не в пугливых детей.

Ганнон раздраженно поморщился. Его речь ускорилась и перешла на повышенные тона.

— Сестра, посмотри на меня! Я потерпел поражение и вернулся без армии. У меня нет ничего, кроме жизни, а она теперь стоит очень мало. Многим старейшинам не хватило поддыхания, чтобы прибить меня к кресту. Хад грозил вспороть мне живот и съесть мои внутренности, пока они будут еще теплыми. Ты понимаешь меня? Я жив только по той причине, что пообещал этим жирным крысам договориться с Си-

факсом. Его армия в шестьдесят тысяч ливийцев будет сражаться не против Карфагена, а на нашей стороне! Я вряд ли спас бы свою шею, если бы не пошел на жертвы. Да и сейчас наши жизни по-прежнему находятся в опасности. Софонисба понимает это лучше тебя. Ты удивляешь меня, сестра. Я признаю твою мудрость во многих вопросах, но, похоже, в твоём кругозоре имеется слепое пятно.

Сапанибал встала и приблизилась к брату. Она уперлась руками в подлокотники его кресла и, взглянув ему прямо в лицо, прошептала:

— Я вижу больше, чем тебе кажется. И если бы я могла превратить свои глаза в камни, чтобы вырвать их и бросить ими в тебя, то сделала бы это в сей же миг. Ты просто не знаешь, на что обрекаешь ее. Отдать сестру Сифаксу! Сифаксу!

Она говорила спокойным тоном, но в ее отношении к брату что-то изменилось. Ганнон напомнил ей, что Сифакс не был демоном. Он царь! И он влюблен в Софонисбу... Прежде чем оба поняли, что происходит, Сапанибал нанесла пощечину брату.

— А был ли демоном Гасдрубал Красивый? — спросила она. — Скажи мне, был? Скажи? Скажи?

Она снова ударила его — сначала правой рукой, затем левой, потом еще и еще. Ганнон сидел, безропотно принимая ее пощечины. Его лицо покраснело. Из одной ноздри потекла струйка крови. Сапанибал упала на грудь брата и сжала его в судорожных объятиях. Ее пальцы впились в лопатки Ганнона.

Чуть позже, направляясь в покои сестры, она прошла боковым через залы и коридоры дворца. Перед открытым входом в комнату, который находился за углом, стояли два евнуха. Заметив ее приближение, они подтянулись. Никто из них не сказал ни слова и не спросил ее о причине появления. Узнав дочь хозяйки, они отвели взгляды в стороны. Сапанибал остановилась на пороге, так и не решив, входить ли ей в

покои Софонисбы, и если да, то что ей говорить. Она убеждала себя, что должна успокоить сестру и напомнить ей о важности союза с Сифаксом для всего карфагенского народа. Ее рассудительный ум действительно верил в это. Она уже ругала себя за гнев на Ганнона. Ее эмоции были плодом собственной слабости и затянувшейся тревоги. Фортуна продолжала вращать свой волчок. Никто не знал, на какой символ укажет стрелка.

Вечерний бриз донес до нее мягкие звуки свирели. На миг Сапанибал почудилось, что вместе с мелодией к ней явился странный дух. Он сжал ее горло и выдавил всю чушь, которую она готовилась сказать сестре. Нет, она не верила в важность союза с Сифаксом. Она никогда не верила в необходимость чьих-то жертв. Она всю жизнь выполняла навязанный ей долг, и ее существование превратилось в медленную пытку — в одно непрерывное удушье. Вот почему ее терзали душевные муки. Из комнаты слышался тихий шум — звук голоса и нечто похожее на смех или плач. Сапанибал шагнула вперед, хотя она по-прежнему не знала, что говорить своей сестре.

Завернув за угол и войдя в комнату, озаренную мягким светом лампы, она увидела Имилце склонившейся над туалетным столиком Софонисбы. Ревность сжала ее сердце. В отличие от Имилце, она так и не стала подругой своей сестры. Ей не удалось занять важного места в судьбе Софонисбы, хотя она могла бы сделать это, если бы не вела себя с ней так холодно, если бы не завидовала ее красоте, если бы не презирала радости, которые сестра брала от жизни. Сапанибал остановилась у входа и встала, уперев ладони в бока и расставив локти в стороны.

Ее младшая сестра сидела на стуле рядом с небольшим столиком, на котором были разложены драгоценности и косметические принадлежности. Сапанибал затаила дыхание, испугавшись красоты Софонисбы. Сестра зачесала волосы назад, и ее лицо, обращенное к ней в профиль, превратилось

в точную копию богини Танит. Кривизна носа, утонченное изящество губ, черты, сиявшие великолепием и утренней свежестью. Она казалась скульптурой, от которой только что отошел мастер. В мраморе ее кожи не было признаков несовершенства. Одежда приоткрывала колено, филигранную икру ноги и ступню, с пятью красивыми пальцами, с мизинцем, украшенным золотым кольцом. Идеал женщины. Трагическое совершенство.

Она хотела уйти, но Софонисба повернула к ней голову. В анфас ее лицо напоминало церемониальную маску. Темный макияж подчеркивал края век. Черные линии пересекали щеки и спускались к углам рта. Встретив Сапанибал неприветливым взглядом, сестра изогнула губы и спросила:

— Почему ты так смотришь на меня? Я не первая женщина, которая выходит замуж ради блага Карфагена. Ты что-то хотела сказать? Напомнить о своем браке и о том, каким полезным он был для нашей семьи? Говори, если считаешь нужным. Наверное, ты ждала этого момента несколько лет.

Сапанибал закрыла глаза. Когда она открыла их, слезы хлынули двумя ручьями. Строгое выражение исчезло с ее лица, уступив место дрожащему подбородку, покрасневшим щекам и сморщенному лбу. Несколько раз она пыталась что-то сказать, но слова цеплялись за зубы, и с уст срывались только рыдания и вздохи. Она ведь хотела поговорить о другом. Вообще не об этом.

Софонисба встала, подошла к ней и прижала рыдающую сестру к своей груди.

— Что с нами стало? — спросила она.

* * *

В тот день, который навсегда остался в памяти царевича, Масинисса принял решение, определившее всю его дальнейшую жизнь. Утром он вновь попытался найти аргумен-

ты, чтобы позже на совете убедить Магона не покидать Иберию. Им не нужно было признавать свое поражение, говорил он себе. Его страна могла прислать еще несколько тысяч всадников. Да и Карфаген мог расщедриться на новую армию. Пока он не встречал особых трудностей в сражениях с римлянами. Царевич верил, что выполнит все поставленные перед ним задачи и вернется в Нумидию великим героем. Хотя Масинисса не стал говорить об этом Баркидам, он прошлым летом прогнал посланцев Сципиона, предлагавших ему дружбу в обмен на разрыв с карфагенской стороной. Сципион обещал ему часть карфагенских земель, долю их сокровищ, бесчисленное множество рабов и разрешение править Африкой по своему усмотрению. Такие условия Рим предлагал только ему. А Сципиону можно было верить. Он показал себя талантливым военачальником — более смелым и удачливым, чем его отец. Но Масинисса не придавал значения словам проконсула. Он с презрением отказался от предложения и не перестал убивать легионеров. Как они могли предлагать ему что-то иное, кроме их крови на наколочнике его копья?

Все изменилось в один миг, когда прискакавший гонец прошептал ему в ухо последние новости. От его слов у Масиниссы перехватило дыхание. Горло сжалось с такой силой, что несколько моментов он беспомощно открывал и закрывал рот, не в силах выдохнуть воздух. Это случилось на рассвете, а когда солнце достигло четверти зенита, царевич прибыл в лагерь Магона. Он быстро прошел мимо двух изумленных солдат, охранявших покой командира, и ногой оттолкнул полог палатки.

— Как давно ты знаешь об этом сговоре?

Магон поднял голову от утренней корреспонденции. В ответ он нахмурил брови. В его глаза появились искры нервозности. Точнее, лживости, подумал нумидиец.

— Какие новости ты получил?

— Ты знаешь, какие! Я сказал бы, что небо упало на мою неприкрытую голову!

Его гнев смутил Магона. Он еще больше нахмурился, а затем отбросил притворство.

— Я только сегодня узнал об этом. Клянусь богами, Масинисса, я не участвовал в их соглашении. Сифакс увидел возможность и ухватился за нее. Но только не делай поспешных выводов. Мы все еще можем уладить...

— Как? Как что-то улаживать, когда у меня отняли все, что я имел? Мой отец умер! Я больше не сын и не жених. Теперь другой мужчина затащит Софонисбу в постель и будет трахать ее, пополняя число моих врагов. Вместо наших детей она будет рожать ливийцев — тварей, которые уже воют от жажды моей крови. Как это можно уладить? Сделанного зла не исправишь. Его можно лишь преодолеть. Я отказываюсь сражаться в твоей армии. Мне нужно немедленно покинуть Иберию...

— Ты не можешь так поступить! — вскочив на ноги, вскричал Магон. — Не глупи, Масинисса. Я знаю, твоя кровь горяча. Прости меня за то, что они поступили с тобой таким образом. Это было сделано без моего ведома. Ни Ганнон, ни Софонисба не предавали тебя. Это козни совета старейшин. Останься со мной, брат, и мы все исправим.

— И снова я задаю тебе тот же вопрос! Как исправим? Ты хочешь воевать вместе со мной, но твой город взял в союзники человека, который собирается забрать себе мое царство! Ты что, не понимаешь меня?

Масинисса яростно заморгал глазами. Драматизм ситуации отражался на его лице непрерывной игрой мимики, как будто он вновь и вновь приходил к новым озарениям, выстраивая факты вместе и нагромождая одну догадку на другую.

— Каким же я был дураком! Софонисба... Она поймала меня в тенета. Она сделала меня псом на привязи Карфагена...

— Нет, брат, это не так! Я знаю, что сердце моей сестры действительно принадлежало тебе. Я видел ее в твоём обществе, видел румянец на ее щеках и радость, которую ты зажег в душе моей сестры. Если она предала тебя, то лишь с ножом у горла. Возможно, у нее просто не было другого выбора. Скажи, что веришь мне, и мы сделаем все возможное и невозможное.

Эмоции, бурлившие в груди Масиниссы, были слишком велики, чтобы сдерживать их. Он схватил Магона за плечи и притянул его к себе с такой свирепостью, что столкновение их нагрудных пластин едва не сбило у него дыхание. Он прижал щеку к бородавчатому подбородку Магона.

— Мне хотелось бы верить тебе, — произнес царевич. — Однако этим утром с моих глаз сорвали повязку, и я увидел мир по-другому.

— Я не хочу быть твоим врагом, — сказал Магон.

— А я больше не могу быть твоим братом, — прошептал Масинисса. — Ты нравишься мне. Но подумай о моем положении. Я царь без царства и жених без невесты. Я потерял ее, но мне нужно позаботиться о своем народе.

Выйдя из палатки, он считал шаги до своего коня. В любое мгновение мог последовать приказ остановиться. Магон мог поднять воинов Священного отряда, и те немедля повалили бы отступника на землю. Но ни криков, ни приказа не было. Возможно, Магон продемонстрировал ему последний жест братской привязанности или просто проявил непростительную слабость. В любом случае, Масинисса вскоре оказался на гребне холма под охраной своих соплеменников. Почувствовав ветер на лице и быстрого коня под собой, он освежил рассудок и мысли. На следующий день царевич отослал гонца к римлянам. Он поклялся им в верности на тех условиях, которые ранее предлагал Публий, и выдвинул новое требование, чтобы Рим помог ему вернуть царство и победить Сифакса. Он сам удивлялся себе. Союз с римлянами означал

войну с Карфагеном. Но его лишили выбора. Царевич Масинисса был масилилотом. После смерти отца он стал царем. Как жаль, что он не узнал об этом несколько недель назад. И как странно, что новость, которую ему прошептали в ухо, изменила весь его мир.

Сообщив римлянам о возвращении в свою страну для сбора армии, Масинисса отбыл из Иберии с двумя сотнями самых верных всадников. Он мог бы увести и остальных своих людей, но, несмотря на дружбу с мавританскими торговцами и моряками, отсутствие свободных кораблей и времени не позволило ему сделать этого. Он хотел послать гонца к Махарбалу и попросить его покинуть Ганнибала и вернуться в Нумидию. К сожалению, у него не хватило денег для обеспечения такой миссии. Он отказался от нее — по крайней мере временно. Возможно, царевич боялся ответа, который он мог получить. Махарбал не знал его. Почему он должен был признавать его царем? Кроме прочего, он должен был как-то убедиться, что послание действительно исходило от Масиниссы.

С того момента, как его нога коснулась африканского берега, события развивались с такой быстротой, что царевич почти не отдыхал. Он спал не больше четверти ночи, и при каждом пробуждении ему чудилось, что переменчивое провидение вкладывало в дни столько событий, сколько могло бы вместить в недели и месяцы. Он высадился на безлюдном побережье к востоку от Гиппо Региуса. Его воины покидали корабли при свете нарастающей луны. Мир был полон теней и света, с малым различием между ними. Песок блестел, как белая кость. Люди и лошади спрыгивали с транспортных судов на мелководье и под напором волн в пене и брызгах выбирались на берег. Кони ржали, мотали головами и взбивали ногами песок. Ни одной посторонней души не было видно на темном берегу. Все шло по плану. Масинисса надеялся, что о его возвращении домой никому не известно.

Однако он вскоре узнал, что Сифакс ожидал его. Получив разрешение Карфагена, ливийский царь призвал народ к войне, собрал солдат со всей своей огромной империи и дал им обычные обещания — богатство, много женщин и власть над Северной Африкой. Он послал в Массилию несколько армий, и те почти без сражения взяли город Туггу, с великой яростью разграбили Заму и набросили сеть ужаса на равнины в верховьях Теллы. Люди Сифакса нашли могилу царя Гайи и осквернили ее. Они сожгли труп на кострище и уничтожили все монументы, поставленные в честь покойного правителя. Сифакс велел поместить свое имя на всем, что некогда принадлежало Гайе. Массилиоты были храбрыми людьми, однако без общего лидера им не удалось противостоять такому нападению. Без защиты Карфагена они вдруг оказались небольшим народом. Прижав их под своей пятой, Сифакс наслаждался триумфом. Он наконец-то утолил голод, который томил его почти всю жизнь. Не успело лето перевалить за середину, как ливийский царь удалился в Цирту, ожидая там новую супругу и те удовольствия, которые он собирался получить от нее.

Масинисса вернулся в страну, пребывавшую в хаосе. Ливийские власти объявили награду за его поимку, как будто он был бандитом или опасным преступником. Сифакс обещал большие деньги за голову царевича, а тому, кто привел бы Масиниссу живым для развлечений царя, гарантировался высокий сан придворного. Десятки отрядов объезжали береговую линию. Один из ливийских капитанов по имени Бакар заметил признаки прибытия мятежного царевича и отправился за ним в погоню. Через три дня на равнинах близ Клапей он устроил засаду, напал на лагерь Масиниссы и загнал его небольшой отряд в капкан, устроенный из двух тысяч всадников и четырех тысяч пеших воинов. Сражаться с таким количеством врагов не имело смысла, поэтому массилиоты попытались вырваться из окружения. Уйдя от кавалерии,

лерии, они нарвались на пики пехотинцев и дротики, от залпов которых потемнело небо. Казалось, что на них напала стая барракуд.

К тому времени, когда они прорвались через ряды пехотинцев, их осталось меньше пятидесяти. В тот день им пришлось не только убежать, но и сражаться. Они убивали в три раза больше, чем теряли, но это уравнение вело к поражению. К их чести, массилиоты защищали Масиниссу, не жалея жизни. Вот почему, когда царевич на полном скаку влетел в реку Баградас, с ним было только четверо воинов. Течение подхватило их и понесло по коричневым илистым водам. Они плыли наискось мимо врагов, которые гнались за ними. К счастью, они плыли быстрее, чем всадники Бакара могли перемещаться по пересеченной местности, поросшей колючим кустарником. Несколько ливийских всадников прыгнули в реку следом за ними, но трое из них исчезли под водой. Увидев, что двое людей Масиниссы тоже утонули, Бакар прекратил погоню. Позже царевич узнал, что ливийский капитан объявил его мертвым и отбыл в Цирту для получения награды от Сифакса.

Однако Масинисса не умер. Река на одном из широких изгибов выплюнула его на прибрежный песок, настолько мелкий и мягкий, что он напоминал мех выдры. Два оставшихся воина нашли его и сели рядом, размышляя о настигших их превратностях судьбы. Еще утром они представляли собой боевой отряд, а теперь у них осталось только два коня на троих, одна лошадь хромала. Как такое могло случиться? Масинисса снова и снова задавал себе этот вопрос, словно ответ на него мог прийти только после долгих и упрямых повторений. Он так ничего и не сделал — вообще ничего! И в какой-то миг он испугался, что все его планы окажутся пустыми фантазиями.

Один из воинов, схватив его за локоть, настаивал на бегстве. Жители ближайшей деревни заметили их и с подозре-

нием наблюдали за ними с противоположного берега. Им лучше уплыть в Рим, предлагал второй спутник. Они вступят в римскую армию и вернуться позже, когда дела здесь наладятся. Однако эти смелые и верные солдаты не были лидерами нации. Масинисса знал, что если он заявится в Рим на таких условиях, его жизнь будет стоить не больше цены кожи, костей и нескольких драгоценностей, которые висели на нем.

Вопреки советам компаньонов, он ушел с равнин и поднялся на нагорье Нарагары, которое было родиной его отца. В целях маскировки он обменял порванную одежду царевича на наряд простолюдина. Убрав с глаз эмблемы верховной власти, Масинисса честно делил двух коней со своими охранниками и шагал пешком, когда наступала его очередь. Для сторонних наблюдателей они выглядели тремя бедняками. В облике пилигрима Масинисса спал под простыми навесами селян у горы Белл, где он приносил подношения египетскому богу Бесу, вымаливая у него немного злой силы. Он крал фрукты в чужих садах и питался козлятиной, поджаренной на открытом огне. Время от времени спутники посматривали на него тревожными взглядами, так как им казалось, что он блуждал по стране без цели и плана. Царевич не рассказывал им о том, как он собирался возвращать себе трон. Он держал эти мысли при себе и продолжал идти на юг. Они спустились с гор на равнины, прошли через фруктовые сады мимо окраин Замы и направились к холмам южнее Сикки. То была страна горных коз и людей, ходивших словно на раздвоенных копытах. Трое мужчин забрались так высоко, что могли смотреть вниз на полет орлов и грифов — птиц, которые прыгали со скал и парили в потоках горячего воздуха, поднимавшегося с равнин.

Чтобы морально поддержать царевича, его спутники общались с местными людьми и задавали им наводящие вопросы. Опечалила ли их смерть царя Массилии? Нравился ли

им Сифакс или они ненавидели его, как он того заслуживал? Воины возвращались к Масиниссе и рассказывали ему обо всем, что слышали. Население пребывало в страхе, говорили они. Однако, несмотря на отчаяние, люди по-прежнему любили и уважали царский род Гайи.

Иногда, сидя у костра, стоя на горной гряде или глядя на перо сизого голубя — фактически, в самые неожиданные моменты, неподвластные внешним обстоятельствам — царевич шептал вслух слова, казавшиеся странными для тех, кто его слышал. Фразы, наполненные бездонной тоской, напоминали молитвы, но они адресовались красавице Софонисбе, чье имя царевич произносил нежно и медленно, словно заклинание, способное освободить его от любовных мук. Эти всплески эмоций, исходящие от гонимого и обобранного до нитки человека, смущали его спутников и заставляли их думать о безумии царевича.

Когда он вспоминал о своем отце, они понимали его чувства. Масинисса считал, что царь Гайя был недостаточно амбициозен. Он был добрым, мудрым и сильным и мог удерживать вместе свободолюбивый народ. Но царевич всегда думал, что он правил бы массилиотами лучше. Возможно, он был неблагодарным сыном, однако ему не терпелось войти в историю. Он постоянно грезил о том мгновении, когда отец уступит ему свою власть. И вот теперь он понял, что не знал, как быть царем. Он знал лишь, как быть нетерпеливым царевичем.

— Мне кажется, ты не прав, — возразил один из спутников. — Наши отцы учат нас своему ремеслу независимо от того, слушаем мы их или нет.

— Крокодилу, родившемуся из яйца, ничего не известно о его родителях, — добавил второй. — И все же он вырастает в крокодила, потому что не может быть кем-то иным.

Масинисса повернулся к ним и посмотрел как на незнакомцев.

Когда через несколько недель они прибыли на тайный совет масилиотских старейшин, его спутники посчитали это едва ли не чистой случайностью, как будто их задуло туда порывом ветра. Совет собирался на древнем святилище, о котором знали только лидеры племен. Это место находилось вдали от всех поселений. Несмотря на то, что Масинисса подгадал ко времени, он сомневался в успехе задуманного плана. Старейшины собирались здесь не больше раза в поколение — и то в периоды смуты. К счастью для него, они созвали совет.

На священном месте не было ни одного здания, в котором могли бы совещаться люди, поэтому встреча проходила на открытом пространстве. Заметив Масиниссу, старейшины приняли его за местного пастуха. Одежда царевича выглядела бедной и неопрятной на вид. Волосы свисали космами и закрывали лицо. С некоторыми из старейшин он был знаком от рождения, но они не узнавали его. Он слышал, как лидеры племен обсуждали тревожное время, в которое они жили. В их словах сквозила осторожность. Никто не хотел говорить откровенно. Люди не знали, кто из них уже перешел на сторону Сифакса. Высказав этим вечером крамольные мысли, они могли оказаться утром посаженными на кол. Поэтому разговор крутился вокруг да около, и никаких конкретных выводов не делалось. Старейшины признавали, что Сифакс выкручивает им руки. Они ненавидели его и с тоской вспоминали покойного царя. Когда один из них предложил помянуть погибшего Масиниссу, царевич решил, что нужный момент наступил. Услышав, как люди оплакивают его смерть, он просто не мог не заговорить.

Масинисса встал и приблизился к группе старейшин. Они обернулись и с неодобрением посмотрели на него. Один схватил его за локоть, другой спросил, что ему нужно. Царевич молча вошел в центр круга и после краткой паузы откинул волосы с лица и закрепил их повязкой, сделанной из льви-

ной шкуры. Затем он опустил руки, поднял подбородок и посмотрел на собравшихся людей. Его пальцы подрагивали, готовые в любой момент вытащить кинжал и забрать как можно больше жизней, если его попытаются схватить или убить.

— Не оплакивайте меня, — сказал он. — Сын царя Гайи жив.

* * *

Приплыв весной на Сицилию, Публий нашел остров кипящим в мятеже. Все напоминало бурлящий котел, только что снятый с огня. Города Сиракузы, Агригент и Лилибей с большим вниманием следили за войной. В период громких побед Ганнибала они забыли о преданности Риму и поддались уговорам амбициозных лидеров. Многие жители — в основном греки — вспоминали прекрасные времена, проведенные под карфагенской властью, и ругали жадных и самодовольных римских правителей. Горожане бунтовали с переменным успехом, но к прибытию Публия весь остров контролировался легионерами. Революционные и политические настроения были подавлены небольшим контингентом римских сил — по большому счету благодаря Карфагену, который никак не поддержал мятежников. Греческие бунтари в Сиракузах лишились своих жилищ и богатств. Некоторых просто вышвырнули на улицы, где латинские дети бросали в них камни, женщины плевали им в лицо, а мужчины, используя любой предлог, секли плетьюми.

Оценив ситуацию, Публий понял, что при такой нестабильности он вряд ли сможет организовать величайшую военную кампанию своей жизни. Поэтому с самых первых дней он начал исправлять допущенные ошибки. Используя консульскую власть, он велел отдать конфискованное имущество грекам. Согласно его приказам горожане должны были вер-

нуться к мирному сосуществованию, которое они вели годами до последней смуты. За короткое время Публий объехал остров и навел порядок в каждом городе. Затем он призвал легионеров, опозоренных при Каннах. Сципион слил их с семью тысячами добровольцев, которых он привез из Италии, и тем самым увеличил свою армию до двенадцати тысяч. Основной контингент состоял из пехотинцев.

Он муштровал солдат безжалостно. Консул многому научился в Иберии. Он передавал свой опыт рекрутам, превращая их в машины убийства, которые могли бы завоевывать для него будущие победы. С каждым днем припасы армии, изъятые с различных складов острова, увеличивались. Сципиону подвозили оружие и амуницию. В южные гавани Сицилии прибывали все новые и новые корабли. Прибрежные города Этрурии поставили на киль почти тридцать транспортных судов, уложившись в рекордные сорок пять дней с того момента, как деревья пали на землю, и до часа, когда корабли направились к Сицилии. К тому времени Лаэлий провел разведку у берегов Африки, высматривая место для высадки войск, обозревая ближайшие города, оценивая их оборону и налаживая контакты с добровольными шпионами. Он не приближался к Карфагену, поскольку Публий имел другую цель. После того как данные разведки были собраны, все части плана встали на свои места.

В день отбытия в гавани Агригента скопилось сорок боевых кораблей и сотни транспортных судов. Утро встретило их теплым и чистым рассветом, подарив попутный умеренный ветер. Публий призвал солдат к тишине. Когда его сообщение передали по всем кораблям, он воззвал к богам суши и моря. Консул произнес красивую речь, приготовленную для этого случая. Он попросил богов не о милости к их армии, а о содействии в отмщении, чтобы повергнуть Карфаген в бездны ужаса и страдания, в которые этот ненавистный город хотел погрузить великий Рим. Он попросил, чтобы боги по-

зволили им закончить войну; чтобы римские легионеры и их союзники могли вернуться на родину с тюками сокровищ и с добычей, в которую они могли бы погрузиться по самый подбородок; и чтобы жители Италии забыли о бедах, навлеченных на них. Он пожертвовал быка кремового цвета, с белой звездой на лбу. Выпустив животному кишки и бросив их в море, консул проследил за ними взглядом, пока те покачивались на поверхности вод. Посчитав полученный знак добрым предвестием, он велел трубачу просигналить об этом. По кораблям прокатился неровный рев, состоявший из громкой какофонии голосов, звуков труб и колоколов. Позже некоторые люди клялись, что поднятый шум прокатился над морем и заставил африканцев задрожать от страха.

Корабли подняли паруса и при устойчивом ветре вышли в море. Они провели в пути целый день и затем долгую ночь, окутанную темным туманом. На рассвете перед ними появился берег Африки. Как это близко, подумал Публий. Всего одни сутки плавания. Они приблизились к месту, которое капитан консульского судна назвал мысом Меркурия. Публию понравилось это название, но он велел направить флот на запад. На следующее утро капитан доложил ему, что видит мыс Красавицы. Консул приказал подготовиться к высадке армии. Это место находилось неподалеку от Цирты, но на достаточном удалении от нее, чтобы римские отряды могли спокойно сойти на берег и построиться в походную колонну.

Завидев их, жители прибрежных деревень хватали скарб, который они могли унести, и разбегались в ужасе кто куда. Взрослые подталкивали детей и тащили на спинах узлы с пожитками. Лаэлий предложил уничтожить их всех до одного, чтобы они не предупредили Сифакса. Но у Публия было другое мнение. Ему хотелось вызвать волну тревожных слухов, которая прокатилась бы через равнины Ливии, через Атласские горы до самого Карфагена. Чем дальше, тем лучше.

Сразу после высадки на берег римская армия направилась в Цирту. Многие отряды не были с Публием в Иберии, и ветераны Канн не одобряли действий командира. Им казалось, что их вели не в том направлении. Зачем идти на запад, когда незащищенный Карфаген находился на востоке? Но Сципион проявлял присущее ему благоразумие и придерживался собственного плана.

На небольшом расстоянии от города Публия встретила делегация от Сифакса. Поскольку они несли с собой белое знамя переговоров, Публий согласился выслушать их. Посланники сообщили, что ливийский царь желает встретиться с консулом. Сифакс верил, что если они однажды договорились друг с другом как разумные люди, то могли бы сделать это еще один раз. Публий отослал гонцов обратно к царю, сказав, что с момента их последней встречи ситуация сильно изменилась. Он пришел не разговаривать, а воевать с союзником Карфагена. Консул знал о браке Сифакса с сестрой Ганнибала. Он знает, что Ганнон набирает среди ливийцев новую армию. И в это время в Цирте гостили две женщины из семейства Баркидов. Он полагает, что народ Сифакса принял не ту сторону в военном конфликте. Если ливийский царь не расторгнет союз с Карфагеном, им придется встретиться не за пиршественным столом, а на поле боя, с лязгом оружия.

Сифакс прислал к нему других гонцов, через которых выразил надежду на то, что им не придется доводить конфликт до кровопролитной битвы. Действительно, он породнился с семейством Баркидов и, следовательно, стал союзником Карфагена. Жена и старшая сестра Ганнибала сопровождали новобрачную и участвовали в свадебной церемонии. В данный момент они находятся под его опекой. Тем не менее он, как правитель своего народа, по-прежнему принимает решения по собственному усмотрению. Царь подчеркивал, что нынешнее положение было совершенно особенным и полезно

всем. Естественно, он может развестись с новой женой. Но Сифакс еще раз предлагал посредничество между Римом и Карфагеном. Конфликт затянулся на несколько лет. Много людей погибло. Обе стороны понесли огромный ущерб, хотя и показали друг другу великую силу. Ганнон, командовавший карфагенской армией на африканской земле, имеет право утвердить соглашения, которые заставили бы его брата покинуть Италию. Почему бы им не обсудить все вопросы мирно и бескровно, после чего Ганнибал вернется в Африку, а Сципион уплывет домой? Не нужно торопиться с ответом. Пусть консул оценит возможность завершения долгой войны с помощью слов и без лязга мечей. Разве это не принесет римлянам большую выгоду, которые они вполне заслужили?

Когда Сципион и его свита отошли от делегации, чтобы обдумать ответ царю, Лаэлий спросил у Публия:

— Ты веришь в искренность ливийского царя?

— Он подлый шакал.

Лаэлий задумался на миг и задал новый вопрос:

— А он искренний шакал?

В ответ на высказанное предложение римский консул согласился обратиться к мудрости правителя столь храброго народа. Он тоже хотел бы закончить войну без нового кровопролития. Публий был не против мирного договора, но прежде ему требовались доказательства того, что посредничество Сифакса даст какие-то результаты. В свою очередь, ливийский царь обещал предоставить ему такие подтверждения.

Пока велись переговоры, Публий разбил лагерь на равнине в полудне пути от Цирты. На равном расстоянии находился другой лагерь, в котором размещались и тренировались ливийские отряды, расквартированные вне города. Через шпионов, завербованных Лаэлием во время предыдущей разведывательной миссии, Публий получал все необходимые сведения об армии Сифакса. Ее ядро состояло из хорошо обученных солдат. Часть ветеранов сражалась в фалангах копей-

щиков — на греческий манер. У остальных главным оружием были щиты и мечи. Они бились в плотных рядах, соприкасаясь ногами и кромсая клинками всех, кто приближался к ним. Эти мясники-убийцы защищались покрытыми кожей деревянными щитами, но они использовали их не столько для обороны, сколько для атаки.

Эти воины представляли собой серьезную угрозу, как и обученные Ганнибалом пехотинцы. К счастью, большая часть армии Сифакса состояла из рекрутов, недавно призванных на службу из различных частей империи. Они не были обучены сражению в колоннах и других боевых формациях и не шли ни в какое сравнение с римскими легионерами. Поэтому ливийский царь полагался только на численное превосходство. Его солдаты обычно начинали бой как стая диких гиен, нацеленных на убийство. Они группировались в племенные отряды, но по сути являлись одиночками, которые заботились только о самих себе. Ливийские воины носили шкуры леопардов, гепардов и львов. Их отличительными приметами были сильные руки и крепкие ноги, длинные пряди волос, похожие на сотни змей, и гладко выбритые лица, покрытые татуировками с изображениями тотемных животных. В их арсенале имелось разнообразное оружие, часто ужасное на вид: копья любых размеров, пики, вилы и цепи, разрывавшие своими шипами кожу и мышцы врагов. Некоторые воины орудовали гарпунами, прикрепленными к веревкам, которые позволяли им подтягивать пронзенных жертв прямо к своим ногам. Другие ливийцы отдавали предпочтение боевым топорам. Говоря о достоинствах этого оружия, они обычно демонстрировали сморщенные обрубки рук и ног, которые хранились в их походных мешках среди трофеев. Воины с западного побережья выделялись круглыми щитами, чья внешняя поверхность была украшена кораллами. Они пронзали врагов тяжелыми трезубцами, а затем добивали их маленькими кинжалами, сделанными из осколков раковин.

С каждым днем ряды африканской армии пополнялись новыми солдатами. Когда стало ясно, на что надеялся Сифакс, Лаэлий начал приставать к Сципиону с вопросами. Не пора ли действовать? Он боялся, что численность ливийцев вскоре превысит тридцать тысяч воинов. А возможно, дойдет до сорока или пятидесяти тысяч. Кто знает, сколько солдат с кожей песочного цвета направлялось сейчас к Цирте? Римские отряды насчитывали только двенадцать тысяч легионеров. Как долго им еще ждать? Каждый день число врагов росло, и каждый день Ганнон обучал отряды рекрутов координированным действиям...

— Сколько римлян погибло при Каннах? — перебил его Публий.

— Ты знаешь, сколько, — ответил Лаэлий.

— Знаю, — согласился Публий, как будто это и был ответ на все вопросы Лаэлия.

Фиктивные переговоры затянулись на неделю. Публий заметил, что ливийцы не стали расширять территорию лагеря. Пытаясь скрыть свою численность, они накапливали растущую армию в первоначальном периметре военного поселения. Их лагерь был окружен высокой бревенчатой стеной, оплетенной колючим кустарником, чьи шипы длиной в палец делали преграду почти неодолимой. Оборонительные рубежи построили давно, но несколько лет назад их укрепили и улучшили. Тем не менее, как заметил Публий, они остались деревянными. Казармы, хижины и навесы ливийского лагеря были сделаны из тростника и соломы. Карфагенские солдаты, следуя своим обычаям, соорудили шалаши из сухих ветвей. Фактически лагерь представлял собой огнеопасное замкнутое пространство, битком набитое людьми и животными, а также хранилищами с оружием, броней и съестными припасами. Единственными неуязвимыми для огня предметами были металлические кольца и кубки, топоры и

наконечники копий, которые сами по себе не наносили никому вреда.

Лаэлий, выслушав замечание Публия, попытался угадать ход его мыслей. Вскоре он понял, хотя только контурно, план действий гениального Сципиона.

Переговоры продолжались. Сначала Сифакс убеждал консула, что Ганнон склоняется к возможности мирного договора. Затем Публий потребовал доказательства того, что Ганнон Барка имеет право заключать межгосударственные соглашения. После этого они начали обсуждать основные пункты договора, которые требовалось согласовать перед выдвиганием дополнительных условий. Некоторые римские офицеры начали ворчать, что консул играет на руку Сифакса. Хотя они не говорили этого в присутствии Сципиона, он знал, что несколько подчиненных называют его трусом, который не желает омрачать обидным поражением свои предыдущие успехи и посему идет на позорный мир с врагом. Он не стал оспаривать их мнение, поскольку не хотел раскрывать созревающий план. Публий позволил им тешить свое невежество и болтать никчемный вздор. В разговоре с Лаэлием он указал на постоянный ветер, поднимавшийся сразу после заката. Его порывы длились несколько часов, в течение которых земля подстраивалась к перепадам дневной и ночной температуры воздуха.

На девятый день переговоров к Сципиону присоединился Масинисса, приведший с собой почти две тысячи массивлиотских всадников. Глядя на африканскую кавалерию, спокойно въезжавшую в его лагерь, Публий признался, что у него поползли мурашки по спине. Последний раз, когда он видел царевича, они были заклятыми врагами. Однако теперь Сципион старался сделать все возможное, чтобы их прошлые отношения остались позади. Он не хотел, чтобы ссылки на прошлые недоразумения вызывали у Масиниссы тревогу и по-

дозрения. Во всяком случае, он заявил об этом публично в начале приветственной речи. Поскольку массилиоты называли Масиниссу своим царем, консул без колебаний использовал этот титул. А почему бы и нет? Либо царевич заслужит его в бою, либо погибнет, пытаясь вернуть свое царство. Время расставит все на свои места.

На первом же совместном совете Масинисса озвучил опасения многих римских офицеров по поводу разрастающейся армии ливийцев. Он не знал латыни, но изъяснялся на греческом языке, который консул находил достаточно приятным и чистым. Публий успокоил царевича, сказав, что в нужное время массилиоты смогут убить огромное количество врагов — даже если вместо копий в их руках будут обычные камни. Сципион заметил, что молодой человек часто поглядывал в сторону Цирты. Он знал, что притягивало взор Масиниссы, но до поры до времени не желал говорить об этом.

На одиннадцатый день переговоры затянулись до самого вечера. Последние два дня Сифакс и Ганнон с энтузиазмом выставляли требования, которые раскрывали их коварный замысел. В обмен на окончание войны и отзыв Ганнибала из Италии они требовали, чтобы Публий покинул Африку и чтобы Рим вернул Иберию в подчинение Карфагену. Кроме того, они хотели обменять итальянские порты, захваченные Ганнибалом, на сицилийские города, находившиеся под контролем римлян. Лукавые дипломаты настаивали на том, что ни одна из сторон, участвующих в конфликте, не должна признавать победу или поражение своих прежних соперников. Таким образом, Карфаген пытался уйти от выплаты контрибуции за ущерб, нанесенный римскому народу. И еще они хотели, чтобы Сципион передал Масиниссу в руки Сифакса.

Все эти условия были неприемлемыми. Публий верил, что Ганнон понимает их тщетность, но, скорее всего, битый генерал передавал ему желания карфагенских старейшин. Или, возможно, собрав войско в почти пятьдесят тысяч человек,

он думал, что имеет весомое преимущество. Как бы то ни было, консул отбросил в сторону угрызения совести и дал свое согласие. Он предложил парламентарам встретиться через два дня на нейтральной территории между их лагерями. Ганнон и Сифакс должны были прийти в назначенное место сразу после рассвета. Перед встречей им, как и Публию, следовало провести весь вечер в молитвах и очищении, чтобы все сказанное ими на следующий день боги приняли с благосклонным одобрением.

Лишь утром за день до назначенной встречи Публий собрал генералов и изложил им свой план. Он пояснил свою точку зрения и ответил на возникшие вопросы. Конечно, он не принял условий, предложенных врагом. Он никогда не собирался идти на уступки. Он не повел их на Карфаген, потому что хотел одержать убедительную победу. Очевиден был факт, что Карфаген не имеет внутри своих стен даже небольшого гарнизона. Там хранились несметные богатства. Там жили жирные мужчины и красивые женщины. Там было столько рабов, что их хватило бы на два таких города. Но воинов можно было сосчитать по пальцам. Жители Карфагена никогда не были нацией солдат. Публий назвал это их величайшей слабостью. Они назначали опытных воинов на генеральские посты и затем покупали им армии наемников. Ганнибал до некоторой степени изменил эти порядки, но его сейчас не было в Африке. Люди Карфагена полагались на массивные стены города и верили в свою безопасность. Они могли выдержать многомесячную осаду, как уже поступали в недалеком прошлом. Но Ганнон и царь Сифакс собрали многотысячную армию рядом с Циртой. Почему?

— Старейшины Карфагена надеются, что мы атакуем их город, — продолжил Публий. — Если бы наша армия поступила так и занялась рытьем подкопов и тараном стен, которые поколениями создавались для обороны Карфагена, их многотысячное войско напало бы на нас, но не из города, а с

тыла. Они выбрали бы верные условия, место и время. Они атаковали бы нас одной объединенной мощью под управлением лучших командиров, и мы оказались бы прижатыми к стенам Карфагена. Вот что они хотят сделать. Но я решил поступить иначе. Они начали войну с обмана и хитрости. Я закончу ее таким же образом.

Когда Публий изложил свой план, генералы почти не спорили. Они оценили потрясающую эффективность тактики, предложенной Сципионом, и признали, что любой другой план действий означает их гибель. Вечером перед назначенными переговорами офицеры повели свои отряды к ливийскому лагерю и расставили людей на нужных позициях. Дождавшись ночи, когда глаза солдат привыкли к темноте, они двинулись вперед к стене военного поселения. Шли без факелов, в полном молчании. Многие воины несли глиняные кувшины с красными углями. Сосуды были обмотаны кожей, чтобы скрыть алые отсветы, в них были дыры, благодаря которым к углям проходил воздух, и они не угасали.

В самый темный час ночи Публий поднес к губам тростниковую дудочку и просвистел печальную мелодию. Сигнальщики подхватили ее и передали дальше, как было условлено. Воины, которые несли с собой кувшины, рассыпали уголи на сухие ветви, заготовленные в разных местах по периметру стены. Другие солдаты столпились у этих куч, защищая слабое пламя от сильного ветра, который подул к тому времени. Как только красные огни расцвели золотистыми языками, люди начали зажигать от них факел за факелом.

Публий, стоявший в отдалении и наблюдавший за ходом всей операции, увидел, как огонь разросся от нескольких ярких точек до множества движущихся факелов. Он увидел, как несколько костров породили россыпи отдельных искр. То были сотни и тысячи факелов, которые быстро рассредоточились по периметру лагеря. Чуть позже первые из них коснулись бревенчатой стены, оплетенной терновым кустар-

ником. Публий увидел, как другие факелы полетели в воздух по длинным дугам, падая на крыши камышовых и соломенных хижин. Порывы сильного ветра раздували огонь и переносили его к центру лагеря. Через несколько мгновений все поселение представляло собой огромное пожарище. Сухое дерево и тростник горели не хуже лампадного масла.

Африканцы просыпались от панических криков. Многие из них не понимали, что происходит. Ужас затемнял их разум. Несколько охранников протрубили сигнал тревоги. Они кричали и указывали руками на отряды легионеров за горевшими стенами, но никто из ливийцев не обращал на них внимания. Военное поселение имело шесть-семь ворот. Люди в спешке выбегали из лагеря, со слезящимися от дыма глазами, часто без оружия и доспехов. Они спотыкались, толкали друг друга, некоторые срывали с себя горящую одежду. А затем их убивали темные фигуры, выступавшие из мрака с мечами и копьями наперевес. После яркого пламени казалось, что у этих фигур не было ни формы, ни цвета, ни плотности. За короткое время у ворот скопилось столько трупов, что римлянам некуда было ставить ноги. Хотя, возможно, их неловкие движения тоже объяснялись ужасом, поскольку сцена пред ними напоминала зрелище адской агонии. К тому времени, когда римские отряды у ворот сменились в третий или четвертый раз, они уже были не кровавыми мясниками, а ангелами сострадания и жалости, убивавшими горящих и обезумевших человекоподобных существ, которые, завывая, бежали навстречу собственной гибели.

Когда свет нового дня озарил бывший лагерь ливийской армии, легионеры замерли в безмолвном изумлении. Огромное военное поселение стало почерневшим пепелищем. Клубы дыма проносились над разбросанными остатками имущества, над телами, лежащими в невысказанных позах, над трупами животных, съежившихся до черных пародий своего бывшего состояния. В тех местах, где прежде стояли казармы,

хижины и навесы, остались лишь сломанные столбы и обрывки шкур. Как оказалось, накануне Сифакс задержался в лагере, чтобы принять участие в ритуале очищения. Публий специально выставил это требование, чтобы не дать ему вернуться в город к молодой жене. Ночью царя взяли в плен. Связанный по рукам и ногам, он безумными глазами осматривал сожженное поселение и выкрикивал проклятия Публию, Риму и латинским богам. Сифакс называл их лжецами и негодяями. Он кричал, что история еще не знала подобного вероломства. Придет день, когда все их прегрешения падут на головы римлян и поразят их многократно и безжалостно.

Какое-то время Публий выслушивал перевод его обличительной речи, но, уловив суть обвинений, остановил ливийского толмача. Вскоре Сифакс повесил голову на грудь и горько заплакал, напоминая искалеченного ветерана давно забытой войны. Переменчивая Фортуна не щадила даже царей. Ганнона Барку не нашли. Судя по всему, он вознесся к небесам в клубах дыма и пламени. Он погиб, как и вся африканская армия. Наконец-то Карфаген остался беззащитным.

Осматривая пепелище и обдумывая дальнейшие шаги, Публий заметил приближавшегося гонца. Он узнал штандарт, развевавшийся над ним. Посланник доложил, что директива Сената была отправлена пять дней назад — не так давно, если учесть большое расстояние от Рима до Цирты. Оценив скорость доставки, Сципион почувствовал тревогу. Он представил себе дрожащую руку Фабия, скреплявшую печатью документ, однако даже эта картина не уменьшила его волнения. Ганнибал идет на Рим, сообщала депеша. Африканец не скрывал своего намерения, и его армия нагло шествовала по стране под звуки труб и барабанов, словно какой-то передвижной балаган. По пути к его войску примыкали новые союзники. Поход окружала невиданная доселе степень варварства. Генерал Мономах, поклонявшийся Молоху, безжалостно и алчно истреблял детей и подростков

Италии. Сенат критиковал Сципиона за великую беду, которую он навлек на Рим. Вопреки его обещаниям Ганнибал не покинул Италию, когда услышал весть о прибытии Публия в Африку. Наоборот, карфагенский полководец решил использовать отсутствие консула, чтобы нанести последний удар. Рим еще никогда не подвергался такой огромной опасности. Бремя вины возлагалось на плечи молодого Сципиона. Посему он отзывался в Италию для защиты Рима. Незамедлительно! Ибо ситуация не терпела никакого отлагательства.

* * *

Глядя на юг с террасы, примыкавшей к ее комнатам в Цирте, Имилце изумлялась тому, что на всем пространстве видимой земли не происходит ничего интересного. В этой странной неподвижности ощущалась зловещая тайна. Нет, здесь не было полного покоя. Крестьяне трудились на полях. Стаи птиц взлетали, кружились в небе и опускались то на одно, то на другое поле. Мальчишки швыряли в них камни, стогняя с посевов. Бриз ерошил шевелюры пальм, посаженных вдоль речного берега. Вот по мосту прогремела повозка. Двое мужчин, сидевших в ней, говорили о чем-то по-ливийски. Горьковатый дым доносился с континента — странный запах, напитанный ароматами огромных просторов и сельских полей. Конечно, многое происходило вокруг, пока она стояла на террасе. Но по сравнению с крупными событиями, которых не было, все это казалось фальшивой имитацией жизни. Ее давно уже смущало, что мир настолько обманчив. Однако как только пальцы Имилце коснулись гладкой глиняной стены, она почувствовала, что не должна сходить с места, пока тайна, повисшая в воздухе, не раскроет себя сама. И ей не пришлось ждать слишком долго — только до середины утра.

Она первая увидела рябь на горизонте — темную линию, которая то появлялась, то исчезала через некоторое время.

Имилце подумала, что это была игра света и теней, создаваемая волнами жара на равнине. Затем к ней пришла странная мысль, что к городу мчится огромная стая страусов. Впрочем, эта нелепая догадка исчезла почти так же быстро, как и возникла. Вскоре она знала, что смотрит на орду приближавшихся всадников.

— Это мой муж возвращается? — спросил ее ровный и бесстрастный голос.

Имилце не стала поворачиваться к Софонисбе. Она вдохнула ее аромат, и этого хватило, чтобы еще больше усилить подступавшую меланхолию. Muskusное благоухание, слегка мужское по богатству тона, било прямо в нос, поэтому, стоило вдохнуть его, оно оказывалось уже глубоко внутри. Имилце почувствовала, как рука молодой женщины скользнула под ее локоть. Она коснулась большим пальцем мизинца Софонисбы, показав, что рада ее появлению. Они проводили вместе каждый день с тех пор, как несколько недель назад в компании Сапанибал приехали в ливийскую Цирту. Такой эскорт считался обычным в тех случаях, когда молодая новобрачная направлялась к иноземному жениху. Софонисба пыталась возражать против поездки родственниц, но обе женщины не вняли ее протестам. Между тем Имилце находила почти неестественной ту покорность, с которой молодая девушка приняла свою судьбу. Ей часто приходилось напоминать себе, что Софонисба принадлежала к семейству Баркидов. Она сама сказала годом раньше, что черпала силу в истории своей семьи.

— Я не похожа на других девушек, — заявила она. — Мне не нужны детские забавы и модные безделушки. Я молюсь лишь о том, чтобы однажды послужить Карфагену.

Так она и поступила. Теперь Имилце тоже служила этому городу, поддерживая рыдавшую Софонисбу после того, как она выскальзывала в предрассветные часы из покоев Сифак-

са. Какие грубые и жестокие требования возлагают народы на своих женщин!

— Твой муж? — наконец, ответила Имилце. — Я не могу сказать точно. Это всадники, но...

— Наверное, они одержали победу. Я должна приготовить. Царь опять захочет обладать моим телом.

Тем не менее Софонисба не убрала руку. Имилце почувствовала пот на ее ладони. Там, где соприкасались их пальцы, бился пульс. Она могла бы сосчитать количество ударов опечаленного сердца девушки. Или это было биение ее собственного сердца? Погрузившись в поток пустых мыслей, Имилце не сразу поняла слова, произнесенные Софонисбой.

— Это не ливийцы, — повторила девушка. — Они скачут под штандартами царя Гайи.

Софонисба обладала острым зрением. Через миг охранники, стоявшие на стенах, пришли к такому же выводу. Послышались крики. Большой барабан забил тревогу. Мужчины, женщины и дети, прекрасно понимавшие значение подобных звуков, вели себя соответствующим образом. Солдаты хватали оружие и передавали друг другу приказы командиров. Те, кто работал на полях за городом, помчались к городским воротам. Женщины поднимали одежду выше колен и с криками бежали по дороге к закрывавшимся створкам. Когда последняя из них оказалась внутри высоких стен, массивный засов запечатал ворота с громким стуком, который стал еще одним сигналом бедствия.

Имилце осмотрела сторожевые башни и линию горизонта, ожидая, что кто-то отменит тревогу и объявит штандарт Гайи глупой шуткой или скажет, что они все неправильно поняли. Этого следовало ожидать, поскольку ни одна вражеская армия не могла угрожать им в данное время. Ганнон заверил ее, что они с Сифаксом держат все под контролем. Либо римляне согласятся на мир, сказал он, либо ливийцы пере-

бьют их, воспользовавшись превосходящей численностью. Она пыталась придумать другой ход событий, вытекающий из этих двух вариантов. Возможно, они заключили мирный договор, и всадники, приближавшиеся к городу, были дружественным войском...

— Боги еще раз наказывают меня, — прошептала Софонисба. — Это он.

Имилце потребовалось некоторое время, чтобы отыскать его в толпе мужчин. Это действительно был он. Масинисса. Она взглянула на Софонисбу, но не увидела в ней страха. Лицо девушки выглядело застывшим как камень. Его выражение невозможно было описать словами. Ее губы слегка приоткрылись.

— Давай подойдем поближе.

Они покинули царский дворец, прошли через городскую площадь и приблизились к воротам. Солдаты с явным нежеланием пропустили их в сторожевую башню. Тем не менее они боялись перечить Софонисбе. Эта девочка могла стать царицей и получить беспредельную власть над их жизнями. Они расступились перед ней, и две женщины взобрались на верхнюю площадку, откуда открывался вид на пространство перед главными воротами города.

— Посмотри на него, — сказала Софонисба. — Ты только посмотри...

Действительно, Масинисса имел впечатляющую внешность. Его гибкая юношеская фигура, которой Имилце любовалась годами раньше после охоты царевича на льва, уступила место крепкому торсу воина. Округлость черт и невинность глаз исчезли напрочь. Масинисса стал мужчиной. Он был командиром огромного войска. Его царская одежда из сине-фиолетовой ткани плотно облежала тело и венчалась массивным головным убором. Он направлялся к городским воротам с уверенностью победителя. Икры и стопы ног оставались обнаженными. Ветер развеивал фалды его наряда,

привлекая к нему взгляды всех жителей Цирты. Всадники, скакавшие за ним, казались пыльным воплощением обоженного солнцем континента. В их одежде имелось множество различных тонов, но все они начинались и заканчивались оттенками коричневого цвета. Многие воины были одеты в шкуры животных. Татуированные лица, узловатые копны волос, ожерелья из львиных клыков и копья, сжатые в мозолистых кулаках, внушали ужас и трепет.

Масинисса прокричал, что горожанам лучше открыть ворота Цирты. К ним прибыл новый монарх. Он чувствует жажду и голод. Его воины хотят развлечений и удовольствий. Магистрат, управлявший городом в отсутствие Сифакса, ответил, что ворота откроются только перед ливийским царем. Он пошутил, что, судя по всему, царевич ошибся в выборе дороги. Город закрыт для него. Он мог бы понять это и сам. Неужели Масинисса не знает, что ливийская армия ожидает его на равнине? Если он хочет завоевать великую Цирту, то ему сначала придется сразиться с царем Сифаксом.

Масинисса усмехнулся, показав крепкие зубы цвета слоновой кости. Он прокричал, что магистрат ошибается. Во-первых, он царь, а не царевич. Во-вторых, битва на равнине уже завершилась, и победа досталась римско-массилиотскому альянсу. Армия Сифакса разгромлена. От нее остался только пепел. Поэтому не нужно спорить. Если магистрат сейчас откроет ворота, то с жителями города будут обращаться честно.

— Битва закончена, — подытожил Масинисса. — Давай не будем проливать новую кровь. Мы все африканцы. Открывай ворота, и не зли меня!

По приказу офицера копейщики, стоявшие на стенах, подняли оружие наизготовку. Масинисса находился почти у самых ворот. В любой момент он мог стать мишенью, утыканную сотней наконечников. Его офицеры закричали, чтобы он отъехал подальше, но в ответ молодой человек поднял руку над головой и щелкнул пальцами в воздухе. Через миг два

всадника подвели к нему серебристого коня, на котором сидел связанный пленник. Его руки были скованы цепями за спиной. Голова оставалась открытой, несмотря на полуденное пекло. Простая одежда с чужого плеча не соответствовала росту человека.

— Посмотрите на вашего бывшего царя, — сказал Масинисса.

Софонисба громко вздохнула, словно ребенок, который только перестал плакать. Она тут же узнала своего супруга. Однако магистрат не обладал таким острым зрением. Он прокричал, что этот пленник не его царь. Массилиоты засмеялись. Один из охранников грубо ударил мужчину торцом массивного копья. Человек сжал ногами торс лошади, но, видимо, недостаточно сильно. Он свалился с коня, больно ударившись плечом и щекой о сухую землю. При таком падении он мог бы сломать себе шею. Лошадь не сдвинулась с места. Животное просто фыркнуло и покосилось краем глаза на лежащего мужчину, который скорчился в пыли в позе плода. Он даже не пошевелился, когда Масинисса приказал ему встать на ноги.

На миг у ворот воцарилась суета. Люди Масиниссы начали избивать человека ногами, требуя, чтобы тот поднялся с земли. Один из воинов помог ему встать, но мужчина в ответ оскалил зубы и откусил у него кусок щеки. По приказу Масиниссы другой охранник сжал руками голову пленника и задрал ее вверх, показав лицо сначала в профиль, а затем анфас. Чуть позже он разорвал тунику на груди мужчины, словно это могло способствовать его идентификации. Когда магистрат увидел на ладонях человека особые татуировки с львиными следами, у него больше не было вопросов. Он узнал Сифакса.

Масинисса спешил и подошел к воротам так близко, что ему уже не требовалось повышать свой голос.

— Фортуна повернула колесо, — сказал он. — Жители Цирты, я не стоял бы здесь перед вами, если бы полгода назад ваш царь не захватил земли моего отца. Он обесчестил массилиотов, хотя мы всегда относились по-дружески к своим соседям. Сифакс заставил склониться перед собой гордых людей. Но теперь его проступок исправлен. Я здесь не для того, чтобы причинять вам вред. Зачем мне унижать своих новых подданных? Я вернул имущество и земли, которые отнял у нас Сифакс, и забрал себе все, что принадлежало ему. Вы скоро поймете, что я добрее его. Возрадуйтесь и открывайте ворота своему хозяину!

Однако магистрат по-прежнему не мог принять решение. Он посоветовался со старейшинами и задал еще несколько вопросов молодому царю, который уже начал проявлять раздражение. Что стало с карфагенским генералом? Ганнон Барка погиб, ответил Масинисса. Он вознесся в воздух вместе с пеплом. О нем можно забыть. Если бы ливийцы знали Публия Сципиона немного получше, то не сомневались бы в его словах. В последней битве римский консул потерял лишь несколько воинов. Фактически это было не сражение, а бойня. Сципион послал его сюда как брата, с предложением о мирной сдаче города. Но если ворота останутся закрытыми, Цирта без защиты армии окажется в осаде римских отрядов.

Один из офицеров гарнизона воспользовался случаем и выкрикнул насмешку. Какой из Масиниссы царь? Он больше похож на подстилку для римлян. Смех пронесся по стенам города, но быстро затих. В ответ на оскорбление Масинисса поцеловал пальцы правой руки и, подув, раскрыл ладонь. Он предупредил, что его милосердие иссякнет через несколько мгновений.

— Если вы не откроете сейчас же ворота, я обещаю убить половину горожан, а остальную продать в рабство. Тебя, магистрат, подвергнут пыткам, жестоко искалечат...

Он продолжал высказывать угрозы, но Имилце больше не слышала его слов. Софонисба схватила ее за руку и потащила через ряды солдат. Она ругалась и подталкивала ее в спину. Выйдя из сторожевой башни, они оказались среди толпы горожан. Хватка Софонисбы оставляла синяки, но Имилце не замечала этого. Она почти не замечала людей вокруг себя. Она не думала о своей судьбе, о повороте Фортуны, о смерти Ганнона или о том, как проживет десяток следующих часов. Все ее думы были о сыне. Мысли пронзали ее, словно дротики, брошенные невидимым врагом. Гамилькар остался в Карфагене! Какая радость, что она не взяла его с собой! Однако вскоре Имилце поняла, что их могут разлучить навеки. Неужели она никогда не увидит его вновь? Не узнает, каким он вырос? Через несколько лет Гамилькар забудет о ней и, возможно, будет называть своей матерью другую женщину. Она подумала о Дидобал, которая в любом случае позаботится о нем. Эта мысль принесла ей облегчение и горькую печаль. У нее появилась мимолетная надежда, что Танит почувствует их беду, поднимет в воздух и унесет в Карфаген. Какое-то время она держала глаза закрытыми и, оступаясь на каждом шагу, просила богиню вернуть ее к сыну, чтобы еще раз прикоснуться к нему, покачать его на руках и покрыть лицо поцелуями...

Даже в таком состоянии она услышала громкий скрип ворот. Этот звук потребовал от нее быстроты и решительности. Имилце открыла глаза и поняла, что они ушли совсем недалеко — всего лишь на другой край площади. Она увидела, как створки ворот раздвинулись. Софонисба не оборачивалась и продолжала идти. Обе женщины медленно прокладывали путь через массу плотно сжатых тел, через запахи пота и жирных волос, через почти неодолимую преграду из людей. У Имилце закружилась голова, и она вдруг испугалась, что упадет через мгновение в обморок.

К счастью, к ним на помощь пришла Сапанибал — трезвомыслящая, суровая и решительная. Она схватила род-

ственниц за шеи, притянула к себе их головы и шепотом объяснила план побега. Она поручила своей служанке найти им сельскую одежду. Они встретятся с ней у северо-восточной башни, которая имела потайную дверь, уже открытую по ее указанию. Оттуда они прокрадутся к докам. Одна из них купит осла. Они будут выглядеть, как служанки, посланные хозяином по какому-то поручению. Если им удастся миновать патрульные отряды Масиниссы, то никто не будет задавать им лишних вопросов. Сапанибал считала, что у них был реальный шанс на успех, но им следовало действовать без промедления. Их уже ожидал корабль. Как только они поднимутся на борт, судно выйдет в море. Конечно, им придется остерегаться римских галер, однако, если повезет...

Пока она говорила, у ворот развивались драматические события. Несколько всадников подъехали к приоткрытым створкам. Обученные кони поднялись на дыбы и ударами копыт распахнули их настежь. Они двинулись дальше в яростном галопе. Ветер, ворвавшийся в ворота, принес с собой облако пыли и запах дыма. Всадники свистели, улюлюкали и выписывали круги по площади. Они грозно размахивали копьями и колотили древками тех, кто подходил к ним слишком близко. Многие горожане молили массилиотов о пощаде, обещая привести их к дворцовой сокровищнице или показать им, в чьих домах можно найти хорошую поживу. Поразительно, как быстро пропадает человеческая верность.

— Надо уходить, — прошептала Сапанибал. — Иначе нас поймают...

Затем на площадь выехал Масинисса. Взгляд Имилце задержался на нем. Она интуитивно знала, что Софонисба тоже смотрит на молодого царя. Он спешил, уперся руками в бедра и выставил локти в стороны. Его фиолетовая одежда трепетала и пощелкивала на ветру. Магистраты подбежали к нему, упали сначала на колени, затем опустились на четвереньки и, наконец, простерлись перед ним ниц. Они ожида-

ли приказов царя, но Масинисса осматривал толпу, выискивая то, что никто из них не мог предложить ему.

— Достаточно, — прошипела Сапанибал. — Мы должны бежать!

Эти слова вывели Софонисбу из ступора. Она взглянула на сестру, и стало ясно, что у нее появилось простое и окончательное решение.

— Да, сестры, — сказала она. — Уходите! Сей же миг! Что бы ни случилось, уходите! Не ждите меня!

Она вырвалась из хватки Сапанибал и бросилась в толпу. Обе женщины начали звать ее. Однако Софонисба яростно пробиралась вперед. Через несколько мгновений она вышла из круга горожан, поправила одежду и двинулась дальше. Массилиотский всадник помчался на нее, но затем одумался и поднял копьё вверх. Пройдя мимо него, Софонисба направилась к Масиниссе.

* * *

Во времена безвластия повсюду расцветает беззаконие. Пока Сапанибал и Имилце бежали к гавани, вокруг них зарождался хаос. Молодежь расхватывала с прилавков утварь и продукты. Ливийский торговец упал наземь, получив косяй удар клинком по лбу за оскорбление, которого на самом деле не было. Он покатился в пыль и едва не сбил Имилце с ног. Они прошли рядом с перевернутым столом, у которого мгновение назад продавали мед. Монеты взлетели в воздух. Десятки рук подхватывали их на лету и подбирали с земли. Мальчик лет десяти пробежал мимо Сапанибал и больно ударил ее лапой страуса, которую он нес на плече. Обе женщины торопливо шли к гавани. На них была простая сельская одежда. Они смотрели под ноги, сутулясь и горбясь, как старухи.

Когда они попытались подняться на борт, команда судна не узнала их. Один из моряков преградил им путь. Сапани-

бал дала мужчине пощечину, затем плюнула в него и сквозь зубы назвала свое имя, приблизив лицо на такую дистанцию, что могла бы откусить ему нос. Это поступок произвел большое впечатление. Капитан, услышав первые объяснения, велел команде садиться за весла. Несколько отрядов массивных всадников уже приближались к гавани. Моряки, согнув спины, гребли, пытаясь вывести судно в открытое море. Торговый корабль не предназначался для быстрых маневров, но под парусом он развивал хорошую скорость.

Сапанибал, которая мгновение назад вела себя с такой решительностью, вяло опустилась на палубу у кормового ограждения. Мир вращался перед ней в безумной круговерти. Она не могла принять столько важных событий, случившихся почти одновременно: смерть Ганнона, поражение Сифакса, захват Цирты, появление Масиниссы, действия Софонисбы. Все это накладывалось на брак сестры, гибель Гасдрубала и поражение в Иберии. Качка корабля еще больше ухудшала ее состояние. Мысли и внутренности бурлили от подъемов и падений, скольжения, вращения, спусков и взлетов. Она вдруг почувствовала, что ее тело стало котлом, в котором булькало вязкое варево. Когда они вышли из гавани и оказались в объятиях морских течений, Сапанибал поняла, что ей больше не грозит плен Масиниссы. К тому времени она больше не могла сдерживать внутреннее напряжение. Просунув голову в широкую щель ограждения, она отдала морю все, что находилось в ее желудке. Сапанибал устало наблюдала, как струи желчи скользят по быстрым гребням волн. И когда болезненные спазмы опустошили ее до конвульсивной сухости, она долго не могла подняться на ноги.

Свернувшись калачиком от изнеможения, она обхватила ноги руками и попыталась распутать нити истории, чтобы в ней был хоть какой-то смысл. Сапанибал не знала, что случилось с Софонисбой. В последний миг она увидела, как ее сестра упала на колени перед Масиниссой. Он с мрачной ус-

мешкой выслушивал ее объяснения... Но что было дальше? Они с Имилце не могли задерживаться в городе. Массилиоты вклинились в толпу, колотя людей по головами и поднятым рукам. Они поднимали горожан на ноги и формировали группы по шесть человек в каждом ряду. В любой момент они могли заметить убежавших женщин. Ей потребовались все силы, чтобы довести Имилце до башни, в которой имелась тайная дверь. Софонисба приняла свое решение. Им пришлось сделать то же самое.

А Ганнон? Что с ее братом? Масинисса сказал, что он сгорел в огне. Сапанибал посчитала его лжецом. Однако само присутствие массилиотов в Цирте доказывало, что он говорил правду. Она не могла представить себе, что с африканской армией сделали римляне, но, наверное, это было нечто ужасное. Ганнон, полный добрых надежд, остался в лагере, чтобы провести ритуал очищения перед встречей делегаций. С момента расставания прошло несколько дней. Сапанибал вдруг вспомнила, каким он был оживленным. Брат стоял перед ней в оранжевых латах. Бронзовые пластины ложились друг на друга, словно чешуя какой-то хищной рыбы. Он держал шлем под локтем и смотрел на нее с мрачной серьезностью, которая служила ему безмолвной формой речи.

— Так чего ты хочешь? — спросила она. — Мира или войны?

— Давай молиться, чтобы это был мир, — ответил он. — Мы все уже устали от войны.

Сапанибал кивнула головой. Она надеялась, что римляне тоже чувствуют подобную усталость. Но, поскольку они были более воинственным народом, она не слишком верила в исполнение желаний Ганнона.

— По крайней мере, ты создал себе сильную позицию, — сказала она. — У тебя появился могущественный африканский брат.

Ганнон закрыл сначала один глаз, затем другой. Когда он открыл их в том же порядке, она почувствовала его печаль.

— Сапанибал, я очень огорчен этой сделкой. Союз с Сифаксом нужен нам только до той поры, пока война не закончится. И тогда, даю тебе мое слово, я лично освобожу ее — если она того захочет.

— Почему ты даешь свои обещания мне, а не Софонисбе?

— Просто передай ей мои слова. Мне трудно смотреть ей в глаза. Она не произнесла ни единой жалобы. Но ее молчание делает их брак еще большим преступлением.

Сапанибал удивилась тому, что он сказал вслед за этим. Слова Ганнона не вязались с ее представлением о нем — с образом грозного воина, готового помчаться на врага. По-прежнему сохраняя дистанцию, прямой, как столб, и хмурый, словно туча, он признался ей, что с самого детства боялся Ганнибала — боялся и завидовал ему. Ганнибал превратил его жизнь в никчемное и жалкое существование уже одним тем фактом, что он был одаренным полководцем, столь любимым всеми, кто видел красоту его военных кампаний. Однако недавно величие брата перестало волновать Ганнона. Он понял, что все они были рождены лишь для того, чтобы оставаться самими собой — не стремиться к подражанию другим людям, не равняться с ними умом и силами, но быть весомыми для мира по шкале, пригодной для каждого из них. И Ганнон верил, что если ему удастся навязать консулу мирный договор на уже согласованных условиях, он достигнет чего-то значительного для себя.

— Пусть Ганнибал воюет лучше всех, — сказал ей брат. — Но, возможно, Ганнон нашел в себе дар миротворца.

Вот на что он надеялся. Вот что он чувствовал. Как несправедливо, что мужчина, стремившийся к такой великой цели, погиб и не осуществил своей мечты. Он ушел в царство мертвых, и ей нечего было привезти домой как памятный

знак для их матери. У нее ничего не осталось от Ганнона — ни медальона, снятого с шеи, ни локона, ни кольца, принадлежавшего ему.

Когда Сапанибал наконец подняла голову — с пепельным лицом, со впавшими щеками и еще дрожавшими губами — она увидела Имилце, которая сидела рядом с ней. Жена Ганибалы подтянула ноги к груди, прижала их к себе и опустила подбородок на колено. Сапанибал ничего не сказала, но эта близость наполнила ее благодарностью. Ей было приятно знать, что Имилце находилась рядом — что она не оставила ее одну в жестоком мире.

Отплыв от Цирты, корабль не стал продолжать путешествие. Вскоре судно свернуло к берегу и причалило к докам рыбацкой деревушки. Весь вечер команда сдирала с бортов отличительные знаки. Флаги Карфагена и штандарт со львами Баркидов были заперты в сундуки. Смешав воду с экскрементами, моряки забрызгали ею парус, чтобы он не привлекал внимания своей белизной. Они выковыряли золотые глаза Яма с носовой фигуры корабля и поскоблили баграми грозное лицо статуи, придав ему старый и обшарпанный вид. Затем капитан велел разместить рыбацкие сети в самых видных местах палубы.

Темной ночью они подняли якорь и двинулись дальше. Им приходилось плыть медленно, поскольку берег был окружен опасными мелями. Но когда судно достигло места высадки римских войск, ситуация изменилась. В предрассветном свете они увидели целый флот кораблей, вытщенный на мелководье у берега. Их было несколько сотен. И к ним шло пополнение. Капитан хотел пройти мимо них на приспущенном парусе. Однако, заметив несколько кораблей, приближавшихся с севера, он велел поставить полный парус и мчаться по ветру на максимальной скорости. К счастью, боги благоволили бегству. На них никто не обратил внимания или, по крайней мере, не проявил к ним интереса.

Чуть позже они встретили римскую квинкверему, которая под небольшим углом направлялась к берегу. Они разминулись на расстояние крика. Боевой корабль был в четыре раза длиннее их судна. Более трехсот весел, расположенных в три ряда, скользили по воде, поднимались в воздух и с всплеском погружались в волны. Их размеренный темп поддерживался боем барабана, который, несмотря на расстояние, вызывал у Сапанибал головную боль. По сравнению с квинкверемой их судно выглядело карликом. Киль боевого корабля создавал за кормой два пенящихся завитка. Массивный корпус плавно поднимался вверх и погружался вниз. Длинный стальной шип на носу раз за разом взламывал поверхность волн, словно голова сердитого кита. Если бы он протаранил их, то разломал бы судно на куски, после чего корабль прошел бы над ними без потери скорости. Но римляне не стали поворачивать. Квинкверема продолжала двигаться к берегу. Члены команды без интереса посматривали на встречное судно и занимались своими делами.

Они плыли всю ночь. На следующее утро, свернув к мысу Фарина, судно направилось к гавани Карфагена. Пенистое море цвета чистой травы вздымало волны и несло их домой. После полудня капитан подошел к двум женщинам, сидевшим на корме под навесом. Несмотря на сильную качку, он шагал степенно и уверенно. Его тело само подстраивалось под движение палубы. Остановившись рядом с навесом, он какое-то время не смотрел на женщин и смущенно пощипывал бороду толстыми загрубевшими пальцами.

— Мы везем плохие новости, — сказал он в конце концов. — Похоже, мы первые вернемся в Карфаген с известием о поражении Ганнона. Совет старейшин будет вне себя от гнева. Сапанибал, не могла бы ты сама рассказать им о гибели брата?

— Ты боишься, что они убьют того, кто принесет им эту весть?

Он сел на палубу и посмотрел на нее. Его глаза были синими, как будто в них тоже плескалось море.

— Тебе они не навредят. А что будет со мной и моими людьми?

Он ущипнул воздух и развел пальцы в стороны, словно бросил горсть песка.

— Посоветуй им отозвать Ганнибала из Италии — если только они уже не сделали этого. Никто другой нас не спасет. Без него Рим перемелет нас, как зерна на каменных жерновах...

— Так вот каковы карфагенские мужчины?! — с презрением вскричала Сапанибал. — Сначала вы просите женщин выполнить ваши обязанности, а затем начинаете оплакивать судьбу своего народа. Неужели у тебя нет гордости?

Загорелое лицо капитана вспыхнуло ярким румянцем. Но он ответил без гнева — спокойно и рассудительно:

— Если я скажу что-то поперек твоему мнению, госпожа, то просто прерви меня, прежде чем мои слова обидят тебя. Я хотел бы, чтобы ты подумала о Трое и Фивах. Или о других городах, чьи названия больше не звучат среди людей. Если Рим ищет повод, чтобы стереть нас с земли, то им нужно лишь заглянуть в недалекое прошлое. Только глупцы верят в жалость победителей.

— Ты хочешь сказать, что знаешь будущее так же хорошо, как и прошлое? Еще никто не носит венец победы, добытый в этой войне.

— Пока не носит! — ответил капитан. — Вот почему совет должен отозвать Ганнибала домой. Надеюсь, что они уже сделали это.

Когда капитан поднялся на ноги и отошел от навеса, Имилце сказала:

— Карфаген не погибнет. Судьба моего сына не может быть настолько ужасна. Я не хочу верить в плохой конец. Иначе мое сердце не выдержит и разорвется от горя.

Имилце замолчала и, прикусив губу, отвела взгляд в сторону. Немного успокоившись, она подняла голову.

— Неужели ты никого не любишь, сестра? — спросила она. — Неужели нет такого человека, который заставил бы тебя мечтать о лучшем будущем?

С уст Сапанибал едва не сорвался презрительный ответ. Но разве вопрос намекал на то, что она не умеет любить? Посмотрев на свою спутницу, она передумала огрызаться. Радужки Имилце были светло-серыми, испещренными прожилками металлического блеска и погруженными в чистый безупречный фон белков. Глаза смотрели на нее с такой беспомощной добротой, что ей захотелось потянуться к ним губами и поцеловать каждый из них, как светоч нежности. Почему врожденные инстинкты всегда приводили ее к битве? Она отбросила чувство соперничества. Да и в чем она могла превосходить эту женщину? Сапанибал не была просвещеннее Имилце. Она не была мудрее и сильнее ее. Поэтому она ответила ей честно.

— Есть один мужчина...

— Там, в Карфагене? И ты действительно любишь его?

— Я никогда не говорила ему об этом, — ответила Сапанибал. — Наверное, люблю. Мои чувства к нему наполняют меня страхом, но в них не только страх...

— Такова жестокая природа Танит, — согласилась Имилце. — Она связывает вместе любовь и потерю, так что первое чувство всегда находится под кожей второго. Но ты должна сказать ему о своей любви. Поговори с ним при первой же возможности. У нас так мало радости, Сапанибал. Все вокруг приходит и уходит. Люди появляются и исчезают. Мы убиваем друг друга из-за мелочей. Мы поднимаем шум на весь мир. А что толку? Неужели кто-то стал счастливее от этого? Вряд ли. Ты была когда-нибудь счастливой?

Один из моряков закричал, что видит город. Женщины встали и посмотрели через воды в сторону Карфагена.

— Одно время я думала, что счастлива, — сказала Сапанибал. — Но это была иллюзия.

Она почувствовала, как тонкие пальцы Имилце сжали ее запястье.

— Нет! Эти мгновения были настоящими. Только из-за путаницы в мыслях мы начинаем считать их иллюзорными. Мне это точно известно. Когда-то давно я попросила Ганнибала принести мне мир. Мне хотелось стать царицей необъятных просторов. Но то были капризы ребенка. Теперь, если он протянет мне ключ от Рима, я отведу его руку в сторону и задам вопрос: чего это стоило? Сейчас я больше всего на свете хочу, чтобы мои новые воспоминания походили на старые — на те, которые приносили мне радость. Я вспоминаю рождение Маленького Молота и момент, когда впервые прижала его к груди. Вспоминаю, как лежала на спине мужа; как Ганнибал однажды кормил меня виноградом, беря ягоды в рот и передавая их мне своими губами. Все эти моменты были настоящими. Сестра? Почему ты плачешь?

Сапанибал покачала головой и смахнула слезы пальцами.

— Соленая вода попала в глаза. Ничего страшного.

Она вдруг подумала о Имаго Мессано и о самом коротком пути, ведущем из гавани к его дворцу.

— Прошу тебя, Имилце, продолжай, — сказала она. — В чем еще ты находишь истину?

* * *

Несколько дней после прибытия в Цирту Масинисса чувствовал себя на гребне блаженства. Его счастью не было предела. Он решил две главные проблемы своей жизни: победил злейшего врага и овладел любимой женщиной. Он уже успел забыть о плененном Сифаксе. Там, на площади у городских ворот, Софонисба упала перед ним на колени и посмотрела на него прекрасными глазами, полными слез и безмолвной

мольбы. Ее губы блестели; на щеках пылали два каштановых пятна стыдливого румянца. Она поклялась, что всегда была верной ему. Она сказала, что любила его, любит и будет любить до конца своей жизни. Каждый раз, когда Сифакс касался ее, она проклинала себя за то, что у нее есть кожа. Каждый раз, когда он погружал в нее член, она чувствовала боль и отвращение вместо удовольствия и неги. Софонисба просила богов превратить ее из женщины в чудовищное существо. Она говорила, что хотела стать жабой, стервятником, крокодилем или скорпионом. Софонисба клялась, что каждую ночь она разбивала вазу из греческой глины, подносила острые черепки к лицу, и только слабость духа не позволяла ей обезобразить свои щеки, лоб и шею. Не важно, какая судьба ожидает ее, говорила она. Но пусть он знает, что она всегда мечтала быть его женой. Вот почему ее печалило, что вместо этого счастья судьба уготовила ей насилие римских солдат. Ведь скоро ее уведут на их судно — навстречу рабству и мукам. Римские мужчины будут брать все, что она хотела отдать ему. Они превратят возмездие в пытку.

Хвала богам, она досталась ему. Очарование, которое он чувствовал в юности, было лишь детской влюбленностью в сравнении с той страстью, которая охватила его при виде коленопреклоненной Софонисбы. И она говорила правду. Он знал, что Софонисба говорила правду о своей любви к нему и об опасности, которая грозила ей теперь. Все было так... Но он не мог позволить этому случиться. Да и зачем позволять? Он стал царем Нумидии. Для него не существовало ничего невозможного.

Пока его армия вступала в город, он поднял Софонисбу с колен и перед магистратами Цирты, перед бывшим царем и при поспешном благословении жрецов взял ее в жены, несмотря на отсутствие церемониальных нарядов. Вот так и началось его блаженство. Следующие несколько дней он почти не покидал царских покоев. Масинисса наслаждался

молодой женой. Он входил в нее снова и снова, не жалея постели, которая некогда принадлежала Сифаксу. Софонисба смеялась. Они ублажали друг друга, и каждое новое соитие было слаще другого. Прикасаясь к ее телу, он хотел обладать каждой частью этого чуда. Масинисса ничего не мог с собой поделаться. Руки сами тянулись к ней. Пальцы сжимали грудь. Он поражался гладкости ее кожи, сказочным изгибам, запаху и контурам. Ему хотелось поглотить ее, и, когда он погружал лицо в ложбинку между сочных бутонов с торчащими сосками, его радость, достигая апогея, походила иногда на боль.

Время сомнений, так долго лежавшее на его плечах, было сброшено прочь. Он владел тронem, женой и своим царством. Как только Сципиона отзовут в далекий Рим, он начертит свое имя на всей поверхности Африки. В мечтах он даже соглашался примириться с Карфагеном. Для этого хватит заверений в дружбе и несколько выгодных предложений. Наверное, он был не прав. Совершенное зло все же можно исправить. Так говорила ему Софонисба. Когда Ганнибал вернется, в Карфагене вновь воцарится разум. И Масинисса снова будет их союзником. Его старая дружба с Баркидами гораздо ценнее любого заигрывания с Римом. Софонисба ясно доказала ему это.

По крайней мере, так он думал несколько бесценных дней. Затем приехал Публий, вполне довольный результатами безжалостной резни. Он уже успел завоевать полдюжины ливийских городов и пленить их лидеров.

Как только консул вошел в приемный зал и оттолкнул в сторону массилиотского охранника, Масинисса почувствовал, что фасад его счастливого мира начал рушиться. Публий выкрикивал ему по-гречески обидные ругательства, а затем вновь и вновь задавал одни и те же вопросы. Его появление было настолько ошеломительным, что Масинисса лишь смотрел на него с открытым ртом и пытался вникнуть в слова, которые ему ужасно не хотелось понимать. Неужели он со-

шел с ума, спрашивал консул. Что с ним такое? Может быть, он потерял рассудок? Публий повторял свои вопросы до тех пор, пока они не превратились в обвинения. Чем он думал, когда женился на сестре Ганнибала? Это же чистое безумие! Софонисба являлась пленницей Рима! Во-первых, она из семейства Баркидов. Во-вторых, она жена Сифакса. Вот почему ее следовало отправить в Рим. Как он мог забыть, что они вели войну с Карфагеном?

— Я подарил тебе этот город, чтобы ты убедился в незыблемости данного мной слова, — сказал Публий. — Но ты, очевидно, подумал, что можешь держать меня за дурака? Почему ты взял ее в жены?

— О чем ты говоришь? — спросил Масинисса. — Как это почему?

— Я спрашиваю, почему ты поступил подобным образом?

— Неужели ты никогда не любил? Спроси тогда меня, за чем я дышу. Причина та же самая.

— Тебя околдовали? — спросил Публий.

Масинисса, заикаясь и путая слова, признался, что он действительно был очарован. Взглянув в глаза другого мужчины и кивнув головой, он прошептал, что все это не важно. Они уже женаты. Отныне Софонисба находится под его защитой. Он не позволит причинить ей вред. Масинисса перешел на масилиотский язык, но консул вернул его к греческому.

— Глупый парень, — сказал он.

Со стороны казалось, что его гнев утих.

— Ты просто глупый влюбленный юноша. Неужели ты думаешь, что это спасет ее? Давай присядем и поговорим как братья. Расскажи мне всю правду, и я буду с тобой таким же честным.

Дальнейший разговор Масинисса запомнил только кусками. Их беседа длилась почти целый день — по крайней мере от рассвета до заката. Публий расспрашивал его о Софонисбе и внимательно выслушивал все, что говорил ему нуми-

диец. Масинисса рассказал ему о каждой встрече с прекрасной девой — вплоть до того момента, когда впервые увидел ее. Он поведал ему, как однажды под покровом ночи они сбежали из Карфагена, и как Софонисба смеялась над его романтическими признаниями. Да, иногда она бывала грубой. Но затем она одним прикосновением пальцев привела его в экстаз. А грубость, между прочим, была полезной чертой. Софонисба могла стать хорошей царевной. Превратившись из девочки в женщину, она подталкивала его к великим свершениям.

Консул не перебивал его. Он не хмурился, не шутил и не кричал. Однако в какой-то момент Публий приблизился к нему, похлопал ладонью по плечу, погладил его затылок и притянул нумидийца к себе. Прижав лоб к виску Масиниссы, он тихо зашептал слова, которые касались лица юноши, как дыхание любовника.

— Брат, не думай, что я глух к речам о любви. Но, к сожалению, твое желание неосуществимо. Мы с тобой сражались вместе как союзники. Почему ты рискуешь моей дружбой из-за ласк какой-то женщины? Если ты ищешь партнерства с Римом, то тебе нужно показать себя — не просто умелым наездником, но разумным мужчиной, с мудростью в делах и мыслях. Софонисба не будет твоей женой. Извини, что я не объяснил тебе этого раньше — до того как ты приехал в Цирту. Да, она может влиять на людей, и такие мужчины, как ты, испытывают в ее присутствии сильные эмоции. Я все понимаю. Однако обещания, которые ты дал ей в юности, больше не действительны. Они остались в прошлом и никогда не вернутся. Теперь судьба ведет тебя к чему-то большему...

Консул провел губами по щеке Масиниссы, пробежал рукой по его волосам и сжал их в кулаке.

— Ты думаешь, мне легко говорить об этом? — продолжил он. — Подумай сам! Римскую нацию унизили. Мою семью уничтожили. Я приплыл сюда, чтобы спасти мир, каким его

знал мой народ. Племена в Иберии объявляли меня живым богом. Даже воины из римских отрядов верят в то, что я хожу под рукой Юпитера. Но мы с тобой знаем истинное положение дел. Не так ли? Боги равнодушны ко мне. Не знаю, как ты, но завтра я могу потерять все, что имею. У меня нет никаких гарантий и богатств. Нет ничего, кроме ума, рук и ног... И ими я пытаюсь спасти свой народ. Вот почему ты мне нужен. Вскоре настанет день, когда я встречу с Ганнибалом. Ты должен быть со мной на поле боя!

Публий разжал пальцы и отступил на шаг. Он по-прежнему говорил тихим голосом.

— Я скажу это тебе первому, брат. Меня не заставят вернуться в Рим. Мои дела здесь не закончены, и я доведу их до конца. Ты должен понять, какую странную позицию я занял. С одной стороны, меня ждет наказание за неподчинение Сенату. С другой стороны, я вынуждаю тебя выполнять приказ сенаторов. Но только не требуй от меня справедливости. Просто слушай и делай, что я говорю. Стань левой рукой для моей десницы. Потяни со мной за веревку, которая затащит Ганнибала в Африку. Помоги мне, и ты станешь одним из величайших царей Африки. Откажись от девчонки. Она римская пленница: жена одного врага и сестра другого. Не в твоей власти изменить здесь что-либо. Софонисба должна отправиться в Рим. Если ее когда-нибудь освободят из рабства, то это случится только после полного поражения Карфагена. Хотя она вряд ли получит свободу. Ее жизнь теперь не принадлежит никому. Даже тебе. Пойми! Если ты сейчас откажешься от союза с Римом, у тебя не будет будущего. Сенат прикажет мне уничтожить тебя, раздавить как насекомое и найти другого человека, чтобы назвать его нашим любимым африканским другом. Когда они дадут мне этот приказ, я выполню его. Но тебе не нужно доводить ситуацию до такого конца. Пожертвуй малым, и все другое останется твоим.

Публий отошел на несколько шагов.

— Мне нужен твой ответ прямо сейчас.

— Я не могу жить без нее, — произнес Масинисса.

— Сможешь! Разве у вас одно сердце на двоих?

— Но я не могу...

— Не таким должен быть твой ответ! — рявкнул Публий. — Кто увидит в тебе царя, если ты не можешь быть сильным?

Нумидиец покачал головой, но что-то в вопросе консула задело его за живое. Ему снова вспомнились недели, в течение которых он скрывался и бродил по Массилии, как изгнанник. За это время он многое узнал, и одним из уроков было то, что он ничем не отличался от других людей. Хотя он носил в своем сердце царскую корону, никто не узнавал его. Он питался жестким мясом у костров, сопровождал торговцев и спал на земле среди собак и нищих. Кто видел в нем тогда царя? Даже собственный народ не признавал его. Они относились к нему как к человеку из плоти и костей, с недельной щетиной на подбородке. Они считали его обычным человеком, который питался, говорил и справлял нужду, как все остальные. Но они не видели в нем царя.

— Ты спросил, кто увидит во мне царя?

— Да, именно это я и спросил.

— И ты хочешь мне сказать, что меня можно заменить? Масинисса уйдет и кто-то другой окажется на моем троне?

— То же самое ты сделал с Сифаксом. В его дворце, в его покоях, на его собственной постели...

И тогда, вопреки своему желанию, Масинисса подчинился консулу. Весь мир стал зыбким и непрочным, поэтому он сказал:

— Я выполню все твои приказы.

— Вот и хорошо, — ответил Публий. — Ты гарантировал свое будущее. Напиши девчонке записку с соболезнованиями, но больше не встречайся с ней. Дай ей знать, что отныне она не твоя жена, а пленница Рима.

Попрощавшись, консул повернулся и ушел. Как только он покинул зал, Масинисса повалился на софу. Запах Софонисбы наполнял его страстью и свивал кишки в тугие узлы. Как он мог такое сказать? Неужели он сошел с ума? А как же жить без нее? Он не сможет. Не сможет! Масинисса вновь и вновь повторял ее имя. Всю свою юность он думал о том, где и с кем она проводила время. Всю иберийскую кампанию он места себе не находил, боясь, что ее обесчестят. Его худшими кошмарами были сны, в которых она отдавала свою любовь другому мужчине. Как он будет жить, отказавшись от нее? Как он будет носить этот камень на шее? Нет уж, лучше просто покончить с собой. Вот именно! Он лишит себя жизни!

Масинисса позвал дворцового слугу и спросил у напуганного человека, был ли у его старого хозяина какой-нибудь яд. Конечно, ответил тот. Яд был очень хороший и многократно проверенный. Вскоре слуга вернулся, сжимая в руке небольшую склянку, украшенную орнаментом. Однако, посмотрев на нее, Масинисса понял, что не сможет убить себя. Он не был обычным человеком. Став царем, он пообещал своему народу, что поведет его в светлое будущее. Ему удалось освободить людей от тирании. Он не мог бросить их на произвол судьбы. Что с ними станет без царя? Ведь, посчитав его самоубийство предательством, Рим повернет на них свою ярость. А как быть с его великими планами, которыми он хотел возвеличить имя отца? Между прочим, это его сыновний долг! Он должен был как-то компенсировать те юношеские годы, когда еще не понимал отцовской мудрости. Он должен был жить!

Придя к этой мысли, царь вызвал старшего евнуха. Когда тот прибыл, Масинисса спокойно сказал:

— Отнеси эту склянку моей жене. Скажи ей, что я выполняю мое обещание. Она не попадет в руки римлян. Но я больше не могу быть ее мужем. Попроси Софонисбу, чтобы она выпила эту жидкость.

Человек без лишних слов взял сосуд, и когда он ушел, Масинисса попытался переключить внимание на государственные дела. Он подумал о Махарбале, который командовал кавалерией Ганнибала. Ему следовало рассказать о нем Публию. Возможно, они придумают план, который поможет им в какой-нибудь битве — если только Махарбал все еще верен Массилии. Масинисса начал просчитывать возможные варианты. Если его армия одержит еще одну победу, он может привлечь к себе от десяти до пятнадцати тысяч нумидийцев. В принципе, нужно рекрутировать и ливийцев — из числа тех, кто еще не сгорел до угольков...

Как раз в этот момент вернулся евнух. Поскольку времени прошло не так уж много, Масинисса подумал, что Софонисба не приняла склянку. Затем он испугался, что римляне обвели его вокруг пальца и похитили ее. Хотя имелись и другие варианты. Возможно, слуга не нашел ее. Или он вернулся с просьбой изменить решение. Однако евнух доложил царю, что его супруга приняла предложенный дар.

— Что она сказала? — вскричал Масинисса. — Повтори мне все до единого слова!

— Она сказала, что принимает твой дар, хотя он сильно опечалил ее. Она сказала, что хотела бы умереть другой смертью, если судьба уготовила ей погибель сразу после свадьбы. Еще царица просила напомнить тебе рассказ о Балатуре. Ни один массилиот не способен хранить верность женщине. Она просила передать, что всегда любила тебя... Только ты был центром ее мира. Затем царица выпила яд. Она выпила его без колебаний и передала мне пустую чашу.

Евнух протянул пузырек царю. Масинисса был уже в слезах, но, увидев предмет на ладони мужчины, он лишился сил и упал на пол. Когда слуга вышел из зала, царь начал корчиться на мраморных плитах, словно старась вжаться в их холодную поверхность и стать таким же твердым, чтобы больше не чувствовать плач сердца об убитой любви.

Славная была пора. Ганнибал рассчитал каждый этап кампании. В первые недели ему казалось, что он натянул все ниточки, привязанные к механизмам мира. Отбросив меланхолию, он двинулся от Тарента к Метапонту, подобрал остатки войска покойного Бомилькара и тем самым довел численность армии до тридцати четырех тысяч солдат. Чуть позже он повернул на север и направился в Апулею. Армия Ливия Салинатора шла по его следам, но проблем из-за нее было не больше, чем из-за роя комаров. Они пересекли хребет полуострова через долину Авфид и вызвали панику в городах Ноле и Беневенте. Его отряды перемещались в ленивом темпе, очищая страну от припасов и богатств в почти праздничном настроении. Раннее лето и цветущий край — все принадлежало только им. Солдаты с варварской радостью грабили население. Командир знал, что Мономах крал детей у местных жителей и затем жертвовал их Молоху. Это тревожило его больше, чем он признавал, но Ганнибал впервые дал волю желаниям другого человека. Возможно, Молох действительно хотел больше крови, чем они пролили. Пусть будет так.

Выйдя на Виа Аппия, они с трудом продвигались под шквалами летних дождей. В одно мгновение мокрые, в другое — сухие, солдаты мерзли под дождем и потели под горячим солнцем, чтобы через час вновь задрожать от холода. Ганнибал спрашивал воинов, как им нравилось это ритуальное очищение. Сие благодать, данная богами, говорил он шутливым тоном. Небожители хотят смазать их военную кампанию, чтобы она лучше скользила. Приблизившись к Капуе, они немного замедлили движение, пока разведчики собирали сведения о текущей обстановке. Близ города расположились армии Клавдия Нерона, Аппия Клавдия и Фульвия Флакка. Их общая численность составляла почти шестьдесят пять

тысяч солдат. Прервав рытье подкопов, они построили внешние защитные укрепления. Чтобы атаковать их, африканцам пришлось бы создать второе кольцо осады. Ганнибала терзали сомнения. Убийцы его брата находились в непосредственной близости, и желание отомстить за Гасдрубала горело в нем жарким огнем. Тем не менее он решил придерживаться первоначального плана.

Карфагенская армия двинулась по обходному пути, который привел ее к старому лагерю на склоне горы Тифат. Оттуда они спустились к Капуе, сразились вечером с легионами Фульвия, затем отошли назад, как будто хотели подготовиться к новой битве, назначенной на следующий день. Но африканцы не стали разбивать лагерь. Еще до наступления ночи они сформировали походную колонну и отправились в путь. Ганнибал послал в Капую гонца, который знал, как проникнуть в осажденный город. Командир просил горожан не бояться внезапного исчезновения карфагенской армии, поскольку оно являлось частью его грандиозного плана.

Солдаты, закинув пожитки на плечи, пошли на север — мимо Казилинума, через Волтурн вокруг Калеза и Теана. Они вышли на Виа Латина и направились к Риму. Африканцы жгли за собой мосты, уничтожали зерновые поля, грабили страну и приводили людей в такой же ужас, как после победы при Каннах. Все это осуществлялось по указанию Ганнибала, так как он преследовал двойную цель. Посеяв страх в столице, он надеялся отвлечь на себя римские армии и тем самым прекратить блокаду Капуи. Зная подводные течения и мели в Сенате, он молил богов о том, чтобы действия Публия были преданы порицанию и чтобы молодого консула отозвали из Африки. Насколько он знал, Рим всегда принимал решения, исходя из собственных интересов. Так должно было случиться и теперь.

Они перешли реку Анио и встали лагерем на берегу. Рим находился на расстоянии утреннего марша. Следующие сут-

ки Ганнибал провел в покое, позволив нумидийцам порезвиться на виду у города. Он считал, что каждый новый день наполнял врагов все большим беспокойством. И действительно, по словам информаторов, Рим пребывал в неопишемом смятении. Несмотря на запреты властей, горожане собирались на улицах и в храмах, оплакивая свою надвигавшуюся гибель. Они думали, что африканский палач в конце концов решил закончить затянувшийся спор. Женщины рвали волосы на головах и рыдали у священных алтарей, с воздетыми руками умоляя богов о спасении, завывая все громче и громче, чтобы выделиться в толпе хотя бы силой своих легких. Какой-то раб африканского происхождения, замеченный на улице ранним утром, заставил нервных горожан поверить, что враг уже прорвался в город. Этот случай вызвал ужасный переполох, жителей удалось успокоить лишь к вечеру. На улицах и площадях появились охранники. Солдат расставили по всему периметру стен, у крепости и в Капитолии. Мужчины брали с собой оружие даже в бани. Часовые нервно ожидали сигнала тревоги. Паника была столь велика, что Сенат восстановил в звании всех бывших консулов и диктаторов. Это, в свою очередь, привело к еще большей путанице. Затем пришла весть, что Фульвий оставил Капую и двинулся в Рим по Виа Аппия. Такой отклик соответствовал плану Ганнибала. Он воспринял эту весть как знак судьбы. Но командир не мог пойти на Рим без согласия армии.

Ранним утром он собрал свое войско и обратился к солдатам с речью. Трава и деревья сверкали росой. Небо было ясным и чистым. Командир шагал перед плотными рядами воинов, держа под мышкой курицу. В другой руке он сжимал горсть пшена. Его голос гремел в тишине. Сначала он спросил у воинов, кто из них четыре года назад переходил с ним через Альпы? Кто из них участвовал в битвах при Тицинусе, Требии, Тразимене и Каннах? Конечно, лишь немногие были рядом с ним все это время. Он взобрался на ствол упавшего

дерева, половину которого распилили на дрова. Солдаты оживились и начали подталкивать друг друга, желая подойти поближе к командиру. Некоторые смельчаки устроились на том же дереве, с трудом удерживая равновесие, пока другие воины напирали на них. Ганнибал осмотрел свою армию и сказал, что сейчас они воспользуются римским методом предсказаний и оценят, насколько благоприятен нынешний день. С этими словами он бросил на землю пшено, которое сжимал в кулаке. Солдаты отступили назад, освобождая пространство. Командир схватил обеими руками трепыхавшуюся курицу и отпустил ее на свободу. Птица яростно замахала крыльями, но, увидев людей, собравшихся вокруг, решила вести себя осторожно. Нервно подергивая головой, она прошла по пяточку открытого пространства.

Наблюдая за птицей, Ганнибал прокричал:

— Вы будете убивать римлян, пока ваши мечи не согнутся и не затупятся от ударов по их костям. Вы увидите, как они побегут перед вами, озираясь, словно дети, испугавшиеся ночного чудовища. Вы сотни раз совершите невероятные подвиги и громко посмеетесь, глядя на трупы врагов. Вы будете смеяться?

Солдаты ответили, что будут.

— Тогда вы будете щедро вознаграждены за это. Клянусь богами, вы будете вознаграждены. Какая армия заслужила победу больше, чем наша? Ваша храбрость будет воспеваться долгие века...

— Смотрите, птица клюет зерно! — закричал какой-то солдат. — Курица набивает брюхо!

Когда эта новость пронеслась через толпу, Ганнибал продолжил речь:

— Посредством этой птицы боги говорят нам, что день будет нашим. Мы тоже будем клевать наших жертв. Сегодня вы увидите ненавистный город. Я знаю, что с самого начала

вам не терпелось захватить его. И вот это время пришло. Мы идем на Рим!

Командир взобрался на последнего уцелевшего слона из той партии, которую они получили после Канн. Ему нравилось созерцать свою армию на марше. Люди и животные двигались через сельские уголья, через поля и поселения крестьян. Солдаты прыгали через оросительные каналы и пригибались под ветвями деревьев. Они поднимались на холмы и спускались в пологие ложбины. Нумидийцы скакали в начале колонны. Некоторые солдаты в порыве энтузиазма, бежали впереди, как дети, которым не терпелось увидеть давно обещанное зрелище. Ганнибал потребовал у слуги мешочек африканских фиников. Он грыз их, покачиваясь на спине слона в такт медленной походке огромного животного.

Проехав седловину двух холмов, Ганнибал увидел далекие очертания города. Если бы он шел пешком, а не сидел верхом на слоне, то остановился бы на этом месте, потому что картина, представшая перед ним, затронула его сердце. В одно мгновение радостная улыбка сошла с лица командира, и единственный глаз стал центром его бытия. То был самый впечатляющий и величественный вид в его жизни. Холмистая сельская местность и луга обрывались у могучих стен латинской столицы. На фоне зеленеющих холмов, окружающих город, Рим выглядел вздутым шрамом на теле страны. Стены поднимались на высоту, в десять раз превышавшую средний рост человека. Они тянулись вдаль изогнутой линией, с башнями, размещенными на равном расстоянии друг от друга. Каменные блоки были настолько гладкими, что отражали свет солнца. Даже на расстоянии Ганнибал видел, что на стенах собралось множество горожан. Весь верхний край ощерился копьями и дугами луков. А дальше простирался огромный город. Командир осмотрел знаменитые холмы, перечисляя в уме их названия: Квиринал и Виминал, Эскви-

лин, Келиан и Палатин, Авентин и Капитолий. В каждой части города возвышались каменные здания. Храмы чередовались с дворцами. Черепичные красные крыши напоминали спины рыб. Над ними поднимался пар. Влага ночного дождя испарялась под солнцем. Между домами тянулись узкие аллеи. На возвышениях зеленели деревья. Когда бриз дунул в лицо, издалека донесся терпкий запах, соединявший в себе вонь нечистот и ароматы пищи, миазмы мочи и благовоние ладана — запах римской культуры. Извилистая лента Тибра сияла, как будто вместо воды в реке струилось расплавленное серебро.

Рим! Наконец-то Рим!

Солдаты, первыми увидевшие панораму города, замедляли шаг, спотыкались и сталкивались друг с другом. Они не сводили взглядов с жемчужины Италии. Наверное, если бы Ганнибал не продолжал движение, многие из них остановились бы, чтобы полюбоваться этим зрелищем. Но после нескольких мгновений тишины африканские генералы, капитаны и ветераны вспомнили о собственной гордости. Нумидийцы заверещали, заулюлюкали и помчались вперед на быстрых конях. Галлы закричали о том, что они вернулись забрать богатства, которые не успели унести отсюда годами раньше. Они и иберийцы задули в длинные трубы. Казалось, что тысячи оленей взревели в период гона. Латинские отряды запели военные песни. Ганнибал взмахнул рукой, направляя свою армию к стенам Рима.

Он остановился на лугу перед воротами чуть дальше дистанции полета выпущенных стрел. Развернув слона, командир проехал вдоль стены, нахваливая искусство местных каменщиков и бросая вызов римскому гарнизону. Кто здесь главный, спрашивал он у людей на стенах. Может, кто-то из властей объявит себя? Неужели Фульвий, этот хитрый и коварный воин, не успел примчаться на защиту города? Кому ему направить свои условия? Или римляне все же наберутся

храбрости и выйдут на поле, чтобы решить спор как воины, а не трусливые женщины. Его армия уступает в численности легионам, укрывшимся в городе, но воины Ганнибала не боятся трудностей. Так как насчет битвы после полудня? Нет? Не сегодня? А может быть, завтра? Затем он начал предлагать горожанам доступные цены за надел земли, который сейчас отводился под Форум. Чем раньше они начнут торг, тем выгоднее будут сделки. Он не желал проводить политику дискриминации. Он был согласен принять в уплату даже римские монеты.

Когда Ганнибал проехал все расстояние от коллинских ворот до Эсквилина, со стен города в него выпустили сотни стрел. Они не долетели до командира, хотя и вонзились в землю поблизости. Найдя это смешным, он махнул рукой какому-то мужчине на стене, подмигнул ему здоровым глазом и усмехнулся, словно призывал его порадоваться этой шутке вместе с ним. Но через миг длинная стрела, посланная в воздух мощным луком с механическим приводом, просвистела неподалеку от Ганнибала и пробила горло солдата, порвав ему артерию и выпустив фонтан крови. Затем стрела отлетела рикошетом от круглого щита брутийца и, взлетев по восходящей траектории, вонзилась в воина из Капуи, приколов тело несчастного мужчины к боку мула. Воин умер на месте, но зверь, издав хриплый крик, перед смертью несколько раз взбрыкнул ногами. Кто-то из африканцев засмеялся и громко спросил у римлян, чем так сильно их обидел мул. Остальные солдаты подхватили смех, тем самым демонстрируя свое бесстрашие. Однако карфагенские отряды довольно быстро отошли подальше.

День прошел, занятый насмешками и демонстрацией силы. Ганнибал сидел на слоне, жевал финики и сплевывал косточки на землю, весело болтая с людьми, которые находились поблизости. К тому времени его солдаты уже поняли, что половина войны состояла в терпеливом ожидании. Они

брали пример с командира. Часть воинов развела костры и начала жарить животных, отнятых у местных жителей. Другие достали музыкальные инструменты и принялись играть на них. Напуганные римляне, толпившиеся на стенах, с тревогой прислушивались к праздничному веселью африканцев. Странные мелодии сменялись звуками костяных свистков, трещоток и колокольчиков, звеневших в руках воинов, обозных нищих и рабынь. Сложные ритмы барабанов, звучавших, как сердце армии, раздавались всю ночь — причем так громко, что все жители города слышали их и дрожали от страха. Они знали, что карфагенское войско живет, процветает и ожидает встречи с ними.

На следующий день Ганнибал вывел армию на широкое поле к востоку от города. Небо потемнело от низких облаков. Тусклый свет небес казался мрачным и тоскливым. Ноги воинов не поднимали пыли на влажной земле, но зато предательски скользили на траве. К радости Ганнибала, Фульвий и консулы не испугались встречи с ним. Они вывели свои легионы из эсквилинских ворот под громкие звуки фанфар — ряды за рядами. Римские солдаты шагали в ногу, неся высокие щиты: желтые и красные, украшенные рисунками кабанов и волков. Горожане на стенах толкались и выискивали лучший обзор. Они выкрикивали слова поощрения, словно зрители в Цирке. Не отвлекаясь на шум, создаваемый горожанами и армией Ганнибала, легионеры синхронно двигались под команды, подаваемые трелями свистков и звуками труб. Велиты, носившие вместо шлемов волчьи, медвежьи и львиные головы, выбежали вперед, выполняя обычные отвлекающие маневры. Многие из них завывали и кричали, словно звери. Некоторые смельчаки выдвинулись достаточно далеко, чтобы бросить в африканцев дротики и обидные насмешки.

Ганнибал терпеливо ждал. Он не стал произносить речей перед своими отрядами. Его голос охрип с прошлого дня. Тем

не менее он отпускал веселые шутки, которые тут же передавались от одного солдата к другому. Время от времени командир поглядывал на небо, а затем снова переводил взгляд на вражескую армию. Повернувшись к Джемелу, он хрипло сказал:

— Небеса обещают баню тем воинам, которые забрызгаются кровью врагов.

Чуть позже, подсчитав штандарты нынешних и бывших консулов, диктаторов и трибунов, Ганнибал произнес еще одно язвительное замечание:

— Как много голов у римского зверя? Ему нужно быть очень осторожным, чтобы не покусать свою задницу.

Когда один велит поскользнулся на мокрой траве и упал на щит, командир со смехом выкрикнул:

— Нацепил одежду медведя и стал таким же косолапым!

К тому времени, когда римляне построились в боевую колонну, небо потемнело еще больше. Обе стороны пытались игнорировать это обстоятельство, но вскоре это стало невозможно. Когда копейщики шагнули вперед, чтобы начать сражение, на них хлынул дождь. Тихую морось быстро сменил сильный ливень. Внезапный ветер погнал по полю волнистые шквалы дождя и пригнул макушки ближних деревьев. Людям пришлось прикрыть глаза, а когда они вновь открыли их, перед ними была абсолютно другая сцена. Казалось, сам воздух превратился в воду. Она лилась с небес, отскакивала вверх от дерна и создавала такую плотную завесу, что два войска перестали видеть друг друга. Как будто этого было недостаточно, на головы людей посыпался град. Он колотил их по шлемам, плечам, обнаженным икрам и костяшкам пальцев. Лошади кружили на месте, задыхаясь в панике. Ганнибал не отдавал приказ на отход армии. Однако в общей суматохе и в шуме плотного града солдаты решили, что такая команда все же прозвучала. Отряды начали разворачиваться и отступать к лагерю. Несколько галлов упали на ко-

лени в грязь и зашептали молитвы, сжимая идолов, которые висели у них на груди. Они посчитали, что град и ливень были вызваны неземными силами. Боги запретили им сражаться в этот день.

На следующее утро Ганнибалу пришлось прибегнуть к искусству обольщения, чтобы вернуть солдат на поле боя. Он уже с вечера обходил костры, беседовал с воинами и шутками разгонял их религиозный страх. Разве за время войны они не видели бурь куда больших, чем эта? Разве они не шагали по льду и заснеженным горам, не переживали снежные бураны? Лично он еще ребенком встречал такую непогоду смехом. Он подставлял ей лицо и хватал губами градины. Пусть трусливые римляне боятся гнева небес! А для людей Ганнибала даже ураган является блаженством. Неужели они не помнили, что Ваал был богом бурь? С помощью града и ливня он просто объявлял им о своем присутствии.

Впрочем, его усилия оказались тщетными. Когда карфагенская армия вновь вышла на поле, враг отказался занимать боевые позиции. Легионеры оставались внутри стен города и три последующих дня не принимали вызовов африканцев. Возможно, их жрецы посчитали бурю знаком. В любом случае, Рим захлопнул ворота, спрятал всех своих солдат за пазухой и стал ожидать дальнейшего развития событий.

На военном совете Ганнибал попросил генералов высказать их мнения о ситуации. Гетулиец Исалка, недавно заменивший Бомилькара, предложил им выманить врага. Они могли бы пустить слух, что Ганнибал заболел. Или пусть командир сымитирует зловещий знак, который показался бы римлянам добрым. Например, пусть Ганнибал упадет с коня у храма Геркулеса и притворится, что растянул себе лодыжку... Мономах с презрением отмел подобные идеи. У них имеются пленники, захваченные во время похода на Рим. Что если их распять перед воротами города, и пусть все жители посмотрят на казнь. Тогда консулам и диктаторам придется

ответить на вызов. Махарбал и Туссело настаивали на том, чтобы небольшая группа воинов тайно проникла в город и открыла одни из ворот. Имко Вака имел на уме другой план. Их армия могла бы обжиться рядом с Римом и построить осадные механизмы. Леса вокруг дадут необходимый материал. Адгербал давно уже страдал от безделья и с радостью размял бы руки и ноги. Почему не призвать на помощь инженера? Они построят такие осадные башни, которых Рим еще не видел. Рано или поздно их отряды проберутся в город. Даже если осада займет восемь месяцев, как это было при Сагунтуме, результат окупит все усилия. Ганнибал сидел и прислушивался к голосам офицеров. В них он слышал обрывки прежних планов, которые предлагали ему Гасдрубал, Бостар и Бомилькар. Он гадал, что ответил бы них Магон и какой историей поделился бы с ними Силен.

Затем командир вызвал на совет инженера. Положив подбородок на ладони, он выслушал Адгербала, который монотонным голосом рассказал об обороне противника. Стены Рима были прочными не только на вид. Имея девять футов в ширину в самых тонких частях, они состояли из плотно утрамбованного слоя земли, облицованного с каждой стороны каменными блоками. Блоки скреплялись друг с другом металлическими скобами и штырями. Такую конструкцию нелегко было пробить тараном. Внутренняя часть стены поднималась на большую высоту, что затрудняло поджог города с помощью катапульт — тем более что люди, подводя машины ближе, обязательно попали бы под обстрел лучников. Подкопы тоже могли вызвать проблемы, поскольку внешняя часть стены довольно глубоко уходила под землю. В обороне имелось несколько слабых мест, но любая инженерная хитрость, предпринятая снаружи, легко предотвращалась изнутри. Адгербал предположил, что лучшим методом атаки будет применение больших осадных башен, которые возвышались бы над стенами города. Если снабдить их колесами, то

башни можно подвозить к указанным местам. Строительные материалы придется собирать по всей округе, а само возведение башен займет не меньше полугода...

— Достаточно, — сказал Ганнибал. — Проще закинуть веревку на луну и, раскачавшись на ней, перепрыгнуть на стены города.

Адгербал задумчиво посмотрел на командира, но Ганнибал отмахнулся от него рукой и распустил военный совет. Его настроение внезапно испортилось. Он не хотел, чтобы офицеры заметили перемену в его расположении духа. Командир понимал, что им не удастся сломить Рим осадой. Он знал об этом всегда — и теперь яснее, чем когда-либо. Ганнибал не мог окружить город с той армией, которую имел. Без осадных машин. Без подкрепления. К Риму направлялись тысячи и тысячи солдат. Даже если он построит осадные машины вокруг всего периметра стен, легионеры создадут второе кольцо окружения. Тогда его армия окажется в ловушке. Похоже, он совершил большую ошибку. Рим нужно было брать после Канн... В то время ситуация вполне позволяла осаду. Возможно, Махарбал был прав... Но, несмотря на сомнения, которые лезли в голову, он не желал печалиться о прошлом. Ганнибал провел остаток вечера в титанических усилиях, изгоняя из ума никчемные мысли. Еще ничто не потеряно. Ему лишь нужно дождаться новостей об окончании осады Капуи или о высадке легионов Публия на побережье Италии. Любое из этих событий будет означать тактический успех.

Он проснулся со свежим умом, но гонец, прибывший из Капуи, вновь загрузил его тревогами по самую макушку. Покидая Капую, Фульвий взял с собой только пятнадцать тысяч солдат. Остальные пятьдесят тысяч по-прежнему осаждали город и не собирались никуда уходить. Их требования стали более грозными. Капуя находилась в серьезной опасности. Еще один информатор, которому удалось выскользнуть из Рима, сообщил, что от Публия не приходило

никаких вестей. Сенат даже не знал, получил ли он отзыв и намеревался ли выполнять приказ о возвращении в Италию. Шпион сказал, что настроение в городе изменилось. Паника улеглась. Жители Рима поняли, что им нечего бояться. Каждый новый день все больше убеждал их в том, что Ганнибал не сможет провести осаду. Кто-то даже купил землю, на которой находился его лагерь. Она была продана на рынке по доступной цене. Владелец участка планировал построить там несколько домов для возраставшего населения города и возвести монумент в честь победы римлян над Ганнибалом.

Шел десятый день их пребывания у стен Рима. Ганнибал сидел на табуретке и с вершины небольшого холма созерцал окрестности. Воины Священного отряда стояли поблизости. Вечернее небо радовало глаз. Закат окрасил тонкие облака бирюзовыми и малиновыми оттенками. Перед Ганнибалом простирался Рим. Рассматривая его в косых лучах солнца, он отметил, что не испытывает благоговения и страха. Эта мысль улучшила его настроение. Командующий вспомнил, что всегда боялся, как однажды, взглянув на город, он поймет свое несоответствие поставленной задаче. Он боялся, что мечта отца окажется ошибкой. Он не желал признавать, что они оба потратили жизни в трагически глупой погоне. Но теперь Ганнибал думал по-другому. Рим не выглядел огромным. Он не казался сказочно богатым. Он даже уступал Карфагену, величественно восседавшему над самым крупным африканским портом. Столица Римской империи не была алмазом, обрамленным ландшафтом, каким являлся Новый Карфаген. Лидеры этого города ходили на простых людей — причем не самых лучших. Ганнибал почти одержал победу над ними. Он не сомневался в своем превосходстве. Один малейший промах с их стороны, и они потерпели бы поражение. Но почему — при всех приложенных им усилиях — они не совершили этого промаха?

Заметив идущего к нему нумидийца, Ганнибал отогнал от себя меланхолию. Однако через миг, различив сильные черты лица и длинные космы солдата, напоминавшие львиную гриву, он забыл о притворстве. Командир сделал жест рукой, приглашая воина сесть рядом и разделить с ним созерцание панорамы города. Он заговорил с ним на массивиотском языке, медля при подборе некоторых слов.

— Туссело, ты долго жил в Риме, верно?

— Слишком долго, господин, — ответил нумидиец. — Очень много лет.

Он присел на корточки в массивиотской манере, опираясь на одну пятку и вытянув вторую ногу в сторону. Поскольку Ганнибал молчал, солдат добавил:

— Я был пленником почти всю мою жизнь.

— Почему ты все время думаешь об этом? Ты родился в Африке свободным человеком. Там ты стал мужчиной. И ты вернул себе свободу несколько лет назад. Отчего же ты считаешь, что провел в плену всю жизнь?

— Ты свободный человек, господин. Более свободный, чем кто-либо другой из людей, живущих в наше время. У тебя есть завтрашний день.

Туссело замолчал, но Ганнибал, не уловив смысла его ответа, посмотрел на воина вопросительным взглядом. Туссело пояснил:

— Восход, который я увижу завтра, уже отравлен Римом. Когда мои глаза откроются, я сначала подумаю о Риме, а не о себе. Иногда мне кажется, что они сделали в моем черепе татуировку из латинских слов.

— Почему же ты не возьмешь резец и не срежешь их слова? Они больше не нужны тебе. Избавься от них.

Туссело кивнул, но, судя по его лицу, он сделал это только из уважения. Он не верил, что может избавиться от своих воспоминаний. Однако ему не хотелось возражать командиру.

— Ты обеспечил себе бессмертие. Ганнибал не будет жить вечно, но слава о нем останется на земле еще тысячу лет. Или два тысячелетия... У Туссело все по-другому. Поверь мне. Я все еще их пленник.

— Тебя неприятно смотреть на этот город?

— Нет. Я вижу его каждый раз, когда закрываю глаза.

— Наверное, ты присоединился ко мне только для того, чтобы вернуться сюда, — произнес Ганнибал. — В любом случае, ты хорошо знаешь римлян. Я хочу, чтобы ты говорил со мной честно. Имко предлагает осаду. Ты веришь, что эти люди могут сдать после длительной блокады?

— Нет, они не сдадутся, — ответил Туссело.

Ганнибал печально вздохнул, словно услышал отчет о надвигавшемся несчастье.

— Похоже, не сдадутся, — согласился он, осматривая семь холмов. — Как ты знаешь, я за всю свою жизнь не проиграл ни одной большой битвы. Ни в Иберии, ни в Италии. Ни одна вражеская армия не убивала моих солдат, чтобы затем уйти и отпраздновать победу.

— Мне известно это, командир.

— Туссело, я боюсь, что Рим выиграет эту войну одним упрямством. Как победить народ, который не признает поражения? Кажется, что ты убил этого покойника тысячу раз. Но стоит отступить на шаг, как он снова встает, чтобы сражаться с тобой. Ты отрубаешь ему одну руку — он берет меч в другую. Ты отсекаешь ему вторую руку — у него вырастает первая. Ты срубаешь ему голову, а он все равно поднимается на ноги и слепо осыпает тебя ударами меча... Как победить такое существо?

Нумидиец склонил голову на бок и пожал плечами. Ганнибал смотрел на Туссело некоторое время, словно хотел найти ответ в чертах его лица.

— Я убивал их десятками тысяч. Моя армия грабила Италию и лишала союзников. Я издевался над ними каждый день

в течение трех лет. Мы сжигали посевы и отнимали их богатства. Я отправил в другой мир целое поколение их лучших генералов. Это же такие бедствия! Но разве я что-нибудь изменил? Они стали еще сильнее! Их теперь больше, чем прежде. Они научились сражаться. Римляне стали выигрывать там, где всегда терпели поражение...

— Если твои слова верны, то ты изменил их в лучшую сторону, — сказал Туссело.

На следующее утро армия выслушала приказ Ганнибала и в полном молчании отступила от города. Солдаты чувствовали шок и облегчение. За несколько недель они торопливо прошли по Виа Валерия, обогнули озеро Фасон и спустились через Самний в Апулию. Близ Тарента Ганнибал узнал, что Капуя сдалась. Ее оголодавшие жители решили, что он предал их. Через два дня после этого к нему прибыла делегация из Карфагена. Посланники передали ему распоряжение совета, подписанное всеми старейшинами и скрепленное печатью Сотни.

* * *

Наблюдая за Ганнибалом, Туссело понял, что этот гений века был обременен такой печалью, которую многие люди даже не могли себе вообразить. Он узнал об отъезде армии в Карфаген, когда вместе с другими офицерами ужинал в палатке командира. По знаку Ганнибала мрачный Джемел прочитал вслух депешу совета, чтобы все оставшиеся генералы ознакомились с текстом письма. Оно вкратце описывало ситуацию в Африке, перечисляло участников событий и завершалось сообщением о том, что Карфаген находится в большой опасности. Как годами раньше его отца отозвали с Сицилии, чтобы усмирить наемников, так и теперь Ганнибала призывали спасти родной город от иноземных и африканских захватчиков. Точнее, не просили, а приказывали. Действуя

без промедления, он должен был привезти домой максимальное количество солдат, которое сможет собрать. Чтобы ускорить его возвращение, совет направил к нему флот. Корабли встретят его в Метапонте. Вероятно, такой же приказ был отправлен и Магону, который в данное время находился либо на Балеарских островах, либо в северной Италии.

После оглашения письма Исалка разразился длинной тирадой и выразил свой сарказм относительно совета. Гетулиец сказал, что он примкнул к карфагенской армии по собственному желанию, а не по долгу крови и родовой преданности. Ссылаясь на прежнюю враждебность совета к армии Ганнибала, он предлагал игнорировать приказ старейшин. Ведь это они не посылали им подкрепление и не давали поддержки. Если бы они не были такими упрямыми глупцами, то командир давно бы выиграл войну. А теперь все идет коту под хвост. Он не желал подчиняться совету. Исалка обещал поговорить со своими людьми, но он знал, что многие не поедут в Африку. Солдаты поняли, что лучшие битвы этой войны остались позади, а выигрыш или проигрыш в какой-то второстепенной схватке уже не имел никакого значения.

— Нас осталось не так много, — добавил он, взглянув на командира.

Ганнибал слушал его, закрыв глаза. Он не возражал, когда Махарбал попросил привести посланника, чтобы расспросить его. Нумидийца интересовала ссора, вспыхнувшая между массивлиотами и ливийцами. Что именно там случилось? Когда посланник рассказал о нападении Сифакса на Массивлию, кровь прилила к лицу Махарбала. Он больше не имел вопросов. Имко Вака тоже присутствовал на встрече, но он, как и Туссело, держал свои мысли при себе.

Некоторое время люди сидели в полном молчании. Никто не прикасался к еде. Исалка смущенно прочистил горло. Джемел потер пальцами редкую бороду. Имко неловко сменил позу. Внезапно Туссело понял, что командир открыл гла-

за. Когда он заговорил, все почувствовали облегчение. Приятно было слушать его голос, потому что он остался таким же, как и раньше. В небольшой палатке Ганнибалу не требовалось произносить слова громко, поэтому он говорил с необычной мягкостью.

— Сотня старейшин даже словом не обмолвилась о скорби по Ганнону, — сказал он. — Очевидно, гибель моего брата не опечалила их. Они сообщили о его смерти, но не пожелали разделить со мной горя. Я не получил ни одного слова сочувствия. Для них он стал еще одним неудачливым генералом, о котором лучше не вспоминать. Меня всегда раздражала эта черта совета. Если мертвые генералы считаются неудачниками, то чем будет наследие Карфагена, кроме перечня поражений? Рано или поздно мы все превратимся в прах. Нация должна иметь историческую память. Даже если власть забудет, народ должен помнить о подвигах своих сынов.

Исалка вскинул голову и с надеждой спросил:

— Значит, ты не подчинишься им?

Ганнибал повернулся к нему. Он смотрел на него до тех пор, пока гетулиец не отпустил взгляд.

— Сначала я помолюсь за моего брата, а затем отправлюсь домой спасать свою страну. Кем бы я был, если бы поступил иначе?

Той ночью Туссело собрал часть своих вещей и уехал из лагеря. Он молча попрощался со спавшими солдатами и попросил прощения у командира, которому был благодарен за дружбу и за эти четыре года, украсившие его жизнь. Он принял нелегкое решение, но оно возникло не сейчас. Туссело давно уже подозревал, что его путешествие не закончится так, как ему представлялось в мечтах, когда на первой волне завоеванной свободы он примкнул к армии Ганнибала и попытался найти свое место в мире вольных людей. Он многое увидел. Он восхищался гениальным человеком, который действительно едва не погубил могучую и ненавистную нацию

римлян. Туссело даже радовался жизни. К сожалению, он не исцелился от прежних ран и не изменился внутри, поскольку никакое чудо не могло вернуть ему то, что у него украли. Он должен был вернуться в Рим, чтобы покончить со своей ущербностью. Вот почему нумидиец решил уйти от Ганнибала и выполнить задуманный им план.

Отъехав от лагеря и поднявшись на вершину небольшого холма, он осмотрел тяжелые нагромождения холмов в северном направлении. Были Ноны по римскому календарю. Луна висела в безоблачном небе, настолько прозрачном и ясном, что Туссело мог видеть ее обветренную шкуру — рябую, потрескавшуюся и бледную, как у старого галла. К римским Идам она должна была откормиться до максимальной полноты. Но даже при ее нынешней яркости он мог видеть поля, скопления хижин и ленты дорог. Туссело даже различал тонкие дуги дыма, поднимавшиеся от костров. Везде были люди. Ему предстоял нелегкий путь. Он должен был пересечь огромную территорию — причем в одиночку среди множества врагов. Но пусть будет как будет. Это его последнее путешествие. К полнолунию он собирался достигнуть Кампании. Если весь остаток месяца двигаться на север, на Календы он доберется до цели. И тогда он отметит новый месяц собственным праздником. Календы, Ноны, Иды... Как много латинских слов застряло в его голове! Как часто они проникали в его мысли. Он должен избавиться от них! Хотя это будет не так легко, как думал Ганнибал. Неважно. Скоро он все исправит. Туссело коснулся рукой короткой гривы лошади. Она послушно пошла вперед, спускаясь по северному склону холма и направляясь к Риму.

Сначала он скакал по широкой вытоптанной дороге, оставшейся после армии Ганнибала. Ночами Туссело покрывал максимально возможное расстояние, а в дневные часы отдыхал в уединенных местах. Дважды на окраинах небольших городов за ним гнались своры собак. Однажды ему по-

надобилось все его искусство наездника, чтобы оторваться от римского патруля. И еще один раз в Кампании ему пришлось схватить подростка, который наткнулся на его убежище. Он продержал его в кустах весь день. Мальчику было не больше десяти лет. Туссело побил его для острастки и пригрозил убить, если тот начнет кричать. Позже он сказал подростку на латыни, что не собирается причинять ему вред. Однако напуганный ребенок, выпучив глаза, не понимал ни слова даже на родном языке.

Когда до цели осталось два дня пути, он отпустил лошадь на волю. Она пошла за ним, но он бросил в нее несколько камней и напугал громкими криками и взмахами поднятых рук. Вечером Туссело укрылся за выступом скалы у небольшого водоема. Он присел перед узким ручьем и, достав из мешка нож, специально заточенный для такого дела, начал срезать свои длинные волосы. Они падали на землю густыми космами. Он подержал несколько пучков на своей ладони и удивился их весу. Они были связаны с лучшими моментами его жизни. Он чувствовал, как эти мгновения покидали его с каждым новым движением ножа. Казалось, что в них хранилась память обо всех днях последних пяти лет: ароматы разных стран, запахи коней, полевых цветов и зеленой листвы; благоухание зарождавшихся и умиравших времен года. Он узнавал в них сумрак соснового леса, пыль Сагунтума, воды Роны, талый лед и алые капли крови, летевшие в воздухе во время сражений. Он вспомнил, как в Иберии на морском берегу ел жареную рыбу с чудаковатым стариком. Он вспомнил морозное утро у Требии, когда их отряд, выманивая сонных римлян из лагеря, выкрикивал шутки и проклятия. Он вспоминал болота Арно, туман, сползавший с Тразименского озера, и огромное облако пыли, поднятое римлянами, когда их войско приближалось к Каннам. Как много воспоминаний...

Ему нравились его непокорные волосы. Они так буйно и густо росли на голове, что создавали чувство силы и свобо-

ды. Но Туссело расставался с ними без сожаления. Он прижимал лезвие к голове и осторожно скользил им по контурам черепа, время от времени пуская себе кровь, когда брал не тот угол и срезал полоски кожи. Впрочем, это были малые порезы в сравнении с той раной, которая мучила его. Туссело никогда не думал, что у воздуха есть пальцы. Он чувствовал их всю ночь. Они мягко поглаживали кожу скальпа, как будто души предков пришли приласкать его напоследок. Он радовался их прикосновениям.

На следующий день он купил у селянина тощего старого мула, отдав за животное золотую тарентийскую монету. В другой деревне он приобрел убитого кабана, после чего закрепил тушу на спине мула и спрятал под ней копьё. В крайнем случае он мог бы сказать, что использовал это оружие для охоты. Когда он проходил мимо какого-то поля, несколько крестьян почтительно приветствовали его. Тронутый таким расположением, Туссело раздал им свое скудное имущество: одному подарил несколько монет, другому — кинжал, остальным — мелочь из прежних трофеев. К тому времени, когда он добрался до города, у него не было ничего, кроме длинного плаща, который свисал с его плеч. Он давно понял, что римляне узнавали рабов по их взглядам. Входя в городские ворота, он потупил глаза, и охранники пропустили его, не задав ни одного вопроса.

Туссело снова вернулся в Рим. Город остался тем же самым. Суэта и вонь, шум и грохот тележек, смешение языков и лиц всех оттенков кожи. Он вспомнил дорогу к дому старого хозяина, но не пошел туда. Его миссия была не столь личной. Туссело шел по узким улочкам, пролежавшим ниже гряды Эсквилина. Он вел мула за собой и опускал глаза каждый раз, когда замечал на себе взгляды людей. Ему не требовалось поднимать голову и осматриваться по сторонам. Казалось, что он вообще не покидал этот город. Ему здесь не на что было смотреть.

Он прошел с опущенной головой до самого Форума и остановился у стены примыкавшего здания, как будто ожидал своего хозяина. Вокруг толпились люди. Туссело слышал латинскую речь и осязал отвратительные запахи их тел. Он чувствовал жар их кожи и прохладу, идущую от мраморных плит, колонн и статуй, украшавших это место. Он все еще не поднимал головы. Ему не нужно было рассматривать римлян. Туссело и без того знал выражения их лиц. Перед его мысленным взором всплывали сморщенные щеки старых женщин и задранные кверху длинные носы сенаторов. Он видел, как мимо мелькали бедра матрон, волосатые торсы молодых мужчин и фигуры игравших детей.

Он сжал пальцами пряжку, которая крепила плащ на шее. Туссело еще не был готов расстегнуть ее. Он понимал: после этого действия в его жизни изменится все, что только можно изменить. Он не чувствовал страха, хотя и ожидал его. Впрочем, он не ощущал и ненависти, копившейся в нем столько лет. Туссело поражался тому, что каждый новый вздох наполнял его ликующей радостью. Впервые в жизни он чувствовал, что нашел свое место в мире. Конечно, вред, нанесенный ему Римом, никуда не делся. Его нельзя было исправить и забыть. От него невозможно было убежать. С ним можно было только встретиться лицом к лицу и очистить его кровью до полного забвения, до полной потери памяти. Здесь речь не шла о поражении. Наоборот, он находил в этом истинное откровение о природе своего рабства. Он понимал, что препятствием на пути к свободе являлась его собственная смерть. Пройдя ее, он разорвет все кандалы и цепи, так крепко сковывавшие его.

То был мистический момент — такой, который нужно почитать молитвами и подношениями. Он вытащил копьё из-под туши кабана. Шлепнув мула по крупу, Туссело посмотрел, как тот уходит. Его по-прежнему никто не замечал, но перемена назревала. Он расстегнул металлическую пряжку

и, сорвав плащ с плеч, подбросил его в воздух. Затем Туссело вошел в толпу людей.

— Рим! — крикнул он на латыни. — Как ты будешь жить без моего черного сердца, которое так долго билось для тебя?

Он ударил себя кулаком по груди, подчеркивая сказанное. На миг все картины мира, окружавшие его, замедлились до неподвижности. Ветер унес обрывки фраз, смех оборвался до полного молчания, его плащ опустился на камни, сотни римлян повернулись к нему. Он сжал копьё двумя руками, слегка присел и напрягся, как леопард на охоте. Его неистовые, широко открытые глаза следили за каждым движением. Он уже видел солдат, бежавших к нему со всех сторон.

Хорошо, подумал он. Великолепно. Туссело больше не будет рабом.

* * *

К своему изумлению, Магон обнаружил, что солнце стало черным. Вот почему он остановил скакуна, повернулся и посмотрел на небесное светило. Он не мог отвести от него глаза. Черный круг притягивал его к себе, и Магон падал в него, словно в глубокий колодец. Неважно, что вокруг ярилась битва. Римляне, догонявшие их несколько дней, внезапно выскочили из засады, и мощная сила трех легионов ударила по его отрядам со всех сторон. Он вытер с лица чужую кровь. Она хлестала из воина, стоявшего рядом. Кто-то срубил голову несчастному парню, и он превратился в кровавый фонтан. Адъютант прокричал, что им нужно отходить, но в то мгновение ни одно из обстоятельств не было настолько важным, как черное солнце.

Он услышал голос, окликавший его по имени. Настойчивый, хриплый и близкий к уху шепот проник в его мозг сквозь грохот сражения. В тот же миг, как будто раненый этими словами, конь Магона задрожал. Генерал почувствовал, как но-

ги животного подогнулись. Он вдруг понял, что полетит сейчас на землю через голову скакуна. Но его взгляд по-прежнему был прикован к солнцу. Вместо того чтобы пришпорить вставшего на дыбы коня, Магон повернулся в сторону. Он увидел, как солнце злобно улыбалось ему через черный круг. Лошадь рухнула на землю. Удар о грунт привел его в чувство. Он увидел пилум, торчавший из груди скакуна. Конь сучил ногами в предсмертных судорогах. Магон попытался встать и вдруг понял, что его нога зажата под животным от пятки до самой промежности. Его поразило, что он не чувствовал боли, хотя и ощущал вес лошади, прижимавший ногу к острому ребру скалы.

— Магон? Генерал? Ты должен сейчас же проснуться...

Он схватил человека за ворот и сказал, что давно уже не спит. Ему придавило ногу. Он попросил о помощи. Но человек не помогал. Тогда Магон изогнулся и отпихнул от себя коня. Лошадь неестественно вывернула шею и посмотрела на него глазами побитой собаки — с обидой и разочарованием. Магон оттолкнул коня свободной ногой и встал, чтобы вернуться к битве. Но что случилось? Он не увидел своей армии и даже говорившего с ним человека. Вместо этого он стоял один среди полчища врагов. Они окружили Магона и нацелили в него копья, похожие на торчащие длинные пенисы. Их шлемы отражали сияние черного солнца. Внезапно он почувствовал вкус вина во рту. Противный вкус. Омерзительный запах. Он впитывал его в себя при каждом вдохе, и ему казалось, что кровь становилась такой же, как вино. Возможно, его уже пронзили копьями. Он посмотрел на грудь, чтобы найти там раны, и пережил момент смущения, когда его зрение смазалось и потемнело до черноты. Догадавшись, что его глаза закрыты, он попробовал поднять тяжелые веки.

Одна картина мира скрывала под собой другую. Он увидел над собой лицо мавра по имени Джадир. Тот был его капита-

ном. Джадир поднес мех к губам Магона и попытался влить в них вино. Генерал отклонил голову и обругал человека.

— Прости меня, — сказал мавр, — но мы не знаем, что делать с тобой. Только вино приводит тебя в чувство. Врач пропал. Наверное, его схватили римляне. Нам обещали прислать мазь с одного из кораблей.

Пока рот мужчины шевелился, оформляя слова, мир вокруг Магона увеличился в размерах и принял более прочную форму. Джадир сидел под низким деревянным потолком, и плавные движения его головы свидетельствовали о качке корабля в открытом море. Магон смутно чувствовал присутствие других людей, но ему не хотелось разговаривать с ними. Он с трудом фокусировал взгляд на лице одного человека. Тело казалось растянутым в пространстве и невесомым. Он мог бы забыть о нем, если бы не тошнотворный запах и сильная пульсация в жилах.

— Где я? — спросил он.

Магон знал, что уже задавал этот вопрос и получал на него ответ. Но он не помнил слов Джадира.

— Мы плывем в Карфаген, — сказал мавр. — Сейчас ночь. Вахтенный недавно сообщил, что мы прошли Элерию на Корсике. Он видел огни. Наш корабль находится сейчас в открытом море. Прости, что я разбудил тебя, но нам нужно принять решение. У нас нет врача, однако каждый, кто видел тебя, убежден, что ждать больше нельзя. Клянусь богами, нам хотелось бы доставить тебя сначала на родину. К сожалению, если ничего не сделать, мы не успеем довести тебя живым.

Несмотря на нараставшее давление, которое сжимало и отпускало его тело, Магон понимал все слова, которые произносил человек. Он просто не знал, что они обозначали. В них не было смысла.

— О чем ты говоришь?

Джадир отшатнулся. Ноздри его широкого носа расширились и затем расслабились. Гладкая коричневая кожа, не тронутая бедами прожитых лет, шелушилась на носу и лбу.

— О твоей ноге... Мой друг, твою ногу нужно отнять.

Магон вообще не понял его заявления.

— Говори яснее! Я не понимаю тебя.

Его слова опечалили Джадира.

— Рядом с Генуей римляне взяли нас в кольцо, — сказал он. — Они разогнали наших слонов. Ты упал с коня и сломал ногу...

— Генуя?

— Это город на севере Италии. Наш план был смелым, генерал, но у нас ничего не получилось...

Джадир продолжил свой рассказ, но ум Магона уловил лишь последнюю фразу. Она принесла с собой весь ужас нынешней ситуации. Одной яркой вспышкой он вспомнил несколько прошедших месяцев. Оставив Иберию, Магон отправился на Балеары и при высадке услышал весть о смерти Гасдрубала. Она шокировала его почти до ступора, но позже заставила действовать с еще большей настойчивостью. Он провел несколько трудных недель, убеждая островитян присоединиться к его армии. Он заверил их, что Римская империя уже на грани уничтожения. Магон внушал им, что высадка их войск на севере Италии завершит неминуемый разгром. К ним присоединятся лигурийцы и галлы. Они двинутся на противника с севера, а Ганнибал — с юга. Их армии возьмут Рим в клещи и раздавят его, словно жирный прыщ, сжатый острыми ногтями. Прекрасная метафора, но балеарцы бросились в его объятия только после того, как он пообещал добавку к обычной плате за сезон, хотя в прежние дни их отцы и деды довольствовались посулами вина и женских ласк.

Посреди зимы к острову причалило несколько транспортных кораблей. То были мавры, запоздало ответившие на его приглашение и приплывшие к нему, чтобы предложить себя

в качестве наемников. Они были любимцами африканских богов — черные подобия отважных галлов. Эти крупные, гибкие и высокие люди выделялись длинными пальцами на руках, мосластыми суставами и черной гладкой кожей, выглядевшей, как промасленное красное дерево. Магон приступил к обучению солдат. Формируя новые отряды, он убеждал себя, что Гасдрубал остался жив. Брат просто одурачил римлян, выполняя один из тайных планов Ганнибала.

Однако эта вспышка энтузиазма, подобно другим порывам души, возникавшим за время войны, оказалась недолгой. Прибыв в лигурийский край, Магон столкнулся с прохладным отношением. Лигурийцы и галлы встречали его презрительным пыхтением, граничившим с прямым оскорблением. Позже он узнал, что оба народа недавно пострадали от римского возмездия за свою поддержку Карфагена. Два легиона оборудовали в их краю укрепленный лагерь и всю весну и раннее лето совершали кровавые набеги на племена. Лигурийцы и галлы сердились на карфагенян. Они гневались на покойного Гасдрубала и утверждали, что Ганнибал намеренно отказывал им в помощи. Кроме того, Магон приплыл слишком поздно. Лето заканчивалось, а в зимние сезоны галлы обычно не воевали.

Магону снова пришлось прибегнуть к искусству обольщения. Задача затруднялась тем, что римляне не давали ему покоя. Они преследовали его, совершали внезапные нападения, перекрывали выбранные маршруты и не подпускали к крупным галльским поселениям. Римляне сжигали деревни, которые он недавно навещал, и уничтожали людей с такой яростью, что вскоре ни одно племя уже не хотело встречаться с ним. Он приносил им только беды, а от Ганнибала не приходило никаких вестей. Вскоре Магон получил подтверждение о гибели Гасдрубала. Изменив свои планы, он решил отступить и отправиться в рискованное плавание на юг, чтобы высадиться вблизи от армии Ганнибала.

Однако перед тем, как он смог выйти в море, его окружили три армии, только что прибывшие в Лигурию. Он не понимал, как римлянам удавалось собирать и обучать все новые и новые легионы. И его поразила отвага, с которой они атаквали его. Обстоятельства не позволили ему уклониться от битвы, и его пятнадцать тысяч солдат вступили в бой. Они находились так близко к побережью, что Магон чувствовал запах моря. Но ему пришлось воевать — в значительном меньшинстве и с воинами, переживавшими упадок духа. Во время сражения, когда он выкрикивал приказы, пилум вонзился в грудь его лошади. Конь встал на дыбы, как во сне, а затем упал на землю, прижав ногу Магона к острому выступу скалы. На этом сходство с кошмаром закончилось. При падении он сломал бедренную кость. Боль ворвалась в тело с жутким воем. Несколько солдат воспользовались пиками и перевернули лошадь. К сожалению, кто-то из них поспешил. Солдат потащил его раньше, чем лодыжка освободилась из-под туши убитого коня. Мышцы бедра сократились, сломанная кость вспорола плоть и выскочила наружу. Когда его несли с поля боя, она цеплялась за все и вся. В рану попали волосы коня, мусор, грязь, обломки веток, листья и кровь других людей. Каждое соприкосновение с руками солдат, носилками или какими-то предметами вызывало конвульсии боли.

Он провел два жутких дня в рыбацкой хижине на берегу. Затем к нему явился гонец с приказом от совета старейшин. Его отзывали в Карфаген. С момента отплытия он находился в трюме корабля — в непрерывной болевых судорогах, в лихорадочном бреде, в моче и крови, промочивших тюфяк на кровати. Сильный жар затуманивал рассудок. Чтобы вывести его из бреда и уменьшить боль, люди поили Магона вином. В мгновения ясности он понимал, что Ганнибалу тоже приказали покинуть Италию. Проклятый Публий Сципион перенес войну на африканский берег.

Все это вернулось к нему после слов Джадира о поражении в битве. Вспомнив вид своей раны, он не захотел смотреть на нее. Боль снова терзала Магона, став центром его бытия. Она поднималась от левого бедра до самой головы и пульсировала в такт сердцу, посылая через тело горячие волны. Он заметил, что Джадир оставил его на какое-то время, а затем вернулся. С ним пришел другой мужчина — тоже мавр. Он сжимал в руке меч, похожий на боевой серп иберийцев. Но в отличие от иберийского оружия мавританские мечи были гораздо тяжелее и толще. Ими можно было срубить головы или рассекать торсы от плеча до грудины. Увидев взгляд Магона, мавр смутился и спрятал клинок за спину.

Джадир протянул Магону чашу из тыквы.

— Пей. Это целебный настой моего народа. Он не уменьшит твою боль, но заставит тебя забыть о ней. Моему другу пришлось сплавать за ним на другой корабль. Поверь, мы все желаем тебе добра.

Магон взял чашу дрожащими руками и с трудом приподнял голову. Ему удалось влить в рот почти всю жидкость. Остальная часть, скользя по подбородку, потекла по складкам шеи. Смесь была горькой и густой. Кусочки семян и листьев цеплялись за зубы и липли к небу. Тем не менее напиток принес с собой прохладу. Он был лучше, чем вино. Когда его голова упала на подушку, Магон поверил, что настой действительно поможет ему. Если только боль позволит дышать, он найдет в себе тихое место... И тогда все будет хорошо. Он уже чувствовал присутствие этого покоя, которое распространялось по комнате и наполняло воздух невидимыми пузырьками. Баркид закрыл глаза и попытался прислушаться к их шороху, но слова Джадира помешали ему сосредоточиться.

— Этого парня зовут Калиф, — сказал мавр. — Он сильный человек. Все будет сделано быстро и мастерски. Два-три удара, больше не потребуется. Он специально наточил клинок...

Магон покачал головой и прошептал, не открывая глаз:

— Не делай этого.

— Другого выхода нет.

— Я сказал, не делай этого.

— Мы пережмем артерию, чтобы остановить кровотечение. Рана убивает тебя. Нижняя часть ноги уже мертва. Ты должен жить. Пойми, Магон. Твоя рана гниет. Она съедает тебя заживо. Дай нам выполнить то, что нужно. Я не могу привезти в Карфаген твой труп, не сделав ничего для твоего спасения.

— Нет, уходи. Ты должен подчиниться приказу...

Магон не стал заканчивать фразу. Усилия истожили его.

— А солнце было черным, — прошептал генерал.

Он понимал, что его слова звучали странно. Но ему хотелось объяснить свои чувства, пока это было возможно.

— Никто и не спорит, — деликатно ответил Джадир. — Я не смотрел на солнце, но на свете всякое бывает.

— Как глаз зверя перед убийством, — добавил Магон.

После этого он почувствовал какую-то завершенность. Мир тихо шипел вокруг него, и боль теряла свое значение. Магон решил немного поспать. Он слышал, как Джадир говорил с другими людьми. Кто-то сказал, что им нужно выполнить желание генерала. Другие голоса настаивали на том, что ампутация ноги могла спасти жизнь командира. Магон не участвовал в споре. Какое-то время он пытался следить за разговором, но его ум дрейфовал, не задерживаясь долго на чем-то одном. Он вспомнил старика, который подметал ступени, ведущие в зал карфагенского совета. Наверное, этот человек уже умер. Несмотря на частые встречи, Магон за всю жизнь не сказал ему и пары слов. Хотя в юности он иногда бросал ему монеты из сострадания и слушал, как старик бубнит беззубым ртом сердечные благодарности. Почему он думал о человеке, которого почти не знал? Почему не вспоминал о Ганнибале, о Гасдрубале и Ганноне, о сестрах и мате-

ри? Он не помнил слов, которые говорил ему старик. Возможно, этот человек был ветераном прежних войн. Возможно, в его фразах была та мудрость, которая могла бы успокоить сейчас Магона. Но он забыл его слова.

Затем ему вспомнились кольца римских горожан, которые он привез в Карфаген после победы при Каннах. Как звонко они рассыпались по полу в зале совета. Возможно, старый ветеран присутствовал при этом событии. В тот момент Магон был ослеплен своей гордостью — своим участием в величайшей резне всех времен. Он вспомнил, как ухмылялся, глядя на кольца, катившиеся по каменным плитам. Теперь он сожалел о том веселье. Какое глупое самодовольство. Сейчас, оценивая все поступки, совершенные в жизни, Магон хотел бы убрать ту идиотскую ухмылку.

Внезапно он услышал голос Джадира.

— Он отъехал. Давайте сделаем это.

Мир вокруг пришел в движение. Он почувствовал на своем теле несколько пар рук, которые перемещали его то так, то эдак. Несмотря на закрытые веки, Магон знал, что Калиф уже поднял меч. Это сильно опечалило его. Ему не хотелось лишаться ноги. Когда клинок опустил в первый раз, Магону показалось, что его ударили дубиной. Почему лезвие было таким тупым? Второй удар ничем не отличался от первого. И третий, и четвертый. Мавры ничего не смыслят в ампутации, подумал он. И все это было бесполезно. Как бы ни старались его помощники, он видел, как смерть подходила к нему все ближе и ближе.

* * *

Многие генералы считали поставленную задачу невыполнимой. Отступление армии через наводненный войсками юг итальянского полуострова являлось не только трудной операцией, но и проверкой их лидера. Для такого марша потре-

бовалось бы все лето. При планировании маневров им следовало учитывать риски, связанные с оборонительными действиями. Генералы не верили, что они могут уложиться в месяц, отведенный им старейшинами Карфагена. Но, похоже, Ганнибал воспринял ситуацию как вызов, брошенный его мастерству полководца.

Конечно, командир устал сверх всякой меры. Он страдал от физических недугов, полученных во время войны. Он был психически истощен годами лидерства и духовно расколот гибелью братьев и друзей. Его почти исполненная мечта была отброшена назад силой обстоятельств. Он чувствовал себя так, словно земля притягивала его в два раза сильнее, чем прежде. Старая рана от копья терзала его фантомными болями. Казалось, что плоть все еще гноилась, а наконечник по-прежнему торчал из бедра. Его мысли замедлили ход. Идеи стали некрасивыми и неуклюжими. Они вращались в уме, переворачивались, путались и постепенно заполнялись пустотой. Отдых и покой уже не освежали Ганнибала. Усталость настигала его даже во сне, где он тоже вел бесконечные войны и совершал походы. В своих кошмарах он продолжал планировать маршруты в каких-то далеких странах. Сражения сливались друг с другом. Старые битвы и никогда не существовавшие конфликты бушевали в нем одновременно, создавая хаос, который не имел ни начала, ни конца.

Однако даже в этом состоянии он старался оставаться самим собой, выискивая каждый осколок прежней личности. Он все так же брался за невозможные дела и проявлял чудеса военного искусства. На численное превосходство противника он отвечал тактическим гением. Перемещая по Италии свои отряды, он использовал быстрые и неожиданные маневры. Марши проводились в ночное время по заранее разведанной местности. Несмотря на все старания, ни одна римская армия так и не смогла навязать ему бой и, тем более, заманить его войско в ловушку. Он брал у местного населения все

что мог. Его солдаты грабили склады и хранилища, отнимали зерно, скот, овощи и фрукты. Ганнибал велел своим людям не делать запасов, а питаться от души, набираясь здоровья и не гнушаясь никакими удовольствиями. Командир сказал им, что они вряд ли вернутся в эту страну. Но взамен он обещал солдатам новые битвы, для которых им понадобятся силы.

Он не знал, какие отряды ожидают его в Африке. Командир хотел привезти с собой как можно больше солдат. Он живописно расхваливал галлам богатства, которые карфагенский народ гарантировал им за помощь в войне. С другой стороны, командир предупреждал их, что они, оставшись одни на враждебной земле, окажутся вдали от родины без кораблей и без надежды на благополучный исход. А ведь рядом было так много карательных легионов. Подобным образом он напоминал жителям Кампании, что война, по большому счету, принесла большую пользу их городам. В поселениях Лакании и Ибрутии Ганнибал произносил восторженные речи о дружбе между их народами. Он завлекал крестьян сказочными обещаниями, в то время как его солдаты насильно забирали мужчин из их семей и домов. Ему нужны были люди — хотя бы для того, чтобы поставить их в первых рядах перед ветеранами. Пусть римляне тупят о них свои мечи. Он вытряхнул из итальянского «сапога» все что только мог. Встретив в Кротоне корабли, присланные Карфагеном, армия Ганнибала покинула латинский полуостров.

Поздней осенью, уложившись в срок, отведенный советом, он высадился у Малого Лептиса. Карфагенские власти ожидали его, однако не желали впускать армию в город. Они выслали ему навстречу погонщиков с семьюдесятью восемью слонами. Издалека это зрелище было приятным на вид, но вблизи оказалось, что большая часть животных представляла собой необученную молодежь, которая ни разу не принимала участия в боях. Вандикар смотрел на них с поджатыми

губами. В конце концов он сказал, что ему потребуется три месяца для их минимального обучения. Ганнибал дал ему три дня, после чего они направились к Гадрументу. Там он присоединил к своей армии двенадцать тысяч воинов, служивших под началом Магона. И там же, узнав о смерти любимого брата, командир погрузился в еще один колодец печали. Не имея времени на исследование его глубин, он отложил тоску в дальний угол ума, чтобы вернуться к ней позже.

Прочитав подробные донесения совета, Ганнибал ознакомился с ситуацией и впечатляющими успехами врагов. Подчинив Цирту и ее окрестности, Публий и Масинисса двинулись на восток и, пройдя по равнинам, без труда захватили Гиппо Региус. Отдохнув там неделю, Публий направил разведчиков на холмы Нарагары — вероятно, для найма дополнительных массилиотских отрядов. Затем его армия осадила Утику с суши и с моря. Совет старейшин направил туда войско, собранное из горожан и сил нескольких гарнизонов. Им велели атаковать врага с тыла, пока легионеры проводили осадные работы. Печальная ошибка. Масинисса напал на них с фланга, как будто предвидел подобный маневр. Карфаген потерял около четырех тысяч воинов, многие из которых принадлежали к аристократическим семьям. В погоне за бежавшими частями войска римляне захватили Тунис, оставшийся без гарнизона. Оттуда римский консул смотрел через бухту на будущую цель. Обстановка в Карфагене была тревожной и нервной. К Сципиону хотели послать гонцов с просьбой о мире. Однако весть о прибытии Ганнибала вновь наполнила старейшин надеждой, и они передумали вести переговоры с Публием.

Сципион не стал тратить время на торг с карфагенским советом. И он не захотел атаковать Карфаген. Вместо этого римский консул повел армию на юг и, разоряя окрестности, прошел по широкой долине у реки Баград. Каждое поле, оставшееся за его спиной, чернело пеплом пожара. Все го-

рода и деревни, оказавшиеся на его пути, были разграблены и сожжены, а их население подверглось карательной резне или попало в рабство. В Тугге римляне бросали трупы в реку до тех пор, пока вода не стала красной. Ее русло походило на большую вену, по которой струилась кровь континента. Когда жители Аббы послали к консулу делегацию, чтобы обсудить условия мирной сдачи города, Публий отрубил людям руки и отправил их обратно с сообщением, что никаких условий, кроме капитуляции Карфагена, он принимать не желает. В Кемисе римляне повторили зверства, чинимые на равнинах. Легионеры сгоняли жителей в соломенные хижины и сжигали их заживо — всех от мала до велика, не жалея ни детей, ни стариков. Тех людей, которые чудом выбегали за ограду поселений, римляне брали в рабство или подвергали изощренным пыткам.

Африканцы не понимали, почему этот белый демон уничтожал их с лютой яростью. Но Публий все рассчитал. Он использовал жестокость с такой же дальновидностью, как и свою щедрость в Иберии. Ганнибал знал, какую цель преследует римский консул, поскольку он сам использовал такую тактику в Италии. Консул не питал зла по отношению к африканской бедноте. Подобно ему, Ганнибал тоже не считал латинские народы своими врагами. Однако, терзая людей, Сципион подталкивал совет к поспешным и необдуманным действиям. А старейшины, в свою очередь, принуждали Ганнибала к битве, не оставляя ему времени для пополнения армии и обучения новобранцев. Фактически он даже не успел адаптироваться к климату Африки.

Поначалу Ганнибал игнорировал глупые приказы совета. Он не бросался в атаку, как того хотелось старейшинам. Ему удалось договориться с ливийскими ташаенами, из рода которых происходил Сифакс. Они жаждали мести. Их лидеры направили Ганнибалу три тысячи ливийских ветеранов. Это была бы большая поддержка для его армии. Но пока их от-

ряд находился в пути, из Карфагена пришел новый приказ. Старейшины требовали, чтобы Ганнибал направился на юг и уничтожил легионы римлян, пока те находились вдали от города. Если у него появятся сомнения по поводу данного приказа, сообщал совет, то пусть он вспомнит о своей семье, которая по-прежнему живет в Карфагене. В письме выражалась надежда, что Ганнибал не захочет подвергать своих близких какой-нибудь опасности — особенно жену и сына.

Прочитав письмо, Ганнибал закрыл здоровый глаз и помечтал о том, что случилось бы, если бы он повернул армию на Карфаген. Ему казалось, что он знает думы своего народа. Неужели его соотечественники были более подлыми, чем он представлял их себе? Возможно, они заслуживали наказания — в десятки раз серьезнее того, что получили бы от врагов? Но согласятся ли его солдаты на захват Карфагена? Наверное, да. Он напомнит им о многочисленных случаях, когда совет отказывал им в помощи. Или о том, как ими пренебрегали годами. Он скажет людям, что они, войдя в столицу, избавятся от старого гнилья и заменят его новой властью, которой смогут гордиться и которая обогатит их народ превыше всех трофеев, драгоценностей и рабов. Он разрушит старый Карфаген и построит новый. И этот сотворенный им город направит все ресурсы на борьбу, которая в конце концов приведет к поражению Рима.

К сожалению, это были только фантазии, а Ганнибал не очень любил тратить время попусту. Он знал, что война уже не вела их к победе: знал с того самого момента, как они ушли от стен Рима. Латинские народы пережили наихудшие беды, которые он мог приготовить для них, но, выстояв, их нация стала сильнее. Возможно, он до конца своей жизни будет гадать, как это случилось. Во всяком случае, Ганнибал еще не разобрался в событиях, приведших войну к такому завершению. Все те годы, которые он помнил, в нем жила вера, что его жизнь предназначена для победы над Римом. То, что про-

изошло, поставило цель жизни под сомнение. Он даже не верил, что сможет избавить Карфаген от Сципиона, поскольку ветер Фортуны давно уже не помогал ему. Он поспорил бы со старейшинами, если бы знал, что им сказать. Однако все разумные слова покинули его. Поэтому он склонил голову перед приказом совета и начал преследовать римлян.

Казалось, ничто в мире не тревожило африканских зверей сильнее, чем вид марширующей армии. Когда Ганнибал направился в долину Баграда, его войско гнало перед собой стада газелей, мчащихся по пыльному бездорожью. Страусы, оказавшись на пути приливной волны карфагенского войска, пугались настолько, что удирали на длинных ногах и хлопали бесполезными крыльями, пытаясь подняться в воздух, как другие птицы. Гиены лаяли на походную колонну, протестуя против продвижения людей в глубь страны. Они отбежали назад перед надвигавшейся армией, затем оборачивались и бросали ей вызов вибрирующей какофонией визга и лая, после чего вновь продолжали свое голозадое отступление. Однажды ночью Ганнибал проснулся от рева льва. То был грозный громогласный звук, который, казалось, заставлял дрожать сам воздух, через который он проходил. Командиру почудилось, что от его рыка заколебалась даже ткань палатки. Впрочем, в тусклом свете двух лампад он не мог убедиться в этом. Ганнибал подумал, что животное общалось с ним, подавая какой-то совет. К сожалению, он не понимал языка, на котором с ним беседовал лев.

Поскольку его армия не занималась грабежами и разрушением селений, она быстро нагнала римлян. У стен разбитого горшка несчастий, который некогда был торговым городом Сикка, Ганнибал послал нескольких солдат в разведку. Они вернулись через два дня и рассказали ему странную историю. Почти всех их поймали конные массилиоты. Когда воинов привели к Публию, один из его генералов по имени Лаэлий вынул меч из ножен. Солдаты ожидали привычной

судьбы для захваченных в плен разведчиков и думали, что им отрежут руки и языки, а затем отпустят на свободу. Но консул засмеялся и велел Лаэлию убрать меч подальше. Жестом руки Публий приказал помощникам развязать карфагенских солдат и, назвав их гостями, сказал, что если Ганнибалу хочется выяснить какие-то сведения о римской армии, то он сам им все покажет. После этого консул лично сопровождал их по лагерю и давал изумленным разведчикам время, чтобы они могли оценить количество людей, которых видели, — что они, собственно, и сделали.

Закончив доклад, разведчики смущенно потупились, словно хотели сказать нечто большее, но не могли набраться смелости.

— Что еще? — спросил Ганнибал.

— Прости меня, командир, — ответил один из ливийцев, — но Публий велел нам спросить тебя, могут ли его шпионы прийти в твой лагерь и осмотреть его для честного обмена информацией.

Ганнибал послал этого солдата обратно к римлянам. Он дал отрицательный ответ, но сказал, что хотел бы встретиться с Публием, чтобы обсудить с ним условия мирного договора. Не дожидаясь реакции консула, он продолжил подготовку к битве. Разведчики Махарбала изучали местность, разделявшую две армии, а Ганнибал, опираясь на их доклады, планировал расстановку отрядов. Вскоре стало ясно, что Публий выбрал для битвы широкую равнину к востоку от Замы. Это было правильное решение. Ландшафт идеально подходил для открытого сражения. Ни у одной из сторон не намечалось никаких территориальных преимуществ и возможностей для скрытых засад. Действительно честное место для поля боя. У Ганнибала не было повода для возражений.

Странно, но ему хотелось избежать этой битвы. Он чувствовал, как пальцы другого человека мягко подталкивали его в

спину и вертели им в разные стороны по своему желанию. В прошлом командир нашел бы способ, чтобы перехватить контроль над ситуацией. Но сейчас он не видел решения этой проблемы. Публий использовал те выгоды, которые Ганнибал имел в Италии. По этой причине командир и предложил переговоры. Совет Карфагена требовал, чтобы он уничтожил римлян. Но если старейшины поверят, что их единственный шанс на приемлемое окончание войны зависит от переговоров о мире, они возложат на него любые полномочия. Возможно, такой вариант и был необходим для двух сторон. Они встретятся, договорятся о завершении бойни, а затем он вернется домой и станет простым семейным человеком. Ганнибал направил к консулу второго посла.

Тем вечером, войдя в палатку, чтобы доложить командиру о согласии Публия на предложенную встречу, Джемел нашел его спящим за столом. Ганнибал сидел на стуле, вытянув вперед одну руку, словно хотел взять какой-то предмет. Секретарь окликнул его по имени, но, заметив упавшую голову и ровное дыхание, тут же умолк. Однако командир уже открыл глаза. Он не отшатнулся, не дернулся и не подал вида, что удивился появлению Джемела. Он просто поднял голову, повернулся к помощнику и посмотрел на него долгим взглядом.

— Я вспомнил, как целовал слюни на подбородке сына, — сказал Ганнибал. — На свете нет ничего более мягкого, чем щеки ребенка рядом с уголками губ. Мне хотелось бы снова поцеловать его. Но если я когда-нибудь увижу юного Гамилькара, то, наверное, даже не узнаю его.

— Узнаешь, — ответил Джемел. — Он твой сын. Мой первенец родился от турдетанки, но он все равно был моей точной копией.

Ганнибал нахмурился.

— У тебя есть ребенок?

Джемел кивнул.

— У меня их три. Два сына от турдетанки. Я не знаю их судьбы, но их мать надежная женщина. Они остались в Иберии. А моя младшая дочь родилась от брутианки. Они путешествуют со мной. К несчастью, девочка тоже похожа на меня.

Взгляд Ганнибала перемещался с одного предмета на другой. Однако командир был погружен в свои размышления.

— Как странно, — сказал он. — Почему мы с тобой никогда не говорили на эту тему?

— В наших беседах мы обсуждаем другие вопросы, командир. Более важные. И именно поэтому я пришел к тебе сейчас. Сципион согласился на встречу с тобой. Она может состояться завтра на поле боя между двумя армиями.

— Он согласен закончить наш спор не битвой, а словами? Джемел неловко пожал плечами.

— Я не могу судить об этом. Командир, с тобой все в порядке? Если хочешь, мы отложим разговор на утро.

Ганнибал поднялся из-за стола и подошел к секретарю. Он положил ладонь на плечо Джемела, мягко встряхнул его и устало улыбнулся.

— Ты спрашиваешь, все ли в порядке со мной? Мы прошли вместе долгий путь, и ты стал для меня таким же добрым другом, каким был Бостар. Я помню утро после Канн, когда ты занял его место. У тебя был встревоженный взгляд. Ты стоял очень прямо и докладывал мне отрывистыми фразами. Такими мгновениями может гордиться любой офицер.

— Некоторые люди утверждают, что я по-прежнему говорю в такой манере.

— Да, говоришь. Но я уже привык. Мне жаль, что мы редко беседовали как друзья. Это была моя ошибка. Ты примешь извинения от Ганнибала?

Джемел, смутившись еще больше, кивнул головой. Этот жест можно было принять и за согласие и за отрицание.

— Хорошо. Направь Сципиону мое подтверждение. Мы встретимся завтра. Для отсрочки нет причин.

В ту ночь Ганнибал спал как убитый. Проснувшись перед рассветом, он по привычке начал обдумывать речь, которую хотел произнести перед армией. Вскоре он понял, что ему не нужно было заучивать слова, пришедшие на ум. Командир чувствовал в них истину, а истину не репетируют. Приняв это решение, он расслабился и вышел из палатки, чтобы полюбоваться рассветом.

Силы Ганнибала спустились по склону холма и остановились на северной границе Замских полей. Перед ними простиралась широкая и плоская равнина, чья поверхность напоминала грубо обтесанный камень. Римская армия находилась на южном крае этого пространства. Легионы построились в боевые формации. За шахматным строем когорт поднималось несколько холмов, похожих на стадо зебр, галопирующих по континенту. Ганнибал вышел вперед и зашагал к врагу без оружия и без охраны. Даже Священный отряд не сопровождал его. Сзади шагал один только переводчик. Этот египтянин, искусный во всех языках Средиземноморья, тоже не имел оружия. Ганнибал не хотел брать его с собой, но таким было условие Публия, с которым ему пришлось согласиться.

Сципион направился к нему таким же образом — одинокая фигура на фоне огромной массы людей. Рядом с ним шел переводчик. Какое-то время из-за искажений, вызванных волнами зноя, эти два человека выглядели очень маленькими, но когда они приблизились к стульям, заранее поставленным посреди бесплодного поля, их рост и пропорции пришли в порядок. Ганнибал, недовольный тем, что зрение сыграло с ним шутку, начал разговор довольно резко — еще до того, как они сели.

— Мы не сможем говорить спокойно при таком ослепительном свете, — сказал он на латыни. — Ты не против, если

я позову одного раба с опахалом? Даю слово, что он придет без оружия.

Публий явно не ожидал ни таких слов, ни тона, ни языка. Ему потребовалось время, чтобы скрыть удивление.

— Зови кого хочешь.

Ганнибал велел своему переводчику привести раба, после чего два полководца сели на стулья под небольшим углом друг к другу. Их разделяло не больше трех шагов. На Публии были офицерские доспехи. Бронза выпуклой нагрудной пластины блестела свежей полировкой — почти оттенками золота. Пустые ножны крепились к алой ленте, пересекавшей торс наискось. Над шлемом поднимался пышный плюмаж из конского волоса, выкрашенный в тот же цвет. Оценив юный возраст соперника, Ганнибал воздал хвалу богам. Перед ним был молодой человек! Широко расставленные глаза, острый нос и тонкие губы, плотно сжатые от ожидания, — не слишком симпатичное лицо, не такое свирепое, как у Марцелла в миг его смерти, и не злобное, как у многих римских пленников. Впрочем, даже при полном спокойствии в нем чувствовался сильный интеллект.

Ганнибал понял, что пора начинать разговор. Он так и сделал, открыв рот и высказав на латыни свои давние мысли.

— Странно видеть тебя так близко, — произнес африканский командир. — Я воевал против твоего отца и многое знал о твоём дяде, но никогда не встречался с ними, как с тобой сейчас. И я не боялся их, как тебя. Публий Сципион! Победитель Иберии... победитель равнин... Я так много слышал о твоих подвигах, что ожидал увидеть человека, зацелованного богами или демонами. Воина с огнями смерти в глазах. Но в тебе этого нет, и ты моложе, чем я думал.

Ганнибал повернулся и посмотрел на переводчика, который привел с собой раба. Обнаженный мужчина — судя по белой коже, амбрианец — снял с плеча две большие пальмовые ветви, используемые для создания тени. Он опустил древ-

ки опалил на землю, прижал их к торсу и наклонил таким образом, чтобы тени упали на обоих полководцев. Ганнибал пожалел о том, что беседа велась на латыни. Это предполагало ненужное убийство раба, поскольку амбрианец обязательно поймет и запомнит их слова.

Почувствовав прохладу, Ганнибал продолжил разговор со Сципионом:

— Фортуна много лет питала ко мне благосклонность. Когда я вторгся в твою страну и начал выигрывать битву за битвой, она стала взимать с меня плату за это. Сначала она забрала мой глаз, затем увела с собой лучших друзей и товарищей и позже отняла у меня братьев... одного за другим. Я никогда не проигрывал в открытых сражениях, но, к сожалению, Фортуна не дала мне окончательной победы над твоим народом. Теперь, когда я решил поговорить с римским консулом и завершить войну мирным договором, она вновь проявила свою доброту, направив меня к тебе, а не к кому-нибудь другому. По крайней мере, мне лестно общаться с тобой. И разве это не странно? В первой битве я сражался с твоим отцом, а в последней могу встретиться с его сыном.

Командир сделал паузу. Публий — возможно, не намеренно — кивнул, признавая странность сложившейся ситуации. Он вежливо слушал африканца, но изгиб его губ указывал на то, что запас терпения уже иссякал. Ганнибал улыбнулся. Публий тоже мог рассказать ему о своих потерях, однако он не захотел признавать общее сходство их судеб. Ганнибал молча одобрял это упрямство.

— Я говорю с тобой начистоту и прошу от тебя того же самого. Никто не узнает о нашей беседе. Здесь нет свор богачей, которые правят нашими странами. Мы сами можем решить вопрос об окончании войны. Давай отложим гордость в сторону и обсудим проблему разумно. Мне такой подход приятен, потому что у меня почти не осталось гордости. Но, судя по твоему взгляду, ты еще не прошел тех уроков, которые война по-

казала мне. Ты похож на того меня, каким я был у Требии, у Тразимена и при Каннах. Молодые люди домогаются побед, а не мира. Я знаю это по себе. Такова разница между старыми и молодыми воинами. Но если завтра мы столкнемся в битве, то ни ты и ни я не выйдем победителями. Мы с тобой сыновья Фортуны. Как кто-то из нас может превзойти другого? Возможно, ты даже погибнешь. Это будет настоящей трагедией, потому что ты зашел очень далеко. Прислушайся к моим словам, и давай закончим войну сегодня — без новых потерь, исчисляемых тысячами судеб. И так уже умерло слишком много храбрых солдат, которые шли за нами в бой. Остальные заслуживают жизни. Зачем им погибать на этом поле завтра?

Ганнибал тяжело вздохнул и продолжил:

— Я предлагаю тебе мир. Мы можем завершить войну сегодня же. Клянусь, я приложу все усилия, чтобы совет Карфагена одобрил это решение. Рим может оставить себе все, ради чего я начинал эту кампанию. Сицилия останется вашей. Сардиния и все острова между нашими странами. Кроме того, я аннулирую любые притязания на наши бывшие владения в Иберии. Эта богатая и прирученная нами страна станет частью вашей империи. Мой народ ограничит себя африканским континентом. Мы не будем отстраивать флот и нападать на римские владения. Мы не будем возражать против неизбежной экспансии Рима, которая с каждой новой провинцией делает вас еще сильнее. Карфаген усмирит свои амбиции. Оставь мой народ в покое — в привычной для нас простоте, — и взамен мы перестанем доставлять беспокойство Риму. Вот что я предлагаю тебе, Публий Сципион.

Римский консул выслушал его, ничем не показав своего отношения к произнесенным словам. Когда Ганнибал замолчал, Публий осмотрел его долгим взглядом. На его висках и бровях проступали капли пота. Они накатывали друг на друга и скользили вдоль волос под нижнюю челюсть, оставляя после себя влажные полосы.

— Ты ошибся насчет моего характера, — наконец сказал Публий. — Я не считаю себя непобедимым. Мне всегда казалось, что ты можешь одолеть меня на поле боя, но сейчас, глядя на тебя, я вижу, что поражение окутывает твою голову, как женский платок. Ганнибал, ты для меня был и будешь учителем. Однако я не могу принять твои условия. Я не царь своего народа, а только его представитель. И я знаю, что сенаторы не примут того мира, который ты предлагаешь. Перед твоим возвращением в Африку я начал вести переговоры с советом Карфагена. Возможно, тогда я мог бы согласиться на выдвинутые тобой условия, но не теперь, когда твои старейшины перестали общаться со мной и послали тебя сделать за них всю грязную работу.

— Если условия были честные в ту пору, то они остались такими и сейчас, — возразил Ганнибал. — Мир не мог измениться за две-три недели.

Публий склонил голову набок и с вызовом посмотрел на Ганнибала.

— Ты просил меня говорить честно. Так знай! Я верю, что если наши армии сойдутся в сражении, я разобью тебя.

— Другие тоже так думали, — ответил Ганнибал.

— Тем не менее во мне живет такая уверенность. И еще я думаю, что твоему народу нельзя доверять, каким бы ни был мирный договор. Если Карфаген удержит контроль над Африкой, то завтра вы снова станете богатыми, а послезавтра захотите возобновить войну с Римом. Я заключил союз с Массиниссой Массилиотским. С его помощью я разделался с Сифаксом и узнал этот край. Он теперь царь Нумидии и добрый друг Рима. Как видишь, у меня появились здесь союзники, интересы которых я должен учитывать при заключении мирного договора. Если ты хочешь выслушать мои требования, то они таковы. Карфагену будет позволено жить по своим обычаям и законам. Но вам придется отказаться от всех владений и земель вне ближайших окрестностей вашего города. Вы вер-

нете Масиниссе все территории, некогда принадлежавшие его предкам. Вам будет запрещено воевать с кем-либо без разрешения Рима — в Африке и в других местах. Мы заберем ваши корабли, транспортные суда и обученных слонов. Тренировать новых боевых животных вы больше не сможете. Кроме того, на Карфаген наложат штрафные санкции. Я не знаю точной суммы. Она будет подсчитана позже, и вы будете выплачивать контрибуцию около пятидесяти лет, если не больше. Вам придется вернуть всех пленников, рабов и дезертиров...

— Как долго ты будешь продолжать этот список? — спросил Ганнибал.

— Лично я заберу с собой сотню заложников из детей твоего народа. Из знатных семей старейшин, генералов и даже одного от Баркидов.

Раб слегка изменил позу — то ли от усталости, то ли от последних слов консула, которые он только что услышал. Его грудь блестела от пота. Время от времени, теряя сцепление с кожей при мягких движениях рук, перемещавших опахала, капли пота падали на песок. Ганнибал смотрел на темные точки, остававшиеся после них на земле, и усмирял свой гнев. Хотя он сохранил бесстрастный вид, последнее требование едва не вывело его из себя. Ему пришлось конвульсивно вдохнуть и медленно выдохнуть перед ответом.

— То, что ты предлагаешь, неприемлемо. Старейшины казнят меня, если я принесу им такие условия. Они никогда не согласятся на подобные требования. Их ненависть к Риму горит, как яркий огонь. Похоже, ты ищешь не мирных соглашений, а предлог для...

Ганнибал позволил фразе повиснуть в воздухе. Моргнув здоровым глазом, он продолжил свой ответ:

— Я вижу, дело не в условиях. Неужели ты настолько глуп, что привносишь в политику личную месть? Она не вернет тех, кто погиб. Она лишь опозорит их память. Значит, мы будем решать наш спор в грохоте оружия?

Публий усмехнулся — без особого веселья, но с мрачным юмором.

— Неужели Ганнибал начал презирать войну? В моей стране никто не поверит этому. Конечно, я привношу в наш спор личную месть! Война стала для меня личным делом с тех пор, как твоя нога ступила на итальянскую землю. Ты ведь знаешь, что с тобой сражались не только римляне. Причинив вред одному латинскому народу, ты превратился в нашего общего врага. Я с радостью сражусь с тобой в завтрашней битве. И если я погибну, мое место займет другой. А ты можешь сказать то же самое?

Ганнибал промолчал.

— Мы все ходим под смертью, — продолжил Публий. — Тот, кто думает иначе, просто тешит себя иллюзией. Если бы я не знал тебя, то подумал бы, что ты недооцениваешь нынешнюю ситуацию. Результат этой войны предрешен. Ни один шторм не отвратит победу от Рима. Ты знаешь это. Мы сразимся завтра только для того, чтобы решить, на каких условиях сдаваться Карфагену — на честных и справедливых или не очень. В любом случае Рим победит.

Ганнибал поднес руку к лицу и сжал подбородок. Его пальцы скользнули выше, прижав дрожащее веко слепого глаза.

— Тогда мы обманем ожидания людей, которые пошли за нами.

Консул поднялся на ноги и с усмешкой ответил:

— Один из нас точно обманет их ожидания.

* * *

На следующее утро Ганнибал не стал подбадривать армию вдохновляющей речью. Он не нашел поощрительных слов, которые бы не использовал прежде. Ему не хотелось, чтобы его фразы оказались обманом простых солдат. Если бы командир мог говорить с ними честно, он попросил бы их сра-

жаться храбро и без оглядки — не ради награды, а для продолжения карфагенской истории. Сражаться во имя того, чтобы позже кто-то смог остановить войну. Сражаться, чтобы затем покинуть поле боя и вернуться по своим домам. Сражаться, чтобы семья Ганнибала не превратилась в римских пленников. Это был такой же важный повод, как и предыдущие. Публий говорил ему правду. Война стала их личным делом. Но командир не желал признаваться в этом армии.

Когда Ганнибал поднялся на командный пункт, расположенный на склоне холма за спинами солдат, он даже не был уверен, что его армия действительно принадлежит ему. В уме крутилась унылая мысль, что у него осталось лишь несколько доверенных офицеров. Первую линию фронта, состоявшую из галлов, балеарцев и лигурийцев, возглавлял генерал по имени Гасдрубал. Но то был только тезка его брата. Вторую линию командир собрал из ливийцев, мавров и балеарцев, оставшихся от войска Магона. Среди них виднелись отряды африканских рекрутов. Он узнавал их по цвету кожи, но почти не помнил имен офицеров. В третьей линии стояли его ветераны — карфагенские и ливийские пехотинцы, прошедшие с ним сверху вниз по Италии. К сожалению, их осталось меньше, чем ему хотелось бы. Этим несокрушимым ядром командовали Мономах, Исалка и Имко Вака. Ганнибал был благодарен им, но сейчас ему не хватало тех, кто ушел в мир иной. Он уже не видел ни одного из своих братьев, хотя их судьбы переплелись неразрывными нитями. Они делили одну кровь, одни и те же чресла, один и тот же мир, одно и то же материнское молоко. Но теперь их больше не было с ним, как не было и Бомилькара, с его нестигаемой силой, как не было Бостара, с его невероятным умом и памятью. На правом фланге расположился отряд карфагенской кавалерии, но ими командовал не Карфало, а другой человек. И как бы сейчас пригодился грек Силен, который раньше нашептывал в

его ухо похабные шутки? Он даже не мог призвать к темным чарам Мандарбала, поскольку жрец покинул его в Гадрументе и направился в Карфаген для выполнения священных ритуалов. Он чувствовал себя одиноким и отстраненным от своих солдат. Мечта его жизни уже перестала соответствовать их желаниям. Они сражались под его командованием ради победы над врагом, а он хотел мира и покоя.

Впрочем, приступ меланхолии в день битвы не принес бы пользы. Он снова взглянул на поле и осмотрел позицию врага, выискивая детали, которые могли бы потребовать изменений в его собственной тактике. Римская формация была типовой: широкая передняя линия пехотинцев в три манипулы глубиной, затем ряды ветеранов и далее резервные триарии. На западном фланге размещалась итальянская кавалерия, ведомая Лаэлием — доверенным другом Сципиона. Восточный фланг состоял из контингента нумидийцев, которым командовал Масинисса. Ганнибалу показался странным шахматный порядок в размещении манипул, но он оставил его без глубокого анализа.

При виде врагов, пошедших в атаку, он выпрямил спину. Когда копейщики начали обмениваться залпами дротиков, ему показалось, что он уже переживал этот момент в своей жизни. Сцена боя имела разительное сходство с прежними сражениями. Ганнибал и раньше наблюдал за такими перемещениями масс, и каждый раз ему удавалось менять ход битвы на свой лад. Возможно, он снова сделает это. Две армии были приблизительно равны по численности — около сорока тысяч воинов в каждой. Многие из его бойцов участвовали в сражении впервые. Некоторые из них не знали Ганнибала и не совсем доверяли ему. Но каждый из них понимал, что стояло за победой или поражением. И в основе всего был серьезный стратегический план. Ряды солдат располагались с особым умыслом; каждый отряд играл свою роль, тайно на-

значенную Ганнибалом. Слоны, которых он разместил на передней линии, от небольшого дуновения Фортуны могли создать перевес в самом начале сражения.

Поймав уголком глаза какое-то движение, он обратил на него внимание. Пока копейщики обменивались залпами, кавалерия на правом фланге во главе с Махарбалом устремилась вперед и вскоре перешла на полный галоп. Изумленный Ганнибал повернулся к сигнальщику и прокричал смущенному воину, чтобы тот протрубил приказ о прекращении атаки. Но он уже знал, что никакие сигналы не помогут. Ему пришлось отменить свое распоряжение и дать другое указание. Трубочка передал сигнал, который успокоил армию: ситуация не изменилась, сообщал им командир; не нужно ломать ряды и отступать; все под контролем. Ганнибал снова посмотрел на отряд Махарбала. Он подумал, что вспыльчивый генерал решил осуществить какой-то хитроумный план. Но командир не видел смысла в его атакующем маневре, и он не понимал, почему Махарбал не рассказал о нем на военном совете.

С римской стороны навстречу коннице Махарбала помчались нумидийцы Масиниссы. Два отряда сближались с такой скоростью, словно хотели врезаться друг в друга на полном скаку и разорвать противников в клочья. Но в последний момент — прямо перед столкновением людей и коней, зубов, копыт и копий — обе группы всадников развернулись и слаженным движением поскакали бок о бок, вообще не сражаясь, а наоборот, сливаясь, как две реки, в одно течение. Даже с расстояния Ганнибал услышал их улюлюканье, слетавшее с перекошенных подбородков. И тогда он все понял. Махарбал и его люди перешли к Масиниссе — к их царю. В этом была логика. Они были массилиотами.

Ганнибал отдал новые приказы. Он оттянул часть карфагенской кавалерии на левом фланге, отвел ее за армию и приказал занять освободившуюся позицию. Это был правильный

ответ, но, наблюдая за маневром, командир с трудом приходил в себя от потрясения. Тот факт, что он не предугадал грядущего предательства, ошеломил его. Ганнибал так долго сражался вместе с Махарбалом, что не учел перемен его симпатий после прибытия в Африку. Это была непростительная ошибка огромного масштаба. Таких промахов он прежде не допускал. Но у него не было времени на подобные размышления. Римляне продолжили атаку.

В ответ командир велел ввести в сражение боевых слонов. Когда они двинулись вперед, он отдал приказ передней линии приготовить копья. Ему было трудно управлять новобранцами на расстоянии, но он хотел заставить их выпустить хотя бы один залп снарядов в ту брешь, которую слоны пробьют в римских рядах. Однако прежде чем трубач успел дать условный сигнал, Ганнибал пережил второе потрясение за это утро.

На полпути к легионерам многие из слонов остановились как вкопанные. Другие, дрожа от страха, трясли головами и меняли направление. Звук пришел чуть позже, поэтому Ганнибалу потребовалось время, чтобы услышать взрыв звуков, встретивший слонов. Римляне, все как один, создали невообразимую какофонию. Почти каждый солдат передней линии нес с собой трубу или горн. Легионеры дули в них что было мочи. Остальные воины кричали в унисон по особым сигналам, подаваемым когортам, поэтому их рев пульсировал и перебегал с одного края войска на другой. Многие из них били мечами и копьями по щитам, по нагрудным пластинам и шлемам. Слоны, особенно молодые, никогда не слышали такого шума. Они не понимали, что за зверь к ним приближался и с какой стороны.

Как только первые слоны подошли на расстояние броска, сотни пилумов полетели в них, вонзаясь между глаз животных, попадая в уши, в открытые рты, впиваясь в тела, когда гиганты побежали. Многих из слонов охватила паника. Они

повернулись и помчались прочь, добавляя свой безумный рев к беспорядочному грохоту. Около тридцати животных взломали вражеские ряды, но за ними их встретили широкие проходы между плотно сбитых манипул. Вот что было странного в шахматном порядке. Отряды располагались таким образом, чтобы часть их могла уйти в стороны с пути слонов. Они просто располагались в линии. Не встречая преграды, слоны бежали по траекториям минимального сопротивления и, как их ни убеждали погонщики, они выбирали проходы, а не скопления людей. Некоторых животных намеренно загоняли туда пиками и копьями. В них летели камни, дротики и пилумы — причем в таком количестве, что слоны спотыкались и падали, ревели и вопили. Слезы капали с их длинных ресниц. Шкуры были утыканы стрелами, словно подушки для иголок. Более смелые солдаты начали подходить к ним, доставать до боков и выдергивать копья, чтобы использовать их еще раз.

Пока на римской стороне солдаты расправлялись со слонами, карфагенское войско понесло свои первые потери. Несколько слонов вернулись с поля и помчались назад через ряды пехотинцев. Они топтали людей, словно большие валуны с ногами и хоботами. Слева четыре слона рассекли строй кавалерии, вызвав там полное смятение. Масинисса тут же воспользовался этой ситуацией. Его конница возникла в пыльном кильватере слонов и атаковала карфагенских всадников, сгоняя их с поля боя. Последовав его примеру, Махарбал и Лаэлий напали на конные отряды, защищавшие правый фланг карфагенской армии. Отвлекая нумидийцев, конница Ганнибала поскакала наискось к северу. В следующий час кавалерия не играла большой роли в сражении.

Римляне вновь двинулись к первой оборонительной линии противника. У них почти не осталось снарядов, но Ганнибалу не удалось извлечь из этого выгоды. Его отряды рекрутов не метали копья залпами, как он надеялся, а старались по-

пасть в отдельные цели — причем с малым успехом. В конце концов легионеры приблизились к ним и начали кромсать, пронзать, блокировать удары и снова кромсать, блокировать и пронзать тела неопытных воинов. Ударами щитов они сбивали противников с ног и убивали их мечами. Племенные отряды Ганнибала пытались сражаться с ними различным образом, однако они не могли противостоять безжалостному единообразию римского штурма. Пока галлы размахивали длинными мечами, римляне вонзали копья в их голые торсы, рассекали связки на ногах и срубали головы упавших на колени воинов. Юркие лигурийцы сражались очень хорошо на близкой дистанции. Короткие мечи мелькали в их руках. Они приподнимались и приседали, делая в водовороте движений высокие и низкие выпады. К сожалению, смертельные удары были у них редкостью. Многие африканцы умело сражались копьями, но каждый из них бился в одиночку, а на них шла непроницаемая стена хорошо обученных легионеров.

Ганнибал не удивился, когда его первая линия начала дробиться. Сначала дрогнул один солдат, затем еще несколько, и, далее, большая группа воинов отступила ко второй защитной линии. Они надеялись выйти в тыл армии для отдыха. Но внезапно солдаты обнаружили, что вторая линия не пропускает их, несмотря на крики, ругань и негодование. Их встречали мрачные лица. Копья и мечи сдерживали напор. А затем римляне вновь напали на них сзади, и им пришлось продолжить сражение. Таков был приказ командира. Нечестный и предательский? Да! Но обстоятельства не позволяли другого выбора.

Довольно долго римляне бились, стоя на трупах солдат первой линии. Ливийцы, мавры и балеарцы из армии Магона сражались со свежими силами и отчаянным задором. Очень дисциплинированные, они на какое-то время остановили продвижение легионеров. Но как река собирает силы и

в конце концов прорывает дамбу, так и инерция римского войска прогнула вторую линию. Когда она сломалась, солдаты с изумлением поняли, что им тоже не позволят отступить. Третья линия не пропустила их с той же непоколебимой суровостью, с какой они отбросили своих предшественников. Они погибли в сражении, упираясь спинами в стену копий своих соратников.

Когда римляне столкнулись с ветеранами, Ганнибал подумал, что может переломить ход битвы. Уставшие легионеры в первых атакующих рядах буквально выкашивались ливийскими ветеранами. Его офицеры проводили медленное отступление, заманивая римлян на полосы трупов. Они заставляли противника карабкаться на кучи мертвецов, поскользываться на лужах крови и спотыкаться о трупы. Огромный урон, наносимый пехотинцами Ганнибала, заставил дрогнуть легионеров. Во всяком случае, он изменил коллективную психологию солдат.

Однако Публий видел эти перемены не хуже Ганнибала. Он отозвал своих людей назад. Несмотря на кровавую ярость, они услышали его приказ, переведенный на язык горнов. Более того, они беспрекословно подчинились ему. Легионеры отходили организованным строем, высоко поднимая ноги и осторожно переступая через мертвые тела, оружие и внутренности. Они производили перегруппировки, передавали друг другу команды и находили свои места в строю. Солдаты уплотняли ряды, переводили дыхание и протирали глаза от пота и сочащейся крови.

Когда они снова пошли в атаку, их манипулы выглядели так, словно битва только что началась. Обе армии столкнулись с громким лязгом — щит о щит, броня о броню. Ветераны встретили их как равных, с таким же вооружением и адекватными приемами. Это столкновение послало вибрирующий звук во всех направлениях, как будто сотни горных козлов одновременно вступили в поединки с другими самцами. На-

чиная с этого момента между обеими сторонами было полное соответствие. Каждый воин танцевал со своим противником злобный танец смерти. Казалось, что армии пожирали друг друга. Ганнибал не видел всей картины боя. Пыль застила поле. Брызги крови взлетали вверх и падали вниз, как темный дождь. Однако, судя по общему упорству масс и по ровному шуму битвы, он мог сказать, что исход сражения еще не был предрешен. Где-то там свирепый Мономах жертвовал жизни врагов ненасытному Молоху. Исалка со смехом подбадривал курчавых гетулийцев. Имко показывал магию боя. Возможно, боги благословят этого красивого парня и вновь вознесут его в лучах славы как героя битвы. Возможно, если они продержатся достаточно долго, консул отзовет своих людей назад. Он побоится сесть на мель в глубинах Африки, оставшись с горсткой воинов, не способных защитить его. Каждое проходящее мгновение увеличивало шанс того, что оба полководца признают битву ничейной и разойдутся по-хорошему. И тогда, конечно, они с консулом достигнут соглашения о мире. Он даже даст ему немного больше, чем обещал. Этот вариант казался настолько возможным, что Ганнибал задумался о том, как лучше сбереечь своих ветеранов.

Но затем с запада донесся знакомый грохот копыт. Склон холма скрывал происходящее от командира. Звук нарастал и нарастал, поглощая его внимание и захватывая другую сторону холма. Внезапно, почти в один и тот же момент, отряды всадников оседлали возвышенность на западе и появились из пологого оврага на востоке. Оценив их скорость, удаль и количество, Ганнибал тут же понял, что обе конницы принадлежали врагу. Его кавалерия, скорее всего, была уничтожена. Их появление решило исход битвы. Сначала Масинисса, а затем Лаэлий и Махарбал подвели тысячи воинов к флангам карфагенской армии и атаковали ветеранов со всех сторон. Пехотинцы разворачивались, чтобы встретить их копьями,

но это было напрасной тратой сил. Перед своим возвращением нумидийцы подобрали оружие павших воинов. У каждого из них было по десятку дротиков, и они метали их с дальнего расстояния. Не подъезжая близко к пехотинцам, они на спор поражали снарядами ливийцев и карфагенян. Всадники кружили перед таявшим войском Ганнибала и бросали копья. Они шутили, смеялись и метали дротики, убивая героев Карфагена.

Когда некоторые из них заметили стоявшего на склоне Ганнибала и повернули к нему своих коней, командир понял, что медлить больше нельзя. Часть его души хотела броситься в бой и встретить там свой конец. Перед ним находились тысячи воинов, жаждавших пролить его кровь. Рука Ганнибала потянулась к мечу. Он сделал несколько шагов вперед. Но даже в своем невезении и в горечи поражения он вспомнил о долге перед нацией и семьей. Такая безответственная смерть была бы трусостью. Поэтому, вняв просьбе Священного отряда, Ганнибал покинул поле боя. Их отдохнувшие кони оставили преследователей далеко позади и быстро помчались по африканской пустоши к северному горизонту.

* * *

Через четыре дня он прибыл в Гадрумент. Остановившись там для краткого отдыха, командир направил в Карфаген корабль с посланником. Он известил совет о своем поражении и о том, что везет с собой предложение окончания войны. Ганнибал предлагал старейшинам уступить и принять условия Рима. Он советовал им подготовиться к трудным и унижительным переговорам.

Затем он снова отправился в путь. По какой-то причине, которую командир не мог объяснить даже самому себе, он решил пойти в Карфаген пешком. Что бы Публий ни планировал дальше, последствия победы должны были задержать

его на несколько недель. Ганнибал не желал торопиться. Он хотел совершить свое последнее путешествие без суеты и спешки. Командир шел по дороге, не оглядываясь на воинов Священного отряда, которые следовали за ним. Их осталось только пятнадцать. Проходя мимо любопытных зевак, собиравшихся у обочины дороги, Ганнибал слышал обрывки фраз и изумленный шепот.

Кто-то называл его по имени и клялся другим, что узнал великого полководца по профилю, отчеканенному на монете. Но остальные люди отвечали, что этот человек не может быть Ганнибалом. Посмотрите на его всклокоченную бороду, говорили они. Посмотрите на его левую сандалию, которая при каждом шаге хлопала по пятке. Нет, это просто обнищавший ветеран какой-то старой войны — человек, долго живший в южной пустыне и, естественно, давно обезумевший от одиночества.

А как же его глаз, спрашивали другие. Он был одноглазым, как Ганнибал. И он носил офицерскую одежду. Кроме того, его охранял Священный отряд! Разве не так? Разве вы не видите? Они задавали вопросы охранникам, но те отказывались отвечать. Сначала воины разгоняли любопытных селян. Однако их число возрастало, и Священному отряду становилось все труднее обеспечивать покой командира.

Проходя мимо полей, фруктовых садов и сельских ландшафтов, Ганнибал неспешно шагал по дороге в авангарде возроставшей толпы. Теперь люди уже знали, что он действительно является легендарным полководцем, возвращающимся домой с вестями, которые предвещают будущее их нации. Эти новости, судя по его виду, не были хорошими. На второй день Ганнибал остановился у реки, где слегка перекусил и напился воды. По пути он пил воду только из потоков, через которые переходил вброд или по мостам. Несмотря на усталость, которая чувствовалась даже в мышцах его рук и ног, он не останавливался на ночь. Командир игнорировал сон и

продолжал идти вперед, теряя многих спутников. Впрочем, в середине третьего дня они снова нагнали его. На следующую ночь все это повторилось заново. Теперь он был настолько близок к Карфагену, что толпы любопытных людей пришли из города, чтобы встретить его. Они кричали ему приветствия, шептали молитвы и задавали вопросы. Какая их ожидала судьба? Неужели на них падет гнев Рима?

Неподалеку от Карфагена его нагнал Мономах. Он не успел омыться и очистить свои доспехи. Пыль и грязь покрывали каждый дюйм его тела. Кровь по-прежнему сочилась из малых ран, засыхая на коже и одежде. Он выглядел как труп, который имитировал движения живого человека. Генерал отчитался перед Ганнибалом о последних мгновениях битвы. Он назвал имена нескольких офицеров и описал их судьбу. Ему и небольшому отряду пехотинцев удалось прорвать кольцо римлян. Только им и повезло остаться живыми.

— Боги обещали убить нас когда-нибудь позже, — с усмешкой сказал он.

Мономах тоже считал, что римляне вскоре начнут марш на север, но им потребуется пара недель, чтобы добраться до стен Карфагена. Когда он закончил рассказ, Ганнибал отвернулся от него. На самом деле он почти не слушал генерала. Командир продолжал идти вперед. Какое-то время Мономах ехал рядом с ним. Затем, словно получив озарение свыше, он спросил, нужна ли Ганнибалу лошадь.

— Путь быстрее проходит в седле, — сказал он. — Если мы хотим победить Сципиона, нам лучше поспешить.

— Война окончена, — ответил Ганнибал. — Единственным сражением, оставшимся на мою долю, будет битва за мир.

То были его первые слова, слетевшие с иссохших губ за несколько дней.

— Молох ненавидит мир, — напомнил Мономах.

— А я ненавижу Молоха, — огрызнулся Ганнибал. — Он твой бог, а не мой. И я никогда не почитал его.

Ошеломленный, разгневанный и напуганный богохульством генерал рывком остановил коня и замер на месте, глядя на толпу людей, которая обтекала его. Ганнибал продолжал идти. Поздним утром он замедлил шаг, любуясь видом родного города, высотой и шириной его стен, величием Бирсайского холма, на вершине которого Элисса объявила эту часть Африки землей, благословенной богами. Интересно, что сказала бы финикийская царица, если бы она знала, чем закончится ее высадка в этом краю?

В середине дня он шел по узкому проходу в огромной толпе собравшихся горожан. Молодые люди толкались, занимая места в первых рядах. Сельские труженики бросали свои дела. Женщины из низших слоев общества следили исподлобья за каждым движением Ганнибала и в то же время удерживали взгляды опущенными вниз. Жрецы поглядывали на него из-под капюшонов, скрывая лица от света дня. Рабы и дети тыкали в командира пальцами. Старики и старухи приветствовали его по древнему обычаю, опускаясь на колени и склоняя к пыльной земле свои сморщенные лбы. Торговцы продавали пищу и воду в тыквенных бутылках. Даже собаки выглядывали из-под ног людей и тоже проявляли свое любопытство.

Ему было радостно и печально видеть так много разных лиц, отличавшихся по виду и оттенкам кожи, так много людей, рожденных в этой стране и привезенных в нее вопреки своей воле. Он видел африканцев с черными короткими завитками волос; карфагенян с красивыми темными локонами, похожими на волны; и европейцев с прямыми волосами, напоминавшими чистый шелк. Это был его народ, собравший в себя все нации мира.

Несколько раз из толпы выходили советники. Они с важным видом приближались к нему. Их мантии развевались на ветру. Строгие лица свидетельствовали о высоком ранге. Ганнибал молча проходил мимо них — не от злости, а от неже-

лания общаться. Он мог поговорить с ними позже. Сначала ему хотелось выполнить другое дело.

Он увидел фигуры, стоявшие на стенах города. Еще одна толпа собралась перед пологим склоном, ведущим в Карфаген. Он спокойно смотрел на них, пока не увидел поднятый штандарт со львом Баркидов. Где-то там находилась его семья. Он остановился у подножья гранитного склона и, прищурив единственный глаз, попытался улучшить фокус зрения. Среди фигур он увидел мать, одетую в пурпурную мантию. Ее волосы были собраны в сложную прическу, возвышавшуюся над головой. Рядом с ней стояла Сапанибал. Ее рука покоилась на плече мужчины, имени которого Ганнибал не помнил. Кажется, какой-то друг отца. Ему потребовалось время, чтобы в толпе домашних слуг найти Имилце. Она тоже встречала его, и перед ней стоял мальчик. Ее руки покоились на плечах подростка. Хотя он ничем не напоминал того двухлетнего крепыша, которого Ганнибал пять лет назад оставил в Новом Карфагене, командир понял, кем был этот мальчишка. Подумав немного, он повернулся к одному из воинов Священного отряда и послал его с сообщением, адресованным матери и жене.

Затем он стоял и ждал, прислушиваясь к неистовому стучу сердца. Ганнибал попросил воды, и кто-то принес ему кувшин. Он пил, но жажда не исчезала. Ему казалось, что он только раздувается от воды. Командир со злостью швырнул кувшин на землю. Подняв голову, он увидел охранника, который вел к нему мальчика. Ганнибал мог только смотреть. Он удивлялся тому, как быстро они приближались. Прошло одно мгновение, и они были уже перед ним. Охранник подтолкнул мальчика вперед и сказал:

— Командир, это твой сын Гамилькар.

Человек отступил в сторону, и отец, чувствуя слабость в коленях, шагнул к ребенку. Гамилькар изменился и вырос. Он стал высоким, стройным и прекрасно сложенным, как

того хотел Ганнибал. Он носил светло-зеленую одежду из восточного шелка, на котором синими нитями была вышита птица, с крыльями, украшенными золотыми крапинками. Мальчик стоял, опустив руки по бокам. Эта поза подчеркивала линию его ключиц и узость плеч. Ганнибал различал под тканью контуры его тела. Ему хотелось положить ладони на плечи сына. Уши подростка выдавались в стороны и выступали из-под волос, обрамлявших кудрями лицо. Локоны вились, словно только соскользнули с пальца. Многие черты казались совершенно незнакомыми. Ничто не походило на прежнего Маленького Молота. Ганнибал подумал, что ему придется запоминать их по-новому. Все, кроме глаз... Большие ясные глаза ребенка соединяли в себе мать и отца: коричневые в центре и серые у внешнего обода. Они таились под сильной линией коричневых бровей — почти как у него, хотя их форма принадлежала Имилце. Мальчик был великолепен.

Любуясь сыном, он испытал немислимый взрыв чувств от того, что случилось дальше. Нижняя губа ребенка начала дрожать. Его подбородок расслабился и конвульсивно опустился вниз, словно невидимые крохотные существа стали подергивать его за нижнюю челюсть. Ноздри расширились, брови изогнулись, и мальчик неожиданно заплакал. Ганнибал вдруг понял, какое зрелище увидел его сын. Пока он оценивал красоту ребенка, тот смотрел на ужасного зверя — на людоеда, с открытым ртом и одним глазом, с волдырями на коже и с потрескавшимися губами. Он выглядел для сына чудовищем, с большими руками, израненными в битвах, с рубцами на костяшках пальцев, с невымытыми волосами, торчавшими в стороны, словно грива умиравшего льва, с растрепанной бородой, усыпанной крошками и грязью. Кровь миллионов солдат пятнала его. Он, наверное, настолько пропах запахом смерти, что никакая ванна не смогла бы очистить его от этой вони. Нависая над мальчиком, он бросал на него тень, более зловещую, чем у Молоха. Ганнибал протя-

нул руку к сыну, желая донести до него свою доброту. Но мальчик отпрянул от него и отступил на полшага.

— Не надо, не плачь, Маленький Молот. Не плачь. Я... Я твой отец, вернувшийся к тебе. Наша разлука закончилась.

Лицо мальчика сморщилось и стало походить на маску страдания. Слезы полились по его щекам. Ганнибал обнял сына одной рукой и попытался погладить его по волосам. Он почувствовал, что ребенок начал упираться. Его тело напряглось, и рыдания усилились. Гамилькар изогнулся, словно тянулся к кому-то за помощью и спасением. Ганнибал зашагал по дороге. Одной рукой он прижимал мальчика к себе и шепотом просил его не плакать. Он говорил с ним мягко и тихо, стараясь облегчить страх ребенка. Отец пытался убедить своего сына, что он не был таким демоном, каким казался.

— Не нужно плакать, — вновь и вновь повторял Ганнибал, говоря одновременно правду и ложь.

Он сам не знал, чего здесь было больше. И все это время его взгляд тянулся к Имилце. Он безмолвно просил у нее прощения и считал шаги, которые отделяли их друг от друга.

ЭПИЛОГ

Эрадна неустанно благодарила своих богинь за милость, оказанную ей. Она ушла от войны. Сцены смерти преследовали ее в кошмарах, но они больше не вплетались в ткань повседневного бытия. Она нашла свой остров, который знала только по названию. Приплыв сюда, Эрадна встретила с остатками семьи ее отца. Дядя почти не помнил брата, но он и несколько кузин приняли ее радушно и без досадных вопросов, как будто по воле магических сил. Парни из деревни смеялись над ее странным акцентом, однако Эрадна чувствовала, что им нравилась ее компания. Они помогли ей построить хижину из камней и глины, с деревянной крышей и глиняной черепицей. В загоне у дома она развела персидских курочек. Эрадна помогала своей новой семье собирать урожай олив, ухаживать за фисташковыми деревьями и чинить рыбацкие сети деревенской флотилии. Неподалеку от нее жил старик, переехавший на остров из города. Он предложил ей выращивать вместе с ним съедобных соев. Забота о тихих и робких зверьках, похожих на белок, доставляла ей радость. Она любовалась их дрожащими носиками, выпуклыми черными глазками и неописуемо мягким мехом. Конечно, все они со временем шли в кипящий горшок или каждую неделю продавались живыми на рынке, но ей все равно было приятно ухаживать за новорожденными малышами,

держат в руках безволосых деток и наблюдать за их ростом. Никто на острове не пытался грабить или насиловать ее. Тот запас золота и драгоценных вещей, которые Эрадна привезла с собой, на самом деле оказался ненужным. Тем не менее она на всякий случай закопала его глубоко под земляным полом своего жилища. Ее осел тоже приплыл с ней на корабле. Она отпустила его на волю в ближайших холмах, однако животное снова пришло к ней, не желая расставаться с доброй хозяйкой. Разве это не было счастьем?

Да, но не совсем. Вот почему каждый день с момента прибытия Эрадна карабкалась на развалины стены в самой верхней точке острова. Первые несколько раз она поднималась на утес по козьей тропе, но вскоре этот путь показался ей слишком извилистым. Поздней осенью она протоптала свою собственную тропинку вверх по оврагу, из которого ей приходилось подниматься по очень крутому склону — почти на четвереньках. Зато она сразу попадала на гребень скалы, по которому шла до самых развалин. Учитывая расстояния, которые она преодолевала в обозе, эта прогулка казалась ей легким упражнением для ног и почти не выжимала пот из ее тела — не важно, каким жарким был день. Козы, жевавшие траву на склонах, наблюдали за ней скептическими взглядами. Эти непокорные животные с большими животами и гузнами неодобрительно подергивали ушами, словно обсуждали друг с другом ее неуважение к проторенным тропам. Эрадна иногда говорила им, что думает об их козлиной жизни, но на самом деле она радовалась компании мирных животных и понимала, что ее ежедневные визиты на холм граничили с абсурдной глупостью.

Попадая в лабиринт древних развалин, она обретала душевный покой. Остатки белых стен когда-то были частью особняка афинского чиновника, которого сослали на остров из-за политических интриг. После его смерти здание сожгли и разрушили — Эрадна не знала, по какой причине. При стро-

ительстве дома на склоне не хватало плоского места под фундамент, поэтому его основание извивалось вдоль нескольких террас. Каменные стены проступали и исчезали в растительности, как будто архитектор, питавший страсть к ландшафтными проектами, решил слить свое творение с природным окружением. И все же, несмотря на большие размеры здания и его необычное расположение, оно выглядело странно современным.

Конечная точка ее прогулок была одной и той же. Эрадна поднималась на пик утеса, который вздымался над разрушенным поместьем. Здесь, под древними оливами, на зернистой почве, трескавшейся под ее сандалиями, она медленно поворачивалась и производила круговой обзор лазурного моря, которое тянулось вдаль во всех направлениях. В ясную погоду, преобладавшую на острове, Эрадна, как ей верилось, видела все корабли, проплывающие под парусами дневной путь. И именно за этим она приходила сюда снова и снова. Вместе с медленным угасанием осени и с приходом холодной зимы она ждала, когда появится нужное ей судно. Иногда она просто сидела на высокой скале и смотрела, как руки ветра касались пальцами волн. Она вспоминала ту первую встречу, когда на песчаном берегу реки близ Пикены увидела голого солдата с торчавшим фаллосом. Он словно упал к ней с неба. И Эрадна не уставала изумляться тому, как они снова и снова встречались в хаосе страны, объятай войной. Она вспоминала, как после великой битвы обмывала его обнаженное тело почти у самого поля боя. Ей по-прежнему не давали покоя странные рассказы солдата о его беседах с убитой девочкой. Она часто вспоминала, какие у него были нежные губы. Иногда Эрадна чувствовала стыд оттого, что рассталась с ним в гнев, назвав его глупцом, когда он сообщил ей о своем возвращении в Африку вместе с командиром. Но она не винила себя слишком сильно. Он действительно был глупцом. С этим ведь не поспоришь.

Однако Эрадна верила, что его судьба не была решена на поле боя. Вот почему она каждый день поднималась сюда и ожидала, когда на горизонте появится корабль с ее любимым на борту. Он приплывет к ней. Имко Вака еще раз найдет ее. Она не сомневалась в этом. Конечно, найдет. Ведь это была единственная возможность наполнить ее жизнь каким-то смыслом. Вот почему она верила в счастливый конец.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Мирный договор, заключенный после Второй Пунической войны между Римом и Карфагеном, формально действовал около пятидесяти лет. Через некоторое время, несмотря на выплаты ежегодной контрибуции, карфагеняне снова начали процветать. В 200 году до нашей эры Ганнибала избрали шофетом (или суффетом) — в основном при поддержке народа, уставшего от власти олигархов. За пять лет своего руководства Ганнибал провел несколько демократических политических и финансовых реформ. Однако старые заклятые враги в совете устроили заговор против него. Они сообщили римлянам, что он замышляет новую войну против них. Чтобы избежать римского плена, Ганнибалу пришлось бежать из города. Весь остаток жизни он как наемный генерал сражался в безуспешных войнах, которые велись против восточной экспансии Рима. Сначала он служил сирийскому царю Антиоху III, а затем Прусию I Вифинскому (Северная Турция). Именно в Вифинии, в возрасте шестидесяти четырех лет, Ганнибал принял яд и покончил жизнь самоубийством. Он устал от сражений и бегства. Говорят, что его последние слова звучали так: «Давайте успокойм встревоженных римлян, которые не могут дождаться смерти ненавистного им старика».

Однако даже после смерти Ганнибала Рим продолжал побаиваться мощи Карфагена. В 191 году до нашей эры совет

старейшин решил выплатить римлянам всю дань, назначенную им на следующие сорок лет. Такое богатство, вызвав беспокойство Рима, было воспринято как наглый вызов. В 149 году до нашей эры римляне вновь объявили войну ненавистному сопернику. Поводом послужил конфликт, возникший между Карфагеном и процветавшим царем Масинисой. Последовала трехлетняя осада, в результате которой город был взят измором. Почти все население, независимо от возраста и пола, подверглось тотальному уничтожению. Из семисоттысячного населения уцелело только пятьдесят тысяч человек. После досконального обхода домов и грабежей все великолепные дворцы и строения города были разрушены, сожжены и уничтожены. Карфагенская культура, литература, произведения искусств и обычаи систематически выкорчевывались из исторического наследия мира. Разрушив главного соперника, Рим продолжил создавать свою огромную империю.

БЛАГОДАРНОСТИ

За доброту и терпение, проявленные при чтении этого романа, я хотел бы поблагодарить Лафтона и Патрисию Джонстон, Ника Армстронга, Бет Джонстон, Джима Рэнкина, Джордона Элдретта, Хелен Харпер, Джеми Джонстона, Сорли Джонстона и Джейн Джонстон. Отдельное спасибо моей жене Гудрун, которая после правки книги оставила на страницах почти все, что там было. Я благодарен моим детям за веселые перерывы в рабочие дни. Причем особую признательность я выражаю сыну Сейджу, вдохновившему меня на создание одного из персонажей романа. Вы знаете, о ком я говорю. Спасибо моему литературному агенту Слоун Харрис за ее настойчивость. Я также благодарен издательским командам «Даблдей» и «Энкор» за их веру в меня — особенно Гарри Ховарду, Биллу Томасу, Стиву Рабину и Элис Ван Траален. Я очень признателен Деборе Ковелл, моему редактору, благодаря которой эта книга оказалась в ваших руках. Я также хотел бы оценить гостеприимство и поддержку преподавательского состава Бирнамского института. Они не только предоставили мне кресло и стол с видом на шотландскую природу, но также и хороший кофе. Основная часть этого романа была написана в том самом тихом углу у окна, откуда просматривались институтские сады.

Эта книга является плодом фантазии, и ее следует читать как роман. Меня вдохновили на нее реальные люди и события, но, чтобы собрать материал в достаточном объеме, мне пришлось посетить немало библиотек. Читатели, интересующиеся исторической основой романа, могут воспользоваться множеством достоверных источников, начиная с самых древних — Полибия и Тита Ливия. Среди современных текстов, которые мне довелось просмотреть, я рекомендовал бы вам следующие: «Учебник о жизни в Древнем Риме» Лесли и Роя А. Адкинса; «Пунические войны» Найджела Бэгнолла; «Ганнибал» Эрла Брэдфорда; «Пунические войны» Брайана Кавена; «Ганнибал: враг Рима» Леонарда Коттрела; «Канны» Грегори Дали; «Ганнибал» Теодора Айро Доджа; «Повседневная жизнь Древнего Рима» Флоренс Дюпон; «Кельтская империя» Питера Берресфорда Эллиса; «Саламбо» Гюстава Флобера; «Канны» Эдриана Голдсуорти; «Резня и культура» Виктора Хэнсона; «Сципион Африканский» Б. Г. Лиделл Гарта; «Ганнибал» Сержа Лэнсела; «Первая Пуническая война и война Ганнибала: военная история Второй Пунической войны» Дж. Ф. Лэзенби; «Война Ганнибала» Джона Педди; «Переход Ганнибала через Альпы» Джона Преваса; «Чернокожие люди в античности» Фрэнка М. Сноудена; «Военное искусство в классическом мире» Джона Гибсона Уорри; и «Армии карфагенских войн, 256–146 гг. до н. э.» Терренса Вайза.

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	9
Часть 1: Прелюдия	14
Часть 2: Гром Ваала	157
Часть 3: Конец войны	308
Часть 4: Танец для богов	447
Часть 5: Сыны фортуны	563
Эпилог	727
Историческая справка	731
Благодарности	733

Дэвид Энтони Дарем
ГОРДОСТЬ КАРФАГЕНА

Ответственный редактор *О. Клокова*
Выпускающий редактор *О. Юрьева*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *Л. Подъячева*
Корректоры *Н. Волохонская, Е. Николаева*
OCR - Давид Титиевский, июнь 2017 г., Хайфа

ООО «Издательство «Мидгард»
198020, г. Санкт-Петербург, Нарвский пр., д. 18.
URL: www.midgardr.spb.ru, E-mail: info@midgardr.spb.ru

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо», 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ООО «ТД «Эксмо»
E-mail: foreignseller@eksmo-sale.ru

International Sales: For Foreign wholesale orders, please contact International Sales Department at foreignseller@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг «Эксмо» в специальном оформлении обращаться в отдел корпоративных продаж ООО «ТД «Эксмо» E-mail: project@eksmo-sale.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»: Компания «Канц-Эксмо»: 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2, Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный), e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е. Тел. (812) 365-46-03/04. **В Нижнем Новгороде:** ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70. **В Казани:** ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46. **В Самаре:** ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70. **В Ростове-на-Дону:** ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 268-83-59/60. **В Екатеринбурге:** ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а. Тел. (343) 378-49-45. **В Киеве:** ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 537-35-52. **Во Львове:** ТП ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс: (032) 245-00-19. **В Симферополе:** ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153. Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и канцтоварами «Канц-Эксмо»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 745-89-15, 780-58-34.

Подписано в печать 29.03.2007.
Формат 60x90^{1/16}. Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 46,0.
Тираж 5 000 экз. Заказ 2224

Отпечатано в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Это была эпоха, когда в кровопролитной схватке вновь сошлись Запад и Восток – на сей раз республиканский Рим, уже мечтавший об империи, и могучий Карфаген, притязавший на господство в ойкумене. Это была эпоха, когда вершили историю, сражались, терпели поражения и побеждали такие выдающиеся полководцы, как Гамилькар Барка, Ганнибал, Фабий Кунктатор и Сципион, за свои достижения прозванный Африканским. Это была эпоха, когда Рим оказался на грани краха, будучи поверженным при Тразименском озере и при Каннах, – и все же сумел устоять и нанес торжествовавшему противнику сокрушительный удар. Это эпоха Пунических войн, оживающая на страницах монументального романа Дэвида Энтони Дарема.

ISBN 978-5-699-20391-8

9 785699 203918 >

И 95-00